

История Церкви

Николай Дмитриевич Тальберг

Об авторе

Об авторе

Тальберг Николай Дмитриевич (1886–1969). Родился 22 июля в мест. Коростошев близ Киева. Окончил в 1907 г. Императорское училище правоведения. Занимал ряд должностей на государственной службе. В эмиграции с 1922 г. Жил в Германии, в Югославии и в Австрии. В 1940-е гг. староста храма св. архистратига Михаила в г. Зальцбург и Свято-Покровской церкви в г. Парш (Австрия). Один из лидеров Высшего монархического совета. Постоянный сотрудник газеты (впоследствии журнала) «Отечество» (1921–1927). В 1950 г. переехал в США. Историк Церкви. Преподавал в семинарии при Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль. Скончался 29 мая (по ст. ст.). Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Творения: Церковный Раскол (Париж, 1927). Святая Русь (Париж, 1929. Джорданвилль, 1964). Месяцеслов русских святых (Джорданвилль, 1954). Русская Православная Церковь в Северной Америке (Джорданвилль 1955). Муж верности и разума: К.П. Победоносцев (Джорданвилль, 1957). История Русской Церкви (Джорданвилль, 1959). Отечественная быль (Джорданвилль). К сороколетию пагубного Евлогийанского раскола (Джорданвилль, 1966). История христианской Церкви (М., 1991, 2-е издание – М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 2000).

Часть 1

АПОСТОЛЬСКИЙ ВЕК

Тальберг Николай Дмитриевич (1886–1969). Родился 22 июля в мест. Коростошев близ Киева. Окончил в 1907 г. Императорское училище правоведения. Занимал ряд должностей на государственной службе. В эмиграции с 1922 г. Жил в Германии, в Югославии и в Австрии. В 1940-е гг. староста храма св. архистратига Михаила в г. Зальцбург и Свято-Покровской церкви в г. Парш (Австрия). Один из лидеров Высшего монархического совета. Постоянный сотрудник газеты (впоследствии журнала) «Отечество» (1921–1927). В 1950 г. переехал в США. Историк Церкви. Преподавал в семинарии при Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль. Скончался 29 мая (по ст. ст.). Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Творения: Церковный Раскол (Париж, 1927). Святая Русь (Париж, 1929. Джорданвилль, 1964). Месяцеслов русских святых (Джорданвилль, 1954). Русская Православная Церковь в Северной Америке (Джорданвилль 1955). Муж верности и разума: К.П. Победоносцев (Джорданвилль, 1957). История Русской Церкви (Джорданвилль, 1959). Отечественная быль (Джорданвилль). К сороколетию пагубного Евлогианского раскола (Джорданвилль, 1966). История христианской Церкви (М., 1991, 2-е издание – М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 2000).

Условия, благоприятствовавшие распространению Церкви

Ко времени пришествия Христа Спасителя в мир почти все народы тогдашнего политического мира соединены были в одно государство – **римское**. Рим назывался столицей всей вселенной. За несколько лет до явления Спасителя римское государство из республики превратилось в империю. Императоры обладали деспотической властью. Таковыми являлись и их представители в отдельных областях. Народ раболепствовал перед императорами. Резко отличалось имущественное и социальное положение высших классов. Особенно тяжелым было положение многочисленных рабов, которые в руках своих господ были не более, чем одушевленной вещью, которой те распоряжались по своему произволу.

Иудея, под управлением князей из фамилии **Маккавеев**, составляла ещё отчасти самостоятельное государство (167–63 гг. до Р. Хр.), находясь даже в дружественных отношениях с Римом. Но за 64 года до Р. Хр. произошел раздор в фамилии Маккавеев между братьями Гирканом II и Аристовулом II. Они обратились с жалобами друг на друга к римскому полководцу Помпею, находившемуся тогда на востоке. **Помпей**, после трёхмесячной кровопролитной борьбы, в 63 г. занял Иудею с Иерусалимом и положил конец независимости иудейского народа, заставив его платить дань Риму. Помпей предоставил Гиркану первосвященническое достоинство и титул народоначальника. Но на самом деле всем заведовал преданный римлянам идумеянин Антипатр, принявший иудейство, со своими сыновьями Фасаилом и Иродом. В 37 г., правя, после отца Антипатра, Ирод получил титул царя иудейского при содействии триумвира Антония. Последний Маккавей, Антигон, сын Аристовула, отправлен был в Рим и подвергнут бичеванию как преступник. Со вступлением Ирода на престол царская власть в Иудее отошла от колена Иудина.

Ирод, прозванный Великим, расширил пределы Иудеи, восстановил разрушенное государство, украсил Иерусалимский храм. Но народ его не любил за жестокость и введение в Иудее языческих обычаев и римских зрелищ. После смерти Ирода, последовавшей в первые годы по Рождестве Христовом, в Иудее начались волнения против римлян. В Иерихоне предводители разбойничьих шаек присваивали себе царский титул. Римский же император Август передал управление Иудеей детям Ирода, но они настоящей власти не имели. Все дела вершили римские

прокураторы, предоставляя иудейским царям пользоваться только титулом. Ревнителю национальной свободы под предводительством **Иуды Галилеянина** подняли восстание, которое было подавлено римскими легионами.

Ко времени пришествия Христа Спасителя иудеи жили и вне Палестины. Во время постоянных нападений на Иудею и её опустошений жителей брали в плен и расселяли среди других народов, так что не было страны, входившей в состав римского государства, в которой не было бы евреев. Там их положение было спокойнее, чем в Палестине. Благодаря своему предприимчивому характеру евреи занимались торговлей и промышленностью, приобретая богатства, а с их помощью – иногда независимость и привилегии. Особенно много евреев было в Александрии. Были они также и в Риме, куда попали в первый раз пленниками, при Помпее.

Истинного богопознания тогда не было ни у одного народа, за исключением еврейского. Понятия о едином истинном Боге и об отношении к Нему людей, которые проповедовала человечеству первобытная религия, в течение многих веков, прошедших после падения прародителей, утратились окончательно. Человечество успело создать свои религиозные системы, в которых сначала были заметны следы истинной первобытной религии. Но чем больше проходило времени, тем меньше оставалось истинных религиозных понятий. Люди всё более погружались в жизнь окружающей их природы и совсем потеряли представление о высшем духовном мире. Появились так называемые **языческие** религиозные системы, обоготворяющие природу, её силы и явления. Вместо единого Бога первобытной религии появились множество богов: небесные светила, стихии, геологические образования, разные животные, люди, чем-нибудь знаменитые, добродетели, пороки, страсти и т.п. Всё могло стать предметом обоготворения в язычестве.

В греко-римском мире, с которым христианская Церковь прежде всего соприкоснулась, господствующая языческая религия допускала обоготворение людей. Но основы этой религии начали колебаться, когда в греческом обществе просвещение развилось настолько, что не могло допустить веры в различные создания человеческой фантазии. Появились **философские системы**, поставившие своей задачей объяснить и постигнуть бытие мира и вещей. Философия подвергла народную религию критике и отвергла её. Взгляды философов стали распространяться среди народа, и в нём тоже появилось недоверие к богам. Такое отрицание прежних верований началось в Греции ещё за три века до Р. Хр., так что ко

времени появления христианства оно стало почти всеобщим. Народная религия терпела поражение. Народ уже не верил своим богам, хотя и исполнял религиозные обряды по привычке к старине и по привязанности к блестящим религиозным церемониям, удовлетворявшим его эстетические чувства.

То же случилось и с религией **римлян**. Народная римская религия, сходная с греческой, держалась до тех пор, пока Рим в своих завоеваниях не выступил за пределы Италии, особенно, пока не вошёл в столкновение с Грецией. Греки, побежденные римлянами, **подчинили их своему нравственному влиянию**. Они познакомили римлян со своим образованием, философией и передали свой взгляд на религию. Высшие классы прежде других переняли греческое образование; поэтому прежде всего среди них и пробудилось неверие к отечественным богам. Народ же последовал за образованными классами в религиозном отрицании: сценические представления, в которых высмеивались боги, подрывали в нём религиозные убеждения. Если и оставалось в народе нечто от религии, так это была только привязанность к обрядам и церемониям. Даже жрецы были заражены общим неверием. Римское правительство, заботясь о всемирном господстве, собрало в римском пантеоне изображения всех богов завоеванных народов. По этой причине римский народ охладил к собственной религии, и установилось убеждение, что можно придерживаться любой религии. Впрочем, правительство требовало сохранения древней народной религии, считая, что тогда сохранится и государство, основанное на ней.

Философия, подорвавшая народные верования, вместо них не могла дать ничего положительного. Одни философы – **эпикурейцы** – всю мудрость человеческую полагали в наслаждении жизнью. Другие – **стоики**, – проповедуя строгость жизни и равнодушие к её случайностям, заставляли искать успокоения в неизбежности всего совершающегося, в углублении человека внутрь себя; о божественном, высшем в этой жизни не было и речи. **Платонизм**, выработавший понятие о Высочайшем, Божественном Мироправителе, проповедовал зависимость человека от Него и общение с Ним признавал единственным источником освящения; но на этом и останавливался, не разъясняя, каким образом людям искать это общение. Так называемый **неоплатонизм**, отвергая все философские системы и религии, утверждал, что истины безусловной нет ни в одной из них, но проблески её можно найти во многих.

Все эти философские рассуждения не могли заменить человеку религии. Люди в сознании внутренней пустоты переходили от одной

философской системы к другой, не находя нигде удовлетворения своим религиозным исканиям. Масса народа философии вовсе не знала. При отсутствии же определённой веры люди бросались в противоположную крайность – суеверия. Перед пришествием Христа Спасителя в греко-римском мире особенно широко распространились тайные восточные культы, со своими гаданиями, волшебствами и пр. Вместе с падением религии пала и нравственность. Деспотизм императоров, наплыв в Рим богатств со всего мира, происшедшая отсюда роскошь и философия, проповедовавшая наслаждение, – все это содействовало падению прежней строгости нравов. Языческие писатели того времени единогласно отмечают упадок нравственности в мире. Ап. Павел яркими чертами изображает в Послании к Римлянам нравственное состояние Римского общества, говоря, что оно полно всякой неправды, лукавства, корыстолюбия, злобы, зависти, убийства, распрей, злонравия, гордости и т.п. пороков. Иудеи же обладали великим благом – у них была религия Богооткровенная, с истинными понятиями о Едином истинном Боге и об отношении к Нему человека. Имели они и божественные обетования о пришествии в мир Искупителя человечества. В течение многих веков, при всех политических переворотах в судьбе иудейского народа, Богооткровенная религия сохранялась им неизменно. Под влиянием соседних языческих народов случались непродолжительные отступления евреев от служения истинному Богу. Господь разъяснял устами пророков истинную религию, данную через Моисея. Пророки своими возвышенными толкованиями закона готовили появление новой религии. Они указывали уже и на Спасителя, говорили, что день Господень наступит скоро, даже обозначали время Его пришествия.

Но перед пришествием Спасителя и евреи в религиозном отношении не избежали участи остального человечества. Веры в единого Бога еврейский народ не потерял, но, с одной стороны, главный догмат своей религии – учение об Искупителе стал понимать совершенно неверно, с другой – евреи разделились на несколько партий в понимании религии вообще. Под влиянием таких тяжелых обстоятельств, как порабощение то египтянами, то сириянами и, наконец, римлянами, – народ еврейский видел в обещанном Искупителе только необыкновенного царя-завоевателя и освободителя от чужеземного ига, который устроит земное царство и даст славу и блеск еврейскому народу. Гордый своей истинной религией, бывшей только у него, еврейский народ ожидал и Мессию только для одного себя, как для народа избранного. В таком же смысле евреи объясняли и понимали свои пророческие сказания о Мессии. Появлялись

даже лжепророки, которые говорили о наступлении времени освобождения от чужеземного ига. Мессии в уничиженном виде евреи не хотели знать, а между тем охотно шли за народными бунтовщиками, объявлявшими себя мессиями, пришедшими освободить народ от ига. Таким был, например, Иуда Галилеянин. Конечно, были среди евреев и понимающие люди, но они составляли исключение. Большинство было слишком далеко от Того обещанного Мессии, верой в Которого прежде жили лучшие представители народа.

К этому времени в еврейском народе образовались религиозные партии **фарисеев, саддукеев, ессеев и фарапеев**. Появление двух первых партий относится ко времени распространения на востоке греческой образованности (во 2 в. до Р. Хр.), когда некоторые иудеи из высшего класса стали увлекаться ею, а вместе с тем и заимствовать языческие обычаи. Ревнителю отечественной религии и отечественных учреждений восстали против этого и образовали особую религиозную партию с политическим оттенком под именем **фарисеев**, что значит **избранных, отделённых**. Они были ревнителями не только закона Моисеева, но и всей еврейской старины, всех устных преданий. Ревность их, сначала почтенная, получила скоро превратное направление: они не столько заботились о сохранении и поддержании существенного в религии, сколько второстепенного. Всё внимание фарисеев, доходившее до мелочей, было обращено к **внешней стороне** религии. Они добровольно накладывали на себя посты, часто молились, часто совершали внешние омовения в убеждении, что такое строгое исполнение предписаний закона, нередко ими самими выдуманного, особенно угодно Богу и составляет единственный путь ко спасению. Отсюда – фарисейская гордость и презрение ко всякому, не принадлежащему к их партии. Внешняя святость жизни фарисеев привлекала к ним народ, который всецело подчинялся влиянию этих мнимых ревнителей веры.

Противоположность фарисеям составляли **саддукеи**. Это были люди, усвоившие греческое образование, смотревшие на всё с философской точки зрения, в том числе и на религию. Они стремились к рационалистическому пониманию закона Моисеева, поэтому отвергали устные предания, не придавали большого значения обрядам. Саддукеи дошли, наконец, до отрицания бессмертия души, воскресения мертвых, бытия мира духовного и Божественного Провидения. Их было, по сравнению с фарисеями, немного. Секта их состояла из богатых и знатных людей, которые занимали высшие должности. Среди них было даже немало первосвященников.

В начальный период борьбы партии фарисеев и саддукеев (во 2 в.) образовалось новое религиозное направление **есеев** и **фарапеев**. Люди, примыкавшие к ним, образовали подобие ордена, посвятившего себя служению Богу вдали от настоящего еврейского общества. **Есеи** сначала жили в городах, потом ушли за Мёртвое море и там поселились отдельным обществом, которое насчитывало до 4000 человек. **Фарапеевы** проживали в Египте. В своё общество есеи принимали после тщательного испытания с особыми обетами почитать Бога, хранить имена ангелов, любить истину, не открывать никому тайн общества. Жизнь в этих обществах была строго умеренная; все члены их занимались земледелием, имущество у них было общее. Были у них общие собрания, особенно в субботу, на которых читалось священное Писание, пелись гимны. В молитвенных собраниях наблюдались строгий порядок и торжественная тишина. Все стремления обоих обществ были направлены на внутреннюю сторону религии, на внутреннее усовершенствование человека, в противоположность фарисеям. Внешним выражением религии есеев служили частые омовения. Толкование и понимание Моисеева закона, **особенно у фарапеев**, было мистическое, таинственное. Среди палестинских иудеев жили люди, которые также ожидали Мессию. Это – **самаряне**, обитавшие между Иудеей и Галилеей. Происхождение самарян относится ко времени падения царства израильского (722 г. до Р. Хр.), когда ассирияне, пленив большинство израильтян, переселили в завоёванную страну язычников. Последние, смешавшись с оставшимися израильтянами, смешали иудейство с язычеством, пока, наконец, не возобладало служение истинному Богу. Так появились самаряне. Они принимали только Пятикнижие Моисея, как единственную книгу закона, имели некоторое время свой храм, построенный на горе Гаризим бежавшим из Иудеи священником Манассией, и совершали богослужение по установлению Моисееву. Евреи ненавидели самарян и считали их еретиками, хотя последние, как видно из беседы Иисуса Христа с самарянкою, имели понятия о Мессии более правильные, чем они сами. У самарян не было, как у евреев, такой национальной гордости и уверенности в собственной святости вследствие одного только происхождения от Авраама. Самаряне видели в Мессии пророка, Который должен им объяснить закон и научить их всему. Поэтому они стояли ближе к христианству, чем иудеи. Что касается **евреев рассеяния**, живших в городах, близких к Риму и познакомившихся с политическим могуществом империи на местах её владычества, то им были чужды мечтания палестинских иудеев о всемирном политическом господстве иудейского народа. Поэтому

представления их о Мессии сложились иначе: они были более подготовлены к принятию Его как искупителя от грехов. Кроме того, постоянно общаясь с язычниками, они проявляли к ним известную терпимость. Они знакомили язычников со своей религией, в свою очередь, перенимали греческое образование и философию. Особенно заметно это было в **Александрии**, центре мировой торговли и науки. Здесь у евреев св. Писание давно было переведено на греческий язык, тогда самый употребительный. Любопытные язычники благодаря этому могли убедиться в возвышенности богословия еврейской религии. Вследствие такого знакомства религиозные убеждения евреев рассеяния стали прививаться и язычникам, недовольным собственными верованиями. Ко времени пришествия Христа Спасителя мы уже встречаем довольно большое число язычников, принявших иудейство, которые были известны под именем **пришельцев врат**, если принимали иудейство без обрезания, и **пришельцев правды**, если принимали и обрезание. С другой стороны, евреи, знакомясь с греческой философией, особенно с философией Платона, находили в ней нечто достойное уважения в религиозном отношении.

В эту эпоху и в **языческом** мире считали, что общее положение при упадке религии и нравственности было ненормально. Выйти из этого безотрадного положения, по мнению лучших представителей древности, само человечество было бессильно. Для этого, утверждали они, нужна сверхестественная Божественная помощь. Подобные убеждения ещё с большей силой утвердились среди язычников при распространении верований иудеев в Мессию. Идея о Мессии, как Избавителе от всяких зол и Установителе лучших порядков жизни, была особенно привлекательна для страждущих и угнетенных, которых так много было в языческом мире. Можно сказать, что в последние годы перед Рождеством Христовым ожидание Мессии стало всеобщим. Поэтому, когда Божественный Спаситель рода человеческого явился и основал для спасения людей истинную Церковь, те из иудеев и язычников, которые ожидали Его и увидели в Нем истинного Мессию, первыми и начали вступать в Его Церковь. Таким образом, безотрадное состояние политической и религиозно-нравственной жизни народов дохристианского времени послужило на пользу Церкви. Оно побуждало многих искать истинное религиозное знание и успокоение от всех бедствий в христианстве.

Объединение народов под одной политической властью римлян, облегчавшее пути сообщения, также благоприятствовало распространению Церкви.

Первые десятилетия после вознесения Господня

Еп. Арсений в своей «Летописи церковных событий» указывает, что в 31-е лето по Рождестве Христовом последовало избрание Спасителем 12 апостолов. Слово «апостол» обозначает «посланник», которому поручено исполнить известное поручение (Православная Богословская Энциклопедия). Ап. Матфей пишет: «Двенадцати же апостолов имена суть сии: Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома, и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его. «Прав. Бог. Энцикл» отмечает, что брата Иакова Алфеева, Иуду ап. Матфей называет Леввеем, апостол же Марк – Фаддеем. «Но Фаддей или Леввей, из которых одно происходит от сад или фад, – «грудь», а другое от «леб», – сердце, означают, в аналогичных терминах, вообще, человека благородного и энергичного. Можно думать, что это почётное прозвание вытеснило собой его собственное имя Иуды, как напоминающее имя предателя" ... (Прав. Бог. Энцикл.).

В 32 г. состоялось избрание Спасителем 70-ти учеников (апостолов) и послание их на проповедь, которая продолжалась от Пасхи до праздника Кущей, около шести месяцев (еп. Арсений). Ап. Лука излагает это событие так: *»После сего избрал Господь и других семьдесят учеников, и послал их по два перед лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти" .*

О важнейших событиях после Вознесения Господня, охватывая период примерно в 30 лет, повествует нам книга Деяний апостолов. Еп. Арсений пытается рассчитать, к какому году каждое из этих событий относится. В 33 г. от Рождества Христова, по вознесении Господа на небо, апостолы на место Иуды предателя избрали Матфея и вручили ему жребий апостольства. Они с другими верующими проводили время, большей частью, вместе в одном доме, ожидая обещанного им сошествия Св. Духа (еп. Арсений).

«Через десять дней по вознесении Господа Дух Святой видимым образом, в виде огненных языков, сошёл на апостолов и других верующих, собравшихся на молитву по случаю праздника Пятидесятницы, в Сионской горнице, в числе ста двадцати душ вместе с Пресв. Девою. Облечённые силою свыше, апостолы и другие верующие начали разными языками хвалить Бога и возвещать о спасительных делах Его, а народ, со всех стран мира пришедший в Иерусалим на праздник, по слуху о чуде стекался к тому дому, где они находились. Это было в третьем часу дня по

тогдашнему счёту, по нашему – в девятом... И присоединилось в тот день к верующим около трёх тысяч душ. Они постоянно пребывали в учении апостолов, приобщались Евхаристии и проводили время в молитвах. Возвращавшиеся из Иерусалима благовествовали слово другим» (еп. Арсений).

В 34 г., как повествует еп. Арсений, началось преследование апостолов иудейским Синедрионом. В том же году апостолы, желая иметь больше времени для молитв и поучений, избрали семь одобренных (Деян. 6:3) мужей и рукоположили их во **дьяконы**. Им поручено было управление и распоряжение общим именем и призрение вдов и сирот, а у алтаря раздавали они тело и кровь Господню (Игнатий Богоносец в послании к Траллианам). В это же, должно быть, время апостолы вручили апостольство в церкви Иерусалимской Иакову, одному из братьев Господних, на что указывает Климент Александрийский, отмечая наименование его Праведным.

Один из семи дьяконов, св. Стефан, с особой ревностью и силой проповедовал слово Божие и указывал на конец закона Моисеева во Христе. Его обвинили перед синедрионом в хуле на Моисея и на Бога. Ожесточенная толпа схватила его и побила камнями за городом.

В 35 г., один из семидесяти апостолов, Анания, положил основание Церкви в Дамаске, а Филипп-дьякон крестил многих в Самарии. Оставшиеся в Иерусалиме апостолы послали из среды своей Петра и Иоанна, которые возложили руки на крестившихся и низвели на них благодать Св. Духа. Впоследствии возложение рук было заменено миропомазанием (еп. Арсений). В числе крестившихся самарян был и Симон волхв, полагавший с помощью веры во Христа обрести дар творить чудеса и изумлять людей своими делами. Он дерзко пытался у ап. Петра за деньги получить дары Св. Духа, но был обличен им, однако не покаялся и смущал многих своими вымыслами. По имени его, продажа и купля священников называется «**симонией**».

В том же 35 г. **св. Филипп-дьякон** на большой дороге из Иерусалима близ Газы крестил евнуха царицы эфиопской, державшегося закона Моисеева. Последний был первым провозвестником Евангелия в своем отечестве – Абиссинии.

Ап. Петр, наученный небесным видением о призвании и язычников в Церковь, крестил первого из язычников **Корнилия**, сотника римского. Тогда же верными из Иерусалима, рассеявшимися после смерти Стефана, основана Церковь в Антиохии.

В 37 г. Савл, преследовавший христиан, с этой же целью отправился

из Иерусалима в Дамаск. На пути чудесным явлением и гласом Иисуса Христа он был обращён к вере, а через три дня крещён в Дамаске св. Ананием. В 41 г. Савл, придя в Иерусалим, вступил в общение с апостолами. Вскоре он удалился в свой город Тарс, где благовествовал слово Божие. В том же году ап. Матфей, по просьбе уверовавших евреев, написал для них на еврейском языке Евангелие. Переложение его на греческий язык приписывают первому иерусалимскому епископу Иакову (еп. Арсений).

В 42 г. в Антиохии проповедовали Евангелие **Варнава**, родом киприанин, иудей из рассеяния, и приведенный им из Тарса **Савл**. Целый год они устраивали антиохийскую Церковь, имея большой успех, в особенности, среди язычников. Именно в Антиохии последователи Христа усвоили себе название **христиан**. Уверовавшие из иудеев не могли сначала отрешиться от прежней религии настолько, чтобы принять новое имя христиан. Почин в этом принадлежал обращённым (Е. Смирнов).

В 44-ом году царь иудейский Ирод Агриппа для угождения народу велел предать смерти ап. **Иакова Зеведеева**. Он велел схватить и ап. Петра, но ангел Божий вывел того из темницы.

В 45 г. Варнава и Савл, пребывавшие некоторое время в Иерусалиме, по возвращении в Антиохию, вследствие особого откровения учителям антиохийским, были отправлены на проповедь Евангелия. Прежде всего, они посетили Кипр, где обратили римского проконсула Сергия Павла в г. Пафосе. «С этого времени, – пишет еп. Арсений, – Савл именуется в св. Писании Павлом, хотя не сказано, почему последовала перемена имени». Проповедовали они потом в Малой Азии и основали в некоторых городах Церкви. После трёх лет проповедничества они вернулись в Антиохию.

В 48 г., по преданию, сохранившемуся в Церковной Истории Евсевия, последовало усупение Богоматери (еп. Арсений).

Апостольский собор в Иерусалиме

«По возвращении ап. Павла в Антиохию пришли туда некоторые христиане из иудеев и начали учить христиан, обратившихся из язычников: «если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись». По этому поводу произошло разногласие и немалое состязание с ними у Павла и Варнавы. Возник трудный вопрос, грозивший разделением Церкви: нужно ли христианам соблюдать обрядовый закон Моисеев? Для разрешения его антиохийские христиане обратились к апостолам и пресвитерам в Иерусалиме, а они, по заповеди Спасителя (Матф. 18:17), собрались вместе для рассмотрения этого дела. После предварительного рассуждения ап. Петр сказал, что его первого Бог избрал для проповеди язычникам и, «очистив сердца их верой, даровал им Св. Духа, как и нам. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?» Варнава и Павел, со своей стороны, рассказали, какие знамения и чудеса Бог сотворил через них среди язычников. В заключение говорил святой ап. Иаков, и слова его как бы выразили решение (резолюцию) собора. Апостольский собор освободил христиан от соблюдения обрядового закона Моисеева и внушил им ревностно заботиться об исполнении нравственного закона, сущность которого была выражена в следующих словах: «не делать другим того, чего сами себе не желаете». Решение собора было изложено письменно, запечатлено словами: «изволися Духу Святому и нам» и послано с доверенными лицами (Силой и Иудой, имевшими дар пророчества) в Антиохию.

«Апостолу Иакову предоставлено было последнее решающее слово и как бы председательство на соборе, хотя он был не из 12, а из 70 апостолов. Такая почеть, как думают, была предоставлена ему, как представителю местной иерусалимской церкви. В такое достоинство апостол, по преданию, возведен был Самим Господом Иисусом Христом, явившимся ему по воскресении. Здесь видим начало третьей высшей священной степени епископа. Через епископов в особенности продолжается в церкви служение апостольское: им принадлежит право рукополагать в священные степени, учить и судить в церкви» (прот. Пётр Смирнов).

Дальнейшие труды ап. Павла

Вскоре после апостольского Собора Павел предпринял второе великое путешествие с проповедью Евангелия, во время которого, пройдя Сирию, Киликию и Галатию, вследствие видения (Деян. гл. 16), перешел в Европу и основал церковь в Филиппах (Македонии). В 52 г. он проповедовал в Солуни, основал церкви в Верии и Афинах, прибыл в Коринф. Там он работал у христианина из иудеев, Акилы, ушедшего из Рима, согласно указу того года имп. Клавдия об изгнании иудеев из Рима. Акила и жена его Прискилла сопровождали потом ап. Павла до Рима. Всюду он совершал богослужения в домах христиан. К 53-му году относятся два послания ап. Павла к Солунянам. Еп. Арсений пишет: «Около сего же времени, может быть, спутник ап. Павла, Лука, написал в Коринфе Евангелие, известное под его именем».

В 54 г. ап. Павел к празднику Пятидесятницы прибыл в Иерусалим, затем пошел в Антиохию, где прожил недолго. Оттуда предпринял он третье проповедническое путешествие: прошел Киликию, Фригию и Галатию и к зиме прибыл в Ефес. Там он принял в церковь учеников Иоанна Крестителя (Деян. гл. 19). В Ефесе он провёл более двух лет. Оттуда же он написал в 55 г. послание к Галатам и в 56 г. первое послание к Коринфянам. В 57 г. он посещает церкви, основанные им в Македонии, и пишет второе послание к Коринфянам. Три месяца живет он в Коринфе (еп. Арсений).

Ап. Петр, оставшийся в Антиохии после Павла, завершил устройство тамошней церкви и примерно в это же время поставил ей епископа Еводия. Затем он проповедовал в области антиохийской, в Понте, Галатии, Каппадокии и Вифинии. Наконец, ап. Петр отправился благовествовать иудеям вавилонским. В то же время ап. Марк, родственник Варнавы, по поручению ап. Петра отправился в Египет с проповедью Евангелия. Для основанной в Александрии церкви он поставил первого епископа Аниана.

В 58 г. ап. Павел, предполагая посетить Рим, составил послание к римской церкви, в которой большинство христиан составляли обращенные язычники. По этому поводу еп. Арсений пишет: «Из того, что ап. Павел нигде в послании не упоминает о предварительном благовестии апостольском в Риме, в ряду многочисленных приветствий разным лицам (гл. 16) также не упоминает ни о ком из апостолов, равно и принимая во внимание, что ап. Павел принял себе за правило действовать независимо и самостоятельно и не вмешиваться в область других апостолов (Рим. 15:20–

21; 2Кор. 10:16), следует заключить, что до того никто из апостолов не благовествовал в Риме, что римская церковь образовалась, подобно антиохийской, сначала из апостольских учеников и членов церкви иерусалимской, потом, после изгнания из Рима евреев и в том числе христиан из евреев, усилилась обращенными преимущественно через учеников ап. Павла язычниками, которых указ Клавдия не касался. Во время написания послания римская церковь была уже многочисленна и значительна, хотя во главе её не было ещё епископа».

После Коринфа ап. Павел провел Пасху в Филиппах и на праздник Пятидесятницы прибыл в Иерусалим. По наветам иудеев он, как «возмутитель», был взят под стражу и отправлен в Кесарию к прокуратору римскому. Там он из-за происков иудеев и несправедливости прокуратора Феликса два года пробыл в узах.

В 61 г. ап. Павел отверг предложение нового прокуратора Феста судиться в синедрионе и на правах римского гражданина потребовал суда кесарева. Поэтому он был отправлен в Рим, куда и прибыл к концу марта того же года. Находясь там под военным надзором, он жил в частном доме, как не совершивший большого проступка. О своей проповеди в Риме он упоминает в послании к Филиппийцам, указывая, что эта проповедь достигла и дома кесарева. Сопутствовавший Павлу Евангелист Лука в Риме закончил свою книгу «Деяний апостолов». Тогда же по предложению еп. Арсения он рукоположил и первого епископа римской церкви, св. Лина, своего ученика. Из Рима ап. Павел поддерживал общение со всеми основанными им Церквями в Греции и Малой Азии, а христианам филиппийским, колосским и ефесским писал и послания. Из Рима же писал он к Филимону, гражданину колосскому (еп. Арсений).

В 62 г. первосвященник Анан, воспользовавшись смертью Феста и отсутствием нового прокуратора, воздвиг гонение на еп. **Иакова** Иерусалимского. Он требовал от него провозглашения с кровли храма о заблуждении тех, кто признают Иисуса Сыном Божиим. Иаков же произнес исповедание веры. Разъярённые книжники и фарисеи сбросили апостола с крыши храма, и один, заметив, что он дышит, довершил мученичество, раздробив ему голову. Царь Агриппа за этот самовольный поступок лишил Анана первосвященства. Имеется послание ап. Иакова «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии», написанное, по мнению еп. Арсения, вскоре после Апостольского собора. Преемником его стал св. Симеон, сын Клеопы, брата Иосифа Обручника.

В 63 г. ап. Павел был освобожден благодаря недоказанности обвинений против него, одобрителем отзывам о нем римских

правителей Иудеи и его собственной беспорочной жизни. Тогда он (по предположению еп. Арсения), путешествовал в Испанию и из Рима отправил туда семь благовестников, которые и учредили там первые епископские кафедры. После этого ап. Павел проповедовал на о. Крите, где оставил ученика своего Тита, был в Ефесе, поставив епископом Тимофея. Находясь в Македонии, он (в 64 или 65 гг). отправил первое послание к Тимофею и одно к Титу. Примерно в это же время апп. Иасон и Сосипатр положили основание Церкви в Коркире, нынешнем Корфу.

В 65 г. ап. Павел, оставив Македонию, снова посещает азиатские церкви и приходит в Коринф. Туда же прибыл с Востока ап. Пётр, и они вдвоём отправились в Италию для утешения и ободрения гонимых при императоре Нероне христиан. Из Рима ап. Павел отправил своё послание к Евреям. Лжебратия об этом донесли, и апостолы были заключены в темницу в конце того года или в начале следующего. В 67 г., после нескольких месяцев пребывания в темнице, ап. Павел был усечён мечом.

В своей «Истории христианской Церкви» Евграф Смирнов пишет: «Одно перечисление путешествий этого великого апостола, которые он совершал почти постоянно после своего обращения в продолжение тридцати лет, говорит уже о том, что он был одним из ревностнейших и самых неутомимых проповедников христианства. Глубокое убеждение в истинности проповедуемого им учения, ясное понимание христианских истин, спокойное мужество среди всевозможных опасностей, необыкновенное знание человеческого сердца и от природы увлекательная сила красноречия при благодатных дарах Св. Духа содействовали его необыкновенным успехам. Множество христианских общин на пространстве почти всей Римской империи от востока до запада считают его своим основателем. Неутомимый проповедник своей апостольской ревностью возбуждал к такой же проповеди и других. Он образовал сонм проповедников христианства, которые в Деяниях апостольских и посланиях ап. Павла поименно упоминаются под названием сотрудников и спутников его».

Труды ап. Петра и прочих апостолов

Ап. **Пётр** принял на себя труд распространять христианство между иудеями. Из язычников он обратил в Иерусалиме по особенному внушению Божию целое языческое семейство. В 44 г., когда ему угрожала смерть от Ирода Агриппы, он, освобождённый ангелом из темницы, на долгое время оставил Иерусалим, проповедуя в соседних провинциях, особенно же, в Антиохии. Ап. Пётр в 51 г. присутствовал на Апостольском соборе. Считается, что после собора, он, посетив Антиохию, проповедовал иудеям рассеяния в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, к которым писал своё первое послание. Затем ап. Пётр со своим учеником Марком проповедовал в Вавилоне Египетском, и в Александрии ап. Марк основал церковь. Посетил ап. Пётр и Коринф после того, как ап. Павел основал там церковь.

В 67 г. ап. Пётр прибыл в Рим, где, по свидетельству Тертуллиана, рукоположил третьего римского епископа Климента. В 66-м или в начале 67-го года ап. Пётр был заключен в темницу и через несколько месяцев распят на кресте, вниз головой, так как считал себя недостойным быть распятым, как Спаситель.

Ап. **Андрей** проповедовал в Каппадокии, Галатии, Вифинии, вообще по восточным и северным берегам Черного моря и в Скифии. По преданию он был на месте будущего Киева. Мученическую смерть апостол претерпел в Патрасе, в Ахаии. В Византии он поставил первым епископом св. Стахия, и таким образом от него ведёт свое начало константинопольская иерархия.

Выше упоминалось о мученической кончине в 44 г. ап. **Иакова Зеведеева**, который, как пишет Е. Смирнов, вероятно, никогда не оставял Иерусалима.

Ап. **Иоанн Богослов** был сыном галилейского рыбака Зеведея и жены его Саломии, по преданию, дочери Иосифа Обручника от первого брака. Возлюбленный ученик Спасителя, он, по Его завету, был охранителем Богоматери до самого Её успения. Известно участие его в Апостольском соборе. Достоверно неизвестно, когда именно он появился в Малой Азии. Прибыл он тогда, когда после заключения ап. Павла в узы, тамошние церкви лишились последнего своего руководителя. Постоянным его местопребыванием был Ефес. Около 96 г., при имп. Домициане, он, будучи брошен в котёл с кипящим маслом, чудесным образом остался жив и был сослан на о. Патмос. В 96–98 гг. вернулся опять в Ефес. Скончался

он в Ефесе в начале 2 в. в возрасте более ста лет. Его и брата его Иакова за силу духа и огненную ревность Господь прозвал «воанергес», что значит «сыны громовы». Им написано Евангелие, три послания и Апокалипсис.

Ап. **Фома**, называемый также Дидимом, проповедовал Евангелие варварским племенам в Парфии, Индии и на близлежащих островах. В Индии он пострадал в г. Каламине (Мальяпур). Мощи его перенесены в Едессу.

Ап. **Филипп** был родом из Вифсаиды, также как апп. Пётр и Андрей. По более поздним сказаниям он устроил церковь во Фригии; скончался в г. Иераполе, у гробницы его всегда было много людей

Ап. **Варфоломей** был родом из Каны Галилейской. По достоверным свидетельствам, он проповедовал в Счастливой Аравии и Индии, пострадал же (с него живого содрали кожу) в Армении, в г. Алванополе, в нынешнем Дагестане. Еп. Арсений отмечает, что Варфоломея и Нафанаила считают одним и тем же лицом.

Ап. **Матфей**, которого считают бывшим мытарем Левием, был сборщиком податей при Галилейском озере. Сначала он проповедовал евреям. Он написал Евангелие на родном языке. По позднейшим сказаниям, он проповедует то в Македонии, то в Сирии, Парфии, Эфиопии и др. странах. Несомненно только то, что он проповедовал вне пределов Римской империи. Неизвестно, умер ли он естественной смертью, или был замучен.

Ап. **Иаков младший**, сын Иосифа Обручника от первого брака. Он пользовался особым уважением христиан из иудеев и, как епископ Иерусалимский, принимал деятельное участие в Апостольском соборе. Об убиении его в 62 г. упоминалось выше.

Брат его, ап. **Иуда**, называемый Леввеем и Фаддеем, по одним сказаниям, проповедовал в Ливии, по другим – в Сирии и Армении. Еп. Арсений отмечает, что он был повешен на кресте и пронзен стрелами в Армении, в окрестностях Арарата. Имеется одно его послание.

Ап. **Симон Кананит**, по прозвищу Зилот, как полагают, был братом Иакова и Иуды. Известно, что он проповедовал на востоке, в прикавказских странах, сопутствуя ап. Андрею. Скончался он в Анатолии, в 15 верстах от нынешнего Сухуми, при впадении р. Псирста в Чёрное море.

Ап. **Матфей**, избранный на место Иуды Искаротского, проповедовал вне пределов Римской империи. Еп. Арсений отмечает основание им церкви в Синопе.

Ап. **Фаддей**, из 70-ти, сперва сопутствовавший ап. Фоме, отправлен

был им около 38 г. к владетелю Едессы, князю Авгарю, верившему в чудеса Спасителя. По преданию, он крестил Авгаря и многих его жителей, положив этим основание Армянской Церкви. Перед смертью он поставил для Едессы епископом Аггея.

Евграф Смирнов так излагает условия проповедничества апостолов и объясняет причины быстрого распространения Церкви: «Апостолы по слову Спасителя ходили с проповедью Евангелия ко всем известным тогда народам. Греко-Римская империя была центром деятельности нескольких апостолов. А некоторые из них, как сказано было выше, посвятили себя проповеди Евангелия среди народов варварских, вне пределов Римского владычества. Все они исполняли дело своего служения с необыкновенной ревностью. Затруднений и препятствий для них как бы не существовало: голод и холод, преследования, темницы, смерть – ничто не останавливало их. Проходя с проповедью Евангелия, апостолы, за исключением немногих, не оставались долго на одном месте, но, устроив церковь в одном месте, переходили в другое и т.д. Результатом их деятельности было то, что во всех больших и важных чем-либо городах Римской империи, напр., Иерусалиме, Антиохии, Эфесе, Филиппах, Солуни, Афинах, Коринфе, Александрии, Риме и др., устроены были христианские церкви. Даже во многих малых городах были христианские общины, как это видно из путешествий ап. Павла. Ученики апостолов, – особенно Павла и Иоанна, воспитавших целое поколение ревностных учителей и проповедников Евангелия, часто бывшие председателями основанных ими церквей, – были их ближайшими помощниками в распространении христианства. Как быстро шло распространение христианства во времена апостольские, видно по тому, что в самом начале 2 века, немного спустя после смерти Иоанна Богослова, правитель Вифинии, Плиний младший доносил императору Траяну, что в этой области христианство проникло, по его выражению, как зараза, не только в города, но даже в сёла и деревни, так что опустели языческие храмы и прекратились языческие празднества. Конечно, такое множество христиан в Вифинии появилось не вдруг после смерти апостолов, а увеличивалось постепенно ещё при их жизни. Вообще, в век апостольский во всей империи насчитывались многие тысячи христиан.

Что касается причин такого быстрого распространения Церкви Христовой в век апостольский, то, как замечали христианские писатели последующего времени, такое распространение есть **само по себе чудо**, трудно объяснимое естественными причинами. Действительно, трудно объяснить, как апостолы, вышедшие из среды иудеев, народа

презираемого, люди бедные и незнатные, без всяких внешних средств и пособий, распространили Евангелие на огромном пространстве и среди многих тысяч людей. Естественными причинами только отчасти можно объяснить факт быстрого распространения христианства. С одной стороны – обилие чудес в век апостольский, высокая нравственная жизнь христиан, братская связь членов христианского общества, их благотворительность и помощь, как своим собратьям, так и язычникам и, наконец, Божественное учение, ими проповедуемое, – всё это привлекало многих вступить в Церковь Христову, с другой стороны, и сами язычники чувствовали большую потребность вступить в Церковь».

Первые три века

Ап. **Пётр** принял на себя труд распространять христианство между иудеями. Из язычников он обратил в Иерусалиме по особенному внушению Божию целое языческое семейство. В 44 г., когда ему угрожала смерть от Ирода Агриппы, он, освобождённый ангелом из темницы, на долгое время оставил Иерусалим, проповедуя в соседних провинциях, особенно же, в Антиохии. Ап. Пётр в 51 г. присутствовал на Апостольском соборе. Считается, что после собора, он, посетив Антиохию, проповедовал иудеям рассеяния в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, к которым писал своё первое послание. Затем ап. Пётр со своим учеником Марком проповедовал в Вавилоне Египетском, и в Александрии ап. Марк основал церковь. Посетил ап. Пётр и Коринф после того, как ап. Павел основал там церковь.

В 67 г. ап. Пётр прибыл в Рим, где, по свидетельству Тертуллиана, рукоположил третьего римского епископа Климента. В 66-м или в начале 67-го года ап. Пётр был заключен в темницу и через несколько месяцев распят на кресте, вниз головой, так как считал себя недостойным быть распятым, как Спаситель.

Ап. **Андрей** проповедовал в Каппадокии, Галатии, Вифинии, вообще по восточным и северным берегам Черного моря и в Скифии. По преданию он был на месте будущего Киева. Мученическую смерть апостол претерпел в Патрасе, в Ахаии. В Византии он поставил первым епископом св. Стахия, и таким образом от него ведёт свое начало константинопольская иерархия.

Выше упоминалось о мученической кончине в 44 г. ап. **Иакова Зеведеева**, который, как пишет Е. Смирнов, вероятно, никогда не оставял Иерусалима.

Ап. **Иоанн Богослов** был сыном галилейского рыбака Зеведея и жены его Саломии, по преданию, дочери Иосифа Обручника от первого брака. Возлюбленный ученик Спасителя, он, по Его завету, был охранителем Богоматери до самого Её успения. Известно участие его в Апостольском соборе. Достоверно неизвестно, когда именно он появился в Малой Азии. Прибыл он тогда, когда после заключения ап. Павла в узы, тамошние церкви лишились последнего своего руководителя. Постоянным его местопребыванием был Ефес. Около 96 г., при имп. Домициане, он, будучи брошен в котёл с кипящим маслом, чудесным образом остался жив и был сослан на о. Патмос. В 96–98 гг. вернулся опять в Ефес. Скончался

он в Ефесе в начале 2 в. в возрасте более ста лет. Его и брата его Иакова за силу духа и огненную ревность Господь прозвал «воанергес», что значит «сыны громовы». Им написано Евангелие, три послания и Апокалипсис.

Ап. **Фома**, называемый также Дидимом, проповедовал Евангелие варварским племенам в Парфии, Индии и на близлежащих островах. В Индии он пострадал в г. Каламине (Мальяпур). Мощи его перенесены в Едессу.

Ап. **Филипп** был родом из Вифсаиды, также как апп. Пётр и Андрей. По более поздним сказаниям он устроил церковь во Фригии; скончался в г. Иераполе, у гробницы его всегда было много людей

Ап. **Варфоломей** был родом из Каны Галилейской. По достоверным свидетельствам, он проповедовал в Счастливой Аравии и Индии, пострадал же (с него живого содрали кожу) в Армении, в г. Алванополе, в нынешнем Дагестане. Еп. Арсений отмечает, что Варфоломея и Нафанаила считают одним и тем же лицом.

Ап. **Матфей**, которого считают бывшим мытарем Левием, был сборщиком податей при Галилейском озере. Сначала он проповедовал евреям. Он написал Евангелие на родном языке. По позднейшим сказаниям, он проповедует то в Македонии, то в Сирии, Парфии, Эфиопии и др. странах. Несомненно только то, что он проповедовал вне пределов Римской империи. Неизвестно, умер ли он естественной смертью, или был замучен.

Ап. **Иаков младший**, сын Иосифа Обручника от первого брака. Он пользовался особым уважением христиан из иудеев и, как епископ Иерусалимский, принимал деятельное участие в Апостольском соборе. Об убиении его в 62 г. упоминалось выше.

Брат его, ап. **Иуда**, называемый Леввеем и Фаддеем, по одним сказаниям, проповедовал в Ливии, по другим – в Сирии и Армении. Еп. Арсений отмечает, что он был повешен на кресте и пронзен стрелами в Армении, в окрестностях Арарата. Имеется одно его послание.

Ап. **Симон Кананит**, по прозвищу Зилот, как полагают, был братом Иакова и Иуды. Известно, что он проповедовал на востоке, в прикавказских странах, сопутствуя ап. Андрею. Скончался он в Анатолии, в 15 верстах от нынешнего Сухуми, при впадении р. Псирста в Чёрное море.

Ап. **Матфей**, избранный на место Иуды Искаротского, проповедовал вне пределов Римской империи. Еп. Арсений отмечает основание им церкви в Синопе.

Ап. **Фаддей**, из 70-ти, сперва сопутствовавший ап. Фоме, отправлен

был им около 38 г. к владетелю Едессы, князю Авгарю, верившему в чудеса Спасителя. По преданию, он крестил Авгаря и многих его жителей, положив этим основание Армянской Церкви. Перед смертью он поставил для Едессы епископом Аггея.

Евграф Смирнов так излагает условия проповедничества апостолов и объясняет причины быстрого распространения Церкви: «Апостолы по слову Спасителя ходили с проповедью Евангелия ко всем известным тогда народам. Греко-Римская империя была центром деятельности нескольких апостолов. А некоторые из них, как сказано было выше, посвятили себя проповеди Евангелия среди народов варварских, вне пределов Римского владычества. Все они исполняли дело своего служения с необыкновенной ревностью. Затруднений и препятствий для них как бы не существовало: голод и холод, преследования, темницы, смерть – ничто не останавливало их. Проходя с проповедью Евангелия, апостолы, за исключением немногих, не оставались долго на одном месте, но, устроив церковь в одном месте, переходили в другое и т.д. Результатом их деятельности было то, что во всех больших и важных чем-либо городах Римской империи, напр., Иерусалиме, Антиохии, Эфесе, Филиппах, Солуни, Афинах, Коринфе, Александрии, Риме и др., устроены были христианские церкви. Даже во многих малых городах были христианские общины, как это видно из путешествий ап. Павла. Ученики апостолов, – особенно Павла и Иоанна, воспитавших целое поколение ревностных учителей и проповедников Евангелия, часто бывшие председателями основанных ими церквей, – были их ближайшими помощниками в распространении христианства. Как быстро шло распространение христианства во времена апостольские, видно по тому, что в самом начале 2 века, немного спустя после смерти Иоанна Богослова, правитель Вифинии, Плиний младший доносил императору Траяну, что в этой области христианство проникло, по его выражению, как зараза, не только в города, но даже в сёла и деревни, так что опустели языческие храмы и прекратились языческие празднества. Конечно, такое множество христиан в Вифинии появилось не вдруг после смерти апостолов, а увеличивалось постепенно ещё при их жизни. Вообще, в век апостольский во всей империи насчитывались многие тысячи христиан.

Что касается причин такого быстрого распространения Церкви Христовой в век апостольский, то, как замечали христианские писатели последующего времени, такое распространение есть **само по себе чудо**, трудно объяснимое естественными причинами. Действительно, трудно объяснить, как апостолы, вышедшие из среды иудеев, народа

презираемого, люди бедные и незнатные, без всяких внешних средств и пособий, распространили Евангелие на огромном пространстве и среди многих тысяч людей. Естественными причинами только отчасти можно объяснить факт быстрого распространения христианства. С одной стороны – обилие чудес в век апостольский, высокая нравственная жизнь христиан, братская связь членов христианского общества, их благотворительность и помощь, как своим собратьям, так и язычникам и, наконец, Божественное учение, ими проповедуемое, – всё это привлекало многих вступить в Церковь Христову, с другой стороны, и сами язычники чувствовали большую потребность вступить в Церковь».

Распространение Церкви в первые два века христианства

Распространение христианства апостолами было продолжено их ближайшими преемниками и самими христианскими общинами. Известна проповедническая деятельность **Климента**, третьего епископа Римского, **Игнатия Богоносца**, епископа Антиохийского, **Поликарпа**, епископа Смирнского, **Дионисия Ареопагита**, **Кодрата**, епископов Афинских и др. Ими же подготовлялись новые проповедники.

Христианские общины были настолько крепки духом и организованы, что легко могли способствовать распространению христианства. Из больших городов проповедь проникала в маленькие, из них в сёла. Особенно влияла на рост христианства высоконравственная жизнь христиан. Евграф Смирнов пишет: «Св. **Иустин Философ**, писатель 2 века, говорит об этом в своей первой апологии: «Мы можем представить вам многих, которые обратились к вере потому, что или по соседству видели степенность христиан в обыкновенной жизни, или во время путешествия были свидетелями их терпения среди всякого рода неприятностей, встречавшихся на дороге, или узнавали их лучше, ведя с ними дела» (Апол. 1, гл. 20). В 3 столетии христианская **Церковь** имела своих членов во всех классах общества и так распространилась в Римской империи, что возник вопрос о том, что должно существовать – язычество или христианство. Преследования христиан, возбуждаемые отживающим язычеством, вели только к тому, что место замученных христиан заступали новые во множестве из самих же гонителей».

Во 2 в. христианские проповедники из Малой Азии насадили христианство в южной **Галлии**. Возникли церкви в Лионе и Вене. Ученики св. Поликарпа, свв. Пофин и Ириней, были епископами Лионскими. Во 2 в. христианство из Рима распространилось в Галлию, а оттуда на восток – к **германцам**. В конце 3 в. известны церкви в Кельне, Трире и Маце, затем и в **Британии**.

В Африке христианство в начале 2 в. из **Карфагена** распространилось в Мавритании и Нубии, и уже к концу того же столетия карфагенская **церковь**, будучи в постоянных сношениях с римской, процветала. В середине 3 в. там происходили большие соборы местных епископов. Из Рима во 2 в. христианство распространилось в **Испанию**.

Распространялось христианство и вне пределов Римской империи. Из Эдессы оно проникло отчасти в **Персию**. Упоминается о существовании

его в **Мидии, Парфии, Бактрии**. Учителя Александрийского училища проповедовали: Пантен в Индии, Ориген – в Аравии.

Гонение на церковь со стороны иудеев

Иерусалимская Церковь во главе с апостолами, будучи средоточием возникновения христианства, подвергалась особому преследованию со стороны иудейских властей. Они видели, что простой народ, верования которого в обетованного Мессию были извращены книжниками и фарисеями, внимал проповеди апостолов и присоединялся к христианской Церкви. Только римские правители сдерживали религиозный фанатизм иудейской власти. Римские императоры, расширив с 37 г. права Ирода Агриппы, внука Ирода Великого, дали ему возможность в целях популярности в среде воинствующих иудеев, начать гонения на христиан. Жертвой этого гонения пал ап. Иаков Зеведеев. Та же участь готовилась ап. Петру, но ангел Божий вывел его ночью из темницы.

Иудея после Ирода Агриппы была снова провозглашена римской провинцией и стала управляться прокураторами. Иудейские власти потеряли своё значение в деле управления, и прокураторы сдерживали преследования христиан. В 58 г. иудейские власти напали на ап. Павла и хотели его убить. Но правитель Фест исполнил просьбу апостола отправить его в Рим, как римского гражданина, на суд кесаря. В 62 г., пока не прибыл преемник умершего Феста, первосвященник Анан Младший, узурпировавший верховную власть, приказал побить камнями ап. Иакова Праведного.

С 67 г. по 70 г. происходило восстание иудеев против римлян. В 70 г. при имп. Веспасиане Иерусалим был захвачен римлянами и разрушен. Погибло множество иудеев, главным образом, от голода и междоусобиц. Многие были рассеяны по другим странам или угнаны в рабство. Христиане ещё до осады ушли из Иерусалима в сирийский город Пеллу. Иудеи возненавидели их ещё больше, именуя изменниками, но после разрушения Иерусалима не могли сильно вредить им.

Вне Палестины иудеи рассеяния сначала относились к христианам терпимо, и ап. Павел обращал в языческих странах многих иудеев в христианство. Затем против него восстали начальники синагог. Апп. Павел и Варнава под давлением последних вынуждены были покинуть Антиохию Писидийскую, Иконию, Листру и Дервию. Противодействие встретил ап. Павел и в Солуни, в Верии, в Коринфе. После разрушения храма в Иерусалиме много иудеев появилось в римских областях. Иудеи доносили правительству на христиан, как на людей вредных для общественного блага, и помогали обнаруживать их.

Гонения со стороны язычников

Язычники греко-римской империи в первое время не отличали христиан от иудеев, вследствие чего к тем и другим относились терпимо. Когда же с увеличением их числа выяснилось различие между ними, языческое общество отнеслось к христианам крайне враждебно. Такой перемене способствовали, прежде всего, те язычники, которые были заинтересованы в сохранении язычества: жрецы, изготовители идолов, прорицатели и т.п. Отвергающих всё это христиан они начали обвинять в отступничестве от национальной религии, в безбожии. Постепенно языческое общество, в особенности, простой народ, признали христиан **безбожниками**, что считалось величайшим бесчестием. Подозрительным казалось уклонение христиан от языческих увеселений и зрелищ. Более злонамеренные язычники стали приписывать христианам самые гнусные преступления, вплоть до обвинения в умерщвлении младенцев для питания их телом и кровию. Их считали людьми самой позорной жизни и человеконенавистниками. В понимании образованных людей их вера представлялась грубым суеверием, а сами христиане – самообольщёнными мечтателями.

Римское правительство сначала не отличало христиан от евреев, – к ним применялись одинаковые законы. Распоряжение императора Клавдия (41–54) об изгнании христиан из Рима направлено было, собственно, против всех иудеев, поднявших тогда восстание в Риме. В Римской христианской церкви в то время находились уверовавшие из иудеев. В дальнейшем правительство различало религии покоренных народов на дозволенные и недозволенные. Христианство признавалось недозволенным. Быстрое распространение его считали опасным для национальной веры – язычества. Непризнание христианами императора богом, отказ принесения ему жертв и поклонения его изображению, породило подозрение их в измене. Подозревалась принадлежность христиан к тайному обществу заговорщиков, которые, под видом религиозных стремлений, замышляют свергнуть существующий порядок. Начались жестокие гонения, которые продолжались в течение двух с половиной веков.

Гонения на христиан со стороны императоров

При имп. Нероне (54–68 г.) произошло первое настоящее гонение на христиан, до тех пор носившее частный и случайный характер. «Произошло оно по следующему поводу. Деспот-император, губивший для своего удовольствия жизнь и благосостояние своих подданных, сжег более половины Рима. Общественное мнение в этом пожаре обвиняло его. Чтобы отвести от себя подозрения и успокоить волновавшийся народ, Нерон обвинил в поджоге христиан. А так как о христианах сложилось уже мнение, как о человеконенавистниках, то народ без труда поверил такой клевете, и как правительство, так и народ начали преследовать христиан. В Риме правительство хватало множество христиан и обвиняло их, по отзыву Тацита, «не столько в поджигательстве, сколько в ненависти к человеческому роду». Многие из них претерпели ужасные мучения, пока не были замучены до смерти. Их одевали в шкуры зверей и травили собаками, распинали на крестах, обливали горючими веществами и сжигали по ночам вместо факелов для освещения садов Нерона. Гонение при Нероне, начавшееся в 65 г., продолжалось до 68 г., когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это гонение пострадали в Риме апп. Пётр и Павел; Пётр был распят на кресте вниз головой, а Павел усечён мечом. Хотя Нерон не издавал никакого общего для всей империи закона относительно христиан, тем не менее, гонение едва ли ограничилось одним Римом; по крайней мере, правители провинций могли теперь безнаказанно позволять черни выражать свою ненависть к христианам насильственными мерами» (Евграф Смирнов).

Преемники Нерона, императоры **Веспасиан** (69–79) и **Тит** (79–81), оставили христиан в покое. Это были государи справедливые и в своей империи терпимо относились ко всем религиозным и философским учениям.

При **Домициане** (81–96), враге христиан, в 96 г. в Рим из Ефеса был вызван ап. Иоанн Богослов. Домициан приказал ввергнуть его в котёл с кипящим маслом. Когда святой остался невредимым, он сослал его на остров Патмос. При Домициане св. Антипа, еп. Пергамский, был сожжён в медном быке.

Император **Нерва** (96–98) возвратил из заточения всех сосланных Домицианом, в том числе и христиан. Он запретил рабам доносить на господ и, вообще, боролся с доносами, в том числе и на христиан. Но и при нем христианство оставалось ещё **недозволенным**.

При имп. **Траяне** (98–117) потерпели, в числе многих христиан, св. **Климент**, еп. Римский, св. **Игнатий Богоносец**, еп. Антиохийский и **Симеон**, еп. Иерусалимский, 120-летний старец, сын Клеопы, преемник по кафедре ап. Иакова.

Имп. **Адриан** (117–138) гонения продолжал, но он принял меры для обуздания неистовства толпы против христиан. Обвиняемые должны были подвергаться судебному разбирательству и только по признании их вины наказываться. При нём впервые выступают защитники христиан – апологеты. Таковы были **Аристид** и **Кондрат**. Их апологии способствовали изданию указанного закона.

Преемник Адриана, **Антонин Пий** (138–161), продолжал его политику в отношении христиан.

При сильных гонениях в царствование **Марка Аврелия Философа** (161–180) принял мученическую смерть в Риме св. **Иустин Философ**, основавший там христианскую школу; тогда же, в 166 г. замучены были и его ученики. Особенно сильны были гонения в Смирне, где был замучен св. **Поликарп**, еп. Смирнский, и в галльских городах Лионе и Вене.

Преемник Марка Аврелия, его сын **Коммод** (180–192), мало занимался делами правления. Он не продолжал политики отца в отношении христиан. Лично он был даже, скорее, благосклонен к ним, под влиянием на него одной женщины, Марции, вероятно – тайной христианки. Но и при нём были отдельные случаи преследования христиан. Так в Риме был казнен сенатор Аполлоний, защищавший в сенате христиан, обвинённый своим рабом в принадлежности к христианству. Но за донос казнён был и раб.

При императоре **Септимию Севере**, занявшем престол после междоусобной войны и царствовавшем с 193 по 211 г., в Александрии, в числе других, был обезглавлен Леонид, отец знаменитого **Оригена**, а также брошена в кипящую смолу девица Потамиена, поразившая красотой исполнителей казни и своим мужеством обратившая ко Христу одного из них, Василида, также принявшего мученический венец. В Лионе был замучен св. **Ириней**, тамошний епископ. Особенно замечательны своим мужеством мученики Карфагенской области, где гонения были сильнее, чем в других местах. Здесь Фивия Перпетуя, молодая женщина благородного происхождения, несмотря на просьбы и слезы отца и материнскую любовь к своему ребенку, объявила себя христианкой, за что была брошена в цирк на растерзание зверями и добита мечом гладиатора. Та же участь постигла и другую христианку, рабыню Фелицитату, мучившуюся родами в темнице, и её мужа Ревоката.

При сыне и преемнике Севера, жестоком **Каракалле** (211–217) положение христиан не изменилось. Частные и местные преследования продолжались.

Со времени имп. **Гелиогабала** (218–222) правительство на некоторое время оставило христиан в покое. Гелиогабал не преследовал их, потому что сам не был привязан к римской государственной религии. Воспитанный на востоке, он особенно увлекался сирийским культом солнца, с которым стремился объединить и христианство. К тому же к этому времени народные возмущения против христиан начинают ослабевать. При ближайшем знакомстве с ними, особенно, в лице христианских мучеников, народ начинает разубеждаться в своих подозрениях относительно их жизни и учения.

Преемник Гелиогабала, император **Александр Север** (222–235), сын почтенной Юлии Маммеи, почитательницы Оригена, не смотрел на христиан как на заговорщиков, заслуживающих ненависть своею позорной жизнью. Усвоив миросозерцание неоплатоников, искавших истины во всех религиях, он познакомился и с христианством. Не признав его безусловно-истинной религией, он, однако, нашёл в нем много достойного уважения и многое из него принял в свой культ. В его божнице, наряду с признаваемыми им божественными существами, Авраамом, Орфеем, Аполлоном, стояло изображение Иисуса Христа. При нём в Риме произошел спор между христианами и язычниками за права владения одним из городских мест, на котором была построена христианская церковь. Александр Север разрешил спор в пользу христиан. Но христианство все же не объявлялось «религией дозволенной».

Преемник Севера, **Максимин Фракиянин** (235–238), был врагом христиан из ненависти к своему предшественнику, которого убил. Чтобы утвердить себя на престоле, он решил поддерживать фанатическую партию среди язычников. Он успел в течение непродолжительного правления издать, по настоянию префекта Каппадокийской области, ненавистника христиан, эдикт о преследовании христиан, в особенности, пастырей Церкви. Гонение, разразившись в Понте и Каппадокии, не было повсеместным, так что в других местах империи христиане жили спокойно.

После Максимиана правили императоры **Гордиан** (238–244) и **Филипп Аравитянин** (244–249), оба настолько благосклонные к христианам, что впоследствии возникло о последнем из них мнение, что он и сам был тайным христианином. Вероятно, они придерживались воззрений Александра Севера. Преследований при них не было. Таким

образом, за исключением времени правления Максимиана, христиане в течение тридцати лет пользовались относительным покоем. В это время христианство успело распространиться в Римской империи настолько, что не оставалось города, где не было бы большого количества христиан. Христианство принимали даже многие из богатых и знатных людей. Но если народные массы по отношению к христианам сделались сдержаннее, если некоторые из императоров были лично благосклонны к ним, почему христианство так быстро и распространялось, то с другой стороны, фанатическая партия в язычестве ненавидела их ещё более и дожидалась случая, когда императорская власть будет в руках человека, разделяющего её взгляды, чтобы полностью истребить христиан. Это и случилось при Декии Траяне.

Император **Декий Траян** (249–251), захвативший престол после борьбы с Филиппом, был ненавистником христиан уже только потому, что его предшественник был к ним благосклонен. Кроме того, как человек грубый, он не размышлял много о верованиях, следуя древнему идолопоклонству и разделяя убеждение, что целостность и благосостояние государства неразрывно связаны с сохранением старой религии. Партии языческих фанатиков такой именно правитель и был нужен. Христиан он задумал истребить полностью. Преследования христиан, которые начались после эдикта 250 г., превосходили все предшествующие своей жестокостью, за исключением, разве, гонения Марка Аврелия. В это жестокое гонение многие отпали от христианства, потому что в предшествовавшее спокойное время многие принимали христианство не по истинному убеждению. Но было и много исповедников, гибнувших в мучениях. Основная тяжесть гонения обрушилась на предстоятелей церквей, которые были опорой христианских обществ. В Риме в начале гонений пострадал еп. Фабиан, равно как приняли мученическую кончину Карп, еп. Фиатирский, Вавила, еп. Антиохийский, Александр, еп. Александрийский и др. Знаменитый же учитель Церкви Ориген претерпел множество истязаний. Некоторые из епископов, чтобы в такое тяжкое время не оставить паств своих без пастырского руководства, покидали на время места, где они жили, и издали управляли ими. Так поступили св. **Киприан Карфагенский** и **Дионисий Александрийский**. А св. Григорий Неокесарийский собрал всех своих пасомых и удалился с ними на время гонения в пустыню, вследствие чего у него совсем не было отпавших. К счастью, гонение продолжалось только около двух лет. В конце 251 г. Декий был убит во время войны с готами.

При **Галле** (252–253) снова начались гонения на христиан из-за того,

что они отказались от языческих жертвоприношений, назначенных императором по случаю общественных бедствий, но скоро прекратились. В это гонение пострадали в Риме **Корнилий** и **Луций**, сменившие друг друга епископы.

Император **Валериан** (253–260) в начале своего правления был благосклонен к христианам, но под влиянием друга Маркиана, фанатика-язычника, начал в 257 г. преследования. Он приказал ссылать в заточение епископов, пресвитеров и диаконов, с запрещением остальным христианам созывать собрания. Эдикт не достиг цели. Сосланные епископы из мест заточения управляли своими паствами, как напр., св. **Киприан Карфагенский** и **Дионисий Александрийский**, и христиане по-прежнему собирались на собрания. В 268 г. последовал второй эдикт, повелевавший казнить священнослужителей, христиан высших классов обезглавливать мечом, знатных женщин ссылать в заточение, придворных, лишив прав и имений, отправлять на работы в царские поместья. О низших классах ничего не говорилось, но с ними тогда и без этого поступали жестоко. Началось жестокое избиение христиан. В числе пострадавших были римский епископ **Сикст II** с четырьмя диаконами, св. **Киприан, еп. Карфагенский**, принявший мученический венец на глазах паствы.

В 259 г., во время войны с персами Валериан был взят в плен и на престол вступил сын его, **Галлиен** (260–268). Он двумя эдиктами объявил христиан свободными от преследований, возвратил им конфискованное имущество, молитвенные дома, кладбища и пр. Таким образом, христианскому обществу давались дозволенные всем в империи имущественные права. Для христиан надолго наступило спокойное время.

Хотя один из последующих императоров, Домиций Аврелиан (270–275), как грубый язычник, не был расположен к христианам, но и он признавал за ними предоставленные им права. Так, в 272 г., будучи в Антиохии, он принял к своему рассмотрению просьбу тамошних христиан, касавшуюся имущественных интересов церкви (еп. Павел Самосатский, низложенный за ересь, не хотел отдать храм и дом епископа вновь поставленному еп. Домну) и решил дело в пользу законного епископа. В 275 г. Аврелиан решил возобновить преследования, но в том же году был убит во Фракии.

В наступившее с 260 г. мирное время, продолжавшееся до конца третьего столетия, христианство **начинает распространяться с необыкновенной быстротой**. Его принимают высокопоставленные лица. **Церковь** открыто вступает в мир. Появляются благоустроенные христианские храмы, в которых на виду у язычников совершаются

богослужения. Христиане не скрываются. Епископы становятся известными язычникам и пользуются среди них уважением и почётом. Но фанатическая партия язычников была ещё очень сильна. Она более, чем когда-либо, понимала, что теперь, при быстром распространении христианства, возникает уже вопрос о том, что должно существовать – христианство или язычество? За этим вопросом, по представлению язычников, следовал другой – о существовании самой Римской империи, которая тесно была связана с языческой религией. Поэтому воинствующее язычество употребляло все усилия к тому, чтобы решить этот вопрос поголовным истреблением христиан (Евграф Смирнов).

Диоклетиан (284–305) в продолжение почти 20 первых лет своего правления не преследовал христиан, хотя лично был привержен к язычеству. Он стремился успокоить подданных государства, постоянно раздираемого внутренними смутами. Христианское общество совсем недавно было признано законным. **Максим Геркул**, грубый солдат, не понимавший политических соображений Диоклетиана, готов был преследовать христиан, особенно, находившихся в его войске и нарушавших воинскую дисциплину отказом от принесения языческих жертв. Напротив, помощник Геркула, кесарь **Констанций Хлор**, человек добросовестный, уважавший всюду добродетель, смотрел на христиан без предубеждения, даже уважал их за твердость в вере, не без основания предполагая, что они также твердо должны быть преданы государю. Но злейшим из всех четырёх правителей был зять Диоклетиана, кесарь **Галерий**. Выходец из низшего сословия, он находился под влиянием своей матери, грубой и суеверной язычницы, и сам был предан язычеству и ненавидел христиан. В нем фанатическая партия язычников нашла нужного ей проводника своих планов. Как подчиненный кесарю, он мог только ограничиться частичными преследованиями христиан, удаляя их от своего двора, отстраняя от военной службы и т.п. Диоклетиан, пока был в силах и не состарился, сдерживал вредные для империи порывы Галерия. Он согласился только издать эдикт об удалении христиан из войска.

В 303 г. Галерий, наконец, достиг своей цели. Он приехал в Никомидию, находящуюся в Вифинии, местопребывании Диоклетиана, и, поддерживаемый жрецами и другими фанатиками, настоятельно требовал издания общего закона против христиан. Старый и больной Диоклетиан, тяготившийся делами правления, подчинился влиянию зятя. Один за другим последовали четыре эдикта, из которых самым страшным был изданный в 304 г., согласно которому все христиане поголовно осуждались на пытки и мучения с целью принудить их к отречению от веры. Начались

самые страшные гонения, которые до тех пор испытали христиане. Подробно об этих гонениях рассказывает их современник, известный Евсевий, еп. Кесарийский, в своей церковной истории. Устроив такую кровавую резню христиан, правители полагали, что христианское имя истреблено совершенно, и хотели торжествовать победу, приказав выбить медали в память истребления и восстановления почитания богов. Но торжество оказалось преждевременным. Выступали всё новые и новые поборники его, отдававшие на всевозможные мучения. Вообще же, в этой последней борьбе с отживающим язычеством, отпавших христиан было гораздо менее, чем при Декии.

Между тем, в управлении империей произошли существенные перемены. В 305 г. императоры Диоклетиан и Максимиан удалились от дел. Титул августов получили: на востоке – **Галерий**, а на западе – **Констанций Хлор**. Кесарями же, после избрания Галерия, стали: на востоке родственник его, **Максимин**, а на западе – **Север**. Последний вскоре был свергнут **Максентием**, сыном Максимиана Геркула, который сам на время принял участие в управлении для поддержки сына. В 306 г. произошла новая перемена, особенно важная для христиан. Умер Констанций Хлор и титул императора на западе принял сын его, **Константин**, унаследовавший благосклонность отца своего к христианам. Галерий не доволен был положением на западе. Он послал войска против Максентия на защиту Севера. Не признавал он августом Константина, которого ненавидел ещё тогда, когда находился при дворе Диоклетиана, а также опасался его противодействия в деле преследования христиан.

Такая политическая обстановка была с одной стороны невыгодна для христиан. Галерий, став августом-императором, продолжал преследования с той же жестокостью. На востоке его усердным помощником был кесарь Максимин. Но с другой стороны для христиан западной половины империи наступило более спокойное время. Ещё Констанций Хлор только для видимости исполнял некоторые эдикты, как например, допустил разрушение нескольких церквей, Константин же вообще не преследовал христиан. Максентий, мало заботившийся об управлении, не преследовал христиан систематически, ограничиваясь лишь частными истязаниями и поруганиями. Таким образом, когда на западе гонение почти прекратилось, на востоке оно продолжалось столь же жестоко. Но, наконец, силы нападающих язычников истощились. Церковь, которую, по словам Спасителя, не одолеют и врата ада, не могла погибнуть от злобы людей. Злейший враг христиан, **Галерий**, пораженный тяжкой и неизлечимой болезнью, убедился, что никакая человеческая сила не может

уничтожить христианства. Поэтому в 311 г., незадолго до своей смерти, выбрав одного из своих полководцев, **Ликиния**, вместе с ним и с западным императором Константином издал эдикт о **прекращении гонения на христиан**. В указе, между прочим, говорилось: «Позволяем христианам оставаться христианами и строить дома для своих обычных собраний; за такое наше снисхождение христиане должны молить своего Бога о нашем здравии, о благосостоянии общественном и своём собственном». Тем самым римское правительство торжественно засвидетельствовало своё бессилие в борьбе с христианами. Вследствие эдикта, христиан, прежде гонимых и ссылаемых, прекратили выискивать и возвращали из заточения. Снова стали появляться христианские храмы и совершаться богослужения. Даже язычники, познакомившиеся ещё ближе с христианами, радовались часто вместе с ними, изумляясь силе христианского Бога, защищавшего Свою Церковь. Эдикт был обязателен для кесарей. Но **Максимин**, управлявший Сирией и Египтом, сначала по необходимости покорившийся требованию императоров, был против прекращения гонения, тем более что после смерти в 311 г. Галерия не признавал Ликиния августом и присвоил себе императорское достоинство. Он начал было по-прежнему преследовать христиан, запрещал им строить, изгонял из городов, некоторых увечил. Им были преданы смерти известный епископ Емесский Силван, сорок лет проходивший своё служение, кесарийский пресвитер Памфил, ученый антиохийский пресвитер Лукиан, Александрийский епископ Петр и др.

На западе Максентий, хотя и должен был подчиниться эдикту, но оставался таким же тираном своих подданных, как христиан, так и язычников. Но скоро оба кесаря – противники христиан вынуждены были совсем оставить правление. В 312 г. император запада, Константин, поразив под спасительным знаменем креста ненавидимого всеми тирана Максентия, стал единодержавным правителем запада и окончательно склонился в пользу христиан. В 313 г. случилось то же на востоке и с Максимином, который был низвержен Ликинием, утвердившим свое господство в его провинциях.

Святые мученики

При имп. Нероне (54–68 г.) произошло первое настоящее гонение на христиан, до тех пор носившее частный и случайный характер. «Произошло оно по следующему поводу. Деспот-император, губивший для своего удовольствия жизнь и благосостояние своих подданных, сжег более половины Рима. Общественное мнение в этом пожаре обвиняло его. Чтобы отвести от себя подозрения и успокоить волновавшийся народ, Нерон обвинил в поджоге христиан. А так как о христианах сложилось уже мнение, как о человеконенавистниках, то народ без труда поверил такой клевете, и как правительство, так и народ начали преследовать христиан. В Риме правительство хватало множество христиан и обвиняло их, по отзыву Тацита, «не столько в поджигательстве, сколько в ненависти к человеческому роду». Многие из них претерпели ужасные мучения, пока не были замучены до смерти. Их одевали в шкуры зверей и травили собаками, распинали на крестах, обливали горючими веществами и сжигали по ночам вместо факелов для освещения садов Нерона. Гонение при Нероне, начавшееся в 65 г., продолжалось до 68 г., когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это гонение пострадали в Риме апп. Пётр и Павел; Пётр был распят на кресте вниз головой, а Павел усечён мечом. Хотя Нерон не издавал никакого общего для всей империи закона относительно христиан, тем не менее, гонение едва ли ограничилось одним Римом; по крайней мере, правители провинций могли теперь безнаказанно позволять черни выражать свою ненависть к христианам насильственными мерами» (Евграф Смирнов).

Преемники Нерона, императоры **Веспасиан** (69–79) и **Тит** (79–81), оставили христиан в покое. Это были государи справедливые и в своей империи терпимо относились ко всем религиозным и философским учениям.

При **Домициане** (81–96), враге христиан, в 96 г. в Рим из Ефеса был вызван ап. Иоанн Богослов. Домициан приказал ввергнуть его в котёл с кипящим маслом. Когда святой остался невредимым, он сослал его на остров Патмос. При Домициане св. Антипа, еп. Пергамский, был сожжён в медном быке.

Император **Нерва** (96–98) возвратил из заточения всех сосланных Домицианом, в том числе и христиан. Он запретил рабам доносить на господ и, вообще, боролся с доносами, в том числе и на христиан. Но и при нем христианство оставалось ещё **недозволенным**.

При имп. **Траяне** (98–117) потерпели, в числе многих христиан, св. **Климент**, еп. Римский, св. **Игнатий Богоносец**, еп. Антиохийский и **Симеон**, еп. Иерусалимский, 120-летний старец, сын Клеопы, преемник по кафедре ап. Иакова.

Имп. **Адриан** (117–138) гонения продолжал, но он принял меры для обуздания неистовства толпы против христиан. Обвиняемые должны были подвергаться судебному разбирательству и только по признании их вины наказываться. При нём впервые выступают защитники христиан – апологеты. Таковы были **Аристид** и **Кондрат**. Их апологии способствовали изданию указанного закона.

Преемник Адриана, **Антонин Пий** (138–161), продолжал его политику в отношении христиан.

При сильных гонениях в царствование **Марка Аврелия Философа** (161–180) принял мученическую смерть в Риме св. **Иустин Философ**, основавший там христианскую школу; тогда же, в 166 г. замучены были и его ученики. Особенно сильны были гонения в Смирне, где был замучен св. **Поликарп**, еп. Смирнский, и в галльских городах Лионе и Вене.

Преемник Марка Аврелия, его сын **Коммод** (180–192), мало занимался делами правления. Он не продолжал политики отца в отношении христиан. Лично он был даже, скорее, благосклонен к ним, под влиянием на него одной женщины, Марции, вероятно – тайной христианки. Но и при нём были отдельные случаи преследования христиан. Так в Риме был казнен сенатор Аполлоний, защищавший в сенате христиан, обвинённый своим рабом в принадлежности к христианству. Но за донос казнён был и раб.

При императоре **Септимию Севере**, занявшем престол после междоусобной войны и царствовавшем с 193 по 211 г., в Александрии, в числе других, был обезглавлен Леонид, отец знаменитого **Оригена**, а также брошена в кипящую смолу девица Потамиена, поразившая красотой исполнителей казни и своим мужеством обратившая ко Христу одного из них, Василида, также принявшего мученический венец. В Лионе был замучен св. **Ириней**, тамошний епископ. Особенно замечательны своим мужеством мученики Карфагенской области, где гонения были сильнее, чем в других местах. Здесь Фивия Перпетуя, молодая женщина благородного происхождения, несмотря на просьбы и слезы отца и материнскую любовь к своему ребенку, объявила себя христианкой, за что была брошена в цирк на растерзание зверями и добита мечом гладиатора. Та же участь постигла и другую христианку, рабыню Фелицитату, мучившуюся родами в темнице, и её мужа Ревоката.

При сыне и преемнике Севера, жестоком **Каракалле** (211–217) положение христиан не изменилось. Частные и местные преследования продолжались.

Со времени имп. **Гелиогабала** (218–222) правительство на некоторое время оставило христиан в покое. Гелиогабал не преследовал их, потому что сам не был привязан к римской государственной религии. Воспитанный на востоке, он особенно увлекался сирийским культом солнца, с которым стремился объединить и христианство. К тому же к этому времени народные возмущения против христиан начинают ослабевать. При ближайшем знакомстве с ними, особенно, в лице христианских мучеников, народ начинает разубеждаться в своих подозрениях относительно их жизни и учения.

Преемник Гелиогабала, император **Александр Север** (222–235), сын почтенной Юлии Маммеи, почитательницы Оригена, не смотрел на христиан как на заговорщиков, заслуживающих ненависть своею позорной жизнью. Усвоив миросозерцание неоплатоников, искавших истины во всех религиях, он познакомился и с христианством. Не признав его безусловно-истинной религией, он, однако, нашёл в нем много достойного уважения и многое из него принял в свой культ. В его божнице, наряду с признаваемыми им божественными существами, Авраамом, Орфеем, Аполлоном, стояло изображение Иисуса Христа. При нём в Риме произошел спор между христианами и язычниками за права владения одним из городских мест, на котором была построена христианская церковь. Александр Север разрешил спор в пользу христиан. Но христианство все же не объявлялось «религией дозволенной».

Преемник Севера, **Максимин Фракиянин** (235–238), был врагом христиан из ненависти к своему предшественнику, которого убил. Чтобы утвердить себя на престоле, он решил поддерживать фанатическую партию среди язычников. Он успел в течение непродолжительного правления издать, по настоянию префекта Каппадокийской области, ненавистника христиан, эдикт о преследовании христиан, в особенности, пастырей Церкви. Гонение, разразившись в Понте и Каппадокии, не было повсеместным, так что в других местах империи христиане жили спокойно.

После Максимиана правили императоры **Гордиан** (238–244) и **Филипп Аравитянин** (244–249), оба настолько благосклонные к христианам, что впоследствии возникло о последнем из них мнение, что он и сам был тайным христианином. Вероятно, они придерживались воззрений Александра Севера. Преследований при них не было. Таким

образом, за исключением времени правления Максимиана, христиане в течение тридцати лет пользовались относительным покоем. В это время христианство успело распространиться в Римской империи настолько, что не оставалось города, где не было бы большого количества христиан. Христианство принимали даже многие из богатых и знатных людей. Но если народные массы по отношению к христианам сделались сдержаннее, если некоторые из императоров были лично благосклонны к ним, почему христианство так быстро и распространялось, то с другой стороны, фанатическая партия в язычестве ненавидела их ещё более и дожидалась случая, когда императорская власть будет в руках человека, разделяющего её взгляды, чтобы полностью истребить христиан. Это и случилось при Декии Траяне.

Император **Декий Траян** (249–251), захвативший престол после борьбы с Филиппом, был ненавистником христиан уже только потому, что его предшественник был к ним благосклонен. Кроме того, как человек грубый, он не размышлял много о верованиях, следуя древнему идолопоклонству и разделяя убеждение, что целостность и благосостояние государства неразрывно связаны с сохранением старой религии. Партии языческих фанатиков такой именно правитель и был нужен. Христиан он задумал истребить полностью. Преследования христиан, которые начались после эдикта 250 г., превосходили все предшествующие своей жестокостью, за исключением, разве, гонения Марка Аврелия. В это жестокое гонение многие отпали от христианства, потому что в предшествовавшее спокойное время многие принимали христианство не по истинному убеждению. Но было и много исповедников, гибнувших в мучениях. Основная тяжесть гонения обрушилась на предстоятелей церквей, которые были опорой христианских обществ. В Риме в начале гонений пострадал еп. Фабиан, равно как приняли мученическую кончину Карп, еп. Фиатирский, Вавила, еп. Антиохийский, Александр, еп. Александрийский и др. Знаменитый же учитель Церкви Ориген претерпел множество истязаний. Некоторые из епископов, чтобы в такое тяжкое время не оставить паств своих без пастырского руководства, покидали на время места, где они жили, и издали управляли ими. Так поступили св. **Киприан Карфагенский** и **Дионисий Александрийский**. А св. Григорий Неокесарийский собрал всех своих пасомых и удалился с ними на время гонения в пустыню, вследствие чего у него совсем не было отпавших. К счастью, гонение продолжалось только около двух лет. В конце 251 г. Декий был убит во время войны с готами.

При **Галле** (252–253) снова начались гонения на христиан из-за того,

что они отказались от языческих жертвоприношений, назначенных императором по случаю общественных бедствий, но скоро прекратились. В это гонение пострадали в Риме **Корнилий** и **Луций**, сменившие друг друга епископы.

Император **Валериан** (253–260) в начале своего правления был благосклонен к христианам, но под влиянием друга Маркиана, фанатика-язычника, начал в 257 г. преследования. Он приказал ссылать в заточение епископов, пресвитеров и диаконов, с запрещением остальным христианам созывать собрания. Эдикт не достиг цели. Сосланные епископы из мест заточения управляли своими паствами, как напр., св. **Киприан Карфагенский** и **Дионисий Александрийский**, и христиане по-прежнему собирались на собрания. В 268 г. последовал второй эдикт, повелевавший казнить священнослужителей, христиан высших классов обезглавливать мечом, знатных женщин ссылать в заточение, придворных, лишив прав и имений, отправлять на работы в царские поместья. О низших классах ничего не говорилось, но с ними тогда и без этого поступали жестоко. Началось жестокое избиение христиан. В числе пострадавших были римский епископ **Сикст II** с четырьмя диаконами, св. **Киприан, еп. Карфагенский**, принявший мученический венец на глазах паствы.

В 259 г., во время войны с персами Валериан был взят в плен и на престол вступил сын его, **Галлиен** (260–268). Он двумя эдиктами объявил христиан свободными от преследований, возвратил им конфискованное имущество, молитвенные дома, кладбища и пр. Таким образом, христианскому обществу давались дозволенные всем в империи имущественные права. Для христиан надолго наступило спокойное время.

Хотя один из последующих императоров, Домиций Аврелиан (270–275), как грубый язычник, не был расположен к христианам, но и он признавал за ними предоставленные им права. Так, в 272 г., будучи в Антиохии, он принял к своему рассмотрению просьбу тамошних христиан, касавшуюся имущественных интересов церкви (еп. Павел Самосатский, низложенный за ересь, не хотел отдать храм и дом епископа вновь поставленному еп. Домну) и решил дело в пользу законного епископа. В 275 г. Аврелиан решил возобновить преследования, но в том же году был убит во Фракии.

В наступившее с 260 г. мирное время, продолжавшееся до конца третьего столетия, христианство **начинает распространяться с необыкновенной быстротой**. Его принимают высокопоставленные лица. **Церковь** открыто вступает в мир. Появляются благоустроенные христианские храмы, в которых на виду у язычников совершаются

богослужения. Христиане не скрываются. Епископы становятся известными язычникам и пользуются среди них уважением и почётом. Но фанатическая партия язычников была ещё очень сильна. Она более, чем когда-либо, понимала, что теперь, при быстром распространении христианства, возникает уже вопрос о том, что должно существовать – христианство или язычество? За этим вопросом, по представлению язычников, следовал другой – о существовании самой Римской империи, которая тесно была связана с языческой религией. Поэтому воинствующее язычество употребляло все усилия к тому, чтобы решить этот вопрос поголовным истреблением христиан (Евграф Смирнов).

Диоклетиан (284–305) в продолжение почти 20 первых лет своего правления не преследовал христиан, хотя лично был привержен к язычеству. Он стремился успокоить подданных государства, постоянно раздираемого внутренними смутами. Христианское общество совсем недавно было признано законным. **Максим Геркул**, грубый солдат, не понимавший политических соображений Диоклетиана, готов был преследовать христиан, особенно, находившихся в его войске и нарушавших воинскую дисциплину отказом от принесения языческих жертв. Напротив, помощник Геркула, кесарь **Констанций Хлор**, человек добросовестный, уважавший всюду добродетель, смотрел на христиан без предубеждения, даже уважал их за твердость в вере, не без основания предполагая, что они также твердо должны быть преданы государю. Но злейшим из всех четырёх правителей был зять Диоклетиана, кесарь **Галерий**. Выходец из низшего сословия, он находился под влиянием своей матери, грубой и суеверной язычницы, и сам был предан язычеству и ненавидел христиан. В нем фанатическая партия язычников нашла нужного ей проводника своих планов. Как подчиненный кесарю, он мог только ограничиться частичными преследованиями христиан, удаляя их от своего двора, отстраняя от военной службы и т.п. Диоклетиан, пока был в силах и не состарился, сдерживал вредные для империи порывы Галерия. Он согласился только издать эдикт об удалении христиан из войска.

В 303 г. Галерий, наконец, достиг своей цели. Он приехал в Никомидию, находящуюся в Вифинии, местопребывании Диоклетиана, и, поддерживаемый жрецами и другими фанатиками, настоятельно требовал издания общего закона против христиан. Старый и больной Диоклетиан, тяготившийся делами правления, подчинился влиянию зятя. Один за другим последовали четыре эдикта, из которых самым страшным был изданный в 304 г., согласно которому все христиане поголовно осуждались на пытки и мучения с целью принудить их к отречению от веры. Начались

самые страшные гонения, которые до тех пор испытали христиане. Подробно об этих гонениях рассказывает их современник, известный Евсевий, еп. Кесарийский, в своей церковной истории. Устроив такую кровавую резню христиан, правители полагали, что христианское имя истреблено совершенно, и хотели торжествовать победу, приказав выбить медали в память истребления и восстановления почитания богов. Но торжество оказалось преждевременным. Выступали всё новые и новые поборники его, отдававшие на всевозможные мучения. Вообще же, в этой последней борьбе с отживающим язычеством, отпавших христиан было гораздо менее, чем при Декии.

Между тем, в управлении империей произошли существенные перемены. В 305 г. императоры Диоклетиан и Максимиан удалились от дел. Титул августов получили: на востоке – **Галерий**, а на западе – **Констанций Хлор**. Кесарями же, после избрания Галерия, стали: на востоке родственник его, **Максимин**, а на западе – **Север**. Последний вскоре был свергнут **Максентием**, сыном Максимиана Геркула, который сам на время принял участие в управлении для поддержки сына. В 306 г. произошла новая перемена, особенно важная для христиан. Умер Констанций Хлор и титул императора на западе принял сын его, **Константин**, унаследовавший благосклонность отца своего к христианам. Галерий не доволен был положением на западе. Он послал войска против Максентия на защиту Севера. Не признавал он августом Константина, которого ненавидел ещё тогда, когда находился при дворе Диоклетиана, а также опасался его противодействия в деле преследования христиан.

Такая политическая обстановка была с одной стороны невыгодна для христиан. Галерий, став августом-императором, продолжал преследования с той же жестокостью. На востоке его усердным помощником был кесарь Максимин. Но с другой стороны для христиан западной половины империи наступило более спокойное время. Ещё Констанций Хлор только для видимости исполнял некоторые эдикты, как например, допустил разрушение нескольких церквей, Константин же вообще не преследовал христиан. Максентий, мало заботившийся об управлении, не преследовал христиан систематически, ограничиваясь лишь частными истязаниями и поруганиями. Таким образом, когда на западе гонение почти прекратилось, на востоке оно продолжалось столь же жестоко. Но, наконец, силы нападающих язычников истощились. Церковь, которую, по словам Спасителя, не одолеют и врата ада, не могла погибнуть от злобы людей. Злейший враг христиан, **Галерий**, пораженный тяжкой и неизлечимой болезнью, убедился, что никакая человеческая сила не может

уничтожить христианства. Поэтому в 311 г., незадолго до своей смерти, выбрав одного из своих полководцев, **Ликиния**, вместе с ним и с западным императором Константином издал эдикт о **прекращении гонения на христиан**. В указе, между прочим, говорилось: «Позволяем христианам оставаться христианами и строить дома для своих обычных собраний; за такое наше снисхождение христиане должны молить своего Бога о нашем здравии, о благосостоянии общественном и своём собственном». Тем самым римское правительство торжественно засвидетельствовало своё бессилие в борьбе с христианами. Вследствие эдикта, христиан, прежде гонимых и ссылаемых, прекратили выискивать и возвращали из заточения. Снова стали появляться христианские храмы и совершаться богослужения. Даже язычники, познакомившиеся ещё ближе с христианами, радовались часто вместе с ними, изумляясь силе христианского Бога, защищавшего Свою Церковь. Эдикт был обязателен для кесарей. Но **Максимин**, управлявший Сирией и Египтом, сначала по необходимости покорившийся требованию императоров, был против прекращения гонения, тем более что после смерти в 311 г. Галерия не признавал Ликиния августом и присвоил себе императорское достоинство. Он начал было по-прежнему преследовать христиан, запрещал им строить, изгонял из городов, некоторых увечил. Им были преданы смерти известный епископ Емесский Силван, сорок лет проходивший своё служение, кесарийский пресвитер Памфил, ученый антиохийский пресвитер Лукиан, Александрийский епископ Петр и др.

На западе Максентий, хотя и должен был подчиниться эдикту, но оставался таким же тираном своих подданных, как христиан, так и язычников. Но скоро оба кесаря – противники христиан вынуждены были совсем оставить правление. В 312 г. император запада, Константин, поразив под спасительным знаменем креста ненавидимого всеми тирана Максентия, стал единодержавным правителем запада и окончательно склонился в пользу христиан. В 313 г. случилось то же на востоке и с Максимином, который был низвержен Ликинием, утвердившим свое господство в его провинциях.

Св. Игнатий, епископ Антиохийский

Велик и славен сонм мучеников за Господа Иисуса Христа. Отметим некоторых из них.

Св. Игнатий был учеником ап. Иоанна Богослова и около 70 г. по Рождестве Христовом был рукоположен во епископы, управляя Антиохийской церковью более 30 лет. В 107 г. император Траян, отправляясь на войну с персами, прибыл в Антиохию. Граждане Антиохии устроили по этому случаю веселые празднества, на которых царили разгул и пьянство. Христиане не приняли в них участия. Об этом донесли императору, а на епископа Игнатия было указано, как на главного виновника. Учinen был допрос, и последовало решение императора: «Игнатия приковать к воинам и отправить в Рим на съедение зверям для увеселения народа». Антиохийские христиане с глубокой скорбью и слезами проводили своего старца-епископа. Малоазийские церкви, зная, как тяжел и утомителен путь св. Игнатия в Рим к месту казни, оказывали ему самое трогательное внимание и уважение. Многие церкви высылали навстречу св. Игнатию своих представителей, чтобы приветствовать его и послужить ему. Известны семь посланий к разным церквам, написанные св. Игнатием в пути в ответ на эти трогательные изъявления братской любви. Между прочим, узнав, что римские христиане хлопочут об его освобождении, он писал им, чтобы они оставили это и не мешали ему пострадать за Христа.

Наконец, настал день страданий. Св. Игнатий радостно вошел в амфитеатр, беспрестанно повторяя имя Христово. «Что ты повторяешь одно и то же слово?» – спросили его воины. Св. Игнатий ответил: «Оно написано у меня на сердце, потому и повторяют Его уста». С молитвою ко Господу вышел он на арену. Дикае звери были спущены и с яростью растерзали святого исповедника, оставив от него только несколько костей. Эти кости с благоговением собрали антиохийские христиане, сопровождавшие своего епископа до места мучения, завернули их, как драгоценное сокровище, в чистое полотно и отвезли в свой город. Св. Игнатий пострадал 20-го декабря, и ученики его сообщили об этом окружным церквам для того, чтобы ежегодно праздновать этот день в память священномученика.

Св. Поликарп, епископ Смирнский

Св. Поликарп вместе с Игнатием Богоносцем был учеником Иоанна Богослова. Рукоположенный апостолом во епископа Смирнского, он отечески пас Церковь более сорока лет и пережил несколько гонений.

В начале гонения при императоре Марке Аврелии взволнованная языческая чернь потребовала казни святого епископа. Поликарп хотел остаться в городе, но потом внял просьбе близких ему людей и удалился в одно селение. Здесь во время молитвы ему было видение, что горит изголовье на его постели. Он сказал своим спутникам: «Я буду сожжён живым». Наконец, место его убежища было открыто. Со словами: «Да будет воля Господня!», Поликарп сам вышел к своим преследователям и даже велел дать им угощение, попросив себе только некоторое время для молитвы, по окончании которой бодро отправился на место мучения.

Вблизи города встретили его начальники римской стражи и стали уговаривать к отречению от Христа, но св. Поликарп оставался непреклонен. При появлении его на городской площади чернь подняла страшный крик. В эти минуты явственно для св. Поликарпа и окружавших его христиан раздались слова: «Мужайся, будь непоколебим!» Проконсул сказал св. Поликарпу: «Пощади свою старость, одумайся, поклянись гением кесаря, произнеси хулу на Христа, и я тебя отпущу». Св. Поликарп отвечал: «Восемьдесят шесть лет я служу Ему и видел от Него только доброе: могу ли я хулить Царя моего – Спасителя?» – Проконсул стал грозить ему дикими зверями, костром и проч. Поликарп твёрдо стоял в своём исповедании, и радостно сияло его лицо. Толпа между тем неистово кричала: «Это учитель нечестия, отец христиан, хулитель наших богов; ко львам его!» Когда распорядитель зверинца в цирке объявил, что представление уже окончено, то раздались новые крики «сжечь Поликарпа», – и проконсул согласился с этим требованием.

Тотчас натаскали брёвен и дров, причем особенно усердствовали евреи. Св. Поликарпа, по обычаю, хотели приковать к столбу железными скобами, но он попросил, чтобы не заковывали. «Тот, Кто даст мне силу терпеть сожжение, – сказал он, – поможет и без железных уз быть на костре неподвижным!» Поэтому привязали его к столбу только веревками. Как писали очевидцы: «С руками, связанными за спиной, он походил на агнца, избранного в жертву, благоприятную Господу». Перед самым зажжением костра, св. Поликарп произнес молитву, в которой благодарил Бога за то, что Он причисляет его к сонму мучеников. Когда костер был

зажжён, то, ко всеобщему удивлению, пламя вздулось как бы от сильного напора ветра и окружило мученика наподобие сияния: в воздухе носился аромат ладана и благоуханных кореньев. Видя, что пламя не действует, один из палачей поразил св. Поликарпа мечом. Тогда его кровь полилась так обильно, что погасила пламя костра. Язычники и евреи, однако же, снова развели огонь и держали его, пока не сожжено было тело священномученика. Осталось от него только несколько костей. Христиане с благоговением собрали их и затем ежегодно совершали в день кончины (23 февраля) святую память его.

Св. Иустин Философ

Св. Иустин Философ, по происхождению грек, в юности почувствовал влечение к философии, слушал все известные тогда философские школы (стоиков, перипатетиков, пифагорейцев) и ни в одной не нашел удовлетворения. После этого ему встретился один старец величественной наружности и указал ему на писания пророков и апостолов, но «прежде, – сказал он, – молись Богу и Господу Иисусу Христу, чтобы Он просветил очи твоего сердца». Иустин начал изучать священные книги и всё более и более убеждался в божественном происхождении христианской религии. Окончательно склонили его к вере Христовой то мужество и та радость, с которыми христианские мученики и мученицы шли на страдания.

Сделавшись христианином, Иустин не снял с себя философской мантии, дававшей ему право вступать в учёные споры. Он путешествовал по разным странам, был в Палестине, Малой Азии, Египте, Риме и всюду старался привести искателей мудрости к той истине, которая наполнила миром и радостью его собственное сердце. В то же время он старался защищать христиан от обвинений со стороны язычников. Известны две апологии, написанные им в защиту христиан, и несколько сочинений, в которых он доказывает превосходство христианства над иудейством и язычеством. Один из его противников (циник Крискент), не в силах преодолеть его в спорах, донес на него римскому правительству, и Иустин безбоязненно и радостно встретил мученическую кончину.

Св. Киприан, епископ Карфагенский

Св. Киприан происходил из знатного рода и получил отличное образование, был адвокатом, жил весело и роскошно. Но светская жизнь с её развлечениями и удовольствиями не удовлетворяла его. В это время разочарования и скуки пресвитер Цецилий указал ему путь к истине. Киприан живо изображает ту великую перемену, какую он почувствовал и в сердце и в жизни после святого крещения, и сохранил к Цецилию живейшую благодарность, в знак которой присоединил имя его к своему имени. Тотчас по своем обращении, он продал свои сады и виллы и деньги раздал бедным, и за строгую подвижническую жизнь и высокое просвещение через два года после крещении, был поставлен уже епископом карфагенской церкви против собственной воли по единодушному и непреклонному желанию народа. На кафедре святителя Киприан проявил неутомимую деятельность и необыкновенную энергию для поддержания дисциплины в клире церковном и добрых нравов в обществе, которые начали колебаться и изменяться к худшему вследствие продолжительного мира церкви. Он принимал самое живое участие в разрешении вопросов о принятии в церковь падших (т.е. изменивших вере во время гонений, которых было особенно много во время жестокого гонения Декия), о крещении ушедших от еретиков и раскольников, для чего входил в сношения с римской и восточными церквами. Памятниками энергичной архипастырской деятельности св. Киприана остались его творения, которые имеют руководственное значение, преимущественно в вопросах церковной дисциплины.

Как только в Карфагене стал известным указ Декия, направленный против христиан, то, прежде всего, раздались крики языческой черни: «Кольвам Киприана». Верующие убедили святого епископа удалиться на некоторое время из Карфагена. Из убежища своего он строго следил за паствой, ободрял христиан в то тяжелое время, обличал нарушителей заведенных им церковных порядков, боролся с возмутителями церкви (Новатом и Фелициссимом), ниспровергал возводимую на него клевету. Возвращение его было встречено радостными криками народа, и с его появлением прекратились раздоры, и водворился мир в церкви. В начале гонения при правлении Валериана (в 257 г.), Киприан был заточен в одном городе среди знойной пустыни. Св. Киприан находил, однако же, возможность и отсюда управлять церковью. Здесь было ему видение о предстоящем ему мучении, и назначен срок для приготовления к кончине.

Св. Киприан желал одного, чтобы пострадать в Карфагене. Желание это исполнилось. Он был возвращен в Карфаген и предан язычникам. На требование проконсула принести жертву идолу, он отвечал отказом, и когда ему был объявлен смертный приговор, радостно воскликнул: «Слава Богу!» Спокойно вошёл он на место мучения; преклонив колена, помолился, благословил народ, распорядился, чтобы палачу был сделан подарок, сам завязал себе глаза и преклонил голову для отсечения. Христиане взяли тело его и с великой честью похоронили, причем кровь его, тщательно собранная верующими в платки, сохранилась как драгоценное сокровище.

Св. Сикст и св. архидиакон Лаврентий

В то же самое гонение, в которое был усечён мечом священномученик Киприан, пострадал и св. Сикст, папа Римский. Когда вели Сикста к месту казни, огромная толпа народа окружала его. Вдруг через толпу протискивается один молодой человек, подходит к епископу, удерживает его за одежду и со слезами восклицает: «Куда ты идёшь, отец мой, без сына своего?» Это был архидиакон римской церкви Лаврентий. «Я не оставлю тебя, сын мой, – с любовью ответил ему Сикст. – Мы, старцы, ведем легкую брань, тебя ожидает более славный подвиг; скоро ты последуешь за мной».

Предречение это исполнилось. Вскоре после блаженной кончины св. Сикста, римский префект призвал к себе архидиакона Лаврентия и потребовал от него выдачи сокровищ Римской церкви, о которых ходила среди язычников преувеличенная молва. «Ваше учение, – с насмешкой сказал ему префект, – повелевает вам отдать кесарево кесарю: отдай же деньги, на которых вырезан портрет императора». Лаврентий спокойно отвечал: «Подожди немного, дай привести дела в порядок». Дано было ему три дня срока. На третий день св. Лаврентий собрал бедных, которые получали пособия от Римской церкви, и привёл их на двор префекта. «Выйди, – сказал он префекту: – посмотри на сокровище нашей церкви; весь двор твой полон золотых сосудов». «Ты смеешься надо мной, – с гневом сказал префект, увидев бедных, – я знаю: вас учат презирать смерть; но я заставлю тебя долго мучиться». Он приказал раздеть св. Лаврентия и привязать к железной решетке. Под решетку подложили хворост и зажгли его. Святой мученик несколько минут лежал на одном боку и не произнес ни одного звука. Затем спокойно сказал: «Испеклось уже; пора перевернуть», и, с молитвой за мучителей, предал дух свой Господу.

Св. мученицы София, Вера, Надежда и Любовь

В первой половине 2 в. по Р. Х. жила в Риме вдова-христианка, по имени София. Три дочери её носили имена трёх главных христианских добродетелей: Вера, Надежда, Любовь. Будучи сама христианкой, она воспитывала их в духе святой веры. На них донесли императору Адриану, и он пожелал их видеть. Легко было догадаться, зачем их зовут, и они стали с молитвой готовиться к мученичеству.

Мать убеждала юных дочерей отдать жизнь за Христа. «Дети мои, – говорила она, – вспомните, что я в страданиях родила вас, со многими трудами воспитала вас: утешьте старость матери вашей твёрдым исповеданием имени Христова». Укреплённые молитвой и увещаниями матери, три отроковицы, из которых старшей было только двенадцать лет, безбоязненно исповедали перед царем веру и на глазах матери после мучений были обезглавлены. Софию царь не предал мучениям, зная, что мучения не поколеблют её веры, и позволил ей даже похоронить дочерей, но на третий день после испытанного ею потрясения при виде страданий своих дочерей, и она предала Богу свою душу (около 137 г., память их 17 сентября).

Св. великомученица Анастасия Узорешительница

Св. Анастасия была дочерью знатного и богатого римлянина. Отец её был язычником, мать – христианкой. Отличаясь умом и красотой, она получила блестящее воспитание. Мать и один ревностный христианин, по имени Хрисогон, зажгли в её сердце любовь ко Христу и, ради Него, ко всем бедным и страждущим. В особенности же она сострадала заключённым в темницах. После кончины матери, она была против своей воли выдана замуж. Муж её был человек жестокий и, опасаясь, что она всё богатство расточит на заключённых, стал держать её взаперти. Лишенная свободы и возможности посещать томившихся в темницах, она писала своему воспитателю: «Моли за меня Бога, за любовь к Которому я страдаю до изнеможения"... Старец ей ответил на это: «Не забывай, что ходящий по водам Христос силен утишить всякую бурю». Вскоре муж её умер, и она получила свободу. Теперь она уже не ограничивалась темницами одного Рима, но переходила из города в город, из страны в страну – доставляла узникам пищу, одежду, омывала их раны, просила тюремных стражей, чтобы они освобождали страдальцев от железных оков, натиравших им раны, и за это платила им большие деньги. За все эти подвиги человеколюбия и присвоено ей наименование Узорешительницы. Один раз, придя в темницу к узникам, которым она служила ещё накануне, она не нашла их на месте, так как ночью все они были казнены, и горько заплакала. Заключив из этого, что и она христианка, её взяли и отдали на суд правителю. Употреблены были все меры, чтобы склонить её к отречению от веры, но все они остались безуспешными. Тогда присуждена была ей страшная казнь: привязать к четырем столбам, под ними развести огонь и сжечь живую; но прежде, чем разгорелось пламя, она скончалась (около 304 г. Память ее 22 декабря).

Великомученица Екатерина и царица Августа

Св. великомученица Екатерина родилась в Александрии, происходила из знатного рода и отличалась мудростью и красотой.

Многие богатые князья искали её руки. Мать и родные уговаривали её вступить в супружество, чтобы богатство отца её не перешло в чужие руки. Но она отказывала женихам и говорила близким своим: «Если хотите, чтобы я вышла замуж, то найдите мне юношу, который был бы мне равен по красоте и учёности». Один старец-пустынный, человек светлого ума и праведной жизни, сказал ей: «Я знаю одного чудного отрока, который превосходит тебя во всех твоих дарованиях, нет ему подобного». В заключение беседы он дал ей икону Пресвятой Девы с Божественным Младенцем. После этого, ночью, в лёгком сне, представилось ей, что Царица Небесная, окружённая ангелами, стоит перед ней и держит на руках Младенца, и от Него исходят как бы солнечные лучи. Но напрасно старалась Екатерина взглянуть на лицо Младенца. Он отворачивал от неё Свой Светлый лик. «Не презирай Твоего создания, – говорила Божия Мать, – скажи ей, что должна она делать, чтобы насладиться славой Твоей и увидеть светлое Твоё лицо». «Пусть идёт она к старцу, – отвечал Младенец, – и узнает от него, что ей должно делать».

Чудный сон глубоко поразил девушку. Как только настало утро, она пошла к старцу, упала к его ногам и просила его помощи и совета. Старец подробно объяснил ей истинную веру: говорил ей о блаженстве райском, о погибели грешников. Мудрая дева смирилась и, уверовав всем сердцем, приняла святое крещение.

Екатерина возвратилась домой, обновившись душой, долго молилась, много плакала и заснула посреди своей молитвы; и вот она снова увидела во сне Мать Божию; но теперь лицо Божественного Младенца обратилось к ней: Он кротко и милостиво взирал на девицу. Пресвятая Дева взяла правую руку девицы, Божественный Младенец надел ей чудный перстень и сказал ей: «Не знай жениха земного». Екатерина проснулась с неизъяснимою радостью в сердце.

В то время прибыл в Александрию Максимин, соправитель императора Диоклетиана. Он разослал вестников по всем городам, сзывая народ на языческий праздник. Екатерина скорбела о таком безумстве царя и народа. Когда настал день праздника, она пошла в храм и безбоязненно сказала царю: «Не стыдно ли тебе, царь, молиться мерзким идолам? Познай истинного Бога, безначального и бесконечного; Им цари

царствуют и мир стоит. Он сошёл на землю и сделался Сам человеком для спасения нашего». Максимин заключил её в темницу за неуважение к богам. Затем он велел собрать ученых, чтобы разубедить девицу, но они не могли противостоять ей в слове и признали себя побеждёнными. Царь не оставлял, однако, намерения убедить Екатерину и старался прельстить её дарами и обещаниями почестей и славы. Но Екатерина отвечала, что одежда мученицы для неё краше царской багряницы.

Между тем Максимин по делам удалился из города. Царица Августа, жена его, много слышавшая о дивной красоте и мудрости Екатерины, пожелала видеть её и по её убеждению приняла веру христианскую.

Когда царь возвратился, то снова послал за Екатериной. Твёрдость святой исповедницы опять возбудила в нем злобу; он велел принести колесо с твёрдыми зубцами и грозил привязать её к этому страшному орудию казни; но и угрозы не устроили Екатерину. Тогда царь велел предать её этой ужасной казни, но едва только началось мучение, как невидимая сила сокрушила орудие муки, и св. Екатерина осталась невредима.

Царица Августа, услышав о случившемся, вышла из своего дворца и стала укорять мужа, как он смеет бороться с Самим Богом. Царь страшно разгневался и повелел её умертвить.

На другой день царь в последний раз призвал Екатерину и склонял её к замужеству, но и это было напрасно. Вида тщету усилий своих, царь велел предать её смерти, и воин отсек ей голову 24 ноября 310 г.

Св. великомученица Варвара и св. великомученица Иулиания

Св. великомученица Варвара родилась в Илиополе Финикийском. Отличаясь необыкновенным умом и дивной красотой, она по желанию своего отца Диоскора жила вдали от родных и сверстниц, с одной наставницей и несколькими рабынями в башне, которую отец специально для неё построил. Башня эта стояла на высокой горе, с которой открывался прекрасный вид вдаль. «Кто сотворил всё это?» – спросила она у своей наставницы. «Наши боги», – отвечала та. Св. Варвара не удовлетворилась этим ответом. После долгого размышления она пришла к мысли о едином Творце мира, и неизъяснимая радость наполнила её душу: свет благодати коснулся её, через творения она познала Творца.

С этой поры все помыслы св. Варвары были устремлены к тому, чтобы полнее познать истинное учение о Боге и Его святой воле. Между тем, отец её отправился на время в другую страну. Получив в его отсутствие большую свободу, св. Варвара имела случай встретиться с некоторыми из жён-христианок, вступила с ними в беседу, и от них узнала то, чего жаждала её душа. С неизреченною радостью приняла она святое крещение. Но вот отец её возвратился и узнал, что дочь, так тщательно им укрываемая, приняла христианство. Страшен был его гнев; он подверг её жестоким истязаниям; потом, видя, что угрозы и наказания остаются бесполезными, ещё более ожесточился и передал её на мучения правителю страны по имени Мартин.

Мартин сначала хотел подействовать на неё ласковым обращением, стал хвалить красоту её и увещевал не уклоняться от древних отеческих обычаев и не раздражать отца непокорством. На это св. Варвара отвечала исповеданием и прославлением имени Христа, Который был ей дороже всех благ и радостей мирских. Убедившись, что увещевания бесполезны, Мартин велел бить её воловьими жилами. Долго мучили её, но ничем не могли поколебать твердой веры. Томили её в темнице. И это оказалось напрасным. Тогда она присуждена была к смертной казни, и сам Диоскор отсек ей голову (в 306 г. по данным месяцеслова Косолапова. Мощи св. великомученицы Варвары почивали в гор. Киеве, в Михайловском монастыре).

Твердость св. Варвары в исповедании веры так подействовала на одну христианку по имени Иулиания, что она решилась разделить с нею скорби, заключение, истязания, суд и мученическую смерть.

При такой твёрдости в перенесении страданий, какую показывали святые мученики и мученицы, гонения со стороны язычников не только не уничтожили церкви, но, напротив, даже способствовали её распространению. На место пострадавших являлись новые исповедники Христовы. Случались обращения в самой претории, как только являлись туда святые исповедники. «Кровь мучеников – есть семя христиан», – сказал один из церковных учителей. Гонения способствовали распространению христианства ещё тем, что рассеивали христиан по всей земле и куда бы они ни приходили, всюду насаждали семена веры. Гонения держали верующих на страже веры и церкви, и в непрестанной бодрости способствовали возбуждению духа веры и взаимной любви и очищению церкви от людей слабых и недостойных быть её членами (отделяли золото от примесей).

Эдикт Константина Великого

«В начале 4 в., при постоянных столкновениях с христианами, язычники уже хорошо знали, что такое христианское общество, каковы его цели и стремления, и не находили во всём этом ничего преступного, ничего достойного порицания. Массы народа во время последних гонений уже не принимали в них участия; даже некоторые проконсулы, как например, в Карфагене, были настолько благосклонны к христианам, что позволяли им скрывать священные книги. Видя, что христианская Церковь после трёхвековой кровавой борьбы за своё существование не уничтожена, не поколебалась даже в последнее, жесточайшее из всех гонений, язычники начали сознавать, что в ней присутствует истинная божественная сила, чудесно защищающая её. Это сознание было присуще большинству язычников; только грубые фанатики, поднявшие последнюю борьбу за умиравшее язычество, чужды были ему.

Император Константин, поистине великий, святой и равноапостольный, первый открыто высказал это, тяготевшее над языческим миром, убеждение в истинности христианства и ложности язычества. До обращения своего в христианство он был одним из тех язычников, которые смотрели разумно, без предубеждения, как на язычество, так и на христианство. Первоначальное воспитание под руководством отца Констанция Хлора и матери Елены, благосклонно относившихся к христианам, развило в нём то беспристрастие и благосклонность к христианскому обществу, которым он и отличался впоследствии. Далее с умом философски образованным Константин по самому положению своему имел возможность беспристрастно провести сравнение между отживающим язычеством и полным жизни и силы христианством. В юности он состоял при дворе Диоклетиана и Галерия, видел все ужасы гонения на христиан, видел их твёрдость и имел возможность понять, что только божественная сила воодушевляла их идти на мученичество. Под влиянием живых и сильных впечатлений юности, в душе Константина, не находившего удовлетворения своему религиозному чувству в язычестве, начинается религиозный переворот. Хотя до 312 г. он считался ещё язычником и даже в 308 г. совершал служение богам, но религиозное сомнение не покидало его. Сближение с христианами, находившимися при дворе, окончательно склонило его к предпочтению христианства перед язычеством. Кроме удовлетворения своего религиозного чувства новой религией, Константин, в противоположность

своим предшественникам императорам, видел в замене язычества христианством не падение империи, а обновление её жизни новыми началами; он знал, каким братством соединены между собой христиане, какими верными подданными они могут быть и какой прочный оплот могут составить для государства. Чудесное видение им Креста в 312 г., перед битвой с Максентием, утвердило ещё более Константина в намерении принять христианство и заявить об этом открыто. После победы над Максентием он велел в Риме на видном месте поставить себе статую с крестом в правой руке и с надписью: «Этим спасительным знамением, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана». Очень скоро Константин, хотя он ещё и не принимал крещения, доказал самим делом свой переход в христианство. В начале 313 г. в Медиолане (Милан) появился **манифест**, подписанный им и Ликинием, позволявший каждому свободное исповедание веры и, в частности, разрешавший свободный переход в христианство всякому желающему. Затем Константин повелел возвратить всё, отнятое у христиан и у церквей их во время последнего гонения, недвижимое имущество» («История Христ. Церкви» Евграфа Смирнова).

Ранняя христианская письменность. Лжеучения

«В начале 4 в., при постоянных столкновениях с христианами, язычники уже хорошо знали, что такое христианское общество, каковы его цели и стремления, и не находили во всём этом ничего преступного, ничего достойного порицания. Массы народа во время последних гонений уже не принимали в них участия; даже некоторые проконсулы, как например, в Карфагене, были настолько благосклонны к христианам, что позволяли им скрывать священные книги. Видя, что христианская Церковь после трёхвековой кровавой борьбы за своё существование не уничтожена, не поколебалась даже в последнее, жесточайшее из всех гонений, язычники начали сознавать, что в ней присутствует истинная божественная сила, чудесно защищающая её. Это сознание было присуще большинству язычников; только грубые фанатики, поднявшие последнюю борьбу за умиравшее язычество, чужды были ему.

Император Константин, поистине великий, святой и равноапостольный, первый открыто высказал это, тяготевшее над языческим миром, убеждение в истинности христианства и ложности язычества. До обращения своего в христианство он был одним из тех язычников, которые смотрели разумно, без предубеждения, как на язычество, так и на христианство. Первоначальное воспитание под руководством отца Констанция Хлора и матери Елены, благосклонно относившихся к христианам, развило в нём то беспристрастие и благосклонность к христианскому обществу, которым он и отличался впоследствии. Далее с умом философски образованным Константин по самому положению своему имел возможность беспристрастно провести сравнение между отживающим язычеством и полным жизни и силы христианством. В юности он состоял при дворе Диоклетиана и Галерия, видел все ужасы гонения на христиан, видел их твёрдость и имел возможность понять, что только божественная сила воодушевляла их идти на мученичество. Под влиянием живых и сильных впечатлений юности, в душе Константина, не находившего удовлетворения своему религиозному чувству в язычестве, начинается религиозный переворот. Хотя до 312 г. он считался ещё язычником и даже в 308 г. совершал служение богам, но религиозное сомнение не покидало его. Сближение с христианами, находившимися при дворе, окончательно склонило его к предпочтению христианства перед язычеством. Кроме удовлетворения своего религиозного чувства новой религией, Константин, в противоположность

своим предшественникам императорам, видел в замене язычества христианством не падение империи, а обновление её жизни новыми началами; он знал, каким братством соединены между собой христиане, какими верными подданными они могут быть и какой прочный оплот могут составить для государства. Чудесное видение им Креста в 312 г., перед битвой с Максентием, утвердило ещё более Константина в намерении принять христианство и заявить об этом открыто. После победы над Максентием он велел в Риме на видном месте поставить себе статую с крестом в правой руке и с надписью: «Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана». Очень скоро Константин, хотя он ещё и не принимал крещения, доказал самим делом свой переход в христианство. В начале 313 г. в Медиолане (Милан) появился **манифест**, подписанный им и Ликинием, позволявший каждому свободное исповедание веры и, в частности, разрешавший свободный переход в христианство всякому желающему. Затем Константин повелел возвратить всё, отнятое у христиан и у церквей их во время последнего гонения, недвижимое имущество» («История Христ. Церкви» Евграфа Смирнова).

Нападения на христиан со стороны ученых и философов

Христианская Церковь в первые века своего существования подверглась нападению и со стороны языческой научной литературы. **Тацит** и **Плиний Младший**, не входя в сущность христианства, именовали его «суеверием»: первый – «пагубным», а второй – «грубым и безмерным». Ополчились против христианства и представители стоиков, эпикурейцев, неоплатоников. Им представлялось странным и нелепым то, что люди неучёные, вышедшие из низших классов населения, осмеливаются решать вопросы, над которыми издавна трудились великие умы. Стоики презирали христиан за грубый, по их пониманию, фанатизм, упорство и мучеников – за их святое воодушевление. В середине 2 в. **Флавий Арриан**, ученик Эпиктета, приписывал им «помешательство». Стоик император **Марк Аврелий** презирал их за суеверие и преследовал.

Для эпикурейцев, которые человеческое бытие ограничивали одним только чувственным миром, насмехавшихся и над языческим миром, возвышенное учение христиан представлялось «блужданием по воздуху». Представитель этой школы **Лукиан Самосатский** (ок. 180 г.) в своём сатирическом сочинении «О смерти Перегринуса» дерзко и неосновательно высмеивает общество христиан. Другой эпикуреец, Цельс (ок. 150 г.), усвоивший идеи платонической школы, собрал всё, что тогда говорилось языческими учеными против христианства. Он старался опровергнуть христианство научными приёмами. В его понимании, христианство – произведение презираемого иудейства, а то, что в нём истинно, – взято у греческих философов. Цельс объявляет христианство опасным для всех общественных и политических учреждений.

Неоплатоники принимали в своё мирозерцание и религиозные веры язычников, не исключая и христианство, и признавали Основателя его, Иисуса Христа, великим и святым, причисляя Его к мудрым и благочестивым мужам древности. Представителем такого направления философии был **Аммоний Сакк**, живший в Александрии в конце 2 и начале 3 веков, и ученик его **Плотин**, основавший около 240 г. свою школу в Риме.

«Под влиянием неоплатоников, – пишет Евграф Смирнов, – в языческом обществе, с 3 в. началось оживлённое религиозное движение, разрешившееся религиозно-философским эклектизмом, – направлением крайне неопределённым, следуя которому, каждый мог составить особое

религиозное миросозерцание. Известны даже личности Римских императоров, которые держались в религии эклектического образа мыслей; таковыми были Гелиогабал, Александр Север, Филипп Аравитянин и, по всей вероятности, Констанций Хлор. Но если эти государи, усвоившие философию неоплатоников, не как мыслители, а как люди, искавшие правильных религиозных понятий, не считали нужным вооружаться против христианства, то рьяные поборники неоплатонизма не могли оставить его в покое. Имея в виду основную задачу своей системы – дать обществу религию, хотя бы и составленную из тех же религиозных систем, но очищенную от грубого материализма философскими воззрениями, религию, по их понятию, совершенную, – они относились неприязненно к христианству, которое не делало никакой уступки в пользу их системы, по-прежнему оставалось единственно истинной религией в мире, религией Божественной, без всякого слияния с языческими религиями и философией; а это-то и было противно желаниям неоплатоников, стремившихся преобразовать его в свою систему».

Первым из неоплатоников начал полемику против христианства **Порфирий**, родом из Тира, ученик Плотина (233–304). Из сочинений его наиболее замечательны два: пятнадцать книг «Против христиан» и «О философии оракулов». Евграф Смирнов пишет: «Общее воззрение у Порфирия то, что Основатель христианства – Христос – был муж благочестивый; Он Сам не желал, чтобы Его почитали за Бога, но Его последователи, будто бы, дошли до такого ослепления, что сделали Его Богом. По отзыву церковного историка Евсевия, Порфирий, написавший против христианства сочинение, в котором, порицая св. книги, касается их толкователей и, не в силах найти ничего худого в христианских догматах, за недостатком доводов прибегает к ругательству и нападает на изъяснителей».

С ещё большей лживостью выступил против христиан неоплатоник **Иерокл**, написавший сочинение в двух книгах под названием «Правдивое слово христианам».

Христианские апологеты

Христиане принимали меры для ограждения от нападков правительства, народа и учёных. Они обращались к властям, прося справедливо разобраться в их делах. Вместе с тем, они старались опровергать то, что писали о них языческие учёные. Обязанность хлопотать и опровергать принимали на себя христианские писатели, называемые поэтому **апологетами**.

Апологетические сочинения были двоякого рода: апологии **судебные**, написанные для правительства с целью побудить его прекратить преследования христиан, и апологии **научного характера**, направленные против нападений на христианство языческой философии и вообще язычества. Апологии первого рода начинают появляться со времён Адриана. Этому императору представляли свои апологии **Кодрат** и **Аристид**. Сохранился небольшой отрывок из апологии Кодрата. Он доказывал, что христиане исповедуют истинную религию и что дела Спасителя – факт исторический, и исцелённые и воскрешённые Им жили после вознесения Господа.

В царствование Антонина Пия выступил новый защитник христиан св. **Иустин Философ**, до принятия христианства принадлежавший к школе платоников. Он написал две апологии, из которых особенно замечательна первая. Он опровергнул все обвинения, возводимые на христиан язычниками. Доказав, что христиане – люди невинные и безвредные, он просил у императора, называющегося благочестивым и философом, только справедливости и защиты невинных. Особенно много апологетов выступило во время жестоких гонений на христиан при **Марке Аврелии**. Тогда писали апологии **Мелитон**, еп. Сардийский, **Клавдий Аполлинарий**, еп. Иерапольский, **Афинагор**, христианский философ и **Мильтиад**, христианский писатель. Такие апологии, большей частью, не достигали своей цели, почему к концу 2 в. совсем прекратились. Грубой физической силе языческого правительства христиане могли противопоставить только своё необыкновенное мужество и терпение в перенесении преследований и мучений.

Не так было при нападениях языческого мира, устных и письменных, на самые основы христианства. На все возражения против христианства последователи его отвечали множеством сочинений, в которых не только с успехом отстаивали своё вероучение, но, в свою очередь, выставляли основательные опровержения самого язычества с его религией и

философией. Начиная со 2 в., на поприще христианской защитительной литературы, вступает ряд писателей, которые по своему научному образованию могли вполне спорить с языческими учёными. Таковыми были те же св. **Иустин Философ**, **Клавдий Аполлинарий**, **Мильтиад**, **Афинагор**. Известны также сочинения **Тертуллиана** (в конце 2 и нач. 3 вв.) в защиту христианства, особенно, «Две книги к народам». Римский адвокат **Минуций Феликс** (ум. 210 г.) в своём сочинении «Октавий», написанном в форме разговора между христианином и язычником, с убедительным красноречием опровергал те возражения язычников, какие были в ходу после ожесточённого врага христианства, Цельса. Писал также апологии св. Феофил, еп. Антиохийский (ум. в 181 г.). Христианский философ Ермий (ок. 189 г.) в своём сочинении «Осмеяние языческих философов» сделал решительный выпад против философских систем, противоречащих одна другой и здравому смыслу.

Помимо отдельных личностей, выступает на защиту христианства и против язычества известное **Александрийское** огласительное училище. В нём (по крайней мере, со второй половины 2 в.), главной задачей всего обучения было поставлено опровержение язычества и защита христианства. Александрия, бывшая центром языческой учёности, превратилась и в рассадник христианского просвещения. Учителя Александрийского училища, знакомые со всей языческой учёностью, могли защищать христианство научным путём. Знаменитый **Климент Александрийский**, бывший там учителем с 191 по 202 г., умерший в 220 г., перед своими слушателями, нередко образованными и философами, выставлял христианство с его богооткровенным учением, как единственно истинную философию и единственно истинное знание. Находил он проблески истины и в философии Платона. В своём сочинении «**Протрептик**» или «**Увещательное слово к эллинам**» Климент доказывает ложь и ничтожество созданной поэтами языческой религии, сравнительно с христианством, раскрывает всё безобразие языческих мистерий, гнусность идолов и бесчеловечие языческих жертвоприношений.

Ориген, ученик и преемник Климента на поприще учительства, ещё более знаменитый, чем его учитель, продолжал защиту христианства в том же направлении. Он осознавал необходимость познания языческой философии для защиты христианства и изучал неоплатонизм. Они оба облекли в систему христианское вероучение и, в противоположность языческой философии, как произведению заблуждавшегося человеческого ума, торжественно выставили его, как высшее Богооткровенное ведение и

единственно совершенную философию. Ориген составил замечательный труд – восемь книг «**Против Цельса**», написанный в 249 г., сохранивший своё значение и поныне. Его доказательства касательно божественности Лица Господа Иисуса Христа и Его воплощения приводятся в сочинениях и современных богословов. Действительность воплощения Бога Слова Ориген доказывает ветхозаветными пророчествами, которые все исполнились на Господе Иисусе Христе, о чём свидетельствует история, достоверность повествований которой не подлежит сомнению.

Христианскими писателями было написано много сочинений, направленных против **неоплатоников**. Несколько книг против Порфирия написал св. Мефодий, еп. Патарский, пострадавший около 310 г. К сожалению, сохранилось только несколько его выражений, записанных св. Иоанном Дамаскиным. Историк Евсевий, еп. Кесарийский (умер в 340 г.), написал 25 книг в опровержение Порфирия и небольшое сочинение против Иерокла.

Христианская письменность выступала ещё против неоплатоников и вообще против язычества и после эпохи Константина Великого. (Использованы данные Е.Смирнова).

Источники вероучения Церкви

"Господь Иисус Христос, – пишет Евграф Смирнов, – во время общественного служения по спасению людей Своё Божественное учение, на котором была основана Его Церковь, преподавал устно. Апостолы, посвящённые им во все тайны царствия Божия и озарённые также Св. Духом, были хранителями Его учения. Выступая сами на проповедь этого учения, они также распространяли его устно, – так что христианское учение первоначально заключалось в вере и сознании каждого, уверовавшего во Христа. Но в то же время апостолы позаботились о том, чтобы Божественное учение Основателя христианства сохранилось не по преданию только, но и в письменах. По внушению Св. Духа они сами или под их надзором ближайшие их сподвижники, с одной стороны, записали деяния Спасителя и Его учение, с другой – оставили письменные памятники того, как они распространяли это учение, как понимали его сами и как оно должно быть понимаемо верующими. Таким образом, в первое же время существования Христианской Церкви её Божественное учение прочно было ограждено от примеси сторонних учений. Четыре Евангелия – Матфея, Марка, Луки и Иоанна, Деяния апостолов, семь соборных апостольских посланий, четырнадцать посланий ап. Павла и Откровение ап. Иоанна, – заключили в себе всю сущность христианского вероучения. Все эти книги составили св. Писание Нового Завета; оно и стало первым источником христианского вероучения. Что касается Священного Писания Ветхого Завета, то и оно, как боговдохновенное и полезное для научения, обличения, исправления и наставления в праведности (2Тим. 3:16), также было источником христианского вероучения в подлежащих пунктах учения о домостроительстве спасения рода человеческого.

«Но если евангелист Иоанн заметил, что самый мир не вместил бы написанных книг с подобным изложением всех деяний Христа Спасителя (Иоан. 21:25), если принять во внимание, что апостолы постоянно и довольно долгое время проповедовали евангельское учение, то будет несомненно, что в св. книгах, оставленных ими Церкви, христианское вероучение изложено только в основных, существенных пунктах. Частности учения развиты были апостолами устно и переданы вере и сознанию христиан, особенно предстоятелей церквей, основанных или посещенных ими. Поэтому **Апостольское Предание** относительно частных и второстепенных сторон вероучения является вторым после

Священного Писания источником христианского вероучения. Преданием объясняется и дополняется все письменно изложенное вероучение».

Канон Св. Книг и Св. Предание

Христианское вероучение, сосредоточенное в двух источниках – **Св. Писании** и **Св. Предании** – должно было остаться неизменным в том виде, в каком оно заключено в них. Первой заботой Церкви послеапостольских времен было приведение к единству источников своего вероучения. Церковь, составляя сборник всех писаний, поступала со строгой разборчивостью и только после продолжительных исследований о той или иной книге, хотя и принадлежавшей апостолам, но не общеизвестной, принимала ее в состав сборника священных книг. Постепенно образовался один во всей Вселенской Церкви сборник Священного Писания Нового Завета, или **канон** священных книг Нового Завета. Долгое время возникали споры относительно отделения посланий апостолов. В 4 в. Церковь вынесла окончательно решение по поводу спорных вопросов. Принимая в канон священные книги, по проверке из писаний апостольских, о которых возникали споры, Церковь вместе с тем исключила из священных книг писания не апостольские и решительно отвергала все книги подложные и апокрифические, каковы, напр., евангелие «от Евреев», от «Египтян», «Евангелие Никодима», «Евангелие Фомы», «Деяния Павла», «Апокалипсис Петра» и проч.

Церковь заботливо охраняла неприкосновенность **Св. Предания**, признавая священным, апостольским только то, которое, несомненно, исходило от апостолов и не противоречило их писаниям. Первыми хранителями апостольского предания были предстоятели церквей, непосредственные ученики апостолов, ими самими поставленные. Они, в свою очередь, передавали предание своим преемникам.

Замечательно свидетельство о таком способе хранения предания св. Иринея Лионского, ученика св. Поликарпа Смирнского: «Быв еще отроком, – писал он к Флорину, впавшему в ересь, – я видел тебя в нижней Азии у Поликарпа. Тогдашнее я помню тверже, чем недавнее; потому что познания детского возраста, укрепляясь вместе с душою, укореняются в ней. Так я могу наименовать даже место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп; могу указать все входы и исходы его; начертать образ его жизни и внешний вид; изложить его беседы с народом; описать его общение с Иоанном, как он сам рассказывал, и с прочими самовидцами Господа; изобразить, как он сам припоминал слова их, как и что слышал от них о Господе, как он пересказывал о Его чудесах и учении, о чем получил предание от людей, которые сами видели Слово жизни. Я

записывал слова его не на бумаге, а в сердце, и благодать Божия помогает мне всегда хранить их в свежей памяти».

Всякое учение проверялось преданием и только после этого признавалось правильным. «Свидетельство предания, по Тертуллиану и Иринею, – пишет Е. Смирнов, -важно также для оценки подлинности писаний апостольских; только тогда, по учению их, то или другое писание должно быть признано апостольским, когда таким оно признается церквами апостольскими и теми, к кому первоначально написано. С течением времени, мало-помалу, при постоянном общении всех частных церквей, по возникавшим касательно вероучения и книг св. Писания вопросам составилось единое предание всей Вселенской Церкви, которое стало сохраняться не устно, но и письменно, в творениях православных отцов Церкви».

Краткое изложение церковного учения в символах

«Спаситель дал апостолам заповедь принимать в Его Церковь всех после **предварительного научения** истинам веры, – пишет Е. Смирнов. – Поэтому апостолы, прежде чем принимать в Церковь новых членов, старались научить их. Так делал ап. Петр, когда после сошествия Св. Духа обратил ко Христу около трех тысяч человек или при обращении сотника Корнилия. Так же поступал диакон Филипп в Самарии, равно как ап. Павел и другие апостолы. Из примеров предварительного научения истинам веры, представленных в книге Деяний апостольских, видно, что такое научение ограничивалось только главными истинами. Апостолы говорили о важнейших событиях ветхозаветной и новозаветной истории в приложении их к домостроительству спасения, убеждали покаяться и уверовать в Иисуса Христа, как в обетованного Мессию и Спасителя, и т.д. После того, как слушавшие апостольскую проповедь усваивали основные истины, апостолы принимали их в Церковь через крещение. Таким образом, при обращении верующих апостолами положено было начало **краткому изложению основных истин веры**, которые должен был знать и принимать с верой каждый вступающий в Церковь.

После апостолов краткие изложения истин веры, составляемые на основании их писаний и преданий, были во всеобщем употреблении в Церкви и получили название символов, т.е. образцов веры. Знания и исповедания веры в том виде, в каком она изложена в символах, Церковь требовала от своих членов по примеру апостолов при крещении их. Первоначально не было во всех церквях одного общего символа; та или другая частная церковь имела свой символ. Но различие было только в форме, в выражениях, а не в сущности заключающегося в них учения. Содержание всех символов – одно и то же учение о едином и троичном Боге, развиваемое также одинаково, но с дополнением к некоторым из них особых определений и выражений, прилагаемых к Лицу Бога Отца или Бога Сына, и направленных против лжеучений тех или других еретиков. Известны символы церквей: иерусалимской, римской, антиохийской, кесарийской, галльской (в творениях Иринея), карфагенской (в сочинениях Тертуллиана), александрийской (в сочинениях Оригена) и др. Но уже в 3 в. все символы мало-помалу стали получать единую форму; в 4 в. на первом Вселенском соборе окончательно определен был общий для всех церквей символ веры, который сделался как бы суммой всего христианского вероучения и из которого возможно развитие его во всей

полноте».

Частные догматы, раскрывавшиеся св. церковью

«В противоположность языческому многобожию, Церковь с особенной ясностью должна была излагать свое учение о **единстве и единовластии Божиим**. При вступлении в общество христиан каждый уверовавший, если он был язычник, обязан был засвидетельствовать свою веру в **Единого Бога**, и потому во всех символах первым пунктом стоит учение о Едином Боге. Затем, все отцы и писатели Церкви, опровергавшие язычников, со всей обстоятельностью раскрывали не только действительность, но и необходимость существования **Единого Бога**. В доказательство этого, кроме указаний на св. Писание и св. Предание, церковные писатели приводили то соображение, что совместное существование многих богов ведет за собой отрицание Божества вообще, так как боги, если их несколько, взаимно ограничивают один другого, а истинный Бог должен быть **неограничен** и потому **един**.

«Другой догмат, раскрытый Церковью во 2 и 3 веках, – это о **Св. Троице**. Учение о Св. Троице в первое же время существования Церкви подвергалось многим возражениям со стороны язычников и искажениям со стороны почти всех еретиков, а, особенно, антитринитариев. Поэтому церковь вынуждена была настоятельно утверждать **Троичность Лиц в Боге**. Все отцы и учителя Церкви 2 и 3 веков на основании св. Писания и св. Предания положительно, без всяких колебаний, в своих сочинениях говорят об одинаковом Божественном достоинстве всех трех Лиц, называя каждое из Них Богом, утверждают самостоятельность и отдельное бытие каждого и проч».

«Вместе с догматом о Св. Троице раскрывался также и догмат о Лице Иисуса Христа. Церковь в лице своих отцов и учителей положительно утверждала, что Иисус Христос есть Бог и вместе с тем человек, с душой и телом человеческим. Такое учение о Лице Иисуса Христа с особенной полнотой и обстоятельностью раскрыто в сочинении Мелитона Сардийского «О воплощении Христовом.». Не лишенным здравого смысла, говорит Мелитон, нет необходимости доказывать чуждую призрачности, действительность души и тела Его и одинаковость человеческого естества Его с нашим. Дела Христовы после крещения и особенно чудеса показывали и доказывали миру, что в плоти Его сокрыто Божество. Будучи Богом и вместе человеком совершенным, Он явил нам два Свои естества: Божество – чудесами, сотворенными в течение трех лет после Его крещения, и человека – за те 30 лет, когда немощь плоти скрывала

знамения Божества Его, хотя Он был истинным Богом предвечным». Такие же мысли развивались и другими церковными писателями. Напр., Иринеем. Но вопрос об образе соединения в Лице Иисуса Христа Бога и человека не был еще вполне раскрыт отцами 2 и 3 вв.

«Что касается **таинств**, то учение о них, раскрытое Церковью во 2 и 3 веках, то же самое, какое хранит Православная Церковь и в настоящее время. Все церковные писатели 2 и 3 веков согласно признавали таинства такими священнодействиями, через которые невидимо сообщается благодать Божия, возрождающая, обновляющая и освящающая человека, принимающего их. Также согласно учили многие писатели Церкви, что таинства имеют Божественное происхождение, что они должны быть совершаемы в определенных формах и уполномоченными на то лицами, и от такого совершения таинств ставили в зависимость их действительность. Что касается числа таинств, то хотя ни один из писателей 2 и 3 века не говорит обо всех таинствах в совокупности, но порознь они говорят обо всех **семи**. Один об одном таинстве, другой – о двух, третий – о трех и даже четырех. В частности, о таинстве Крещения они учили, что оно должно быть совершаемо над всеми вступающими в Церковь через троекратное погружение в воду во имя Отца и Сына и Св. Духа, для возрождения в новую духовную жизнь с отпущением всех грехов. Только Тертуллиан имел свой особый взгляд на условия для совершения этого таинства. Поставляя силу и действительность Крещения в абсолютную зависимость от веры принимающих его, он допускал крещение только для взрослых и не допускал крещения младенцев. О **Евхаристии** учили, что в ней под видом хлеба и вина преподаются верующим **истинное Тело** и **истинная Кровь** Господа Иисуса Христа; что хлеб и вино становятся действительным Телом и действительной Кровию Господа после молитв о призывании на Св. Дары Святого Духа; что причащаться должны все верующие и под обоими видами, т.е. как Тела, так и Крови Христовой; что Евхаристия есть благодарственная и умиловительная жертва за живых и умерших и т.п. О **покаянии** учили, что оно должно быть совершаемо через **устное** исповедание грехов перед пастырями Церкви и через формальное, именем Божиим разрешение кающегося от грехов.

«Наконец, у некоторых церковных писателей 2 и 3 веков есть следы учения о призывании и почитании святых. С самого начала общим верованием Церкви было, что между Церковью земною и Церковью небесной существует взаимное общение, что святые, принадлежащие к Церкви небесной, своими молитвами ходатайствуют перед Богом за живущих на земле. Это верование, основание которого заключается в

изречении Иоанна Богослова в Апокалипсисе (8:3–5; 5:8), раскрыто у Киприана и, особенно, у Оригена. Вместе с этим верованием и на основании его, в первые же времена церковной жизни установилось учение о необходимости призывания святых и почитания их, как посредников между Богом и людьми. Из церковных писателей, раскрывавших учение о призывании и почитании святых, известны Ириней, Тертуллиан, Киприан, Ориген. Ириней и Тертуллиан называли Пресвятую Деву Марию ходатайницей за Еву; Киприан высказал, что отшедшие из сей жизни прежде других должны молить милосердного Отца об оставшихся братьях и сестрах; Ориген в молитве к Иову сам просил его ходатайства перед Богом; он же говорил и о почитании ангелов, хотя не таком, какое воздается Богу; так же об этом есть свидетельство св. Иустина Мученика. Самый факт почитания мучеников и их останков во 2 и 3 вв. говорит о распространенности учения почитания святых».

Происхождение ересей и лжеучений

С самого возникновения христианства были люди, только внешним образом его принявшие, сущности его не понявшие и искавшие его примесью посторонних учений, чуждых Священному Писанию и Преданию. Люди, во всей полноте принявшие и усвоившие христианское учение, исповедовали **православие**; те, кто искажал его, придерживались **ереси**.

«В появлении еретиков, искажавших божественное неизменяемое учение Христианской Церкви», – пишет Е. Смирнов, – «есть некоторая последовательность и система, именно – переход от общего к частному. Следовало ожидать, что на первых порах, вследствие вступления в Церковь иудеев и язычников, не хотевших вполне отказаться от иудейства и язычества и потому смешивавших христианское учение с воззрениями иудейскими, появятся еретические заблуждения относительно всей системы христианского вероучения, а не отдельного какого-либо пункта. Так действительно и было: с одной стороны явились еретики **иудействующие**, называемые также **евйонитами**, которые стремились слить христианство с иудейством, даже с подчинением первого последнему, а с другой – **язычествующие**, или, как они назывались во 2 веке, **гностики**, а потом **манихеи**, стремившиеся из христианского вероучения в соединении его с восточным религиозным мирозерцанием или греческой философией образовать смешанную религиозную систему. Когда лжеучения этих еретиков были отвергнуты Церковью и уже стали отживать, на смену им появились другого рода ереси, возросшие уже на христианской почве. Предметом их служит главный догмат христианства о троичности Лиц в Божестве. Это – ереси **антитринитариев**. В последующее за тем время развивается ересь по вопросу еще более частному: о Божественности Второго Лица Святой Троицы. Эта ересь, известная под именем **арианства**, открыто появилась уже в начале 4 века. В век апостольский мы видим еретиков **иудействующих** и **язычествующих**. Последние положили начало тому гностицизму, который развился особенно сильно во 2 в. после времен апостольских».

Еретики иудействующие

Начало иудействующих ересей относится ко времени Апостольского собора, на котором было решено, что соблюдение Моисеева закона необязательно для христиан, т.к. спасение в христианской Церкви совершается благодатью Господа Иисуса Христа. Партия христиан из иудеев фарисейского направления, поставившая вопрос о необходимости для спасения соблюдения и Моисеева закона, осталась при своем мнении. Сначала вопрос этот не был острым, т.к. в Палестине христиане из иудеев по установившемуся обычаю исполняли закон Моисеев и принимали обрезание.

«В тридцатых годах 2 в., когда строгое соблюдение Моисеева закона стало невозможным, часть христиан из иудеев совершенно оставила исполнение его, присоединилась к христианам из язычников, составивших церковь в построенном на месте разрушенного Иерусалима городе, **Елие Капитолине**, и даже согласилась на избрание епископа из необрезанных; партия же христиан из иудеев, отстаивавшая соблюдение закона Моисеева, решительно отделилась от Церкви и образовала отдельное, вполне еретическое общество. Впрочем, и эта партия распалась на две части: строгих ревнителей закона и умеренных. Первые известны под названием **евионитов**, вторые – **назареев** (именем назареев не уверовавшие во Христа иудеи первоначально называли всех христиан из иудеев, как это видно из Деян. Апост. 24:5). **Назарей**, в сущности, не отступали от общецерковного учения, признавая Иисуса Христа Мессией и Богом, допуская Его сверхъестественное рождение и проч. Но при этом они считали необходимым соблюдение Моисеева закона для христиан из иудеев, не придавая ему такого значения для христиан из язычников и признавая ап. Павла для последних учителем Божественной мудрости. Церковь относилась снисходительно к этой партии иудействующих, не считая их, в собственном смысле, еретиками. Партия назареев в небольшом числе существовала до 4 века.

«Совсем другое представляет собой партия **евионитов**, получивших такое название от еврейского слова **евион**, что значит «бедный» (евиониты названы этим именем или по бедности их общества, или по бедности умственной, духовной). Они признавали решительно необходимым для всех христиан соблюдение Моисеева закона, считая ап. Павла, восставшего против этого, отступником от веры. По их понятию, иудейская религия и с пришествием Христа Спасителя по-прежнему имеет

важное значение в деле спасения людей. Таким образом, значение христианства, как религии, имевшей объять весь мир, ограничивалось. Евиониты не придавали ему даже значения новой религии, а считали продолжением того же иудейства. Отсюда и учение их о Христе Спасителе было не то, какое содержала и содержит истинная христианская Церковь. Признавая Его Мессией, они видели в Нем не Бога-Искупителя, а только великого пророка, подобного Моисею, Который пришел проповедать о наступлении Своего царства, в которое могли войти одни только иудеи. Вся деятельность Его ограничивалась, по их понятию, только разъяснением закона и дополнением его новыми заповедями. Отрицая в Иисусе Христе Божественное достоинство, они признавали Его простым человеком, сыном Иосифа и Марии, получившим Божественную силу и достоинство Мессии только в крещении. Таким образом, главного догмата христианства об искуплении человечества Господом Иисусом Христом от греха, проклятия и смерти у евионитов не было. Смерть Христа Спасителя не имела у них искупительного значения; она воодушевляла их только надеждой скорого вторичного пришествия Его на землю, чтобы основать земное царство, которое будет существовать тысячу лет (хилиазм). Евиониты весьма отличались от истинной Христианской Церкви и в церковной практике. Так, они совершали таинство евхаристии только однажды в год, в воспоминание тайной вечери Спасителя, и употребляли при этом одну воду, как аскеты.

«Кроме этих двух партий иудействующих из-за смешения иудейства в форме ессеизма с христианством образовалась еще третья партия иудействующих еретиков, именно: **евионитов-гностиков**. Они известны еще под именем **елкезаитов** (от иудея Елкая, или Елксяя, жившего во времена Траяна) или впоследствии **самсеев**; эта партия, имевшая своим средоточным пунктом пустыни за Мертвым морем, где обитали **ессеи**, увеличилась еще наплывом обыкновенных евионитов, бежавших из Иерусалима при разрушении его Адрианом в тридцатых годах 2 столетия. В мировоззрении евионитов-гностиков есть уже элементы мировоззрения восточных религий и греческой философии, так что они составляют как бы переход к язычеству гностикам. Мировоззрение их следующее: первый человек Адам обладал истинной религией, так как в нем обитал Божественный Дух. Но мало-помалу род человеческий под влиянием злого начала – материи – потерял эту религию, именно, через жену, принцип чувственности и слабости, греха и заблуждения. Для освобождения людей от зла и поддержания в них истинной религии Бог, как Отец рода человеческого, посылал в мир своего Божественного Духа, который и

явился в лице Авеля, Еноха, Авраама, Исаака, Иакова и Моисея. Моисей сообщил свое учение семидесяти разумным мужам с тем, чтобы они передавали его последующим поколениям для сохранения его по преданию. Учение Моисея, спустя долгое время после него, записано было в книгах, но по большей части извращено так, что найти истину в них могут немногие. Истинное же учение его, передававшееся разумными мужами через предание, сохранилось только в обществе ессеев. Что касается народа еврейского, то он не понимал истинной религии; он до того погрузился в чувственность, что всю религию обратил в одни обрядовые церемонии, между которыми особенно чувственными представляются жертвоприношения. Чтобы очистить Моисеев закон от примеси чувственности и восстановить истинную религию, Бог опять послал Своего Божественного Духа, Который действительно явился во Христе и исполнил свое дело. Таким образом, по представлению и этой партии евионитов, деятельность Господа Иисуса Христа ограничивалась только учением и при том не каким-либо новым, но тем, которое знали по преданию разумные мужи. Искупление человечества от греха и смерти их учением уничтожалось; даже самое пришествие Христа Спасителя становилось излишним, ибо истинная религия Адамова была известна в обществе ессеев, и спасение могло и может совершаться без Него и Его учения. Свою истинную религию евиониты полагали во взаимной братской любви всех принадлежавших к их обществу и в стремлении к уничтожению чувственности, или, что то же, зла, так как они отождествляли материю и зло, и боролись с ним посредством строжайшего аскетизма; при этом, впрочем, брак допускали. Секта евионитов-гностиков существовала до 5 столетия».

ГНОСТИЦИЗМ

«Перед появлением христианства народные языческие религии под влиянием философского скептицизма стали склоняться к упадку; но необходимость религии была сильна в умах людей мыслящих. Поэтому некоторые ученые язычники и отчасти иудеи, познакомившиеся с греческой образованностью, задумали из всех религий мира, а также философских систем создать особое религиозное учение, которое превосходило бы все религиозные системы, будучи чуждо недостатков, свойственных всем им: грубости и чувственности. Это учение, как высшее, духовное, составляло для людей, создавших его, истинное религиозное знание, истинное религиозное ведение. В основе его лежали начала греческой философии, иудейского богословия и восточных религий, особенно, Зороастра. При появлении христианства некоторые из обладавших этим высшим знанием вступили в Церковь и, не отказываясь от своих убеждений, из смеси их с христианским вероучением, образовали еретические системы, известные под именем гностических. Число их было очень велико, так как каждый более или менее даровитый гностик составлял свою систему, видоизменяя ту, которой придерживался. Гностики, как обладающие единственно истинным знанием (гносисом), в своих системах предлагают безусловное решение всех вопросов бытия и жизни: о мироздании, о происхождении в мире зла и освобождении от него, но все эти решения находятся в мире фантазии, так как в их мирозерцании фантазия востока берет перевес над строгостью и последовательностью мысли запада». В апостольские времена первым представителем гностического учения был **Симон Волхв**, упоминаемый в Деяниях Апост. Он выдавал себя за воплотившуюся **Силу Божию**, спутницу свою Елену, или Селену, за воплощение **Мудрости Божией**. Таким образом, Симон, в отличие от других ересеучителей, не только распространял смешанные языческие, иудейские и христианские понятия, но и сам принимал на себя роль Божественного посланника. На самом же деле он был фокусником и шарлатаном. Во 2 и 3 вв. его именем называлась небольшая партия еретиков-гностиков, а в 4 в. именем **симонии** обозначали приобретение за деньги благодатного иерархического служения в Церкви. Как известно, Симон за деньги хотел купить у апостолов благодатную силу Святого Духа через рукоположение. Подобным ему был ученик его Менандр, утверждавший, что он есть посланник Верховной Божественной Силы.

Еретик того же времени **Керинф** пытался уже образовать еретическую гностическую систему. Он был иудеем из Александрии. Он смешивал гностицизм с евионитством. «По началам гностицизма он учил, что творение видимого мира совершено не Богом, а низшим духовным существом, **демиургом**; что до появления христианства всесовершенный Бог был неизвестен миру; что открыл Его миру Мессия, вышний Христос, Божественное Слово, Который во время крещения в виде голубя сошел на человека Иисуса и оставил Его во время страданий. А вместе с евионитами он признавал Иисуса Христа простым человеком, родившимся естественным образом от Иосифа и Марии, и разделял надежды евионитов на земное тысячелетнее царство Мессии, когда воскреснет человек Иисус и соединится с вышним Христом. Керинф некоторое время жил и действовал в Ефесе, когда там же пребывал Иоанн Богослов. Общество своих последователей он основал, главным образом, в Малой Азии; оно держалось до 4 века».

Из апостольского века известны еще еретики: **докеты** и **николаиты**. «Докеты, под влиянием восточных языческих воззрений на материю, как назло, никак не хотели допустить воплощения Бога Слова; поэтому утверждали, что воплощение Иисуса Христа было **призрачное**, что Он только **казался** страждущим и проч. Ап. Иоанн Богослов сильно вооружался против докетов в своих посланиях и особенно настаивал на пришествии Иисуса Христа во плоти (Иоан. 4:2–3; 3Иоан. 7). Николаиты, под влиянием тех же воззрений на материю, как назло, развили практическое учение о необходимости умерщвлять плоть и возвышать свободу духа. Только умерщвление плоти и возвышение свободы духа над плотью проявлялось у них распутством. Во 2 в. николаиты приурочивали свое происхождение к Николаю, пришельцу антиохийскому, диакону иерусалимской церкви, жизнь которого обезображивали нелепым образом; но на самом деле, по объяснению Иоанна Богослова в Апокалипсисе (2:14–15), они «держались учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов израилевых, чтобы они любодествовали».

«Из еретических мыслей гностического характера, высказанных отрывочно еретиками апостольского времени, во 2 в. развились целые гностические системы. Исходным пунктом мирозерцания большей части гностиков был **дуализм**: основными началами бытия и жизни они признавали, с одной стороны, **Верхнее Существо**, или **Высочайший Дух**, с другой – **материю**. Верхнее Существо они представляли самостоятельным, независимым началом света и добра, источником духовной жизни. Как источник духовной жизни, оно, по их мнению,

производит из себя через истечение (**эманация**) множество духовных, вечных существ, которые составляют всю полноту бытия, почему совокупность их и называется плиромой. Материя, наоборот, у гностиков представляется как самостоятельное независимое начало чувственной материальной жизни и зла. В основных взглядах на начала своей системы гностики были согласны между собой, только в понятиях о свойствах материи расходились. Одни, сообразно учению Платоновой философии о материи, как **не сущее**, видели в ней мертвый хаос, безжизненное, недейтельное начало; другие, сообразно учению религии Зороастра об Аримане, видели в ней живое и деятельное начало зла. Отсюда, гностики распадаются на два класса: на гностиков **Александрийских**, усвоивших первое воззрение, и гностиков **Сирийских**, усвоивших второе. Дальнейшее их мирозерцание при сходстве в существенном развивается также в двух главных направлениях, сообразно тем или другим взглядам на материю. По представлению Александрийских и Сирийских гностиков, видимый мир (космос), в котором проявляются духовное и материальное начала, произошел из смешения духовного мира с материальным, или плиромы с хаосом. Но самый образ смешения они представляли различно. Сообразно взглядам на материю, Александрийские гностики учили, что один из эонов, далеко отстоящий от своего источника, вследствие своей слабости оторвался от плиромы и упал в материю, или, по учению Валентина, частица последнего светлого эона, вследствие полноты света в плироме, истекла в материю. Сирийские утверждали, что один из крайних эонов, постоянно находившийся в борьбе с материей или царством сатаны, наконец, был поглощен ею. Так или иначе, слившийся с материей эон, как дух царства света, порядка и гармонии, старается в области материи установить стройное течение жизни, – он делается творцом (**демиургом**) видимого мира, в котором соединяет вместе элементы духовные и материальные. Здесь, по представлению гностиков, лежит начало зла в мире, – именно, в противоположном и враждебном отношении элементов материальных с духовными. По представлению Александрийских гностиков, только духовные элементы, или добро, берут перевес над материальными, или злом, так как материя вследствие своей безжизненности противодействует духу только как масса, а не как живая, самодеятельная сила; по представлению же Сирийских гностиков, наоборот, материя, или зло – так как она есть живая, деятельная сила – берет перевес над духом, или добром. Далее, по учению тех и других гностиков, вся мировая жизнь проходит в постоянной борьбе духовного и материального начала, т.е. добра и зла; причем дух стремится

освободиться от уз материи, а материя – удержать его. Что касается отношения демиурга к миру, то, по представлению Александрийских гностиков, он старается помогать добру в борьбе со злом, для чего избирает себе один народ (иудейский), которому сообщает в Моисеевом законе хорошие правила и полезные учреждения. По представлению Сирийских гностиков, напротив, демиург – так как он, будучи покорен царством зла, действует под влиянием его – невольно помогает больше злу, так что все действия его – и в иудействе, и в язычестве – направлены к удержанию духа в узах материи. Таким образом, Александрийские гностики, в противоположность Сирийским, признавали за иудейской религией благотворное значение в освобождении добра от зла и даже видели в ней приготовление к окончательному освобождению первого от последнего. В этом последнем пункте, т.е. в учении об освобождении добра от зла, или духа от уз материи, гностики входят в соприкосновение с христианством и обезображивают его учение. По их представлению, Верховное Существо, чтобы дать торжество духу над материей, или, как учили Сирийские гностики, чтобы разрушить злое царство демиурга, посылает в мир своего верховного эона, который, по Александрийским гностикам, при крещении соединился с человеком Иисусом и при страданиях оставил его, а по Сирийским, – принял только вид человека, не будучи им, на самом деле (**докетизм**). Этот эон сообщил людям **гносис**, т.е. открыл им, что они духовного божественного происхождения, и указал средства освободиться от материи. Вся деятельность этого Божественного посланника или Христа тем и ограничивалась; смерть Его не имела у гностиков никакого значения, так как, по Александрийским гностикам, страдал человек-Иисус, а, по Сирийским, Божественный эон только казался страдающим. Христос сообщал людям двоякое учение: избранным преподавал духовное учение, которое и имеют гностики, как люди по преимуществу духовные, а чувственное всем вообще людям, которое заключено в книгах Священного Писания и которое содержит вся христианская Церковь. Средства к освобождению от зла, сообщенные Христом и сохраняемые гностиками, это – возвышение духа над материей при руководстве гносиса, борьба с ней и, наконец, действительная победа духа при посредстве аскетизма. Сирийские гностики, преимущественно перед Александрийскими, рекомендовали аскетизм, как средство к уничтожению материи и освобождению от нее, запрещая употреблять в пищу мясо, вино и пр., и, особенно, вступать в брак, так как все это есть служение сатане. В некоторых сектах Сирийского гносиса аскетизм сменился нравственной распущенностью, что, по мнению сектантов,

также вело к поруганию и уничтожению материи. Для таких еретиков всякий нравственный закон представлялся только ограничением свободного духа, переходящей формой, которая не должна стеснять человека, достигшего высшего гносиса. Еретики, державшиеся подобных взглядов, составляют разряд гностиков **антиномистов**. Последним актом мировой жизни, по представлению всех гностиков, должно быть восстановление всего, т.е. восстановление первобытного дуализма; причем духовный элемент сольется со своим источником, а материя обратится опять в состояние хаотическое, из которого была вызвана».

Из представителей **Александрийского** гносиса наиболее известны:

Василид, родом из Сирии, основавший свое еретическое общество в Александрии около 125 г. (василидиане существовали, главным образом, на западе до 4 в.).

Валентин, родом иудей из Александрии, принявший христианство. Три раза его отлучали от Церкви. Секту основал на о. Кипр, где умер около 160 г. Последователи его назывались валентинианами и существовали в 4 в. и даже позднее.

Из представителей **Сирийского** гносиса более замечательны:

Тациан, родом из Ассирии, ученик св. Иустина Философа, после смерти которого, возвратившись на Восток, уклонился в ересь (он проповедовал особенно строгий аскетизм, запрещая употребление вина даже в евхаристии. Его последователи получили название **энкратитов**, а вследствие употребления одной воды при совершении евхаристии – **идропарастов, аквариан**).

Маркион, сын синопского епископа (за гностицизм, по преданию, сам отец отлучил его от Церкви. Маркиониты широко распространились в разных странах и держались до 4 в.).

Карпократ, родом из Александрии, где основал секту (его сын **Елифанй** распространил ее еще на острове Кефалонии). Система его принадлежит к **антиноминистам**. К последним принадлежат секты **антитактов**, или **адамитов**, и **офитов**, с выросшими из нее партиями **сифитов, каинитов** и проч.

Манихейство

В начале 3 в. гностические системы начинают терять свое значение. На смену им является новое еретическое учение, по началам сходное с гностицизмом, но отличающееся от него тем, что, при полнейшем отсутствии идей греческой философии и иудейского религиозного учения, оно представляет собой смесь христианского учения с началами религии Зороастра. Это еретическое учение есть **манихейство**, появившееся во второй половине 3 в. в Персии и принявшее характер не сколько ереси христианской Церкви, сколько новой религии.

Происхождение манихейства следующее. В 227 году парфянская династия арзакидов, властвовавшая в Персии, сменилась национальной персидской династией сассанидавов. С восстановлением отечественного государственного устройства, у персидских магов появилось стремление восстановить и древнюю отечественную религию Зороастра во всей её чистоте. Но в среде магов произошло разделение: одни из них – и большинство – изменили несколько древний дуализм, подчинив оба начала, доброе и злое (Ормузда и Аримана), одному Верховному Существо: другие, напротив, придерживались строгого дуализма и образовали даже особую религиозную партию магуссеев. Во время борьбы этих партий один из магов, принадлежавших к последней из них, по имени **Манес**, славившийся своей ученостью, под влиянием христианства, распространявшегося на границах Персии, и гностических воззрений, также бывших в ходу на востоке, задумал объединить христианство с дуалистической религией Зороастра, находя сходство между ними. Манес сначала принял христианство и даже был пресвитером в Агваце, но был отлучен от Церкви за свой персидский дуализм; затем, он является при дворе персидского царя, Сапора I, приобретает его благосклонность, но, по проискам противной партии магов, около 270 года, принужден бежать в Индию. Здесь заключившись в пещеру, он обдумал свою систему и изложил ее в сочинении, известном под названием **Ертенки-Мани**, которое составило для его учеников как бы евангелие. Возвратившись в Персию, он снискал благосклонность царя Гормизда, но при его преемнике, Варане I (276 г.), признанный побежденным в споре с магами, был казнен.

Система манихейства следующая. От вечности существуют два царства: царство духа-добра и света и царство материи-зла и мрака. Первое состоит из пяти чистых стихий: огня, воздуха, света, воды и земли,

второе из пяти нечистых: бури, тины, тумана, дыма и бессветного жара; в первом-властитель Бог добрый, во втором-злой демон; первого окружают двенадцать истекших из него чистых духов-эонов, второго окружают духи тьмы, которые как между собою, так и со своим властителем, находятся в постоянной вражде. Между обеими царствами вечная и враждебная противоположность. Однажды демоны издали увидели очаровательный блеск царства света и, из зависти к гармонии и порядку, существующему в нем, на него напали. Но Отец света, для защиты границ своего царства, произвел из себя эона-**Матерь жизни**, который, для непосредственной борьбы с духами тьмы, производит еще нового эона-**Первого Человека**, называемого у манихеев еще **Христом, Иисусом, Словом, Сыном Божиим**. Первый человек, вместе с пятью чистыми стихиями, вступает в борьбу с демонами, но истощается в ней до того, что демоны успевают овладеть частью его светлого существа. В таких обстоятельствах Отец света, на помощь ему, производит еще эона-**Животворящего Духа**. Этот освобождает от опасности непоглощенную еще царством тьмы часть **Первого Человека** и помещает ее в солнце. Эта часть эона есть **бесстрастный Иисус** или **бесстрастный Сын Человеческий**, часть же, поглощенная царством тьмы, есть **страждущий Иисус**, страждущий **Сын Человеческий**. Таким образом, через страждущего Иисуса, в середине между двумя царствами, происходит смешение светлой материи с материей тьмы. Страждущий Иисус в этом случае делается «душой мира», – при помощи Животворящего Духа он образует видимый мир, в котором перемешано духовное с материальным. Но световая материя стремится к освобождению от уз материи тьмы, чему помогает и бесстрастный Иисус, присутствующий на солнце, притягивая ее к себе, и Животворящий Дух, носящийся в эфире, очищая ее, и препровождая в солнце. Сатана замечает освобождение страждущего Иисуса, и чтобы положить этому конец, предлагает своим духам собрать все имеющиеся в царстве тьмы частицы света в одно место и заключить их в материю. Действительно, демоны собирают частицы света, – и сатана, облекши их в материю, творит, таким образом, человека, по образу Первого Человека – эона, красотой которого он был поражен. Частицы света, сосредоточенные в одном месте, в человеке, составляют его разумную душу. Чтобы последняя не узнала о своем духовном происхождении, сатана запрещает человеку вкушать от древа познания. Но бесстрастный Иисус, явившись на землю в образе змия, научает его вкусить от древа познания, и человек узнает, таким образом, о своем происхождении. Чтобы затмить это сознание, сатана задумал раздробить разумную душу человека. Из материи и оставшихся еще

небольших частей света он создает жену, в которой, по незначительности света, берет перевес материя, чувственность. От брачного союза человека с ней рождаются дети, от последних нарождаются новые поколения людей и т.д.; при этом разумная душа, разделяясь по отдельным личностям, дробится на мелкие частицы, которые удобно удерживаются в материальных телах, как в темницах. Царство тьмы, таким образом, совершенно овладело духовной природой и посредством ложных религий – иудейства и язычества-продолжало поддерживать свое обладание. Но, вот, для освобождения своей страждущей половины, бесстрастный Иисус сходит с солнца на землю, принимает только вид человека – Христа (докетизм), общается с людьми, открывает им об их духовном происхождении, и научает, как освободиться от материи. Ученики Христа, как люди, в которых материя взяла перевес над духом, извратили его учение. Предвидя это, Христос обещался после себя послать в мир параклита – Духа Утешителя, чтобы он очистил Его учение от всякой примеси чувственности, продолжил и исполнил Его дело. Параклит, действительно, явился в лице Манеса и открыл царство Божие. Теперь душа мира, узнавшая вполне о своем происхождении, при помощи Животворящего Духа, обитающего в воздухе, освобождается от оков материи, впрочем, только в одном человеке, так как в нем только она дошла до самосознания. Средство к освобождению от материи – это строгий аскетизм. Поэтому, Манес проповедовал удаление от брака, запрещал употребление вина, мяса и проч., запрещал даже срывать растения и убивать животных, так как в тех и других находится душа мира, хотя и в бессознательном состоянии. Последним актом мировой жизни, по системе Манеса, как и по системам гностиков, будет восстановление первоначального дуализма, когда этот видимый мир сгорит и мировая душа возвратится к своему источнику. Сатана со своим царством будет уже бессилен тогда. Секта манихеев распространилась преимущественно в западной половине Римской империи и особенно была сильна в 4 и 5 веках. Против манихеев издавали строгие законы Диоклетиан (287 г). и христианские государи 4 и 5 столетий, но секта их не уничтожилась, скрываясь только на время и затем снова являясь, хотя и под другими названиями».

Ересь Антитринитариев

Ереси евионитов, гностиков и манихеев, были результатом смешения христианства с иудейством, греческой философией и персидской религией Зороастра и создавались скорее на почве иудейской или языческой. Ересь антитринитариев или монархиан представляет явление совершенно другого рода. Допуская только отчасти иудейские или языческие воззрения и развиваясь в среде самого христианства, она составляет результат стремлений ограниченного человеческого ума уяснить и постигнуть одним разумом, без пособия веры, Богооткровенное учение, составляющее тайну для человека и принимаемое только верой.

Когда появилось в церковном просвещении научное направление, то Церковь отнеслась к нему довольно благосклонно. В христианских обществах восточной части Римской империи, составившихся из народов, наследовавших греческое образование, разумное отношение к вероучению развилось особенно сильно и притом с благодетельными последствиями для Церкви. При пособии разума, христианское вероучение облеклось в научную систему, развивалось и уяснялось точнее и определеннее в сознании верующих, предохранялось от примеси суеверий и предрассудков, неизбежных при отсутствии разума веры и т.п. Но, допуская участие разума в деле религии, Церковь всегда требовала, чтобы он действовал в послушании вере, т.е. его деятельность должна всегда ограничиваться известной, свойственной ему, областью, не касаясь области веры, так как, в противном случае, один разум, без света веры, может довести до искажения вероучения, до ереси. Ересь антитринитариев появилась в Церкви именно вследствие предоставления некоторыми членами её разуму исключительного, в ущерб вере, значения в деле религии. Предметом её был главный христианский догмат о единстве и троичности Бога.

Учение о Едином Боге, бывшее главным догматом иудейской религии, сделалось главным догматом и религии христианской. Но в христианстве, как религии совершеннейшей, этот догмат раскрыт точнее, чем в иудействе; именно, христианство предлагает учение о Едином Боге в Трех Лицах. С самых первых времен церковь содержала это учение именно так, как оно заключается в Откровении. Но нашлись люди, для которых простая вера в откровенное учение о Святой Троице казалась недостаточной. Получив научное образование и усвоив себе, вследствие всего, привычку разрешать вопросы и явления жизни по началам разума и

науки, ясно и отчетливо, некоторые из христиан решились и догмат о Св. Троице подвергнуть научному разъяснению, низводя таким образом Богооткровенное учение к степени обыкновенного предмета для рассуждения. Ставя вопрос, как один Бог может быть в Трех Лицах, они находили, что допущение единства и троичности в Боге в одно и то же время есть само в себе противоречие, не допускаемое требованиями разума; почему и пришли к признанию только единства в Боге и отрицанию в Нем троичности. Державшиеся такого неправильного учения о Святой Троице, по всей справедливости, признаны были Церковью еретиками, называвшимися **антитринитариями** (противу-троичниками) или **монархианами** (допускавшими в Боге единое Лицо). По различию взглядов этих еретиков на Лица в Боге, или как на силы Его, или как на **Формы** Его проявлений, они разделяются на два класса – на **динамистов** и **модалистов**. Учение динамистов следующее: Бог есть в строгом смысле единое существо; Лиц в Нем нет. Что же касается Второго Лица Святой Троицы, Сына Божия, и Третьего, Святого Духа, то это – не Лица Божественные, имеющие отдельное, личное бытие, а только божественные силы, то есть силы одного и того же Бога. Так, второе Лицо есть Божественная сила, посредствующая между Богом и миром, или орудие Бога, посредством которого Он проявляет Себя в мире; эта сила существует в Боге от начала, явилась на земле в Лице Иисуса Христа, со времени Его сверхестественного, наитием Святого Духа, рождения от Девы Марии, и действовала в Нем до конца Его жизни. Дух Святой есть Божественная сила, которой свойственны известные действия-освящение, сообщение благодатных даров и проч. **Антитринитарии-динамисты** в учении о Втором Лице Святой Троицы напоминают евионитов. **Антитринитарии-модалисты**, также допуская в Боге единое существо, в Лицах Святой Троицы видели формы или образы, в которых оно открывается миру. Так, в Ветхом Завете Бог открывался в образе или форме Бога Отца, в Новом Завете, для искупления рода человеческого, Он явился в форме или в виде Сына, в лице Иисуса Христа, страдал и умер, отчего этого рода еретики называются еще **патрипассианами** (допускавшими страдания Бога Отца); наконец, в виде Духа Святого Бог является в благодатном освящении и возрождении людей. Таким образом, и этого рода антитринитарии отрицали личное бытие Лиц Святой Троицы. Их учение о воплощении напоминает учение гностиков-докетов о том же предмете.

В ряду **антитринитариев-динамистов** самое видное место занимает **Павел Самосатский** (из сирийского города Самосаты), занимавший во

второй половине 3 в. епископскую кафедру в Антиохии. Проводя в своем учении строгий еврейский монотеизм, он утверждал, что Иисус Христос в строгом смысле не есть Бог; в Нем от рождения обитала, в высшей степени, чем в ветхозаветных пророках, божественная мудрость или божественный разум; только в нравственном смысле Он может быть назван Сыном Божиим. Епископы церквей, ближайших к Антиохии, скоро заметили ересь Павла Самосатского и собирали для рассуждения о нем несколько соборов; но он всегда успевал скрыть свое настоящее учение. Только на последнем соборе (269 г.) пресвитеру **Мальхиону**, бывшему наставнику одного софистического училища в Антиохии, удалось, посредством диалектического спора, торжественно обличить его в ереси, после чего Павел был осужден и извержен из сана. Но он нашел себе поддержку в Зиновии, царице Пальмирской, которая тогда правила Сирией, и удержал за собой Антиохийскую кафедру до 272 года, когда император Аврелиан, поразивши Зиновию, изгнал, по просьбе христиан, Павла из Антиохии и предоставил епископскую кафедру избранному на его место Домну. Последователи Павла Самосатского, под именем **павлиан**, существовали до 4 столетия. Из представителей учения **антиринитариив-модалистов**, особенно замечателен **Савеллий**, птолемаидский (в Египте) пресвитер (250–260 г.). Его учение представляет полнейшее развитие системы монархиан-модалистов; он первый ввел Третье Лицо Святой Троицы, Святого Духа, в круг своего созерцания и, таким образом, закончил их учение. У Савеллия Бог есть безразличное единство. Он открывается в мире в различных видах бытия и под различными именами: то как Отец, то как Сын и Дух Святой. Отдельного бытия Второе и Третье Лица Святой Троицы не имеют. Против Савеллия восстал Дионисий, епископ Александрийский (261 г.), и осудил его на соборе Александрийском. Дионисий, епископ Римский, которому было сообщено о ереси Савеллия, также подверг его осуждению на соборе Римском (262 г.).

МОНТАНИЗМ

В ряду ересей 2 и 3 веков **монтанизм** представляет собой явление особого характера. Монтанистическое учение имеет характер не столько еретический, сколько раскольничий. Исходный пункт монтанизма, в противоположность антитринитариям, – отрицание участия разума в деле веры и слепая вера во все откровенное, граничившая с суеверием. Основателем монтанизма был некто **Монтан**, родом из мизийской деревни, Ардавы, на границе с Фригией, человек совершенно неученый; он жил и действовал во второй половине 2 в. Со своим учением Монтан выступил, спустя немного после обращения в христианство, в Пепузе, что во Фригии, отечестве сумасбродного культа Цибеллы. Будучи строгим до фанатизма ревнителем благочестия, понимаемого в смысле совершения внешних подвигов, Монтан, под влиянием еще верования о наступлении тысячелетнего царства Мессии, возымел мысль усилить строгость церковной дисциплины, с целью приготовления ко вступлению в это царство. Вообразив себя вдохновенным свыше пророком, тем **Параклитом**, которого обещал послать на землю Спаситель, он, в состоянии исступления, или экзальтации, начал проповедовать о своем назначении очистить Церковь от примеси чувственности, привести ее членов в меру возраста совершенна. Люди, умевшие различать истинных пророков от ложных, с негодованием порицали Монтана; но люди невежественные, прельщаясь мнимой святостью его жизни и даром пророчества, напротив, увлекались его учением, и некоторые сами начинали пророчествовать также сумасбродно, как Монтан. Между прочим, к Монтану присоединились две женщины – **Прискилла и Максимилла**, которые, подобно ему, говорили бессмысленно, неуместно и странно.

На востоке, где впервые появился монтанизм, он, вследствие значительного развития там церковного просвещения, не имел большого значения и скоро был осужден; но на западе, где уровень церковного просвещения был ниже, монтанистический образ мыслей, занесенный сюда в конце 2 века, распространился очень сильно. Римские епископы, Елевферий и Виктор, приняв в общение пришедших с востока монтанистов, сами склонились к их образу мыслей. Только в 193 году ученый еретик антитринитарий Праксей, пришедший с востока, успел отклонить Виктора от монтанизма; но последний, хотя и прекратил общение с монтанистами, все-таки придерживался монтанистических

взглядов, доказательством чему служит его спор о времени празднования Пасхи. Карфагенская церковь вполне усвоила воззрения Монтана; пресвитер Тертуллиан, увлеченный строгими правилами жизни монтанистов и сделавшийся сам монтанистом, облек даже монтанистическое учение в систему.

Учение монтанистов в сущности не было отлично от общецерковного учения; в протовоположность гностикам и антитринитариям, они держались во всем положительного учения Церкви. Главный пункт, в котором они погрешали против Церкви, – это их учение о продолжении в Церкви Откровения и благодатных даров. По их понятию, Церковь Божия на земле развивается, под водительством благодати, постепенно и имеет свои возрасты. Так, под водительством Откровения в Моисеевом законе, она была в период отрочества, под благодатью Христовой или евангелием – в период юности, при откровениях через Монтана и других пророков Церковь вступила в период мужества. Но новые откровения монтанистов направлены не к сообщению нового догматического учения, а к переустройству собственно церковной жизни на более строгих началах. Поэтому монтанисты проповедовали строжайший аскетизм, удаление от брака, соблюдение особых постов, кроме положенных Церковью, и т.п. Во время гонений монтанисты заповедовали всеми силами стремиться к получению мученических венцов: если же случалось кому отпасть от Церкви, то таких они положительно запрещали принимать обратно в общение с Церковью. Все, впавшие в тяжкие грехи, напр., убийцы, прелюбодеи и т.п. грешники, по мнению монтанистов, также не должны приниматься в Церковь, если бы они даже и раскаялись. Вообще монтанисты всю жизнь христиан обставляли самыми строгими правилами, определяя даже цвет (траурный) платья для женщин. Их аскетические требования приводили в отрицанию всех земных радостей, всего, что имело в себе вид любви к миру и наслаждения в мире, хотя бы самого невинного, напр., искусством или наукой. Вся эта внешняя строгость жизни нужна была для того, чтобы достойным образом вступить в царство Христово, которое откроется в Пепузе и будет существовать тысячу лет. Допуская возможность изливания даров Святого Духа на всякого верующего и ставя своих пророков выше епископов, монтанисты тем самым отрицали всякое значение иерархии в Церкви и прерывали всякое единение с ней. Поэтому Церковь отделяла их от себя как сектантов. Образовав отдельное общество, монтанисты называли себя духовными христианами, а всех православных – душевными. Под управлением своего патриарха, обитавшего в Пепузе, монтанисты существовали до 6 столетия

и даже позднее».

Хилиазм

Учение о наступлении на земле **чувственного тысячелетнего** царства Христова, известное под названием **хилиазма**, не только составляло принадлежность еретических систем – евионитов, монтанистов, но принималось даже некоторыми отцами и учителями Церкви. Начало хилиазма восходит ко временам дохристианским. Большинство иудеев, как известно, видело в обетованном Мессии не Искупителя от греха, проклятия и смерти, а земного царя, который устроит свое царство на земле и предоставит славу и власть иудейскому народу. Иудеи, принявшие христианство, внесли такие воззрения и в Церковь, тем легче, что христиане, по слову Спасителя, ожидали Его славного второго пришествия. Тяжелая участь христиан, во время всевозможных преследований и страданий, еще больше укрепляла некоторых из них в той мысли, что необходимо должно наступить на земле славное тысячелетнее царство. В этом чувственном смысле христиане, разделявшие хилиастические воззрения, объясняли ветхозаветные и новозаветные пророчества, особенно Апокалипсис, в котором между прочим говорится (20:2–6), что сатана будет связан **на тысячу лет**, что мученики за Христа оживут и будут царствовать с Ним **тысячу лет**. Хилиазм особенно был распространен во 2 веке, в церквях малоазийских и фригийских. Папий иерапольский, Иустин Философ, Тертуллиан, Ириней, и другие разделяли ошибочные хилиастические воззрения. Впрочем, Ириней представлял тысячелетнее царство Мессии как переходную ступень для благочестивых к царству небесному. В 3 в. в Египте также сильно распространился хилиазм. Здесь, под предводительством епископа Непота, целая арсеноитская область держалась хилиазма и отделилась даже от Александрийской церкви.

Хилиазм, как заблуждение у еретиков и как ошибочное мнение у православных, встретил, при своем появлении, опровержение со стороны Церкви. Опровергая монтанистов, евионитов и гностика Керинфа, Церковь вместе с тем опровергала и хилиастические воззрения, входившие в учение этих еретиков. То обстоятельство, что хилиазм был составной частью учения еретиков, особенно содействовало его уничтожению среди православных. Ревностным обличителем хилиазма был, между прочим, римский пресвитер Каий (ум. около 217 года), вступавший в диспут с главой римских монтанистов, **Проклом**, и написавший сочинение об этом диспуте. Обличителем египетских хилиастов является известный

Дионисий, епископ Александрийский, который, следуя аллегорическому и таинственному объяснению св. Писания Александрийской школы, по своим убеждениям был ревностным противником буквального и чувственного понимания пророческих сказаний. Непот, епископ Арсеноитский, не сочувствуя направлению Александрийской школы, написал в опровержение его сочинение под названием «Обличение аллегористов», в котором тысячелетнее царство Христово, изображенное в Апокалипсисе, принимал за царство земное, с земными удовольствиями. Дионисий Александрийский, в опровержение Непота, не только написал сочинение «**Об обетованиях**», даже лично вел диспут с хилиастами, и на соборе 255 года успел убедить многих из арсеноитских христиан отказаться от хилиазма. Затем, когда в начале 4 в. христиане освободились от гонений и для Церкви наступили более или менее спокойные времена, мечтания хилиастов о тысячелетнем на земле царстве Христовом прекратились сами собой».

Мужья апостольские

Под названием Мужья апостольских известны в Истории Церкви непосредственные ученики апостолов, лично общавшиеся с ними и нередко бывшие их ближайшими сотрудниками. Творения их носят характер писаний апостольских, – и это составляет их отличительную черту. К ним принадлежат:

Ап. Варнава. Имя его было Иосия. Апостолы называли его Варнавой, что значит «сын утешения». Он был иудеем рассеяния с острова Кипр, принадлежал к сословию левитов. По преданию он был в числе 70 учеников Спасителя. В христианской Церкви он является действующим на самых первых порах. Он продал свою землю и вырученные за нее деньги положил к ногам апостолов. Он представил Савла апостолам, как чудесно обращенного. Он с Павлом основал Церковь из язычников в Антиохии и являлся ревностным сотрудником его, в проповеди среди евреев рассеяния и язычников. Когда апостолы разошлись на проповедь, то Варнава местом своей деятельности избрал Кипр, где и умер смертью мученика, уже после разрушения Иерусалима в 70 году. Ему приписывается одно послание, которое с самых древних времен было известно под его именем. Он доказывает, что Ветхий Завет должен уступить место Новому и предостерегает уверовавших во Христа от увлечения иудейством. Писал он о путях жизни.

Св. Дионисий Ареопагит. Родился в Афинах от знатных родителей, путешествовал для приобретения образования, впоследствии занимал должность члена ареопага. Обратил его ап. Павел своей проповедью в ареопаге (54 г.) и поставил первым епископом Афинским. Ревностно заботился о распространении веры, для чего отправлялся в разные страны. Скончался мученически, но неизвестно точно, где именно и когда. Известны его труды: О небесной иерархии, О церковной иерархии, Об именах Божиих, О таинственном богословии и десять писем к разным лицам. Сочинения эти характерны возвышенным и глубокомысленным богословием.

Св. Климент, третий епископ Римский (92–101). В христианство он обращен ап. Петром. Был сотрудником ап. Павла в распространении Церкви, как свидетельствует об этом сам Павел. Свою веру запечатлел мученической кончиной при Траяне. Памятником его деятельности осталось его **послание к коринфянам**. Коринфская церковь знала, с самого начала своего, разделения, и их наставлял ап. Павел. Впоследствии

там некоторые дошли до сомнения в истине воскресения мертвых. Благомыслящие и обратились к св. Клименту, тем более, что неверы отложились от своей иерархии. Св. Климент, проникнутый духом апостольской любви и кротости, призывал своевольных коринфян смириться, покаяться и покориться своей иерархии. Обличал он заблуждения их относительно воскресения мертвых. Послание св. Климента пользовалось большим уважением в древней Церкви, так, что читалось при богослужении наравне с книгами апостольскими. Св. Клименту приписываются еще некоторые сочинения, но нет твердой уверенности, что они написаны им.

Св. Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, ученик ап. Иоанна Богослова, в 107 г. по приказанию Траяна брошенный в Риме на растерзание львам. Имеются семь его посланий, написанных во время доставки его в Рим на казнь: послания к ефесянам, магнетианам, траллийцам, римлянам (из Смирны), к Поликарпу, еп. Смирнскому, смирянам и филладельфийцам (из Троады). Он убеждал их сохранять правую веру, повиноваться Богоучрежденной иерархии, в особенности епископам. По отзыву св. Поликарпа, послания св. Игнатия содержат в себе образцы веры, терпения и всякого назидания о Господе.

Св. Поликарп, епископ Смирнский, любимый ученик ап. Иоанна Богослова, им поставленный во епископа Смирнского. Он дожил до глубокой старости и замучен в 167 г. во время гонений при Марке Аврелии. Он писал много посланий христианам соседних Церквей для укрепления их в чистой и правой вере. Сохранилось только **послание к филиппийцам**. Боролся он против еретических суждений, главным образом, докетов, говорил, что тот, кто не исповедует пришествие Иисуса Христа во плоти, тот антихрист.

Св. Ерм еще в древности признавался тем Ермом, которому ап. Павел посылал приветствие (послание к римлянам). Родом грек, он проживал в Риме во второй половине 1 века. Принадлежащая ему книга «**Пастырь**» была известна еще в древности и пользовалась большим уважением в Церкви. Она разделяется на три меньшие книги: в первой изложены четыре видения Ерма, во второй 12 заповедей, сообщенных ему пастырем: о милосердии, покаянии и т.п., в третьей 10 притчей или сравнений, направленных к изъяснению разных истин христианского вероучения. Ерму наставления сообщал Ангел в виде пастыря.

Св. Папий, епископ Иерапольский во Фригии, ученик ап. Иоанна и друг св. Поликарпа Смирнского. По преданию, он скончался мученически при Марке Аврелии. Ему приписываются пять сочинений под заглавием

»Изъяснение Господних изречений», из которых сохранилось только несколько отрывков. Он не ограничивался изучением св. Писания, но и собирал устные рассказы о делах и учении Спасителя и апостолов, основываясь на неписанном предании. Вследствие не всегда достаточной проверки материала, у него встречаются неправильности.

Богословская Наука после Апостольского времени

В век апостольский изучение христианских истин не носило научного характера. Христианское учение принималось непосредственно верой и усваивалось без пособия каких либо теоретических доказательств его истинности. В последующие времена возникло желание привести христианское вероучение в систему, изложить его в логическом порядке, с развитием всех его частных из одного общего основного начала и с должными доказательствами. Появилось стремление придать вероучению научную форму, не касаясь его содержания, что не было противно Евангелию. Побудило к этому и принятие христианства учеными язычниками. Они желали не только верить, но и знать, почему следует верить так, а не иначе. Этого же требовала, вместе с тем, борьба с языческой ученостью и гностическими системами. Научное богословие, при самом появлении, приняло двойное направление. Одни отцы отвергали сопоставление откровенных истин с философскими умозрениями в области веры. Они отрицали права разума, в смысле философском, на участие в деле веры. Направление это господствовало в школах **малоазийской** и **северо-африканской**. Другие, опровергая ложный гносис еретиков, пользовались философскими положениями и умозрениями, как вспомогательным средством, для понимания христианского вероучения, но все же в должных пределах. Это направление господствовало в школах **александрийской** и **антиохийской**.

Школа малоазийская

Представителями её во время цветущего состояния были:

Св. Иринея, епископ Лионский. Он получил христианское образование под непосредственным руководством св. Поликарпа, еп. Смирнского, и был одним из глубокомысленных богословов своего времени. Его деятельность относится ко второй половине 2 в. Св. Поликарп ревностно заботился о галльской Церкви, получившей свое начало от Церквей малоазийских, послал туда своего ближайшего ученика Иринея, на помощь епископу св. Пофину. После мученической кончины последнего, Иринея (ок. 177) и был поставлен епископом Лионским. Он был замучен в 202 г. при Септимии Севере. Среди его сочинений первое место занимает **«Обличение и опровержение лжеименного знания»**, состоящее из пяти книг. Оно известно и под другим названием **«Против ересей»** и сохранилось до настоящего времени. Он опровергает гностические системы, опираясь на св. Писание и на св. Предание.

Св. Ипполит, епископ пристани близ Рима. Его деятельность относится ко второй половине 3 в. Он был учеником св. Иринея и, подобно ему, одним из образованнейших писателей своего времени. Особенно замечательны его беседы, толкования на книги св. Писания, напр. Бытия, Исход, Пророков, на Евангелия и пр., и сочинения догматико-полемиические, как **«Обличение всех ересей»**.

Юлий Африкан. Он учился в Малой Азии, проживал в Палестине в первой половине 3 в. (ум. 232 г.), где в Никополе или Еммаусе был, вероятно, **пресвитером**. Он известен как первый составитель **христианской Всемирной Истории** в 5 книгах, которая сохранялась только в трудах других церковных писателей. Известны также его **письма к Аристиду и Оригену**, с которым он был в дружеских отношениях. В письме к Аристиду он говорит о мнимом разногласии родословий Христа в Евангелиях Матфея и Луки. По отзыву Евсевия Кесарийского, в этом послании он самым ясным образом доказывает согласие евангелистов, дошедшим до него преданием. Юлий Африкан был ревностным исследователем еврейских и христианских древностей.

Школа северо-африканская

Представителями её были:

Тертуллиан, пресвитер карфагенской Церкви, один из замечательнейших писателей западной Церкви. Он первый стал писать богословские сочинения на **латинском** языке, положив начало латинской церковной литературе. Тертуллиан, сын римского сотника (150–220), в Карфагене, получил блестящее, хотя и не всестороннее, образование, и, до принятия христианства, был адвокатом. Христианином он стал уже в зрелом возрасте. Обладая блестящим умом, пылкой фантазией, твердой волей, решительным характером, он был энергичен, но раздражителен. Приняв христианство, он всю жизнь свою посвятил ему. Но, к сожалению, он увлекался **монтанизмом**. Основательно борясь с гностиками, он отрицал совершенно участие разума и науки в деле веры. В конце своей жизни он отказался от монтанизма и основал свое особое общество, члены которого назывались **тертуллианистами**.

Пораженный несправедливыми нападениями языческого общества на христиан, он стал красноречивым христианским апологетом. Увлечшись монтанизмом, он был, с одной стороны, жарким противником и остроумным обличителем **гностиков** и **антитринитариев**, искажавших откровенное учение, а с другой, – строгим до крайности **нравственным писателем**.

Сочинения его – апологические, догматические и догматико-полемиические. Одни написаны до монтанистического периода, другие после.

Св. Киприан, епископ Карфагенской. Он происходил из богатой языческой семьи в Карфагене и славился как ученый ритор. Христианином стал в 246 г. на сороковом году жизни. Вскоре он был поставлен пресвитером, а в 248 г. епископом. Он был горячим почитателем Тертуллиана, прилежно изучал его сочинения, но был совершенно чужд его монтанистическим воззрениям. Его сочинения тесно связаны со всей его деятельностью, так как написаны в связи с тогдашними церковными обстоятельствами и вызваны борьбой с еретиками. Из всех его сочинений первое место занимает труд «**О единстве Церкви**». Он доказывает, что Церковь христианская, несмотря на множество частных церквей, есть **единая**, и что епископство, служащее выражением единства Церкви, также **едино**, несмотря на значительное количество епископов. Это положение он обосновывает тем, что сам Иисус Христос установил так,

начав с ап. Петра. Отсюда вытекало признание им важности римской Церкви. Но он не считал епископа римской Церкви главенствующим над всеми епископами. Верховную власть в Церкви он присваивает **всей совокупности** епископов, как наследников власти ап. Петра. И на практике он не признавал такой исключительности власти римского епископа, что видно из его спора с папой Стефаном по вопросу о крещении еретиков. Впоследствии, сочинение св. Киприана подверглось искажениям, с внесением в него многих выражений, нужных Римской кафедре.

Школа Александрийская

В Александрии, как полагают, еще **св. ев. Марком** основано было христианское училище. Сначала оно было обыкновенной школой, бывшей при епископских кафедрах для первоначального наставления или оглашения в вере обращающихся в христианство. Позднее оно стало богословско-учено-образовательным заведением, столь важным в этом средоточии всемирной образованности и учености. Такой вид придал ему один из ученых его наставников или, как они тогда назывались, катехетов, **Пантен (180–191 гг.)**, преемник Афинагора. Пантен, а затем и другие учителя и ученики Александрийского училища, образуют школу писателей, т. н. **Александрийскую**. Представители этой школы:

Пантен был родом из Афин и первоначально принадлежал к школе стоиков. Приняв христианство, он посвятил себя распространению его как среди язычников греко-римской империи, приходивших слушать его уроки, так и среди варваров, для чего путешествовал в Индию. Пантен написал несколько комментариев на св. Писание, но они не дошли до нашего времени.

Тит Флавий Климент, пресвитер Александрийский, ученик Пантена и, после него, наставник училища (191–202). Будучи язычником, он получил, для своего времени, всестороннее образование, которое усовершенствовал еще, после обращения в христианство, своими путешествиями с научной целью по Греции, Италии, Сирии и Палестине. Став в Александрии учеником Пантена, он заменил его в должности катехета, когда тот отправился проповедовать Евангелие в Индии. В новой должности Климент получил, вероятно, сан пресвитера. Во время гонений при Септимии Севере (202), когда ему угрожала опасность, он удалился на восток и проживал в Иерусалиме, Антиохии, Каппадокийской области, продолжая ревностно трудиться на пользу Церкви словом и писаниями. Возвращался ли он до смерти, последовавшей в 220 г., в Александрию, неизвестно. Деятельность его, главным образом, протекала в Александрийском училище, где он, толкуя св. Писание, раскрывал перед своими слушателями христианское вероучение так доказательно и убедительно, что многие из язычников под влиянием его уроков, обращались в христианство. В своих сочинениях он стремился облечь христианское учение в научную форму. При этом, вопреки мнению некоторых отцов и учителей Церкви, чуждавшихся философии и науки, он считал таковые полезными для христианства, поскольку они, образуя

человеческий ум, помогают глубокому и всестороннему пониманию христианского вероучения. Его труд «**Строматы**» представляет **первые попытки** соглашения веры и науки, заключая в себе изложение вероучения, возведенного, при помощи философских умозрений, в степень религиозно-философского знания. Понимание откровенного учения в его основах научным образом Климент называет истинным гносисом и обладающих им-истинными гностиками, в противоположность ложному гносису языческих философов и язычествующих еретиков христианской Церкви. Не отступая от положительного учения веры, Климент, под влиянием начал Филоновского платонизма, приходил к напрасному отрицанию буквального смысла писаний и замене его, без нужды, таинственным, аллегорическим.

Ориген, преемник Климента в должности наставника училища, был одним из величайших ученых своего времени не только среди христиан, но и язычников. Своей просвещенной деятельностью в Александрии и других местах, а также сочинениями, он приобрёл сильное влияние на современников Им создано в церковном просвещении особое богословское направление, которое сохранялось долгое время после его смерти. Он родился в Александрии ок. 185 г. Отец его **Леонид**, александрийский ритор, был научно и христиански образованным. Под его руководством он и получил начальное образование, проявляя с юных лет необыкновенные дарования. Знания его обогатили уроки Климента. Во время гонений при Септимии Севере (202 г). был замучен Леонид. Ориген хотел разделить его участь. Удержанный матерью, он писал отцу в темницу, убеждая его не отступать от веры. Одна богатая женщина дала ему приют в своем доме, но он ушел от неё, т.к. в доме её собирались еретики. Ориген решил стать преподавателем словесных наук и тем добывать себе содержание. Многие язычники, желавшие принять христианство, обращались к нему с просьбой научить их истинам, – и он сделался **огласителем**. Во время гонений он ободрял и поддерживал верующих, безбоязненно посещая заключенных, сопровождая их в суды и даже на место казни, причем сам едва избегал смерти. Оригена оценил епископ Александрийский Димитрий, который в 203 г. поручил ему должность катехета и начальника огласительного училища, вместо Климента, отправившегося на восток. Ревностно преподавая, он свободное время проводил в молитве, в изучении св. Писания и стремился вести жизнь аскетическую. Желая сделаться бесстрастным, он дошел до того, что оскопил себя. Слава Оригена, как великого христианского учителя, привлекала к спору с ним многих языческих философов. Для большей успешности в таких спорах Ориген

отлично изучил все философские системы. Свои познания он расширил, путешествуя в Палестину, Грецию и Рим. Для противопоставления ученым язычникам истин христианских, Ориген признал полезным для Церкви перенять у язычников научную форму, в которую можно вложить христианское вероучение. Число его учеников все увеличивалось, он нашел помощника, в лице друга своего **Иракла**, и разделил школу на две половины. **Иракл** преподавал начинающим ученикам, а сам Ориген более подготовленным. Языческие философы и еретики приходили слушать Оригена и учиться у него. Среди обращенных им был видный еретик Амвросий, ставший потом его другом. В 217 г. Ориген был приглашен одним князем для проповеди в Аравии. В 219 г. он отправился в Палестину и обосновался в Кесарии, т.к. в Египте было опасно жить из-за междоусобной войны. Епископ Кесарийский Феоктист позволил ему в своей церкви и в своем присутствии беседовать и изъяснять св. Писание, хотя он не был еще рукоположен во пресвитера. Это вызвало неудовольствие александрийского епископа Димитрия, считавшего, что мирянину не следует публично учить в церкви. Он потребовал возвращения Оригена в Александрию, что тот и выполнил. В 220 г. Ориген был вызван в Антиохию, ко двору Юлии Маммеи, матери имп. Александра Севера. В 228 г. его вызвали в Грецию, где возникла ересь. Сам еп. Димитрий отправил его туда для борьбы с ней. По пути, в Палестине, друзья Оригена, епископ Феоктист Кесарийский и Александр Иерусалимский, поставили его в пресвитера, считая, что тогда он будет пользоваться большим авторитетом у еретиков. Когда через два года он вернулся в Александрию, то был встречен недружелюбно еп. Димитрием. Слава его вызывала в нем зависть. Считал он и нарушением своих прав посвящение Оригена епископами других Церквей. Скопчество Оригена Димитрий признавал препятствием к поставлению его пресвитером. На соборе в Александрии Оригену запрещено было учить в Александрии и указано пребывать вне Александрийской епархии (231 г.). Найдены были в сочинениях Оригена некоторые вольные мысли. Постановлением собора в 232 г. Ориген был извержен из пресвитерского сана и отлучен от Церкви. Он еще до окончания суда удалился на восток к своим друзьям епископам, у которых нашел дружественный прием. Епископы в Палестине, Финикии, Аравии, Ахаии были на стороне Оригена и против его отлучения.

Ориген сосредоточил всю свою ученую деятельность **в Кесарии**. Он основал такое же училище, как и в Александрии, которое славилось многими учеными мужами. В 244 и 248 годах Ориген принимал участие на соборах аравийских против еретиков. Силой своего убеждения он

заставил еретиков отказаться от своего учения. Во время гонений при Декии Ориген подвергался истязанию. В 254 г., обессиленный старостью (ему было ок. 70 лет) и истязаниями, он умер в Тире, в мире и общении с Церковью.

Ориген обладал всесторонней ученостью, и общей, и богословской. Он написал сочинения по всем отраслям богословского знания и получил прозвание адамантового. Древние (св. Епифаний) приписывали ему до 6000 сочинений, считая, конечно, все беседы его и письма. Особенно замечательны его труды по исследованию св. Писания. Для проверки греческого текста он изучил еврейский язык. Много потрудился он по части толкования св. Писания. Во всяком месте Писания Ориген находил тройкий смысл: буквальный, нравственный и таинственный, причем слишком увлекался последним. Из многочисленных сочинений его против еретиков не сохранилось до нашего времени ни одного. О его труде «Против Цельса» говорилось выше. Из догматических его сочинений особенного внимания заслуживают его «**Строматы**» в 10 книгах, из которых сохранились только отрывки, и «**О началах**», т.е. вещей или веры. Оно сохранилось в латинском переводе, представляя собой первый опыт научного, систематического изложения христианских догматов. В этом труде есть спорные и неверные места. Некоторые его воззрения послужили поводом к развитию ереси. Свои произвольные мысли он высказывал не как учение Церкви, а как свои личные предположения. Таковы его мнения: о творении душ человеческих прежде творения этого видимого мира (теория предсуществования душ); о падении их всех в одно время; о существовании многих миров прежде творения этого видимого мира; о наступлении времени, когда мучения грешников прекратятся (Е. Смирнов).

Ориген хотя и был удален из Александрии, но направление, сообщенное им церковному просвещению, оставалось там во всей силе. Оригеновская школа процветала и в **Кесарии**. В обеих школах были у него горячие приверженцы и последователи. Из Александрийских учеников особенно замечателен **Дионисий**, которого в 233 г. назначили учителем, вместо Иракла, поставленного епископом. Дионисий с 248 по 265 гг. был александрийским епископом. Происходил он из благородного и богатого александрийского семейства. Его деятельность была очень плодотворна для Церкви. Во время гонений Декия и Валериана он показывал своей ревностью пример пастве. Принимал он самое живое участие в разрешении всех вопросов, занимавших в то время Церковь. По старости он не смог принять лично участие в соборе против Павла Самосатского,

письменно изложил свое осуждение его. Из творений Дионисия сохранились только отрывки.

В **Кесарии** из школы Оригена вышли:

Григорий Чудотворец. Он происходил из богатой языческой семьи и готовился к адвокатской деятельности. В 231 году в Кесарии он встретился с Оригеном; сделался христианином и, под его руководством, ревностно занялся изучением богословия. В 244 г. Григорий был поставлен епископом Кесарийским и проявил себя ревностным распространителем христианства. Известны его творения: символ веры о Св.Троице, каноническое послание в ответ на запросы некоего духовного лица, вызванные готским нашествием и панегирик Оригену. Преставился он около 270 г.

Св. Памфил, пресвитер кесарийский. Он получил богословское образование в Александрийском училище, где слушал наставника Персия (265–281). Получив сан пресвитера в Кесарии, он продолжал труды Оригена в тамошнем училище. С особенной любовью он занялся устройством **библиотеки** при училище, основанной еще Оригеном, для чего собирал списки св. Писания и творений отеческих. Списки св. Писания, вышедшие из рук священномуч. Памфила, считались в древности драгоценностью, т.к. отличались верностью. Блаж. Иероним писал о нем: «Памфил до того был привязан к священным книгам, что своей рукой переписал большую часть книг Оригена по св. Писанию. Рукописи его до наших дней хранятся в кесарийской библиотеке». Св. Памфил скончался мученически в 309 г. Находясь в темнице, он написал в 5 книгах сочинение в **защиту Оригена**, законченное его учеником и другом, Евсевием, епископом Кесарийским, первым крупным церковным историком.

Школа Антиохийская

В конце 3 в. образовалась еще научно-богословская школа в Антиохии. Основателями её были ученые антиохийские пресвитеры: **Дорофей** (ок. 290 г). и **Лукиан**. Последний особенно замечателен, как ученый исправитель текста св. Писания Ветхого и Нового Завета. Преп. Лукиан при Диоклетиане был исповедником веры, потом был заключен в никомидийскую темницу при Максимиане, где, согласно Месяцеслову Ив. Косолапова, мученически скончался 7 января 311 г.

Антиохийская школа была в особенно цветущем состоянии в 4 в. Направление её было отлично от школы Александрийской. В последней преобладал **идеализм**, наследованный от философии Платона, выразившийся аллегоризмом и мистицизмом в толковании св. Писания и глубокими умозрениями в разрешении догматических вопросов. В Антиохийской школе, напротив, преобладал **реализм**, – основной принцип философии Аристотеля, – допускавший в св. Писании преимущественно буквальный смысл и требовавший простоты и ясности в понимании христианских догматов. Оба эти направления, доведенные до крайности, послужили основанием для развития в Церкви ересей в 4 и последующих веках.

Церковная жизнь

В конце 3 в. образовалась еще научно-богословская школа в Антиохии. Основателями её были ученые антиохийские пресвитеры: **Дорофей** (ок. 290 г). и **Лукиан**. Последний особенно замечателен, как ученый исправитель текста св. Писания Ветхого и Нового Завета. Преп. Лукиан при Диоклетиане был исповедником веры, потом был заключен в никомидийскую темницу при Максимиане, где, согласно Месяцеслову Ив. Косолапова, мученически скончался 7 января 311 г.

Антиохийская школа была в особенно цветущем состоянии в 4 в. Направление её было отлично от школы Александрийской. В последней преобладал **идеализм**, наследованный от философии Платона, выразившийся аллегоризмом и мистицизмом в толковании св. Писания и глубокими умозрениями в разрешении догматических вопросов. В Антиохийской школе, напротив, преобладал **реализм**, – основной принцип философии Аристотеля, – допускавший в св. Писании преимущественно буквальный смысл и требовавший простоты и ясности в понимании христианских догматов. Оба эти направления, доведенные до крайности, послужили основанием для развития в Церкви ересей в 4 и последующих веках.

Устройство и управление Церкви

«Основатель и Глава Церкви дал все духовное полномочие в ней Своим апостолам (Иоан. 20:21), которые были первыми правителями ее. Когда она стала распространяться, апостолы на помощь своему служению учредили должности сперва **диаконов** (служитель), потом **пресвитеров** (старейшина). Первым вверено было **служение** материальным нуждам христианской общины-распоряжение благотворительной кассой ее и раздача пособий бедным; также поручено было и совершение таинств. Вторые получили пастырскую духовную власть, – должны были заботиться об удовлетворении духовных потребностей христиан учением, нравственным руководством и священнодействиями.

«Но так как Церковь должна, по обещание Христову, пребывать до скончания века, то и полнота правительственной власти, дарованной от Христа апостолам, должна была не окончиться с их смертью, а оставаться в Церкви вечно. Поэтому апостолы передали свои полномочия избранным преемникам своим с тем, чтобы оно продолжалось в Церкви **преемственно** и неизменно. Этим лицам, получившим название **епископов** (блюститель), апостолы поручили в основанных христианских общинах высший надзор и управление (**архипастырство**), чего апостолы не могли всегда удержать за собой лично, как обязанные распространять христианство во всем мире».

«Так образовалась в первой Церкви **иерархия** (священноначалие). Призванные в ней лица составили особый разряд членов Церкви, впоследствии названный **клиром** (жребий, доставшийся по жребию удел или доля). Прочие члены Церкви назывались **братиею**, потом мирянами (принадлежащими к народу)»...

«Таким образом высшая, в собственном смысле, правительственная, власть в Церкви поручена апостолами епископам – преемникам их; другие же чины иерархии поставлены быть только помощниками епископа в церковном управлении, прочие члены клира – служебными лицами» («Лекции по церковному праву» заслуженного профессора Императорского Училища Правоведения протоиерея В.Г. Певцова).

Епископы, клир и миряне составляли собой **единую Церковь**, имея одну Главу – Христа. Епископы и члены клира управляли, учили и совершали богослужение; миряне были пасомыми, но и также принимали участие в богослужении, в управлении церковными делами и даже в избрании епископов и членов клира.

Епископские округа получили потом название **епархий**. Это название заимствовано из гражданского разделения римской империи времен Константина Великого. Епископы поддерживали единство друг с другом, собирали, по примеру Апостольского собора, совещания соседних епископов. Постепенно создавались округа, средоточием которых были главные города римской империи. Они имели значение в церковном отношении, как матери для других городов при распространении христианства, или **митрополии**. Епископы этих городов-митрополий были первенствующими и именовались **архиепископами**, председательствуя на окружных соборах. С 4 в. в восточных Церквах им присвоено было название **митрополитов**. В некоторых странах епископы, имевшие значение митрополитов, назывались **примасами**. До учреждения патриаршеств митрополиты поставлялись собором епископов округа.

В первые же столетия приобрели особое значение и влияние в Церкви митрополиты **Рима, Александрии и Антиохии Сирийской**, так как в этих городах епископские кафедры были основаны самими апостолами.

После основания Константинополя, новой столицы империи, или нового Рима, его епископу дана была власть митрополита, на втором же Вселенском Соборе предоставлено преимущество чести и старшинства после римского епископа. В 5 в., со времени Халкидонского Собора, этим первенствующим митрополитам, называвшимся иногда **экзархами** (начальниками), усвоено было почетное название **патриархов** (начальники отцов). Во внимание к той чести, которую в глазах христиан имел город Иерусалим, наименование патриарха получил и митрополит Иерусалимской.

По постановлению Трулльского Собора, порядок старшинства патриарших кафедр был установлен следующий: римская, константинопольская, александрийская, антиохийская и иерусалимская. С конца 16 в. шестое место заняла патриархия московская.

«Если отдавались преимущества некоторым церквам и их предстоятелям, то это происходило по особым обстоятельствам, указанным выше, и было только первенством **чести**, а не **господством**; епископы церквей больших и главных городов были только **первыми между равными**. Несмотря на это, уже во 2 и 3 вв. со стороны римских епископов были сделаны попытки образовать **главенство** в Церкви, т.е. поставить римского епископа во главе всей Вселенской Церкви с правом верховной власти. Эти попытки обосновывались на преимуществе чести римской церкви, которое отдавалось ей во всех западных и даже восточных церквах. В конце 2 в. возникли споры по вопросу о времени

празднования Пасхи. Римский епископ **Виктор**, человек высокомерный, властолюбивый, настоятельно требовал, чтобы церкви малоазиатские, праздновавшие Пасху не в одно время с церковью римской, праздновали непременно в одно время с последней и даже, как бы имеющий власть во всей Церкви, своими грамотами объявил малоазиатских христиан лишенными общения, когда те не хотели подчиниться его требованию. Такое же притязание на главенство сделано было в середине 3 в. другим римским епископом, **Стефаном**, когда начались споры по вопросу о крещении еретиков. Стефан не хотел знать никакой другой практики церковной относительно крещения еретиков, кроме практики римской церкви, и, подобно Виктору, требовал от церквей малоазиатских и северо-африканской принятия ее. Когда эти церкви отказались, он угрожал им прекращением общения, а Киприана Карфагенского хотел даже отлучить. Но в обоих случаях церкви малоазиатские и северо-африканская дали твердый отпор притязаниям на главенство; они не признали за римским епископом права приказывать и повелевать во всей Вселенской Церкви. Ириней Лионский убедил Виктора не нарушать мира Церкви из-за неважных разногласий, а Киприан на третьем карфагенском соборе постановил даже, против притязаний римского епископа, чтобы африканская церковь ни в каком случае не обращалась к суду римской церкви».

«Управление каждой местной церковью сосредоточивалось в лице предстоятеля ее, **епископа**, как преемника апостольской власти. Он заведовал всеми церковными делами: без его воли пресвитеры и диаконы не могли ничего совершать (39-е Апост. прав.), и тем более устраивать отдельные богослужебные собрания без его благословения (31-е Апост. прав.). Вследствие той тесной связи, которая объединяла между собой всех членов церкви в одно целое, епископское управление имело характер правления семейного, и самому епископу, поэтому, часто усваивалось название **отца** (рара). Под главным надзором епископа принимали деятельное участие в управлении клир и миряне. По всем важнейшим церковным делам епископ всегда совещался со своими пресвитерами и диаконами и wybranными старостами из мирян. К таким делам относились: обсуждение вопросов об избрании на церковные должности, дела о членах, впавших в ереси, дела о падших во время гонений: суд над теми и другими, важнейшие вопросы по распоряжению церковным имуществом и т.п. Пресвитеры, диаконы и старцы из мирян, таким образом, составляли при епископе как бы главный совет его. Ближайшими же советниками и помощниками епископа по управлению церковью были

вообще пресвитеры. При их участии епископ избирал кандидатов на церковные должности, главным образом через них наблюдал за жизнью паствы, вместе с ними распоряжался церковным имуществом, вообще обсуждал с ними все церковные дела. Пресвитеры, во главе со своим **архипресвитером**, лицом ближайшим к епископу, составляли при последнем **пресвитерский совет**. За смертью или отсутствием епископа, они заведовали всем церковным управлением. Значение диаконов в церковном управлении состояло в том, что они были первыми исполнителями всех поручений, решений и распоряжений епископа по всем церковным делам. По поручению епископа они собирали справки, нужные ему по тому или другому делу, раздавали, по назначению его, вспомоществования из церковных сумм бедным и другим, призываемым церковью, лицам, объявляли верующим решения епископа, напр., о времени и месте богослужбных собраний, и т.д. Первое место между диаконами занимал **архидиакон**, который, как ближайшее и доверенное у епископа лицо, имел в своем ведении всех диаконов и низших клириков, наблюдая за их жизнью и руководствуя при богослужении. Вследствие своих непосредственных сношений с епископом и близости к нему, а также вследствие постоянных и близких сношений с мирянами, диаконы, и особенно архидиакон, приобретали иногда большое влияние на управление церковными делами, даже большее, чем пресвитеры, от чего и относились к последним так, как будто бы они занимали высшую иерархическую степень. Поэтому 1-й вселенский собор счел нужным указать диаконам настоящее их место в иерархии.

«Проводниками епископской власти в сельских и деревенских церквах (приходах) были, так называемые, **хорепископы** (сельские епископы). Это были лица, имевшие пресвитерскую и иногда даже епископскую степень, и особо уполномоченные от епископа города. Имея в своем заведовании известный округ сельских церквей, они управляли ими, подобно епископу города, при пособии клира и мирян. Особенным преимуществом их было то, что они избирали для подведомых им церквей низших клириков, причисляя их к клиру, а те, которые имели рукоположение по чину епископства, с соизволения епископа, даже рукополагали пресвитеров и диаконов. Но в то же время хорепископы должны были доставлять епископу города сведения о тех лицах, которых они принимали в клир. Вообще же, хорепископы находились в подчинении у епископа города, так как и самое назначение их на должность зависало от него».

Церковные должности

Потребность должного благочиния в Церкви вызвала установление во 2 и 3 вв. новых должностных лиц, которые, не принадлежа к иерархии, составляли низший разряд его. Чтение священных книг входило в обязанность епископов, пресвитеров и диаконов. Во втором же веке для чтения священных книг, кроме Евангелия, стали назначаться **чтецы**. В 3 в. учреждены были должности **иподиаконов** (прислужников). Они, состоя в распоряжении диаконов, наблюдали за тем, чтобы верующие, входящие в молитвенное собрание, занимали должные места.

В 3 в. в некоторых церквях, особенно восточных, составившихся из евреев, установлены были **певцы**. Должность **парамонарей** (привратников) учреждена была для наблюдения за внешностью места богослужебных собраний и недопущения в собрания отлученных от Церкви, еретиков, иудеев и язычников. Они же обязаны были извещать собрание об опасности, возникавшей со стороны властей или языческой толпы.

Во времена апостольские в церквях, составившихся из язычников, создана была, в соответствии с диаконской, должность **диаконисс**. Избираться могли только девственницы или вдовицы. Они наблюдали за порядком во время богослужений в женских отделениях, наставляли женщин, желавших креститься, прислуживали при их крещении, исполняли поручения епископов, касающиеся женщин.

Избрание и посвящение духовных лиц

Установив степень иерархии, апостолы дали Церкви определенные указания на то, какие лица и с какими качествами должны быть избираемы на иерархические должности и как должно производиться самое избрание их. Ап. Павел, в своих пастырских посланиях к Тимофею и Титу, разъясняет: «епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, страннoлюбив, учителен, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен наставлять в здравом учении и противящихся обличать, не пьяница, не убийца... хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись церкви Божией? не должен быть из новообращенных; наконец, должен иметь о себе вообще одобрительные отзывы не только между верующими, но даже и язычниками (1Тимоф. 3:2–7 и Тит. 1:9). Те же самые качества требуются и от пресвитера (Тит. 1:5–9), равно как и диакона (1Тимоф. 3:8–21). Так называемые апостольские правила, составленные на основании апостольских писаний и апостольского предания, к сим требованиям присоединяют, что глухой и слепой не может быть епископом (Апост. прав. 78), а также бесноватый (прав. 79), раб без согласия господ (прав. 82), и, вообще, всякий женатый на вдове, отверженной от супружества, блуднице, рабыне или актрисе (прав. 18), не могут быть приняты в клир. – Что касается способа избрания на иерархические степени, то апостолы сами установили тот порядок, чтобы в выборе принимали участие все члены известной христианской общины. Так, при установлении диаконской степени, апостолы собрали всю общину и предложили ей самой избрать семь человек испытанных, исполненных Духа Святаго и мудрости (Деян. 6:3), а сами осветили её выбор рукоположением избранных. Ап. Павел, в первое свое путешествие, рукополагая в пресвитеров к разным церквам (Деян. 14:23), конечно, в этом случае, сообразовался с желаниями всех верующих этих церквей.

Эти апостольские указания послужили для Церкви правилами, которыми она руководствовалась всегда при избрании на иерархические должности. Все члены известной общины, как клир, так и народ или миряне, принимали всегда живое участие в выборе лица на ту или другую иерархическую степень. Впрочем, в тех церквах, в которых, по многочисленности членов, или по другим причинам, было неудобно всем подавать свои голоса при выборе, от народа назначались для этого особые

лица, старцы, которые представляли в своем лице всю общину. Так было в некоторых западных церквях. Когда делалось известным в общине имя избираемого, – а такого предлагали епископ и пресвитеры, по большей части, – каждый член церкви имел право говорить в пользу лица избираемого или против него, и голос каждого был принимаем в уважение. Подобный порядок был вполне возможен в то время, ибо избираемый должен был непременно принадлежать к той общине, для которой избирался, и, следовательно, должен был быть известен каждому. Затем, когда вся церковь находила, что избираемое лицо, согласно требованиям апостольским, достойно занять иерархическую степень, произносили общий возглас: «достойн» (аксиос), и следовало посвящение. В пресвитера и диакона рукополагал епископ местной церкви, в епископа же рукополагали, по большей части, епископы окрестных церквей (Апост. прав. 1-е). Последние принимали даже участие и в самом избрании епископа, или сами лично, или через своих уполномоченных, наблюдая в этом случае, чтобы избираемое лицо, по своим достоинствам, соответствовало требованиям апостольским, и даже самым делом испытывая его в правоверии. При избрании епископа требовалось еще согласие на это и одобрение со стороны епископа главного города известной области, присутствовал ли он на месте во время избрания, или нет (6-е правило 1-го Вселен, соб.).

«Что касается назначения на низшие церковные должности, то и здесь также принимаем был в уважение голос всей общины. С течением времени, впрочем, назначение на эти должности передано было одному епископу с его пресвитерами и диаконами, так как поставление на эти должности не имело такого важного значения для Церкви, как поставление пресвитера, или епископа».

Положение клира в первые века

«Клир христианской Церкви первых веков не составлял какого-либо наследственного сословия, как это было в церкви ветхозаветной; напротив, в состав его мог вступать каждый из верующих, чувствовавший призвание к священному служению и удовлетворявший условиям вступления в клир. Особого приготовления для вступления в клир, вроде школьного, также не было. Самой лучшей школой для образования клириков было служение в том же клире, начиная с низших должностей под руководством епископа и на глазах всей общины. Только с течением времени явились христианские училища, например, в Александрии, в которых могли готовиться служители Церкви. Так как Церковь в первые века не имела разрешения правительства на свое существование, то и члены клира, вступая в состав его, не пользовались никакими общественными правами и преимуществами по своим церковным должностям. Но, с другой стороны, исполняя в Церкви возложенные на них обязанности, члены клира нередко не оставляли обязанностей, возложенных на них языческим обществом или правительством, вследствие чего они пользовались теми или другими государственными преимуществами. Впрочем, Церковь вскоре нашла, что мирские занятия не совместны со званием и обязанностями иерархического служения, почему они и были воспрещены епископам, пресвитерам и диаконам. К таким занятиям особенно причислялась гражданская или военная служба (Прав. Апост. 6, 20, 81, 83).

Что касается брачной или безбрачной жизни членов клира, то нужно заметить, что та и другая одинаково допускались для всех степеней иерархии, так что епископы могли состоять в брачной жизни. Из вступивших в христианскую Церковь было много лиц, которые состояли уже в браке и в то же время признавались достойными занять какую-либо иерархическую степень; поэтому ап. Павел, не поставив браку препятствием к священнослужению, сделал только ограничение брачному состоянию иерархических лиц, сказав, что епископу, пресвитеру и диакону следует «быть мужем одной жены». Но в то же время Церковь не понимала слишком буквально этого апостольского наставления так, чтобы иерархические лица непременно должны были состоять в браке, и ап. Павел, как видно из хода его речи, не придавал своим словам такого безусловного значения, имея в виду положить только предел стремлениям лиц иерархических к брачной жизни. Лица, не связанные с миром брачными узами, если они удовлетворяли другим условиям для вступления

в клир, всегда принимались в состав его, и безбрачному состоянию лица, занимающего епископскую степень, даже отдавалось преимущество, так как епископ, не стесняясь брачными связями с миром, всецело мог посвятить себя служению Церкви. Допуская, таким образом, брачное и безбрачное состояние для членов клира, Церковь требовала только, чтобы как в том, так и в другом было все благообразно и по чину; поэтому, запрещала брачным иерархическим лицам «изгонять своих жен, под видом благоговения», а безбрачным, после рукоположения, вступать в брак (Апост. прав. 5 и 26). Но при этом, первым запрещением Церковь не стесняла брачных иерархических лиц, ради действительного подвига воздержания, оставлять своих жен, если последние согласны были на это. В таком случае, жена епископа, или пресвитера, или диакона занимала, по большей части, должности даконисс.

Относительно содержания клира нужно заметить, что в первенствующей Церкви не было для этого каких-либо определенных средств и источников. Прежде всего каждый член клира сам заботился о своем содержании. И мы видим, многие члены клира, вступая в состав его, продолжают, по примеру ап. Павла, заниматься теми ремеслами или промыслами, которыми они занимались до вступления в клир и которые были совместимы с лежащими на них обязанностями по Церкви, и тем доставляют себе средства к существованию. Случалось и так, что в клир вступал какой-либо богатый землевладелец и, продолжая получать доходы от земли, доставлял не только себе, но и другим, неимущим членам клира или общины, средства к существованию. Таков был Киприан, епископ Карфагенский (в середине 3 века), сын богатого римского сенатора. Случалось, что в клир вступали вообще люди со средствами, приобретенными еще раньше, и содержали себя на эти средства. Кроме того, клир получал средства для своего содержания и от той общины, к которой принадлежал; хотя нельзя определить, в какой мере производились эти средства, но, во всяком случае, они были достаточны для удовлетворения всех необходимых потребностей членов клира. Эти средства распределялись между клириками, при посредстве и по усмотрению епископа, или из общественных касс, если таковые существовали при церквях, или вообще из церковного имущества, составлявшегося из добровольных пожертвований членов общины, смотря по усердию и состоянию каждого. К таким пожертвованиям, кроме денежных, принадлежали и вещественные приношения, состоявшие, по обычаю, сохранившемуся от церкви ветхозаветной, из хлеба, вина, плодов и разного рода припасов. Часть хлеба и вина оставлялась для

богослужения, остальное же все, за отделением части бедным, шло в пользу клира (Апост. прав. 4-е).

Наконец, относительно положения клира в первые века следует заметить еще то, что, как избираемое в клир известной церкви лицо должно было непременно принадлежать к этой церкви, так и после вступления в клир оно должно было оставаться в нем навсегда и не переходить без нужды в клир ой церкви. Перемещения особенно не дозволялись епископам, так как, по обстоятельствам того времени, каждая частная церковь именно нуждалась в постоянном и неуклонном руководстве в одном направлении; а это достигалось тем, епископ постоянно пребывал на одной и той же кафедре. Поэтому, если и допускались Церковью перемещения епископов, в самых редких случаях, в виду особенной от сего пользы той церкви, в которую они переходили (Апост. прав. 14).

Взаимоотношения поместных церквей

Все апостолы получили от Христа Спасителя равные права – управлять, учить и священнодействовать в Его Церкви. Между ними не было ни одного, начальствующего над другими. По поводу просьбы матери сынов Заведеевых о первенстве их в Царстве Небесном, Спаситель сказал всем ученикам: «Вы знаете, что князья народов властвуют над ними, и вельможи властвуют ими, но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим да будет вам слугою. И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Матф. 20:25–27). И апостолы, поставляя предстоятелей-епископов разных церквей, сообщали им всем одинаковые иерархические права. Отсюда, и все частные христианские церкви были равны между собой. При таком равенстве апостолов, церквей, ими основанных, и их предстоятелей, **соборная форма** управления всей Христианской Церковью была единственно возможной, вполне законной и соответствующей заповеди Спасителя о равенстве и братстве как всех верующих в Него, так и лиц, назначенных на иерархическое служение. Поэтому, апостолы, совершенно чуждые мысли о главенстве и первенстве кого-либо из своей среды, сами положили начало соборной форме управления по делам, касающимся всех или многих церквей. Собор Иерусалимский, на котором присутствовали некоторые из апостолов и представители от других церквей, был высшим выражением церковной власти. Власть собора была уже не властью отдельных лиц, даже не властью вообще людей, но властью Святого Духа, всегда пребывающего в Церкви и руководящего ее пастырями, как это засвидетельствовал тот же иерусалимский собор (Деян. 15:28). Апостолы положили себе, чтобы и на будущие времена, подобно составленному ими собору, епископы непременно составляли соборы ежегодно по два раза (Апост. Прав. 37-е).

На таких основаниях, заповеданных Господом Иисусом Христом и апостолами, и установились во времена послеапостольские взаимоотношения между церквами и их епископами. Все поместные церкви и их епископы были равны между собой, и каждый епископ в управлении внутренними делами своей церкви был независим от другого. По делам же, касавшимся всех или нескольких церквей, хотя и возникавшим в поместной церкви, епископы собирались на соборы, где и решали их общим голосом. В середине 2-го века, – когда начинаются исторические свидетельства, – соборы входят в большое употребление, так что в 3-м в. становятся явлением повсеместным. На них разбирались дела о

еретиках; составлялись общие правила по руководству всеми церквами известной области; разбирались недоразумения и несогласия между епископами по управлению своими епархиями и т.п. Но равенство и независимость церквей и их епископов не вели за собой их разъединения. Напротив, постоянное и полное **общение** составляют характерную черту в отношениях между церквами и их епископами в первые века. Одни уже соборы служили прекрасным средством к общению; здесь епископы входили в теснейшее единение друг с другом, раскрывая свои недоумения по управлению церковными делами и разрешая их после общего совещания. Кроме того, общение поддерживалось посланиями и грамотами. Послания были разного рода: послания одних церквей к другим, напр., церкви смирнской о гонении, бывшем в этой церкви при Марке Аврелии, к церкви филомелийской и «всем повсюду святым и кафеолическим церквам»; послания предстоятелей церквей по разным поводам, напр., по вопросу о времени празднования Пасхи, о крещении еретиков и вообще по делам о еретиках; послания соборов к церквам и епископам о соборных определениях, особенно относившихся к еретикам, и т.п. Из грамот в особенно большом употреблении в Церкви были грамоты представительные. Они давались епископами всем клирикам и мирянам, отправлявшимся в пределы других церквей; в них заключалось свидетельство об их православии, честности, общении с Церковью и в особенности о не запрещении клирикам священнослужения, а мирянам причащения св. Таин. Без таких грамот не дозволялось никого принимать.

«Постоянное общение между церквами и их епископами производило то, что все поместные церкви составляли в своей совокупности единую Христову Церковь».

Споры о праздновании Пасхи

Споры о времени празднования Пасхи довольно подробно изложены в Церковной Истории Евсевия. Возникли они, между некоторыми церквами, в конце 2-го века. Евреи праздновали свою Пасху в 14-ое число месяца нисана, соответствующего теперешнему марту.

Некоторые восточные церкви, и в их числе малоазийские, по примеру евреев, праздновали свою христианскую Пасху также в это число, в какой бы день недели она ни приходилась, и с этого числа прекращали пост. Празднование, впрочем, совершалось в христианском смысле; означенные церкви в 14-й день нисана совершали торжество в воспоминание крестной смерти Спасителя и называли его **Пасхой крестной**, а затем, через день, праздновали **Пасху Воскресения**, но опять в какой бы день недели она не приходилась. Другие церкви, как замечает Евсевий, «во всей вселенной», значит большинство, держались другого обычая; они праздновали воспоминание страданий и смерти Спасителя в первую пятницу после 14-го нисана, а Пасху или годовую память Воскресения Христова в первый затем воскресный день, и с этого, а не с другого какого дня, прекращали пост. Таким образом, в одних церквах Пасха праздновалась по **числам**, почему, естественно, не совпадала с воскресным днем, в других, напротив, по **дням**, отчего приходилась в день недели воскресный, в который праздновалось Воскресение Христово. Как те, так и другие церкви имели основание для своего празднования в предании. Малоазийские церкви ссылались на то, что они празднуют Пасху вместе с евреями по преданию апп. Филиппа и Иоанна; церкви же другие, праздновавшие Пасху после 14-го нисана, напр., Римская, ссылались на предание ап. Павла.

Хотя празднование Пасхи вместе с иудеями нарушало самостоятельность христианского богослужения, но, в силу того, что внешность и форма в христианском богослужении ставились на второе место, в 1-м и в течение почти всего 2 в., не было споров из-за разности во времени празднования Пасхи, и все церкви находились в мире и общении между собой. «Когда в 163 г. блаж. Поликарп, еп. Смирнский, при Аниките (еп. Римском) приходил в Рим, то оба они не много спорили и в отношении других предметов, но тотчас согласились, а в вопросе Пасхи и спорить не хотели, так как не могли друг друга убедить. Поликарп всегда соблюдал все, как при своем учителе ап. Иоанне, и Аникита считал себя обязанным соблюдать обычаи предыдущих пресвитеров. Несмотря на такое состояние дела, они, однако же, находились во взаимном общении,

так что Аникита, из уважения к Поликарпу, позволил ему совершать (в своей церкви) евхаристию; и оба они расстались в мире, равно как в мире со всей Церковью находились и соблюдавшие тот обычай и не соблюдавшие».

Первоначально спор поднялся в восточных церквях (около 170 г.), именно на соборе лаодикийском «происходил великий спор о Пасхе», а также и в других местах «по сему случаю происходили соборы и совещания епископов, которые все единодушно, посредством своих посланий, положили общим правилом праздновать Воскресение Господне из мертвых не иначе, как в день воскресный и именно в этот день прекращать пасхальный пост». Все-таки малоазийские церкви продолжали праздновать Пасху вместе с иудеями. Римский епископ Виктор, неразумно увидевший в обрядовой разности догматическую разность, в послании от лица Римского собора, особенно настаивал на одновременном праздновании Пасхи всеми церквями, именно в день воскресный после 14-го нисана. Но Поликарп, еп. Ефесский, занимавший главное место между азийскими епископами, составил из них собор и, по общем совещании, писал к Виктору и к Римской церкви, что ап. Филипп, погребенный в Иераполе, ап. Иоанн, погребенный в Ефесе, а также Поликарп, еп. Смирнский, и многие другие – «все праздновали Пасху, по Евангелию, в 14-й день, ни в чем не отступая от правила веры, но во всем держать его. Так поступаю и я, Поликарп, наименьший из всех вас, и поступаю по преданию своих родственников, которых был наследником, а из родственников моих считается семь епископов, я восьмой, и они всегда праздновали Пасху в тот день, когда народ оставлял квасной хлеб. Вот уже мне, братья, шестьдесят пять лет о Господе; я имел сношения с братьями по всей вселенной, прочитал все свящ. Писание и угроз не боюсь».

Римский епископ Виктор, человек высокомерный, властолюбивый, после такого твердого отпора, хотел поставить на своем; «он хотел было отсечь от единения епархии всей Азии, с сопредельными ей церквями как разномыслящие, и своими грамотами объявил тамошних братьев совершенно лишенными общения. Но это не всем епископам нравилось; многие из них советовали ему позаботиться лучше о мире, единении и любви с ближними». Между прочим, Иринея, еп. Лионский, от лица галльских церквей писал по этому случаю Виктору послание особо замечательное, так как оно служит характерным выражением истинных взглядов всей христианской Церкви на значение обрядности в богослужении. Иринея, хотя и утверждал, что таинство Воскресения Господня должно праздноваться только в день воскресный, однако же и

Виктору, как должно, советовал не отлучать от общения целые церкви Божии за то, что они сохраняют переданный им древний обычай. Указав затем, что разногласия издавна существуют и в продолжительности поста (четыредесятницы), он выставлял на вид, что тем не менее все церкви сохраняли и сохраняют мир. По поводу этого же вопроса о времени празднования Пасхи Ириней писал в том же духе к предстоятелям и других церквей. После этого, Виктор должен был отказаться от своей попытки отлучить от общения малоазийские церкви.

Совершение таинств

Совершение таинств в первенствующей Церкви имело некоторые особенности, но основная форма и порядок их совершения те же, что и в настоящее время.

Таинство **крещения**, по заповеди Спасителя (Матф. 28:19), совершалось над всеми вступающими в Церковь. Во времена апостольские оно совершалось непосредственно после исповедания веры в Господа Иисуса Христа уверовавшими в Него и заявления желания креститься (Деян. 1:41; 8:37–38), без продолжительного приготовления. Но во 2 и 3 веках, ввиду многих не искренно принимавших христианство и отпадавших от него во время гонений, Церковь признала неудобным совершать крещение вслед за изъявлением желания принять христианство, и поэтому установила определенный порядок испытания и приготовления уверовавших ко вступлению в общество христиан. Такое предварительное испытание в искренности намерения вступить в Церковь и приготовление к крещению получило название оглашения. Выразившие желание креститься из иудеев или язычников прежде всего отделялись от языческого или иудейского общества и присоединялись к обществу христиан, причем им давались новые имена святых и благочестивых мужей ветхозаветной и новозаветной Церкви, или названия христианских добродетелей; иногда отставляли те же имена. Затем, начиналось состояние оглашения, которое продолжалось от 40 дней до 3-х лет, а иногда сокращалось до нескольких дней, вследствие чрезвычайных обстоятельств, именно, во время гонений, когда оглашаемые твердым исповеданием веры доказывали уже свою готовность вступить в христианское общество. Состояние оглашения со 2-го и с 3-го века разделялось на три степени для прохождения оглашенными, почему они также разделялись на три класса. К первому принадлежали слушающие, ко второму коленопреклоненные или оглашенные в собственном смысле, и к третьему – готовящиеся к просвещению (крещению). Оглашенные первого класса допускались только к слушанию св. Писания, поучений и молитв из притвора, второго – стояли вместе с верными до времени совершения евхаристии, после чего, став на колена и приняв благословение предстоятеля, выходили из церкви; наконец, оглашенные третьего класса, вступавшие в оное только на короткое время перед самым крещением, постом и молитвой готовились к принятию крещения и были научаемы, как и что отвечать при его совершении. В течение всего

времени оглашения их учили истинам христианской веры кто-либо из клира или благочестивых мирян, по большей части, те, кто обращал их в христианство. Обучение состояло в раскрытии уверовавшему всего домостроительства спасения рода человеческого в свете истории Ветхого и Нового Заветов. В Александрии было даже для этого училище, так и называемое огласительным.

Самое крещение совершалось по большей части в праздники Пасхи и Пятидесятницы, а впоследствии – в праздник Богоявления. Оглашенного приводили в общее собрание верующих в притвор церковный или в место, где была устроена крещальня. Здесь, в присутствии всех, он должен был прежде всего торжественно отречься от диавола и его царства, так как состояние человека до крещения, по учению Церкви, есть состояние служения ему: при этом читалась еще заклинательная молитва над новокрещаемым для отогнания от него злого духа. Обряд помазания елеем крещаемого перед крещением совершался в древней Церкви в знак привития его к плодоносной маслине – Иисусу Христу. Затем начиналось торжественное испытание крещаемого в вере: ему предлагались вопросы, верует ли он (если был язычник) в единого Бога, в Господа Иисуса Христа и т.д. и крещаемый должен был отвечать, что верует. Затем следовало само крещение, совершавшееся при апостолах и после них через троекратное погружение крещаемого в воду с произнесением слов: «во имя Отца и Сына и Святого Духа». Но при этом во 2-м и 3-м веках, была и другая форма крещения – через окропление, или обливание, как исключительная, употреблявшаяся при крещении больных, умирающих или при крещении оглашенных, заключенных в темницы во время гонений, когда было невозможно крестить через погружение. По совершении крещения, все верующие приветствовали новокрещенного братским поцелуем, давали ему в руки светильник в знак хождения во свете, надевали на него белую длинную одежду (символ чистоты), которую он должен был носить в течение восьми дней; наконец, в некоторых церквях давали ему молоко и мед в знак вступления в землю обетованную. Затем крещенный присутствовал на совершении евхаристии, перед которой совершалось крещение.

В первенствующей Церкви, так же, как и в настоящее время, крещение совершалось над взрослыми и младенцами. Если крестилось все семейство, то крестились, конечно, и дети, и во времена апостольские было несколько таких случаев. Хотя во 2 в. карфагенский пресвитер Тертуллиан восставал против крещения детей, в силу того, что оно должно быть принимаемо сознательно, значит возрастными, но вся Церковь была

против него, а Ориген крещение младенцев прямо называет апостольским завещанием. При крещении детей, были восприемники для научения их вере, когда они будут взрослеть. Впрочем, несмотря на существование в древней Церкви практики крещения детей, были случаи, когда крещение откладывалось в надежде отпущения, по принятии его, всех соделанных грехов.

Вслед за крещением, в настоящее время, совершается таинство **миропомазания**. Также было и в Церкви первенствующей. В крещении человек получает благодатное возрождение в новую духовную жизнь; в таинстве миропомазания сообщались ему благодатные дары Святого Духа для укрепления в этой жизни. Об этих благодатных дарах, которые имели принять верующие, говорил еще Сам Спаситель (Ин. 7:39). В апостольской Церкви дары Св. Духа, сообщаемые в миропомазании, открывались нередко видимым образом. Так ап. Павел после крещений в Ефессе учеников Иоанновых низвел на них Св. Духа, и они стали говорить иными языками и пророчествовать (Деян. 19:6). Совершалось это таинство через возложение рук сначала одними апостолами, обладавшими всей полнотой благодатных даров (Деян. 8:14–15). Но вероятно уже и тогда вместе с возложением рук существовало и помазание миром, тем более что для этого был образец в ветхозаветной церкви, где через помазание также сообщалось благодатное освящение первосвященникам и другим лицам. Во 2-м веке, вместе с возложением рук, несомненно существовало уже и помазание миром. После апостолов миропомазание совершали их преемники, епископы. Но с увеличением числа верующих, вступающих в Церковь, это таинство было предоставлено и пресвитерам, за исключением африканской церкви, где епископы удержали за собой не только право освящения мира, как это было в других церквах, но и исключительное право совершать миропомазание. Поэтому, если крещение совершали не они сами, а пресвитеры, то миропомазание откладывалось до тех пор, пока епископ имел возможность его совершить. Отсюда вошло в обычай то, что епископ по временам посещал свою епархию для совершения таинства миропомазания.

Таинство **евхаристии** в апостольской Церкви совершалось так же, как оно было установлено Спасителем, т.е. на общей трапезе. Как известно, христиане в Иерусалиме имели общее имущество и общий стол, за которым вкушали общую пищу; общие собрания их для вкушения пищи назывались вечерами любви. В других церквах, хотя не было общения в имуществе, вечера любви были также в употреблении. В заключение таких вечеров и совершалась евхаристия, или как тогда называлось это

таинство «вечеря Господня», «трапеза Господня» и «преломление хлеба». Впрочем, в начале 2 в. или может быть в конце 1-го, совершение евхаристии было отделено от вечера любви и присоединено к богослужению в собственном смысле, так как при умножении членов, было неудобно совершать таинство вместе с обыкновенной трапезой. Совместное совершение того и другого вело даже к беспорядкам в собраниях, как это было в коринфской церкви, по свидетельству ап. Павла (1Кор. 11:20–29). Евхаристия в апостольский век совершалась ежедневно, если была возможность, и так как это есть таинство, то только верные могли принимать участие. Порядок совершения таинства был тот же, что и в настоящее время. Приступая к таинству, верующие давали друг другу братский поцелуй в знак теснейшего общения. Затем из приношений верующих избирались лучшие части хлеба и вина собственно для таинства. Предстоятель произносил молитву, в которой от лица верующих благодарил Бога за все Его благодеяния роду человеческому, особенно за искупление, и освящал св. Дары. Затем, все верующие причащались тела и крови Господа Иисуса Христа. Св. хлеб разносили присутствующим диаконы и диаконисы, к чаше же с вином приступали сами верующие.

Таинство **покаяния** в первенствующей Церкви совершалось так же, как и в настоящее время, через **устное** исповедание грехов перед иерархическими лицами, получившими власть вязать и решить. Особенностью совершения этого таинства было то, что кроме частного покаяния, употреблялось во 2 и 3 вв. покаяние открытое или публичное. Оно имело место при исповедании грехов важных, имевших значение для всей христианской общины. Такими грехами особенно считалось отступничество от веры во время гонений и предательство своих братьев, уклонение в ересь и грехи, известные всему обществу, как напр., блуд. За подобные грехи Церковь отвергала от себя такого члена, и если он хотел возвратиться опять в общество христиан, она перед таинством покаяния подвергала его испытанию искренности сознания греха и готовности начать прежнюю святую жизнь. В этом случае кающиеся, так же как и оглашенные, должны были пройти несколько степеней искуса, разделенного также на три класса. В первом классе состояли плачущие, которые, стоя перед входом храма, со слезами просили всех входящих верных простить их и опять принять в свое общество; во втором были слушающие, которые, вместе с оглашенными, слушали из притвора молитвы и чтение св. Писания и выходили из церкви перед началом евхаристии; в третьем же – коленапреклоненные, которые стояли в самом храме позади верующих и, на коленях слушали особую о

них молитву и благословение епископа, а потом выходили из церкви; наконец, были вместе стоящие с верными; эти не допускались только до евхаристии, равно как и не имели права делать приношений. Все эти степени кающихся были окончательно определены только в 3-м веке. Во все время искуса, на кающихся накладывались еще особые подвиги, напр., кроме общих постов, они должны были содержать еще особые посты, одеваться во вретнице, посыпать головы пеплом и т.п.

Срок испытания был различен, смотря по тяжести грехов и исправлению кающегося. Очень часто в отдельных случаях он сокращался по ходатайству исповедников за падших – кающихся. Исповедники, как лица, на себе испытавшие всю тяжесть гонений, и имеющие возможность засвидетельствовать перед Церковью, как трудно среди жестоких мучений, оставаться твердыми в исповедании веры, – давали падшим свидетельства, в которых просили христианскую общину принять падшего. Такие ходатайства особенно усилились в 3 в. и привели отчасти к ослаблению строгости публичного покаяния. Да и сама Церковь, при большом числе падших во время гонений 3-го века, пришла к мысли ослабить строгость публичного покаяния; поэтому с охотой принимала ходатайства исповедников и даже назначала падшим особых духовников, которые разбирали степени их виновности и, с наложением на них особой епитимии, давали им разрешение от лица всей Церкви, но без публичного покаяния. Сначала такие духовники были установлены в африканской церкви, а потом и в других церквах.

Форма совершения таинства **священства** в начальной Церкви была та же, что и в настоящее время, через **рукоположение**. Сначала рукоположение было совершаемо одними только апостолами, а потом было предоставлено исключительно епископам, единственно облеченным, по преемству от апостолов, властью низводить благодатные дары Св. Духа на избранных для иерархического служения в Церкви.

Брак, по слову апостола (Еф. 5:31–32), **великая тайна**, в первенствующей Церкви совершался, по большей части, перед литургией, чтобы брачующиеся могли приобщиться Тела и Крови Христовой. При совершении брака употреблялись кольца и венцы, но не металлические, а из растений; венцы не снимались с брачующихся в продолжение семи дней.

Таинству **елеосвящения** положено начало во времена Спасителя. Еще апостолы, во время Его земной жизни, посланные Им на проповедь, «мазали маслом многих больных и исцеляли» (Марк. 6:7–13). Ап. Иаков положительно заповедовал совершать это таинство над болящими (Иак.

5:14–15). Но при каких обрядах совершалось это таинство в первые века, указаний на это не имеется, кроме того только, что из наставления ап. Иакова можно заключить, что оно совершалось не одним пресвитером, а несколькими.

Споры о крещении еретиков

Церковь всегда исповедовала только едино крещение и потому оно, как в настоящее время, так и в первые века, было неповторимо; повторялось только над еретиками и то не во всех церквях.

Некоторые из восточных церквей, а также церковь карфагенская с большей частью африканских, перекрещивали всех еретиков, при вступлении их в православную Церковь, признавая неправильным их крещение от еретического общества, содержащего неправильное вероучение. Напротив, другие церкви, в числе их Александрийская и Римская, не перекрещивали еретиков, если крещение было совершено по правильной форме, то есть во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Из-за такой разности во взглядах на крещение еретиков, в середине 3-го века произошли большие споры в Церкви. Римский епископ Стефан, (253–257 гг). доказывал восточным церквям и африканским, что еретиков не следует перекрещивать, и грозил им прекращением общения, а епископу карфагенской церкви, получившему начало от Римской, даже отлучением. С другой стороны, перекрещивание еретиков отстаивали Фирмилиан, еп. Кесарии Каппадокийской, и вышеупомянутый Киприан Карфагенский, доказывая, что благодать находится только в истинно-христианской Церкви, а потому крещение, совершенное вне ее, не есть действительное крещение. По этому вопросу было несколько соборов: один в Малой Азии (253 г). и три в Карфагене (255–256 гг.), на которых было решено перекрещивать еретиков. Святой Дионисий Александрийский со своей церковью придерживался взгляда, одинакового с Римской церковью, но подобно Иринею Лионскому, своими посланиями старался убедить Стефана не нарушать мира, предоставив каждой церкви действовать в этом случае согласно своим преданиям. Эта разность во взглядах на крещение еретиков оставалась до 4-го века, когда на вселенских соборах были установлены общие правила, каких еретиков принимать в Православную Церковь через перекрещивание и каких нет, т.е. каких еретиков крещение признавать действительным.

Церковная дисциплина. Расколы

В апостольский век, при всеобщей святости и чистоте жизни христиан, мы видим все-таки между членами Церкви несколько случаев уклонения от требований истинно христианской жизни. Церковь, имеющая своим идеалом святость и чистоту своих членов, не могла допускать, чтобы в ее недрах развивалось такое зло. Поэтому, употребляла все меры к пресечению его и возвращению заблудших на путь истинный. Совокупность этих мер и составляет так называемую **церковную дисциплину**. Все эти меры узаконены Самим Спасителем (Матф. 18:15–17). Первая мера – это **нравственное увещание** согрешившего, частное, наедине. Если такое увещание оказывалось недействительным, то следовала другая мера вразумления – **обличение** согрешившего сначала при нескольких свидетелях, а потом перед лицом всей Церкви, **публично**. Наконец, если и эта мера не приводила к исправлению, Церковь употребляла последнее средство к вразумлению, самое строгое, **отлучение** от своего общества. Все эти меры употреблялись постепенно и последовательно, так что к отлучению от Церкви прибегали в крайних случаях, когда не было надежды на исправление. Но и в этом случае Церковь имела в виду не наказание грешника, а его исправление; если он раскаивался, она опять принимала его в свое лоно. Обыкновенно отлучение от Церкви падало на еретиков, отступников от христианства и закоренелых грешников. Но случаев отлучения в апостольский век мы видим весьма немного. Так, ап. Павел предал отлучению коринфского кровосмесителя (1Кор. 5:1–5), но, когда тот раскаялся, апостол просил коринфскую церковь простить его (2Кор. 2:5–10). Или тот же апостол отлучил лжеучителей – Именея и Александра, чтобы они научились не богохульствовать (1Тим. 1:20), а ап. Иоанн запретил принимать в дом и приветствовать тех еретиков, которые не исповедуют Иисуса Христа пришедшим во плоти (2Ин. 7–10). Во втором же и третьем веках, когда в Церкви появилось много еретиков, а также было много **падших** во время гонений, случаи отлучения от Церкви повторяются довольно часто.

По поводу церковной дисциплины относительно падших, в церквях Карфагенской и Римской в 3 в. образовалось два раскола. В карфагенском расколе Новата и Фелициссима выразилось противодействие строгости этой церкви по отношению к падшим, а в Римском расколе Новациана, наоборот, противодействие благосклонному отношению Римской церкви к падшим; в обоих же случаях выразилось противодействие общецерковной

дисциплине относительно падших.

В 248 году в Карфагене происходили выборы нового епископа; избран был святой Киприан. Но несколько пресвитеров, пять человек, среди которых особенно выделялся Новат, были недовольны избранием и отделились от своего епископа Киприана. Своеволие их дошло до того, что Новат, без ведома Киприана, поставил в диакона некоего Филициссима, человека богатого и влиятельного, который сделался душой партии недовольных пресвитеров. Образовался настоящий раскол, известный под названием раскола Новата и Филициссима. Киприан осудил своеволие пресвитеров. Между тем наступило гонение Декия. Киприан, для блага церкви, счел нужным на время удалиться из Карфагена. Это подало повод партии, противной Киприану, решительно отказаться от повиновения ему и самовольно распоряжаться церковными делами, особенно касающимися принятия падших. Карфагенская церковь, по вопросу о принятии падших, придерживалась вообще монтанистического воззрения, т.е., что Церковь не должна прощать их и принимать обратно; она может только увещевать их к покаянию. Такой взгляд сначала разделял и Киприан, но так как падших было много и степени их виновности были различны, то он склонился к принятию их в Церковь, впрочем, с тем, чтобы дела о падших предварительно, до их принятия, разбирались Церковью, и надлежащим образом рассматривались ходатайства о них исповедников и т.д. Об этом писал Киприан в свою церковь из своего удаления. Но раскольническая партия довела до крайности свой протест против строгости карфагенской церкви к падшим: она принимала падших без всякого рассмотрения их дел, даже не требуя от них покаяния, по одним только ходатайствам исповедников, которые часто даже не просили о принятии падших, а надменно требовали этого. К Пасхе 251 года Киприан возвратился в Карфаген, где в это же время собрался собор африканских епископов. На этом соборе относительно падших было решено принимать их в Церковь, различая тех, которые во время гонений приносили жертвы идолам, от тех, которые только получали свидетельства от суда о принесении жертв, и, сообразно этому, накладывали на них перед принятием в Церковь, различные, но во всяком случае тяжелые, степени покаяния. Филициссим же и его партия были осуждены собором. Но и после этого раскольники не смирились: не признавая Киприана, они избрали вместе него карфагенским епископом Фортуната, одного из отложившихся пресвитеров. Впрочем, так как на стороне Киприана были почти все африканские епископы, за него же стояла и Римская церковь, этот раскол не смог усилиться. В 4 в. его уже не было.

Почти одновременно с карфагенским расколом Новата и Фелициссима образовался раскол в Риме; только здесь раскольники защищали мнения вполне монтанистические по тому же вопросу падших. В 251 году Римским епископом был избран Корнилий, смотревший, подобно некоторым своим предшественникам, на принятие в Церковь падших очень благосклонно. Против него восстали приверженцы монтанистических взглядов, во главе с пресвитером Новацианом, человеком образованным, но до фанатизма строго-подвижнической жизни. К партии Новациана присоединился известный Новат, прибывший из Карфагена. Хотя в расколе Новациана проводились мнения, противоположные тем, за которые ратовал в Карфагене Новат, но для последнего это было не важно; он видел и в римском расколе такое же, как и в Карфагене, стремление пресвитеров выйти из-под власти епископской, чему он сочувствовал и вследствие чего соединился с Новацианом. При деятельном участии Новата скоро произошло формальное отделение раскольников от Римской церкви: они поставили себе епископом Новациана. Главные мысли, которые проводили раскольники, были следующие: Церковь есть общество святых; поэтому все падшие и соделавшие смертные грехи после крещения должны быть извергаемы из нее и не в коем случае не принимаемы обратно; Церковь и не имеет права прощать тяжких грешников; это право принадлежит одному Богу; она может только убеждать их к покаянию. Если же Церковь прощает грешников и принимает их обратно, то она сама делается нечистой, перестает быть святой. Поэтому новациане называли свое общество, в которое не принимались тяжкие грешники, а из православной Церкви принимались переходящие через перекрещивание, – обществом **чистых** (кофаров по-гречески).

Таким образом, раскольники погрешили против общецерковного учения о том, что Церковь, в силу заслуг Господа Иисуса Христа, может прощать всех грешников, что она всегда остается святой и при согрешивших членах, во имя того, что глава ее, Господь Иисус Христос свят, что святы ее таинства и проч. Обе партии в Риме, и раскольническая во главе с Новацианом, и православная – с Корнилием, обратились за посредничеством к церквам Карфагенской, Александрийской и Антиохийской. Киприан, еп. Карфагенский, решительно высказался против Новациана, как нарушителя единства Церкви; Дионисий, еп. Александрийский, также высказался против него; но Фабий, еп. Антиохийский, склонялся более на сторону Новациана, увлекаясь строгостью его жизни и его строгими требованиями. Хотя, таким образом,

Новациан и его приверженцы были осуждены, но общества новацианские и после того распространялись в Карфагене, Александрии, Сирии, Малой Азии, Галлии и Испании и продолжали существовать до 7-го столетия. Причина такого усиленного распространения новацианского раскола кроется, с одной стороны, в строгости правил жизни, распространяемых раскольниками, а с другой – в монтанистической привязанности некоторых членов Церкви, особенно на западе, к внешним подвигам благочестия.

Чистота жизни христиан первых веков

Дохристианский мир не знал высоких нравственных истин и законов. Главным началом человеческой деятельности в языческом мире был эгоизм. Под его влиянием, каждый из язычников, преследуя в жизни только свои личные интересы и цели, неминуемо нарушал человеческие права и достоинства другого. Отсюда, в языческом мире злоба человека к человеку, вражда отдельных личностей и обществ, отсюда же разного рода злодеяния, преступления, пороки и тому подобное. Христианство принесло в жизнь новое начало – учение о **братстве и любви** всех людей между собой. Сообщая об этом новом Своем начале ученикам, Спаситель заповедал, чтобы оно было отличительным признаком Его последователей. Христиане апостольского века, близкие ко времени Спасителя и видевшие перед собой жизнь апостолов, в своей жизни, действительно, осуществляли это начало: взаимная братская любовь была первой отличительной чертой в их жизни. У множества верующих, замечается в Деяниях апостольских (4:32), было «одно сердце и одна душа». Люди, образовавшие собою Церковь Христову, несмотря на различие по происхождению, общественному положению и состоянию, считали друг друга братьями и любили друг друга, как братьев. Название **братьев и сестер**, – которое было в употреблении между христианами первого времени, – не было пустым звуком, равно как и братские поцелуи, которыми верующие обменивались друг с другом при богослужении, не были простой формальностью. На первых порах жизни Церкви братская любовь христиан во всей полноте выразилась общением в имуществе. В иерусалимской церкви никто ничего из имущества своего не называл своим, но все было общее; из общественных средств каждому давалось то, в чем кто нуждался, так что между верующими не было никого нуждающегося (Деян. 4:32–35). Далее, выражением той же любви христиан служили общие трапезы, состоявшие в тесной связи с общением в имуществе; они даже и назывались вечерами любви (агапами). Если, с течением времени, общение в имуществе и общие трапезы прекратились, вследствие умножения числа верующих, то взамен того, всякого рода вспомоществования христиан друг другу получили самое широкое развитие. Странники, путешествовавшие из одной церкви в другую, бедные, больные, старые, вдовицы, сироты и все страждущие – все находили себе помощь и поддержку у христиан.

Общественные бедствия вызывали благотворительность христиан во

всей силе. Так, св. Дионисий Александрийский описывает в привлекательном свете, полное евангельской любви, поведение христиан во время моровой язвы, свирепствовавшей в Александрии, сопоставляя его с поведением язычников. «Весьма многие, говорит он, от избытка любви и братолюбия не щадили самих себя, но поддерживали друг друга, безбоязненно посещали больных, неутомимо ходили за ними, и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, потому что, исполняясь страданиями других, привлекали к себе болезнь от своих ближних и добровольно принимали их мучения. Таким-то именно образом, оставили жизнь лучшие из наших братий: некоторые из пресвитеров и диаконов, и многие весьма похвальные от народа. Они принимали тела святых на распростертые руки, закрывали им глаза, закладывали уста, несли их на своих плечах и потом полагали, прижимали их к себе и обнимали, умывали и одевали, а вскоре и сами сподоблялись того же; потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников.

Совершенно напротив поступали язычники: они прогоняли начавших хворать, убегали от самых любезных, выбрасывали на улицу полумертвых, оставляли без погребения мертвых и таким образом, старались избавиться от передаваемой смерти, которую, однако же, при всех их усилиях, не легко было отклонить от себя. Римская церковь в середине 3 в. содержала на общественные приношения более 1500 вдовиц и всяких немощных. Кроме того, как церковь, имевшая в своей среде богатых членов, она посылала всегда пожертвования в другие церкви бедствующим братьям. Известна также благотворительность церкви карфагенской. Св. Киприан, во время нашествия варваров на Нумидию, когда они захватили многих христиан в плен, собрал с своих клириков и народа сто тысяч сестерций и выкупил пленных.

Такая братская любовь христиан простиралась и на язычников. Она проявлялась во взаимных отношениях между христианами и язычниками в жизни частной и общественной. Прямотушие и честность христиан в столкновениях с язычниками по делам житейским и особенно торговым, их верность, преданность и покорность правительству во всех делах, за исключением дел веры, были замечаемы даже языческим обществом и правительством и нередко вызывали сочувствие того и другого. Недаром Констанций Хлор и Константин, последний еще до принятия христианства, считали христиан самыми лучшими подданными в своей империи. Самым лучшим доказательством осуществления христианами заповеди о любви к врагам-язычникам служит случай в Карфагене во время язвы. Язычники так, как в Александрии, бросали на улицу тела

больных и умерших от язвы; никто не хотел прибирать их; язва усиливалась. Язычники стали обвинять христиан в том, что они прогневали богов и за них боги посылают язву. Вот тут во всей силе проявилась любовь христиан. Киприан увещевал их помогать не только своим собратьям, но и язычникам, так как и они братья и дети одного Отца небесного. Христиане, по его слову, одни, без помощи язычников, очистили городские улицы от трупов и тем спасли город от дальнейшего распространения заразы.

Отношение христиан к рабам и положение рабов в христианском обществе служит также доказательством проявления любви во всем блеске. Дохристианский языческий мир выработал такое воззрение на человеческие отношения, что одни люди должны господствовать, другие – быть рабами. Раб, по этому воззрению, считался не только существом без всяких человеческих прав, но даже вещь, которой господин может распорядиться по произволу. Христианство самым своим существованием уничтожило такое воззрение на рабов. Оно учило, что греху одинаково причастны господа и рабы, что Христос искупил весь род человеческий, следовательно, и рабов от греха, что в деле религии все равны, и господа и рабы, все братья во Христе. Отсюда, отношения между рабами и господами в христианском обществе отличались духом братской любви. В церковных собраниях господа и рабы имели полное равенство, – вместе молились, вместе пели гимны, вместе принимали евхаристию. В религиозной жизни раб иногда становился выше господина, делаясь его учителем в евангелии.

Другой отличительной чертой жизни христиан в первые века была чистота и строгость их нравов, особенно поразительная наряду с нравственной распущенностью язычников. Чистота супружеской жизни свято соблюдалась в христианских семействах. Связанные взаимной любовью, члены христианской семьи проводили жизнь в постоянных трудах, молитвах и т.п., вдали от всех языческих увеселений и развлечений. В тогдашнем языческом обществе страстно любимым увлечением были гладиаторские игры. Убивание людей людьми, ради забавы и увеселения, возмущало нравственное чувство христиан, и потому они не только не посещали гладиаторских игр, но даже отлучали от церковного общения тех, которые ходили смотреть гладиаторские бои. Также заботливо избегали христиане и других языческих зрелищ в театрах и цирках – мимических игр, комедий, трагедий, танцев и т.п. Так как сценические представления имели связь со служением идолам и давались преимущественно в языческие праздники, то христиане считали их

наравне с служением сатане. Строгость жизни некоторых христиан доходила до того, что они не только избегали увеселений языческого характера, но даже отказывались от удовольствий обыкновенной жизни, допускаемых христианством и ему не противных. Такие христиане стремились выполнить евангельские советы относительно жизни совершеннейшей. Требуя от христиан жизни нравственно-совершенной, евангелие вместе с тем предлагает советы относительно жизни совершеннейшей, обязательные не для всех, но только для могущих вести такую жизнь. Таковы, например, советы о жизни безбрачной, о жизни, отрешенной от мира и всех его удовольствий и т.п. Между христианами первых веков встречаются привлекательные примеры исполнения таких евангельских советов.

На первых же порах жизни Церкви мы видим многих подвижников и подвижниц разного рода. Одни принимали на себя обеты произвольной нищеты, отказываясь от своего имущества и отдавая его бедным, другие обеты девства, отказываясь от семейной жизни; иные проводили время в непрестанной молитве, посте, воздержании, а некоторые соединяли все эти обеты вместе. Такие подвижники известны под названием аскетов. Ограничивая в себе чувственные потребности и удерживаясь от житейских наслаждений, они стремились возвысить свой дух над плотью, чтобы беспрепятственнее посвятить себя служению Богу. Аскетизм имел место в иудействе (ессеи и ферапевты) и в язычестве (стоики, пифагорейцы). Но там он основывался на дуалистическом воззрении на мир, по которому материя отождествлялась со злом и считалась источником греха. В христианстве, напротив, ничто материальное не считалось источником зла, и ненависти к материальному не было; христианская аскетическая жизнь была свободным, не обязательным подвигом, возвышающим человеческий дух над материальными условиями жизни, ради жизни чисто духовной. В 1 и 2 вв. подвижничество во всех его видах было явлением одиночным: подвижники жили в обществе других людей, не составляя из себя особого общества с определенными правилами жизни, и не считали своих обетов неизменными. В конце 3 в. подвижничество получает более определенный вид. Люди, стремящиеся к высшему нравственному совершенству, находят более удобным проводить аскетическую жизнь вдали от общества в пустынях, в которые и удаляются. Удалившиеся сюда подвижники получили название **анакоретов, еремитов** и, наконец, **монахов**. Гонение Декия в середине 3 в. послужило внешним поводом к началу анахоретского образа жизни. Некоторые из египетских христиан бежали в соседние пустыни и здесь, вдали от общества и людей,

проводили подвижническую жизнь. Из таких подвижников особенно замечателен Павел Фивейский. Пятнадцатилетним мальчиком ушел он в фиваидскую пустыню и прожил в ней более 80-ти лет, не видя людей, питаясь дикими плодами, кореньями и травами и проводя время в молитвах. Павел Фивейский, таким образом, положил начало монашескому образу жизни. Но отцом монашества и организатором его был Антоний Великий, жизнь и деятельность которого относится более к 4 в.

Христианские обычаи

Вся обстановка жизни первых христиан носила на себе религиозный отпечаток. Все их обычаи в домашней и общественной жизни были проникнуты духом христианской религии. Так, они при начале какого-либо дела полагали на себя крестное знамение. На стенах своих домов, на домашней утвари и посуде, например, стаканах, тарелках и проч., делали священные символические изображения. Делать изображения на стенах домов и домашней утвари было в обычае у язычников; предметом изображений служили, по большей части, сцены из мифологии. Христиане заменили мифологические изображения христианскими – креста, рыбы, голубя и т.п. Обычай христиан погребать умерших, молиться за них и делать приношения во имя их, по преимуществу, носит религиозный характер. Язычники тела умерших, обыкновенно, сжигали; христианская же Церковь приняла еврейский обычай – помазывать тела умерших благовонными мазями и полагать в землю. Самое погребение сопровождалось молитвами, пением полагающихся псалмов и песнопений и даже иногда надгробными речами, а также совершением литургии в память умерших, и тем удобнее, что очень часто местами христианских богослужебных собраний бывали усыпальницы или катакомбы, в стенах которых ставились гробы умерших. Печаль об умершем умерялась радостным сознанием, что умерший в Христе имеет надежду воскресения для будущей жизни, почему и считалось приличным сопровождать погребение торжественным и радостным богослужением – совершением евхаристии. Вследствие того общехристианского сознания, что умершие продолжают жить за гробом, христиане и после их смерти продолжали возносить за них молитвы, а в годовщины смерти, так же, как и в день смерти, делали как бы от них приношение и совершали евхаристию; причем в общественных молитвах умершие поминались поименно.

Эпоха Константина Великого и его преемников

Вся обстановка жизни первых христиан носила на себе религиозный отпечаток. Все их обычаи в домашней и общественной жизни были проникнуты духом христианской религии. Так, они при начале какого-либо дела полагали на себя крестное знамение. На стенах своих домов, на домашней утвари и посуде, например, стаканах, тарелках и проч., делали священные символические изображения. Делать изображения на стенах домов и домашней утвари было в обычае у язычников; предметом изображений служили, по большей части, сцены из мифологии. Христиане заменили мифологические изображения христианскими – креста, рыбы, голубя и т.п. Обычай христиан погребать умерших, молиться за них и делать приношения во имя их, по преимуществу, носит религиозный характер. Язычники тела умерших, обыкновенно, сжигали; христианская же Церковь приняла еврейский обычай – помазывать тела умерших благовонными мазями и полагать в землю. Самое погребение сопровождалось молитвами, пением полагающихся псалмов и песнопений и даже иногда надгробными речами, а также совершением литургии в память умерших, и тем удобнее, что очень часто местами христианских богослужебных собраний бывали усыпальницы или катакомбы, в стенах которых ставились гробы умерших. Печаль об умершем умерялась радостным сознанием, что умерший в Христе имеет надежду воскресения для будущей жизни, почему и считалось приличным сопровождать погребение торжественным и радостным богослужением – совершением евхаристии. Вследствие того общехристианского сознания, что умершие продолжают жить за гробом, христиане и после их смерти продолжали возносить за них молитвы, а в годовщины смерти, так же, как и в день смерти, делали как бы от них приношение и совершали евхаристию; причем в общественных молитвах умершие поминались поименно.

Положение Церкви при Константине Великом

После смерти Максентия, Константин и Ликий, встретившись в начале 313 г. в Медиолане (Милане), во время происходивших там торжеств, издали эдикт (указ), которым христианская религия, доселе только терпимая, была объявлена государственной, наравне с языческой. Христиане признавались законным обществом, почему в указе не раз говорилось о *corpus christianorum*. Максимин, оставаясь врагом христиан, был бессилен и, будучи осажденным летом того же года в Тарсе, отравился.

Христиане законами Константина в том же году были освобождены от личных повинностей, Церковь от податей. Закон 315 г. угрожал сожжением евреям, которые стали бы побивать камнями верующих, сошедшихся для богопочитания. Несколько позднее были признаны законными отпущения рабов, производимые в церквах, если они заносились в особые протоколы, как это делалось в языческих храмах. Право убежища было распространено и на христианские церкви. Закон 321 г. разрешил делать всевозможные вклады в христианские церкви. В 322 г. было запрещено насильно привлекать христиан на языческие празднества. Но меры против язычников еще не предпринимались, язычники продолжали занимать видные должности.

Е. Смирнов так излагает образ действия Константина: «Хотя он не тотчас принял крещение, но уже с 313 г. сделался настоящим христианским государем, почему и делал все, что было в его власти, для блага Церкви. Так, вступая в управление восточной половиной империи, в изданном по этому случаю манифесте, он высказывал желание, чтобы все его подданные были христианами и, вообще, при всяком удобном случае, старался обратить на путь истинный своих языческих подданных. Его воззвания и убеждения не оставались без последствий; многие из язычников обращались к христианству. Далее, он дал христианской Церкви многие важные привилегии, – допустил христиан к занятию важных государственных должностей, сам лично делал большие пожертвования на христианские храмы, построил несколько новых храмов, особенно в Палестине, в чем ему усердной помощницей была его мать, Елена. Со времени Константина Иерусалим стал опять называться этим именем, вместо названия Елии Капитолины, данного ему Адрианом. Наконец, – что важнее всего, Константин поставил христианскую Церковь в такое положение в империи, что ее дела, как общества, тесно связанного

со всей государственной жизнью, признавались делами государственной важности. Что касается отношения Константина к язычеству, то он поступал в этом случае, как глубокий политик. Он понимал, что язычество должно само собой по естественному ходу вещей уничтожиться. Поэтому не предпринимал никаких строгих мер против него, тем более, что язычников в империи было гораздо больше, чем христиан. Константин не закрывал языческих храмов, не отнимал жалования у языческих жрецов, даже не сложил с себя титула верховного жреца (*pontifex maximus*), который носили Римские императоры. Вообще он постоянно говорил, что религия есть дело совести, и оказывал замечательную терпимость ко всем своим языческим подданным, не исключая и солдат язычников, которых он не принуждал исполнять христианские обряды. Только те языческие храмы, которые оставались без употребления, после обращения жителей данной местности в христианство, были им закрываемы и здания их отдавались христианам; а храмы, в которых совершалось служение разврату и через которые распространялись суеверия, по его приказанию были разрушены до основания. Язычество особенно сильно было в Риме, где ему были преданы многие знаменитые фамилии и было много последователей неоплатонизма. Не желая встречать противодействия со стороны закоренелых римских язычников своим заботам об упрочении христианства во всей империи, Константин решился оставить языческий Рим и (в 330 г.) перенес свою столицу в Византию, которая была названа по его имени Константинополем; здесь он основал столицу вполне христианскую, уничтожив идолов и украсив город христианскими храмами».

В его царствование состоялись на Западе соборы в Риме (313 г.) и Арле (Арлетский в 316 г.), разбиравшие раскол донатистов, сторонников Доната, епископа Черных-Хижин в Нумидии, не признававших законного епископа Карфагенского Цецилиана. На Востоке – собор в Анкире (316) разбирал вопросы о принятии павших и о церковном благочинии. На Анкирском соборе последовало также постановление: «нельзя епископу распоряжаться в чужой епархии, ни священнику служить без дозволения местного епископа». В царствование Константина состоялся первый Вселенский Собор в Никее (325 г.), о чем будет сказано далее.

В 319 г. Ликийский воздвиг новые гонения против христиан. К мученикам того времени принадлежат св. Василий, еп. Амасийский, св. Филий и святые сорок мучеников в Севастии. К исповедникам принадлежат святитель Николай, епископ Мир Ликийских и Павел, епископ Неокесарийский, которому на обеих руках выжжены были клейма

горячим железом.

В 323 г. Константин поразил Ликиния близ Адрианополя, затем близ Хризополя, против Византии. Ликиний был сослан в Фессалонику и, через год, как злоумышленник, казнен. Константин стал единовластным правителем Римской империи. Для христиан он являлся освободителем их на Востоке от языческой тирании Ликиния. Из монет Константина можно заключить, что, после победы над Ликинием, культ богов уже не существовал официально, хотя и не преследовался. При внешней нейтральности Константин способствовал тому, что, при его преемниках, государство и христианская Церковь слились в одно органическое целое. Сыновьям своим он дал христианское воспитание; в Церкви старался поддержать мир и согласие, называя себя общим блюстителем.

В 337 г. Константин, выступив в поход против персов, заболел в Никомидии и скончался в день Пятидесятницы, приняв св. крещение и приобщившись св. Тайн. Церковь 21 мая чтит память свв. Равноапостольных царя Константина и матери его Елены.

Императору Константину наследовали его сыновья: Константин 2-й, Констанс, управлявший западом, и Констанций, управлявший востоком. Они стали принимать насильственные меры против язычников. Констанций, совместно с Констансом, издали закон в 341 г., которым, под угрозой смерти, запрещались языческие жертвоприношения, суеверные гадания. Закон этот подтверждался и в дальнейшие годы. Констанций разрушал языческие храмы или отдавал их христианам. Последование язычеству считалось государственным преступлением и поэтому многие язычники принимали христианство, но не все по убеждению. Язычество сохранило силу только в больших городах, например, в Александрии, Афинах, Риме. Древние патрицианские фамилии Рима и ученые Александрии и Афин отстаивали язычество. Констанций не решился разрушить языческие храмы в Риме и не отнял государственное жалование у жрецов.

В 340 г. Константин, затеявший войну с братом Констансом, был убит в небольшой стычке, и Констанс стал властелином всего Запада. Констанций подпал под сильное влияние ариан, вследствие чего преследовал св. Афанасия Великого, архиеп. Александрийского. Святитель пользовался поддержкой Констанса. В 340 г. Констанс, на 29 г. жизни, был убит в Галлии полководцем Магнецием. В 353 г. Магнеций был разбит войсками Констанция и покончил жизнь самоубийством. Констанций оказался единодержавным властителем Востока и Запада. Он усилил преследование свят. Афанасия. В 355 г. на соборе в Милане, ариане, при

поддержке императора, победили. Православные епископы подверглись гонениям. Когда ариане разделились на две партии, Констанций пытался их примирить. В 361 г. против него восстал Юлиан, его двоюродный брат. Констанций выступил в поход против него, заболел и, чувствуя приближение смерти, принял крещение от Евзоия, арианского епископа Антиохии. Умер он в том же году в Тарсе.

Церковь при Юлиане Отступнике

Император Юлиан был внуком Констанция Хлора и приходился племянником Константину Великому. Детство его прошло в Константинополе в доме матери. Наблюдение за его духовным развитием было поручено еп. Евсевию, который должен был его воспитывать в духе умеренного арианства. Евсевий относился к своему делу небрежно. Настоящим авторитетом для мальчика явился Мардоний, евнух варварского происхождения, бывший учитель его матери. Он был страстным поклонником эллинской культуры, в этом духе воспитывал Юлиана, воздерживаясь от всякого упоминания о христианстве. Позднее Юлиан был удален из столицы подозрительным Констанцием и помещен в одном замке в Каппадокии. От него требовалось постоянное посещение церкви, чтение св. Писания и выполнение церковных уставов. Подготовленный ранее своим учителем к восприятию древне-классического мира, ненавидя лично Констанция, он отрицательно относился и к исповедуемому последним христианству. Вызванный потом в Константинополь, он при дворе императора, столкнулся с распрями и интригами в тогдашнем христианском обществе. Все это усиливало его нерасположение к христианству. Юлиан вскоре сошелся с поборниками язычества, которые, гонимые Констанцием, мечтали о наступлении благоприятного для них времени. Сильное влияние на него имел знаменитый языческий ритор Ливаний. Получив от Констанция разрешение докончить свое образование, он в Малой Азии и Афинах познакомился с известными неоплатониками, особенно с Максимом, который посвятил его во все таинства теургии и экстаза. В 355 г. Констанций, не подозревая в Юлиане язычника, отправил его в Галлию в звании кесаря. В 361 г. произошел разрыв между ними. Начиная борьбу, Юлиан объявил себя открытым язычником.

Вступление Юлиана на императорский престол было радостным событием для языческой партии. Молодой император окруженный философами, учеными, жрецами и авгурами, ревностно взялся за восстановление язычества. Еще на пути из Галлии он открыл множество храмов, закрытых при Констанции, и с большим торжеством приносил в них жертвы богам. По вступлении в Константинополь, торжественно заявив свое отречение от христианства, он приказал по всей империи восстановить разрушенные и открывать закрытые храмы и отправлять в них служение. Гонимые и преследуемые жрецы вышли из своих убежищ и

направились к алтарям своих богов. Сам Юлиан более всех своих языческих подданных и, даже более жрецов, заботился о восстановлении древних, почти забытых культов. Нося титул pontifex maximus, он хотел быть жрецом на самом деле; поэтому часто сам лично, с небывалой торжественностью и благоговением, приносил жертвы богам. – Таким образом язычество снова стало государственной религией и язычники опять получили преобладающее значение в империи. По отношению к христианскому обществу Юлиан держал себя на первых порах довольно снисходительно. Наученный историей, он понимал, что кровавые преследования не могут уничтожить христианство. Скорее, думал он, можно ослабить его и довести до уничтожения хитрой политикой. В этих видах, руководствуясь, по-видимому, философской терпимостью ко всем учениям, он предоставил свободу действий всем христианским партиям и сектам; на самом же деле он рассчитывал, что христианское общество, при внутренней борьбе партий, само собой придет к падению. С хитрой целью Юлиан особым законом запретил христианским ученым заниматься изучением философов и поэтов и объяснением их в школах, представляя в основание то обстоятельство, что люди, изъясняющие творения великих мужей – Гомера, Гесиода, Геродота и др. и обличающие их в нечестии, оскорбляют богов, которых почитали эти великие люди. На самом же деле этим запрещением Юлиан хотел защитить свое дело восстановления язычества. Он очень хорошо видел, что христианские ученые, знакомые с философами и поэтами, объясняя их писания перед своими слушателями с христианской точки зрения, подрывают язычество в его первых источниках. Далее, чтобы оскорбить христианское чувство и даже посмеяться над пророчеством Христа Спасителя об иерусалимском храме, Юлиан, под видом той же веротерпимости, дал иудеям средства восстановить свой храм в Иерусалиме. Но, по свидетельству и языческих и христианских писателей, появлявшийся три раза из земли огонь истреблял все начатые постройки, так что сами иудеи в ужасе отказались от предпринятого дела. Хотя подобные распоряжения были направлены против христиан только косвенным образом и не угрожали существованию Церкви, но уже одно то, что привилегии государственной религии переходят от христианства к язычеству, поставило христиан в двусмысленное положение, при котором были возможны для них большие притеснения.

Так, с восстановлением язычества, воинские знамена, с изображением креста, были заменены новыми с изображениями богов, разные воинские церемонии получили языческий характер. Все это стесняло воинов-

христиан. Приказание Юлиана (в Антиохии) окроплять жертвенной кровью продаваемые на рынках припасы повело уже к стеснению всех христиан. Потом удаление христиан от занимаемых ими государственных должностей и предпочтение, отдаваемое правительством язычникам во всех случаях жизни, например, в судебных спорах и тяжбах, ставило часто многих христиан в затруднительное положение. Но самым сильным стеснением христиан было то, что они, по приказанию Юлиана, должны были возвращать язычникам то имущество, которое при Константине и Констанции перешло от языческих храмов к христианской Церкви. Многие языческие храмы были превращены в церкви; многие были разрушены и на месте их построены церкви; земли, принадлежавшие языческим храмам, были заняты христианскими строениями и т.д. Чтобы выполнить приказание императора, христиане должны были уничтожать церкви свои и даже за свой счет восстанавливать разрушенные, по приказаниям христианских государей, языческие храмы. При этом бывали и такие случаи, что язычники требовали и отнимали у христиан не только то, что прежде принадлежало языческим храмам, но и то, что всегда было собственностью христианских церквей.

Но как Юлиан ни стеснял христиан прямо и косвенно, он нисколько не ослабил христианство и далеко еще не достиг своей цели восстановления язычества, тем более, что, почти в первые дни своего правления, разошелся с большинством языческой партии. Воспитанный на понятиях неоплатонической школы, он хотел восстановить не то язычество, какое знало большинство язычников, а язычество, преобразованное по началам неоплатонизма. Отрицая вместе со своими учителями неоплатониками древнее многобожие и признавая божеством только единое Верховное Существо, Юлиан видел в богах древней религии идеи, свойства и качества этого Верховного Существа, а в идолах – изображение этих последних. Сообразно со своими понятиями о богах древности, он смотрел и на мифы, стараясь своими аллегорическими толкованиями прикрыть все их нелепости и возбудить в язычниках такое же благоговейное уважение к ним, каким он сам отличался. Вместе с теоретической стороной в язычестве Юлиан хотел преобразовать и практическую. По-прежнему оставляя в языческом культе жертвоприношения и даже заботясь об их увеличении, он хотел внести в него религиозно-нравственные элементы; требовал, чтобы жрецы занимались изучением философов и поэтов, как провозвестников божественных истин, вели жизнь строго воздержанную и добродетельную, поучали народ, объясняя ему смысл древних мифических сказаний, при

храмах устраивали благотворительные заведения и т.п. Словом, дух христианской религии, Юлиан хотел перенести на язычество.

В таком виде язычество было неизвестно большинству язычников, даже самим жрецам. Поэтому народная масса, как и прежде, относилась к служению своим богам холодно и небрежно; случалось, что одни только старухи присутствовали при жертвоприношениях императора-жреца, или, – как это было в Антиохии, – в праздник Аполлона, язычники оставили одного императора приносить жертвы богу поэзии, под открытым небом при проливном дожде, а сами искали убежища под крышей храма. Свободно мыслящие из язычников даже открыто в разговорах и сочинениях смеялись над множеством жертв, приносимых Юлианом и над его философскими толкованиями мифов. Приближенные Юлиана, наполнявшие его двор, тоже не сочувствовали его планам; в большинстве это были шарлатаны и искатели приключений, рассчитывавшие приобрести какие-либо выгоды от императора язычника. Таким людям не нравилась строго философская, полная энергии, жизнь Юлиана, и на требование его проводить подобную же жизнь они отвечали жалобами на невнимательность к ним императора. Разочарования одно за другим постигали Юлиана; языческое общество не сочувствовало его планам; христианское мужественно переносило все притеснения и нисколько не ослабевало. Но Юлиан не хотел отказаться от своего дела; препятствия и неудачи только раздражали его. Он хотел употребить все средства, даже насильственные, чтобы только достигнуть своей цели. И действительно, христиане уже ожидали от него жестоких преследований после его похода в Персию. Но в одной битве с персами, в 363 г., Юлиан был убит, и вместе с его смертью, кончилось его дело восстановления язычества.

Христиане же, с церковной властью во главе, держались крепко; Церковь верили в свое будущее и как будто больше сплотилась перед грозой. Знаменитый борец за православие, Афанасий Александрийский, которого только одного Юлиан отправил в изгнание за оппозицию, резкость которого переступала все законы государства, утешал паству твердыми словами: «Не страшитесь, друзья. Это маленькое облачко, оно скоро пройдет, посторонимся немного».

Церковь при последующих императорах

После смерти Юлиана войско провозгласило императором Иовиана, православного. Он, заключив с персами мир и вернувшись в пределы империи, даровал Церкви покой. Иовиан возвратил святителя Афанасия в Александрию, в Антиохии же оказал особое уважение святителю Мелетию. К язычникам он относился снисходительно. В следующем, 364 году, Иовиан умер от удара или от отравы.

Войско провозгласило императором полководца Валентиана, который держался православной веры, оказывал усердие к Церкви, но не стеснял язычников, запретив только приношение животных в жертву, магию, гадания, ночные и тайные обряды. Своим соправителем Валентин назначил своего брата Валента, которому предоставил Восточную часть империи. Валент сразу выявил себя сторонником ариан, предоставлял волную свободу еретикам, евреям и язычникам. Последние публично совершали свои обряды, восстановленные Юлианом и запрещенные Иовианом. Валент воздвиг гонение против Святителей Мелетия Антиохийского и Кирилла Иерусалимского. Но христианство к тому времени было настолько сильно и все более распространялось, что Валентиан в указе от 368 г. назвал язычество *religio paganorum*, т.е. верою поселян. Валентиан скончался в 375 г. в Паннонии. Преемствовал ему сын Грациан, управлявший Галлией.

В 378 г. Валент выступил из Константинополе в поход против готов. На пути его остановил отшельник Исаакий и сказал: «Государь, перестань враждовать против Господа, и Он благословит путь твой». Царь сначала не обратил на него внимания, но когда отшельник не отставал от него на второй и третий день, грозя гневом Божиим, говоря: «Ты не одолеешь врагов, а погибнешь», то велел заключить его в тюрьму, намереваясь казнить по возвращении из похода. Вблизи Адрианополя Валент потерпел поражение, был ранен. Удалось ему с несколькими воинами укрыться в хижине. Враги настигли их, зажгли в пылу стычки хижину и царь сгорел. Наследника он не имел, и власть в 378 году перешла к Грациану.

Грациан (375–383) сразу же объявил полную свободу православным и возвращение из ссылки пострадавших при Валенте за веру. Освобожден был преп. Исаакий, который основал в Константинополе обитель, названную потом Далматовой, по имени его преемника Далмата. В самом начале царствования он сложил с себя титул *pontifex maximus*, конфисковал имущество языческих храмов, отнял у жрецов и весталок

привилегии и государственное жалование и т.д.

В 379 г. полководец Феодосий, победив готов, признан был Грацианом императором Востока и Фракии. Он был христианином. В 380 г. Феодосием и от имени Грациана был издан указ в пользу православной веры. По прибытии в Константинополь он изгнал арианского епископа и возвратил все церкви православным. Феодосий торжественно ввел в соборный храм св. Софии Святителя Григория Богослова, православного архиепископа Константинополя, им очень почитавшегося. Феодосием был созван Константинопольский второй Вселенский Собор.

Император Грациан в 382 г. в Риме повелел вынести из сената языческую статую Победы. Сын его и преемник Валентиан 2-й, находившийся под влиянием матери Юстины, потворствовал арианам, встретив в 386 г. решительное сопротивление святителя Амвросия, епископа Медиоланского. В отношении язычников Валентиан 2-й был тверд и пал в 392 г. жертвой их заговора.

Император Феодосий, победив поставленного после него языческой партией Евгения, вступил в 394 г. в Рим самодержавным царем Востока и Запада. Язычеству нанесен был им уничтожающий удар. В 395 г. Феодосий умер в Милане. Империю свою он разделил между сыновьями. Старший Аркадий (395–408) наследовал восточную половину, младший Гонорий (395–423) – западную. Они оба продолжали уничтожение язычества. Гонорий приказал разрушать все оставшиеся еще храмы и удалил язычников с государственных должностей. На востоке, по указанию Аркадия, монахи-миссионеры обходили провинции и обращали оставшихся там язычников.

Сын Аркадия, восточный император Феодосий 2-й (408–450) издал в 425 г. закон об уничтожении языческих храмов, если такие еще существуют. Только в Афинах, в среде неоплатонической школы, держалось еще язычество.

Имп. Юстиниан 1-й (527–566) велел в 529 г. закрыть последние языческие школы в Афинах и всех оставшихся язычников с женами и детьми крестить, наставив предварительно в истинах веры. Последние представители язычества, философы, числом семь, удалились в Персию. Из остальных язычников патриций Фотий, уличенный в злом умысле против императора, казнен, другие лишены имений. Только в горных ущельях горы Тайгета, вблизи Спарты, между горами удержалось поклонение Зевсу даже до половины 9 в. (еп. Арсений).

На западе язычество держалось крепче, чем на востоке. Нападение варваров на Италию поддерживало надежды языческой партии. Римские

сенаторы из языческих фамилий высказывали открыто, что все несчастья постигают империю за оставление религии отцов. В 476 г. Западная империя пала под оружием варваров, но язычество не было восстановлено, и христианская Церковь оставалась непоколебимой. Остготский король Теодорих, в конце 5 в. овладевший Италией, издал даже закон, которым, под угрозой смерти, запрещалось идолослужение. Следы язычества на западе сохранились до конца 6-го столетия, именно на итальянских островах.

Распространение церкви вне пределов империи

В Африке и в Азии. В первые три века христианская Церковь только отчасти проникла за пределы Римской империи; борьба с Римским язычеством за свое существование заставляла христианское общество сосредоточить все свои силы на одном пункте, именно в Римской империи. Теперь же, когда борьба окончилась падением язычества, и Римская империя сделалась христианским государством, Церковь получила возможность выступить решительным образом за пределы империи. Пути, которыми она проникает в языческие, близкие и отдаленные от империи страны, весьма разнообразны. Христианские купцы, посещая языческие страны по делам торговым, заносят сюда христианство; христиане, попадающие в плен к язычникам, просвещают их светом Евангелия, и, наоборот, язычники, попадающие в плен к христианам, знакомятся с христианством и, возвращаясь на родину, становятся в свою очередь распространителями его между своими соотечественниками; монахи-подвижники, поселяясь в пустынях на границах Римской империи или даже в языческих странах, своей святой жизнью пробуждают в язычниках уважение к христианству и заставляют их принимать его; ревностные проповедники Евангелия с апостольской неустранимостью, отправляются в страны варваров и основывают в них церкви; предстоятели церквей и государи устраивают миссии по обращению язычников; женщины-христианки, а именно принцессы, выходя замуж за языческих королей и князей, располагают к принятию христианства как своих мужей, так и подданных язычников. Вообще, всякого рода столкновения и сношения между народами, принявшими христианство и не принявшими, служили более или менее удачными поводами к распространению христианства среди последних. Таким образом, во второй период Церковь распространилась во многих языческих странах Африки, Азии и особенно Европы».

В Африке первыми приняли христианство **абиссинцы**, или **эфиопляне (эфиопы)**. Апостолом Эфиопии был **св. Фрументий**. Юношей он, путешествуя около 340 г. с дядей Меропием и братом Едесием, пристал к берегам Абиссинии. Местные жители убили мореплавателей, кроме двух братьев. Их привезли к царю Чагему, который назначил их казначеем и письмоводителем. После смерти царя, около 342 г., вдова его упростила братьев заниматься делами правления до совершеннолетия наследника. Когда последний достиг совершеннолетия, он отпустил их.

Едесий поставлен был священником в Тире. Фрументий, пребывая в Александрии, ознакомил патриарха св. Афанасия с положением в Абиссинии. Святитель, после надлежащего приготовления, посвятил Фрументия в епископа. В Абиссинию он вернулся с несколькими священниками. Он обратил в христианство двух вместе царствовавших сыновей Чагема и насадил в Абиссинии веру среди туземцев. Св. Фрументий положил начало переводу святого Писания и богослужебных книг на абиссинский язык. Преставился он 30 ноября 370 г.

Абиссинская церковь подчинялась Александрийскому патриарху. Ширится христианская проповедь при царе Аламеде. Патриарх, по его просьбе, назначил в 478 г. Иоанна епископом столичного города Аксума. Тогда же прибыли из Египта девять монахов, которые в абиссинских святцах почитаются просветителями страны. Верная заветам святителя Афанасия она оставалась православной, вопреки стараниям имп. Констанция обратить ее в арианство. Но, когда Александрийская Церковь временно уклонилась в монофизитство, то абиссинская церковь в 5 в. последовала ее примеру.

В **Азии** обитатели Кавказа приняли христианство частично в 4 в., частично в 6 в. В двадцатых годах 4 в. к **иверам**, чтившим Ормузда и Аримана и поклонявшимся огню, попала в плен христианка **Нина**, вероятно монахиня, уроженка Каппадокии. По ее молитвам был исцелен ребенок, позднее царица. Царь, заблудившись однажды, прибег к молитве христианскому Богу и обязался выстроить Ему храм, если благополучно вернется домой. Обещание свое он начал выполнять и, по совету св. Нины, отправил посольство к Константину Великому с просьбой о присылке в Иверию (Грузию) епископа и клира. Просьба эта была исполнена. Царь и царица ревностно заботились об обращении своих подданных. В 457 г. константинопольский патриарх Анатолий назначил архиепископом в Грузию грека Петра, дав ему титул **католикоса** всей Иверии. Попечением его умножено число епископских кафедр, усилена проповедь в языческих местностях, пересмотрены или переведены вновь богослужебные книги.

От иверов христианство постепенно распространялось среди других племен Кавказа. В 541 г. имп. Юстинианом посланы священники к язычникам **абхазцам**, и в Питеунте (нынешней Пицунде), учреждена епископская кафедра, подведомственная константинопольскому патриарху. В 520 г. в Константинополь к царю Юстину прибыл царь **цанов** и **лазов** Цат с просьбой крестить его, что было исполнено. Принявшие затем христианство лазы населяли часть древней Колхиды, к северу-востоку от Трапезунда.

Апостолом **Армении** был **Григорий**, получивший за свою проповедническую деятельность именование **Просветителя**. Парфянин, он происходил из знаменитой фамилии, которая была в родстве с династией царей персидских и армянских. Распри и междоусобия заставили его удалиться в Кесарию Каппадокийскую, где он стал христианином и вступил в брак. После смерти жены он возвратился в Армению, поступил на службу к царю Тиридату и вскоре подвергся мучениям за исповедание Христа. Брошен он был потом в глубокий и нечистый ров, наполненный гадами и змеями, где провел 14 лет, питаемый вдовой, бросавшей ему пищу. Оттуда его извлекли, когда лютость Тиридата превратилась в сумасшествие. Святой Григорий исцелил царя и научил его христианской вере. Получив сан святителя от Леонтия, еп. Кесарии, он крестил не только армян, но и множество соседних племен. Перед кончиной св. Григорий удалился на безмолвие в пустыню, оставив преемником сына своего **св. Аростана**, который с юности был иноком и священствовал в Каппадокии, будучи же святителем, присутствовал на первом Вселенском соборе. Дело св. Григория вполне dokonчил один из его потомков **Исаак Великий**, основавший множество церквей и монастырей, устроивший народные школы, подготовивший поколения клириков, положивший основание армянской богословской литературе. В 428 г. Армения потеряла независимость, подпав под власть персов. Персидские цари пытались установить в ней религию Зороастра. В 450 г. персидские правители настаивали на введении огнепоклонства. Глава Церкви, католикос Иосиф I, созвал собор в Вагаршапате, на котором составлено было исповедание веры. Оно было представлено правителю Мир-Нерсесу, за подписями 18 епископов, с таким заявлением: «От этой веры не могут отклонить нас никакая власть или сила, ни ангел с неба, ни земной владыка, ни огонь, ни меч. Достояние наше в ваших руках, но владыка веры нашей есть один Бог, с которым мы неразлучно соединены». Хотя католикос со всем клиром был увезен в Персию и там замучен за несогласие на огнепоклонничество, но дружное сопротивление армян заставило персидскую власть даровать им в 451 г. свободу веры. Борьба за веру продолжалась все же до 651 г., когда Армения и Персия подпали под власть аравитян-мусульман. Во время борьбы Церкви с ересями в 4 и в первой половине 5 в. Армянская церковь оставалась верной православию. Но во второй половине 5 в. она отделилась от Церкви по поводу монофизитской ереси.

В **Персию** христианство проникало, начиная со 2 в., из пограничных областей империи. В начале 4 в. епископ Селевкии, Ктесифон, окормлял

большое число христиан. В 3 в. династия Сасанидов стремилась восстановить древнюю национальную религию Зороастра. Маги были помощниками правительства. Христиан стали считать изменниками национальной религии, следовательно, и самой страны. Положение осложнилось тем, что Персия часто воевала с Римской империей, с которой христиане были церковно связаны. Гонения воздвиг царь Сапор II. В 343 г. он обложил христиан увеличенными податями, за неисполнение этих обязательств заключал в оковы, казнил, разрушал храмы, церковную утварь обращал в недостойное употребление. Вместе со своими клириками был казнен епископ Симеон. После Сапора, с 381 г., наступило более спокойное время. Гонения возобновились при Варане V (420–438). Положение улучшилось, когда в 422 г. Акакий, епископ Амидский, с согласия клира, продал церковные золотые и серебряные сосуды для выкупа пленных, взятых римлянами. Варан даже считал христианство лучшей из многих религий и, по его пониманию, близкой к религии Зороастра. Но преемник его был врагом христиан. Когда персидская церковь уклонилась в несторианство и прекратила в середине 5 в. сношения с Византией, персидское правительство сделалось в отношении ее терпимее. Еще более прочным стало положение христиан с 651 г., когда персидское государство покорено было аравитянами – мусульманами.

Начало христианства в **Аравии** относится к апостольским временам. В 3 в. там проповедовал Ориген. Приносили туда веру христиане, бежавшие от преследований в империи. Около 320 г. просвещено было христианством племя гомеритов или савеев в **Восточной Аравии**. Император Константин в 354 г. отправил к ним Феофила, индийца, находившегося заложником в Константинополе, воспитанного в арианстве, посвященного в сан епископа. Местный царь разрешил ему устроить церкви в столице Дафаре, в Ормузе при персидском заливе и в Адене, пристани у выхода из Красного моря. Препятствовали Феофилу в насаждении христианства евреи, жившие там, в большом количестве. На кочевые аравийские племена влияла проповедь и подвижническая жизнь христианских пустынников и монахов, поселявшихся на границах Палестины и Аравии. Известен **преп. Иларион**, подвизавшийся с 329 г. в Сирии и положивший основание христианству среди сарацинов (племя гассанидов). По просьбе царицы этого племени, Мавии, в 373 г. православными епископами был хиротонисан Моисей, родом сарацин. В начале 5 в. подвижник Евфимий обратил в христианство предводителя одного аравийского племени, который с именем Петра, поставлен был первым епископом для походных церквей. Огромно значение **преп. Симеона столпника**, подвизавшегося в

течение 80 лет на столпе. Он преставился в 459 г., будучи 103 лет от роду. «Познаша мудрость его Персяне, Ефиопляне, Индиане, Скифяне и Аравляне» (Церк. Служба в честь Симеона). С успехом миссионерствовали с 4 в. монахи горы Синайской. В 4 столетии в Аравии некоторые кочующие племена были уже вполне христианскими.

В Европе

1. У готов и других кочевых народов. В Европе, вне пределов Римской империи, христианство прежде всего начало распространяться среди народов германского племени. Так в 4 и 5 вв. христианство приняли **готы, вандалы, свевы, бургунды, лангобарды**, но, к сожалению, в форме арианства.

Готы, обитавшие за Дунаем и разделявшиеся рекою Днестром на **остготов** и **вестготов**, еще в 3 в. подошли близко к границам Римской империи и производили на нее частые набеги. Случалось, что они уводили в плен христиан, среди которых были и лица духовного звания. Пленники в первый раз и познакомили готов с христианством, образовав среди них небольшую церковь. На первом Вселенском соборе (325 г.) уже присутствовал готский епископ **Феофил**, подписавший соборные вероопределения. Во второй половине 4 в. много потрудился для распространения христианства среди готов готский епископ **Улфил**, потомок пленных христиан, занимавший епископскую кафедру в течение сорока лет (348–388 гг.). Он изобрел готскую азбуку и перевел св. Писание на готский язык.

При императоре Валенте, когда пришедшие из Азии гунны стали теснить готов, – **вестготы**, с разрешения его, поселились (356 г) в пределах Римской империи во Фракии, при условии принятия всеми ними христианства. Улфил, бывший по этому случаю во главе готского посольства к Валенту, в угоду императору арианину, согласился распространять среди них христианство с арианским вероучением, которое, таким образом, и утвердилось у них. После удаления из пределов Римской империи, вестготы принесли арианское учение в Испанию, где основали (415 г.) свое государство. Только в 589 году на соборе **Толедском** они отказались от арианства, и перешли к православию.

От вестготов христианство с арианским же вероучением перешло к их соплеменникам, **остготам**, оставшимся позади них, во время великого переселения народов. Завладев (492 г.) Италией, остготы, в свою очередь, принесли арианство и сюда. Хотя при Юстиниане I, владычество их в Италии кончилось (553 г.), но они сообщили арианское христианство язычникам **лангобардам**, и у которых оно только в конце 7 в. окончательно сменилось православием.

От вестготов приняли арианское христианство **вандалы** и **свевы**, пришедшие еще раньше их в Испанию. Вандалы, перешедшие из Испании

в Африку и завоевавшие (429 г). ее северные области, упорно держались арианства и страшно преследовали православных христиан карфагенской церкви; в 533 г. полководец Юстиниана, Велизарий, уничтожил владычество их в Африке, а вместе с тем и арианство. У севов, окончательно поселившихся в Испании (в нынешней Португалии), арианство держалось до 560 года, когда они обратились к православию.

Бургунды, поселившиеся в начале 5 в. в южной Галлии, частично принесли с собой арианское христианство с берегов Рейна, где приняли его от изгнанных из империи ариан, частично заимствовали его у вестготов, но в конце 5 и начале 6 века, под влиянием древних церквей южной Галлии, они присоединились к православию.

2. У франков. Франки, под предводительством своего короля **Хлодвига**, в конце 5 в. заняли северную Галлию и основали здесь свое государство. Все они были язычники. Христианство распространилось среди них при посредстве бургундской принцессы **Клотильды**, на которой женился Хлодвиг (493 г.). Долгое время Клотильда убеждала своего мужа принять христианство, но он не соглашался. Впрочем, Хлодвиг позволил своей жене исповедовать христианскую веру и даже крестить своих сыновей. Случилось, что второй сын его заболел, и Хлодвиг предсказывал уже его смерть, но, по молитве Клотильды, ребенок выздоровел. Это произвело на Хлодвига впечатление. Сильное впечатление на него также производили рассказы Клотильды о чудесах, совершавшихся при гробе Мартина, епископа Турского (ум. ок. 400 г.), и свидетельствовавших о силе христианского Бога. Влияние этих рассказов скоро обнаружилось. В 496 году Хлодвиг начал войну с аллеманами. Его войско подвергалось большой опасности. Призывая напрасно на помощь своих богов, он вспомнил, наконец, о христианском Боге и дал обещание креститься, если одержит победу. Победа досталась ему, и он в том же 496 году принял крещение от православного рейнского архиепископа **Ремигия**, приглашенного Клотильдой. За Хлодвигом крестились и все его подданные. Но, приняв крещение, франки в действительности остались язычниками; только в последующие века, когда во Франции были заведены монастыри и школы, они окончательно просветились христианством.

3. На Британских островах. Южная часть острова Великобритании, населенная **бриттами**, была завоевана римлянами еще в середине 1 в. до Р. Хр.; при Веспасиане и особенно Траяне и Адриане Римское господство здесь было очень сильно. Поэтому, еще в 3 веке, вместе с Римским господством, из южной Галлии, или даже из Малой Азии, проникло сюда

и христианство, с обрядами и образованием **церквей восточных**, и имело значительное число последователей среди туземцев. Обитатели же северной части Великобритании, **пикты** и **скотты**, и другого британского острова, Ирландии, **ирландцы**, не имели никакого понятия о христианстве. Своим обращением в христианство они обязаны **св. Патрикию** и его ученикам.

Патрикий, родом британец, происходил из христианского семейства (род. между 370 и 380 гг.). В юности он попал в плен к **ирландцам** и прожил у них шесть лет. Затем, через десять лет после возвращения на родину, он опять был захвачен морскими разбойниками и продан в Галлию, где его выкупили христианские купцы. Двукратный плен и освобождение, которое Патрикий приписывал божественной помощи, пробудил в нем стремление посвятить себя служению Богу, что он и исполнил после возвращения в отечество. Приняв епископский сан от британских епископов, Патрикий пошел (около 432 г) с проповедью Евангелия к ирландцам. Зная их язык и обычаи, он имел здесь необыкновенный успех, -многие из них вследствие его проповеди обратились в христианство. Чтобы упрочить в Ирландии христианство, Патрикий основал там несколько монастырей, которые были школами для народа, монахам же дал все средства к религиозному просвещению, – изобрел ирландскую азбуку, завязал сношения с британской и галльскими церквами, выписывал оттуда книги и т.п. Патрикий умер около 460 года, после продолжительной апостольской деятельности, прочно устроив ирландскую церковь с митрополией в городе **Армахе**. Монахи основанных им монастырей довершили просвещение Ирландии; в первой половине 6 в. она уже вся была христианской страной.

Выходившие из ирландских монастырей миссионеры распространяли христианство и в соседней **Шотландии**. Среди них особенно замечателен монах **Колумба**, пришедший с проповедью Евангелия в 563 г. в северную Шотландию к скоттам. Крестив одного из шотландских князей со всем его народом, Колумба основал на одном острове монастырь, из которого христианское просвещение потом стало распространяться по всей Шотландии.

Между тем в политическом быту Великобритании произошли перемены, имевшие большое влияние на распространение в ней христианства.

В начале 5 в. римляне почти совсем оставили свои британские владения; на смену им с европейского материка пришли (449 г). воинственные **англосаксы**, которые завладели южной частью

Великобритании и основали здесь семь королевств. Англосаксы были язычники, и распространение христианства в Великобритании на некоторое время было ими задержано, бриттов христиан они сильно притесняли. Только спустя более чем столетие англосаксы стали принимать христианство. В конце 6 в. король **Кента**, одного из англосаксонских королевств, **Этельберт**, женился на христианской принцессе из франкского дома, **Берте**. Папа **Григорий Великий (Двоеслов)** воспользовался этим обстоятельством и отправил в Британию целую миссию под начальством аббата **Августина**. При содействии Берты миссионерам удалось обратить самого Этельберта, а за ним стали обращаться и его подданные. После этого Августин отправился во Франкское королевство, где его рукоположение во епископа и, после возвращения в Британию, основал свою кафедру в Кенте. Из Кента христианство проникло и в другие англо-саксонские королевства, в которых также были учреждены епископские кафедры.

До обращения англосаксов среди древних обитателей Великобритании распространялось христианство с обрядами и учреждениями восточных церквей; с обращением же их проникло сюда христианство с обрядами и учреждениями Римской церкви. Таким образом, в Великобритании образовалось две церкви – **древне-британская** и **ново-английская**, долгое время не имевшие общения одна с другой. Представители ново-английской церкви, начиная с Августина (ум. в 605 г.), стремились всеми мерами, даже насильственными, подчинить древне-британскую церковь Римскому престолу; но последняя, получившая свое начало непосредственно или посредственно с востока, не хотела считать Римскую церковь своей митрополией и поставить себя в зависимость от нее. Обрядовые разности, например, во времена празднования Пасхи, а также национальная ненависть бриттов к пришельцам-завоевателям, англо-саксам, еще более отделяли древне-британскую церковь от ново-английской. Соборные совещания англосаксонских епископов с древне-британскими, вследствие притязательности первых, не приводили к согласию. Только к концу 7 столетия между обеими церквами установились более мирные отношения, но окончательное объединение их последовало вместе с объединением древних обитателей Великобритании с англосаксами.

4. В Германии. В Германию христианство проникло еще во времена Римского господства; в 3 и 4 веках, по Рейну и Дунаю, в городах, образовавшихся из римских армейских поселений, было уже несколько епископских кафедр. Но, с переселением народов, в 5 и 6 веках, здесь не

оставалось почти и следов христианства. Новые попытки к распространению христианства в Германии начинаются в конце 6 столетия, отчасти со стороны франков, но главным образом со стороны британских и англо-саксонских монахов-миссионеров, которые, в течение 7 столетия, основали в разных местностях Германии несколько церквей. Но между этими церквями не было единства, – в одних были обряды и учреждения древне-британской церкви, а в других – церкви Римской, да и самое христианство, при множестве оставшихся еще язычников, было не прочно. Английский монах **Винфрид**, принявший впоследствии имя **Бонифация**, в первой половине 8 в. докончил дело бывших до него в Германии миссионеров. Прежде чем идти в Германию, он, в 718 году, отправился в Рим просить у папы благословения на распространение в ней христианства, в союз с Римской церковью. Папа Григорий II благословил его, – и Бонифаций начал свою миссионерскую деятельность сначала в **Фрисландии**, вместе с другим английским миссионером, а потом один в **Тюрингии и Гессене**. В Тюрингии ему удалось обратить двух владетельных князей, и здесь же он основал первый монастырь. После такого успеха папа вызвал его в Рим и в 723 году посвятил в епископа Германии, причем с него взята была клятва – быть со всей германской церковью в подчинении Римскому престолу. В сане епископа Бонифаций еще с большим рвением принялся за распространение христианства, – в непроходимых местах он устраивал монастыри и храмы, вызывал из Англии монахов и монахинь для обучения народа и т.п. В 732 году папа Григорий III назвал его уже архиепископом Германским и назначил викарием апостольского престола, поручив ему поставлять в Германии епископов столько, сколько найдет нужным. Теперь Бонифаций начал заниматься не столько обращением германцев, сколько устройством и объединением под властью папы германских церквей, основанных им и его предшественниками. Постепенно, при содействии франкского правительства, простиравшего уже тогда свою власть на Германию, он достиг того, что епископские кафедры во всех германских церквях, основанные его предшественниками вне союза с Римской церковью, были замещены лицами, признававшими главенство папы. В 754 году он отправился во **Фрисландию**, чтобы поддержать там склоняющуюся к падению церковь, но фризы встретили его неприязненно и убили его вместе с его спутниками в 755 году. Впрочем, вскоре после Бонифация, христианство было упрочено и во Фрисландии.

К концу 8 в. христианство было распространено во всей Германии. Саксы дольше из всех германских народов не принимали его. Они

ненавидели христианство, как веру франков, с которыми вели постоянную борьбу за свою независимость. Только после тридцатилетней войны **Карлу Великому** удалось смирить их и силою оружия заставить принять христианство (803 г.).

Славянские племена, к 9 веку, занимали почти всю восточную половину Европы. Тогда как другие народы, жившие от них на юге и западе, были просвещены христианством, **славяне** оставались еще язычниками. Но в 9 в. христианство стало распространяться и среди них. Замечательно, что все славянские племена приняли христианство из Константинополя, следовательно, в форме восточного православного вероисповедания, хотя в последствии некоторые славянские страны и отпали в латинство, под влиянием западных государств, принявших христианство из Рима. Только к славянам, обитавшим на берегах Балтийского моря, в соседстве с германцами, оно занесено было непосредственно германскими миссионерами.

Апостолами славян были святые братья **Кирилл и Мефодий**. Одни славянские народы они просветили евангельским учением непосредственно сами, а другие – посредством изобретенной ими славянской азбуки и перевода священных и богослужебных книг на славянский язык. Кирилл и Мефодий родились в македонском городе **Фессалонике**, или, по-славянски, **Солуни**, в той провинции, где уже издавно было много славян и где они могли ознакомиться со славянским языком. Отец их, **Лев**, родом грек, был помощником главного военного начальника Македонии. Кирилл, до принятия монашества называвшийся Константином, был младшим братом (род. в 827 г.). Еще в молодости (842 г) он был отправлен к константинопольскому двору, где его отец имел связи, и воспитывался вместе с молодым императором, сыном Феодоры, Михаилом III. Кирилл показал большие успехи, особенно в диалектике и философии, так что впоследствии получил звание философа. По окончании образования, его сделали было патриаршим библиотекарем, но он, чувствуя склонность к созерцательной жизни, тайно ушел в монастырь. После долгих убеждений остаться библиотекарем, ему, наконец, предложили звание учителя философии, или точнее, звание вольного философа, мудреца. Очень скоро Кирилл, действительно, стал известен своей ученостью. В пятидесятые годы 9 столетия он принимал участие в иконоборческих спорах, причем удачно опроверг сверженного иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика, прозванного **Аннием**, а в 851 г., по поручению царя и собора, ходил к сарацинам для защиты иконопочитания и вообще христианской веры. Между тем, брат его

Мефодий, после смерти отца получил должность военачальника в восточной части Македонии, где проживали славяне. Здесь он еще ближе познакомился с бытом и языком славян. Но и он, подобно Кириллу, чувствовал призвание к созерцательной жизни, почему и ушел в монастырь на Олимпе. Святые братья вели здесь жизнь подвижническую, проводя время в молитве и чтении книг. Во время пребывания в монастыре у братьев созрела мысль о миссионерской деятельности среди славян; здесь они изобрели славянскую азбуку (855 г) и начали перевод священных и богослужебных книг на славянский язык. В 858 г. св. братья на время должны были оставить свой труд. **Хазары**, поселившиеся в Крыму и по северным берегам Черного моря и завоевавшие некоторые славянские племена, прислали в этом году к императору Михаилу III посольство просить у него книжного мужа, который мог бы спорить о религиозных предметах с магометанами и евреями, распространявшими у них свое учение. Император, вызвав из монастыря Кирилла, отправил его к хазарам; вместе с ним пошел и брат его Мефодий. У хазар они имели значительный успех, вероятно, среди славян, так что некоторые крестились. Впрочем, в десятом веке хазары были еще магометанами, иудеями или даже язычниками. В Крыму Кирилл и Мефодий нашли мощи св. Климента, епископа Римского, умершего здесь мученической смертью при Траяне, и взяли их с собой. Сношения со славянами (русскими), во время путешествия к хазарам, еще более укрепили решимость Кирилла и Мефодия заняться обращением их. По возвращении от хазар, удалившись в монастырь, они опять принялись за продолжение своего труда, и успели еще перевести на славянский язык чтения из Евангелия и Апостола на литургии, псалтирь, утреннюю службу, часы, вечерню и литургию.

Ближайшими по месту жительства к Византии славянами были юго-восточные славяне, издавна поселившиеся во Фракии и Македонии. Часть их существовала независимо, другая была в зависимости от Византии. Фракийские славяне в 7 в. были покорены **болгарами**, воинственным племенем, пришедшим с берегов Волги и Камы. Из смешения народностей образовалось одно племя, скорее всего славянское. Название же оно получило от болгар. Христианство начало насаждаться в Болгарии в 60-х годах 9 века. В 864 г. крестился болгарский князь **Борис**.

Одновременно с распространением христианства в Болгарии распространилось оно в двух других славянских странах – **Моравии** и **Паннонии**, при личном участии славянских просветителей. В 862 г. моравский князь, **Ростислав**, прислал к императору Михаилу III посольство с просьбой прислать к нему учителей, знающих язык, которые

могли бы научить его народ истинной вере. Хотя в Моравию уже проникли немецкие миссионеры, Ростислав уклонился от них по тем же причинам, по которым болгарский князь Борис уклонялся от греческих. Михаил III послал в Моравию Кирилла и Мефодия, которые, придя в 863 году, обосновались в столичном городе **Велеграде**. Ростислав, его племянник Святополк и многие другие немедленно приняли от них крещение. Совершение богослужений на славянском языке и перевод св. книг, который они принесли с собой, особенно привлекали моравов и давали Кириллу и Мефодию перевес над немецкими миссионерами. Последние обратились в Рим с жалобой на Кирилла и Мефодия, и папа Николай I, в 867 г., потребовал их к себе. К счастью Кирилла и Мефодия, Николай в это время умер и преемник его, Адриан II, искавший союза с Константинополем, принял их не так недружелюбно, как можно было бы ожидать. К тому же Кирилл и Мефодий принесли в Рим мощи св. Климента. Вследствие всего этого папа одобрил как апостольские труды братьев, так и их славянский перевод святого Писания. Кирилл умер в Риме в 869 году 14 февраля, сорока двух лет, Мефодий же возвратился в Моравию. Но так как в это время в Моравии шло междоусобие между Ростиславом и его племянником, Святополком, которого поддерживали немцы, то Мефодий счел за лучшее утвердить свое местопребывание в соседнем славянском княжестве, **Паннонии**, у князя **Коцела**. Коцел, так же как и Ростислав, желал, чтобы в его стране насаждали веру славянские проповедники, и потому не только принял радушно Мефодия, но и просил папу посвятить его в сан епископа Паннонского. Папа исполнил желание Коцела, и когда Мефодий возвратился для этого в Рим, посвятил его епископом Паннонским и Моравским. В сане архиепископа Мефодий с прежней ревностью продолжал свои апостольские труды: он проповедовал, назначал и посвящал священников из туземных славян как для Паннонии, так и для Моравии, устраивал школы и заканчивал перевод св. Писания на славянский язык. Латинско-немецкое духовенство, считавшее Моравию и Паннонию своим достоянием, не могло равнодушно смотреть на основание Мефодием национальной славянской церкви по обрядам восточной церкви. Собрались немецкие епископы на собор в Паннонии, позвали сюда Мефодия и после разных оскорблений, заключили его в оковы и отправили в заточение в монастырь в Швабии; перед папой Иоанном VIII они обвинили его, как еретика, за то, что он в богослужении употребляет не латинский или греческий язык, а грубый славянский и вводит обряды восточной церкви. Немецко-латинские епископы все-таки не давали ему покоя. По их проискам, папа, наконец, в

особом послании к морavam, отменил славянскую литургию, оставив только проповедь на славянском языке; но Мефодий лично отправился в Рим и так горячо защищал славянское богослужение, что папа отменил свои требования, только Евангелие должно было читаться на латинском или греческом языке. Возвратившись из Рима (880 г.), он трудился в Моравии еще пять лет, до самой своей смерти, которая последовала в 885 году 6-го апреля. Перед смертью, Мефодий назначил своим преемником своего ученика, Горазда. Но уже в последние годы жизни Мефодия, Святополк, заключив союз с немецком королем, **Арнульфом**, допустил в Моравии влияние немецкого духовенства, так что когда Мефодий умер, **Викинг**, родом немец, сделавшийся еще в 880 г. епископом **Нитры**, с согласия Святополка, подверг преследованиям Горазда и всех учеников Мефодия и, наконец, выгнал их из Моравии. Они удалились в Болгарию. Теперь, вместе с богослужением на латинском языке, в моравской церкви введены были обряды западной церкви, и она попала в зависимость от Римского престола. Славянское богослужение и обряды восточной церкви сохранились только в немногих местах и немногими отдельными лицами. Вскоре (908 г.) моравское государство пало под оружием богемов и мадьяр или венгров, которые разделили его между собой».

Христианство, еще при св. Мефодии, проникло в **Богемию** (Чехию). Князь Боривой и его супруга **св. Людмила** (928) крещены были св. Мефодием в Велеграде в 874 г. Св. Людмила воспитала в знании славянской письменности внука, **св. Вячеслава** (935). Они приняли мученическую кончину от родственников-язычников. При князе Болеславе II Благочестивом, христианство восторжествовало в Богемии, но как латинское. В 967 г. в Праге учреждена была епископия. Саксонский славянин Дитмар, знавший славянский и латинский языки, был поставлен епископом. Народ некоторое время боролся за православие. Но в 1097 г. был разгромлен последний оплот православия – Сазанская обитель. Православие сохранялось только в народных глубинах.

Часть **Польши** входила в обширную епархию св. Мефодия. В 965–6 гг. польский король Мечислав женился на христианке Домбровке, сестре Болеслава I, чешского князя и крестился. Позднее же, женившись на княжне-католичке, он признал власть папы. Славянское богослужение заменено было латинским. В 1025 г. Мечислав изгнал из Польши православных священников и монахов.

В это же время Православие прочно укрепилось в Болгарии, что имело огромное значение для судеб России, в 988 г. принявшей христианство при св. князе Владимире.

Православными были и **сербы**. **Хорваты** же рано попали под влияние соседних латинских епископов и подчинились Римской церкви.

Об укреплении христианства в балканских государствах излагается во второй части этого труда.

Одновременно со славянскими народами христианство начало распространяться и среди скандинавских народов, населявших **Данию, Швецию и Норвегию**.

Датский король **Гаральд**, изгнанный своими подданными, в 826 году прибыл ко двору Римско-немецкого императора, **Людовика Благочестивого**, просить о помощи и при этом принял крещение со всем своим семейством. Получив помощь, Гаральд возвратился в Данию; вместе с ним отправлен был туда Людовиком монах Ново-Корбейского монастыря на Везере, **Ансгарь**, давно уже чувствовавший призвание к апостольской деятельности и искавший ее. Обращение датчан Ансгарь начал с того, что устроил в Шлезвиге школу, в которой обучал выкупленных из неволи датских мальчиков и приготавливал их, таким образом, к миссионерской деятельности среди соотечественников. К несчастью, в 828 году Гаральд снова был изгнан датчанами за союз с франками, и деятельность Ансгаря должна была прекратиться. Но он вскоре (829 г.) по поручению того же Людовика отправился в Швецию, куда сами шведы просили прислать христианского учителя. В Швеции Ансгарь успел обратить некоторых и построил там первую церковь. Тогда Людовик, чтобы придать миссии среди христианских народов более устойчивый характер, учредил на границе с Данией, в **Гамбурге**, архиепископство, на которое назначил Ансгаря, а папа наименовал его легатом апостольского престола во всех северных странах. Поселившись после этого в Гамбурге, Ансгарь посвятил всего себя обращению датчан; к шведам же был отправлен другой миссионер. Несмотря на то, что преемники Гаральда (Эрих I и Эрих II) ничего не хотели знать о христианстве, Ансгарь своими личными прекрасными качествами успел все-таки расположить их к себе и, насколько это было возможно, пользовался этим расположением для распространения христианства среди их подданных. По-прежнему он выкупал датских пленников и обучал их в своих школах, строил монастыри, госпитали для больных, рассылал по Дании подготовленных им миссионеров и т.п. В 853 году он совершил путешествие в Швецию и достиг там того, что даже народный совет позволил миссионерам беспрепятственно распространять христианство. Таким образом трудился Ансгарь до самой своей смерти в 865 году. Своей апостольской деятельностью он положил прочное

основание христианству в Дании и Швеции. Окончательно Дания сделалась страной христианской в первой половине 11 в. при короле **Кнуде Великом** (1014–1035 гг.), а Швеция во второй половине того же века при короле **Инге** (1075 г.).

В одно время с Данией и Швецией приняла христианство и **Норвегия**. Норвежские короли, познакомившиеся в своих походах с христианством западных государств, особенно в Англии, сами стали заботиться об обращении своих подданных еще в конце 9 века. После многих противодействий со стороны народа, который не хотел расстаться со своими богами, христианство окончательно утвердилось в Норвегии в первой половине 11 в. силой оружия при короле **Олафе Толстом** (1017–1033 г.). Норвежцы возмутились было его крутыми мерами, но это было в последний раз. Когда Олаф пал в битве с Кнудом Великим за независимость Норвегии, они переменили свои взгляды, – приняли христианство и торжественно провозгласили Олафа норвежским святым. Из Норвегии христианство распространилось на островах, принадлежавших ей, между прочим, и в **Исландии**.

Усилия защитить падающее язычество

По мере утверждения в греко-римской империи христианства, нападения язычников слабеют. Не нападая прямо на христианство, они старались возбудить в народе, в особенности в молодом поколении, любовь к языческо-классическому миру и отстоять перед правительством языческие культы во имя их древнего значения. Таковы выступления известных риторов Фемистия (ум. около 390 г.), Аврелия Симмах (ум. около 400 г.), самого выдающегося из них **Ливания** (ум. 395 г.). «Против христиан» – сочинение в трех книгах – написал Юлиан Отступник перед походом против персов. К 4 столетию относится и сочинение Филопатрис, в котором высмеиваются христианские споры о Св. Троице и делаются выпады против монахов. В 485 г. умер в Афинах философ **Прокл**, последний поборник язычества в Греции; его преемники были уже полухристианами.

С другой стороны христианские писатели, как и в первые века, продолжали дело опровержения язычества и защиты христианства, хотя в настоящее время весь литературный интерес сосредотачивался на богословских вопросах. **Евсевий**, ученый и трудолюбивый епископ Кесарийский, продолжавший свою апологетическую деятельность и в этот период (ум. 340 г.) написал два сочинения – «**Приготовление к Евангелию**», в 15 книгах и «**Доказательство Евангелия**» в 20 книгах. В первом из этих сочинений, имеющем по преимуществу апологетический характер с научными приемами подобно Клименту Александрийскому, Евсевий раскрывает несостоятельность всех языческих религиозных учений, которые, по всей справедливости отвергнуты христианством. Потом **св. Афанасий**, епископ Александрийский (ум. 373 г.), оставил два апологетических сочинения (вероятно, написанных в молодости, когда он был диаконом), отличающихся ясностью, глубиной и силой мысли, – «**Слово против эллинов**» и «**Вочеловечении Слова**». К апологетам 5 в. принадлежат – со стороны греков: **св. Кирилл**, епископ Александрийский (ум. 444 г.), написавший в 10 книгах сочинение «**Врачевство еллинских недугов или познание евангельской истины из эллинской философии**», в котором действительно представляет духовно-медицинские сведения к убеждению в истинности христианства с помощью сравнения христианского учения с учением философов. Из латинских апологетов 5 в. первое место принадлежит **Августину**, епископу Иппонскому в Африке (ум. 430 г.), который написал много

апологетических сочинений и особенно замечательное «**О граде Божиим**» в 22 книгах. В первых пяти книгах Августин опровергает упреки язычников христианам, будто бы христианство виновно в бедствиях империи, доказывая напротив, что весь склад Римской жизни, сложившийся под влиянием язычества и сохраняющий языческий характер даже после распространения христианства, естественно ведет к падению империи. В следующих пяти книгах он раскрывает безнравственность языческой мифологии и культов, несостоятельность философии и проч. В остальных 12 книгах развивает учение о царстве Божиим в противоположность царству земному, человеческому. Испанский пресвитер **Павел Орозий**, друг и ученик Августина, по убеждениям последнего, написал «**Историю против язычников**» в семи книгах, в которой проводил мысль Августина, что христианство невиновно в бедствиях, посещающих Римскую империю. С подобною же целью галльский пресвитер **Сальвиан** (ум. 484 г.), написал 8 книг «**О правлении Божиим**», в которых проводит ту мысль, что нападения варваров на империю есть необходимое следствие гнева Божия за нечестивую жизнь римлян».

Бедствия Церкви

В начале 4 в. началось великое переселение народов. Азиатский народ, **гунны**, двинувшийся из-за Волги и Дона, начали теснить вестготов, которые с согласия императора Валента с 376 г. переселились в империю. Вскоре вестготы начали грабить Фракию и Македонию. Валент, пытавшийся остановить их, потерпел поражение. Все пространство до Константинополя было опустошено ими. На некоторое время вестготов усмирил император Феодосий. Но вскоре под предводительством Алариха они стали продвигаться на запад. В 410 г. Аларих разграбил Рим. Только в 415 году империя и церковь избавились от этих варваров. Вестготы перешли в Галлию, затем в Испанию, где и обосновались. На смену им появились **вандалы**. Они из Испании были призваны в северную Африку тамошним правителем, отошедшим от Рима. Они проявили там исключительную жестокость: истребляли до основания города и селения, преследовали духовенство, от которого требовали церковные сокровища. В Европе же в это время нагонял страх на всех новый властитель гуннов, **Аттила**. Рим был спасен только просьбами св. Льва Великого и богатым откупом имп. Валентиана III. В 455 г. Рим был подвергнут опустошению вождем вандалов Гейзерихом. В 476 г. один из предводителей варваров, ругиец **Одоакр**, завладев Римом, объявил себя королем Италии. **Теодорих Великий** стал повелителем Рима. На империю совершали нападения германские племена – лангобарды, бургунды, франки и проч. Гибли пастыри Церкви, их паства, грабились и разрушались храмы.

Восточные церкви очень сильно страдали от **персов**, особенно в начале 7 века. Царь Хозрой II дошел в 616 г. до Халкидона. В 614 г. Персы заняли **Иерусалим**. Христиане подверглись ужаснейшим бедствиям не столько от персов, сколько от евреев. Последние выкупили у победителей 90000 пленных христиан только для того, чтобы замучить их. Древо креста Господня было увезено к царю в Персию; туда же отведен патриарх Захария с множеством народа и добычи. Когда враги ушли, Модест, игумен Феодосиева монастыря, принял на себя управление делами иерусалимской церкви, восстановил церкви и монастыри, хоронил валявшиеся повсюду трупы. (Еп. Арсений, Летопись церковных событий). Разрушению и ограблению подверглась лавра св. Саввы Освященного. В 626 г. опасность грозила Константинополю, осажденному с суши и моря союзниками персов, аварами. Конец жестокостям персов положил император Ираклий, разбив их в 628 г. Возвращены были захваченные ими

древо Господне, отпущены престарелый патриарх Захария и другие пленники.

Но в это время из Аравии надвигались еще более опасные враги – **мусульмане**. Вместе с христианством в Аравию проникли различные ереси. Существовало там язычество и иудейство. Назревало образование новой религии.

Действительно, в начале 7 в. в Аравии появилась новая религиозная система, **ислам** или **магометанство**, носящая в себе элементы язычества, иудейства и христианства. Основателем новой религии был **Мухаммед** или **Магомед**, родившийся около 570 г. в аравийском городе Мекке. В ранней молодости он совершил много путешествий. На 40 г. жизни, отказавшись от торговли, он предался спокойной созерцательной жизни. Столкновения во время торговых путешествий с евреями, христианами и христианскими сектаторами не могли не пробудить в Магомете религиозных дум. Из всех религиозных учений Магомету представлялось самым чистым и возвышенным учение Авраама о Едином Боге, которое, по его мнению, извращено евреями, христианами и его единоверцами, и это-то учение он решил восстановить во всей его чистоте. Получив в 611 г. первое откровение, как он сам рассказывал, от архангела Гавриила, он объявил себя пророком и начал сначала тайно, а потом открыто проповедовать. Полагая в основу своей религии строгое единобожие, в противоположность языческому многобожию и христианскому учению о святой Троице, Магомет учил, что Бог открывался много раз еврейскому народу через пророков; иудеи не слушали и преследовали их. Одного из пророков, самого высшего из всех бывших до него, Иисуса, возвещавшего божественные истины, иудеи убили, а христиане обоготворили. Наконец, Бог послал в мир последнего совершеннейшего пророка, его, Магомета, который несравненно выше Моисея и Иисуса, так как он удостоен был непосредственного созерцания Бога, быв вознесен до седьмого неба. Этот пророк должен сообщить и сообщает людям истинное религиозное учение. При конце мира явится Иисус, который поразит антихриста и распространит учение Магомета между всеми людьми. Вера в единого Бога и Его пророка, Магомета, рабская покорность провидению, исполнение внешних дел благочестия – чтение молитв, пост, частые омовения и прочее, – вот единственный путь к спасению, по учению Магомета. Каждого истинного мусульманина, устроившего свое спасение, ожидает блаженная жизнь за гробом, полная чувственных наслаждений. В Мекке Магомет нашел мало последователей: его даже стали преследовать, так что в 622 году он должен был бежать в Медину. Здесь он нашел

сочувственный прием у тех из жителей, которые прежде в качестве пилигримов посещали Мекку и слушали его проповеди; сюда же пришли и некоторые из его последователей из Мекки. Теперь он получил возможность лучше устроить свои дела: он постоянно проповедовал, приобретал новых последователей, получал новые откровения, издавал заповеди, устраивал богослужения и проч. Своих последователей Магомет не стеснял требованиями высокой нравственной жизни. Лястя чувственности язычников, он позволял своим последователям многоженство. Хищничеству кочевников-аравийцев он придал религиозное значение, позволив грабить и убивать для славы Божией всех, не принимающих его учения. Отсюда общество его последователей на первых же порах приняло вид хищнической шайки, которая под его предводительством производила набеги на соседние с Мединой племена и особенно на колонии евреев, которые, несмотря на некоторые уступки в пользу их религии, никак не хотели принимать нового учения. В 630 г. Магомет был уже настолько силен, что завоевал Мекку, заставил жителей ее принять свое учение и признать себя духовным и светским главой. Храм **каабы** в Мекке, с которым у обитателей Аравии соединены были религиозные воспоминания, он сделал для своих последователей религиозным центром. Распространяя свое учение огнем и мечом, Магомет был страшен для всех народов. Еще до завоевания Мекки в 628 году он посылал посольство к византийскому императору Ираклию с требованием признания его пророком. Утвердившись в Мекке, он собирался было предпринять поход против империи, но дела в Аравии остановили его. Затем в 632 году он умер, передав духовную и политическую власть своему преемнику (халифу-наместнику), **Абу Бекру**, собравшему все откровения Магомета в одну книгу, которая составила известный **Коран**, заключающий в себе 114 глав. Абу Бекр и последующие халифы продолжали дело Магомета – распространение огнем и мечом его учения. Так, второй халиф **Омар** (с 634 г) окончательно покорил Палестину и Сирию, взяв в 638 г. Иерусалим, в 639 г. Антиохию; в 640 г. завоевал Египет, а в 651 г. нанес последний удар Персии. В 669 г. мусульмане перешли уже в Европу, пройдя всю Малую Азию, они стояли под Константинополем, завоевали многие греческие острова до самой Сицилии и т.д. В 707 г. они прошли всю северную Африку, уничтожив славную карфагенскую церковь, в 710 г. заняли Испанию и направились уже во внутренние страны Европы, в Галлию; но в 732 г. были остановлены франкским мажордомом, Карлом Мартеллом. В этом стремительном шествии фанатичных мусульман, истреблявших в

христианских странах огнем и мечом все, встречавшееся на пути, христианские церкви страдали жестоко. Три славных патриархата – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский были уничтожены; остались одни только названия. Везде грабили и сжигали храмы; христиан принуждали принимать учение Магомета, и если они отказывались, то лишались всех прав и становились рабами. Уже в конце 8 в. Византийская империя должна была платить дань арабам-мусульманам. В 9 и 10 вв. на всем Средиземном море, от Палестины до Испании включительно, господствовали только арабские пираты и производили страшные опустошения во всех христианских государствах. Правда, во второй половине 10 в. греческий полководец, а потом император, **Никифор Фока** (963– 969 гг.), разорив разбойничий притон арабов на острове Крите и отняв у них множество городов даже в Сирии и Палестине, ограничил на время мусульман, но в 11 в. они мало-помалу опять взяли перевес над греками, особенно, когда во главе мусульманского мира стало племя **турок-сельджуков**.

Эпоха Вселенских Соборов

В начале 4 в. началось великое переселение народов. Азиатский народ, **гунны**, двинувшийся из-за Волги и Дона, начали теснить вестготов, которые с согласия императора Валента с 376 г. переселились в империю. Вскоре вестготы начали грабить Фракию и Македонию. Валент, пытавшийся остановить их, потерпел поражение. Все пространство до Константинополя было опустошено ими. На некоторое время вестготов усмирил император Феодосий. Но вскоре под предводительством Алариха они стали продвигаться на запад. В 410 г. Аларих разграбил Рим. Только в 415 году империя и церковь избавились от этих варваров. Вестготы перешли в Галлию, затем в Испанию, где и обосновались. На смену им появились **вандалы**. Они из Испании были призваны в северную Африку тамошним правителем, отошедшим от Рима. Они проявили там исключительную жестокость: истребляли до основания города и селения, преследовали духовенство, от которого требовали церковные сокровища. В Европе же в это время нагонял страх на всех новый властитель гуннов, **Аттила**. Рим был спасен только просьбами св. Льва Великого и богатым откупом имп. Валентиана III. В 455 г. Рим был подвергнут опустошению вождем вандалов Гейзерихом. В 476 г. один из предводителей варваров, ругиец **Одоакр**, завладев Римом, объявил себя королем Италии. **Теодорих Великий** стал повелителем Рима. На империю совершали нападения германские племена – лангобарды, бургунды, франки и проч. Гибли пастыри Церкви, их паства, грабились и разрушались храмы.

Восточные церкви очень сильно страдали от **персов**, особенно в начале 7 века. Царь Хозрой II дошел в 616 г. до Халкидона. В 614 г. Персы заняли **Иерусалим**. Христиане подверглись ужаснейшим бедствиям не столько от персов, сколько от евреев. Последние выкупили у победителей 90000 пленных христиан только для того, чтобы замучить их. Древо креста Господня было увезено к царю в Персию; туда же отведен патриарх Захария с множеством народа и добычи. Когда враги ушли, Модест, игумен Феодосиева монастыря, принял на себя управление делами иерусалимской церкви, восстановил церкви и монастыри, хоронил валявшиеся повсюду трупы. (Еп. Арсений, Летопись церковных событий). Разрушению и ограблению подверглась лавра св. Саввы Освященного. В 626 г. опасность грозила Константинополю, осажденному с суши и моря союзниками персов, аварами. Конец жестокостям персов положил император Ираклий, разбив их в 628 г. Возвращены были захваченные ими

древо Господне, отпущены престарелый патриарх Захария и другие пленники.

Но в это время из Аравии надвигались еще более опасные враги – **мусульмане**. Вместе с христианством в Аравию проникли различные ереси. Существовало там язычество и иудейство. Назревало образование новой религии.

Действительно, в начале 7 в. в Аравии появилась новая религиозная система, **ислам** или **магометанство**, носящая в себе элементы язычества, иудейства и христианства. Основателем новой религии был **Мухаммед** или **Магомед**, родившийся около 570 г. в аравийском городе Мекке. В ранней молодости он совершил много путешествий. На 40 г. жизни, отказавшись от торговли, он предался спокойной созерцательной жизни. Столкновения во время торговых путешествий с евреями, христианами и христианскими сектаторами не могли не пробудить в Магомете религиозных дум. Из всех религиозных учений Магомету представлялось самым чистым и возвышенным учение Авраама о Едином Боге, которое, по его мнению, извращено евреями, христианами и его единоверцами, и это-то учение он решил восстановить во всей его чистоте. Получив в 611 г. первое откровение, как он сам рассказывал, от архангела Гавриила, он объявил себя пророком и начал сначала тайно, а потом открыто проповедовать. Полагая в основу своей религии строгое единобожие, в противоположность языческому многобожию и христианскому учению о святой Троице, Магомет учил, что Бог открывался много раз еврейскому народу через пророков; иудеи не слушали и преследовали их. Одного из пророков, самого высшего из всех бывших до него, Иисуса, возвещавшего божественные истины, иудеи убили, а христиане обоготворили. Наконец, Бог послал в мир последнего совершеннейшего пророка, его, Магомета, который несравненно выше Моисея и Иисуса, так как он удостоен был непосредственного созерцания Бога, быв вознесен до седьмого неба. Этот пророк должен сообщить и сообщает людям истинное религиозное учение. При конце мира явится Иисус, который поразит антихриста и распространит учение Магомета между всеми людьми. Вера в единого Бога и Его пророка, Магомета, рабская покорность провидению, исполнение внешних дел благочестия – чтение молитв, пост, частые омовения и прочее, – вот единственный путь к спасению, по учению Магомета. Каждого истинного мусульманина, устроившего свое спасение, ожидает блаженная жизнь за гробом, полная чувственных наслаждений. В Мекке Магомет нашел мало последователей: его даже стали преследовать, так что в 622 году он должен был бежать в Медину. Здесь он нашел

сочувственный прием у тех из жителей, которые прежде в качестве пилигримов посещали Мекку и слушали его проповеди; сюда же пришли и некоторые из его последователей из Мекки. Теперь он получил возможность лучше устроить свои дела: он постоянно проповедовал, приобретал новых последователей, получал новые откровения, издавал заповеди, устраивал богослужения и проч. Своих последователей Магомет не стеснял требованиями высокой нравственной жизни. Лястя чувственности язычников, он позволял своим последователям многоженство. Хищничеству кочевников-аравийцев он придал религиозное значение, позволив грабить и убивать для славы Божией всех, не принимающих его учения. Отсюда общество его последователей на первых же порах приняло вид хищнической шайки, которая под его предводительством производила набеги на соседние с Мединой племена и особенно на колонии евреев, которые, несмотря на некоторые уступки в пользу их религии, никак не хотели принимать нового учения. В 630 г. Магомет был уже настолько силен, что завоевал Мекку, заставил жителей ее принять свое учение и признать себя духовным и светским главой. Храм **каабы** в Мекке, с которым у обитателей Аравии соединены были религиозные воспоминания, он сделал для своих последователей религиозным центром. Распространяя свое учение огнем и мечом, Магомет был страшен для всех народов. Еще до завоевания Мекки в 628 году он посылал посольство к византийскому императору Ираклию с требованием признания его пророком. Утвердившись в Мекке, он собирался было предпринять поход против империи, но дела в Аравии остановили его. Затем в 632 году он умер, передав духовную и политическую власть своему преемнику (халифу-наместнику), **Абу Бекру**, собравшему все откровения Магомета в одну книгу, которая составила известный **Коран**, заключающий в себе 114 глав. Абу Бекр и последующие халифы продолжали дело Магомета – распространение огнем и мечом его учения. Так, второй халиф **Омар** (с 634 г) окончательно покорил Палестину и Сирию, взяв в 638 г. Иерусалим, в 639 г. Антиохию; в 640 г. завоевал Египет, а в 651 г. нанес последний удар Персии. В 669 г. мусульмане перешли уже в Европу, пройдя всю Малую Азию, они стояли под Константинополем, завоевали многие греческие острова до самой Сицилии и т.д. В 707 г. они прошли всю северную Африку, уничтожив славную карфагенскую церковь, в 710 г. заняли Испанию и направились уже во внутренние страны Европы, в Галлию; но в 732 г. были остановлены франкским мажордомом, Карлом Мартеллом. В этом стремительном шествии фанатичных мусульман, истреблявших в

христианских странах огнем и мечом все, встречавшееся на пути, христианские церкви страдали жестоко. Три славных патриархата – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский были уничтожены; остались одни только названия. Везде грабили и сжигали храмы; христиан принуждали принимать учение Магомета, и если они отказывались, то лишались всех прав и становились рабами. Уже в конце 8 в. Византийская империя должна была платить дань арабам-мусульманам. В 9 и 10 вв. на всем Средиземном море, от Палестины до Испании включительно, господствовали только арабские пираты и производили страшные опустошения во всех христианских государствах. Правда, во второй половине 10 в. греческий полководец, а потом император, **Никифор Фока** (963– 969 гг.), разорив разбойничий притон арабов на острове Крите и отняв у них множество городов даже в Сирии и Палестине, ограничил на время мусульман, но в 11 в. они мало-помалу опять взяли перевес над греками, особенно, когда во главе мусульманского мира стало племя **турок-сельджуков**.

Общий взгляд на характер ересей 4–8 веков

«Во 2 и 3 веках, по поводу различных ересей, Церковь раскрыла и точнее сформулировала некоторые пункты своего искони и неизменно содержимого учения. Но для людей, желавших понимать христианское вероучение по началам разума, оставалось в нем еще много неясностей. Открывалось, таким образом, широкое поле для исследований и рассуждений о богословских истинах. При этом, естественно, происходили колебания между истиной и ложью и даже уклонение от истины, – словом, в 4 и последующих веках, так же, как и в первые века, наряду с истинным пониманием христианского вероучения, появились религиозные заблуждения, ереси, содержанием которых служили нераскрытые и не уясненные еще путем науки и разума пункты вероучения. Прежде ереси появлялись и развивались, по большей части, в какой-нибудь одной местности и падали, после непродолжительной борьбы с ними Церкви. Теперь же, когда греко-римская империя сделалась государством христианским, они охватывают всю империю, разделяя ее на две половины – православную и неправославную. Имея на своей стороне значительное число приверженцев, еретики ведут упорную и продолжительную борьбу с православными. В этой борьбе принимает участие правительство, становясь нередко на сторону еретиков и доставляя им способы и средства для борьбы. Хотя религиозные споры оканчиваются торжеством православного учения, которое Церковь определяет на соборах в строгих и точных выражениях, но еретики, не покоряясь общецерковному суду, нередко отделяются от Церкви и образуют свои большие религиозные общества со своеобразным вероучением».

Первый Вселенский Собор

В Александрии образованный диалектик, священник **Арий**, ученик пресвитера Лукиана, начал в церковных беседах и в частных разговорах проводить мысль, что сын Божий, не есть сын по существу, а только по благодати, есть творение, хотя высшее и существовавшее прежде других, но не одного существа с Богом. Говорил, что у Бога есть Слово и Премудрость, но не как особые лица, а как свойства или принадлежности, подобно разуму и воле в душе человеческой. В сущности, он отрицал Св. Троицу, и ересь его, по мнению епископа Арсения, высказанного в «Летописи Церковных Событий», можно считать следствием ереси савеллианской и монархианской. Епископ Александрийский Александр, строго следуя учению св. Писания и преданию своих благочестивых предшественников, приказал Арию прекратить распространение своего лжеучения. Лжеучитель, найдя единомышленников среди некоторых епископов, пресвитеров и дьяконов, начал собирать сборища, излагая на них свое еретическое учение. Тогда еп. Александр, с согласия своих сослужителей, около ста человек, отлучил в 323 г. Ария. Последний был вообще озлоблен против владыки Александра, так как тот был избран епископом вместо него.

Арий, считая себя осужденным несправедливо, обратился с жалобами на своего епископа к некоторым прежде знакомым ему епископам, прося заступничества. Особенно надеялся он найти защиту у еп. Евсевия Никомидийского, сотоварища по Лукиановой школе, близкого ко двору императора. Тот действительно его поддержал, как и некоторые другие епископы.

Епископ Александр счел тогда нужным ознакомить всех епископов с положением дел в своей епархии. Еще подробнее разоблачил он ересь Ария в послании на имя Александра, епископа Византии. На волнения в Церкви обратил тогда внимание император Константин Великий. Он пытался помирить епископа Александра с Арием, отправив им послание. С ним он послал в Александрию опытного пастыря, еп. Кордубского. «Но Осия, – пишет владыка Иоанн, епископ Аксайский, викарий донской епархии, – родом испанец, и не мог быть знаком с тонкостями греческого языка и с обстоятельствами церкви Александрийской, чтобы можно было возлагать на эту миссию большие и несомненные надежды. Что предпринимал в Александрии маститый старец кордубский к примирению враждовавших, неизвестно; известно только, что путешествие Осии

оказалось безуспешным, и императору Константину нужно было подумать о мерах других» («История Вселенских Соборов», 1906 г.). В позднейшем послании к Арию Константин пытался вразумить заблуждавшихся.

Еп. Арсений высказывает мнение, что именно еп. Осия первый подал имп. Константину мысль о созвании в 325 году Вселенского Собора для устройства церковных дел. Далее он повествует: «В начале сего года император особым повелением пригласил епископов поспешить в Никею, на собор. Все издержки их путешествия и пребывания в Никее принимал на себя. Из одних восточных областей прибыло до трехсот епископов; еп. Римский, Сильвестр, по старости, прислал вместо себя двух пресвитеров; Цецилиан Карфагенский был представителем африканских церквей; Осия Кордубский – испанских, а епископ из Галлии был представителем и церкви Британской. Из новообращенной Армении присутствовал епископ Аристав, сын святого Григория Просветителя, и даже из Персии, по требованию Антиохийского Патриарха Евстафия, имевшего ту страну в своем главном ведении, присутствовал Иоанн, перс, епископ всей Персии и Великой Индии» («Летопись Церковных событий»).

По данным св. Афанасия Великого, тогда диакона Александрийской церкви и других, Церковь считает, что участников Собора было 318. Председательствовал Антиохийский патриарх Евстафий, Заседания, происходившие в одной из палат царского дворца, продолжались с 19 июня по 25 августа.

«Арий упорно защищал свое лжеучение, – пишет еп. Арсений, – поддерживаемый некоторыми епископами (особенно Евсевием Никомидийским, Феогностом Никийским и Марисом Халкидонском). Но диакон епископа Александрийского, св. Афанасий и другие ревнители православия (св. Николай Мирликийский, св. Спиридон Тримифунтский) поразили противников истины в устных беседах, и, наконец, общим голосом положено было отлучить от Церкви нераскаявшихся еретиков и письменно изложить в **Символе Веры** православное учение. Из бывших в то время символов, употреблявшихся в разных церквях, составлен применительно к потребностям церкви один, известный под именем Никейского; в нем с особенной выразительностью изложено учение **о единосущии Сына с Богом Отцом**».

«Сам Арий, – пишет еп. Иоанн Аксайский, – остался в своих мнениях непреклонным; но так как оставлять его без применения к нему каких либо мер взыскания значило бы открывать новое поле к возмущениям и волнениям, то его присудили к низложению и заточению в Иллирию; сочинения его повелено было предать огню, и всем, кто обличен будет в

утайке и тайном хранении, тем угрожала смертная казнь. Сторонникам Ария, которые решились бы и после рассуждений защищать учение своего ересиарха, тоже угрожала, по определению императора, ссылка в заточение». Это заставило Евсевия Никомидийского и других подписать исповедание веры, составленное на соборе. Но они не согласились подписать осуждение Ария, говоря, что Арий не заслуживает строгого взыскания. Два епископа не подписали определение веры и осуждение Ария. Император Константин Евсевия и остальных лишил кафедр и отправил в ссылку в Галлию.

Император и отцы собора разослали повсюду уведомления о том, что происходило на Никейском соборе. Император Константин от своего лица писал к церкви Александрийской против Ария и к никомидийцам против епископов Евсевия и Феогния. Еп. Иоанн Аксайский приводит следующие строки из его послания к церкви Александрийской: «Признанное единогласно тремястами святых епископов есть не что иное, как мысль самого Сына Божия, особенно, когда в умах столь великих и многих мужей присутствовал Дух Святой, Который открыл им божественную волю. Посему да исчезнет у вас всякое сомнение и колебание. С твердым духом вступайте все на путь истины, чтобы мне, когда я буду у вас вместе с вами, принести благодарение всевидящему Богу за то, что Он явил нам истинную веру и возвратил вождевленную любовь. Бог да сохранит вас, возлюбленные братья».

В послании к никомидийцам Константин призывает их быть твердыми в вере и подчиняться новым епископам неукоризненным, православным и человеколюбивым. «А кто осмелится, – заключает император, – вспоминать о тех губителях, или неосмотрительно хвалить их, тот в своей дерзости немедленно будет обуздан властью служителя Божия, то есть моею. Бог да сохранит вас, братья возлюбленные».

В собрании епископов, участников Собора, было объяснено постановление в отношении Ария. Кроме того, изъяснены распоряжения об отстранении епископа Фиваидского, Мелетия. Отлученный от Церкви за отречение от веры при Диоклетиане, он продолжал распоряжаться в Египте и распространял арианство.

Собор определил, что день св. Пасхи будет праздноваться всеми христианами одновременно, именно в первый воскресный день после полнолуния, бывшего в весеннее равноденствие, а не так, как восточные христиане праздновали дотоле, когда пасха христианская приходилась вместе с иудейской.

Шестым правилом собора подтверждаются древние обычаи, по

которым Александрийский епископ был верховным епископом для всего Египта, Ливии и Пентаполя, Римский для своего округа, Антиохийский для своего, и в иных областях митрополиты (епископы митрополий, главных городов). Епископу Иерусалимскому, доселе зависевшему от митрополита Кесарии, областного города провинции Палестины, собор, из уважения к священным воспоминаниям, позволил пользоваться честью и независимостью митрополита («Летопись церковных событий»).

В декабре 326 года скончался епископ Александрийский Александр. Преемником его, по общему выбору, сделался двадцативосьмилетний дьякон, **св. Афанасий**. Он вынужден был уступить общему желанию, и впоследствии полностью оправдал надежды избравших его.

После Никейского собора сестра императора Константина, Констанция, вдова Ликиния, перед смертью поручила вниманию брата своего духовника, арианина. Тому удалось внушить императору, что Арий осужден неправильно, так как учит согласно Никейскому символу. Арий был вызван в Константинополь и ему разрешено было явиться в Александрию, против чего решительно восстал св. Афанасий. Епископам Евсевию Никомидийскому и Евсевию Кесарийскому, любимцу Константина, которые поддерживали Ария, были возвращены кафедры. Защитники православия в Никее первые подверглись нападению ариан. По их проискам еп. Евстафий Антиохийский, оклеветанный ими, был низложен на соборе в Антиохии (около 330 г.). Но православные остались верными Евстафию и создали церковное общество евстафиан.

Главное нападение велось против **св. Афанасия**. От него требовалось принятие Ария в общение, что им исполнено не было. Его старались оклеветать перед Константином, обвиняли в поддержке церковными деньгами возмущения в Александрии. Прибыв в 332 г. лично в Константинополь, святитель так успешно опроверг обвинения, что император в послании к Александрийской Церкви называл его мужем Божиим. Но ариане не унимались. Им удалось обвинить св. Афанасия в жестоком обращении с епископами-мелетианами, не признававшими его власти, и даже в убийстве еп. Арсения Гипсельского, руку которого он, якобы, употреблял для волхвования. Константин разрешил врагам святителя устроить над ним суд в Тире (335). Там были оба Евсевия и другие. Святитель легко опроверг все обвинения и представил живым еп. Арсения. Не дожидаясь конца собора, святитель отправился в Константинополь и донес императору о своем деле. Но враги продолжали клеветать на св. Афанасия, что тот будто угрожал приостановить подвоз хлеба из Александрии в Константинополь, если преследование его

царским двором будет продолжаться. Император удалил на время святителя в Галлию в г. Тревир (Трир). Галлией правил его старший сын Константин, который старался облегчить скорбь святителя. Император не утвердил постановлений Трирского собора о поставлении другого епископа в Александрию.

Когда Арий появился в Александрии, то произошло народное возмущение. В 336 г. имп. Константин вызвал его в Константинополь. Арий на вопрос императора: признает ли он определения Никейского собора, ответил утвердительно. Обманутый им Константин велел Константинопольскому императору Александру принять Ария в церковь. Последний молил Господа не допустить этого. Суд Божий постиг еретика на пути в храм. Арий умер внезапно, войдя в общественную уборную.

Преемниками Константина Великого, скончавшегося в 337 г., были его сыновья: **Константин II** (до 340), **Констанс** (до 350 г.), управлявший западом и **Констанций** (до 361 г.), управлявший востоком. Константин II, еще при жизни отца познакомившийся в Галлии с Афанасием, немедленно, по воцарении, вернул его в Александрию, где он был принят с восторгом.

Восточный император **Констанций** подпал под влияние ариан. В Константинополе епископом стал с 338 г. Евсевий Никомидийский. Начались нападки на Афанасия. В защиту его собор в Александрии разослал от имени египетских епископов послания ко всем церквам и, в том числе, Римской, где епископом был **Юлий**, сторонник православного учения. Но арианские епископы, опираясь на Констанция, собрали свой собор в **Антиохии**, где епископом был видный арианин Акакий, преемник скончавшегося около 340 г. Евсевия Кесарийского. Собор этот (341) осудил Афанасия за то, что он, будучи низложенным в Трире, занял вновь кафедру по распоряжению гражданской власти. Констанций постановление собора утвердил. С помощью солдат епископом Александрии был поставлен арианин Григорий. Святой Афанасий бежал в Рим к папе Юлию. В 342 г. тот созвал собор в **Риме**, который признал св. Афанасия православным и законным епископом Александрии. В 341 или 342 г. умер епископ Евсевий и на Константинопольскую кафедру был возведен арианин **Македоний**, причем император прибег к вооруженной силе.

В церковные дела вмешался третий сын Константина, **Констанс**, правивший западной частью империи. Он убедил Констанция созвать собор из восточных и западных епископов, который и состоялся в 347 г. в г. **Сардики** (ныне Софии) во владениях Констанса. На соборе подтвержден

был Никейский символ веры и восстановлен Афанасий в сане еп. Александрийского. Но арианские епископы, видя, что православные возьмут перевес, покинули Сардику еще раньше вынесения постановлений, и составили свой собор в **Филиппополе**, осудив Афанасия и папу. Констансу удалось убедить брата, опасавшегося войны с ним, допустить Афанасия занять кафедру (349 г.). Святитель, прибыв в Александрию, изгнал ариан.

После смерти Констанса в 350 г., Констанций стал единовластным императором. Он пожелал доставить торжество арианам и созвал на западе два собора: в 353 в **Арелате** и в 355 г. в **Медиолане** (Милане), требуя осуждения Афанасия. На Медиоланском соборе западные епископы, составлявшие большинство, требовали подтверждения Никейского символа и не соглашались на осуждение Афанасия. Император Констанций лично оказал давление на православных епископов. Часть из них подписала осуждение, часть была сослана, в числе их преемник Юлия, **Ливерий**, еп. Римский и столетний старец, еп. **Осия** Кордубский. Вместо них были поставлены ариане.

В 356 г. Констанций отдал приказ низложить силой Афанасия. Воины окружили храм, в котором святитель совершал всенощную, но его не взяли. Он после службы незаметно вышел из храма и удалился в египетские пустыни.

Ариане внешне победили, но вскоре у них самих начались разногласия. Еще на Никейском соборе часть их, во главе с **Евсевием Кесарийским**, не допуская православного учения об единосущии Сына Божия с Отцом, учили, что Он **подобосущен** Ему. Другие – более упорные ариане – учили, Сын **не единосущен и не подобосущен**. Во главе полуариан-подобосущников (**омиусиан**) стояли Василий, еп. Анкирский, Георгий, еп. Лаодикийский. К ним принадлежал и Констанций. Для примирения партий, Констанций созвал в 357 г. собор в **Сирмии**, на котором принято было среднее, но столь же еретическое определение. Сирмийский символ император заставил подписать и сосланных на восток западных епископов Ливерия и Осию. Первый подписал и осуждение Афанасия, Осия только символ. Оба получили кафедры. Осия скоро отказался от подписи и проклял ересь. Разговор между еретиками все же продолжался до смерти Констанция (361).

Преемник Констанция, **Юлиан Отступник**, по личным расчетам и из ненависти ко всему связанному со своим дядей, дал свободу вероисповедания всемхристианам. Афанасий вернулся в Александрию и в 362 г. на Александрийском соборе торжественно утвердил православное

учение, постановив, чтобы возвращающиеся в православие ариане принимались в тех иерархических степенях, которые имели до обращения. Эти постановление, полное христианской любви, способствовало прекращению смуты. Вернулись многие полуариане. Юлиан, заметив благотворную деятельность Афанасия в церквах Александрийской и Антиохийской, в которых происходила смута из-за двух Антиохийских епископов, решился сослать его. Святитель снова должен был бежать в пустыню. При преемнике Юлиана, **Иовиане**, Афанасий снова занял кафедру. При **Валенте** (364–780), брате и восточном соправителе Валентиниана I, опять начались преследования православных. Валент попал под влияние упорных ариан и преследовал православных и полуариан. Вследствие этого последние все более сближались с православными. Был издан указ о ссылке Афанасия (367). Святитель снова бежал. Но в Александрии из-за этого начались волнения, и Валент вынужден был возвратить Афанасия. Это было последнее его изгнание. До самой смерти он спокойно управлял Церковью. Самые враги его чувствовали уважение к великому старцу. Он был 47 лет епископом и 20 лет провел в изгнании. Преставился св. Афанасий в 373 г.

В помощь Афанасию, достигшему глубокой старости, на защиту православия выступил св. **Василий Великий** (329–379), еп. Кесарии Каппадокийской. Получив в 370 году епископскую кафедру, он с необыкновенной ревностью принялся за восстановление православия на востоке. Его усердными помощниками были Амфилохий Иконийский, брат его, Григорий Нисский, Григорий Богослов и др. Надо сказать, что большинство епископов на востоке были ариане или полуариане. Св. Василий установил связь со св. Афанасием и с западными епископами, которые считали всех восточных епископов арианами. Валенту такая его деятельность не нравилась. Он пытался сначала воздействовать на него через весьма решительного и настойчивого префекта Модеста. Но ни уговоры, ни угрозы последнего никакого впечатления на св. Василия не произвели. Столь же неудачны были попытки самого Валента, приезжавшего в Кесарию. Он только проникся уважением к святителю. Опасаясь народного возмущения, он отказался от намерения тайно сослать Василия. В Риме св. Василий не нашел поддержки. Дела же ухудшились в Александрии, где преемником св. Афанасия стал арианин. На западе св. Василия поддержал **св. Амвросий, еп. Медиоланский**. Он донес императору Валентиану о преследовании православных Валентом. Тот приказал брату оставить православных в покое. В Александрии был изгнан арианский епископ и возведен православный Петр. В 378 г. Валент погиб в

войне с готами и этим кончилось дело арианства. Зап. Император Грациан освободил из заточения всех православных епископов, сосланных Валентом, а его восточный соправитель **Феодосий I** (с 379) окончательно утвердил торжество православия. Св. Василий не дожид до этого, скончавшись незадолго до этого в том же 379 г. На западе арианство не имело успеха. Рассуждение об отвлеченных предметах не было тогда в духе западных христиан. Большим защитником православия продолжал оставаться **св. Амвросий Медиоланский**. В Испании ариане встречались до 589 г., у лангобардов до 662 года. Арианами были так называемые **социане** в Польше в 17 в.

Во время арианских смут, в тесной связи с арианством, возникли еще некоторые ереси. Почти повторял ересь Ария **Аполлинарий Младший**, ученый епископ Лаодикийский (362 г.) и **Македоний**, епископ Константинопольский (около 342 г.). Слишком отвлеченное учение Аполлинария не привлекало большого числа последователей. Опровергали его, главным образом, святители Афанасий Великий и Григорий Богослов. Македоний был сначала арианином, потом полуарианином. По главным пунктам своей ереси последователей его называют также **духоборцами**. Православное учение о Св. Духе против них защищали святители Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

Второй Вселенский Собор

Второй Вселенский Собор, Константинопольский I-й, состоялся при императоре Феодосии I-м Великом, в 381 г., сначала под председательством Мелетия Антиохийского, потом знаменитого Назианзина, известного в Церкви под именем Богослова, наконец Нектария, преемника Григория на Константинопольской кафедре. Этот собор собирался против Константинопольского епископа Македония и его последователей полуариан-духоборцев, считавших Сына только подобосущным Отцу, а Святого Духа первым творением и орудием Сына. Собор имел в виду также и аномеев, последователей Аеция и Евномия, учивших, что Сын не подобен Отцу, но иной с Ним сущности, последователей Фотина, возобновившего савеллианство, и Аполлинария (Лаодикийского), учивших, что плоть Христова, принесенная с неба из лона Отца, не имела разумной души, которую заменило Божество Слова. Мелетий, соединявший ревность к Православию с духом христианской кротости, скончался вскоре после открытия Собора. Смерть его дала простор страстям, которые принудили Григория Назианзина отказаться не только участия в Соборе, но и от Константинопольской кафедры. Главным деятелем Собора остался Григорий Нисский, муж, соединявший обширную ученость и высокий ум с примерной святостью жизни. Собор утвердил нерушимо Символ Никейский; кроме этого, он присовокупил к нему последние пять членов; где понятие единосущия распространено в той же силе безусловного смысла и на Духа Святого, вопреки ереси духоборцев, воздвигнутой Македонием, епископом Константинополя, при императоре Констанции, низверженным еще в то же время, но нашедшим себе опору в поместном Лампсакском соборе. Вместе с тем была осуждена и ересь Аполлинария, епископа сирийской Лаодикии. В отношении церковной иерархии замечательно сравнение Константинопольского епископа с прочими экзархами, не только в почетном имени, но и в правах первосвященничества; при этом к области его причислены митрополии Понта, Малой Азии и Фракии. В заключение Собор установил форму соборного суда и принятия еретиков в церковное общение после раскаяния, одних через крещение, других через миропомазание, смотря по важности заблуждения» (Булгаков. Настольная книга священнослужителей. Киев, 1913 г.).

Третий Вселенский Собор

К концу 4-го века, после борьбы с разного рода еретиками, Церковь полностью раскрыла учение о Лице Господа Иисуса Христа, подтвердив, что Он есть Бог и вместе человек. Но люди науки не удовлетворялись положительным учением Церкви; в учении о богочеловечестве Иисуса Христа они находили пункт, не уясненный для разума. Это вопрос об образе соединения в Лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы и взаимном отношении той и другой. Вопрос этот в конце 4 и начале 5 в. занимал антиохийских богословов, которые и приняли на себя задачу разъяснить его научно, путем разума. Но так как они придавали соображением разума большее значение, чем следовало, то, при выяснении этого вопроса, так же как и в прежних разъяснениях, не обошлись без ересей, волновавших Церковь в 5, 6 и даже 7 веках.

Ересь Нестория была первой из ересей, развивавшихся в Церкви при научном разъяснении вопроса об образе соединения в Лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы и их взаимном отношении. Она, подобно ереси Ария, вышла из антиохийского училища, не допускавшего таинственности в понимании догматов веры. Богословам антиохийского училища казалось непонятным и даже невозможным учение о соединении двух природ Божественной и человеческой, ограниченной и неограниченной, в одно Лицо Бога-человека Иисуса Христа. Желая дать этому учению разумное и понятное объяснение, они пришли к еретическим мыслям. Диодор, епископ Тарсийский (ум. 394 г.), прежде антиохийский пресвитер и учитель училища, первый развил такого рода мысли. Он написал в опровержение Аполлинария сочинение, в котором доказывал, что в Иисусе Христе человеческая природа как до соединения, так и после соединения с Божественной была полная и самостоятельная. Но, определяя образ соединения двух полных природ, он затруднялся (вследствие воззрений Антиохийской школы на догматы) сказать, что человеческая и Божественная природа составили единое Лицо Иисуса, и потому разграничил их между собой то того, что между ними не было полного и существенного объединения. Он учил, что совершенный прежде веков Сын воспринял совершенное от Давида, что Бог Слово обитал в рожденном от семени Давидова, как в храме, и что от Девы Марии родился человек, а не Бог Слово, ибо смертное рождает смертное по естеству. Отсюда, по Диодору, Иисус Христос был простой человек, в котором обитало Божество, или который носил в себе Божество.

Ученик Диодора, Феодор, епископ Мопсуетский (ум. 429 г.), развил эту мысль еще полнее. Он резко отличал в Иисусе Христе человеческую личность от Божественной. Существенное соединение Бога-Слова с человеком Иисусом в одно лицо, по его понятию, было бы ограничением Божества, потому оно и невозможно. Между ними возможно только внешнее единение, соприкосновение одного с другим. Это соприкосновение Феодор раскрывал таким образом: человек Иисус родился от Марии, как и все люди естественно, со всеми человеческими страстями и недостатками. Бог-Слово, предвидя, что Он выдержит борьбу со всеми страстями и над ними восторжествует, захотел через Него спасти человеческий род, и для этого, еще с момента зачатия Его, соединился с Ним Своей благодатью. Благодать Бога-Слова, почившая на человеке Иисусе, освящала и укрепляла Его силы и по Его рождении, так что Он, вступив в жизнь, начал борьбу со страстями тела и души, уничтожил грех во плоти и истребил его похоти. За такую добродетельную жизнь человек-Иисус удостоен быть усыновлен от Бога: именно со времени крещения Он признан был Сыном Божиим. Когда затем Иисус победил все дьявольские искушения в пустыне и достиг жизни совершеннейшей, Бог-Слово излил на Него дары Св. Духа в несравненно высшей степени, чем на пророков, апостолов и святых, например, он сообщил Ему высшее ведение. Наконец, во время страданий человек-Иисус выдержал последнюю борьбу с человеческими немощами и был удостоен за это божественного ведения и божественной святости. Теперь, Бог-Слово соединился с человеком-Иисусом теснейшим образом; между ними установилось единство действий, и человек-Иисус сделался орудием Бога-Слова в деле спасения людей.

Таким образом у Феодора Мопсуетского Бог-Слово и человек-Иисус совершенно отдельные и самостоятельные личности. Поэтому, он никак не допускал употребления выражений, относящихся к человеку-Иисусу, в приложении к Богу-Слову. Например, по его мнению, нельзя говорить: Бог родился, Богородица, потому что не Бог родился от Марии, а человек, или: Бог страдал, Бог распят, потому что опять страдал человек-Иисус. Это учение полностью еретическое. Последние его выводы – это отрицание таинства воплощения Бога-Слова, искупления рода человеческого страданиями и смертью Господа Иисуса Христа, так как страдания и смерть обыкновенного человека не могут иметь спасительного значения для всего рода человеческого, и, в конце концов, отрицание всего христианства.

Пока учение Диодора и Феодора распространялось только как частное

мнение в кружке людей, занимавшихся богословскими вопросами, оно не встречало опровержений и осуждений со стороны Церкви. Но когда архиепископ Константинопольский **Несторий** затеял сделать его **общецерковным** учением, **Церковь** выступила против него как ереси и торжественно осудила. Несторий был учеником Феодора Мопсуетского и воспитанником Антиохийского училища. Он возглавил борьбу с Церковью и дал свое имя этому еретическому учению. Еще будучи в Антиохии иеромонахом, он славился красноречием и строгостью жизни. В 428 году император Феодосий II младший сделал его Константинопольским архиепископом. Несторий привез из Антиохии пресвитера Анастасия, который сказал в церкви несколько проповедей в духе учения Ф. Мопсуетского, что Деву Марию следует называть не Богородицей, а человекородицей. Подобное учение было новостью, так как в Константинопольской, Александрийской и других церквях сохранялось древнее православное учение о соединении в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств. На это соединение смотрели, как на существенное соединение в одно **Богочеловеческое Лицо**, и не допускалось в Нем, как едином лице, разделения Божества от человечества. Отсюда в общественном наименовании Пресвятой Девы Марии было **Богородица**. Эти проповеди Анастасия взволновали весь клир, монахов и народ. Несторий для прекращения волнений стал сам проповедовать и отвергать название Богородица, по его мнению, непримиримое с разумом и христианством, но и не допускал названия человекородица, а назвал Пресвятую Деву Христородицей. После этого объяснения волнения в Константинополе не утихали. Нестория стали обвинять в ереси Павла Самосатского, так как было понятно, что речь идет не только о названии Девы Марии Богородицей, а о Лице Иисуса Христа. Несторий стал преследовать своих противников и даже осудил их на Константинопольском соборе (429 г.), но тем только увеличил число своих врагов, которых и без того было много по случаю предпринятого им исправления нравов клира. Скоро слух об этих спорах проник и в другие церкви и здесь начались рассуждения.

В Антиохии и Сирии очень многие приняли сторону Нестория, по преимуществу лица, вышедшие из Антиохийского училища. Но в Александрии и Риме учение Нестория встретило сильное противодействие. Александрийским епископом в то время был св. Кирилл (с 412 г.), человек богословски образованный и ревностный защитник православия. Прежде всего, в пасхальном послании он изложил, как вредно для христианства учение Нестория. Это на Нестория не

подействовало, и он продолжал в письмах к Кириллу отстаивать правильность своего учения. Тогда Кирилл особым посланием известил императора Феодосия II, его супругу Евдоксию и сестру Пульхерию об учении Нестория. Затем он сообщил об этой ереси папе Целестину. Несторий тоже писал в Рим. Папа Целестин созвал в Риме собор (430), осудил на нем учение Нестория и потребовал от него, под угрозой отлучения и низложения, отказаться от своих мыслей в течение 10 дней. Заключение собора было отправлено Несторию и восточным епископам через Кирилла, которому папа передал свой голос. Кирилл уведомил Нестория и епископов о постановлениях Римского собора, и особенно убеждал Иоанна, архиепископа Антиохийского, отстаивать православие. В случае принятия ими стороны Нестория, они дадут повод к разрыву с церквями Александрийской и Римской, которые уже высказались против Нестория. Иоанн, сочувствовавший образу мыслей Нестория, ввиду предупреждения Кирилла, написал Несторию дружеское письмо, в котором убеждал его употреблять выражения о Пресвятой Деве Марии, принятые древними отцами.

Между тем, Кирилл на соборе в Александрии (430 г). осудил учение Нестория и издал против него 12 анафематизмов, в которых доказывал нераздельное соединение в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств. Эти анафематизмы Кирилл препроводил Несторию со своим посланием. Несторий, со своей стороны, ответил 12 анафематизмами, в которых осуждал тех, кто приписывают страдания Божеству и проч. Они были направлены против Кирилла, хотя к последнему они не приложимы. Сирийские епископы, получив анафематизмы Кирилла, тоже восстали против них. У них была точка зрения идей Феодора Мопсуетского. Блаженный Феодорит, ученый епископ Кирский, написал на них опровержение. Для прекращения такого раздора между предстоятелями знаменитых церквей и утверждения православного учения, имп. Феодосий II решился созвать вселенский собор. Несторий, чью сторону в то время занимал Феодосий, сам просил созыва вселенского собора, находясь в убеждении, что его учение, как правильное, восторжествует.

Феодосий назначил собор в Ефесе в самый день Пятидесятницы 431 г. Это был Третий Вселенский Собор. В Ефес прибыли Кирилл с 40 египетскими епископами, Ювеналий Иерусалимский с палестинскими епископами, Фирм, еп. Кесарии Каппадокийской, Флавиан Фессалоникийский. Прибыл и Несторий с 10 епископами и два высших чиновника, друзья Нестория. Первый Кандидиан, как представитель императора, второй Иринея – просто как расположенный к Несторию. Не

было только Иоанна Антиохийского и папских легатов. По прошествии 16 дней срока, назначенного императором для открытия собора, Кирилл решился открыть собор, не дожидаясь отсутствующих. Чиновник Кандидиан протестовал против этого и послал донос в Константинополь. Первое заседание было 22 июня в церкви Богородицы. Нестория приглашали на собор три раза. Но в первый раз он дал ответ неопределенный, второй раз отвечал, что придет, когда все епископы съедутся, а в третий – даже не выслушал приглашения. Тогда собор решил рассмотреть дело Нестория без него. Были прочитаны Символ Веры Никео-Цареградский, послания к Несторию, анафематизмы Кирилла и послания Нестория к Кириллу, его беседы и прочее.

Отцы нашли, что послания Кирилла заключают в себе православное учение и, напротив, послания и беседы Нестория – неправославное. Потом отцы проверили, как Несторий учит в настоящее время, не отказался ли он уже от своих мыслей. По свидетельству епископов, беседовавших в Ефесе с Несторием, оказалось, что он придерживается прежних мыслей. Наконец, были прочитаны изречения отцов Церкви, писавших о Лице Господа Иисуса Христа. Здесь тоже Несторий противоречит им. Приняв все это во внимание, отцы Ефесского собора признали учение Нестория еретическим и определили лишить его сана и отлучить от церковного общения. Под приговором подписалось 200 епископов и первое заседание кончилось.

В тот же день собор в Ефесе объявил о низложении Нестория и послал уведомление об этом клиру в Константинополе. Кирилл еще от себя написал письма епископам и настоятелю константинопольского монастыря авве Далматию. Вскоре были отправлены и акты собора императору. Несторию был объявлен приговор на другой день после заседания. Он, конечно, его не принял и в донесении императору жаловался на неправильные, будто бы, действия собора, обвинял особенно Кирилла и Мемнона и просил императора или перевести собор в другое место, или дать ему возможность благополучно возвратиться в Константинополь, потому что, жаловался он со своими епископами, – его жизни угрожает опасность.

Между тем в Ефес прибыл Иоанн Антиохийский с 33 сирскими епископами. Отцы собора его уведомили, чтобы он не входил в общение с осужденным Несторием. Но Иоанн был не доволен решением дела не в пользу Нестория, и потому, не входя в общение с Кириллом и его собором, составил свой собор с Несторием и приехавшими епископами. К Иоанну примкнуло несколько епископов, бывших на соборе св. Кирилла. На собор

Иоанна также прибыл императорский уполномоченный. Собор Иоанна признал осуждение Нестория незаконным и начал суд над Кириллом, Мемноном и другими епископами, осудившими Нестория. Кириллу было несправедливо поставлено в вину, между прочим, что учение, изложенное в его анафематизмах, сходно с нечестием Ария, Аполлинария и Евномия. И вот, собор Иоанна осудил и низложил Кирилла и Мемнона, отлучил от церковного общения, впредь до раскаяния, прочих епископов, осудивших Нестория, донес обо всем в Константинополь императору, клиру и народу, прося императора утвердить низложение Кирилла и Мемнона. Феодосий, который получил, кроме донесений Кирилла, Нестория и Иоанна, еще донесение Кандидиана, не знал, как поступить в этом случае. Наконец, он распорядился, чтобы все постановления соборов Кирилла и Иоанна были уничтожены и чтобы все епископы, прибывшие в Ефес, собрались вместе и покончили споры мирным образом. Кирилл не мог согласиться с таким предложением, так как на его соборе было вынесено правильное решение, а Иоанн Антиохийский представлял действия своего собора правильными, о чем оба доносили в Константинополь.

Пока велась эта переписка, собор, под председательством Кирилла, продолжал свои заседания, которых было семь. На втором заседании было прочитано послание папы Целестина, привезенное только теперь прибывшими легатами, и признано было вполне православным; в третьем – Римские легаты подписали осуждение Нестория; в четвертом – Кирилл и Мемнон, неправильно осужденные Иоанном (который не явился на приглашение явиться на заседание) были оправданы; в пятом – Кирилл и Мемнон, для опровержения обвинений, возведенных на них Иоанном, осудили ереси Ария, Аполлинария и Евномия, а собор отлучил от церковного общения самого Иоанна и сирийских епископов; в шестом – запрещено на будущее время изменять что-либо в Никео-Цареградском Символе или вместо него составлять другие, наконец, в седьмом – собор занялся решением частных вопросов по разграничению епархий. Все соборные акты были посланы императору для утверждения.

Теперь Феодосий находился в еще большем затруднении, чем прежде, потому что неприязнь между собором и сторонниками Иоанна увеличилась в значительной степени. А вельможа Ириней, прибывший в столицу из Ефеса, сильно действовал при дворе в пользу Нестория. Епископ Берийский Акакий подал императору совет, удалив от соборных рассуждений Кирилла, Мемнона и Нестория, поручить всем остальным епископам пересмотреть вновь дело Нестория. Император так и поступил. Он послал в Ефес чиновника, который взял под стражу Кирилла, Мемнона

и Нестория, и начал принуждать к согласию прочих епископов. Но соглашения не последовало. Между тем, св. Кирилл нашел случай из-под стражи написать клиру и народу константинопольскому, а также авве Далматию о происходящем в Ефесе. Авва Далматий собрал иноков константинопольских монастырей и вместе с ними при многочисленном стечении народа, с пением псалмов, с горящими светильниками, отправился ко дворцу императора. Войдя во дворец, Далматий просил императора, чтобы православные отцы были освобождены из заключения и чтобы было утверждено определение собора относительно Нестория.

Появление знаменитого Аввы, 48 лет не выходявшего из своего монастыря, произвело сильное впечатление на императора. Он обещал утвердить решение собора. Затем в церкви, куда отправился авва Далматий с иноками, народ открыто провозгласил анафему Несторию. Таким образом колебания императора кончились. Оставалось только привести сирских епископов в согласие с собором. Для этого император приказал спорящим сторонам выбрать по 8 депутатов и прислать их в Халкидон для взаимных рассуждений в присутствии императора. В эту депутацию со стороны православных вошли два Римских легата и иерусалимский епископ Ювеналий. Со стороны защитников Нестория – Иоанн Антиохийский и Феодорит Кирский. Но и в Халкидоне не было достигнуто соглашение, несмотря на заботы Феодосия. Православные требовали, чтобы сирские епископы подписали осуждение Нестория, а сирские не соглашались и не хотели принимать, как они выражались, догматов Кирилла (анафематизмов). Так дело и осталось нерешенным. Впрочем, Феодосий теперь перешел решительно на сторону православных епископов. По окончании халкидонского совещания он издал указ, в котором приказал всем епископам возвратиться на свои кафедры, в том числе и Кириллу, а Нестория еще прежде удалил в Антиохийский монастырь, из которого он прежде был взят на константинопольскую кафедру. Преемником Нестория православные епископы поставили Максимилиана, известного своей благочестивой жизнью.

Восточные епископы, во главе с Иоанном Антиохийским, отправляясь из Халкидона и Ефеса на свои кафедры, по дороге составили два собора, один в Тарсе, на котором снова осудила Кириллу и Мемнона, и другой в Антиохии, на котором составили свое исповедание веры. В этом исповедании было сказано, что Господь Иисус Христос – совершенный Бог и совершенный человек и что на основании неслитного в Нем единства Божества и человечества, Пресвятая Дева Мария может быть названа Богородицей. Таким образом, восточные отцы отступили от своих

несторианских воззрений, но от лица Нестория не отказались, почему разделение между ними и Кириллом продолжалось. Император Феодосий не терял все-таки надежды примирить церкви и поручил исполнить это своему чиновнику Аристолаю. Но только Павлу, епископу Эмесскому, удалось примирить отцов сирских с александрийскими. Он убедил Иоанна Антиохийского и других сирских епископов согласиться на осуждение Нестория, а Кирилла Александрийского – подписать Антиохийское исповедание веры. Кирилл, видя, что это исповедание православное, подписал его, но не отказался и от своих анафематизмов. Таким образом мир был восстановлен. С Антиохийским исповеданием веры, как с православным, была согласна вся Вселенская Церковь и оно получило значение точного исповедания веры древне-православного учения об образе соединения в Господе Иисусе Христе двух естеств и их взаимном отношении. Император утвердил это исповедание и принял окончательное решение относительно Нестория. Он был сослан (435 г). в один оазис в египетских пустынях, где и умер (440 г.).

Вместе с заблуждениями Нестория на Третьем Вселенском Соборе была осуждена и появившаяся на западе ересь **пелагианская**. Пелагий, родом из Британии, не принимая иночества, вел строгую аскетическую жизнь, и, впав в духовную гордость, начал отрицать первородный грех, умаляя значение благодати Божией в деле спасения и приписывая все заслуги добродетельной жизни и собственным силам человека. В дальнейшем своем развитии пелагианство вело к отрицанию нужды в искуплении и самого искупления. Для распространения этого лжеучения Пелагий прибыл в Рим, а затем в Карфаген, но здесь встретил сильного противника в лице знаменитого учителя западной церкви, блаженного Августина. Испытав собственным тяжким опытом немощь воли в борьбе со страстями, Августин со всей силой опровергал ложное учение гордого британца и раскрыл в своих творениях, какое великое значение имеет божественная благодать для делания добра и достижения блаженства. Осуждение ереси Пелагия было произнесено еще в 418 году на поместном соборе в Карфагене, и только было подтверждено Третьем Вселенским Собором.

На соборе было изложено всех канонов 8. Из них, кроме осуждения Несторианской ереси, важно – полное запрещение не только составлять новый, но даже дополнять или сокращать, хотя бы одним словом, Символ, изложенный на двух первых Вселенских Соборах.

История несторианства после собора

Приверженцы Нестория восстали на Иоанна Антиохийского за измену и образовали сильную партию в **Сирии**. В их числе был даже блаженный Феодорит Кирский. Он осуждал заблуждения Нестория, соглашался с православным учением, но и не хотел согласиться с осуждением Нестория. Иоанн Антиохийский был вынужден стремиться к уничтожению еретической партии. Его помощником был Равула, епископ Эдесский. Не достигнув ничего силой убеждения, Иоанну пришлось обратиться к помощи гражданских властей. Император удалил с кафедр нескольких несторианских епископов в церквях Сирийской и Месопотамской, но несторианство держалось.

Главной причиной этого был не сам лично Несторий (за которого не стояло большинство епископов), а распространение его еретических мыслей в сочинениях Диодора Тарсийского и Федора Мопсуетского. На них в Сирии смотрели, как на великих учителей Церкви. Православные епископы это понимали и потому начали действовать против этих учителей несторианства. Так, эдесский епископ Равула разрушил эдесскую школу, в которой проводились идеи антиохийской школы. Во главе этой школы стоял пресвитер Ива, подобно Феодориту, соглашавшийся на Антиохийское исповедание, но подозревавший самого Кирилла в неправославии. Ива с другими учителями эдесской школы был изгнан. Затем Равула на организованном им соборе осудил сочинения Диодора и Федора, что произвело сильное волнение в восточных церквях. Сам св. Кирилл, желавший вместе с Проклом, еп. Константинопольским, торжественно осудить учителей несторианства, должен был только ограничиться в своем сочинении опровержением Федора Мопсуетского. Но и это сочинение вызвало на востоке сильное недовольство, и против него появились возражения. Блаженный Феодорит тоже защищал Федора Мопсуетского. Во время этой борьбы умер св. Кирилл (444 г.), и во время этой же борьбы сирийские христиане со своими епископами еще более отделились от Церкви. Равула Эдесский умер еще раньше Кирилла (436 г.). Под влиянием несторианской партии, преемником его был избран изгнанный Ива, который опять восстановил эдесскую школу. Ива, между прочим, написал письмо к одному персидскому епископу, Марию, о событиях в сирийской церкви и о споре между Кириллом и Несторием. Порицая Нестория, что он своим выражением о Пресвятой Деве Марии подал повод к обвинению в ереси, Ива особенно восстал против Кирилла,

обвиняя его несправедливо в том, что он уничтожает в Иисусе Христе человеческое естество, и признает одно Божественное и тем возобновляет ересь Аполлинария. Это письмо имело важное значение в дальнейших спорах Церкви с еретиками. Ива еще перевел сочинения Феодора и Диодора на сирийский язык. Но гораздо более действовал в пользу несторианства епископ Низибии, Фома Варсума, до того учитель эдесского училища. Он пользовался благосклонностью персидского правительства, которому тогда принадлежала Низибия и которое, по политическим взглядам, одобряло отделение персидских христиан от христиан империи. В 489 году эдесская школа опять была разрушена. Учителя и ученики ушли в Персию и основали школу в Низибии, которая сделалась рассадником несторианства.

В 499 году епископ Селевкии, Бабей, несторианин, созвал в Селевкии собор, на котором было утверждено несторианство и формально заявлено об отделении персидской церкви от греко-римской империи. Несториане стали называться по своему богослужебному языку **халдейскими христианами**. У них был свой патриарх, называемый **католикосом**. Кроме догматических различий, несторианская персидская церковь допустила у себя различия и в церковном устройстве. Так, она разрешила брак не только священникам, но и епископам. Из Персии несторианство распространилось в Индии. Здесь они получили название **христиан-фомитов**, по имени ап. Фомы.

Четвертый Вселенский Собор

Четвертый вселенский собор – Халкидонский связан непосредственно с историей третьего вселенского собора – Ефесского (пишет еп. Иоанн Аксайский). Мы знаем, что главным деятелем в просвещении и охране православного учения на 3-м вселенском соборе был св. Кирилл, архиеп. Александрийский. Главным виновником всех беспокойств был Евтихий, архим. Константинопольский, который являлся почитателем св. Кирилла. Святитель Кирилл, уважая Евтихия, прислал ему экземпляр деяний вселенского Ефесского собора. Но как случается в других случаях, что воодушевление переходит в крайность, так и здесь ревность к богословским суждениям св. Кирилла перешла границы. Высокое богословие св. Кирилла было не понято и выродилось у Евтихия в лжеучение, построилась новая система монофизитства, в котором утверждалось, что во Иисусе Христе было не два естества, но одно. Когда на соборе дошло до объяснений с Евтихием, то он выразил свое учение так: «После воплощения Бога Слова, я поклоняюсь одному естеству, естеству Бога, воплотившегося и вочеловечившегося; исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество» (История вселенских соборов).

Еретическое **монофизитское** учение разделял **Диоскор**, занявший после Кирилла Александрийскую кафедру. Диоскора поддерживал император Феодосий II, ценивший его как борца с несторианством. Евтихия почитала придворная партия во главе с императрицей Евдоксией. По совету этой партии, Евтихий перенес свое дело на суд церковью Римской и Александрийской, выставя себя защитником православного учения, а Флавиана и Евсевия, еп. Дорилейского несторианами. Папа Лев Великий, осведомленный обо всем Флавианом, согласился на осуждение Евтихия. Диоскор же, приняв сторону последнего, просил императора созвать вселенский собор для утверждения мнимо-православного учения Евтихия и осуждения несторианства, якобы возрожденного Флавианом. Феодосий II назначил в 449 году собор в Ефесе, под председательством Диоскора.

На соборе присутствовало 127 епископов лично и 8 имели уполномоченных. Папа прислал «догматическое послание», знаменитое по чистоте понимания истины и по ясности изложения (*epistola dogmatica*). Заседали трое его легатов. Начались соборные совещания по делу Евтихия. Диоскор не огласил послание папы, удовольствовался исповеданием веры Евтихия и заявлением, что о двух природах во Христе не говорилось на

прежних вселенских соборах. Диоскор объявил Флавиана еретиком и лишенным сана, также, как Евсевия Дорилейского, Домна Антиохийского и Феодора Кирского. С ними, по боязни насилия, согласились 114 епископов. Легаты Римские отказались подать голос.

«Когда Флавиан выходил из соборной залы», пишет еп. Арсений, «на него набросились сирский архимандрит Варсума и другие монахи, и так избили его, что он скоро умер на пути в городок Лидии, место своего заточения».

Преемником Флавиана сделался Анатолий, священник, поверенный Диоскора при имп. Дворе. Император, обманутый своими царедворцами, подтвердил все определения ефесского «разбойничьего собора».

Защитником православия выступил папа Римский **св. Лев Великий**. На соборе в Риме было осуждено все, постановленное в Ефесе. Папа в письмах на восток требовал созыва законного вселенского собора в Италии. По его просьбе, того же требовал и зап. император Валентинан III. Но Феодосий находился под влиянием монофизитской придворной партии, особенно Феодоксии, и потому не внимал просьбам. Затем, придворная партия потеряла свое значение, императрицу удалили под предлогом паломничества в Иерусалим. Получила значение партия сестры Феодосия, Пульхерии, почитательницы патриарха Флавиана. Его мощи были торжественно перенесены в Константинополь. Феодосий вскоре умер (450 г.). Преемником его стал Маркиан, вступивший в брак с Пульхерией.

В **Халкидоне** был созван законный **4-й Вселенский** собор. Всех отцов на нем было 630. Из наиболее замечательных были: Анатолий Константинопольский, принявший сторону православных, Домн Антиохийский (низложенный Диоскором и возвращенный Маркианом), Максим, поставленный на его место, Ювеналий Иерусалимский, Фалассий Кесарие-Каппадокийский, блаженный Феодорит, Евсевий Дорилейский, Диоскор Александрийский и другие. Папа, желавший собора в Италии, все же прислал своих легатов в Халкидон. Председателем собора был Анатолий Константинопольский. Первым делом отцы занялись рассмотрением деяний **разбойничьего** собора и судопроизводством над Диоскором. Его обвинителем был известный Евсевий Дорилейский, который представил отцам записку с изложением всех насилий Диоскора на разбойничьем соборе. Ознакомившись, отцы отняли у Диоскора право голоса, после чего он попал в число подсудимых. К тому же на него представили много обвинений египетские епископы, которые рассказали о безнравственности и жестокости Диоскора и его разного рода насилиях.

Обсудив все это, отцы осудили его и низложили, так же, как осудили разбойничий собор и Евтихия. Тех епископов, которые принимали участие в разбойничьем соборе, отцы Халкидонского собора простили, так как они раскаялись и объяснили в свое оправдание, что действовали под страхом угроз Диоскора.

Затем отцы занялись определением вероучения. Им предстояло изложить такое вероучение о двух естествах в Лице Господа Иисуса Христа, которое было бы чуждо крайностям несторианства и монофизитства. Среднее между этими крайностями учение именно и было православным. Отцы Халкидонского собора именно так и поступили. Приняв за образец изложение веры св. Кирилла Александрийского и Иоанна Антиохийского, а также послание папы Льва Римского к Флавиану, они, таким образом, определили догмат об образе соединения в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств: «последующе божественным отцам, все единогласно поучаем исповедовать..... единого и того же Христа, Сына, Господа едиnorodного, в двух естествах, **неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно**, познаваемого (никакоже различию двух естеств потребляемому соединением, паче же сохраняемому свойству каждого естества во едино лицо и воедино ипостась совокупляемого): не на два лица рассекаемого или разделяемого, но единого и того же Сына и едиnorodного Бога Слова». Таким вероопределением осуждалось как несторианство, так и монофизитство. Все отцы были согласны с этим определением. Блаженный Феодорит, которого на соборе подозревали в несторианстве, особенно египетские епископы, произнес анафему на Нестория и подписал его осуждение. Поэтому собор снял с него осуждение Диоскора и восстановил в сани, равно как снял осуждение с Ивы, епископа Эдесского. Только египетские епископы держали себя двусмысленно по отношению к вероопределению. Они хотя и подписали осуждение Евтихия, но не хотели подписать послания Льва Римского к Флавиану, под тем предлогом, что, по существующему в Египте обычаю, они ничего важного не делают, без соизволения и определения своего архиепископа, которого, в связи с низложением Диоскора, у них не было. Собор обязал их клятвой подписать, когда будет поставлен архиепископ. – Когда донесли Маркиану, что все сделано, он прибыл сам на собор на 6-е заседание, произнес речь, в которой выразил радость, что все сделано по общему желанию и мирно. Впрочем, заседания собора еще не окончились. Отцы занялись составлением 30 правил. Главные предметы правил – церковное управление и церковное благочиние.

После собора император издал строгие законы относительно

монофизитов. Приказано было всем принимать учение, определенное Халкидонским собором; монофизитов ссылать в заточение или изгонять; их сочинения сжигать, а за их распространение казнить и проч. Диоскор и Евтихий были сосланы в отдаленные провинции».

Халкидонский собор утвердил постановления не только трех предыдущих Вселенских соборов, но и поместных: Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского и Лаодикийского, бывших в 4-м веке. С этого времени первенствующих епископов в главных пяти церковных округах стали называть патриархами, а знатнейшим митрополитам, лишенным некоторых прав самостоятельности, в почетное отличие, присвоили титул экзарха: напр., Ефесскому, Кесарийскому, Ираклийскому.

Епископ Арсений, отмечая это, добавляет: «Название встречалось и раньше; так имп. Феодосий в письме 449 года назвал епископа Римского Патриархом. На 2-м заседании Халкидонского Собора императорские представители сказали: «пусть святейшие патриархи каждого округа изберут по два из округа для рассуждений о вере». Отсюда видим, что это название уже вошло в официальное употребление. Что же касается названия «папа», то в Египте и Карфагене простой народ называл так первенствующих епископов, а прочие были у него «отцы», а эти «деды» (папы). Из Африки это название перешло в Рим».

Монофизитская ересь после собора

Ересь монофизитская принесла Церкви более зла, чем какая-либо другая ересь. Соборное осуждение уничтожить ее не смогло. Очень не нравилось монофизитам, особенно египетским, учение о двух естествах в лице Господа Иисуса Христа, главное о человеческом. Многие монахи в других церквях также были против этого учения и перешли в ряды монофизитов. Им казалось невозможным приписать Господу Иисусу Христу человеческую природу, подобную нашей греховной, против недостатков которой были направлены все их подвиги. Еще во время Халкидонского собора монашествующие прислали трех архимандритов, которые брались защищать монофизитское учение и просили о восстановлении Диоскора. После собора некоторые из монахов прямо из Халкидона отправились в Палестину и произвели там большое смущение рассказами о том, что Халкидонский собор восстановил несторианство. Десять тысяч палестинских монахов, под предводительством выходцев из Халкидона, напали на Иерусалим, разграбили его, выгнали патриарха Ювеналия, а на его место поставили своего Феодосия. Только через два года (453 г.), при помощи военной силы, Ювеналий занял опять иерусалимский престол. Подобные же волнения монофизиты устраивали и в Александрии. Здесь и военная сила не привела ни к чему. Чернь загнала воинов в бывший храм Сераписа и сожгла живыми вместе с храмом. Усиленные военные меры привели к окончательному отделению монофизитов от православного патриарха Протерия, поставленного на место Диоскора, и созданию отдельного общества под управлением пресвитера Тимофея Элур.

Воспользовавшись смертью императора Маркиана (457 г.), Александрийские монофизиты, устроили бунт, во время которого был убит Протерий, а на его место был возведен Элур, который низложил всех епископов Халкидонского собора, и осудил патриархов: Константинопольского, Антиохийского и Римского. Преемник Маркиана, Лев 1 Фракианин (457–474 г.) не мог сразу подавить восстание в Александрии. Для восстановления мира в Церкви, он решился на особую меру: потребовал, чтобы все митрополиты империи дали ему свой отзыв о Халкидонском соборе и о том, должно ли признавать Элур законным Александрийским патриархом. Более 1600 митрополитов и епископов высказались в пользу Халкидонского собора и против Тимофея Элур.

Тогда Лев низложил Элур (460 г.) и Александрийским патриархом

поставил православного Тимофея Салафакиола. Благочестие и кротость этого патриарха принесли ему любовь и уважение монофизитов, и Александрийская церковь некоторое время была спокойна. Был также низложен (470 г). патриарх Антиохийский Петр Гнафевс. Будучи еще монахом, он составил в Антиохии сильную монофизитскую партию, принудил православного патриарха оставить кафедру и сам ее занял. Чтобы утвердить навсегда монофизитство в Антиохии, он в трисвятой песне после слов: святы́й бессмертный – сделал монофизитское прибавление – распныйся за ны.

Но вот, в 476 году императорский престол занял Василиск, отнявший его у Льва Зенона. Чтобы укрепить себя на престоле при помощи монофизитов, Василиск принял их сторону. Он издал окружное послание, в котором, предавая осуждению Халкидонский собор и послание Льва к Флавиану, приказывал держаться только Никейского символа и определений второго и третьего вселенских соборов, подтверждающих этот символ. Такое послание должны были подписать все епископы империи, и действительно многие подписали, одни по убеждению, другие из страха. Вместе с тем были восстановлены на своих кафедрах Тимофей Элур и Петр Гнафевс, а православные патриархи – Александрийский и Антиохийский – удалены. Восстановление монофизитства произвело сильное волнение среди православных, особенно в Константинополе. Здесь во главе православных стоял патриарх Акакий. Василиск, желая предотвратить волнения, угрожавшие даже его престолу, издал было другое окружное послание, отменявшее первое, но было поздно. Зенон, при помощи православных, особенно Акакия, одолел Василиска и занял императорский престол (477 г.). Теперь православные опять взяли перевес над монофизитами. После смерти Элур, кафедру занял опять Тимофей Салафакиол. Но Зенон хотел не только победы православных, но и присоединения монофизитов к православной Церкви. Он понимал, что религиозные разделения плохо сказывались на благосостоянии государства. В этом ему сочувствовал и патриарх Акакий. Но эти попытки присоединения монофизитов, начатые Зеноном и продолжавшиеся в следующее царствование, приводили только к волнениям в Церкви, и, наконец, разрешились новой ересью.

В 484 году умер Александрийский патриарх Тимофей Салафакиол. На его место православные выбрали Иоанна Талайю, а монофизиты Петра Монга, который стал усердно хлопотать в Константинополе о своем утверждении, и, между прочим, предложил план для присоединения монофизитов. Зенон и патриарх Акакий согласились на его план. И вот, в

482 г., Зенон издает согласительное вероопределение, на основании которого должно было установиться общение между православными и монофизитами. В нем утверждался Никейский символ (подтвержденный вторым Вселенским Собором), предавались анафеме Несторий и Евтихий с единомышленниками, принимались 12 анафематизмов св. Кирилла, утверждалось, что едиnorodный Сын Божий, сошедший и воплотившийся от Духа Святого и Марии Девы Богородицы, есть один, а не два: один и в чудесах, и в страданиях, которые претерпел во плоти добровольно; наконец, изрекалась анафема на тех, которые мыслили или теперь мыслят что-либо другое, чем утвержденное на Халкидонском или ином соборе. Зенон хотел достигнуть соединения умолчанием о естествах в Лице Господа Иисуса Христа и двусмысленным выражением о Халкидонском соборе. Такое согласительное вероисповедание было принято патриархом Акакием, Петром Монгом, получившим за это Александрийскую кафедру, Петром Гнафевсом, который снова занял кафедру Антиохийскую. Но в то же время это согласительное исповедание не удовлетворило ни строгих православных, ни строгих монофизитов. Православные подозревали в нем признание монофизитства, а те требовали явного осуждения Халкидонского собора. Не утвержденный императором на Александрийской кафедре Иоанн Талайя отправился в Рим с жалобами к папе Феликсу II на Акакия, принявшего энотикон. Феликс, чувствуя себя вполне независимым от Константинополя после падения Западной империи (476 г.), осудил энотикон как еретическое вероопределение, отлучил Акакия и всех епископов, принявших энотикон, равно как и самого Зенона, и даже прервал общение с восточными церквами. Строгие монофизиты со своей стороны восстали на своих патриархов Гнафевса и Монга, за принятие энотикона, отделившись от них и образовали отдельное монофизитское общество **акефалитов** (безглавных).

При преемнике Зенона Анастасии (491–518 гг.) дела находились в том же положении. Анастасий требовал, чтобы все приняли энотикон. Но православные уже успели понять, что снисходительные меры по отношению к еретикам не приносят благих последствий и даже наносят урон православию, поэтому стали отказываться от энотикона. Анастасий стал преследовать их, и, видимо, уже перешел на сторону монофизитов. Между тем в среде акефалитов появились ярые поборники монофизитства – Ксенай (Филоксен), епископ Иерапольский в Сирии, и Север, патриарх Антиохийский. Север, для успеха монофизитства в Константинополе, предложил Анастасию внести прибавление в трисвятой песне: **распныйся за ны**. Патриарх Константинопольский Македоний, опасаясь ссылки, был

вынужден повиноваться приказанию императора. Но народ, узнав об этом, устроил бунт в Константинополе. Хотя Анастасию удалось временно успокоить народ и даже сослать в заточение патриарха Македония, но все же вскоре началась открытая война между православными и царем. Предводитель православных Виталиан своими победами принудил Анастасия дать обещание созвать собор для подтверждения святости Халкидонского собора и восстановить общение с Римом. Анастасий вскоре умер (518 г.), не исполнив своих обещаний.

При его преемнике Юстине (518–27 гг.), покровителе православия, оно опять получило перевес. Были возобновлены сношения с Римской церковью (519 г). при новом патриархе Иоанне Каппадокийском; была подтверждена важность Халкидонского собора, монофизитские епископы низложены и проч.

Пятый Вселенский собор

В 527 году на императорский престол вступил **Юстиниан I**, государь замечательный в истории гражданской и церковной (527–65 гг.). Для примирения Церкви и государства, Юстиниана занимала мысль о присоединении монофизитов к православию. В Египте православные составляли меньшинство и такое разделение представляло опасность для Церкви и государства. Но Юстиниану не удалось достигнуть своей цели и даже, под влиянием своей жены тайной монофизитки Феодоры, он иногда действовал в ущерб православию. Так, под ее влиянием, в 533 году он сделал уступку монофизитам, допустив прибавление в трисвятой песне: **распныйся за ны**, хотя строгие последователи Халкидонского собора считали такое прибавление монофизитским. Юстиниан также возвел (535 г.) на константинопольский патриарший престол Анфима, тайного монофизита. К счастью, Юстиниан вскоре узнал о происках монофизитов. В то время (536 г.) в столицу прибыл папа Агапит, в качестве посла остготского короля Теодориха Великого. Узнав о еретичестве Анфима, Агапит (несмотря на угрозы Феодоры) донес о нем царю. Юстиниан тотчас же низложил Анфима, а на его место поставил пресвитера Минну. Все-таки он не терял надежды присоединить монофизитов. Поэтому под председательством Минны был составлен небольшой собор из епископов православных и монофизитских, на котором обсуждался вопрос о присоединении монофизитов. Но вследствие их упорства рассуждения ни к чему не привели. Патриарх снова их осудил и император подтвердил прежние строгие законы против них. Монофизиты тогда бежали в Великую Армению и здесь упрочили свою ересь.

Между тем Феодора продолжала вести интриги в пользу монофизитов. По ее проискам, после смерти папы Агапита (537 г.) на Римскую кафедру был поставлен римский дьякон Вигилий, давший ей еще прежде обещание с подпиской помогать монофизитам. Потом она нашла себе еще двух усердных помощников, проживавших при дворе епископов – Федоре Аскиде и Домициане, которые были тайными монофизитами. Оба они советовали императору заняться обращением монофизитов и даже предложили для этого план. Именно, что они смогут присоединиться только тогда, когда Православная Церковь осудит учителя несторианства Феодора Мопсуетского и его последователей – блаженного Феодорита и Иву Эдесского. Так как их сочинения не осуждены, то это служит соблазном для монофизитов, и они подозревают православную Церковь в

несторианстве. План это был составлен в пользу монофизитов и во вред православным: в случае его исполнения Церковь оказалась бы в противоречии сама с собой, осудив Феодора и Иву, признанных православными на Халкидонском соборе. Император, для умиротворения жизни Церкви, согласился испытать этот план, и в 544 году издал первый эдикт о трех главах. В нем осуждался Феодор Мопсуетский, как отец несторианской ереси, сочинения Феодорита против св. Кирилла и письмо Ивы к персу Марию. Но в то же время было прибавлено, что это осуждение не противоречит Халкидонскому собору, и всякий, думающий иначе, подвергнется анафеме. Этот эдикт должны были подписать все епископы. Минна, патриарх Константинопольский, после некоторого сопротивления, подписал, а за ним и восточные епископы. Но в западных церквях эдикт встретил сильную оппозицию. Карфагенский епископ Понтиан решительно отказался от подписи, а ученый дьякон карфагенской церкви Фульгенций Ферран написал в опровержение эдикта трактат, с которым согласились все на западе. Римский Вигилий также был против эдикта. Западные видели в осуждении трех глав унижение Халкидонского собора, хотя на беспристрастный взгляд этого не было. На Халкидонском соборе не было обсуждения о Феодоре Мопсуетском. Феодорит был оправдан собором после произнесения им анафемы на Нестория, и, следовательно, отказался от своих сочинений в защиту его против св. Кирилла, и письмо Ивы осуждалось в том виде, в каком оно существовало в 6 в. во время издания эдикта, то есть искаженное в Персии несторианами.

Противодействие западных епископов смутило Юстиниана. В 547 году он вызвал в Константинополь Вигилия и многих других западных епископов, надеясь и их убедить подписать осуждение трех глав. Однако, епископы не соглашались, а Вигилию пришлось содействовать осуждению, когда Феодосия показала ему подписку при его вступлении на Римскую кафедру. Он составил *judicatum* на три главы, хитростью склонил подписаться под ним западных епископов, бывших в Константинополе и представил его царю. Но западные епископы, узнав о хитрости, восстали против Вигилия. Во главе их стоял африканский еп. Факунд Гермианский, написавший 12 книг в защиту трех глав. В западных церквях распространялись самые невыгодные слухи на счет папы. Тогда Вигилий попросил у императора обратно свой иудикатум и предложил созвать вселенский собор, определениям которого все должны подчиниться. Юстиниан согласился на созыв собора, но иудикатум не возвратил. В 551 году император пригласил западных епископов на собор, чтобы склонить

их к осуждению трех глав. Но они не поехали, а прибыли немногие, которые все-таки не согласились с эдиктом. Тогда Юстиниан низложил и заточил их, а на их место поставил тех, которые согласились на осуждение трех глав. Затем, в том же 551 г., издав новый эдикт о трех главах, в котором развивалась та мысль, что осуждение трех глав не противоречит Халкидонскому собору, – царь в 553 году созвал в Константинополе пятый Вселенский собор для окончательного решения вопроса о Феодоре Мопсуетском, блаж. Феодорите и Иве Эдесском.

На соборе присутствовало 165 восточных и западных епископов. Председателем был Евтихий, патриарх Константинопольский, преемник Минны. Папа Вигилий, находившийся все время в Константинополе, опасаясь противодействия западных епископов, отказался идти на собор и обещал подписать соборные определения после. Отцы собора на нескольких заседаниях читали еретические места из сочинений Феодора Мопсуетского и все то, что было написано в его опровержение, разрешили вопрос, можно ли осуждать еретиков после смерти, и, наконец, пришли к заключению, согласному с императорскими эдиктами, что Феодор Мопсуетский действительно еретик несторианин и должен быть осужден. Были также прочитаны сочинения блаж. Феодорита и письмо Ивы. Отцы нашли, что сочинения Феодорита достойны также осуждения, хотя он сам, как отказавшийся от Нестория и потому оправданный Халкидонским собором, и не подлежит осуждению. Что же касается письма Ивы Эдесского, то собор также осудил его, не касаясь самого лица Ивы, собор в этом случае осудил то, что было прочитано им в заседаниях, то есть искаженное несторианами письмо Ивы. Таким образом были осуждены Феодор Мопсуетский и его сочинения, а также сочинения блаж. Феодорита в защиту Нестория против св. Кирилла и письмо Ивы Эдесского к Марию персу.

При этом собор утвердил вероопределения всех прежних вселенских соборов и в том числе Халкидонского. Папа Вигилий, во время соборных заседаний, приславший императору свой отзыв против осуждения вышепоименованных лиц, по окончании собора все-таки подписал соборные определения, и был отпущен в Рим, после почти семилетнего пребывания в Константинополе. По дороге, впрочем, он умер. Преемник его Пелагий (555 г). принимал пятый Вселенский собор, и потому должен был выдерживать борьбу против многих западных церквей, не принимавших собора. Разделение в западных церквях из-за пятого Вселенского собора продолжалось до самого конца 6-го столетия, когда при папе Григории Великом, наконец, все признали его.

Упорство монофизитов и их секты

Старания Юстиниана присоединить монофизитов к Православной Церкви (вызвавшие пятый Вселенский Собор) не привели к желаемым результатам. Правда, умеренные монофизиты присоединились к Церкви, но в одном почти константинопольском патриархате. Монофизиты же других патриархатов особенно строгие (афтартодокеты), оставались по-прежнему упорными еретиками. В государственных интересах, Юстиниан сделал попытку присоединить и их, путем уступки им: в 564 году он потребовал, чтобы православные епископы приняли их в общение. Но епископы отказались принимать в церковь еретиков, не принимавших православного учения. За это Юстиниан начал их низлагать и ссылать в заточение. Такая участь постигла прежде всего патриарха Константинопольского Евтихия. Впрочем, Юстиниан вскоре умер (565 г.) и замешательства в Церкви прекратились. Монофизиты, между тем, окончательно сформировались в отдельные от православной Церкви общества. В Александрии в 536 году был поставлен новый православный патриарх; но его признала только небольшая часть египтян, преимущественно греческого происхождения. Коренные жители, древние египтяне, известные под именем коптов, все монофизиты, выбрали своего патриарха и образовали свою **коптскую** монофизитскую церковь. Они называли себя коптскими христианами, православных же – мелхитами (содержащими императорское вероучение). Число коптских христиан достигало 5 миллионов. С ними вместе и абиссинцы уклонились в монофизитство и также образовали еретическую церковь в союзе с коптской. В Сирии и Палестине монофизитство вначале не так прочно утвердилось, как в Египте; Юстиниан низлагал всех епископов и пресвитеров этого учения, и ссылал в заточение, вследствие чего монофизиты оставались без учителей. Но одному сирскому монаху, Иакову (Барадею), удалось объединить всех монофизитов Сирии и Месопотамии и устроить из них общество. Его рукоположили в епископа все низложенные Юстинианом епископы, и он в продолжение 30 лет (541–578 г.) успешно действовал в пользу монофизитства. Он ходил по странам в одежде нищего, посвящал епископов и пресвитеров и даже устроил монофизитский патриархат в Антиохии. По его имени монофизиты Сирии и Месопотамии получили название яковитов, что сохраняется и до настоящего времени. Армянская церковь тоже отпала от Вселенской, но не из-за усвоения монофизитского учения, а по причине недоразумений, она

не приняла постановлений Халкидонского собора и послания папы Льва Великого. Недоразумения были такого рода: на Халкидонском соборе (451 г.) не было представителей армянской церкви, почему в ней не были известны в точности эти постановления. А между тем в Армению приходили монофизиты и распространяли ложный слух, что на соборе восстановлено несторианство. Когда постановления собора появились в армянской церкви, то по незнанию точного значения греческого слова $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$, армянские учителя, при переводе принимали его в значении **лица** и потому утверждали, что в Иисусе Христе одно $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$, понимая под этим единое лицо; про тех же, кто говорили, что в Иисусе Христе два $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$, они думали, что те разделяют Христа на два лица, т.е. вводят несторианство. Далее, в греческой церкви до второй половины 5 в. происходили споры о важности Халкидонского собора, и эти споры отозвались в армянской церкви. На соборе в Эчмиадзине 491 года армянами был принят Энотикон Зенона и отвергнут Халкидонский собор. В 30-х годах 6 века, когда многие монофизиты бежали от преследований Юстиниана в Армению, а здесь держался еще ложный слух о Халкидонском соборе, армянская церковь высказалась против этого собора, который на соборе в Тиве 536 г., был осужден. С этого времени армянская церковь отпала от союза со Вселенской и образовала из себя общество не столько еретическое, как **раскольничье**, т.к. в учении о естествах в Иисусе Христе она была согласна с учением Церкви, и разнилась только в словах. В армянской церкви, кроме этого, образовались некоторые особенности в церковном устройстве, существующие до настоящего времени. Так, трисвятая песнь читается и поется с монофизитским прибавлением: **распныйся за ны**; евхаристия совершается (с начала 6 века) на опресноках, причем вино не смешивается с водой; праздник Рождества Христова празднуется вместе с Богоявлением и Рождественский пост продолжается до дня Богоявления и проч. Армянская церковь состоит под управлением своего патриарха – **католикоса**.

Шестой Вселенский собор

Ересь монофелитов есть видоизменение ереси монофизитов и вышла из стремления византийского правительства во что бы то ни стало присоединить монофизитов к Православной Церкви. Император Ираклий (611–641 г.), один из лучших государей Византийской империи, хорошо понимая вред религиозного разделения, принял на себя задачу уничтожить это разделение. В двадцатых годах 7-го столетия, Ираклий, во время похода на персов, виделся с епископами монофизитов, между прочим, с Афанасием, Сирским патриархом и Киром, епископом в Колхиде, – и входил с ними в рассуждения по поводу спорного вопроса о двух естествах во Иисусе Христе. Монофизиты подали мысль, что они может быть согласятся присоединиться к православной Церкви, если она признает, что в Иисусе Христе одно действие, или, что то же, одно обнаружение воли, одна воля. Вопрос об одной или двух волях в Иисусе Христе был еще не раскрыт Церковью. Но, признавая в Господе два естества, Церковь признавала вместе с тем две воли, так как два самостоятельных естества – Божеское и человеческое – должны иметь каждое и самостоятельное действие, т.е. в Нем при двух естествах должны быть **две воли**. Противоположная же мысль, признание при двух естествах одной воли, есть само в себе противоречие: отдельное и самостоятельное естество немислимо без отдельной и самостоятельной воли.

Должно быть что-нибудь одно: или в Иисусе Христе одно естество и одна воля, или два естества и две воли. Монофизиты, предлагавшие учение о единой воле, только дальше развивали свое еретическое учение; православные же, если бы приняли это учение, впали в противоречие сами с собой, признав монофизитское учение правильным. У императора Ираклия была одна цель – присоединить монофизитов: поэтому, не обращая внимания на сущность предлагаемого учения, он горячо взялся за дело присоединения их при помощи этого учения. По его совету, Кир, епископ Фазиса, обратился с вопросом о единой воле к Сергию, патриарху Константинопольскому. Сергий отвечал уклончиво, высказывая, что на соборах этот вопрос не решался и что некоторые из отцов допускали единое животворящее действие во Христе, Боге истинном; впрочем, если будет найдено у других отцов другое учение, утверждающее две воли и два действия, то на это следует согласиться.

Очевидно все-таки, что ответ Сергия благоприятствовал учению о единоволлии. Поэтому, Ираклий пошел дальше. В 630 году он признал

законным патриархом Антиохии монофизита Афанасия, согласившегося на унию, и в том же году, когда кафедра в Александрии была свободной, сделал в ней патриархом Кира, епископа Фазиса. Киру было поручено войти в сношение с Александрийскими монофизитами относительно соединения с православной Церковью на основании учения о единоволлии. После некоторых переговоров с умеренными монофизитами Кир издал (633 г.) девять согласительных членов, из которых в одном (7-м) высказывалось учение о едином богомужном действовании во Христе или о **единой воле**. Умеренные монофизиты признали эти члены и вступили в общение с Киrom; строгие же отказались. В это время в Александрии находился один монах из Дамаска, Софроний, любимый ученик известного Александрийского патриарха Иоанна Милостивого. Когда монофелитская ересь выступила открыто, Софроний первый выступил на защиту православия. Он ясно и отчетливо доказывал Киру, что учение о единоволлии в сущности есть монофелитство. Его представления не имели успеха у Кира, так же как и у патриарха Сергия, принявших 9 членов.

В 634 году Софроний был поставлен патриархом Иерусалимским и еще с большей ревностью защищал Православие. Он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство, а в посланиях к другим патриархам изложил основания православного учения о двух волях во Христе. Хотя в 637 году Иерусалим был завоеван арабиянами-мусульманами и патриарх оказался оторванным от общецерковной жизни, но его послание произвело большое впечатление на православных империи. Между тем Сергей Константинопольский писал к папе Гонорию по поводу учения о единоволлии, и Гонорий тоже признал это учение православным, но советовал избегать бесполезных словопрений. Споры все-таки возникли. Ираклий, желая положить им конец, в 638 году издал так называемое «изложение веры», в котором, излагая православное учение о двух естествах в Иисусе Христе, запрещал говорить о Его волях, хотя и прибавлял, что православная вера требует признания одной воли. Преемник Сергия, Пирр, принял и подписал ексфесис. Но преемники папы Гонория встретили его неблагоприятно. В то же время ярким защитником православия выступил константинопольский монах **Максим Исповедник**, один из глубокомысленных богословов своего времени.

Когда Кир издавал свои 9 членов, Максим находился еще в Александрии и вместе с Софронием восстал против них. В дальнейшем он переселился в северо-африканскую церковь, и отсюда писал горячие послания на восток в защиту православия. В 645 году там же, в Африке, он имел диспут и низложенным патриархом Пирром и убедил его отказаться

от единоволгия. Под влиянием Максима в Африке состоялся собор (646 г.), на котором монофелитство было осуждено. Из Африки Максим вместе с Пирром перешли в Рим, где с успехом действовали в пользу православия. Папа Феодор отлучил от церковного общения нового патриарха Константинопольского Павла, принявшего ересь.

После Ираклия на императорский престол вступил Констанс II (642–668 г.). Церковное разделение между Африкой и Римом было слишком опасно для государства, особенно в связи с тем, что мусульмане, уже завоевавшие Египет (640 г.), наступали все сильнее на империю. В 648 году он издал **образец** веры, в котором заставлял всех веровать согласно с бывшими пятью Вселенскими соборами, запрещал говорить как об одной, так и двух волях. Православные справедливо видели в этом типосе покровительство монофелитству, так как с одной стороны эта ересь не осуждалась, а с другой – запрещалось учить о двух волях в Иисусе Христе. Поэтому они продолжали борьбу. Папа Мартин I (с 649 г.) собрал в Риме большой собор (649 г.), на котором осудил монофелитство и всех его защитников, а также ексесис и типос, а акты собора отправил императору с требованием восстановить православие. Констанс счел такой поступок возмущением и поступил с Мартином слишком жестоко. Он поручил экзарху Равеннскому доставить его в Константинополь. В 653 году Мартина схватили в церкви и, после продолжительного путешествия, во время которого он вытерпел много стеснений, привезли в Константинополь. Вместе с Мартином захватили в Риме и привезли и Максима Исповедника.

Здесь папу ложно обвинили в политических преступлениях и сослали в Херсонес (654 г.), где он умер от голода (655 г.). Участь Максима была печальнее. Разного рода пытками его заставляли отказаться от своих сочинений и признать типос. Максим оставался непоколебимым. Наконец, император приказал отрезать ему язык и отрубить руку. Изуродованного таким образом Максима отправили на Кавказ в ссылку, в землю лазов, где он и умер (662 г.). После таких жестокостей православные замолкли на некоторое время. Восточные епископы были принуждены принять типос, западные не возражали.

Наконец, император Константин Пагонат (668–685 г.), при котором снова началась борьба православных с монофелитами, решил дать торжество православию. В 678 г. он низложил патриарха Константинопольского Феодора, явного монофелита, и на его место поставил пресвитера Георгия, склонявшегося к православному учению о двух волях. Затем император в 680 году собрал в Константинополе **шестой**

Вселенский собор, называемый Трулльским (по зале заседаний со сводами. Папа Агафон прислал своих легатов и послание, в котором на основании послания Льва Великого раскрывалось православное учение о двух волях в Иисусе Христе. Всех епископов на соборе было 170. Были тут также патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Император также присутствовал. Всех заседаний собора было 18. На защиту монофелитства выступил Антиохийский патриарх Макарий, самый ревностный его защитник. Ему возражали папские легаты, доказывая, что на основании древних отцов, необходимо признавать в Иисусе Христе две воли. С легатами согласились патриарх Георгий и другие восточные епископы. Но Макарий не хотел отказаться от ереси, поэтому был осужден собором, низложен и выслан из Константинополя. Некоторые монахи, бывшие на соборе, тоже не соглашались принять две воли. На 15-ом заседании, один из них, до фанатизма преданный ереси, Полихроний, предложил доказать чудом истинность монофелитства: он вызвался воскресить умершего. Опыт был позволен, и разумеется, Полихроний не воскресил умершего. Собор осудил Полихрония как еретика и возмутителя народа.

В заключение всего собор определил православное учение о двух волях в Иисусе Христе: «исповедуем две естественные воли или хотения в Нем и два естественные действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно; два же естества хотения – не противные, – да не будет, как нечестивые еретики проповедовали, – но Его человеческое хотение, не противостоящее или противоборствующее, а последующее, подчиняющееся Его Божественному и Всемогущему хотению». Вместе с тем, запретив проповедовать иначе учение веры и составлять иной символ, собор наложил анафему на всех монофелитов, между прочим, на Сергия, Кира, Пирра, Феодора и папу Гонория. Заседания собора окончились уже в 681 г. На так называемом пято-шестом Трулльском соборе 692 г., дополнившем определения 5 и 6 собора, догматическое определение последнего о двух волях в Иисусе Христе было подтверждено снова.

После соборных определений монофелитство на востоке пало. В начале 8 в. император Филлипик Вардан (711–713 г). восстановил было эту ересь в империи, в связи с утверждением себя на престоле при помощи партии монофелитов, но, с низвержением Филлипика, была низвержена и ересь. Только в Сирии осталась небольшая партия монофелитов. Здесь в конце 7 в. монофелиты сосредоточились в Ливане в монастыре и около монастыря аввы Марона (жившего в 6 в.), выбрали себе патриарха, который тоже назывался Мароном, и образовали самостоятельное

еретическое общество, под именем **маронитов**. Марониты существуют и до настоящего времени.

Иконоборческая ересь и Седьмой Вселенский Собор

Иконопочитание в 4 и 5 вв. вошло во всеобщее употребление в христианской Церкви. По церковному учению, почитание икон должно состоять в почитании лица, изображенного на них. Такого рода почитание должно выражаться благоговением, поклонением и молитвою лицу, изображенному на иконе. Но в 8 в. к такому церковному учению стали примешиваться неправославные взгляды на иконопочитание, особенно у простого народа, который, вследствие недостаточности религиозного образования, по большей части придавал внешности и обрядности в религии главное значение. Смотря на иконы и молясь перед ними, люди необразованные забывали возноситься умом и сердцем от видимого к невидимому и даже мало-по-малу усвоили убеждение, что лица, изображаемые на иконах, не отделимы от икон. Отсюда легко развилось поклонение собственно иконам, а не лицам изображаемым, – развилось суеверие, граничащее с идолопоклонством. Естественно, что появились стремления уничтожить такое суеверие. Но, к несчастью Церкви, задачу уничтожить суеверие приняла на себя гражданская власть, отстранив духовную. Вместе с суеверным почитанием икон, гражданская власть, под влиянием также и политических соображений, стала уничтожать иконопочитание вообще и произвела, таким образом, ересь иконоборческую.

Первым гонителем иконопочитания был император Лев Исаврианин (717–741), хороший полководец, издавший законы о сокращении рабства, о свободе поселян, но невежда в церковных делах. Он решил, что уничтожение почитания икон вернет империи утраченные ею области и что евреи и магометане сблизятся с христианством. Епископ Наколийский Константин научил его смотреть на иконопочитание как на идолослужение. В той же мысли утверждал его Везер-сирианин, бывший магометанин, теперь придворный чиновник. Уничтожение икон император начал в 726 г., издав эдикт против поклонения им. Он приказал ставить их в церквях повыше, чтобы народ не лобызал их. Патриарх Константинопольский Герман восстал против такого распоряжения. Поддержал его знаменитый Иоанн Дамаскин, впоследствии монах обители св. Саввы в Палестине. Римский папа Григорий II одобрил и превозносил патриарха за его твердость в отстаивании иконопочитания. Он писал императору, что Рим отойдет из-под его власти, если он будет настаивать на уничтожении иконопочитания. В 730 г. император велел воинам снять

особенно почитаемую икону Христа Споручника, стоявшую над воротами его дворца. Напрасно толпа верующих мужчин и женщин умоляла не касаться образа. Чиновник взошел по лестнице и начал бить молотом по иконе. Тогда некоторые из присутствующих отняли лестницу и предали смерти упавшего чиновника. Войско разогнало народ, избило некоторых, а десять человек, признанных главными виновниками, после истязаний были казнены. Память их 9 августа. Изображение Спасителя на кресте было уничтожено и оставлен простой крест, потому что иконоборцы допускали крест, если на нем не было человеческих изображений.

9 Августа мучч. Иулианна, Маркиона, Иоанна, Иакова, Алексия, Димитрия, Фотия, Петра, Леонтия и Марии патрикии, жестоко пострадавших при императоре Льве Исаврианине за то, что сбросили с лестницы воина, который по приказанию царя хотел снять образ Спасителя, находившийся над вратами в Царьграде. Заключение в темницу, они около 8 месяцев содержались в ней, ежедневно избивались 500 ударами. После этих тяжких и продолжительных мучений все святые мученики были усечены в 730 г. Тела их были погребены в Пелагиевых (местность в Царьграде) и через 139 лет обретенны нетленными. Мученик Фотий в некоторых памятниках неверно называется Фокою.

Преподобный Иоанн Дамаскин, узнав о действиях царя Льва, написал для константинопольских граждан первое свое сочинение в защиту икон, начинающееся так: «Сознавая свое недостойство, я, конечно, должен был бы хранить вечное молчание и довольствоваться исповеданием своих грехов пред Богом. Но, видя, что Церковь, основанная на камне, обуреваются сильными волнами, я не считаю себя вправе молчать, потому что больше боюсь Бога, чем императора. Напротив, это-то меня и возбуждает: потому что пример государей может и подданных заразить. Мало людей, которые отвергают их несправедливые указы и думают, что и цари земные состоят под властью Царя небесного, Которого законам должны повиноваться». Затем, сказав, что церковь не может погрешать и подозреваться в идолослужении, подробно рассуждает об иконах, выражаясь между прочим: «Я дерзаю делать изображение Бога невидимого не так, как Он существует в невидимости, но как Он открывался нам», и изъясняет места Ветхого Завета, значение слов «изображение» и «поклонение», приводит места святых Отцов (Дионисия, Григория Нисскаго, Василия Великого и др.), и в заключение говорит, что «поставлять определения о делах веры могут только вселенские соборы, а не цари». Это написано еще до низложения Германа, а потом написаны еще два сочинения о том же предмете. На возражение, что народ

боготворит иконы, Иоанн отвечает: «Нужно учить безграмотный народ».

На Цикладских островах вспыхнуло восстание, подавленное Львом. За отказ «вселенского учителя» (священника, наблюдавшего за ходом учебного дела в империи, имевшего 12 или 16 помощников) письменно объявить, со своими сотрудниками, иконопочитание идолослужением, император приказал сжечь их вместе со зданием, где помещалась и государственная библиотека, основанная императором Константином Великим.

В 730 г. последовал эдикт, по которому повелевалось вынести из храмов все иконы. Патриарх Герман, отказавшийся выполнять это распоряжение, был в 733 г. низложен императором, а на его место поставлен Анастасий, подчинившийся приказанию Льва. Иконы были вынесены; епископы, противившиеся этому, низложены.

Но иконы можно было удалить из храмов только в пределах Византийской империи. В Сирии, которая находилась под властью аравитян, и в Риме, который почти совсем не признавал над собою власти византийского императора, Лев не мог заставить выполнить свой эдикт. Восточные церкви, находившиеся под властью аравитян, прекратили общение с греческой церковью, а Иоанн Дамаскин написал еще два послания против иконоборцев. Также и папа Григорий III (731–741 г.), стоявший, подобно своему предшественнику, на стороне иконопочитателей, восстал против императорского эдикта. В 732 году он созвал в Риме собор, на котором предал проклятию иконоборцев. Лев захотел наказать папу, отправил было в Италию флот, но так как последний был разбит бурей, то ограничился только тем, что отнял у папы Иллирийский округ, присоединив его к константинопольскому патриархату. В 741 г. Лев Исаврианин умер, достигнув только того, что иконы были выведены из церковного употребления; вывести же их из домашнего употребления он не мог при всей своей жесткости.

После смерти Льва иконопочитание на некоторое время было восстановлено. Зять Льва, Артабазд, при помощи иконопочитателей занял императорский престол, помимо сына и наследника Льва Константина Копронима (назывался Копронимом или Каваллином за любовь к лошадям). Иконы опять появились в храмах, и опять началось открытое иконопочитание. Но в 743 г. Константин Копроним свергнул с престола Артабазда, и, подобно своему отцу, начал преследовать иконопочитание, только еще с большей настойчивостью и жестокостью. Копроним хотел торжественно, с соблюдением законности, уничтожить иконопочитание как ересь и для этого в 754 г. созвал в Константинополе собор, который

назвал вселенским. На соборе было 338 епископов, но не было ни одного патриарха. Здесь положено было, что иконопочитание есть идолопоклонство, что единственный образ Христа Спасителя – это Евхаристия и тому подобное. В доказательство собор приводил места из св. Писания, толкуя их односторонне и неправильно, а также из древних отцов или подложные, или искаженные, или с неправильным толкованием. В заключение собор предал анафеме всех защитников иконопочитания и иконопочитателей, особенно Иоанна Дамаскина, и постановил, что кто после этого будет сохранять иконы и почитать их, тот, – если духовное лицо, – подвергается извержению из сана, если мирянин или монах – отлучается от общения церковного и подвергается наказанию по императорским законам. Все епископы согласились на соборные определения – одни по убеждению, другие – и большая часть – по страху перед императором. На соборе же, на место умершего перед тем иконоборческого патриарха Анасия, поставлен был патриархом Константинопольским епископ Константин из Фригии, заявивший себя особенной враждой к иконопочитанию. Определения собора приводились в исполнение с необыкновенной жесткостью. Преследования распространялись даже на домашнее иконопочитание. Только в тайных, недоступных полиции местах, православные могли сохранять иконы. Не останавливаясь на иконопочитании, Копроним пошел дальше; он хотел уничтожить почитание святых и их мощей, монашескую жизнь, считая все это суеверием. Поэтому, по его приказанию, мощи святых или сжигались, или сбрасывались в море; монастыри были обращены в казармы или конюшни, монахи изгнаны, а некоторые из них, открыто порицавшие действия императора и защищавшие иконопочитание, были преданы мучительной смерти. Воля императора была исполнена везде, кроме Рима. В то время как Константин Копроним осуждал на своем вселенском соборе иконопочитание, папа приводил в исполнение план касательно отделения Рима от Византийской империи. Равеннским экзархатом, принадлежавшим Греческой империи, завладели лангобарды (752 г.). Папа Стефан III пригласил на помощь франкского короля Пипина, который прогнал лангобардов, а отнятые у них земли подарил апостольскому престолу, т.е. папе (755 г.). Греческая власть в Италии после этого кончилась. Стефан, сделавшись независимым, не стесняясь, мог отвергнуть все постановления иконоборческого собора 754 г.

«Константин Копроним умер в 755 г. Ему наследовал сын его Лев Хазар (775–780 гг.), воспитанный в иконоборческом духе. Он, по завещанию отца, должен был действовать против иконопочитания. Но Лев

был человек слабохарактерный; на него имела большое влияние его жена Ирина, тайно поддерживавшая иконопочитание. Под ее покровительством, изгнанные монахи опять стали появляться в городах и даже в самом Константинополе, епископские кафедры стали замещаться тайными приверженцами иконопочитания и т.п. Только в 780 г., в связи с найденными в спальне Ирины иконами, Лев начал было крутыми мерами подавлять пробуждающееся иконопочитание, но в том же году умер. По малолетству его сына Константина Порфирородного (780–802 г.), управление государством взяла в свои руки Ирина. Теперь она решительно объявила себя защитницей иконопочитания. Монахи беспрепятственно заняли свои монастыри, появлялись на улицах, и пробуждали в народе угасшую любовь к иконам. Мощи мученицы Евфимии, брошенные в море при Константине Копрониме, были вынуты из воды, и им начали воздавать должное почитание. Патриарх Константинопольский Павел, бывший в числе врагов иконопочитания, при таком обороте дела счел себя вынужденным оставить кафедру и удалиться в монастырь. Вместо него, по желанию Ирины, поставлен был один светский человек, Тарасий, приверженец иконопочитания. Тарасий принимал патриарший престол с тем, чтобы было восстановлено общение с церквами Римскою и восточными, прекратившееся во времена иконоборческие и чтобы созван был новый вселенский собор для утверждения иконопочитания. Действительно, с согласия Ирины, он писал папе Адриану I о предполагаемом восстановлении иконопочитания и приглашал к участию во вселенском соборе. Восточным патриархам также были отправлены приглашения. В 786 г., наконец, в Константинополе был открыт собор. Папа прислал легатов; от лица восточных патриархов прибыли в качестве представителей два монаха. На собор собралось также много греческих епископов. Но собор в этом году не состоялся. Большинство епископов было против иконопочитания. Они начали составлять тайные собрания и рассуждать в духе иконоборческом. К тому же, императорские телохранители, состоявшие из старых солдат Константина Копронима, не хотели допустить восстановления иконопочитания. На одном заседании собора иконоборческие епископы подняли шум, а телохранители между тем неистовствовали во дворе здания, где проходил собор. Тарасий вынужден был закрыть собор. В следующем 787 г., когда Ирина заблаговременно уволила от службы иконоборческие войска, собор спокойно был открыт в Никее. Это был второй Никейский, седьмой Вселенский собор. Собралось 367 отцов. Хотя и тут были иконоборческие епископы, но их было меньше православных. Всех заседаний собора было

восемь. Прежде всего, Тарасий, как председатель, произнес свою речь в пользу иконопочитания, затем Ирина прочитала такую же речь. Православные епископы согласились с той и другой. Иконоборческим же епископам Тарасий предложил, – если они покаются и примут иконопочитание, то будут оставлены в архиерейском сане. Вследствие такого предложения и иконоборческие епископы согласились признать иконопочитание и подписали отречение от иконоборства. Далее, читали послание папы Адриана об иконопочитании, приводили доказательства в пользу иконопочитания из св. Писания, св. Предания и писаний отцов Церкви, разобрали действия иконоборческого собора 754 г. и нашли его еретическим. Наконец, предав анафеме всех иконоборцев, отцы седьмого Вселенского собора составили вероопределение, в котором, между прочим, сказано: «храним ненововводно все, писанием и без писания установленные для нас церковные предания, из которых одно касается иконного живописания...определяем: подобно изображению честного и животворящего креста, полагать во святых Божиих церквях, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях, честныя и святыя иконы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Непорочныя Владычицы нашей святой Богородицы, также и честных Ангелов, и всех святых и преподобных мужей. Ибо, когда через изображение на иконах лики Спасителя, Богородицы и др. бывают видимы, то взирающие на них побуждаются к воспоминанию и люблению первообразов их, и чувствуянию их лобызанием и почитательным поклонением не собственным, по вере нашей богопоклонением, которое приличествует единому Божескому естеству, но почитанием, воздаваемым изображению честного и животворящего креста и святому евангелию и прочим святыням». Кроме того, собор постановил, чтобы все сочинения, написанные еретиками против иконопочитания, были представлены константинопольскому патриарху, а скрывающим такие сочинения назначались – духовным лицам извержение из сана, мирянам – отлучение от Церкви. – Заседания собора в Никее окончились. Восьмое и последнее заседание было в Константинополе, в присутствии Ирины. Здесь определения собора были торжественно прочитаны и утверждены императрицей. Согласно определению собора, иконопочитание было восстановлено во всех церквях.

Продолжение иконоборческой ереси

Партия иконоборцев и после седьмого Вселенского собора была сильна. Некоторые из иконоборческих епископов, признавшие на соборе иконопочитание ради сохранения за собою занимаемых кафедр, втайне оставались врагами иконопочитания. В войсках, еще со времени Константина Копронима, также господствовал иконоборческий дух. Нужно было ожидать нового гонения на иконопочитание. Действительно, так и случилось, когда на императорский престол вступил Лев Армянин (813–820 гг). из иконоборческой партии зеленых. Воспитанный на иконоборческих принципах и окруженный иконоборцами, Лев Армянин неминуемо должен был сделаться гонителем иконопочитания. Но сначала он старался прикрывать свою ненависть к иконам желанием примирить иконоборческую и православную партии. Не объявляя еще об уничтожении иконопочитания, он поручил ученому Иоанну Грамматику составить записку со свидетельствами из древних отцов против иконопочитания, чтобы убедить православных отказаться от иконопочитания. Но иконоборческая партия настоятельно требовала решительных мер против иконопочитания и даже открыто выражала свою ненависть к иконам. Так, однажды иконоборческие солдаты начали бросать камнями в известную икону Христа Споручника, поставленную Ириной на прежнем месте над воротами императорского дворца. Император, под предлогом прекращения беспорядков, приказал снять икону. Православные, во главе которых стояли константинопольский патриарх Никифор и знаменитый настоятель студийского монастыря, Феодор Студит, видя, что начинается гонение на иконы, устроили совещание и решили твердо держаться постановления седьмого Вселенского собора. Узнав об этом, император пригласил к себе патриарха, все еще рассчитывая путем убеждения достигнуть уничтожения иконопочитания. С патриархом явились Феодор Студит и другие православные богословы, и на предложение императора о примирении с иконоборческой партией решительно отказались сделать какие-либо уступки еретикам. Не достигнув уничтожения иконопочитания переговорами, Лев Армянин принялся за насильственные меры; он издал указ, по которому монахам запрещалось проповедовать об иконопочитании. Указ должны были подписать все монахи, но подписали только немногие. Феодор же Студит написал окружное послание к монахам, в котором убеждал повиноваться больше Богу, нежели людям.

Император пошел дальше в своем преследовании иконопочитания. В 815 г. патриарх Никифор был низложен и сослан, а на его место поставлен иконоборец Феодор Касситер. Новый патриарх созвал собор, на котором седьмой Вселенский собор был отвергнут, а иконоборческий собор Константина Копронима 754 г. признан законным. Впрочем, собор Феодора Касситера хотел сделать уступку православным, предлагая предоставить воле каждого почитать иконы или нет, т.е. признать иконопочитание необязательным. Только немногие монахи, пришедшие на собор по приглашению, согласились на это предложение, но и те, после убеждений Феодора Студита, отказались. Большинство же, под руководством Феодора Студита, не хотело знать ни нового патриарха, ни собора, ни его предложений. Феодор Студит не побоялся даже открыто выразить протест против иконоборческих распоряжений. В Вербное Воскресение он устроил торжественную процессию по улицам города с иконами, пением псалмов и тому подобное. Император был крайне недоволен таким противодействием православных и, подобно Константину Копрониму, начал открыто гнать их и прежде всего монахов. Монастыри были разрушены, монахи выгнаны или сосланы в ссылку. Феодор Студит был одним из первых страдальцев за веру. Его сослали в заточение и мучили там голодом, так что он умер бы, если бы темничный страж, тайный иконопочитатель, не разделял с ним свою пищу. Из заточения Феодор рассылал письма к православным и поддерживал в них любовь к иконопочитанию. Гонение на иконопочитателей продолжалось до 820 г., когда Лев Армянин был низвержен с престола и на его место был возведен Михаил Косноязычный (820–829 г.), который вернул из заточения патриарха Никифора, хотя и не возвратил ему престола, Феодора Студита и других православных. Но, опасаясь сильной иконоборческой партии, он не хотел восстановить иконопочитания, хотя и позволил домашнее почитание икон. Преемником Михаила был его сын Феофил (829–842 г.). Этот государь действовал решительнее своего отца по отношению к иконопочитанию. Воспитание под руководством известного Иоанна Грамматика (народ именовал его Ианнием (см. 2Тим. 3:8) или Леканомантом (гадателем по воде, налитой в таз), который поставлен был даже патриархом, сделало его врагом иконопочитания. Было запрещено домашнее иконопочитание. Монахов опять стали ссылать в заточение и даже мучить. Но, несмотря на это, в самом семействе Феофила нашлись иконопочитатели. Это его теща, Феоктиста, и жена Феодора. Об этом узнал Феофил уже перед смертью (842 г.). После Феофила на престол вступил его малолетний сын, Михаил III.

Государством управляла Феодора, при содействии трех опекунов, своих братьев, Варды и Мануила, и брата умершего императора, Феоктиста. Феодора решила восстановить иконопочитание; с ней были согласны и опекуны, кроме Мануила, который опасался противодействия иконоборческой партии. Но и Мануил согласился после того, как выздоровел от тяжелой болезни, во время которой, по убеждению монахов, дал обещание восстановить иконопочитание. Иконоборческий патриарх Иоанн Грамматик был низложен и на его место поставлен св. Мефодий, ревностный иконопочитатель. Он собрал собор, на котором была подтверждена святость седьмого Вселенского собора, и иконопочитание было восстановлено. Затем, 19 февраля 842 г., в воскресенье на первой неделе Великого Поста состоялась торжественная процессия по улицам города с иконами. Этот день остался навсегда днем торжества Церкви над всеми ересями – днем Православия. После этого иконоборческие епископы были низложены и их кафедры заняли православные. Теперь иконоборческая партия окончательно потеряла свою силу».

Filioque

Древние отцы Церкви, раскрывая учение о взаимном отношении Лиц Святой Троицы, утверждали, что Дух Святой исходит от Отца. В учении об этом личном свойстве Св. Духа они строго придерживались изречения Самого Спасителя: Иже от Отца исходит. Это изречение внесено в Символ Веры на втором Вселенском соборе. Затем второй, третий и четвертый Вселенские соборы запретили делать какие-либо прибавления к Никео-Цареградскому символу. Но, через несколько столетий на местном соборе частной испанской церкви, именно Толедском (589 г.), было сделано прибавление к этому символу в члене о Св. Духе – между словами: от Отца и исходящего было вставлено слово: И Сына (filioque). Поводом к такому прибавлению послужило следующее обстоятельство. На Толедском соборе было решено присоединить вестготов-ариан к православной Церкви. Так как основным пунктом арианской ереси было учение о неравенстве Сына с Отцом, то, настаивая на полном равенстве их, испанские богословы на Толедском соборе решили поставить Сына в то же отношение к Св. Духу, в котором находился к Нему Отец, т.е. сказали, что Дух Святой исходит от Отца и Сына, и внесли в символ слово filioque. В 7 и 8 вв. это прибавление из испанских церквей распространилось во франкские церкви. Сам Карл Великий и франкские епископы ревностно отстаивали filioque, когда восточная церковь высказалась против этого прибавления. Карл Великий на соборе в Ахене (809 г.) даже подтвердил правильность и законность прибавления в символе слова filioque, несмотря на представления восточной церкви, и заключения собора отослал к папе Льву III на утверждение. Но папа решительно отказался признать filioque. По его распоряжению, Никео-Цареградский символ, без слова filioque, написан был на греческом и латинском языках на двух досках, и доски положены были в храм св. Петра для засвидетельствования верности римской церкви древнему символу. Несмотря на это, в 9 и 10 вв. учение об исхождении Св. Духа от Сына распространялось все более и более в западных церквях, так что и римская церковь стала склоняться к нему. Восточная церковь во второй половине 9 века, при патриархе Фотии, на соборах (867 и 879 гг.), обличала и осуждала это нововведение западной церкви, как противное учению Церкви Вселенской, но западная церковь не принимала во внимание голоса восточной церкви, и папа Бенедикт VIII в 1014 году окончательно внес в символ filioque. С этого времени учение об исхождении Св. Духа и от Сына утвердилось навсегда в Римской и во всех

западных церквх».

Епископ Арсений в своей «Летописи церковных событий», упоминая о Толедском соборе, пишет: «В деяниях этого собора в Символе Веры находим прибавку *filioque*, и в анафематствовании третьем говорится: «Кто не верует, что Дух Святой исходит от Отца и Сына и совечен Им, анафема да будет». Между тем в других местах деяний заповедуется читать в церквах Испании и Галисии (включая сюда и Галлию Нарбонскую, подвластную вестготам) Символ Веры неизменно по образу церкви восточных. Поэтому некоторые считают слова «и Сына» более поздним прибавлением; но другие небезосновательно полагают, что так действительно и веровали арианствующие готы; а за ними постепенно и тогдашние римляне испанские. Cyriaque Lamprylos, «*La mistification on elucidation d'une page d'histoire ecclesiastique*», Athenes, 1883.

Евхиты (мессалиане)

Во второй половине 4 в. в некоторых монашеских обществах Сирии и Малой Азии стали обнаруживаться странные воззрения, перешедшие затем в ересь. Находясь непрестанно в молитвах, некоторые монашествующие доходили до такого самообольщения, что свою молитву поставили превыше всего и единственным средством к спасению. Отсюда и название их – евхиты или мессалиане, что значит, в переводе с греческого и еврейского языков, молящиеся. Они учили, что каждый человек, в силу происхождения от Адама, приносит с собой в мир злого демона, во власти которого он весь находится. Крещение не освобождает человека от него; одна только усердная молитва может изгнать демона. Когда усиленной молитвой изгоняется демон, место его занимает Всесвятой Дух и обнаруживает свое присутствие ощутительным и видимым образом, а именно: освобождает тело от волнений страстей и совершенно отвлекает душу от склонности ко злу, так что после этого ненужными становятся ни внешние подвиги для обуздания тела, ни чтение св. Писания, ни принятие таинств, ни вообще какой-либо закон. К этим заблуждениям, подрывающим все церковные учреждения, евхиты присоединили заблуждение чисто догматического характера: они отрицали троичность Лиц в Боге, представляя Лица формами проявления одного и того же Божества. Отказавшись от подвигов, первого условия монашеской жизни, монахи-евхиты проводили время в праздности, избегая всякого рода труда, как унижающего духовную жизнь, и питались только милостыней: но в то же время, ощущая в себе мнимое присутствие Св. Духа, они предавались созерцаниям и в пылу расстроенного воображения грезили, что они телесными очами созерцают Божество. По этой особенности евхитов называли еще энтузиастами, а также корефами от мистических плясок, которым они предавались, или, по именам их представителей, лампецианами, адельфианами, маркианистами и проч. Евхиты по внешности принадлежали к Церкви и старались скрывать от православных свои мнения и учения. Только к концу 4 в. епископу Антиохийскому Флавиану удалось обличить их главу Адельфия, после чего духовная и светская власти стали их преследовать. Но евхитские воззрения тем не менее не уничтожились.

В 11 в. во Фракии снова становится известной евхитская ересь. Обыкновенно евхитов 11 в. упоминают в связи с евхитами 4 века, которые, не уничтожившись после церковного осуждения, продолжали

существовать тайно в восточных монастырях в 5 и последующих веках. Так как евхиты 4 в. смотрели на все материальное как на зло, то легко могло случиться, что они в последующие века в круг своего мирозерцания приняли дуалистические воззрения древнейших гностиков и манихеев. Из восточных монастырей евхиты проникли в монастыри фракийские и здесь в 9 в. стали известны под тем же древним названием евхитов или энтузиастов, но с видоизмененным учением. Учение евхитов 9 в. представляется в таком виде: Бог Отец имел двух сыновей: старшего (Сатанаила) и младшего (Христа). Старший господствовал над всем земным, а младший над всем небесным. Старший отпал от Отца и основал на земле независимое царство. Младший, оставшийся верным Отцу, занял место старшего; он разрушил царство Сатанаила и восстановил мировой порядок. – Евхиты 11 в. так же, как и древние их собратья, свою молитву ставили высшей степенью нравственного совершенства и единственным залогом спасения, равно как разными искусственными средствами достигали экзальтированного состояния, во время которого, как они уверяли, получали откровения и удостоивались видения духов. Магия и теургия, с присоединением еще живого магнетизма, были в ходу у евхитов. Ересь евхитов, исследованием которой занималось византийское правительство в 11 в., скоро растворилась в ереси богомильской, развившейся особенно в 12 веке.

Ересь павликиан

Ересь павликиан появилась во второй половине 7 века. Основатель ее был некто Константин, родом из Сирии, воспитанный в гностико-манихейских воззрениях, остатки которых находили приверженцев на крайнем востоке даже в 7 веке. Один сирийский дьякон, в благодарность за оказанное гостеприимство, подарил Константину экземпляр св. Писания Нового Завета. Константин с ревностью принялся за его чтение. Так как Константин разделял гностико-манихейские воззрения, то встречавшиеся в св. Писании, особенно у ап. Иоанна и Павла, выражения о свете и тьме, духе и плоти, Боге и мире он понял в смысле дуалистическом. Кроме того, в посланиях ап. Павла он встретился с учением о христианстве как религии преимущественно духовной, о внутреннем самоусовершенствовании человека, о второстепенном значении обрядности в христианстве, в противоположность иудейству, о служении Богу в духе и т.п. И эти пункты учения Константин понял своеобразно, а именно, что христианской религии, как духовной, чужды всякая обрядность и всякая внешность и что истинный христианин достигает нравственного усовершенствования сам собой, без посредства каких-либо церковных учреждений. На таких мнимо-апостольских началах Константин задумал основать свою религиозную общину. По его представлению, господствующая православная Церковь отступила от апостольского учения, допустив, подобно церкви иудейской, множество обрядов и церемоний, несвойственных христианству как религии духовной. Предположив устроить свою общину, Константин мечтал возглавить апостольское христианство. Первая такого рода община основана была им в г. Кивоссе, в Армении, куда он удалился со своими последователями. Себя Константин назвал Сильваном, именем ученика ап. Павла, своих последователей – македонянами, а общину в Кивоссе – Македонией. Православные же всех последователей Константина, вследствие того, что они приурочивали учение и устройство своей общины к ап. Павлу, называли павликианами.

Учение павликиан представляет собой смесь гностико-манихейских воззрений с неправильно понятым учением ап. Павла. Они признавали Благого Бога или Небесного Отца, открывшегося в христианстве, и демиурга или миродержателя, Бога ветхозаветного. Демиургу приписывали творение видимого мира и вместе с тем тел человеческих, откровение в Ветхом завете и господство над иудеями и язычниками,

равно как и господство над христианской православной Церковью, уклонившейся от истинного апостольского учения. Об образе соединения духовной природы с материальной, по учению павликиан, – определенных сведений не имеется. Относительно падения первого человека они учили, что оно было только неповиновением демиургу, и, следовательно, вело к избавлению от его власти и откровению Небесного Отца. Православное учение о Св. Троице павликиане приняли. Только воплощение Сына Божия понимали докетически, утверждая, что Он прошел через Деву Марию как через канал. О Святом Духе говорили, что Он невидимо сообщается истинно верующим, то есть павликианам, и особенно их учителям. Следуя неправильно понятому учению ап. Павла, еретики в устройстве своего общества отвергли всякую внешность и обрядность. Иерархия была отвергнута; по образу апостольской церкви, они хотели иметь только учеников апостольских, пастырей и учителей. Звание учеников апостольских присвоено было главам их секты, которые вместе с тем принимали и сами имена апостольских учеников, например, Сильвана, Тита, Тихика, и проч. Пастырями же и учителями были лица, заведовавшие отдельными павликианскими общинами; они назывались спутниками. Все эти лица не имели иерархической власти в православно-христианском смысле; они существовали только для поддержания единства среди сектантов. Богослужение павликиан состояло исключительно из учения и молитв. Храмов у них не было, так как, по их мнению, они составляют принадлежность плотской религии иудейской, а были только молельни; почитание икон и даже креста Господня отменено как идолопоклонство; почитание святых и их мощей отвергнуто; таинства со всеми их обрядами отвергнуты. Впрочем, не отвергая принцип крещения и евхаристии, павликиане совершали их невещественным образом, в духе. Они утверждали, что слово Христа есть вода живая и хлеб небесный. Поэтому, слушая слово Христа, они крестятся и причащаются. Посты, аскетизм, монашество – все отвергнуто как не имеющее никакого значения для спасения, но павликиане вообще проводили жизнь умеренную. Брак допускали и относились к нему с уважением. Источником своего учения павликиане признавали только св. Писание Нового Завета, кроме посланий ап. Петра. Вообще, в ереси павликиан проявились реформаторские стремления во имя неправильно понятого апостольского христианства.

Константин, принявший имя Сильвана, с успехом распространял основанную им секту в продолжение двадцати семи лет (657–684 г.). Император Константин Пагонат обратил внимание на сектантов и послал в

Кивоссу своего чиновника Симеона уничтожить их общину. Константин был схвачен и казнен; многие сектанты отреклись от своей ереси. Но через три года сам Симеон, на которого община павликиан произвела сильное впечатление, ушел к павликианам и сделался даже главой их секты с именем Тит. В начале 8 в. павликианские общины все более и более распространялись по востоку. В середине 8 в. они утвердились даже в Малой Азии, а император Константин Копроним сам содействовал распространению их в Европе, переселив (752 г) часть их во Фракию. Так как павликиане относились неприязненно не только к Церкви, но и к государству, то почти все византийские императоры 9–11 веков старались смирить их силой. Несмотря на это, павликианские общины во Фракии существовали до 12 столетия».

Духовное просвещение 4–10 веков

Ересь павликиан появилась во второй половине 7 века. Основатель ее был некто Константин, родом из Сирии, воспитанный в гностико-манихейских воззрениях, остатки которых находили приверженцев на крайнем востоке даже в 7 веке. Один сирийский дьякон, в благодарность за оказанное гостеприимство, подарил Константину экземпляр св. Писания Нового Завета. Константин с ревностью принялся за его чтение. Так как Константин разделял гностико-манихейские воззрения, то встречавшиеся в св. Писании, особенно у ап. Иоанна и Павла, выражения о свете и тьме, духе и плоти, Боге и мире он понял в смысле дуалистическом. Кроме того, в посланиях ап. Павла он встретился с учением о христианстве как религии преимущественно духовной, о внутреннем самоусовершенствовании человека, о второстепенном значении обрядности в христианстве, в противоположность иудейству, о служении Богу в духе и т.п. И эти пункты учения Константин понял своеобразно, а именно, что христианской религии, как духовной, чужды всякая обрядность и всякая внешность и что истинный христианин достигает нравственного усовершенствования сам собой, без посредства каких-либо церковных учреждений. На таких мнимо-апостольских началах Константин задумал основать свою религиозную общину. По его представлению, господствующая православная Церковь отступила от апостольского учения, допустив, подобно церкви иудейской, множество обрядов и церемоний, несвойственных христианству как религии духовной. Предположив устроить свою общину, Константин мечтал возглавить апостольское христианство. Первая такого рода община основана была им в г. Кивоссе, в Армении, куда он удалился со своими последователями. Себя Константин назвал Сильваном, именем ученика ап. Павла, своих последователей – македонянами, а общину в Кивоссе – Македонией. Православные же всех последователей Константина, вследствие того, что они приурочивали учение и устройство своей общины к ап. Павлу, называли павликианами.

Учение павликиан представляет собой смесь гностико-манихейских воззрений с неправильно понятым учением ап. Павла. Они признавали Благого Бога или Небесного Отца, открывшегося в христианстве, и демиурга или миродержателя, Бога ветхозаветного. Демиургу приписывали творение видимого мира и вместе с тем тел человеческих, откровение в Ветхом завете и господство над иудеями и язычниками,

равно как и господство над христианской православной Церковью, уклонившейся от истинного апостольского учения. Об образе соединения духовной природы с материальной, по учению павликиан, – определенных сведений не имеется. Относительно падения первого человека они учили, что оно было только неповиновением демиургу, и, следовательно, вело к избавлению от его власти и откровению Небесного Отца. Православное учение о Св. Троице павликиане приняли. Только воплощение Сына Божия понимали докетически, утверждая, что Он прошел через Деву Марию как через канал. О Святом Духе говорили, что Он невидимо сообщается истинно верующим, то есть павликианам, и особенно их учителям. Следуя неправильно понятому учению ап. Павла, еретики в устройстве своего общества отвергли всякую внешность и обрядность. Иерархия была отвергнута; по образу апостольской церкви, они хотели иметь только учеников апостольских, пастырей и учителей. Звание учеников апостольских присвоено было главам их секты, которые вместе с тем принимали и сами имена апостольских учеников, например, Сильвана, Тита, Тихика, и проч. Пастырями же и учителями были лица, заведовавшие отдельными павликианскими общинами; они назывались спутниками. Все эти лица не имели иерархической власти в православно-христианском смысле; они существовали только для поддержания единства среди сектантов. Богослужение павликиан состояло исключительно из учения и молитв. Храмов у них не было, так как, по их мнению, они составляют принадлежность плотской религии иудейской, а были только молельни; почитание икон и даже креста Господня отменено как идолопоклонство; почитание святых и их мощей отвергнуто; таинства со всеми их обрядами отвергнуты. Впрочем, не отвергая принцип крещения и евхаристии, павликиане совершали их невещественным образом, в духе. Они утверждали, что слово Христа есть вода живая и хлеб небесный. Поэтому, слушая слово Христа, они крестятся и причащаются. Посты, аскетизм, монашество – все отвергнуто как не имеющее никакого значения для спасения, но павликиане вообще проводили жизнь умеренную. Брак допускали и относились к нему с уважением. Источником своего учения павликиане признавали только св. Писание Нового Завета, кроме посланий ап. Петра. Вообще, в ереси павликиан проявились реформаторские стремления во имя неправильно понятого апостольского христианства.

Константин, принявший имя Сильвана, с успехом распространял основанную им секту в продолжение двадцати семи лет (657–684 г.). Император Константин Пагонат обратил внимание на сектантов и послал в

Кивоссу своего чиновника Симеона уничтожить их общину. Константин был схвачен и казнен; многие сектанты отреклись от своей ереси. Но через три года сам Симеон, на которого община павликиан произвела сильное впечатление, ушел к павликианам и сделался даже главой их секты с именем Тит. В начале 8 в. павликианские общины все более и более распространялись по востоку. В середине 8 в. они утвердились даже в Малой Азии, а император Константин Копроним сам содействовал распространению их в Европе, переселив (752 г) часть их во Фракию. Так как павликиане относились неприязненно не только к Церкви, но и к государству, то почти все византийские императоры 9–11 веков старались смирить их силой. Несмотря на это, павликианские общины во Фракии существовали до 12 столетия».

Духовное просвещение во второй период

Духовное просвещение, развившееся в значительной степени еще в 3 веке, с признанием христианства господствующей в греко-римской империи религией, в 4 в. достигло своего высшего процветания. Обстоятельства, содействовавшие возвышению духовного просвещения, были внешние и внутренние. С одной стороны, более спокойные времена, наступившие вслед за гонениями, дали возможность многим из даровитых христиан посвящать себя занятиям богословскими науками, с другой – само состояние христианского вероучения вызывало усиленную деятельность на поприще духовного просвещения. Св. Писание было еще не вполне истолковано и изъяснено; многие догматы, рассуждения о которых начаты были в предшествовавшие времена, не были уяснены и не получили общецерковного определения. Христианским богословам предстояло, таким образом, обширное поприще для исследований. И действительно, в 4 и 5 вв. мы видим целый ряд замечательных богословов, посвятивших себя исследованию всех сторон христианского вероучения. Отличительные черты их – это разнообразие предметов, входивших в круг их мирозерцания, самостоятельность, оригинальность, ширина и глубина воззрений. Христианские школы, основанные в прежние времена, служили и теперь рассадниками духовного просвещения. Многие из великих отцов и учителей Церкви 4 и 5 веков обязаны им своим богословским образованием, хотя некоторые из них достигали обширных богословских познаний и самостоятельным трудом. С 6 века, вследствие разных неблагоприятных обстоятельств, богословские школы, а с ними и духовное просвещение, начинают приходить в упадок. Самостоятельных и оригинальных трудов по разным отраслям богословия больше уже не видно. Только в середине 9 в. на греческом востоке пробуждается опять любовь к просвещению и начинается усиленная умственная деятельность, направленная главным образом на изучение древне-классической литературы. Эта деятельность отразилась и на духовном просвещении».

Богословские школы на Востоке в 4 и 5 веках

Духовное просвещение, развившееся в значительной степени еще в 3 веке, с признанием христианства господствующей в греко-римской империи религией, в 4 в. достигло своего высшего процветания. Обстоятельства, содействовавшие возвышению духовного просвещения, были внешние и внутренние. С одной стороны, более спокойные времена, наступившие вслед за гонениями, дали возможность многим из даровитых христиан посвящать себя занятиям богословскими науками, с другой – само состояние христианского вероучения вызывало усиленную деятельность на поприще духовного просвещения. Св. Писание было еще не вполне истолковано и изъяснено; многие догматы, рассуждения о которых начаты были в предшествовавшие времена, не были уяснены и не получили общецерковного определения. Христианским богословам предстояло, таким образом, обширное поприще для исследований. И действительно, в 4 и 5 вв. мы видим целый ряд замечательных богословов, посвятивших себя исследованию всех сторон христианского вероучения. Отличительные черты их – это разнообразие предметов, входивших в круг их мирозерцания, самостоятельность, оригинальность, ширина и глубина воззрений. Христианские школы, основанные в прежние времена, служили и теперь рассадниками духовного просвещения. Многие из великих отцов и учителей Церкви 4 и 5 веков обязаны им своим богословским образованием, хотя некоторые из них достигали обширных богословских познаний и самостоятельным трудом. С 6 века, вследствие разных неблагоприятных обстоятельств, богословские школы, а с ними и духовное просвещение, начинают приходить в упадок. Самостоятельных и оригинальных трудов по разным отраслям богословия больше уже не видно. Только в середине 9 в. на греческом востоке пробуждается опять любовь к просвещению и начинается усиленная умственная деятельность, направленная главным образом на изучение древне-классической литературы. Эта деятельность отразилась и на духовном просвещении».

Школа ново-Александрийская

В 4 и 5 вв. особенно замечательными богословскими школами на востоке были: ново-Александрийская, Антиохийская и Восточно-Сирийская (Эдесско-Низибийская). По своему направлению последняя примыкала к школе Антиохийской.

Богословская школа в Александрии была в славе еще в 3 в. Ориген довел ее до цветущего состояния. Он же упрочил в ней созерцательное направление. С начала 4 в. это направление стало колебаться. Ориген в своих догматических воззрениях и в толковании св. Писания доходил иногда до крайностей, так что входил в противоречие с церковным преданием. Эти крайности оригеновского умозрения отвергли представители Александрийской школы в начале 4 в., не отвергая в принципе установившегося созерцательного направления. В своих исследованиях о догматах веры, наравне с философскими умозрениями, они стали принимать во внимание и церковное предание, проверяя и доказывая им свои, выработанные, при помощи разума, воззрения на догматы. Вследствие такого несколько измененного направления школа называется ново-Александрийской. Стремление соотносываться с церковным преданием в воззрениях на догматы веры составляет ее характерную черту.

Новое направление школе придал св. Александр, еп. Александрийский (326 г.), первый защитник Православия против арианства. Другой поборник Православия, еще более знаменитый, св. Афанасий Великий (373 г.), является лучшим представителем ново-Александрийской школы. У него глубокие умозрения в догматической области идут рука об руку с церковным преданием. Он всю жизнь провел в борьбе с арианами и другими еретиками. Его сочинения носят отпечаток этой борьбы. Такими являются его четыре слова против ариан. Кроме нескольких других догматических сочинений, св. Афанасий писал сочинения историко-полемические и нравоучительные, например, послание об определениях Никейского собора в защиту единосутия, история ариан, написанная к монахам, жизнь Антония Великого и др.

К этой школе относятся: святые Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский.

Св. Василий Великий родился около 330 г. Отец его Василий был знатным гражданином в Каппадокии. Семейство его славилось всеми христианскими добродетелями. Из среды его вместе с Василием шесть лиц

причислены к лику святых. Во время гонения Диоклетиана, дед, с отцовской стороны, 7 лет скрывался с семьей в глухих лесах Понта. Начальное образование он получил под руководством матери Еммелии (Эмилии) и, в особенности, бабушки Макрины, причисленных за святость жизни своей к лику святых. Первые правила красноречия слушал он от отца. Для завершения образования посетил знаменитые тогда города. В Афинах он изучал грамматику, риторику, астрологию, математику, философию, медицину и проявил в этих науках блестящие успехи. Тогда же он сблизился с св. Григорием Богословом и на всю жизнь остался его вернейшим другом. Возвратившись в Кесарию, он некоторое время был адвокатом. Приблизительно в 30-летнем возрасте он крестился и возведен был в звание чтеца. Около 357 г. он предпринял путешествие, изучая монашескую жизнь в Сирии, Палестине и Египте. Вскоре он сам поселился в пустыне близ Неокесарии, на берегу реки Ириса. Там навещал его св. Григорий. Молодые подвижники проводили время в молитвах и трудах, чтении св. Писания и изучении трудов Оригена. Плодом этих занятий был их общий труд «Филокалия». К Василию стали стекаться искавшие аскетической жизни. По берегам Ириса стали возникать монастыри. Св. Василий, ознакомившись с отшельничеством и общежитием Египта, не удовлетворившись им полностью, создал смешанную форму монашеской жизни, которая, совмещая светлые стороны обоих типов иночества, была свободна от их крайностей. Молитва и созерцание в его монастырях чередовались с физическим трудом, соответственным духовной собранности и простоте жизни монахов. Отличительной чертой его монастырей были широкая благотворительность и воспитание детей.

В бытность свою пресвитером в Кесарии, он вызвал в одно время ревность со стороны епископа Евсевия, а также слишком пламенную, в ущерб епископу, приверженность к себе паствы. Василий удалился в свои монастыри. Потом произошло полное примирение его с Евсевием и он до смерти последнего оставался при нем. В 370 г. он возведен на Кесарийскую архиепископскую кафедру. При нем в Кесарии был сильный голод. Продав часть своего имущества, св. Василий устроил бесплатные столовые, а его обличительные проповеди против жестокости богачей открыли их житницы и привлекли пожертвования. Св. Василий отличался особым умением обращаться с людьми. Он обладал большим тактом и чувством меры, умея быть и властным. «Умевший благодарить улыбкой и порицать одним взглядом», – говорили про него.

Св. Василий ревностно подвизался во время арианской смуты,

посвящая свои силы защите Православия. Арианин император Валент виделся с ним в Кесарии, и он произвел на него сильное впечатление. Скончался он в 379 г. после тяжелой болезни. Последними словами святителя были: «В руки Твои, Боже, предаю дух мой!» Церковь присвоила ему звание Великого и чтит его как Вселенского Святителя и Учителя.

Василий Великий был многосторонний писатель. Из догматических сочинений его особенно замечательны три книги против Евномия, в которых весьма основательно опровергаются софизмы и диалектические тонкости главы строгих ариан; Книга о Святом Духе к Амфилохию, в защиту равенства Св. Духа с Отцом и Сыном, против духоборцев и др. По части толкования св. Писания, Василий оставил после себя замечательнейшее произведение: Беседы на шестоднев, то есть о шести днях творения мира. В них он раскрывает человеческому уму с богословской и научно-философской точек зрения необозримую славу Творца Вселенной. Также замечательны его Беседы на псалмы, Толкование на 16 глав пророка Исаии и др. В объяснении св. Писания Василий Великий придерживался приемов Оригена, избегая, однако, его крайностей. Кроме того, Василий Великий написал несколько аскетических сочинений; между прочим, известны его Большие и Малые монашеские правила. Наконец, Василию Великому принадлежит чин литургии, носящий его имя и доселе.

Св. Григорий родился около 326–328 г. в Ариазне близ Назианза (в Каппадокии), где отец его был сначала градоначальником, а потом епископом. Как сын обета св. Григорий был посвящен Богу с самого детства благочестивой матерью Нонной, очень рано начал обнаруживать любовь к подвигам благочестия и во всю жизнь оставался девственником. Образование он получил сначала в Неокесарии у Амфилохия, знаменитого учителя красноречия, потом в Александрии и, наконец, в Афинах, где подружился со св. Василием Великим. У святых друзей в Афинах была одна комната, один образ жизни; им были знакомы только две дороги: одна – к св. храмам и находящимся при них наставникам в слове Божиим, другая – к училищу, где они слушали наставников наук внешних; улиц, ведущих на зрелища, они не знали, считая недостойным внимания то, что не ведет к добродетели. В 365 г. св. Григорий принял крещение и с неохладеваемой ревностью продолжал изучать св. Писание и подвизался в богомыслии, посте и молитве. Пустыня сильно привлекала к себе св. Григория, но он решил остаться в доме родителей, чтобы в лице их служить обществу и в то же время жить строгим аскетом: одежда его была грубая, пищей служил ему хлеб с солью, питьем – вода, постелью – голая

земля, постоянным занятием его было упражнение в слове Божиим. Отличаясь особенной любовью к своим родителям и всегда относясь к ним с истинной сыновней почтительностью и трогательной заботливостью, св. Григорий, по настоянию отца, принял сан пресвитера. Тяготясь этим саном, которого не желал, св. Григорий удалился в пустыню к св. Василию Великому. Возвратившись оттуда примиренным в душе, он стал примирять и других: примирил назиянцев со своим отцом, по простоте подписавшимся под коварным символом полуариан. В 372 г. св. Василий Великий употребил некоторые усиленные меры, чтобы склонить друга к принятию епископского сана. Св. Григорий считал себя, по своему глубокому смирению, недостойным этого сана, но убежденный доводами своего отца, хотя и неохотно, принял от св. Василия рукоположение во епископа г. Сасима. Между тем, по проискам врагов св. Василия, в Сасимы был назначен другой епископ, и св. Григорий уступил ему Сасимскую кафедру. Отец Григория, чувствуя свою немощь, сделал св. Григория своим помощником, и св. Григорий разделяя епископские труды своего отца, проповедовал слово Божие и посвящал пресвитеров. Вместе с этим, любвеобильный и отличающийся особенной нежностью чувства, св. Григорий был питателем нищих, служителем больных, упокоителем странных, утешителем бедствующих, защитником несчастных. После кончины отца, св. Григорий удалился в Селевкийский монастырь св. Феклы. В 379 г. св. Григорий, как опытнейший в делах веры, был приглашен православными для устройства дел в Константинополь, где 46 лет господствовали еретики. В одном лишь частном доме мог проповедовать св. Григорий, когда явился в столицу, и сначала перед малым числом православных. Заметив в православных наклонность к излишним толкам и спорам о предметах веры, св. Григорий старался внушить им, сколь бесполезны прения о вере и, напротив, сколь важно исполнение заповедей Божиих для желающих утвердиться в высоких истинах веры. В то же время св. Григорий с неотразимой силой убедительности рассеивал все возражения еретиков (ариан, евномиян, македониан, новатиан и аполлинаристов) и с неподражаемым искусством раскрывал истинное учение Церкви. Жители столицы, враги православия, прельщаясь только внешним блеском роскоши, сначала презрительно посмотрели на св. старца, согбенного под бременем лет, на его простую и бедную одежду, на обнаженную его голову, на лицо его, изнуренное слезами покаяния; смеялись над самым происхождением его из безызвестного бедного селения. Св. Григорий, силой своего ума и красноречия, все злобные нападки врагов обратил в стыд им самим. Слава

вдохновенного оратора росла быстро, и его проповеди стекались слушать даже сами еретики, а также иудеи и язычники. Он всех удивлял глубоким знанием св. Писания, суждением правильным и властным, воображением плодотворным и блистательным, теплотой и глубиной чувства, необычайной ловкостью объяснения, речью точной и сжатой. Слушатели волновались около кафедры, подобно бурному морю, громко выражали знаки одобрения рукоплесканиями и восклицаниями и записывали слова его. Ожесточенные и упорные враги православия за это преследовали св. Григория клеветой; врываясь с палками в среду его слушателей, старались угрозами разогнать их; настраивали против него народ; простирали свою ненависть даже до посягательства на жизнь св. Григория. Но мужественный поборник православия все это переносил с замечательным спокойствием и терпением.

Несмотря на опасность, грозившую всему православному миру того времени, не падал духом, а мужественно и непрестанно продолжал стоять на страже веры православной как «пастырь преизряднейший». Самая частная жизнь св. Григория невольно внушала к нему особенное уважение даже его ожесточенных врагов. Ему незнакомы были ни публичные собрания, ни палаты вельмож; он питался скудной пищей, облакался в бедную одежду, не занимался тонкостями светского обращения, избегал всякого внешнего блеска, не изменял простоте своих нравов даже после необыкновенных успехов, которыми увенчались его труды в устройении св. дела Церкви. «В тишине храня паству свою непотоплену, якоже словесный ковчег», он «струями мудрых учений Ариев ум иссушил» и всех «Троице научил поклоняться боголепно». В 381 г. на Втором Вселенском Соборе св. Григорий был признан достойным Константинопольской кафедры и председательствовал на Соборе после смерти Мелетия Антиохийского. Между тем другие епископы стали оспаривать кафедру у св. Григория. Смиренномудрый, кроткий и миролюбивый Григорий пожертвовал собой для покоя Церкви и упросил собравшихся на Собор епископов уволить его из Константинополя. Остаток жизни (около 8 лет) св. Григорий провел на родине. Продолжая заботиться о делах Церкви и борясь письменно с еретиками, св. Григорий вел строгий подвижнический образ жизни: ходил босой, имел только разодранную одежду, спал на голой земле или на ложе из древесных ветвей под прикрытием рубища и никогда не возжигал огня, чтобы согреть свое тело; пищей для него служил хлеб с солью, огородные овощи, питье – вода, к которой он иногда примешивал немного уксуса. Свои лишения св. подвижник простирали до того, что иногда отказывался от употребления дара слова. Такой обет молчания хранил во время одной

из четырехдесятниц. За свои проповеди св. Григорий почтен был Церковью, подобно ап. Иоанну, именем Богослова: в своих исследованиях истин христианских св. Григорий, при свете Откровения, постигал столь глубоко и выражал столь полно и точно глубины Божества, как только возможно это для человека.

До нас дошли от него 5 слов о Богословии, слова похвальные, на праздники, защитительные, обличительные; кроме того, письма догматического и исторического содержания и стихотворения, отличающиеся высокой поэзией. Скончался св. Григорий в 389 г. В церковных песнопениях он прославляется как «благочестия поборник», «сеятель правых догматов всечудный, отгонитель еретичествующих зело крепчайший», «светлый светильник вселенная, слава православия». В 950 г. мощи св. Григория были перенесены из Назианза в Константинополь. Часть их была перенесена в Рим» (С. В. Булгаков. «Настольная книга»).

Св. Григорий, епископ Нисский, был младшим братом св. Василия Великого. Он был значительно моложе св. Василия. Образование его не было столь блестящим, как его брата. Оно ограничилось посещением отечественных школ и не было восполнено образовательным путешествием в центры просвещения. Знания, приобретенные им в языческой школе в Кесарии, были восполнены занятиями со св. Василием, которого он всегда называл своим учителем и отцом. В ранней молодости он не отличался и религиозностью. Одно время его занимало преподавание риторики. Позднее, под влиянием благочестивой супруги Феосевии, вскоре скончавшейся, и аскетически настроенной семьи, он удалился в монастырь св. Василия. В 371 г. св. Василий посвятил его в сан епископа в Ниссу, но, по проискам ариан, Григорий был лишен кафедры и проводил жизнь странническую, ободряя и поддерживая православных в борьбе с арианами. Только после смерти Валента он смог занять кафедру. В 381 г. он был видным членом Второго Вселенского Собора. Не будучи администратором и выдающимся церковным деятелем, он известен своей плодотворной литературной и учено-богословской деятельностью. Как в своих богословских воззрениях, так и в толковании св. Писания, св. Григорий ближе всех св. отцов и учителей Церкви стоит к Оригену. У него то же стремление объяснять догматы по началам разума. В своем труде «Великое огласительное слово» он дает руководство, как действовать при обращении неверующих – иудеев и язычников, и представляет доказательства от разума относительно истинности христианства. По изъяснению св. Писания, известны его Беседы на Екклесиаста, Песнь Песней, Молитву Господню и др. Умер он после 394 г.

Собственно в Александрии замечательным представителем Александрийской школы после Афанасия Великого был слепец Дидим. Он еще на четвертом году жизни ослеп, но, несмотря на это, достиг громадной учености, так что сделался катехером Александрийской школы. Умер в 395 г. Дидим был жарким почитателем Оригена и даже разделял некоторые из его оригинальных мнений, но в богословских вопросах, занимавших тогда общество, напр., в учении о Сыне Божием и Св. Духе он строго держался православного учения. Дидим составил комментарии почти на все св. Писание; сохранились три книги о Св. Троице и книга о Св. Духе.

Еп. Арсений, отмечая в «Летописи», что Дидим в свое время считался знаменитейшим ритором, философом, математиком и богословом, пишет: «Преп. Антоний Великий, посетив его в Александрии, сказал ему: «Не печалься, Дидим, о потере телесного зрения; ты лишился очей, какие есть и у мух, и у блох. Радуйся, что имеешь глаза, которыми видишь ангелов, Бога и Его свет».

Св. Кирилл Александрийский был видным представителем школы в 5 веке. Он был племянником архиепископа Александрийского Феофила и, с 412 г., преемником его на кафедре. Под его руководством, он получил отличное образование, как в богословии, так и в прочих науках, особенно в античной литературе, и довершил свое воспитание у монахов Нитрийской пустыни. В 403 г. он вместе с Феофилом был на соборе под Константинополем, осудившем св. Иоанна Златоуста. Когда, после преставления святителя, константинопольский первосвященитель Аттик предложил Кириллу внести имя Златоуста в церковные диптихи, св. Кирилл отказался, что объясняют убеждением его в законности низвержения святителя Иоанна. Лишь в 418 г., благодаря убеждению своего друга, святого Исидора Пелусиота, смягчавшего суровый характер святого Кирилла, он исполнил предложение Аттика. С 419 г. деятельность св. Кирилла почти всецело посвящена борьбе с Несторием. Несмотря на то, что последнего поддерживал император Феодосий, и его сторону держали патриархаты Антиохийский и (отчасти) Иерусалимский, св. Кирилл, в конце концов, одержал полную победу над ним. В своих сочинениях он защитил и обосновал «веру Церкви» по спорному вопросу, и настолько полно и ясно, что его учение стало учением всей Церкви. Напомним, что он, опираясь на папу Целестина, созвал собор в Александрии, который одобрил выработанные им тезисы его учения и изрек анафему Несторию (почему эти тезисы известны под именем анафематствований Кирилла). Третий Вселенский Собор в Ефесе в 431 г., при видном участии св.

Кирилл, осудил Нестория и его ересь. Святитель умер в 444 г. Кроме труда о Юлиане Отступнике и 12 анафемствований, св. Кирилл написал сочинения о Святой и Единосущной Троице, пять книг против Нестория. По изъяснению св. Писания, он написал толкования на Евангелия от Луки и от Иоанна, послания к евреям, коринфянам и другие. В своих толкованиях он придерживался приемов Александрийской школы, т.е. аллегоризма.

Преп. Исидор Пелусиот может быть отнесен, хотя не в строгом смысле, к этой школе. Он родился в Александрии от богатых родителей благородного происхождения, которые дали ему превосходное образование. Еще в молодых летах он оставил светскую жизнь и, удалившись на гору близ г. Пелусии, предавался подвижнической жизни. Но и в пустыне он не оставлял занятий науками, посвятив себя изучению богословия. С целью усовершенствования, Исидор ездил в Константинополь и слушал св. Иоанна Златоуста. По возвращении оттуда, он снова удалился в пустыню, где вскоре вокруг него собралось общество подвижников. Святой подвижническою жизнью, умом и образованием приобрел величайшее уважение современников. Его советы и наставления принимались всеми, не исключая епископов, вельмож и даже императора, как советы и наставления отца. Умер он около 440 г. Сочинения его состоят из писем, которых сохранилось более 2000. Содержание их разнообразно; большей частью – экзегетическое. Отличительная черта его изъяснений св. Писания – простота и ясность. В письмах догматического содержания он является ревностным защитником православного учения, чуждым страстности и увлечения. В письмах нравственного содержания преп. Исидор является замечательным наставником благочестия.

Св. Кирилл и преп. Исидор были последними наиболее замечательными писателями ново-Александрийской школы. Еще при жизни их некоторые из александрийцев довели направление Александрийской школы до крайности, разрешившейся после их смерти ересью монофизитской. Преп. Исидор замечал уже начатки этой ереси в Египте и писал по этому поводу несколько писем. С появлением монофизитства ново-Александрийская школа потеряла свое значение для православной Церкви.

Антиохийская школа

Она основана была в конце 3 в. В 4 в. она достигла своего высшего процветания. Направление ее было отлично от направления Александрийской школы. Антиохийская школа отвергала всякую отвлеченность в понимании догматов. Ясное и отчетливое понимание христианского вероучения на основании прямых указаний св. Писания и изложение его по правилам логического мышления составляло отличительную черту антиохийских богословов. Что касается толкования св. Писания, – которым Антиохийская школа занималась преимущественно перед Александрийской, – то оно состояло главным образом в исследовании прямого буквального смысла, при пособии филологии, археологии, и т.п. Аллегоризм и мистицизм в толковании Писания вообще очень мало ценились в Антиохийской школе. Последняя, как бы дополняя Александрийскую школу, принесла большую пользу духовному просвещению. К сожалению, некоторые из антиохийских богословов (Диодор тарсийский, Феодор мопсуетский и др). довели направление Антиохийской школы до крайности и упрочили в ней тот рационализм, который в 5 в. с такой силой заявил себя в несторианской ереси. Из числа ее представителей, чуждых ее крайностям, в 4 и 5 вв. замечательными были следующие:

Св. Кирилл, еп. Иерусалимский (314–386). Воспитанный при иерусалимской Церкви, он около 346 г. был поставлен пресвитером, а в 356 г. – епископом. Время служения его Церкви было временем борьбы ее с арианами. Он поражал их словом и делом. За это он подвергался преследованию со стороны известного арианина, Акакия, епископа Кесарийского, от которого ранее получил посвящение. Он объявил его лишенным кафедры. При имп. Юлиане он получил опять кафедру, но при Валенте вынужден был ее оставить. Только со вступлением на престол Феодосия Великого (379) он мог утвердиться на своей кафедре. В 381 г. он был на втором Вселенском Соборе в числе ревностных защитников Православия. Умер он в 386 г. Из оставленных им сочинений преимущественно обращают на себя внимание 23 огласительных поучения, из коих 18 к готовящимся к крещению и 5 к новокрещенным. Это спокойное, ясное и удобопонятное изложение догматов веры по членам Символа, без всяких умствований, с присоединением опровержения древних и современных ему еретиков.

Св. Иоанн Златоуст. Он был одним из лучших и замечательнейших

представителей Антиохийской школы, чуждый ее крайностей. Родился он около 347 г. в Антиохии; первоначальное воспитание получил под руководством благочестивой матери Анфусы. Светские науки, особенно красноречие, изучал он под руководством Ливания, а изъяснения св. Писания у учителя, пресвитера Диодора. Занимая константинопольскую кафедру, св. Иоанн заботился об исправлении клира, привыкшего к богатству и роскоши, возбудив этим вражду многих клириков и даже нескольких епископов. Было много недовольных им и среди знати за его проповеди против роскоши и зрелищ. Наконец, против него была и императрица Евдоксия.

Таким недовольством против святителя воспользовался архиепископ Александрийский, Феофил, человек гордый и властолюбивый, сделавшийся его врагом без всякого повода со стороны св. Иоанна. Преследуя монахов нитрийской пустыни за оригеновское направление, Феофил (хотя до того времени сам был в числе почитателей Оригена) разорил их кельи, а самих осудил и изгнал из Египта. Монахи ушли в Константинополь и просили св. Иоанна принять участие в их судьбе. Златоуст принял их так, как требовала христианская любовь – дал им приют, но до церковного общения не допустил. Он даже писал Феофилу, прося простить их. Но последний был раздражен этим делом и обвинил св. Иоанна в нарушении церковных канонов, запрещающих принимать в общение осужденных епископом другой епархии до рассмотрения дела собором. Златоуст желал теперь совсем уклониться от дела нитрийских монахов, но они нашли доступ к императору Аркадию и просили передать их дело с Феофилом на суд столичного епископа. Таким образом, св. Иоанн невольно должен был сделаться судьей Феофила. Но последний решил сделаться лучше судьей, чем подсудимым. Прибыв в предместье Константинополя, Халкидон, он решил судить св. Иоанна. Вступив в сношение с его врагами, он в 403 г. составил в Халкидоне собор (под Дубом) из епископов, приехавших с ним, и некоторых епископов константинопольского округа, недоброжелателей Златоуста. Здесь рассматривались ложные жалобы на св. Иоанна, принесенные низложенными и недовольными клириками. Златоуст не знал даже, в чем его обвиняют. Феофил со своим собором осудили св. Иоанна и низложили, выставив причиной оригенизм и оскорбление царского величества. Св. Епифаний Кипрский, вызванный обманом на собор для суда над св. Иоанном за оригенизм, покинув собор, до окончания его, сказал врагам Златоуста: «Оставляю сам столицу, двор и лицемерие».

Имп. Аркадий, под влиянием Евдоксии, утвердил решение и отправил

Златоуста в ссылку. Заволновался народ. Случилось землетрясение. Устрашенная Евдоския упросила Аркадия вернуть св. Иоанна. Торжественно было его возвращение через три дня. Святитель требовал созыва собора, который – 65 епископов – оправдал бы его от возведенных обвинений и восстановил на кафедре. Царь и народ просили его поскорее занять кафедру. Феофил, видя такой исход дела, вернулся в Александрию. Его приглашали в Константинополь для пересмотра дела, но он отказался.

Обострились отношения святителя с Евдоксией. На площади, недалеко от кафедральной церкви, поставлена была серебряная статуя императрицы. Шумные восклицания народа вокруг статуи заглушали богослужения. Святитель безуспешно просил префекта прекратить шум. Тогда он произнес пламенную проповедь против бесчинств. Евдоксии донесли, что святитель называл ее беснующейся Иродиадой. Она настояла на том, чтобы епископы, осудившие Златоуста и еще не разъехавшиеся, осудили его вновь. Те осудили его за то, что низложенный собором, он занял кафедру по распоряжению гражданской власти. Это было в 404 г. Слабохарактерный Аркадий приказал солдатам схватить св. Иоанна. Его отправили в Кукуз на границе Армении. В 407 г., когда обнаружилось, какую всеобщую любовь приобрел там святитель, враги его добились перевода Златоуста в Пифиунт. По дороге туда, св. Иоанн, истомленный страданиями, преставился в 407 г., в Понте, недалеко от нынешнего Коман (Токат) у склепа св. Василиска. Последним его словами были: «Слава Богу за все». При константинопольском патриархе Прокле, ученике Златоуста, мощи последнего были, в 438 г., торжественно перенесены в Константинополь.

Св. Иоанн Златоуст обладал необыкновенной проповеднической способностью. В своих беседах он изъяснял преимущественно св. Писание. Отличительные черты его толкования – простота, наглядность, общедоступность и увлекательность. Не отвергая аллегорического изъяснения Писания, он обращал преимущественное внимание на смысл буквальный. Ему принадлежат: Беседы на Евангелие Матфея, послания к Римлянам, 1-е Коринфянам, Галатам, Ефессянам и прочим. Из догматических его бесед замечательны: 12 бесед о непостижимом против Евномия, о провидении, против иудеев и язычников. Он оставил обширное сочинение о священстве в 6 книгах. Это – глубокомысленный трактат о значении и важности пастырского служения и о качествах, требующихся от пастырей. Ему принадлежит чин литургии, носящий его имя.

Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Родился он в Антиохии в 386 г. На него имела большое влияние мать. Богословское образование он

получил в Антиохийском училище, вместе с Несторием. Он рано поступил в монастырь св. Евтропия и был там чтецом. Жизнь его до епископства мало известна. Сделавшись в 422–3 г. епископом г. Кира на Евфрате, он приобрел громкую славу общественного деятеля, пастыря и писателя. Он был весьма образованным богословом 5 века, являл пример христианского аскетизма и глубины христианского умозрения. С молодости он стремился к бедности и уединению. Первое влечение он мог удовлетворить, раздав еще в Антиохии часть своего имущества, остальную употребляя на украшение Кира. Главной же заботой его было обращение еретиков, которых в Сирии было множество. Обладал он и ораторским искусством. Как друг и однокашник Нестория, Феодорит, во время несторианских споров стоял за Нестория. Выступал он против св. Кирилла Александрийского. Но затем он отказался от Нестория. Решительно выступил он против монофизитской ереси Евтихия и претерпел за это скорби. На разбойничьем соборе в Ефесе Феодорит был низложен. Поруганный, он удалился в монастырь, откуда обращался к папе Льву, в поисках правды. После смерти императора Феодосия, в 450 г., император Маркиан восстановил Феодорита в его правах, Халкидонский Собор принял его как епископа и признал его вероучение правильным. Умер он во время общего признания его заслуг, но и после его смерти его имя и учение подвергалось гонениям со стороны монофизитов. Он был глубоким и разносторонним писателем. Самый важный его труд – «История Церкви», состоящий из 5 книг. Отличается он беспристрастием, основан на подлинных документах, которые иногда приводятся полностью. Из сочинений его, кроме полемических в защиту Нестория и в опровержение монофизитства, особенно замечательны следующие: Толкование на Псалмы, Песнь Песней, на Пророков и послания ап. Павла, «Врачество против языческих заблуждений». Умер он в 457 г.

Школа Восточно-Сирийская (Эдесско-Низибийская)

Эта школа, по своему направлению, примыкала к Антиохийской. Учителя последней и их произведения были у нее в большом почете. Основана она была преп. Ефремом Сириным, который и был ее первым и лучшим представителем. Родился он в Низибии в самом начале 4 в. По сказанию сирского жизнеописания, он был сыном языческого жреца, который за обращение его к Христу изгнал Ефрема из родительского дома. Сам называет себя «неученым и малосмысленным». В этом сказалось его смирение. Его учености удивлялся св. Василий Великий. По его сочинениям видно, что он хорошо знаком был с произведениями не только христианских ученых, но и с «эллинской мудростью», с языческой мифологией и началами тогдашнего естествознания. В проповедях он говорил о пользе знания и образования, которые, по его выражению, «выше богатства». Воспитывался преп. Ефрем под руководством св. Иакова Низибийского и сначала был учителем сирийского языка в основанной им в Низибии школе. В 262 г., после неудачной войны Юлиана Отступника в персами, Низибия отошла к последним. Ефрем переселился в Эдессу, где основал новую богословскую школу. В ней он толковал св. Писание и поучал вере и благочестию. Совершил он незадолго до смерти путешествие в Египет к тамошним подвижникам. Скончался он в 373 г., в Эдессе в сане дьякона.

Число его сочинений достигало до 1000, не считая составленных им и вошедших отчасти в богослужбное употребление молитв, а также стихотворений, излагающих церковное учение и положенных на народные напевы. Первое место среди его сочинений занимают его толкования на св. Писание, дошедшие до нас не вполне. Особенную цену его толкованиям придает знание им еврейского языка, этнографии и географии Палестины. Его богословие строго охранительного направления. Из знакомства с «эллинской мудростью» он вынес о ней отрицательное впечатление, отчего свое теоретическое мирозерцание обосновывает исключительно на религиозных началах, на т.н. вере Церкви. Даже в своих сочинениях против еретиков он не входит в научное обсуждение их еретичества, а довольствуется указанием на несогласие их с верой Церкви и глубокой скорбью о нечестии вольнодумцев. Очень хороши его проповеди, особенно нравоучительные. Он не столько доказывает, сколько высказывает свои мысли и чувства. «Сирский пророк», как называли его современники, является здесь в своей прирожденной сфере. Он истинный и настоящий

проповедник в христианском понимании. Его слова чужды искусственной конструкции и условной риторики. Проповедь его обращается в настоящую гимнологию. Господствующие доводы в его проповеди, удачная выдержка из св. Писания; главное содержание – учение о жизни для Бога и в Боге. Несоответствие действительной жизни христианского общества с христианским идеалом наполняет его душу неутешной скорбью. Его проповедь покаяния не есть проповедь мрачного и безотрадного состояния духа. Он обращает слушателя к христианскому учению о благодати Божией. Уныние выставляется им как тяжкий грех. Из его трудов замечательны: толкование на Пятикнижие, Иисуса Навина, Судей, Царств, Паралипоменон, Иова, великих Пророков и некоторых малых, на послания ап. Павла и др. Оставил он также сочинения полемические и аскетические.

Эдесская школа, основанная преп. Ефремом, служила учебным заведением, в котором получали образование пастыри и учителя сирской Церкви. Впрочем, вскоре эта школа, вслед за Антиохийской, стала проводить односторонние взгляды на догматы и постепенно сделалась еретической. В 5 в., во время борьбы Церкви с несторианством, учителя ее высказались в пользу Нестория и против св. Кирилла Александрийского. Таков был известный ученый пресвитер Ива, впоследствии епископ Эдесский. После Ивы, который еще колебался между православием и несторианством, при Фоме Варсуме, Эдесская школа стала решительно склоняться к несторианству и, перенесенная после разрушения ее, в Низибию, сделалась средоточием несторианкой учености.

Великие Святители Восточной Церкви

Святитель и чудотворец Николай, архиепископ Мирликийский, еще в детстве проявлял особенные знамения благодати, почившей на нем, и затем во всю свою жизнь был строжайшим постником и подвижником благочестия. Дядя его, епископ города Патар (в Малой Азии, в области Ликии), усмотрев особенные его дарования, посвятил его в священники. Вскоре после этого скончались родители св. Николая, и он все имущество, оставшееся от них, раздал бедным. При этом он всячески заботился о том, чтобы помощь его шла на истинную пользу не только тела, но и души бедных, и любил раздавать милостыню тайно, чтобы имя его оставалось в неизвестности (помощь обедневшему купцу для устройства трех его дочерей).

Будучи пресвитером, он посетил Палестину, для поклонения святым местам, и желал совсем удалиться в пустыню, чтобы служить единому Богу, но на молитве был ему голос: «Николай! Тебе должно подвизаться среди народа, если желаешь получить венец от Меня».

Случилось, что во время путешествия он прибыл в город Миры. В Мирах в это время скончался епископ. Собрались епископы соседних церквей для избрания нового епископа. Одному из них было откровение, чтобы избран был тот священник, который на другое утро раньше всех придет в церковь. Святой Николай прибыл в этот город накануне, встал в полночь, по своему обычаю, для молитвы и затем поспешил в храм. Здесь объявили ему о Божием избрании.

В сане епископа святитель Николай отличался особенно кротостью, смирением и незлобием. Двери его скромного жилища были целый день открыты для всех, нуждающихся в его наставлениях. Во время гонения от Диоклетиана он претерпел темничное заключение. Возвратившись к своей пастве при Константине Великом, он был на Никейском вселенском соборе, где с особой силой восстал против Ария. Так как ересь Ария нашла себе много приверженцев среди ученых и придворных, и некоторые даже из епископов думали, нельзя ли как примирить ее с православным учением, то святитель Николай счел своим долгом прямо и решительно перед всем собранием осудить нечестивое учение Ария.

После возвращения из Никеи, святитель продолжал управлять паствой в духе кротости и по-отечески заботился о всех. Вот примеры его отеческого попечения о нуждах паствы. Один раз, по случаю мятежа во Фригии (соседняя с Ликией область), император послал туда трех

военачальников с подчиненными им воинами. На море застигла их буря, и они высадились на берег в Ликийской епархии. Тут воины стали обижать жителей и силой отнимать у них то, что должно было по добровольному соглашению купить. Святитель Николай немедленно прибыл на это место и убедил воевод, чтобы они, наказав своих воинов, держали их в должном повиновении.

Между тем, в его отсутствие, правитель Мир-Ликийский по наветам злых людей, несправедливо осудил на смерть трех граждан. Некоторые из жителей г. Мир пришли к Святителю и рассказали ему об этом. Святитель Николай поспешил в город и, придя на площадь, увидел, что осужденные со связанными руками уже лежали на земле, и палач вынимал меч, чтобы отсечь им головы. Он отнял у палача меч, развязал невинных и поднял с земли. Затем объяснил правителю неправильность его суда и убедил отменить его приговор.

Святитель Николай скончался в глубокой старости (декабря 6 дня 343 года) и был погребен в соборной Мирской церкви. Впоследствии мощи святителя Николая перенесены были в 1087 г. в гор. Бари – в Италии, где покоятся и доныне. Праздник перенесения мощей святителя Николая 9-го Мая.

Св. Мелетий, епископ Антиохийский получил свой сан в самый разгар арианских смут. Ариане составляли большинство во время его выборов. Но очень вскоре они убедились в своей ошибке. Св. Мелетий начал открыто исповедовать истинное православие. Ариане добились через месяц его удаления. В начале правления Юлиана, он был возвращен. Во время его отсутствия был назначен арианский епископ. Строго же православные выбрали епископом пресвитера Павлина, совершавшего для них богослужения после ссылки Мелетия и ставшего их епископом перед возвращением святителя. Они не принимали к себе тех ариан, которые возвращены были в истинную Церковь проповедью Мелетия, а также не признавали и последнего, как избранного арианами. Кроткий Мелетий не отрицал епископства Павлина и спокойно пас свое стадо. Вскоре он снова был изгнан по приказу Юлиана. Благочестивый царь Иовиан вернул его на кафедру и почитал святителя. При Валенте он был снова изгнан. Царь Грациан вернул его. Продолжались несогласия с павликианами, но по царскому указанию настоящим архипастырем признан был Мелетий, оставивший Павлина пасти своих последователей. Очень почитал св. Мелетия имп. Феодосий. Не зная Святителя, император во сне видел Мелетия, венчающего его на царство. Он узнал Святителя, когда тот, в числе других иерархов, прибыл в Константинополь на Второй Вселенский

Собор, председателем которого был избран, но непосредственно после этого преставился (381 г.). Святители Златоуст и Григорий Нисский составили ему панегирики. Из его сочинений известны «Слово при вступлении на Антиохийскую кафедру» и «Исповедание веры», в которых он безусловно отрицает арианство.

Духовное просвещение на Западе в 4 и 5 веках

В первые три века духовное просвещение сосредоточивалось преимущественно в Церквах восточных. Западные далеко отстали от них в этом отношении. Если и появлялись в западных Церквах замечательные и оригинальные писатели, например, из северо-африканской школы, то они были чужды всестороннего богословского образования, не знали и не хотели знать ни философии, ни умозрений в области догматической. Но в 4 в., во время арианских споров, и западные церковные писатели, вовлеченные в эти споры, по необходимости должны были познакомиться с догматическими умозрениями восточных писателей, и подобно им, вести борьбу с еретиками на научной почве. В этом случае, западные писатели брали за образец писателей ново-Александрийской школы и являлись их подражателями. Из западных писателей замечательны:

Иларий, епископ пуатьеский. Он происходил из благородной языческой фамилии, принял крещение уже в мужественном возрасте вместе с женой и дочерью. Около 350 г., в самый разгар борьбы с арианами, Иларий был избран в епископа своего отечественного гор. Пуатье. Вскоре ему пришлось вступить в борьбу с арианами, именно, в 355 г., на медиоланском соборе, в присутствии имп. Констанция. Он защищал с другими западными епископами св. Афанасия. За это он с другими епископами сослан был на восток, во Фригию. Здесь он ближе ознакомился с догматическими воззрениями ново-Александрийской школы. После четырехлетней ссылки, Иларий возвратился на свою кафедру и ревностно заботился об уничтожении в галльской Церкви арианства. Умер он в 368 г. Заслуги его для Церкви так ценили, что называли Афанасием запада. По своим догматическим воззрениям он, не будучи самостоятельным писателем, примыкал к писателям ново-Александрийской школы. Среди его сочинений самыми замечательным считается о Св. Троице в 12 книгах, написанное во время заточения во Фригии.

Святитель **Амвросий Медиоланский**. Он родился в 340 г., происходил из знатной римской фамилии. Занимал должность консулярия (губернатора) провинций Емилии и Лигурии, живя в Медиолане (Милане). Престол миланской церкви, в течение двадцати лет, занимался арианами. После смерти еп. Авксентия, арианина, собрался в храм народ для избрания ему преемника. Православные и ариане желали иметь епископа своего исповедания, и от споров дело начало доходить до борьбы. Для

наведения порядка туда прибыл Амвросий. Едва он показался в храме, как раздался детский голос: «Амвросий – епископ», что принято было всеми за указание свыше. Амвросий поставлен был епископом, хотя принял крещение только перед самым посвящением. В семь дней он прошел все церковные степени и посвящен во епископа 7 декабря 374 года. Предавшись изучению творений великих отцов Восточной Церкви: Афанасия Вел., Кирилла Иерусалимского и Василия Великого, он дополнил скудость своего прежнего духовного образования и был одним из красноречивейших проповедников Западной Церкви. Самым важным красноречивым свидетелем этого является блаж. Августин, который, увлеченный прекрасной формой и глубоким содержанием его проповеди, под влиянием ее, крестился. Проповеди его грешат иногда большими отступлениями и чрезмерной иносказательностью. Амвросий был замечательным писателем. Его творения изобилуют весьма ценными практическими замечаниями и оказывали большое влияние. В своих трудах он опирался на св. Кирилла Иерусалимского и св. Василия Великого. Это заметно в сочинениях «Таинство», где чувствуется влияние первого, и о «Вере» и «Св. Духе», где отражается влияние второго. Из нравоучительных сочинений его особенно замечательно «О должностях служителей», то есть Церкви, в трех книгах. Он доказывает в нем превосходство христианского учения перед языческим. По части толкования св. Писания, Амвросий писал только преимущественно объяснения на отдельные исторические сказания. Во всех его объяснениях проглядывается оригеновский аллегоризм и мистицизм. Шестоднев св. Амвросия является почти полным переводом Шестоднева св. Василия Великого.

Св. Амвросий известен и как преобразователь церковного пения. До него пение на западе состояло из монотонного и безыскусственного речитативного пения псалмов и молитв, с незначительным лишь повышением голоса. По примеру восточной и, особенно Сирийской Церкви, он ввел размеренный такт, правильные ритмы и придал разнообразие мелодии пения. Приходилось часто Амвросию, особенно в дни страстной седмицы, проводить в богослужении целые ночи и успокаивать возмущенный правительством народ. С целью ободрить молящихся он ввел антифонное, – то есть на два лика, пение и песни во славу Трипостастного Бога. Пение это употреблялось на Востоке еще со времен Игнатия Богоносца, а на Западе только теперь в первый раз. Когда имп. Юстина, мать имп. Валентиниана II, арианка, опасаясь народного возмущения и вторжения из Галлии, прекратила гонения на православных,

св. Амвросий, по этому случаю составил благодарственный гимн-молитву «Тебе Бога хвалим» (386 г.). Скончался он в 397 г. Из Медиолана пение быстро распространилось, и в течение 5 и 6 вв. Амвросиево пение господствовало по всему западу.

Блаженный Иероним был одним из учнейших писателей Западной Церкви. Родился он вернее всего между 340 и 342 гг. (указываются также 331 и 346 гг). в Стридоне, городке, находящемся на границе Далмации и Паннонии. Родители его были благородного происхождения и благочестивыми христианами. Школьное образование получил он в Риме, богословским же образованием обязан Востоку. Нравственные устои, заложенные в семье, взяли верх над низменными порывами и увлечениями молодости. С момента крещения, он определенно вышел на аскетический путь. С этих пор он любил посещать катакомбы и пещеры подвижников. Он отправился в Палестину для поклонения св. местам. Затем он поселился в Халкидской пустыне, сосредоточии сирийского подвижничества, где он провел 5 лет в тяжелых условиях отшельнической жизни и научных занятий. Там он начал изучение еврейского языка. Прибыв в Антиохию, он поставлен был пресвитером православным епископом Павлином. Продолжал научные занятия. Побывав в Константинополе, он слушал проповеди св. Григория Богослова и вел ученые беседы с св. Григорием Нисским. К этому времени относится его увлечение Оригеном. Папа Дамас вызвал его в 381 г. в Рим, как знатока Антиохийской Церкви, дела которой обсуждались на происходящем там соборе. По поручению папы, он начал тогда пересмотр и исправление латинского перевода Библии. В это время он написал много нравственно-назидательных писем. У него появилось много врагов, укором для которых была его подвижническая жизнь и неприятна была та резкость, с которой он обличал нравы тогдашнего Римского общества. После смерти папы Дамаса, он удалился в Палестину. Совершив путешествие по св. местам Палестины, Сирии и Египта, повидав преп. Исидора Пелусиота, он в 387 г. прибыл в Вифлеем. Он поселился в устроенном им же самим монастыре. Главным занятием его в это время был перевод св. Писания на латинский язык. Отсюда же он писал много писем на запад, между прочим, против появлявшихся там разных лжеучителей. Перевод его Библии не лишен некоторых недостатков, но – в общем – красота, выразительность и ясность речи сочетались с точностью словесного выражения. Его труд и тогда вызывал возражения. Но при папе Григории Великом он был принят во всеобщее употребление в латинской Церкви, а с 13 в. сделался известным под общим названием «Вульгаты». В Вифлееме определилось и

изменение его отношения к трудам Оригена. Он сделался ярким обличителем его заблуждений. Выступал он против пелагиан. Нравственно-аскетическая деятельность Иеронима, как христианского аскета, нашла широкое выражение в многочисленных письмах. Большинство из них имеет нравоучительно-аскетический характер. Как опыты живого воспроизведения возвышенно-подвижнической жизни, из под пера Иеронима вышли три в высшей степени поучительных жизнеописаний подвижников – Павла Фивейского, Малха монаха и св. Илариона. Но главнейшие работы Иеронима составляют его библиологические и исторические труды. Он был преимущественно ученым библеистом и историком. О его главном труде «Вульгате» сказано выше. В области истории Иероним перевел на латинский язык «Хронику» Евсевия. Написал он «Каталог о знаменитых мужах», в котором тоже, главным образом на основании истории Евсевия, представил в последовательном изложении обзор всей христианской литературы, закончив 14 годом правления имп. Феодосия младшего.

В общем, Иероним был несомненно многознающим ученым, искусным ритором, человеком, проникнутым глубоким христианским чувством и воодушевлением, хорошим стилистом, но не глубоким мыслителем-богословом. Он являлся выразителем догматических взглядов, заимствованных, главным образом, у Григория Богослова и Григория Нисского. Его аскетика составляет весьма ценный и плодоносный источник для уяснения начал христианской нравственности. В отношении библиологии он приближается по значению к Оригену, в области истории – к Евсевию Кесарийскому (Прав. Богосл. Энциклоп.). Скончался он в 420 г.

Блаженный Августин, епископ Иппонский (353–430). Сын язычника Патриция и благочестивой христианки Моники. От матери он унаследовал свою горячую, любящую натуру, и по ее молитвам, обратился в христианство. Ранняя его жизнь была бурная. Когда он получил начальное образование на своей родине (в Тагасте, в Нумидии), его честолюбивый отец, польщенный его успехами, отправил его на 16 году, в Карфаген, где он учился три года. Творение Цицерона пробудило в нем любовь к истине. Но сначала его не удовлетворило чтение Библии, как позднее и разные философские и религиозные школы. Одно время он преподавал риторику в Тагасте и в Карфагене, но как учитель особенного успеха не имел. Все же префект Римский отправил его в Медиолан в качестве преподавателя. Так и произошел у него перелом, под влиянием Святителя Амвросия. Став в 395 г. епископом, Августин вел неустанную борьбу против разных ересей.

Под его ударами пали манихеяне и донатисты, пелагиане и полупелагиане. Творения, составленные им в разгар этих споров, принесли ему бессмертие и дали тон и направление всему последующему богословию западной Церкви. Особенно замечательны два его произведения: «Исповедь», в которой он в высшей степени смиренно и откровенно, с полным признанием всех своих греховных увлечений, обзревает жизнь до самого своего обращения. Таким образом, эта книга в одно и то же время представляет собой и источник глубокого религиозного назидания, и самую надежную автобиографию. Другим важным творением является «О граде Божием». Блаж. Августин один из учителей вселенской Церкви, которого почитают все христианские исповедания. Он был также и величайшим проповедником, который быстро составлял свои проповеди. Конечно, над многими из них он работал предварительно. Но еще большее число их явились плодом мгновенного вдохновения. Он не был таким ученым, как блаж. Иероним, так как не знал еврейского языка и слабо знал греческий, но у него было более глубокое духовное понимание св. Писания, чем у кого либо из западных учителей Церкви. Замечателен он был своей решимостью в защиту истины, бесстрашием при этом и возвышенным духом.

После Августина выдающихся писателей в западной Церкви не было, кроме разве папы Льва I Великого (440–461), который написал известное послание к константинопольскому архиепископу св. Флавиану о соединении в лице Иисуса Христа двух естеств, против Евтихия.

Духовное просвещение в 6–8 веках

С 6 в., или даже в половины 5 в., начинается упадок духовного просвещения. Разные богословские вопросы, требовавшие разрешения, получили его в предшествующие века на соборах, при участии великих отцов и учителей Церкви. Новых вопросов, начиная с 6 в., не поднимается более. Если в 7 в. и был поставлен новый вопрос о волях в Иисусе Христе, то решение его дано было раньше отцами, боровшимися против монофизитства. Таким образом, материал православно-христианской догматики был дан и разработан. Интересы к новым догматическим исследованиям не было. Даже более, – по понятиям богословов 6–8 веков, – было опасно пускаться в новые догматические исследования, т.к., при новой разработке богословских вопросов, представлялось возможным отступить от учения древних отцов и погрешить против православия. Богословам оставалось только собирать завещанный прежними веками, богословской материал, изучать его и применять к обстоятельствам своего времени. Следствием такого направления богословской мысли был упадок самостоятельной богословско-литературной деятельности, а вместе с тем, и упадок духовного просвещения. С другой стороны, упадок духовного просвещения обуславливался стечением многих неблагоприятных обстоятельств церковной и политической жизни Востока и Запада. Так, вмешательство византийских императоров не только в церковное управление, но и разрешение богословских вопросов, стесняло всякое проявление самостоятельной деятельности в области духовной.

Императоры своими указами повелевали всем мыслить о религиозных вопросах так, а не иначе. Такие указы издавались во множестве во времена монофизитских и монофелитских волнений. Во время иконоборства давление императоров дошло до крайних пределов. Преследуя и губя иконопочитателей, императоры иконоборцы преследовали и губили духовное просвещение. Они преследовали монахов, из которых многие были учителями и переписчиками книг, истребляли книги и даже целые библиотеки и тому подобное.

Падение классического образования также неблагоприятно повлияло на духовное просвещение. Языческий культурный мир, отстаивавший, между прочим, науки и искусства, угас в 6 в. окончательно. Последние классические школы в Афинах, в которых преподавались древняя словесность и Платонова философия, были закрыты Юстинианом I. А так как в классических школах получали образование христиане и даже отцы

Церкви, то, с закрытием их, прекратились и средства к получению общего образования. Юстиниан, к тому же, прекратил жалование публичным наставникам и тем нанес окончательный удар образованию.

Наконец, арабы-мусульмане и варварские народы, своими почти постоянными вторжениями в области империи, довершали количество неблагоприятных условий для развития духовного просвещения. Целые христианские области предавались огню и мечу, при этом уничтожались школы, произведения искусств и наук. При халифе Омаре погибла в огне знаменитая Александрийская библиотека. Готы и особенно вандалы и др. варварские народы своими опустошительными набегами также отнимали все средства, – главным образом на Западе, – к духовному просвещению. Вообще тревожная политическая жизнь христиан в эти века сильно вредила успехам духовного просвещения.

При всем том и в эти столетия мы видим нескольких замечательных писателей в Церквах восточных и западных. Они не могут быть поставлены в ряду великих отцов и учителей 4 и 5 вв., но, тем не менее, своими трудами принесли Церкви много пользы.

Леонтий Византийский, живший в конце шестого столетия. Первоначально он был адвокатом и принадлежал некоторое время к несторианской ереси. Потом, присоединившись к православной Церкви, он сделался ревностным обличителем как несторианской, так и других ересей. Леонтий замечателен, как богослов-полемика. Он оставил много полемических сочинений, напр., «Книгу о сектах», в которой исторически опровергает их, основываясь, главным образом, на древних отцах. Писал он против несториан, евтихиан, монофизитов, аполлинаристов. Он приводит из древних отцов изречения, неблагоприятные для еретиков. Леонтий был, после своего обращения, монахом в обители преп. Саввы Освященного в Палестине. Скончался он в 590 г.

Преп. Максим Исповедник (582–662 г) – знаменитый церковный деятель и учитель, самый сильный после Оригена, философский ум на христианском востоке. Глубокий знаток Платона и Аристотеля, а также неоплатоников, он прославился своей неустанной и решительной борьбой против монофизитской ереси. Происходя из благородной и знатной константинопольской семьи, получив превосходное образование, он долгое время был секретарем имп. Ираклия. Но, когда тот, в попытках примирения с монофизитами, издал указ, породив монофелитство, Максим, ревнуя о Православии, оставил двор. Он стал иноком одного из константинопольских монастырей и затем вступил в борьбу с монофизитством. С этой целью он ездил в Египет, в северную Африку и

долгое время провел в Риме. После того, что папа Мартин был увезен в Рим и замучен, преп. Максим также был судим за государственную измену. Он с двумя своими учениками подвергся урезанию языка и усечению правой руки (659 г.) и был сослан в страну лазов (близ Кавказа), где и преставился в 662 г. Сочинения преп. Максима, по большей части, направлены против монофизитства и монофелитства. В них он обнаружил замечательное глубокомыслие и ученость. Впадает он в мистицизм, напоминая таковой св. Дионисия Ареопагита. Кроме догматико-полемиических сочинений, он писал и толкования на св. Писание и на древние отеческие творения.

В толкованиях он следовал древним писателям Александрийской школы, а своим аллегоризмом напоминает более всего Григория Нисского.

Преп. **Иоанн Дамаскин**, родившийся около 673–6 гг., – один из знаменитейших отцов Церкви и богословов. Отец его, Сергей, занимал должность первого министра у дамасского калифа Абдалмелеха. Родители его знамениты были древностью рода и благочестием. Воспитанием Иоанна руководил просвещенный инок Косма, которого отец его купил в числе пленных, привезенных на рынок. Благодаря знатности рода, блестящим способностям и отличному воспитанию, Иоанн быстро возвышался и занял должность первого министра у калифа дамасского.

Управляя Дамаском, Иоанн в то же время ревностно подвизался в пользу Церкви, защищая ее от разных врагов силой и власти, и слова. По поводу открывшихся в Константинополе иконоборческих споров, он написал несколько посланий к тамошним христианам, в которых силой и красноречием защищал древний догмат иконопочитания. Император Лев Исавр, чтобы отомстить Иоанну, приказал своему писцу изучить почерк его руки. Потом сочинено было подложное письмо от имени Иоанна к императору, в котором Иоанн будто бы выражал готовность изменить своему властителю и отдать Дамаск грекам, послано было к калифу, который поверил клевете и велел отрубить Иоанну правую руку. По слезной молитве Иоанна перед иконой Богоматери, чудесной помощью Ее, срослась эта отсеченная рука со своим суставом.

По поводу своего чудесного исцеления, св. Иоанн воспел в честь Божией Матери песнь: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь». Песнь эта поется у нас в дни Великого поста в качестве задостойника. Кроме того, в память своего исцеления святой Иоанн сделал серебряное изображение кисти руки и прикрепил его к иконе, перед которой молился. Весть о чуде быстро облетела весь Дамаск. Икона была чтима, как чудотворная, многие стремились приобрести список с нее.

Живописцы, делавшие копии с нее, пририсовывали и третью руку, прикрепленную св. Иоанном Дамаскиным. Отсюда и получилось изображение Божией Матери, называемое «Троеручицей».

Узнал об исцелении св. Иоанна и калиф и, убедившись в его невинности, хотел осыпать св. Иоанна всеми благами мира. Но св. Иоанн, узнав на опыте своей жизни, как непрочны все земные блага, не захотел оставаться в Дамаске и удалился в Палестинскую лавру Саввы Освященного. Здесь сначала ни игумен и никто из иноков не решались взять под начало столь знаменитого мужа. Наконец, один старец согласился взять св. Иоанна, но чтобы смирить его ум, он запретил ему заниматься писательством.

Долго выдерживал это испытание св. Иоанн, но однажды, когда старец отсутствовал в обители, к св. Иоанну пришел один инок. У него умер родной брат, с которым они жили душа в душу. Инок просил св. Иоанна составить погребальные песни на смерть его брата, чтобы этим облегчить свою скорбь. Долго колебался св. Иоанн, а инок умолял его во имя любви Христовой... На св. Иоанна снизошло вдохновение, и он написал те самые песнопения, какие ныне поются при погребении.

Старец, учитель св. Иоанна, узнал о нарушении данной им заповеди, отлучил его от общения с собой и согласился простить его только при том условии, если св. Иоанн в знак своего смирения очистит сам своими руками все грязные места монастыря. И вот бывший вельможа с радостью и смирением идет выполнять строгий приказ старца. Увидя смирение Иоанна, старец понял, что св. Иоанн уже духовно созрел и принял его к себе с любовью. В ту же ночь старцу явилась Божия Матерь и повелела ему, чтобы отныне он уже не запрещал св. Иоанну сочинять свои боговдохновенные песни. Старец внял голосу Божией Матери и с тех пор не препятствовал святому Иоанну писать священные песнопения» (Петр Смирнов. «История христ. прав. Церкви»).

Преп Иоанн обладал обширной ученостью. Философии Аристотеля он обязан точностью, отчетливостью и последовательностью мышления, которыми отличаются его сочинения. В сочинениях Иоанна о ересь исторически рассматриваются еретические системы, появившиеся в Церкви до иконоборчества включительно. «Точное изложение православной веры» – особенно замечательное произведение Дамаскина. Это первая православная догматическая система, составленная на основании учения древних отцов, преимущественно 4 в. и соборных определений. В систематизировании и своде догматического материала, разработанного в прошлые века, состоит заслуга преп. Иоанна. Труд его и

доселе служит образцом для богословов не только восточной, но и западной Церкви. Главные сочинения Петра Ломбарда и даже Фомы Аквината – это схоластические переделки богословия Дамаскина. Высоко ценится преп. Иоанн как поэт-гимнолог. Его службы на Пасху (особенно пасхальный канон), каноны на Рождество Христово, на Богоявление, на Вознесение, его осьмикнижник («Октоих») – превосходные, высокопоэтические произведения. Всех канонов им написано 64. Еще при жизни песнопения Дамаскина распространились далеко за пределами Востока. Октоих его, по повелению имп. Карла Великого, был принят к употреблению и в западной Церкви. В восточной Церкви введение в богослужение песнопений преп. Иоанна изменили весь строй его. За необычный поэтический дар Дамаскину было усвоено название «Златоструйный». Замечательны его сочинения против манихеев (павликиан), несториан, манозитов и монофелитов. Преставился он между 777–780 гг. Считается, что он прожил 104 года.

Из писателей Западной Церкви надлежит отметить папу римского св. Григория Двоеслова и Беду Достопочтенного.

Св. **Григорий Великий** или **Двоеслов**, папа Римский (590–604), родился между 540 и 550 гг. Он происходил из знаменитой senatorской фамилии, вероятно Анициан, был уроженцем Рима. Воспитанный сообразно своему положению, он посвящен был в диалектику и риторику, изучал законоведение. Григорий служил на гражданской службе при имп. Юстине и пользовался его доверием. Его род отличался большой религиозностью: мать Сильвия и две сестры отца были канонизированы. Он изучал творения св. Амвросия и блаженных Августина и Иеронима. Глубоко религиозная натура Григория возмущалась роскошью и честолюбием, связанными с его должностью. Он решил удалиться от мира. Все свое огромное богатство он употребил на построение шести бенедиктинских монастырей в Сицилии, и седьмой основал в Риме в собственном доме. Затем он сам стал монахом, и предавался такому суровому аскетическому подвижничеству, так что ему, из-за пошатнувшегося здоровья, грозила опасность смерти. В это время обратил на него внимание папа Пелагий II. Он взял его из монастыря, рукоположил в сан дьякона (578) и отправил в Константинополь. Возложенное на него поручение он исполнил с большим успехом. В Царьграде он начал свой известный труд «Толкование на Иова или XXXV книг о нравственности». После возвращения в Рим (585 г.), он продолжал принимать деятельное участие во всех делах курии. После смерти папы Пелагия, Григорий был единогласно выбран духовенством, сенатом и народом его преемником и

был принужден принять эту должность. Положение Римского епископа в то время было трудное. С одной стороны он был тесним арианскими полуварварскими ломбардами, с другой – должен был во многих отношениях подчиняться власти византийского императора и его представителя в Италии, экзарха Равеннского. Но, обладая большими государственными и административными способностями, имея, как папа, огромные земельные владения, Григорий умел выходить из трудных положений. Много потрудился он для христианского просвещения чужеземных стран, в особенности Испании и Англии. Благодаря влиянию друга Григорий, еп. Леандра Севильского, король вестготов, Реккаред отошел от арианства и присоединился к православной Церкви. Будучи монахом, Григорий проникся жалостью к англо-саксонским мальчикам, выставленным в Риме на продажу в качестве рабов. Он собирался отправиться в Англию в качестве миссионера, но не был отпущен папой. Сделавшись папой, он отправил в 596 г. монахов в Англию. Через год король и 10000 его подданных крестились. Он сильно распространил влияние Римской кафедры в западных странах. Григорий был строг и явно стремился к верховенству. Весьма характерными были его старания отделить монахов от мирского духовенства. Он много сделал для преобразования монастырей, но еще более для упрочения их независимости. Очевидно, у него была мысль сделать из монахов могучее орудие, которым папа мог бы располагать независимо от духовенства. С другой стороны, некоторые из особенностей монашеской жизни он перенес на духовенство, напр., целибат (безбрачие), о введении которого особенно заботился. Для духовенства он написал, вскоре после своего восшествия на папский престол, знаменитую книгу: «Пастырское правило», которая была переведена на греческий язык, а в западной Церкви считалась совершенно необходимой для всякого епископа и пресвитера. Проповедь он считал важнейшей обязанностью священников, и сам в этом отношении подавал блестящий пример. Со светскими науками он был знаком недостаточно и не придавал им никакого значения в богословии. Св. Писание изучил хорошо, а также сочинения бл. Августина. Сочинения Григория полны высоких нравственных мыслей. Название Двоеслов (Собеседователь) усвоено св. Григорию на Востоке за его сочинение: «Разговоры (собеседования) о жизни и чудесах италийских отцов». Оно представляет собой весьма назидательное чтение. Им составлена Литургия Преждеосвященных Даров. Им же произведен полный переворот в церковном пении. Вместо Амвросиева пения, он ввел свое, так называемое «Григорианское пение». К четырем главным гласам

св. Амвросия он прибавил еще четыре гласа, усвоив им значение побочных. Благодаря его изменениям прежнее амвросианское пение утратило свой речитативный характер. Оно превратилось в одну сплошную мелодию, в которой музыка выдвигается над текстом и господствует над ним. Система Григорианского пения, называемого «равным», доселе служит основанием для богослужебного пения Римско-католической Церкви.

Беда, прозванный Достопочтенным (637–735 гг.). Ново-английская церковь, вслед за церковью древне-британской, много заботилась о распространении духовного просвещения, главным образом, с помощью устройства школ, в которых изучались духовные и светские науки. Видным представителем учености ново-английской церкви был Беда. Уроженец Нортумберленда, он уже на восьмом году жизни поступил в монастырь. В 702 г. став пресвитером, он начал свою писательскую деятельность. Состояла она, главным образом, в толковании отдельных книг Ветхого и Нового Завета. Он обладал обширными познаниями в духовных и светских науках. Труды свои переводил на английский язык. Замечательна его «История церкви английского народа». Сочинение это остается единственным источником древнейшей истории Англии до 731 года.

Духовное просвещение на Востоке в 9 и 10 веках

С половины 9 в. на востоке замечается особенное движение в пользу просвещения. Греки, впавшие в умственное усыпление в предшествовавшие века, с усердием принялись за изучение почти забытых произведений поэтов, историков и философов древне-классического мира. **Варда** (умерщвленный в 866 г.), дядя (брат царицы Феодоры) и соправитель ничтожного имп. Михаила III (842–867 гг.), человек умный и образованный, – первый из лиц, облеченных большой властью, позаботился о восстановлении классического образования. Он основал во многих больших городах школы, нашел учителей и установил им жалование. Им выписан был, для обучения с юным императором, **св. Кирилл** (тогда Константин). Преемник Михаила, **имп. Василий Македонянин** (867–886), хотя сам был не ученым, много покровительствовал просвещению. Известный своими государственными способностями, бережливостью, покровительством наукам и литературе, – он пользовался широким содействием тогдашнего **патриарха Фотия**. Влияние последнего сказывается и на некоторых личных литературных трудах имп. Василия Македонянина, основателя новой македонской династии.

Императоры **Лев IV Мудрый** (886–911) и, в особенности, сын его **Константин Багрянородный** (911–959), принадлежавшие к этой династии, также ревностно заботились о распространении просвещения посредством устройства школ и библиотек. После некоторого периода смут, Константин, став править единолично, время свое посвящал преимущественно занятиям науками и искусством. Им была предпринята реорганизация константинопольской школы. Целый ряд научных работ был произведен по его поручению и при его содействии. Он написал жизнеописание имп. Василия Македонянина, речь по поводу перенесения мощей св. Иоанна Златоуста и чрезвычайно ценные для византийской истории сочинения. Много забот посвящал он образованию сына Романа.

Следствием такого движения в пользу классического образования, было распространение в Византийской империи особого рода учености, состоявшей из массы знаний, заимствованных у древне-классических писателей путем механического изучения их. Знания эти, часто мелочные, были мертвым, чужим капиталом, и приобретались без самостоятельной переработки и движения вперед. Вся задача учености состояла в восстановлении в памяти добытых древними научных сведений. Такое

направление мысли не могло не отразиться и на духовном просвещении. Стремление к изучению древних отцов, наряду с классическими поэтами и философами, все более усилилось. Богословы 9 и 10 веков выбирали все подходящее из древних отцов по всем отраслям богословского знания и из собранного материала составляли большие трактаты и сочинения. Общий недостаток их тот же, что и писателей светских – **отсутствие самостоятельности.**

Из церковных писателей этого времени более замечательны следующие:

Фотий (род. ок. 820 г., сконч. ок. 891 г.), патриарх константинопольский (858–886), самая крупная личность в Византии 9 в. Он был одним из ученейших людей своего времени. При своем великом уме, он обладал большими знаниями истории, богословия, св. Писания, философии, словесности, юриспруденции, математики, и даже в медицине. Отец его, человек знатного происхождения, родственник патриарха Тарасия, много претерпел от иконоборцев за свою ревность и лишился должности и имущества. Но это не помешало ему дать сыну блестящее образование. Служба Фотия началась в царской гвардии и продолжалась в государственной канцелярии. В доме его собирались любознательные люди, с которыми он делился плодами своих знаний. Беседы на филологические темы сменялись беседами философского и богословского порядка. Располагая богатейшей библиотекой, Фотий прочитывал со своими учениками избранные места из различных сочинений и метко оценивал их со стороны формы и содержания. Властная натура Фотия и тогда требовала от учеников безусловного повиновения. Таким средоточием живой умственной деятельности оставался Фотий и будучи патриархом. В 585 г. в Константинополе совершен был дворцовый переворот. Кесарь Варда, из мести к патр. Игнатию за недопущение его к приобщению св. Тайн, уговорил имп. Михаила III сместить первосвященителя и отправить его в изгнание. Преемником его стал Фотий, прошедший в несколько дней все степени священства, до епископства включительно. В глазах сторонников Игнатия, Фотий являлся узурпатором. Началась длительная трагическая борьба двух партий. О дальнейшем в этой борьбе, в которую вовлечен был и папа Николай 1, будет сказано в отделе, касающемся разделения Церквей. Укажем только, что, низложенный вторично при имп. Льве VI Мудром, патр. Фотий окончил жизнь свою в изгнании в монастыре.

Крупнейшим богословским сочинением патр. Фотия является «Амфилохия», названная по имени кизикского митрополита Амфилохия, к

которому обращается автор. В нем, наряду с догматическими вопросами – о Св. Троице, искуплении, воплощении, иконопочитании и т.д., затронуты вопросы светской и духовной науки. Одно из лучших его догматико-полемических сочинений – это против латинян о Св. Духе. В этом сочинении Фотий всесторонне рассматривает вопрос об нисхождении Св. Духа и разрешает его, на основании св. Писания и, главным образом, учения отцов и писателей восточной и западной Церкви, в смысле православном. Известны его сочинения против новых манихеев или павликиан. Он был замечательным **проповедником**, но, к сожалению, сохранилось мало его слов. Среди них имеется слово по поводу похода **русских** против Византии. Фотий видел в нашествии грозных варваров кару Божью за грехи христианства. В церковной литературе славян он своим **Номоканон**ом. Он оказал большое влияние на каноническое византийское право. Постановления соборов 861 г. и 879–880 гг., включенные им в собрания канонов, постепенно получили почти вселенское значение. Труд его «**Библиотека**» содержит отзывы Фотия на множество прочитанных им сочинений – христианских и языческих – с большими выписками из некоторых. Видно тонкое и самостоятельное суждение. Особенно ценны извлечения из исторических сочинений, так как Фотий имел под рукой памятники, впоследствии совершенно, или отчасти, утерянные. Интересны его письма. Он же собрал 214 поговорок.

Икумений, епископ Трикки во Фракии, живший около середины 10 в. Он известен своими толкованиями на Деяния апостольские, послания ап. Павла и Апокалипсис. Толкования не самостоятельные. Это свод толкований из древних отцов, из патр. Фотия. Но выбор толкований очень хорош, равно как и собственные замечания, обнаруживающие знание св. Писания.

Преп. Симеон, новый Богослов (сконч. в 1032 г.). Он родился в пафлагонском селении Галате от знатных и богатых родителей. Воспитание получил при византийском дворе и был приближенным **императоров Василия и Константина**. Двадцати лет он поступил в **Студийскую обитель**, где предался строгому подвижничеству под руководством старца. По его совету перешел в обитель **св. Мамонта**, был там игуменом. Основал потом свою обитель, в которой прожил 13 лет. Отличительная черта богословствования преп. Симеона – **приложение теоретического христианского учения к христианской жизни**. Он замечателен преимущественно, как **богослов-проповедник**. Но он оставил также много поучений, которые, большей частью, остаются в рукописях. Из них заслуживают внимания: главы деятельные и

богословские (101), главы богословские и созерцательные (25), 33 беседы о вере и нравственности с мирянами и иноками и др. «Слова» преп. Симеона отличаются простотой и сердечностью. он наставляет, внушает, умиляет. Современники его, привыкшие к искусственному красноречию, находили его «слова» ненаучными и не риторичными. Церковь наименовала преп. Симеона **новым Богословом**, находя в его произведениях сходство с произведениями **св. Григория Богослова**. И тот и другой отличались **глубиной созерцания истин христианского благочестия**. Одна из молитв преп. Симеона внесена в число молитв, читаемых во время приготовления себя к приобщению св. Таин.

Духовное просвещение на Западе в 9 и 10 веках

Варварские народы, волновавшие западную Европу во время великого переселения, к 8 в. утвердились прочно в занятых ими странах, начали государственную жизнь и мало-помалу усвоили Римское просвещение. **Италия**, бывшая ранее на западе средоточием просвещения, потеряла свое значение. Ее место заняли новые государства западной Европы: **Франция, Германия, Англия**. С учреждением на западе **новой империи**, на развалинах западно-римской, **имп. Карлом Великим** (род. 742–7 г.), стало распространяться просвещение как светское, так и духовное. Карл Великий, сам знакомый с римским образованием, говоривший по-латыни и понимавший по-гречески, ревностно заботился о распространении в своих владениях классического образования. Он усердно занимался науками. Карл Великий окружил себя учеными: Алкуином, Павлом Диаконом, Эйнгардом, Рабаном Мавром, Теодульфом, пользовался их содействием и советами. Он стремился дать образование духовенству и народу, в особенности заботясь об устройстве школ при церквях и монастырях. При своем дворе он устроил школу вроде академии для образования своих детей, а также придворных и их сыновей. дворцовой школой заведовал знаменитый Алкуин, вызванный Карлом из Англии. Прибывшие ученые привили варварам любовь к изучению латинской литературы и классических наук. Преемники Карла Великого также покровительствовали просвещению, в особенности **Карл II Лысый**, сын короля Людовика Благочестивого и внук Карла Вел. В основанных при Карле Великом школах изучали преимущественно св. Писание по толкованиям древних отцов, особенно бл. Августина. Вообще, направление духовного просвещения в веке Карла Великого, было **библейско-практическое**. Самостоятельной учености не было так же, как и на востоке.

Алкуин (ок. 735–804 г.), аббат Турский, – замечательнейший ученый 8 в., в смысле ума, знаний и влияния на научное образование своего времени. Он происходил из знатного англо-саксонского рода и получил монашеское образование в знаменитой школе г. **Иорка**, средоточием учености в Англии. Пользовался он особым вниманием архиепископа. В 782 г., возвращаясь из своего путешествия в Рим, он встретился в Павии с Карлом Великим и был приглашен заведовать **дворцовой школой**, в которой воспитывались сыновья высшей франкской знати. Он принял это приглашение, прибыл с несколькими своими учениками из Иорской

школы, которой он заведовал. Ему даны были в заведование также два аббатства, к которым прибавлено было и **аббатство св. Мартина, в Туре**. Живя таким образом при дворе, преподавая самому королю и руководя школами всего государства, Алкуин сделался одним из самых выдающихся образованных людей, окружавших Карла Великого, который прибегал к советам Алкуина в самых разнообразных вопросах, главным же образом, при обсуждении вопроса о распространении образования. Большинство школ во французском королевстве **обязаны своим существованием** Алкуину. Существовавшие до него школы он старался усовершенствовать. В кругу ученых того времени он был известен под именем Флакка Альбина. В 801 г. он покинул двор, переселился в Тур и стал преподавать в основанной им там ранее школе, по образцу Иорской. Из Тура он вел оживленную переписку с Карлом Великим, до своей кончины в 804 г. Из его учеников, много сделавших для распространения науки и образованности, выдаются **Рабан Мавр и Гаймо**, впоследствии епископ Гальберштадский.

Идеалом всей жизни Алкуина было основание такого христианского государства, в котором все было бы проникнуто **религиозным духом** **которое** бы управлялось по законам Церкви. Он с восторгом и благоговением взирал на осуществление этого идеала, которое, по-видимому, обещали энергия и успех Карла Вел. Богословие он считал главной составной частью воспитания. Его собственное богословие всецело отличалось **положительным направлением** и, не имея никакой оригинальности, основывалось на отцах и учителях Церкви. Из его догматических сочинений известны в особенности три книги **о Св. Троице**. В ряде его сочинений преобладает мистико-аллегорический метод. Классической научностью, по его мнению, не следовало пренебрегать. Классические и церковные предания тесно связаны между собой. Христианская Церковь, соединяя их, становится истинным хранилищем цивилизации. Он писал много и по общеобразовательным предметам, но в этом проявил себя только компилятором. Алкуин был плодовитым поэтом, но наибольшую славу в литературной области приобрел своими **письмами**. По поручению Карла Вел., он пересмотрел латинскую Библию в 802 г. Это одна из его важнейших заслуг, так как он привел ее в большой порядок.

«В 10 в. который в истории известен под названием **темного**, стремление к духовному просвещению на западе стало ослабевать. Только еще в некоторых монастырях сохранялось изучение Библии. Но вообще, в западном христианском мире распространилось крайнее невежество.

Замечательных писателей в этом веке вообще не было. В 11 в. на западе снова пробуждается любовь к наукам, разрешившаяся двумя главными богословскими направлениями: **схоластикой и мистикой**".

Церковное управление

Варварские народы, волновавшие западную Европу во время великого переселения, к 8 в. утвердились прочно в занятых ими странах, начали государственную жизнь и мало-помалу усвоили Римское просвещение. **Италия**, бывшая ранее на западе средоточием просвещения, потеряла свое значение. Ее место заняли новые государства западной Европы: **Франция, Германия, Англия**. С учреждением на западе **новой империи**, на развалинах западно-римской, **имп. Карлом Великим** (род. 742–7 г.), стало распространяться просвещение как светское, так и духовное. Карл Великий, сам знакомый с римским образованием, говоривший по-латыни и понимавший по-гречески, ревностно заботился о распространении в своих владениях классического образования. Он усердно занимался науками. Карл Великий окружил себя учеными: Алкуином, Павлом Диаконом, Эйнгардом, Рабаном Мавром, Теодульфом, пользовался их содействием и советами. Он стремился дать образование духовенству и народу, в особенности заботясь об устройстве школ при церквях и монастырях. При своем дворе он устроил школу вроде академии для образования своих детей, а также придворных и их сыновей. дворцовой школой заведовал знаменитый Алкуин, вызванный Карлом из Англии. Прибывшие ученые привили варварам любовь к изучению латинской литературы и классических наук. Преемники Карла Великого также покровительствовали просвещению, в особенности **Карл II Лысый**, сын короля Людовика Благочестивого и внук Карла Вел. В основанных при Карле Великом школах изучали преимущественно св. Писание по толкованиям древних отцов, особенно бл. Августина. Вообще, направление духовного просвещения в веке Карла Великого, было **библейско-практическое**. Самостоятельной учености не было так же, как и на востоке.

Алкуин (ок. 735–804 г.), аббат Турский, – замечательнейший ученый 8 в., в смысле ума, знаний и влияния на научное образование своего времени. Он происходил из знатного англо-саксонского рода и получил монашеское образование в знаменитой школе г. **Иорка**, средоточием учености в Англии. Пользовался он особым вниманием архиепископа. В 782 г., возвращаясь из своего путешествия в Рим, он встретился в Павии с Карлом Великим и был приглашен заведовать **дворцовой школой**, в которой воспитывались сыновья высшей франкской знати. Он принял это приглашение, прибыл с несколькими своими учениками из Иорской

школы, которой он заведовал. Ему даны были в заведование также два аббатства, к которым прибавлено было и **аббатство св. Мартина, в Туре**. Живя таким образом при дворе, преподавая самому королю и руководя школами всего государства, Алкуин сделался одним из самых выдающихся образованных людей, окружавших Карла Великого, который прибегал к советам Алкуина в самых разнообразных вопросах, главным же образом, при обсуждении вопроса о распространении образования. Большинство школ во французском королевстве **обязаны своим существованием** Алкуину. Существовавшие до него школы он старался усовершенствовать. В кругу ученых того времени он был известен под именем Флакка Альбина. В 801 г. он покинул двор, переселился в Тур и стал преподавать в основанной им там ранее школе, по образцу Иорской. Из Тура он вел оживленную переписку с Карлом Великим, до своей кончины в 804 г. Из его учеников, много сделавших для распространения науки и образованности, выдаются **Рабан Мавр и Гаймо**, впоследствии епископ Гальберштадский.

Идеалом всей жизни Алкуина было основание такого христианского государства, в котором все было бы проникнуто **религиозным духом** **которое** бы управлялось по законам Церкви. Он с восторгом и благоговением взирал на осуществление этого идеала, которое, по-видимому, обещали энергия и успех Карла Вел. Богословие он считал главной составной частью воспитания. Его собственное богословие всецело отличалось **положительным направлением** и, не имея никакой оригинальности, основывалось на отцах и учителях Церкви. Из его догматических сочинений известны в особенности три книги **о Св. Троице**. В ряде его сочинений преобладает мистико-аллегорический метод. Классической научностью, по его мнению, не следовало пренебрегать. Классические и церковные предания тесно связаны между собой. Христианская Церковь, соединяя их, становится истинным хранилищем цивилизации. Он писал много и по общеобразовательным предметам, но в этом проявил себя только компилятором. Алкуин был плодовитым поэтом, но наибольшую славу в литературной области приобрел своими **письмами**. По поручению Карла Вел., он пересмотрел латинскую Библию в 802 г. Это одна из его важнейших заслуг, так как он привел ее в большой порядок.

«В 10 в. который в истории известен под названием **темного**, стремление к духовному просвещению на западе стало ослабевать. Только еще в некоторых монастырях сохранялось изучение Библии. Но вообще, в западном христианском мире распространилось крайнее невежество.

Замечательных писателей в этом веке вообще не было. В 11 в. на западе снова пробуждается любовь к наукам, разрешившаяся двумя главными богословскими направлениями: **схоластикой и мистикой**".

Отношения между Церковью и государством в 4–11 веках

В первые три века христианская Церковь, существуя в пределах греко-римской империи, жила отдельной от государства жизнью: все отношения между Церковью и государством ограничивалось только тем, что Церковь была преследуемой стороной, а государство преследующей. Теперь же, когда христианство сделалось в империи господствующей религией, Церковь вступила в тесный союз с государством как учреждение, вошедшее в круг государственной и общественной жизни. Вследствие этого союза между Церковью и государством установились тесные отношения, характеризуемые, с одной стороны, влиянием государства на жизнь Церкви, а с другой – влиянием Церкви на жизнь государства. Влияние государства на Церковь выражалось в участии императоров в церковных делах и предоставлении Церкви разных прав и преимуществ; влияние же Церкви на государство обнаруживалось в том, что она имела нравственный контроль над гражданским управлением и проводила свои нравственные начала в государственное законодательство.

Участие императоров в церковных делах начинается с первого христианского государя, Константина Великого. Константин Великий, назвав себя епископом внешних дел Церкви, определил полностью свое участие в церковных делах. Он хотел быть блюстителем только внешних интересов Церкви, не простирая своего влияния на ее внутренний строй. И Константин Великий всегда поступал так. Например, он заботился о распространении христианства, об обеспечении Церкви, об устройстве и украшении храмов; если возникали в Церкви споры относительно вероучения, церковного благочиния и прочего, то для разрешения их, он созывал соборы епископов, присутствовал на них, сам или назначал уполномоченных; утверждал решения соборов, и, если нужно было, приводил их в исполнение своей гражданской властью. Но государи, правившие после Константина Великого, не довольствуясь ролью блюстителей внешних интересов Церкви, мало-помалу приобрели влияние и на внутренний ее строй. Так, они сначала присвоили себе право утверждать епископов в важных городах, а потом и право избирать их и низлагать, хотя и при посредстве соборов, потому и приобрели большое влияние на все церковное управление. При разрешении споров догматических и других вопросов императоры присвоили себе право руководить самыми решениями соборов, или даже решать спорные

вопросы без соборов одними своими, так сказать, **вероисповедными** указами. Первый указ такого рода был издан, во время монофизитских споров, **Василиском** (476 г.). Такого рода участие императоров в церковных делах, если и было полезно для Церкви, то только тогда, когда они действовали во имя истинных, а не воображаемых интересов Церкви.

Что касается прав и преимуществ, предоставленных Церкви государством, то они были следующие:

1) **Обеспечение Церкви и ее клира содержанием.** До 4 в. Церковь содержалась на приношения верующих, которые были временные и случайные. Только немногие Церкви, в конце 3 века, владели недвижимым имуществом, от которого могли получать содержание. Но и такие церкви свое обеспечение не могли считать прочным, так как при первом же гонении все их имущество отбиралось в казну. Клир же содержался почти исключительно на собственные средства. С 4 же века, когда Церковь вступила в сферу государственной и общественной жизни, государство и общество взяли на себя обеспечение ее и клира содержанием. Главным способом обеспечения являются **недвижимые имения**: поместья, поля, дачи, угодья, дома и т.п. Константин Великий, законом 321 года, утвердил за Церковь право приобретать недвижимое имущество и владеть им. В силу этого закона она стала принимать в свое владение от ревностных христиан, особенно по духовным завещаниям, имения. Императоры со своей стороны нередко обращали в пользу Церкви общественные здания и особенно языческие закрытые храмы с принадлежавшим им недвижимым имуществом. Император Юстиниан 1, для обеспечения Церковью доходами с недвижимых имений, издал даже закон, которым все, желавшие построить новую церковь, обязывались предварительно назначать на содержание ее и клира имения, приносящие достаточный для этой цели доход. Чтобы недвижимые имения оставались при церкви навсегда и составляли источник дохода на содержание ее и клира, законами гражданскими и церковными запрещено было закладывать и продавать их, а также определять без нужды к известной церкви много клириков, содержание которых было бы для нее обременительно. Недвижимых церковных имуществ, с течением времени, накопилось столько, что Церковь и ее клир не только сами могли получать от них достаточное обеспечение, но даже устраивать множество благотворительных заведений, как-то: богаделен, больниц, странноприимниц и тому подобное. Кроме содержания, получаемого от церковных имений, клир пользовался еще от общества верующих и другими способами обеспечения, каковы: **десятины**, по образцу десятин церкви

ветхозаветной, и **благодарность за исправление христианских треб и совершение таинств**. Десятины, известные с конца 4 века, на востоке были в употреблении только в немногих церквях и не получили там большого развития; на западе же они утвердились прочно. Здесь право пользоваться десятинами принадлежало только приходским священникам и не распространялось на епископов. Обычай благодарить духовенство известной платой за совершение церковных треб ведет свое начало также с древних времен. Хотя соборы и делали постановления против платы собственно за совершение таинств, но, с течением времени, когда на востоке недвижимые церковные имущества стали малопомалу отходить к государству, обычай благодарить за исправление треб вошел во всеобщее употребление.

2) **Освобождение Церкви и клира от общественных податей и повинностей**. Еврейские раввины и языческие жрецы всегда освобождались от общественных податей и повинностей. То же право предоставлено было и христианскому клиру первым христианским государем Константином Великим, законом от 319 года. Все, принадлежавшие к клиру, освобождены были от **поголовной** или **личной** подати: от **военной повинности**, от **прохождения общественных должностей**, из которых особенно тягостны были те, которые соединялись с издержками, и тому подобным. Кроме того, иногда законами императоров освобождались от государственных налогов и недвижимые имущества, лично принадлежавшие членам клира. Церковные же имущества почти всегда были освобождены от таких налогов».

Злоупотребления, выражавшиеся в причислении к клиру богатых – для освобождения от налогов на имения и от общественной службы, бедных – от рекрутской повинности вынудили имп. Константина издать в 321 г. ограничительный закон. В 383 г., вследствие обхода этого закона, разрешено было всем вступать в клир, с тем что богатые должны были отказываться от своего имущества, а обязанные общественными повинностями должны были выполнять их через других.

Третьим преимуществом было **освобождение клира от гражданского суда**.

«В христианском обществе издревле все споры и несогласия не только между клириками, но и мирянами решались епископами. Это право признано было за ними и государственной властью в лице Константина Великого. Император Констанций в 355 году издал даже прямой закон, по которому все клирики должны были подлежать исключительно суду духовному. Четвертый Вселенский собор – Халкидонский (451 г). –

полностью запретил (9-е правило) клирикам, помимо духовного суда, обращаться к судам светским, установив при этом определенный порядок церковного судопроизводства. Юстиниан 1 подчинил суду епископскому монахов и монахинь, а император Ираклий (628 г). предоставил епископам разбирать даже важные преступления клириков. В последнем случае духовный суд снимал с обвиняемого священный сан и отсылал его к гражданскому начальству для наказания. Но, при всем этом, у клириков существовал обычай обращаться к непосредственному суду императора».

Четвертым преимуществом было **право церковного убежища**, которое предоставляли раньше языческие храмы. Имп. Аркадий, в 399 г., издал закон, отменивший право церковного убежища, под влиянием жестокого временщика Евтропия. Вскоре, последнему, личному врагу св. Иоанна Златоуста, пришлось самому спастись в храме. Имп. Феодосий II в 431 г. восстановил это право за Церковью, позволив искать убежище при церковном алтаре только безоружным и преследуемым, запретив, под угрозой смерти, изгонять их из храма.

Если государство влияло на Церковь посредством внешней материальной силы, то Церковь, в свою очередь, влияла на государство своей нравственной силой. Церковь желала, чтобы государство, сделавшееся христианским, приняло в свою жизнь и христианские начала. Гражданское управление и законодательство, сложившиеся в этом мире, особенно испытали на себе нравственное влияние Церкви. Так, собор Арлесский (314 г). предоставил епископам нравственный контроль над правителями областей и другими высшими чиновниками. Императоры также признали за епископами право нравственного контроля. И епископы, действительно, наблюдали за правителями областей, следили за правильностью судопроизводства, посещали тюрьмы, расспрашивали заключенных о ходе их дел, в духе христианского милосердия ходатайствовали за обвиняемых и осужденных, в случае несправедливого решения дел правителями и судьями и, наконец, непосредственно от себя доносили императору о всех злоупотреблениях гражданских властей. В случае крайних и вопиющих злоупотреблений со стороны должностных лиц, епископы отлучали их от Церкви. От этого не освобождались даже императоры. Амвросий Медиоланский подверг, например, публичному покаянию Феодосия Великого за безжалостное наказание жителей Фессалоники. Кроме того, епископам предоставлено было право непосредственного участия в гражданских и общественных делах. Так, Константин Великий позволил всем подсудимым, если они охотно отказывались от гражданских судов, требовать суда епископского, – и

приговор епископов надлежало почитать окончательным, ставить его выше приговора других судей, так, как бы он был произнесен самим царем. Апелляций на такой суд епископа не допускалось. На общественную жизнь епископы влияли, главным образом, через заведование делами вдов и сирот. Они наблюдали за действиями опекунов и даже нередко избирали их, так что вследствие этого, сами становились главными опекунами. В этом отношении особенно замечателен закон Юстиниана I, который дал епископам опеку над всеми бедствующими лицами. И к чести большинства епископов того времени, нужно сказать, что они, если принимали участие в разрешении споров между тяжущимися или в опеке над сиротами, всегда действовали с истинно евангельской справедливостью и любовью. Христианские нравственные начала проникли и в государственное законодательство. Так, Константин Великий отменил казнь через распятие на кресте, клеймение лиц преступников; Гонорий запретил гладиаторские бои. Законы о рабах, пленных, об отношении родителей к детям и проч. были смягчены; законы брачные и разводы получили христианский характер и т.п.

«На западе, в новооснованных государствах, Церковь заняла такое же положение, как и в греко-римской империи, т.е. вступила в союз с государством. И здесь государство предоставило Церкви разные права и преимущества. Из них право владения недвижимыми имениями имело характер несколько иной, нежели на востоке. Короли и вообще владетельные лица на западе давали Церкви, на содержание ее, и ее иерархии, населенные имения и даже нередко целые области на тех же основаниях, на каких они раздавали земли своим сподвижникам в завоеваниях. Вследствие этого, установились **ленные** отношения между епископами и всеми вообще иерархическими лицами, владевшими пожалованными церковными землями, и светскими владельцами, как у **вассалов** к своим **феодам**. Вассальная зависимость епископов, естественно перешла из сферы гражданской в сферу церковную, так что власть светских владетелей простиралась и на дела чисто церковные. Так, право избрания епископов принадлежало светским владетелям – каждому в своей земле. В 10 в. установился даже обычай постановления епископов королем или князем **посредством вручения новоизбранному кольца и пастырского жезла**. Такое постановление называлось инвеститурой, и без нее не могло быть совершено церковное посвящение. С правом избрания епископов для светских владетелей соединялось и право суда над ними, причем, они могли наказывать их даже лишением священного сана. Инвеститура привела к тому, что нередко управление всеми делами

известной церкви переходило в руки светских владетелей, так как они поставляли епископам тех, кто им нужен был для этого, например, пятилетних мальчиков. – Что касается влияния Церкви на государство на западе, то оно было незначительно. Лучшие из епископов, заведя в своих землях гражданским управлением, устанавливали начала законности и справедливости, а участвуя в сеймах, старались вводить в общее государственное законодательство христианские и церковно-канонические начала, но все это были явления единичные».

Церковная иерархия

Три степени священной иерархии – **дьяконство, пресвитерство и епископство**, – появившиеся в Церкви, оставались неизменными и в 4 в. В клир по-прежнему мог вступать всякий желающий, удовлетворявший условиям поступления. Но повысились образовательные требования, учитывая возникавшие споры в **догматических** вопросах. Для усиления этих знаний огромную помощь оказали Церкви христианские училища в Александрии, Кесарии, Антиохии, Эдессе и др. Как известно, из них вышло много выдающихся пастырей Церкви. При недостаточном числе этих заведений нередко пастыри Церкви первоначальное общее образование получали в оставшихся еще языческих школах в Афинах, Никомидии, Константинополе и др. Затем они готовились к церковным должностям в самом **клире**. «Клир, таким образом, как и в прежнее время, служил практической школой для приготовления к высшим иерархическим степеням. Клиры таких замечательных отцов, как Василия Великого и Амвросия Медиоланского, были в особенной славе, так что другие церкви от них брали себе клириков для занятия иерархических должностей. А некоторые епископы, напр., Августин, устраивали даже при своих кафедрах нечто вроде духовных семинарий, в которых молодые люди и мальчики научно и практически готовились к церковным должностям. При развитии с 4 в. монашеского образа жизни, монастыри сделались также воспитательными заведениями для клириков, и из них нередко выбирались пресвитеры и епископы.

Кроме научной подготовки к занятию той или другой иерархической степени, Церковь требовала еще, чтобы лица, избираемые на священнослужение, имели определенный возраст. Так, она установила – в иподьякона поставлять не прежде 20 лет, в дьякона не прежде 25 лет, в пресвитера не прежде 30. В церковных канонах, хотя не говорится о возрасте для епископского сана, но замечается, что достаиваемый епископского сана должен предварительно пройти служение чтеца, дьякона, пресвитера и в не слишком короткое время, следовательно, должен иметь не менее 40 лет или, по крайней мере, 35, в соответствии с промежутком лет от дьяконства до пресвитерства. Назначая зрелый возраст для принимающих священство, Церковь желала допускать до священнослужения лиц возмужавших, отличающихся зрелостью мыслей, опытностью рассудка и твердостью воли.

«В самом способе избрания на иерархические должности в 4 и

последующих веках произошли некоторые перемены. Прежде в избрании епископа, пресвитеров и дьяконов принимала участие вся община, составлявшая местную церковь. Теперь же это участие общины или мирян было ограничено. С одной стороны, когда христианство стало религией господствующей, при множестве верующих, было положительно невозможно всем мирянам принимать участие в избрании иерархических лиц, с другой, права мирян на участие в избрании, особенно епископа, естественно перешли к представителям народа – императорам. Кроме того, многие частные случаи давали повод к ограничению участия народа в избрании иерархических лиц. Так случалось, что народ, вопреки древним правилам Церкви, выбирал на священные должности лиц светских, неподготовленных или даже только что принявших христианство, но богатых или знатных; случалось, при выборе епископов, составлялись партии и происходили возмущения. Ввиду этого, собор Сардикийский (347 г). определил, чтобы ученый или богатый из светских не прежде был поставляем в епископа, как пройдет низшие степени и не малое время, а собор Лаодикийский (около 364 г). не позволил сборищу народа избирать желающих принять священство. Обыкновенно, епископа известной церкви избирали все епископы области, с последующим утверждением главным областным епископом или митрополитом. На епископские кафедры знаменитых городов избрание производилось по указаниям государя. Пресвитеров же и дьяконов обыкновенно избирал сам епископ. Впрочем, народ иногда силой отстаивал свои права на участие в избрании на иерархические должности, заставляя выбирать те лица, которые почему-либо нравились ему. В Риме, после падения Западной империи, при слабости и даже отсутствии государственной власти, народ принимал деятельное участие в избрании своих епископов. – Посвящение избранных совершалось так же, как и в первые века: дьяконов и пресвитеров рукополагал один епископ, епископов же рукополагали два, три и более епископов, вместе с митрополитом, а митрополитов рукополагал патриарх с епископами.

«В первые три века на все иерархические должности безразлично избирались лица, состоящие в брачной жизни и не состоящие. Были даже случаи, допускавшиеся Церковью, как исключение, когда вступали в клир и второбрачные. Теперь же произошли некоторые изменения в церковных узаконениях относительно браков иерархических лиц. Сначала, под влиянием взглядов на иерархическое служение, как священное, требующее от проходящих его жизни особенно святой, явилась мысль установить безбрачие для всех членов клира. В западной церкви, под влиянием

монтанистического направления, эта мысль узаконена была на соборе **Эльвирском** (305 г.), который постановил, что епископы, пресвитеры и дьяконы должны проводить жизнь безбрачную, в противном же случае подвергаются низвержению из сана. На первом Вселенском соборе (325 г.) некоторые склонялись было узаконить безбрачие духовенства во всей Церкви. Но против всего восстал епископ **Пафнутий**, исповедник и строгий девственник; он защищал святость брака и указывал на тяжесть безбрачия для многих из духовных лиц. Пафнутий предложил только, чтобы, по древнему преданию Церкви, безбрачные, вступив в духовное звание, не женились, а принявшие духовный сан после брака, не должны удаляться от жен, которых имеют. Собор одобрил его мысль, и относительно этого не постановил никаких правил; не связал никого необходимостью, и безбрачное состояние предоставил воле каждого. После такого решения собора в восточной церкви допускались брак и безбрачие для лиц духовных. Впрочем, епископы почти все вели жизнь безбрачную, тем более, что многие из них вступали на епископские кафедры прямо из монастырей. Исключений, – когда епископы состояли в брачной жизни, – было очень не много в 4 и 5 веках. Император Юстиниан 1, законом от 528 года, запретил избирать на епископские кафедры состоявших в браке. Собор Трулльский (692 г.) окончательно решил вопрос о браке и безбрачии духовных лиц; он постановил, чтобы епископы вели жизнь безбрачную, священники, дьяконы и иподьяконы вступали в брак до посвящения в сан, и чтобы брачное сожитие никто не считал препятствием к получению сана священника, дьякона и иподьякона.

«Между тем в западной церкви, со времени Эльвирского собора, мало-помалу стало упрочиваться безбрачие духовенства. Там не следовали решению 1-го Вселенского собора. Епископ Римский **Сириций**, в одном из своих декретов, уже настоятельно требовал (385 г.) безбрачия от иерархических лиц первых трех степеней и продолжающим вести жизнь брачную угрожал низложением. К концу 7 в. безбрачие клириков на западе утвердилось так сильно, что собор Трулльский счел нужным обличить Римскую церковь за введение его. В 8–11 вв. усилия сделать безбрачие духовенства общеобязательным законом продолжаются. Папы этого времени, заботившиеся об исправлении нравов духовенства, например, Николай II, прежде всего требовали от клириков, чтобы они вели жизнь безбрачную. Но принудительные меры к введению безбрачия духовенства породили величайшее зло в западной церкви, – **нравственная испорченность** клира была прямым последствием таких мер. Законные брачные связи клирики стали заменять незаконными. Только клирики тех

церквей, которые, как напр., медиоланская, допускали брак для духовенства, отличались хорошей нравственностью. Для улучшения нравственности клириков западная церковь, во второй половине 8 века, установила для них особый образ жизни (vita canonica), наподобие монашеского. По правилам (canon, – отсюда название для клириков **каноники**) такой жизни, клирики известного прихода (если их было несколько), особенно состоящие при епископской кафедре, должны были жить вместе в одном доме, иметь общий стол, вместе молиться в определенные часы (horae canonica), иметь общие собрания, на которых читать известный отдел из св. Писания (capitulum), и т.п. Но и канонический образ жизни клириков не улучшил их нравственности. Правила монастырской жизни оказались непреложимыми к людям, служение которых совершалось в мире, при постоянных столкновениях с мирскими людьми. По-прежнему они вели жизнь поразительно распущенную, как об этом свидетельствуют соборы и писатели того времени».

Увеличение церковных должностей

Новое положение Церкви в государстве вызвало установление новых должностей по управлению церковными делами. Для ближайшего заведования церковным имуществом учреждена была должность **эконома**. На такую должность избирались пресвитеры, дьяконы, даже клирики, не имевшие иерархической степени, если они отличались честностью и практичностью. В своих действиях экономом отдавал отчет епископу. Для заведования церковной казной, состоявшей из денег и жертвуемых драгоценностей, созданы были, не позднее второй половины 6 века, должности **сакеллариев** и **саккелиев**, которым впоследствии были вменены и другие обязанности. Не позднее 6 в. установлена была особая должность **скевофилакса**. Они заведовали всей церковной утварью и распоряжались ее употреблением при богослужении. В 4 в. установлены были должности начальников благотворительных заведений, занимавшихся пресвитерами или дьяконами. Обязанности ходить за больными исполняли **параволаны**, избиравшиеся епископами. Позднее выяснились злоупотребления. Многие становились параволанами для освобождения от податей и повинностей. В 4 в. они были упразднены. Существовало общество **копиатов** (копателей). Члены его занимались безмездным погребением мертвых, по преимуществу бедных и казненных, участвовали в торжественных похоронных процессиях. Они пользовались привилегиями клира. Но в их общество тоже вкрались злоупотребления.

«По управлению сельскими церквями появилась во второй половине 4 в. новая должность **периодевтов**, которые мало-помалу заменили собой **хорепископов**. В 4 в. хорепископы стали выказывать большие притязания; желая освободиться из-под власти городских епископов, они вступали с ними в борьбу и отказывали им в повиновении. Ввиду этого, собор Лаодикийский (около 364 г). предложил не поставлять в малых городах и селах епископов, но **периодевтов**. Периодевты, по своей степени, были пресвитеры, но не имевшие прихода, а состоявшие при кафедре епископа. Их посылали епископы для обозрения сельских церквей и исправления на месте разных недостатков и злоупотреблений (настоящая должность благочинного сходна с должностью периодевта). При новом положении Церкви в государстве, ей очень часто приходилось входить в столкновения с гражданскими властями. Для такого рода сношений назначены были особые должностные лица **экдиков**. Должность экдиков появилась в 4 веке; назначались на эту должность пресвитеры и дьяконы. Обязанностью

эkdиков было – защищать права Церкви и клира в гражданских присутственных местах, почему они назывались еще церковными защитниками. На эkdиках лежали также и полицейские обязанности по церкви. Они, – или сами, или по отношению с гражданскими властями, – имели право употреблять даже силу против непокорных клириков и вообще нарушителей церковного порядка. Наконец, для делопроизводства по суду и управлению церковному, при епископе находились особые должностные лица **хартофилаксов** и **нотариев** (скорописцев). Хартофилаксы вначале были не более как хранители деловых бумаг при кафедре епископской, но с течением времени, именно со второй половины 7 века, они получили важное начальственное значение в церковном управлении».

Церковное управление

В первые три века, управление каждой отдельной церкви, состоявшей из города с принадлежавшими к нему селами и деревнями, сосредоточивалось в епископе города; причем в управлении принимали участие клир и миряне. Тот же порядок остался и при новом положении Церкви. Только участие мирян в церковном управлении прекратилось, так как права их перешли к христианской государственной власти. Каждый епископ в своем пределе, называвшемся сначала **парокией**, а потом **епархией**, как преемник апостолов, имел всю полноту духовной власти. Он избирал клириков, посвящал их, назначал способных из них на особые церковные должности, определял пресвитеров и дьяконов к приходским церквам, городским и сельским (сельским приходам дано было название **парокии**, которое прежде принадлежало большему, чем приход, церковному обществу, именно городскому во главе которого стоял епископ). В 4 веке, при множестве верующих, окончательно образовались приходы и приходские церкви, к которым по большей части, назначались уже постоянные пресвитеры и дьяконы. Четвертый Вселенский собор (451 г.) решительно потребовал, чтобы пресвитеры, дьяконы и другие клирики рукополагались не иначе, как к определенной церкви, городской или сельской, или к мученическому храму, и к монастырю. Приходские церкви в городах и селах, со своим клиром, назначаемым епископом, были в полном его подчинении. Со времени четвертого Вселенского собора епископу были подчинены также и монахи монастырей, находящихся в его епархии. При содействии должностных лиц, о которых сказано выше, епископ заведовал всем церковным управлением, как главный начальник: церковными имуществами, благотворительными заведениями, судопроизводством по делам клириков и, в известных случаях, мирян и проч. Как представитель местной церкви, он один только имел право присутствовать на соборах и приводить в исполнение соборные определения. Если епископ сам не бывал на соборе, то его уполномоченный подписывался его именем.

«Еще в первые века епископы некоторых церквей, преимущественно основанных самими апостолами, или находившихся в главных областных городах, получили преимущество **чести**, сравнительно с епископами церквей меньших городов. Из этого преимущества чести епископов главных городов, естественно, могло развиваться и преимущество **власти**, — что и совершилось окончательно в 4 и 5 веках, когда появилось

стремление сообразовать внешнее церковное управление с гражданским. Константин Великий в гражданском отношении разделил всю империю на четыре префектуры: **восточную, иллирийскую, италийскую и галльскую**, причем префектуры разделялись на **диоцезы** или **округи**, диоцезы – на **провинции** или **епархии**, а провинции – на **парокии**, состоявшие из одного или нескольких маленьких городов, сел и деревень. При таком делении начальники меньших правительственных округов были подчинены начальникам больших. В каждом диоцезе и каждой провинции были свои столицы или главные города, носившие, по крайней мере, в Греции, название **митрополий**, в которых сосредоточивалось местное гражданское управление. Применительно к такому порядку гражданского управления, в 4 и 5 вв. было устроено и управление церковное, тем удобнее, что столичными городами как диоцезов, так и провинций (например, в восточной префектуре столицами диоцезов были: **Александрия** – египетского, **Антиохия** – восточного в тесном смысле, **Ефес** – малоазийского, **Кесария Каппадокийская** – понтийского, **Ираклия** – фракийского; в префектуре италийской – **Рим** был столицей Римского диоцеза, **Карфаген** – африканского и т. д). были, по большей части, те, епископы которых еще в первые века получили преимущество чести перед епископами меньших городов. Оставалось только предоставить им преимущество власти, ввиду порядка и единства в церковном управлении. Это и было сделано на вселенских и поместных соборах 4 и 5 веков. Епископы малых городов с прилежащими к последним селам и деревнями, т.е. епископы **парокий** (епископы малых городов, впрочем, скоро стали называться епископами **епархий, епархиальными**, когда епископам городов провинциальных дано было название митрополитов, а название парокии дано было сельским приходам), подчинены были в церковном управлении епископам провинциальным или **митрополитам**, а эти – епископам некоторых главных городов целых диоцезов; последние носили название **экзархов** (в соответствии с названием гражданского начальника диоцеза), **архиепископов**, и, наконец, **патриархов**. Титул митрополита для епископов главных провинциальных городов в первый раз появился в правилах 1-го Вселенского собора (325 г.). Этот же собор, а также поместный Антиохийский (341 г.), подтвердили и точнее определили права и значение митрополитов в управлении церквами целой провинции; они имели права созывать всех епископов провинции на соборы, председательствовать на них, принимать жалобы на епископов и предлагать их на разрешение провинциальных соборов. Избрание

епископа принадлежало всем епископам провинции, но утверждение и посвящение новоизбранного принадлежало митрополиту. Постановление же епископа без согласия митрополита считалось недействительным. Без ведома митрополита, как имеющего попечение о церквях всей провинции, ни один епархиальный епископ не мог делать ничего важного. Если епископу нужно было на время оставить свою епархию – особенно, если он отправлялся ко двору царскому, – то на это требовалось согласие митрополита, который давал в этом случае епископу грамоту. Но власть митрополита над епископами не была безусловной: соборы провинциальные, которые, по древнему обычаю, бывали два раза в году, ограничивали ее.

Над властью митрополитов возвышалась, как упомянуто выше, власть **патриархов**. Епископы, которым на четвертом Вселенском соборе (451 г.) дано название патриархов и предоставлена высшая власть в церковном управлении, в 4 в. стояли наряду с митрополитами. Но уже 1-й Вселенский собор (325 г.) трем из них – **Александрийскому**, **Римскому** и **Антиохийскому**, – предстоятелям церквей, издревле славных, основанных самими апостолами и находившихся в главных городах диоцезов, – предоставил преимущество власти перед другими митрополитами. Так, Александрийскому епископу, в силу древних обычаев, подчинил церкви всего Египта, Ливии и Пентаполя с такой же властью, какую имел, также по древнему обычаю, в церквях Римского округа епископ Римский. Относительно Антиохийского епископа собор постановил, чтобы сохранялись преимущества Антиохийской церкви. В силу такого соборного определения, эти три епископа имели власть и над митрополитами в своих округах. Второй Вселенский собор (381 г.) предоставил преимущество чести еще епископу **Константинопольскому** непосредственно после Римского, вследствие политического значения Константинополя, как столицы императоров. А до этого времени константинопольский епископ был подчинен ираклийскому митрополиту, так как самый город Константинополь по гражданскому разделению принадлежал к фракийскому диоцезу. Константинопольский епископ, таким образом, сравнялся честью с епископом Римским и поставлен выше Александрийского и Антиохийского, хотя соответствующей власти ему не было предоставлено. Впрочем, через несколько десятилетий императорской властью ему были подчинены церкви во Фракии, Малой Азии и Понте. Между тем на степень первенствующей кафедры возвышалась кафедра иерусалимская. Первый Вселенский собор предоставил иерусалимскому епископу почетный титул митрополита, но

без власти над другими церквями, так как церковная власть во всей Палестине, не исключая и Иерусалима, сосредоточивалась в митрополите Кесарии Палестинской, которая была центром гражданского управления. Но около середины 5 в. эдиктом императора Феодосия I и Иерусалимскому епископу предоставлено первенство власти в церквях Палестины, Финикии и Аравии, так что митрополит Кесарийский должен был стать в подчиненное положение. Таким образом, ко времени четвертого Вселенского собора пять епископов знаменитейших кафедр заняли первенствующее и начальственное положение в Церкви. Четвертый Вселенский собор (451 г). окончательно определил округа этих первенствующих епископов, утвердив распоряжение царской власти относительно подчинения церквей Фракии, Малой Азии и Понта епископу Константинопольскому, а церквей всей Палестины – Иерусалимскому; церкви же Финикии и Аравии подчинены были собором епископу Антиохийскому, в ведении которого они находились и прежде. Вместе с тем собор всем этим епископам предоставил почетный титул **патриархов**, хотя Александрийский и особенно Римский епископы охотнее употребляли издревле присвоенное всем вообще епископам наименование **папы (отца)**. Таким образом, в Церкви образовалось пять высших правительственных центров. Все митрополиты, состоявшие в округах патриарших, были подчинены каждый своему патриарху; только некоторые из них самостоятельно управляли своими церквями. В таком случае церкви их назывались **автокефальными** церквями. Таковы на востоке – **кипрская**, на западе – **медиоланская**, **аквилейская** и **равеннская** и особенно **карфагенская**. Что касается прав и власти патриархов, то они стали в такое же начальственное отношение к митрополитам, в каком те стояли к обыкновенным епископам. Они наблюдали за церквями всего округа, утверждали избрание митрополитов и посвящали их, смотрели за исправностью и поведением их, принимали жалобы на них и на областные соборы и т.п. На вселенских соборах патриархи были представителями церквей своих округов сами или через своих уполномоченных, так что, без их ведома, митрополиты и епископы их округов не могли иметь решающего голоса. Они же от лица церквей своего округа сносились с государственной властью, для чего установлены были особые должности **апокрисиариев** и **референдариев**. Апокрисиариями назывались представители патриархов Римского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, постоянно находившиеся при царском дворе для объяснений по делам своих церквей и патриархов с царской властью; референдариями же назывались лица,

употреблявшиеся для сношений между государем и константинопольским патриархом.

Возвышение константинопольского патриарха

«С течением времени, после четвертого Вселенского собора, среди восточных патриархов особенно возвысился константинопольский патриарх, благодаря тому, что его кафедра находилась в столице империи или, по выражению второго Вселенского собора, в новом Риме, и патриарх всегда был близок к императору. По своему положению в столичном городе и близости к особе государя, он имел возможность, в случае необходимости, оказывать помощь и покровительство другим патриархам, которые вследствие этого, относились к нему с особым уважением. Но здесь подчинения, подобного тому, какого требовала римская церковь, не было; 2-й и особенно 4-й Вселенские соборы, сравнив константинопольского патриарха с римским, отдали ему только преимущество чести перед остальными патриархами востока. Если иногда императоры предоставляли константинопольским патриархам большую, по сравнению с другими патриархами, церковную власть, то это были только исключительные случаи, не переходившие в постоянную систему церковного управления. С 7 века, когда три восточных патриарха пали под мечом мусульман, так что у Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов остались одни только патриаршие титулы без соответствующей власти, – значение константинопольского патриарха, естественно, должно было возрасти. Только он один из всех восточных патриархов пользовался самостоятельной властью в своем округе и поэтому, по преимуществу перед остальными, имел решающий голос в общецерковных делах.

С возвышением константинопольского патриарха его управление получило окончательно сформировавшуюся организацию. При нем образовался целый двор, наподобие императорского, состоявший из значительного числа более или менее важных должностных лиц, которые разделялись на девять пятериц; принадлежавшие к первой пятернице имели особенно важное значение в церковном управлении. Это **великий эконо́м, великий сакелларий, великий скевофилакс, хартофилакс и сакеллий**. Они были высшими церковными сановниками. В большинстве своем они имели степень дьяконов, но рукополагались на свои должности еще особенным и торжественным образом. Во время богослужения они носили на голове венцы с крестами. Что касается их роли в церковном управлении, то они были начальниками особых присутственных мест, которые назывались **совета́ми**, в которых сосредоточивались дела по той

или иной отрасли управления, и, кроме того, заседали в патриаршем синоде. Количество советов определялось числом должностных лиц в первой пятернице.

Совет великого эконома под его главным управлением заведовал всеми церковными доходами и расходами.

Великий сакелларий со своим советом управлял константинопольскими монастырями, заведывая монастырским хозяйством и наблюдая за нравственной жизнью монахов.

Великий скевофилакс, возглавлявший свой совет, заведовал всей церковной утварью как в великой константинопольской церкви, так и в патриаршей епархии, собственно церковными доходами, доходами, поступавшими в церковь в пользу клириков, наблюдал за благочинием в храме.

Хартофилакс со своим советом заведовал всеми важнейшими административными делами и судопроизводством в патриаршей епархии. Наблюдая за всем делопроизводством при патриархе, хартофилакс давал разрешение на постройку церквей и монастырей; избирал и представлял к поставлению пресвитеров и дьяконов; наблюдал за верой, благочестием и нравами не только клира, но и мирян; заведовал брачными делами; разрешал различные недоумения, возникавшие в церкви касательно таинств, обрядов и т.п.; вершил суд над всеми, обвиняемыми в преступлениях против веры и Церкви, еретиками, раскольниками, отступниками от веры и т.п., а клириков судил даже по гражданским делам; виновных, как мирян, так и клириков, подвергал наказаниям. Вообще, хартофилакс, кроме рукоположения, делал все то, что должен был делать патриарх в своей епархии, по званию епископа. Должность хартофилакса была самой важной и почетной при патриархе. При этом, если прочие должностные лица первой пятерницы имели влияние на какую-нибудь отдельную часть церковного управления, то влияние хартофилакса простиралось на всю патриаршую епархию и нередко на весь патриархат. Поэтому его называли **устами и оком** своего патриарха. Важному значению хартофилакса соответствовала и торжественность его рукоположения в должность. Во время церемонии посвящения патриарх надевал на его руку кольцо, полагал на его грудь особого рода хартию и вручал ключи.

Сакеллий со своим советом заведовал приходскими церквами, наблюдал за их хозяйственной частью, а также за надлежащим исполнением своих обязанностей приходскими клириками, их поведением и т.п.; клириков, совершивших преступления, с согласия патриарха,

заклучал в патриаршую тюрьму.

Что касается должностных лиц остальных **восьми пятериц**, то они, будучи в известной мере начальниками, в большинстве своем, были помощниками высших церковных сановников – членами или писцами их советов; немногие из них имели независимый и самостоятельный круг деятельности. Таким был, например, **протэдикт**, который состоял во второй пятерице, но впоследствии занял место в первой пятерице, возглавляя совет из 10–12 эдиктов.

Высшим правительством и судебным местом при патриархе, которое, под его главным начальством, управляло как всем патриархатом, так и епархией патриарха по важнейшим делам, – был **патриарший синод**. В его состав входили не постоянные митрополиты и архиепископы патриархата, а случайные, находившиеся в Константинополе по каким-либо обстоятельствам, а также должностные лица первой пятерицы – великий эконом, великий сакелларий, великий скевофилакс, хартофилакс и сакеллий. Последние присутствовали в синоде потому, что там нередко рассматривались дела, находившиеся в их ведении, но, по своей важности, превышавшие их полномочия и потому поступавшие на рассмотрение синода. Хартофилакс играл в синоде наиболее важную роль. В отсутствие патриарха он занимал его председательское место. Весь ход дел, рассматривавшихся в синоде, зависел от него, так как он заведовал всем делопроизводством в полном смысле этого слова, и все решения и распоряжения синода, утвержденные патриархом, вступали в силу только после того, как хартофилакс скреплял их своей подписью и печатью. Для непосредственного надзора на местах за монастырями, церквями и епархиями в целом, подчиненными патриарху, была учреждена должность экзарха. Экзархи сменили периодевтов. По поручению патриарха, с определенными полномочиями, они, обзревая монастыри, изучали нравы и поведение монахов, требовали соблюдения монашеских уставов, если замечали отступление от них, и т.п. Обзревая церкви и епархии, обращали особое внимание на поведение епископов и клира, и, в случае злоупотреблений, принимали к ним меры нравственного воздействия; вообще, они вникали во все стороны местной церковной жизни и церковного управления и обо всем, после обзрения, докладывали патриарху.

Вселенское управление и церковное законодательство

Как ни велика была роль патриархов в церковном управлении, выше их стояли Вселенские соборы. Власть патриархов распространялась на церкви известного, хотя и большого, округа, власть Вселенских соборов распространялась на всю Вселенскую Церковь, на всю иерархию, не исключая и самих патриархов. Соборное управление появилось еще в первые века, но только в 4-м веке, когда христианство стало господствующей религией, оно достигло своего полного развития; теперь появилась возможность созывать соборы не из епископов какой-нибудь одной области, а из всех областей Римской империи. Так как с понятием империи соединялось понятие о Вселенной, то такого рода соборы получили название **Вселенских**. Впрочем, на Вселенских соборах нередко бывали епископы и из стран, не входивших в состав империи, но принявших христианство. Обычно соборы созывались императорской властью, по представлению духовных властей; императорская же власть принимала на себя заботы о внешних удобствах собиравшихся на соборы отцов и обнародовании их постановлений. Всех соборов, признанных православной Церковью Вселенскими, было семь (с 4-го по 8-й век включительно). Они созывались, главным образом, по поводу появлявшихся ересей, на них принято много правил относительно церковного управления, богослужения, христианской жизни и т.п. Решающий голос при принятии соборных определений имели только епископы или, в случае отсутствия кого-либо из них, их уполномоченные; но к совещаниям допускались пресвитеры, дьяконы и даже монахи, отличавшиеся богословской образованностью. Все соборные постановления, утвержденные государственной властью, получали силу общеобязательных не только церковных, но и государственных законов, и нередко приводились в исполнение гражданской властью. Постановления поместных соборов только тогда получали силу обязательных законов для всех церквей, когда их одобряли и утверждали на Вселенских соборах. Таким образом, Вселенские соборы были высшей инстанцией церковного управления и ими обуславливалось как единство веры и богослужения, так и единство и порядок в церковном управлении. Вселенские соборы послужили широкому развитию церковного законодательства. К писанным церковным правилам, появившимся до времен Константина Великого и вошедшим в канон, прибавилось множество новых правил, охватывавших все стороны церковной жизни. По своей важности среди

канонических правил первое место занимают вероопределения и правила семи Вселенских соборов: Никейского 1-го (325 г.) – 20; Константинопольского 1-го (381 г.) – 7; Ефесского (431 г.) – 8; Халкидонского (451 г.) – 30; вероопределения Константинопольского 2-го (553 г.) и Константинопольского 3-го (680 г.) и 102 правила так называемого пятошестого Трулльского собора (692 г.) и Никейского 2-го (787 г.) – 22 правила. Затем следуют правила поместных соборов, которые были приняты девятью соборами (с 4 по 9 в. включительно). Это Анкирский в Галатии (314 г.), составивший 25 правил, которые, главным образом, разрешают сложный вопрос о принятии в Церковь падших во время гонений, особенно священнослужителей; Неокесарийский в Каппадокии (315 г.), на котором было составлено 15 правил касательно церковного благочиния и чистоты супружеской жизни клира и мирян; Гангрский в Пафлагонии (около 340 г.) состоялся по поводу заблуждений Евстафия Севастийского, отвергавшего супружескую жизнь, и утвердил против него и его последователей 21 правило в защиту супружеской жизни христиан вообще и священнослужителей в частности; Антиохийский собор (341 г.) составил 25 правил относительно церковного управления, в них большей частью повторены и подтверждены апостольские правила; Лаодикийский собор (около 364 г.) составил 60 правил, в которых подробно определяются порядок богослужения, нравственное поведение клира и мирян и вообще церковное благочиние; Сардикийский собор в Иллирии (347 г.) рассматривал дело св. Афанасия Александрийского и вообще примирение ариан с Церковью; порешив дело Афанасия, собор составил 20 правил по церковному управлению; из этих правил некоторые касаются порядка управления исключительно в западных церквях (например, 3–5); Карфагенский собор (419–426 гг.) собрал правила предыдущих африканских соборов и, пересмотрев их, одобрил к руководству; таким образом были составлены 147 правил, которые приняты Церковью в канон под одним наименованием правил Карфагенского собора; эти правила подразделяются на три разряда: одни – общеканонические; вторые – местные правительственные и третьи – догматические, направленные против ересей и расколов, особенно пелагиан и донатистов; Константинопольский 4-й собор (861 г.) и Константинопольский 5-й собор (879 г.) созывались по поводу первого и второго избрания Фотия на константинопольский патриарший престол; первый собор принял 17 правил, а второй – 3 правила; и те, и другие касаются вопросов церковного благочиния и управления, поставленных тогдашней жизнью. Кроме правил Вселенских и поместных соборов, в

канон приняты Церковью еще правила св. отцов, например, Афанасия Великого, Василия Великого и др. Для удобства пользования церковными правилами они, с течением времени, были сведены в систему; в разных сборниках они излагались не только в хронологическом порядке, по времени их появления, но и в систематическом, по предметам содержания. Замечательные опыты такого изложения правил принадлежат патриархам Константинопольским Иоанну Схоластику (ум. 578 г.) и гораздо позже его – Фотию (ум. около 891 г.). В западной церкви были известны в латинском переводе сборник правил Дионисия Малого, римского аббата (ум. около 556 г.), использовавшийся в римской церкви, сборник, приписываемый Исидору, епископу Севильскому (ум. 631 г.), который использовали в Испании, и другие.

Папские притязания на главенство в церкви

Вселенские соборы ни одному из патриархов не предоставляли исключительной власти над Вселенской Церковью. За римским патриархом признавалось лишь первенство чести. Вопреки этому, римские патриархи, именовавшиеся папами, подчинив себе все церкви запада, стали считать себя главами и правителями всей Вселенской Церкви, чему способствовали различные обстоятельства. С 3 в., особенно же в 4 в., западные церковные писатели стали насаждать особое понятие о том, что в Церкви, кроме невидимого, существует и видимый глава. Этим, по их утверждениям, достигается всеобщее единство Церкви. Таким же главой они признавали римского епископа, главу всемирного города, наследовавшего власть апостола Петра, который, по их утверждениям, был князь епископов. Римские епископы старались такие ошибочные утверждения проводить в жизнь. В этом им помогли, начиная с 4 века, обстоятельства церковной и политической жизни. В 328 г. император Константин Великий начал строить в Византии новую столицу, названную впоследствии Константинополем. После его переезда туда в 330 г. римский епископ сделался более свободным от непосредственного влияния императорской власти. В период ереси Ария, когда императорская власть еще поддерживала ариан, папа Юлий (336–352 гг.) проявил себя строгим ревнителем православия. В Риме оказывалась поддержка православным епископам, искавшим там убежища. В то время на папу и на востоке начали смотреть, как на единственного защитника веры и церкви.

Ко времени второго Вселенского собора папы настолько признавали свой авторитет, что не допускали возможности равенства с ними константинопольского епископа. Папа Дамас заявил протест по поводу определения об этом соборе. Когда Рим стал столицей западных императоров, значение пап возросло. Император Валентиниан III в 445 г. утвердил власть папы над всеми церквами запада, провозгласив, что мир в Церкви будет только при условии, что вся Церковь признает главой единого правителя. Папа Лев I Великий, при котором был издан этот закон, смотрел на себя как на правителя всей Церкви. Его замечательные по православному образу мыслей послания, которые он писал во время монофизитской смуты в ответ на запросы восточных епископов, проникнуты сознанием верховного авторитета. На четвертом Вселенском соборе (451 г.) большое влияние имели его легаты. Папа Лев I, убедив себя,

что римский епископ имеет всю полноту власти в Церкви, был недоволен 28-м правилом 4 Вселенского собора, подтвердившего равенство константинопольского и римского патриархов. Падение западной римской империи в 476 г. еще больше возвысило пап в мнении западных народов. Во время господства в Италии варварских германских племен они оставались единственными представителями порядка и защитниками народа. Когда император Юстиниан отвоевал Италию у готтов, то одновременно он ограничил стремление пап к независимости. Но когда Византия не смогла защитить Италию от лангобардов, то восстановилось прежнее высокое положение пап в глазах народа. Постепенно и сами византийские императоры с уважением стали относиться к могуществу пап. Эта независимость все прочнее утверждала мнение о главенстве в Церкви римского епископа. Папы отвергли почетный титул Вселенского, который в 587 г. был присвоен константинопольскому патриарху Иоанну Постинку. Епископ Арсений в своей «Летописи церковных событий», под 589 г., излагая происходившее на Константинопольском соборе, пишет: «Патриарх Константинопольский, извещая папу о происходившем на соборе, подписался как «архиепископ Константинопольский и Вселенский патриарх». Титул Вселенского уже издавна присваивался константинопольским патриархам в указах императоров (Иоанну Кап., Елифаню, Анфиму, Минне) в том же смысле, в каком и председатель коллегии двенадцати учителей, заведовавшей преподаванием наук в империи, назывался вселенским учителем. Но папа Пелагий счел это превозношением и запретил своему апокрисиарию, архидиакону Лаврентию, участвовать в служениях с патриархом. Папа Григорий I Великий, Двоеслов (590–604 гг.), ярый поборник идеи главенства римского первосвященника, желая сильнее подчеркнуть несообразность титула «Вселенский» со значением в Церкви константинопольского патриарха, называл себя рабом рабов Божиих. Но это не помешало папам принять вскоре от императора Фоки, свергнувшего и казнившего императора Маврикия, дарованный им титул «Вселенский». Папы оказались защитниками православного учения в 7 в. во время монофелитской ереси и в 8 в., во время иконоборческих смут. Они решились даже отказать в повиновении восточным императорам иконоборцам.

Когда на Западе окрепло новое христианское Франкское государство, папы сочли выгодным выйти из повиновения византийским императорам, признав франкских властителей. Посредником в этом выступил известный миссионер Бонифаций. По совету папы Захария франкский мажордом Пипин принял в 752 г. титул короля и был помазан в Суассоне на царство

Бонифацием, тогда уже митрополитом Майнцским. Когда лангобарды заняли равеннский экзархат, принадлежавший Византии, угрожая Риму, тогдашний папа Стефан призвал на помощь Пипина, который за два похода (754–755 гг.) вынудил лангобардов оставить все их завоевания. Города равеннского экзархата Византии возвращены не были. Пипин заявил, что отнял эти земли для св. апостола Петра. Он подписал дарственную грамоту, по которой все возвращенные земли отдавались во владение римской церкви. Грамота была положена на гроб св. ап. Петра. Папа был их государем, и Пипин удовольствовался покровительством ему и званием римского патриция. Византийский император Константин Копроним тщетно требовал возвращения этих земель, у него не было сил их отнять, поскольку он был отягощен борьбой с арабами и своими православными подданными. Подарок Пипина положил в 755 г. начало светской власти пап.

Во время постепенного освобождения пап из-под власти византийских императоров происходило и упрочение их власти в западных церквях, преимущественно тех, которые не входили в состав римского диоцеза.

В западных церквях, например, африканской, испанской и других римский епископ издавна пользовался большим авторитетом как преемник апостола Петра. Для решения разных недоумений эти церкви, по древнему обычаю, обращались к римской церкви, хранившей апостольское предание, что дало повод римским епископам писать к этим церквям послания, в которых разрешались спорные вопросы на основании апостольского предания. Такого рода послания, появившиеся еще в конце 4-го века, при постепенном усилении власти пап, получили название декреталий, т.е. определений, и считались каноническими. Естественно, что приняв папские декреталии, западные церкви очутились в подчинении у римской церкви. Карфагенская церковь сильнее других церквей отстаивала свою самостоятельность, но и она, под гнетом вандалов, в 6 столетии вынуждена была искать опору в римской церкви. Что касается папской власти в новооснованных церквях в Британии, Германии и других странах, то она установилась очень просто. Здесь идея о главенстве папы распространялась вместе с самим христианством, тем более, что все главные миссии шли из Рима.

К началу 9-го века во всех западных церквях папа считался уже верховным главой и судьей Церкви. К этому же времени на западе появился новый канонический сборник, известный в истории под названием лжеисидоровских декреталий, на котором папы стали

основывать свое мнимое право на главенство. В этом сборнике главное место занимают декреталии пап, начиная с самых первых времен римской церкви (с 77 г. по Р.Х.); почти все они или подложные, или искаженные.

Подразумеваются т.н. декреталии (*decretalia*) пап (от Климента, третьего римского епископа, до Дамаса (384)), собранные неким Исидором, а потому и называемые лжеисидоровскими декретами. В соответствии с ними клир абсолютно неподведом светской власти, и высшей законодательной и судебной властью в церкви являются не соборы или митрополиты, а исключительно папы. В этих декреталиях много страшного и несообразного; считают, что они сочинены во Франции около 840 г. для защиты местных интересов, с тем чтобы вместо находившейся поблизости светской и митрополичьей власти подчиняться более отдаленной – в Риме. При тогдашнем невежестве выдумка удалась (хотя в самой Франции не сразу), тем более, что она соответствовала тогдашним понятиям и нашла покровительство у пап. Варварская латынь, противоречия, исторические ошибки – все это было обнаружено к концу средних веков.

По этим декреталиям папа как преемник князя апостолов – апостола Петра, обладает всей полнотой власти во Вселенской Церкви. Ему подчинены все церкви со своими предстоятелями, так что, если последние в известной мере пользуются властью, то эту власть они получают от папы. Без его соизволения не может созываться ни один собор, ни одно его решение не может быть приведено в исполнение. Все недовольные решением местных соборов и митрополитов могут обращаться с апелляцией к папе, и от него уже зависит окончательное решение, которому все должны подчиняться беспрекословно. В странах, удаленных от Рима, папой назначаются из старших митрополитов викарии апостольского престола, или примасы, которые пользуются на местах властью папы и служат, таким образом, проводниками центральной власти римских первосвященников. Таким образом, по лжеисидоровским декреталиям власть папы в Церкви стала выше власти даже Вселенских Соборов. Система церковного управления, изложенная в лжеисидоровских декреталиях и развившаяся на западе, известна в истории под названием папства.

Впервые начал ссылаться на лжеисидоровские декреталии и применять на практике раскрытые в них идеи о папском всевластии папа Николай I (858–867 гг.). Полностью разделяя эти идеи, он обладал всеми необходимыми для этого качествами – умом, твердым характером, строгой нравственностью. В период своего девятилетнего правления он сделал для

возвышения папства больше, чем другие папы в течение многих десятилетий. Убедительным подтверждением этому служат его победы в спорах с Лотарем, правителем Лотарингии, и Гинкмаром, архиепископом Реймским. Лотар хотел развестись со своей законной женой Титбергой, чтобы жениться на некоей Валдраде. Аахенский (862 г.) собор, на котором сторону Лотаря заняли архиепископы Кельнский Гюнтер и Трирский Титго, разрешил ему развод и новый брак. Лотар женился на Валдраде. Но Титберга обратилась с просьбой о защите к папе Николаю I, который решил воспользоваться этим случаем для проявления своей власти. Он назначил новый собор в Меце (863 г.), под председательством своих легатов, для вторичного расследования дела о браке Лотаря. Но и этот собор, находившийся под влиянием Лотаря, решил дело в его пользу. Гюнтер и Титго, главные деятели на соборе, сами отвезли папе на утверждение соборные определения. Николай, очень хорошо осведомленный о ходе рассмотрения дела на соборе, решил со всей строгостью отнестись к ослушникам его приказаний и покровителям явного прелюбодеяния. Он отменил постановления Мецкого собора, лишил сана Гюнтера и Титго и пригрозил тем же остальным епископам – участникам собора, если они не расскаются. Лотарь не смутился папским решением; Кельнский и Трирский архиепископы также не захотели подчиниться папе. Они, не признавая за папой верховного суда, требовали созыва собора, составленного из митрополитов, на котором бы они лично могли защищать свое дело. Кроме того, они настроили против папы брата Лотаря, императора Людовика II, который, для того, чтобы вынудить папу отменить свое решение, занял со своими войсками Рим; впрочем, он вскоре примирился с Николаем. Но Гюнтер и Титго продолжали высказывать протесты против папской власти, которые, однако, не находили сочувствия, так как дело, которое они защищали, было неправое; общественное мнение было на стороне папы. Николай пошел еще дальше, – он отлучил от церкви Гюнтера. Тогда трирский и кельнский архиепископы, не находя выхода из создавшегося положения, решили покориться папе. Но папа оставил в силе свое определение относительно лишения их сана. Остальные епископы также поспешили засвидетельствовать перед папой свое раскаяние. Тогда и Лотарь, вынужденный считаться с неблагоприятным для него общественным мнением, счел за лучшее примириться с папой, который потребовал, чтобы Лотарь оставил Валдраду и принял законную жену Титбергу. Лотарь должен был повиноваться. Также успешно для Николая окончилось столкновение с Гинкмаром, архиепископом Реймским, человеком умным

и энергичным, который отстаивал права местного самоуправления церкви; папа, напротив, проводил мысль лжеисидоровских декреталий о централизации церковной власти в лице папы. Борьба эта произошла по следующему случаю. Гинкмар низложил на соборе одного подчиненного ему епископа, Ротада, который апеллировал папе. Папа, несмотря на отпор Гинкмара и галльских епископов, потребовал, чтобы Ротада и Гинкмар явились в Рим на суд. Когда явился только Ротада, папа признал его восстановленным в сане, после чего тот занял свою кафедру, без возражений со стороны Гинкмара. Таким образом, в этих двух спорах папа оказался блюстителем нравственных законов, защитником невинности во всем христианском мире и верховным судьей в Церкви. Кроме того, для централизации власти в лице папы, Николай I установил, чтобы каждый вновь поставленный архиепископ, при получении от папы паллиума, давал клятву и подписку в верности апостольскому престолу и беспрекословном повиновении папе.

Следующий папа, Адриан II (867–872 гг.) действовал в пользу папских интересов не так удачно, как Николай. Неудачи, между прочим, происходили от того, что папа изъявил претензии быть судьей государей не только в духовных, но и в политических делах. Так, когда, после смерти Лотаря, Карл Лысый завладел его землями, вместо законного наследника, императора Людовика II, Адриан потребовал, чтобы Карл возвратил лотарингские земли Людовику, и, в противном случае, угрожал своей церковной властью, от лотарингских же епископов потребовал прекратить с Карлом общение. Но папу никто не слушал, ни Карл, ни епископы. Гинкмар Реймский в письме к папе дал понять, что и король, и вельможи не потерпят вмешательства папы в их политические дела. Тот же Гинкмар, по случаю низложения им на соборе одного епископа (так же, как и при Николае), отказал Адриану в праве рассматривать вновь дело в Риме, а не на местном соборе, – и Адриан должен был уступить. Преемник Адриана, Иоанн VIII (872–882 гг.) был замечателен тем, что, по стечению благоприятных обстоятельств, положил начало тому порядку, по которому императорская корона стала раздаваться папами. Карл Лысый (875 г.), незаконно присвоивший себе императорское достоинство (875 г.), нуждался в его признании со стороны Церкви. Папа Иоанн VIII, короновав Карла, признал его законным императором, но в то же время воспользовался этим случаем, чтобы заявить, что получение императорского достоинства зависит исключительно от апостольского престола. Карл не протестовал против этого, и действительно, с этого времени на западе утвердилось представление, что папа является

источником императорской власти. Пользуясь расположением Карла Лысого, Иоанн VIII успел и со своей стороны принять несколько постановлений, направленных против вмешательства светских правителей в дела Церкви, например, чтобы никто из герцогов и князей не назначал епископов, не судил их и не обкладывал их и их церкви податями, – хотя эти постановления и оставались только на бумаге. После Иоанна VIII папство, вовлеченное в разные политические интриги, быстро пришло в упадок. Папский престол поступил в распоряжение светских правителей и политических партий и замещался, по большей части, людьми недостойными. Безнравственность и разного рода преступления были присущи очень многим папам. Папская власть, находившаяся в руках таких людей, если и не потеряла своего значения в идее, – на практике потеряла очень много, по сравнению с прежними временами. Нестроения на папском престоле продолжались целых полтора столетия, до самой середины 11-го века.

Богослужение и Монашество

Вселенские соборы ни одному из патриархов не предоставляли исключительной власти над Вселенской Церковью. За римским патриархом признавалось лишь первенство чести. Вопреки этому, римские патриархи, именовавшиеся папами, подчинив себе все церкви запада, стали считать себя главами и правителями всей Вселенской Церкви, чему способствовали различные обстоятельства. С 3 в., особенно же в 4 в., западные церковные писатели стали насаждать особое понятие о том, что в Церкви, кроме невидимого, существует и видимый глава. Этим, по их утверждениям, достигается всеобщее единство Церкви. Таким же главой они признавали римского епископа, главу всемирного города, наследовавшего власть апостола Петра, который, по их утверждениям, был князь епископов. Римские епископы старались такие ошибочные утверждения проводить в жизнь. В этом им помогли, начиная с 4 века, обстоятельства церковной и политической жизни. В 328 г. император Константин Великий начал строить в Византии новую столицу, названную впоследствии Константинополем. После его переезда туда в 330 г. римский епископ сделался более свободным от непосредственного влияния императорской власти. В период ереси Ария, когда императорская власть еще поддерживала ариан, папа Юлий (336–352 гг.) проявил себя строгим ревнителем православия. В Риме оказывалась поддержка православным епископам, искавшим там убежища. В то время на папу и на востоке начали смотреть, как на единственного защитника веры и церкви.

Ко времени второго Вселенского собора папы настолько признавали свой авторитет, что не допускали возможности равенства с ними константинопольского епископа. Папа Дамас заявил протест по поводу определения об этом соборе. Когда Рим стал столицей западных императоров, значение пап возросло. Император Валентиниан III в 445 г. утвердил власть папы над всеми церквами запада, провозгласив, что мир в Церкви будет только при условии, что вся Церковь признает главой единого правителя. Папа Лев I Великий, при котором был издан этот закон, смотрел на себя как на правителя всей Церкви. Его замечательные по православному образу мыслей послания, которые он писал во время монофизитской смуты в ответ на запросы восточных епископов, проникнуты сознанием верховного авторитета. На четвертом Вселенском соборе (451 г.) большое влияние имели его легаты. Папа Лев I, убедив себя,

что римский епископ имеет всю полноту власти в Церкви, был недоволен 28-м правилом 4 Вселенского собора, подтвердившего равенство константинопольского и римского патриархов. Падение западной римской империи в 476 г. еще больше возвысило пап в мнении западных народов. Во время господства в Италии варварских германских племен они оставались единственными представителями порядка и защитниками народа. Когда император Юстиниан отвоевал Италию у готтов, то одновременно он ограничил стремление пап к независимости. Но когда Византия не смогла защитить Италию от лангобардов, то восстановилось прежнее высокое положение пап в глазах народа. Постепенно и сами византийские императоры с уважением стали относиться к могуществу пап. Эта независимость все прочнее утверждала мнение о главенстве в Церкви римского епископа. Папы отвергли почетный титул Вселенского, который в 587 г. был присвоен константинопольскому патриарху Иоанну Постинку. Епископ Арсений в своей «Летописи церковных событий», под 589 г., излагая происходившее на Константинопольском соборе, пишет: «Патриарх Константинопольский, извещая папу о происходившем на соборе, подписался как «архиепископ Константинопольский и Вселенский патриарх». Титул Вселенского уже издавна присваивался константинопольским патриархам в указах императоров (Иоанну Кап., Елифаню, Анфиму, Минне) в том же смысле, в каком и председатель коллегии двенадцати учителей, заведовавшей преподаванием наук в империи, назывался вселенским учителем. Но папа Пелагий счел это превозношением и запретил своему апокрисиарию, архидиакону Лаврентию, участвовать в служениях с патриархом. Папа Григорий I Великий, Двоеслов (590–604 гг.), ярый поборник идеи главенства римского первосвященника, желая сильнее подчеркнуть несообразность титула «Вселенский» со значением в Церкви константинопольского патриарха, называл себя рабом рабов Божиих. Но это не помешало папам принять вскоре от императора Фоки, свергнувшего и казнившего императора Маврикия, дарованный им титул «Вселенский». Папы оказались защитниками православного учения в 7 в. во время монофелитской ереси и в 8 в., во время иконоборческих смут. Они решились даже отказать в повиновении восточным императорам иконоборцам.

Когда на Западе окрепло новое христианское Франкское государство, папы сочли выгодным выйти из повиновения византийским императорам, признав франкских властителей. Посредником в этом выступил известный миссионер Бонифаций. По совету папы Захария франкский мажордом Пипин принял в 752 г. титул короля и был помазан в Суассоне на царство

Бонифацием, тогда уже митрополитом Майнцским. Когда лангобарды заняли равеннский экзархат, принадлежавший Византии, угрожая Риму, тогдашний папа Стефан призвал на помощь Пипина, который за два похода (754–755 гг.) вынудил лангобардов оставить все их завоевания. Города равеннского экзархата Византии возвращены не были. Пипин заявил, что отнял эти земли для св. апостола Петра. Он подписал дарственную грамоту, по которой все возвращенные земли отдавались во владение римской церкви. Грамота была положена на гроб св. ап. Петра. Папа был их государем, и Пипин удовольствовался покровительством ему и званием римского патриция. Византийский император Константин Копроним тщетно требовал возвращения этих земель, у него не было сил их отнять, поскольку он был отягощен борьбой с арабами и своими православными подданными. Подарок Пипина положил в 755 г. начало светской власти пап.

Во время постепенного освобождения пап из-под власти византийских императоров происходило и упрочение их власти в западных церквях, преимущественно тех, которые не входили в состав римского диоцеза.

В западных церквях, например, африканской, испанской и других римский епископ издавна пользовался большим авторитетом как преемник апостола Петра. Для решения разных недоумений эти церкви, по древнему обычаю, обращались к римской церкви, хранившей апостольское предание, что дало повод римским епископам писать к этим церквям послания, в которых разрешались спорные вопросы на основании апостольского предания. Такого рода послания, появившиеся еще в конце 4-го века, при постепенном усилении власти пап, получили название декреталий, т.е. определений, и считались каноническими. Естественно, что приняв папские декреталии, западные церкви очутились в подчинении у римской церкви. Карфагенская церковь сильнее других церквей отстаивала свою самостоятельность, но и она, под гнетом вандалов, в 6 столетии вынуждена была искать опору в римской церкви. Что касается папской власти в новооснованных церквях в Британии, Германии и других странах, то она установилась очень просто. Здесь идея о главенстве папы распространялась вместе с самим христианством, тем более, что все главные миссии шли из Рима.

К началу 9-го века во всех западных церквях папа считался уже верховным главой и судьей Церкви. К этому же времени на западе появился новый канонический сборник, известный в истории под названием лжеисидоровских декреталий, на котором папы стали

основывать свое мнимое право на главенство. В этом сборнике главное место занимают декреталии пап, начиная с самых первых времен римской церкви (с 77 г. по Р.Х.); почти все они или подложные, или искаженные.

Подразумеваются т.н. декреталии (decretalia) пап (от Климента, третьего римского епископа, до Дамаса (384)), собранные неким Исидором, а потому и называемые лжеисидоровскими декретами. В соответствии с ними клир абсолютно неподведом светской власти, и высшей законодательной и судебной властью в церкви являются не соборы или митрополиты, а исключительно папы. В этих декреталиях много страшного и несообразного; считают, что они сочинены во Франции около 840 г. для защиты местных интересов, с тем чтобы вместо находившейся поблизости светской и митрополичьей власти подчиняться более отдаленной – в Риме. При тогдашнем невежестве выдумка удалась (хотя в самой Франции не сразу), тем более, что она соответствовала тогдашним понятиям и нашла покровительство у пап. Варварская латынь, противоречия, исторические ошибки – все это было обнаружено к концу средних веков.

По этим декреталиям папа как преемник князя апостолов – апостола Петра, обладает всей полнотой власти во Вселенской Церкви. Ему подчинены все церкви со своими предстоятелями, так что, если последние в известной мере пользуются властью, то эту власть они получают от папы. Без его соизволения не может созываться ни один собор, ни одно его решение не может быть приведено в исполнение. Все недовольные решением местных соборов и митрополитов могут обращаться с апелляцией к папе, и от него уже зависит окончательное решение, которому все должны подчиняться беспрекословно. В странах, удаленных от Рима, папой назначаются из старших митрополитов викарии апостольского престола, или примасы, которые пользуются на местах властью папы и служат, таким образом, проводниками центральной власти римских первосвященников. Таким образом, по лжеисидоровским декреталиям власть папы в Церкви стала выше власти даже Вселенских Соборов. Система церковного управления, изложенная в лжеисидоровских декреталиях и развившаяся на западе, известна в истории под названием папства.

Впервые начал ссылаться на лжеисидоровские декреталии и применять на практике раскрытые в них идеи о папском всевластии папа Николай I (858–867 гг.). Полностью разделяя эти идеи, он обладал всеми необходимыми для этого качествами – умом, твердым характером, строгой нравственностью. В период своего девятилетнего правления он сделал для

возвышения папства больше, чем другие папы в течение многих десятилетий. Убедительным подтверждением этому служат его победы в спорах с Лотарем, правителем Лотарингии, и Гинкмаром, архиепископом Реймским. Лотар хотел развестись со своей законной женой Титбергой, чтобы жениться на некоей Валдраде. Аахенский (862 г.) собор, на котором сторону Лотаря заняли архиепископы Кельнский Гюнтер и Трирский Титго, разрешил ему развод и новый брак. Лотар женился на Валдраде. Но Титберга обратилась с просьбой о защите к папе Николаю I, который решил воспользоваться этим случаем для проявления своей власти. Он назначил новый собор в Меце (863 г.), под председательством своих легатов, для вторичного расследования дела о браке Лотаря. Но и этот собор, находившийся под влиянием Лотаря, решил дело в его пользу. Гюнтер и Титго, главные деятели на соборе, сами отвезли папе на утверждение соборные определения. Николай, очень хорошо осведомленный о ходе рассмотрения дела на соборе, решил со всей строгостью отнестись к ослушникам его приказаний и покровителям явного прелюбодеяния. Он отменил постановления Мецкого собора, лишил сана Гюнтера и Титго и пригрозил тем же остальным епископам – участникам собора, если они не расскаются. Лотарь не смутился папским решением; Кельнский и Трирский архиепископы также не захотели подчиниться папе. Они, не признавая за папой верховного суда, требовали созыва собора, составленного из митрополитов, на котором бы они лично могли защищать свое дело. Кроме того, они настроили против папы брата Лотаря, императора Людовика II, который, для того, чтобы вынудить папу отменить свое решение, занял со своими войсками Рим; впрочем, он вскоре примирился с Николаем. Но Гюнтер и Титго продолжали высказывать протесты против папской власти, которые, однако, не находили сочувствия, так как дело, которое они защищали, было неправое; общественное мнение было на стороне папы. Николай пошел еще дальше, – он отлучил от церкви Гюнтера. Тогда трирский и кельнский архиепископы, не находя выхода из создавшегося положения, решили покориться папе. Но папа оставил в силе свое определение относительно лишения их сана. Остальные епископы также поспешили засвидетельствовать перед папой свое раскаяние. Тогда и Лотарь, вынужденный считаться с неблагоприятным для него общественным мнением, счел за лучшее примириться с папой, который потребовал, чтобы Лотарь оставил Валдраду и принял законную жену Титбергу. Лотарь должен был повиноваться. Также успешно для Николая окончилось столкновение с Гинкмаром, архиепископом Реймским, человеком умным

и энергичным, который отстаивал права местного самоуправления церкви; папа, напротив, проводил мысль лжеисидоровских декреталий о централизации церковной власти в лице папы. Борьба эта произошла по следующему случаю. Гинкмар низложил на соборе одного подчиненного ему епископа, Ротада, который апеллировал папе. Папа, несмотря на отпор Гинкмара и галльских епископов, потребовал, чтобы Ротада и Гинкмар явились в Рим на суд. Когда явился только Ротада, папа признал его восстановленным в сане, после чего тот занял свою кафедру, без возражений со стороны Гинкмара. Таким образом, в этих двух спорах папа оказался блюстителем нравственных законов, защитником невинности во всем христианском мире и верховным судьей в Церкви. Кроме того, для централизации власти в лице папы, Николай I установил, чтобы каждый вновь поставленный архиепископ, при получении от папы паллиума, давал клятву и подписку в верности апостольскому престолу и беспрекословном повиновении папе.

Следующий папа, Адриан II (867–872 гг.) действовал в пользу папских интересов не так удачно, как Николай. Неудачи, между прочим, происходили от того, что папа изъявил претензии быть судьей государей не только в духовных, но и в политических делах. Так, когда, после смерти Лотаря, Карл Лысый завладел его землями, вместо законного наследника, императора Людовика II, Адриан потребовал, чтобы Карл возвратил лотарингские земли Людовику, и, в противном случае, угрожал своей церковной властью, от лотарингских же епископов потребовал прекратить с Карлом общение. Но папу никто не слушал, ни Карл, ни епископы. Гинкмар Реймский в письме к папе дал понять, что и король, и вельможи не потерпят вмешательства папы в их политические дела. Тот же Гинкмар, по случаю низложения им на соборе одного епископа (так же, как и при Николае), отказал Адриану в праве рассматривать вновь дело в Риме, а не на местном соборе, – и Адриан должен был уступить. Преемник Адриана, Иоанн VIII (872–882 гг.) был замечателен тем, что, по стечению благоприятных обстоятельств, положил начало тому порядку, по которому императорская корона стала раздаваться папами. Карл Лысый (875 г.), незаконно присвоивший себе императорское достоинство (875 г.), нуждался в его признании со стороны Церкви. Папа Иоанн VIII, короновав Карла, признал его законным императором, но в то же время воспользовался этим случаем, чтобы заявить, что получение императорского достоинства зависит исключительно от апостольского престола. Карл не протестовал против этого, и действительно, с этого времени на западе утвердилось представление, что папа является

источником императорской власти. Пользуясь расположением Карла Лысого, Иоанн VIII успел и со своей стороны принять несколько постановлений, направленных против вмешательства светских правителей в дела Церкви, например, чтобы никто из герцогов и князей не назначал епископов, не судил их и не обкладывал их и их церкви податями, – хотя эти постановления и оставались только на бумаге. После Иоанна VIII папство, вовлеченное в разные политические интриги, быстро пришло в упадок. Папский престол поступил в распоряжение светских правителей и политических партий и замещался, по большей части, людьми недостойными. Безнравственность и разного рода преступления были присущи очень многим папам. Папская власть, находившаяся в руках таких людей, если и не потеряла своего значения в идее, – на практике потеряла очень много, по сравнению с прежними временами. Нестроения на папском престоле продолжались целых полтора столетия, до самой середины 11-го века.

Места общественного богослужения

Богослужение получило полное развитие в 4 и в последующих веках. Установился определенный порядок и единообразная форма богослужения, от которой постепенно отступала римская церковь. Богослужение повсюду отличалось блеском и великолепием.

Со времени царствования Константина Великого началось интенсивное строительство храмов. Особенной любовью к сооружению храмов отличались императоры св. Константин Великий с матерью св. Еленой, Феодосий Великий, Юстиниан. Св. Константин воздвиг храм в Иерусалиме на месте гроба Господня, в Константинополе – во имя св. апостолов Петра и Павла, в Риме – т.н. латеранскую церковь, которая была личной церковью пап, и церковь во имя св. ап. Петра на Ватиканской горе, месте его и других мученической кончины. Св. Елена строила храмы в Святой Земле. Юстиниан воздвиг храм св. Софии в Константинополе.

Храмы продолжали своим видом походить на базилики (общественные здания продолговатой четырехугольной формы). С 4-го века начинают появляться храмы восьмиугольные, круглые и продолговатые. На церквах вместо плоской крыши стали делать крышу со сводами, т.н. купола. Эти постройки приобрели известность под названием византийского стиля. Храм св. Софии в Константинополе был построен в этом стиле.

Во внутреннем устройстве церквей не так резко стали отделять среднюю часть от притвора. Объяснялось это уменьшением числа оглашенных и кающихся, для которых был создан притвор. В некоторых церквах появились хоры, предназначавшиеся для женщин. Перед алтарем стали устраивать солею, чтобы молящимся лучше было видно совершение богослужения. Сначала в церкви имелся только один алтарь, но со времени правления папы св. Григория Двоеслова (509–604 гг.) стали устраивать их несколько. С 8 в. на востоке стали устраиваться иконостасы. В 4 в. для созывания верующих были установлены деревянные била, а на западе – колокольчики. Колокола на западе появились в 7 в., откуда перешли на восток во второй половине 7 в. С появлением колоколов при церквах стали устраивать для них помещения – колокольни.

Богослужбные времена, праздники и посты

В первые века христиане посвящали молитве известные часы дня, – третий, шестой и девятый; молились также утром и вечером. В 4 веке к этим временам присоединились еще полночь, а в монастырях, – первый час и повечерие. Впрочем, в том же 4-м веке все отдельные богослужбные части суток стали соединять собственно в три времени: время между полночью и утром; перед полднем и вечером, причем таинство Евхаристии, или литургия, совершалось перед полднем, а не ночью, как в большинстве случаев, было в первые века. Соединение произошло сначала в приходских церквях, а потом перешло и в монастыри. Так называемые всенощные получили окончательный и определенный вид также в 4-м веке и совершались под особенно торжественные праздники.

Праздничные дни и посты в недельном круге остались те же. Воскресный день празднуется с 4 века с особой торжественностью. Константин Великий издал закон (321 г.) о прекращении в воскресный день судопроизводства; впоследствии он запретил в этот день и воинские занятия. А Феодосий младший даже запретил (425 г.) в воскресный день все увеселения и зрелища. Среда и пятница, как и прежде, были днями поста. Римская церковь продолжала сохранять пост в субботу, в воспоминание пребывания Спасителя во гробе и в противоположность иудеям, у которых суббота была праздничным днем. Папа Иннокентий I особенно заботился о распространении обычая поститься в субботу. К концу 7 века этот обычай прочно установился на западе, так что Трулльский собор (692 г.) счел нужным заметить о посте в субботу, как об отступлении римской церкви от древнего апостольского правила (Трулльский собор пр. 55). Впрочем, и на западе африканская и медиоланская церкви не соблюдали поста в субботу, по крайней мере до тех пор, пока не подчинились полностью римской церкви.

Праздники в годичном круге, установленные в первые века, остались и теперь. Время празднования Пасхи окончательно было определено на I Вселенском соборе, а именно, в первый воскресный день после 14 нисана. Александрийский епископ, по поручению собора, должен был каждый год особыми пасхальными посланиями извещать все церкви о дне, на который, по астрономическим вычислениям, приходится Пасха. Отсюда, в александрийской церкви сложился 19-летний пасхальный круг, который в 525 г. ученым аббатом, Дионисием Малым, был введен и в римской церкви. Однако все-таки еще оставались христиане, праздновавшие Пасху

вместе с иудеями 14 нисана; они известны как раскольники, под именем тетрадитов или четырнадцатидневников. Пасха как самый важный христианский праздник праздновалась торжественнее всех других праздников. На целую неделю прекращались судопроизводство, все общественные увеселения и зрелища. Императоры освобождали из темниц узников, а господа иногда давали свободу рабам. Праздник Рождества Христова в 4 веке распространяется в восточных церквах, а Богоявления – в западных. Кроме того, появляется много новых праздников. Так, в 4 веке установлен был праздник Обрезания Господня. Особенностью этого праздника в первое время было то, что его проводили в посте, как день печали и сетования, в противоположность язычникам, у которых в этот день был праздник календ, сопровождавшийся соблазнительными зрелищами. В 4 веке праздник Обрезания распространился во всех церквах. Праздник Сретения Господня, если до 4 века не был всеобщим, то теперь распространился повсюду так же, как праздник Входа Господня в Иерусалим. Начало праздника Преображения Господня восходит к 4 веку. В 4 веке установлен праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня – в память его обретения. В 7 в. с этим праздником соединилось воспоминание возвращения Креста Господня от персов, при императоре Ираклии (628 г.). Праздник Благовещения Пресвятой Деве Марии, в 5 веке, после III Вселенского Собора, на котором была осуждена ересь Нестория, унижавшего достоинство Божией Матери, распространился повсюду. К 5 веку относится установление празднования дня Рождества Богородицы. Другие праздники в честь Пресвятой Богородицы появились позже: Успение – в 6 веке; Введение во храм в 7 веке и т.д. Праздники в честь св. апостолов, св. ангелов, св. Божиих человек, пророков, святителей, мучеников, преподобных и проч. ведут свое начало с 4 века, кроме апостолов и мучеников, в честь которых празднования были установлены ранее. В 4 веке установлен общий праздник всех мучеников, а в 7 веке на западе – праздник всех святых. На западе в 5 веке установлен еще своеобразный праздник кафедры апостола Петра. Словом, образовался полный церковный год, начинавшийся, по обычаю, заимствованному от евреев, с 1 сентября, и с каждым днем года соединялось празднество или в честь святых и Богородицы, или во славу Христа Спасителя.

Что касается постов в годовом круге, то, кроме Четыредесятницы, которая была установлена уже в первые века, Церковь установила еще три многодневных поста – перед днем Рождества Христова, перед праздником в честь апостолов Петра и Павла и перед Успением.

Богослужбные действия и обряды

В 4 и последующих веках установился определенный порядок всех богослужбных действий. Появились т.н. лекционарии, в которых обозначались отделы св. Писания, назначенные для чтения в тот или другой день. После чтения св. Писания следовало поучение. Право произносить поучения принадлежало епископам, в приходских же церквах поучения говорили пресвитеры. Своими проповедями славились: на востоке, где проповедничество было особенно развито, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст; на западе – Августин, папа Лев Великий. В 7 веке на западе проповедь совсем прекратилась.

Относительно пения нужно заметить, что на нем отразилось сильное влияние искусства. Начиная с 4 века, в Церкви стали появляться разного рода гимны, отличавшиеся поэтической силой, и разного рода напевы, проникнутые прекрасными мелодиями. Из церковных песнописцев 4 в. особенно выдается Ефрем Сирийский (ум. 372 г.), составивший много поэтических песнопений в честь мучеников, в противоположность еретическим гимнам, распространившимся в Сирии со времен еретиков-гностиков. С целью противодействия еретикам, особенно арианам, которые посредством гимнов распространяли свое лжеучение, писали церковные песни: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский (4 в.). В 5 веке был известен своими песнопениями, а именно стихирами на воскресные и другие праздничные дни, Анатолий, патриарх Константинопольский (ум. 458 г.), а в 6 в. – Роман Сладкопевец (ум. около 510 г.), написавший до 1000 вдохновенных песнопений, известных под названием кондаков, и множество икосов. В 7 в. Софроний, патриарх Иерусалимский (ум. 641 г.), трудился, между прочим, над составлением церковных песнопений. Но особенно славен церковными песнописцами 8 век. Андрей, архиепископ Критский (ум. около 712 г.), был в полном смысле слова поэтом, доказательством чему служат его полные глубокого религиозного чувства покаянные каноны. Герман, патриарх Константинопольский (ум. 740 г.) также должен быть поставлен в ряду с лучшими песнописцами своего времени. Но Иоанн Дамаскин (ум. ок. 760 г.) и Козьма Маюмский (ум. после Дамаскина) по всей справедливости занимают первое место в ряду песнописцев всех времен. Их каноны и другие церковные песнопения полны высокой поэзии. В 9 веке Иосиф Песнописец (ум. 833 г.) своими песнопениями закончил создание недельных служб. Напев, употреблявшийся в

богослужении в 4 веке, вначале, так же как и в первые века, был самый простой, близкий к разговорной речи (речитативный). Но скоро в богослужебную практику стали вводить искусственное пение, более или менее мелодичное. Поводом к этому послужило то, что христиане стали увлекаться театральной музыкой и стройным пением еретиков. Для предотвращения подобных увлечений отцы Церкви допустили и богослужении стройное мелодичное пение. Так поступали Ефрем Сирий и Златоуст. На западе размерное мелодичное пение ввел Амвросий Медиоланский, по имени которого оно и обозначалось (cantus ambrosianus). Но так как в амвросианское пение, с течением времени, был привнесен театральный элемент, то папа Григорий Двоеслов ввел новый напев – величественный, торжественный. Окончательная разработка церковных напевов принадлежит Иоанну Дамаскину. Он изобрел 8 гармоний или гласов, и на них положил составленные им воскресные службы, которые образовали так называемый октоих или осмогласник. Осмеричное число гласов или напевов Дамаскина вскоре вошло во всеобщее употребление в восточных церквах и было даже отчасти принято в западных, после чего церковное пение получило большее или меньшее единство и однообразие во всех церквах. Что касается порядка пения, то он был различен. Во время богослужения пели все присутствующие вместе или попеременно, на два хора; начинал петь один певец, а за ним повторял то же самое народ; наконец, пели один или несколько певцов, причем иногда в конце той или другой песни ему припевал и народ. Ограничение участия народа в богослужебном пении относится ко временам Лаодикийского собора (364 г.), запретившего петь в церкви «иным некоторым», кроме певцов, состоящих в клире (Правило 15).

В порядке совершения таинств, по сравнению с первыми веками, не произошло никаких перемен. Так, чтобы принять крещение, требовалось предварительно пройти степени оглашения, которые оставались теми же, что и в 3 в. Только число оглашенных в 5 в. стало уменьшаться, потому что к этому времени окончательно утвердился обычай крещения детей. К этому же времени стал мало-помалу исчезать распространившийся было в 4 веке обычай взрослых откладывать свое крещение на неопределенное время, в расчете с помощью крещения, принятого в конце жизни, получить отпущение всех грехов. К обрядам при совершении таинства крещения присоединилось еще дуновение на крещаемого при чтении заклинательных молитв. Обычно крещения совершались в субботу под праздник Пасхи и в Пятидесятницу; на востоке – также в праздник Богоявления. Вопрос о крещении еретиков, поднятый в 3 веке, был

разрешен окончательно на соборах. Было решено (Перв.всел.соб., прав. 19; 2 всел.соб., прав.7; Трулл.соб., прав.95) – всех еретиков, которые извращают христианское вероучение в его сущности и не имеют у себя правильного крещения во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, перекрещивать при обращении их к Православной Церкви, прочих же присоединять только через миропомазание. Относительно миропомазания нужно только заметить, что с 5 в. уже во многих западных церквях это таинство совершали исключительно епископы. Совершение таинства Евхаристии осталось таким же; только то богослужение, во время которого оно совершалось, т.е. литургия, получило определенность и единообразие. К 4 веку в разных церквях были разные литургии, хотя и сходные в существенном. В иерусалимской церкви была своя литургия, по преданию приписываемая апостолу Иакову, в александрийской – евангелисту Марку, в римской – св. Клименту, в испанской и галльской – тоже свои, сходные с иерусалимской; в 4 веке появились, кроме того, еще новые изложения литургии, в медиоланской церкви – Амвросия, в Кесарии Каппадокийской – Василия Великого, в Константинополе – Иоанна Златоуста (сокращение литургии Василия Великого) и, наконец, чин литургии преждеосвященных даров, составленный папой Григорием Двоесловом. Литургия Василия Великого и Иоанна Златоуста со временем вошли во всеобщее употребление в восточных церквях. Остальные таинства – покаяние, священство, брак и елеосвящение- вообще все получили определенный чин, как свидетельствует о том сакраментарий (6 в.) Григория Двоеслова.

Покаянная дисциплина и раскол донатистов

Заботясь о чистоте нравов своих членов, Церковь, в первые три века, установила строгую дисциплину относительно их образа жизни и поведения. Она требовала, чтобы все верующие вели по возможности жизнь святую, свободную от грехов. Если же в ней появлялись тяжкие грешники – отступники от Церкви, еретики, блудники, убийцы и т.п., то она отвергала их от себя как недостойных членов, и затем, когда они желали опять вступить в общество верующих, принимала их после продолжительного, тяжелого испытания и принесения публичного раскаяния. Но уже в 3 веке, назначив особых пресвитеров для кающихся (падших), Церковь отчасти смягчила строгость своего суда. В 4 веке, когда членами церкви становились целые народы во главе со своими правителями, а не отдельные лица, во многих частных случаях было неудобно применять строгую дисциплину, и она была ослаблена еще больше. Хотя отлучение от церковного общения явных, открытых грешников, равно как и степени кающихся, установленные в 3 веке, существовали и в 4 в.; но отцы Церкви, определяя на соборах продолжительность отлучения и виды наказаний за те или другие грехи, в то же время нередко предоставляли епископам, по их личному усмотрению, облегчать участь кающихся. К концу 4 в. отлучение от церковного общения обыкновенных грешников и затем публичное прохождение «степеней кающихся» с публичным покаянием совсем стало уходить из церковной практики сначала на востоке, а потом и на западе. Константинопольский патриарх Нектарий отменил (390 г.) в своей церкви должность пресвитеров для кающихся, после чего каждый, по собственному желанию, мог избирать себе духовника и перед ним исповедоваться тайно во всех своих тайных и явных грехах. Примеру Нектария последовали епископы других восточных церквей. Сообразно тяжести грехов духовники накладывали на кающихся разного рода искусы, которые они должны были выполнять тайно, и затем получали разрешение. В этом случае епископы давали своим пресвитерам определенные наставления относительно самой исповеди и тех наказаний, которые, по церковным канонам, должны были накладываться на кающихся за те или другие грехи. Торжественное же отлучение от Церкви употреблялось в приложении к еретикам и раскольникам и редко к обыкновенным грешникам. На западе частная тайная исповедь окончательно заменила публичную около середины 5 в., при папе Льве

Великом.

Во 2 и 3 веках противниками общецерковной покаянной дисциплины были монтанисты и новациане. В 4 веке такими противниками стали донатисты. В сущности они разделяли те же мнения, что монтанисты и особенно новациане, и самый раскол донатистов, можно сказать, был возобновлением новацианского раскола, только в другой стране и под другим названием. Донатисты, как и новациане, смешивали понятие о Церкви видимой с понятием о Церкви невидимой, перенося на первую признаки последней – чистоту, святость и проч. Так, приняв за основание, что Церковь должна быть святой, они полагали святость ее в святости ее членов.

«Донатисты», пишет С.В. Булгаков, «последователи Доната, епископа Нумидийского, который, при избрании в 311 г. епископа Карфагенского, не признал достойным этого сана Цицилиана, потому что он, подобно многим другим, во время гонений на христиан, вынужден был выдать язычникам священные книги, которые они требовали для уничтожения. Донат называл его отступником и под этим предлогом образовал в 312 г. собственную партию, и проповедовал необходимость вторичного крещения, потому что первое, принятое от «еретиков», по его учению, было недействительно, и необходимость восстановления первобытной церкви: это назначение он приписывал себе. В фарисейском сомнении его последователи считали себя обществом святым, духовным и отделились от Церкви как общества греховного и плотского. От своих последователей они требовали высокой нравственности, с щепетильной боязнью и фанатическим ужасом избегали всякого сношения с тяжкими грешниками и даже людьми, находящимися в церковном общении с ними, считая их смертельной заразой, эпидемией, отравляющей своим греховным ядом всю нравственную атмосферу церковного общества. Они признавали действительность таинства зависящей от нравственного поведения совершителя его, от его личной веры, и считали крещеных грешным духовенством, или только находящимися в церковном общении с тяжкими грешниками, за некрещеных язычников; они проповедовали полное и всецелое отделение церкви от государства, утверждая, что церковь и государство не должны иметь ничего общего; протестовали против насильственных мер и всяких стеснений в делах церкви и совести, и в гонениях, воздвигнутых на них со стороны православной гражданской власти, видели доказательство истинности своей церкви. Последователи Доната господствовали в христианских провинциях северной Африки, и в 330 г. имели уже 172 епископов. Донатисты, всегда враждебные

господствовавшей Церкви, наконец, до того окрепли, что в 348 г. напали на императорское войско, выступившее против них для обращения, и в течение 30 лет опустошали Мавританию и Нумидию, грабили, занимались разбоем, мучили не принадлежавших к их секте.

Большую свободу донатисты имели в царствование Юлиана Отступника. Православные епископы старались воздействовать на раскольников силой убеждения. Блаженный Августин, бывший (395 г.) епископом в г. Иппоне в Нумидии, особенно трудился над их обращением. Он писал опровержения их сочинений, устраивал с ними диспуты. Пользы это приносило мало. Обращались только единицы. В 405 г. на соборе в Карфагене и бл. Августин согласился с необходимостью принятия против них строгих мер. Император Гонорий издал против них строгий указ. Донатисты продолжали проявлять крайний фанатизм. В 411 г. в Карфагене состоялся, по желанию Августина, торжественный диспут. На соборе присутствовало 268 православных епископов и 279 донатистских. Присутствовал и представитель императора Марцеллин. Споры продолжались три дня, но ни к чему не привели. Со стороны православных особенно выделялись Августин и Аврелий. Донатисты остались непреклонными в своем отщепенстве. «Эта секта», пишет С.В.Булгаков, «столь грозная в 4 и 5 в., истребилась совершенно с завоеванием сарацинами тех провинций, где она находилась». С 7 в. существование донатистских обществ прекратилось.

Христианская жизнь вообще

Как и в первые века, так и теперь, христианство, когда принималось и усваивалось надлежащим образом, оказывало благотворное влияние на жизнь, Его высокие нравственные начала находили и теперь прекрасное осуществление в жизни как целого христианского общества, так и отдельных личностей. Так, мы видим, что христианское правительство греко-римской империи, под влиянием христианских нравственных начал, издает благодетельные для общества законы, например, об ограничении рабства, облегчении участи пленных и рабов, против гладиаторских зрелищ и т.п. Общество начинает устраивать свою жизнь сообразно христианским требованиям. Страсть к безнравственным театральным зрелищам, укоренившаяся в греко-римском обществе, постепенно ослабевает, и место зрелищ занимают благочестивые христианские упражнения, например, путешествия к святым местам; возрастает общественная и частная благотворительность; семейный гнет и произвол уступают место христианской любви; женщины выходят из того рабского положения, в котором они находились в языческом мире, и как жены и матери занимают в семье почетное место; отношения отцов к детям и детей к отцам становятся гуманнее и т.п. Многие примеры из жизни христиан 4-го и последующих веков полностью это подтверждают. На первом месте перед нами стоят великие отцы Церкви, которые навсегда остались образцами благочестивой и святой жизни (со многими из них мы уже встречались в этом разделе). Далее, мы видим множество страдальцев за веру и благочестие, как, например, во времена Юлиана и еретиков-императоров, когда многие христиане считали за лучшее лишиться житейских выгод, чем изменить своим религиозным убеждениям, или во время гонений за пределами Римской империи (например, в Персии); все они отличались теми же добродетелями, что и мученики первых веков. Наконец, семейная жизнь христиан представляет немало примеров благочестия и святости. Такие благочестивые женщины, как Нонна, мать блаженного Августина, и другие представляют собой прекрасный образец христианских матерей и жен. Вообще женщины по преимуществу были представительницами благочестия в семейной жизни; занимаясь в тиши и уединении воспитанием своих детей, они полагали в них первые семена благочестия.

Но, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы жизнь христиан 4 и последующих веков была такой же, как и в первые века. Христианское

общество первых веков, по всей справедливости, может быть названо обществом святых. Отклонений от требований христианской жизни там было немного, тогда как теперь среди чистой пшеницы встречается много плевел. В 4 в. христианство стало государственной религией; вследствие этого язычники стали вдруг вступать в Церковь большими массами. В их числе было много таких, которые принимали новую веру не по убеждениям в ее истинности и превосходстве, а по житейским расчетам и выгодам. Такого рода люди облакались в христианскую внешность, не заботясь о внутренней благочестивой настроенности и, став христианами, в сущности оставались язычниками, с языческими обычаями, привычками, предрассудками и суевериями. Посещая в христианские праздники церкви, они не отказывались посещать и языческие зрелища. Принимая христианские таинства, они смотрели на них, как на языческие волшебные действия, и были убеждены, что одно только принятие их, без собственного нравственного усовершенствования, избавит их от всех грехов и спасет от всяких несчастий. Все благочестие, по понятиям таких полу христиан, заключалось в исполнении предписаний обрядового закона, в соблюдении постов, вычитывании молитв, хождении в церковь, в пожертвованиях в церкви и проч. Мало-помалу такие взгляды на благочестие и добрые дела распространились среди многих, преимущественно людей светских, преданных мирским занятиям и удовольствиям, и остались господствующими надолго, как в восточных церквах, так и в западных.

Монашеская жизнь на Востоке

Начало монашества относится к 3 столетию. В 4 в. оно получило полное развитие. Способствовало этому вступление в Церковь не осознавших духа христианства язычников, заботившихся о мирских интересах. Ревнителю благочестия из-за этого стремились покинуть города и селения, уходить в пустыни. Там они могли проводить жизнь в молитве, подвигах самоотречения, помышлениях о Боге. Среди этих подвижников основоположником монашества является преподобный Антоний Великий (251–356 гг.).

Он был уроженцем городка Комы, в верхнем Египте, и унаследовал после родителей богатое состояние. Помышляя о благоугождении Богу и спасении души, он однажды вошел, во время богослужения, в храм, и услышал там слова из Евангелия: *«Если хочешь быть совершен, иди продай имение свое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и пойдешь и следуй за Мною»*. Эти слова спасителя богатому юноше (Мф. 19:21) показались Антонию ответом на его мысли. Он так и поступил. Свою малолетнюю сестру он поручил благочестивым женщинам, жившим общиной, и на 21-м году жизни поселился в пещере, недалеко от места своего рождения. Там он начал подвизаться под руководством старца-отшельника. Через некоторое время, стремясь к совершенному уединению, он ушел в удаленное место пустыни, переплыв через Нил, поселился на восточном его берегу в пустой гробовой пещере, а потом в развалинах старой крепости, вдали от человеческих жилищ.

Двадцать лет прожил в этих развалинах святой Антоний в совершенном уединении, подвизаясь в посте и молитве и подвергая себя всевозможным лишениям.

Только два раза в год некоторые из его друзей приходили к нему сюда и приносили ему хлеб, получая взамен сплетенные руками преподобного корзины. Суровая отшельническая жизнь, которую вел преподобный, проходила, однако, для него не без тревог и волнений. С одной стороны, великий подвижник нередко подвергался искушениям от демонов, наводивших на него страх и ужас разными чудовищными привидениями, а с другой его душу смущали собственные его помыслы об удовольствиях и наслаждениях, оставленных им в миру. Однажды в порыве глубокого уныния от осаждавших его мирских желаний он воскликнул: *«Господи, что мне делать? Хочу спастись, но помыслы мешают мне»*. После этих слов преподобный вдруг увидел перед собой человека, который работал, а

затем начал молиться, после же молитвы снова начал работать. Это видение вразумило Антония: он понял, что постоянный труд и молитва самое лучшее средство успокоить душу и очистить сердце от нечистых пожеланий. Увеличив свои труды и усилив молитву, он, наконец, настолько укрепился в духовной жизни, что ни демонские искушения, ни его собственные помыслы не тревожили его больше. Слава о необыкновенной жизни Антония, между тем, распространилась по всему Египту, и многие из христиан стали посещать его, а некоторые даже пожелали поселиться возле него, чтобы, под его руководством, вести такую же подвижническую жизнь. Антоний согласился принять на себя обязанность руководителя в отшельнической жизни, и вокруг него образовалось целое общество учеников-подвижников. Это была первая монашеская община (305 г.). Подробных правил относительно монашеской жизни Антоний не давал своим ученикам; но в общем виде он точно определял те требования, которые они должны были выполнять, чтобы достигнуть высшего нравственного совершенства. Так, он словом и примером собственной жизни заповедовал им: полное отречение от всех земных благ, совершенную преданность воле Божией, молитву, уединенные размышления о Боге и мире духовном, телесный труд и проч. Через шесть лет (312 г.) после основания монашеской общины преподобный Антоний, обеспокоенный множеством посетителей, удалился из развалин крепости в так называемую внутреннюю пустыню, отстоявшую на три дня пути к востоку от места его последних подвигов, и поселился в одной горной пещере. Только иногда приходил он к оставленной им братии для назидания и укрепления их в духовной жизни. Но народ нашел его и в новом уединении, тем более, что Господь сподобил великого подвижника дара чудотворения и прозрения. Люди всех сословий, богатые и бедные, знатные и незнатные, приходили к нему в пустыню, одни – чтобы видеть святого мужа, другие – чтобы получить от него совет, утешение или исцеление. Приходили к нему даже языческие ученые, привлеченные его славой, и вступали с ним в споры о вере. Антоний, глубоко изучивший человеческую природу и уединенными размышлениями достигший полного христианского ведения, своими простыми безыскусственными рассуждениями всегда одерживал над ними верх. Слава Антония была так велика, что даже сам император Константин обращался к нему с письмом, в котором называл его отцом и убеждал писать ему о нуждах. Но Антоний, порвавший все связи с миром, не хотел было даже принять письма и, только по убеждению братии, принял и написал ответное письмо, в котором, верный самому себе, хваля

благочестие царя, советовал ему не превозноситься царским званием, так как цари земные имеют над собою Царя небесного, Иисуса Христа. В течение своей долговременной отшельнической жизни преподобный Антоний только два раза оставлял свою пустыню и появлялся в мире. В первый раз он приходил в Александрию в 311 году, во время гонения Максимиана, чтобы ободрить и утешить страдальцев за веру, а во второй раз – тоже в Александрию в 351 году, чтобы поддержать православных в борьбе с арианами. В последний раз появление в шумном городе уважаемого столетнего пустытника было особенно благодетельно для Церкви; в несколько дней он обратил ко Христу значительное число язычников и еретиков.

В глубокой старости преп. Антоний встретил во внутренней пустыне преп. Павла Фивейского, раньше него начавшего подвижническую жизнь и, до встречи с ним, не видевшего человеческого лица. Кончина этого праведника относится к 314 году. Преп. Антоний похоронил его в мантии, полученной от ревнителя православия святителя Афанасия Александрийского. Преп. Антоний преставился в 356 году, прожив в пустыне около 85 лет.

Преп. Антоний является основателем иночества отшельнического, скитского. Подвижники, руководимые старцем, аввой (отцом), жили отдельно в хижинах или пещерах, предаваясь уединенным подвигам. Такие общины назывались лаврами. Но еще при жизни преп. Антония создался иной род монашества – общежительное иночество. Подвижники образовывали одну общину, под управлением одного аввы, называвшегося также архимандритом, т.е. начальником общества монахов. Иноки жили в одном или нескольких помещениях, соблюдая установленные общие правила. Такие общины именовались киновиями, монастырями. Основателем общежительного монашества был преподобный Пахомий Великий (292–348 или 349 гг.).

Родиной его был египетская Фиваида. Будучи язычником, он в 18-летнем возрасте был призван на военную службу. Его поразило проявление любви к нему и другим воинам христиан, жителей одного городка. По окончании службы он крестился. Услышав о египетских подвижниках, он сблизился со строгим аскетом Паламоном и провел с ним десять лет, изучая христианское подвижничество. В 325 г. Пахомий, по внушению Божию, удалился в пустыню при реке Нил, под названием Тавенны. Сюда к нему пришел его брат Иоанн. Они подвизались вдвоем, питаясь трудами своих рук. У Пахомия созрела мысль об основании общежительного иночества, и он создал монастырь на одном острове

Нила.

Слава о подвигах Пахомия вскоре привлекла к нему множество учеников, так что построенный им монастырь не мог вместить всех желающих, и он принужден был основать еще несколько монастырей на недалеком расстоянии друг от друга на берегах Нила. Он основал также и женский монастырь на другом берегу Нила; в нем первой жительницей была сестра Пахомия. В своих монастырях Пахомий ввел определенные правила монашеского общежития. Это первый иноческий устав. Все общество монахов, разделенное Пахомием на 24 класса, по степени развития их духовной жизни, находилось под управлением одного общего аввы, которым был при жизни Пахомий. Он осуществлял главный надзор над всей братией. Далее, каждый монастырь имел своих второстепенных начальников, называвшихся настоятелями и игуменами. Они находились в подчинении у главного аввы и доносили ему о состоянии своих монастырей. В монастырях были еще экономы с помощниками, заведовавшие хозяйственной частью. А так как каждый монастырь делился на несколько общин, состоявших из трех или четырех домов, и в каждом доме было по несколько келий, в которых жили по два или три монаха, то в каждом доме еще были и частные надзиратели, подчиненные настоятелям монастырей. Начальствующие лица должны были быть образцами строгой жизни для остальной братии. Под руководством начальников монахи должны были проводить жизнь в молитве, чтении книг духовного содержания, особенно св. Писания, и трудах. Общественное богослужение совершалось два раза в сутки – днем и ночью. Монахи собирались в церковь по данному знаку, скромно и в молчании, читали св. Писание и молитвы, пели псалмы. В первый и последний день недели они причащались св. Таин, причем литургия совершалась, обычно, пресвитерами из соседних сел, так как Пахомий, опасаясь проявления в братии духа любочестия, не допускал, чтобы кто-нибудь из них принимал пресвитерский сан, как и сам не принял его. Кроме того, иноки должны были совершать молитвы отдельно в каждом доме перед отходом ко сну и после сна. После молитвы или богослужения настоятель предлагал братии беседы о христианских истинах. Чтением монахи занимались в своих келиях в свободное от молитвы и от работ время. Книги они получали из монастырской библиотеки от эконома. Работы, которыми занимались монахи, были разного рода. Они возделывали землю, разводили сады, работали в кузницах, мельницах, кожевнях, плотничали, валяли сукна, плели корзины и циновки. Вообще иноки занимались всяким трудом, необходимым для содержания целого

общества; сторонних средств к жизни у них не было никаких. На работу они выходили в порядке и молчании, вслед за своим настоятелем. Молчание, вообще, предписывалось во всякое время, во избежание пересудов. Все эти обязанности иноки должны были исполнять с безусловным послушанием, по данному знаку. Послушание, от которого зависел весь порядок монашеской жизни, предписывалось самое строжайшее. Без разрешения начальников никто из братии не только не мог выйти из монастыря, но не мог даже начать новой работы или перейти с одного места на другое. Все иноки носили одинаковую и самую простую одежду. Нижняя одежда была льняная, хитон, без рукавов, верхняя – кожаная; на голову надевалась волосяная шапочка – куколь, а на ноги сандалии. Эта одежда никогда не снималась, даже во время сна. Постелей для сна у иноков Пахомия не было, а были сидения с наклоненным задником и двумя загороженными стенками; подстилать разрешалось только рогожу. Вставали иноки задолго до рассвета. Пища была самая простая, один раз в сутки, обычно в полдень. Это были хлеб, маслины, сыр, овощи и плоды. В субботу и воскресенье была вечерняя трапеза. Ели все вместе в молчании, опустив на лицо покрывала, так что не могли видеть, как и что кто ест. Пахомий, предлагая братии все необходимое для поддержания жизни, предоставлял каждому по своей воле умерщвлять свое тело, но в то же время он осуждал тех, кто принимал пищу с жадностью. Одним из главных иноческих обетов в своих правилах Пахомий считал совершенную нестяжательность. Вступающему в общину монахов не позволялось приносить в монастырь никакого имущества; даже мирская одежда вновь прибывшего раздавалась неимущим мирянам. Монахи не должны были иметь ничего собственного. Работа, выполненная тем или другим братом, принадлежала не ему, а всей общине. Считалось важным преступлением, если кто-то из братии хранил у себя в келии деньги, хотя бы самую мелкую монету. Все необходимое для жизни – пищу, одежду, – иноки получали из общих средств монастыря. Экононы занимались снабжением братии пищей и одеждой из материалов, заготовленных в монастыре или купленных ими на стороне на деньги, вырученные от продажи иноческих изделий. Чтобы все эти строгие правила неизменно выполнялись иноками, Пахомий установил, чтобы вступающие в его общину принимались не раньше, чем через год, в течение которого опытные старцы испытывали их готовность вести жизнь согласно этим правилам. При жизни преподобного Пахомия основанное им на таких началах общество монахов возросло до 7000, а через сто лет после его кончины, – до 50 000.

Преподобный Пахомий за свою святую жизнь был удостоен от Господа дара прозорливости и чудотворения.

И отшельническое, и общежительное монашество вскоре распространилось по всему Египту и даже в другие страны. Так, Аммон основал общество пустынножителей на Нитрийской горе с прилегающей к ней пустыней, Макарий Египетский – в так называемой Скитской пустыне, где было много замечательных подвижников, Иларион, любимый ученик Ангония, перенес монашество на свою родину, в Палестину, где около Газы основал монастырь. Отсюда монашество распространилось по всей Палестине и Сирии. Василий же Великий, совершивший путешествие по Египту и Палестине и ознакомившийся с тамошней монашеской жизнью, распространил мужское и женское монашество в Каппадокии. Устав, который он дал своим монахам, скоро распространился по востоку и стал всеобщим. В 5 веке уже весь восток был усеян множеством монастырей. Из подвижников 5 в. замечательны: Исидор Пелусиот, Симеон Столпник, Евфимий, Савва Освященный и многие другие. Исидор, человек богословски и философски образованный, удалившись в египетские пустыни, проводил жизнь подобно Иоанну Крестителю: одевался в одежду из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Выбранный настоятелем одной монашеской общины, он вел такую же суровую жизнь и располагал к тому же братию. Симеон, родом сириянин, много лет подвизался в молитве, не сходя со столпа и перенося голод и все атмосферные перемены. Он положил начало новому роду подвижничества – столпничеству. Евфимий, основатель палестинской лавры, за свои подвиги получил дар чудотворений. Савва, ученик Евфимия, начал пустынножескую жизнь с восьми лет. Он основал множество монастырей в Палестине и ввел в них определенный богослужебный устав. Наконец, кроме столпничества, в 5 столетии появился еще особый род подвижничества – это в обителях неусыпающих. Один инок, Александр, устроил такой монастырь, в котором богослужение совершалось непрерывно, в течение целых суток. Богатый константинопольский житель Студий, которому понравился такой порядок, построил в Константинополе монастырь и пригласил поселиться в нем общину неусыпающих. Этот монастырь получил название Студийского. 6 век славен замечательными подвижниками: Симеон Юродивый, принявший на себя новый подвиг юродства и достигший полного бесстрастия, Иоанн Лествичник, много лет подвизавшийся на Синайской горе и написавший сочинение, известное под названием Лествицы, в котором изобразил степени духовного восхождения к

нравственному совершенству; в 7 веке Алипий Столпник подвизался на столпе более пятидесяти лет. В конце 8 и начале 9 века представителем строгой монашеской жизни был известный поборник иконопочитания – Феодор Студит. Из его монастыря, славившегося строгостью иноческой жизни, вышло много подвижников благочестия, например, в 9 веке Николай, подвергавшийся истязаниям за иконопочитание, Иоанникий, прославившийся даром прозрения, и другие. В 9 веке становятся известными пустынники на Афоне: св. Петр (9 в.) подвизался здесь более пятидесяти лет в одиночестве, и св. Афанасий (10 в.), устроивший на Афоне монастырь, в котором вскоре появилось множество подвижников.

Часть 2

Церковь на Западе

Особенности богослужения в западной церкви

Западная Церковь, допустившая уже в первые века некоторые отступления в богослужении, и в дальнейшем продолжала идти тем же путем отступлений от общецерковных богослужебных обычаев и порядков. Так, с 7 в. во всех западных церквах стала входить в употребление римская литургия, окончательно отредактированная папой Григорием Двоесловом, а вместе с ней во всех церквах богослужебным языком стал латинский язык. Несмотря на то, что латинский язык для западных христиан не римского происхождения был непонятен, папы, особенно в 9 веке, настоятельно требовали, чтобы везде богослужение совершалось на латинском языке. Только после усиленных стараний и в виде исключения папа Иоанн VIII позволил св. Мефодию совершать в Моравии богослужение на славянском языке, с чтением, впрочем, Евангелия по-латыни или по-гречески. В своем богослужении западная церковь допустила излишнюю искусственность, приняв в церковное употребление инструментальную музыку, а именно, органы. В середине 8 века византийский император Константин Копроним прислал в подарок франкскому королю Пипину орган, инструмент, неизвестный до того времени на западе, и с этого времени органы стали входить в богослужебное употребление. Введение опресноков также составляет отступление западной церкви от древнего общецерковного обычая. Еще в 5 веке в некоторых испанских церквах стал распространяться обычай совершать Евхаристию не на квасном хлебе, а на пресном. В 9 и в 10 веках этот обычай распространился во всех западных церквах, а в середине 11 века стал всеобщим, так что римская церковь, в спорах с восточной церковью, горячо отстаивала его законность. Совершение таинства миропомазания исключительно епископами в 9 веке также стало всеобщим, так что западная церковь священнического миропомазания не хотела признавать действительным. Так как епископу невозможно было везде совершать миропомазание вслед за крещением, то эти два таинства на западе были совершенно отделены друг от друга, и миропомазание (*confirmatio*), обыкновенно, совершалось над детьми в возрасте от 7 до 14 лет. Наконец, в западных церквах распространился обычай совершать, кроме обыкновенных литургий, еще тайные, частные мессы. Этот обычай восходит к 7 веку, когда на западе в одной церкви стали ставить по несколько алтарей, и появилась возможность на каждом из них совершать особую литургию. Но в западной церкви стали совершать несколько

литургий не только в один день, что допускала и восточная церковь, но и в одно и то же время. При этом, во избежание явного безобразия и беспорядка, совершали одну главную литургию или мессу вслух, а прочие тайно, шепотом. Мессы, совершаемые священниками тайно, про себя, без всякого участия в них общества верующих, получили наименование *missae privatae*. Они совершались, как правило, за упокой усопших, по просьбе частных лиц, в силу того представления, что бескровная жертва, приносимая на литургии, имеет спасительную силу не только для тех, кто присутствует на литургии и причащаются, но и для тех, которые отсутствуют или умерли.

Монашество на Западе

На запад монашество распространилось с востока. В первый раз познакомил запад с восточной монашеской жизнью св. Афанасий Великий во время своего пребывания там на примере жизнеописания преподобного Антония, переведенного на латинский язык. Далее, во время арианских смут (около середины 4 в.) многие западные епископы ссылались на восток, где знакомились с монашеской жизнью, и, возвращаясь домой, основывали у себя монастыри. Таким, например, был Евсевий, епископ Верчелльский. Кроме того, такие великие мужи, как Амвросий Медиоланский, Иероним, Августин, Мартин, епископ Турский, в конце 4 в. сильно повлияли на укрепление благоприятного отношения западного общества к монашеской жизни. Иероним, долгое время проживавший на востоке, в Вифлеемском монастыре, своими письмами оттуда о тихой монашеской жизни вдохновил многих знатных мужчин и женщин начать монашескую жизнь. У Мартина Турского, при жизни, было уже до двух тысяч монахов. Но гораздо больший успех имел Иоанн Кассиан в начале 5 века. Он был человеком образованным, путешествовал по востоку, познакомился с правилами общежительных монастырей и перенес их в Южную Галлию, где в Массилии (Марселе) основал два монастыря. Но, вообще, монашество на западе не встретило сначала такого сочувствия, как на востоке, и распространялось гораздо медленнее. Условия жизни и климат на западе отличались от востока; поэтому восточное подвижничество прививалось там труднее.

Организатором западного монашества, в несколько измененных по сравнению с восточным монашеством формах, был Бенедикт Нурсийский. Он (род. около 480 г., ум. в 543 г.) происходил из благородного рода италийской провинции Нурсии. Родители отправили его в Рим на воспитание. Здесь он увидел распущенную жизнь шумного города и, сравнивая ее со святой жизнью восточных отшельников, с которой по слухам и с помощью чтения, решил удалиться в пустыню. Ему было только четырнадцать лет. За несколько миль от Рима, в уединенном месте, он встретил старца Романа, монаха близлежащего монастыря, и открыл ему свое намерение вести подвижническую жизнь. Тот удивился такой ревности мальчика, но все-таки указал ему место в одной пещере у подножия горы. Бенедикт поселился здесь и, желая подвизаться в совершенном уединении, устроил так, что Роман приносил ему хлеб и передавал его по веревке, спуская ее со скалы. Случайно его

обнаружили пастухи. Слава о таком пустынноике распространилась. Несмотря на молодость, монахи соседнего монастыря выбрали его настоятелем. Но когда Бенедикт стал вводить в монастыре строгие порядки, те же монахи вооружились против него, так что ему пришлось бежать; он ушел в область Флоренции и основал здесь двенадцать монастырей, поместив в каждом из них по двенадцать монахов. Он стал пользоваться таким уважением, что ему на воспитание отдавали своих детей многие знатные римляне. Но зависть соседнего флорентийского духовенства заставила его бежать и отсюда. На этот раз он нашел себе убежище в одном диком месте в развалинах древней крепости, *Castrum Cassinum*, находившейся на высокой горе, и основал здесь монастырь (впоследствии знаменитый Монтекассинский монастырь). Зная по опыту, что аскетическая монашеская жизнь востока туго прививается на западе, Бенедикту пришла мысль о некоторых изменениях условий монашеской жизни. В правилах, которые он составил для своих монахов (529 г.), он не требует от них тех лишений, которые имели место на востоке, а единственно заповедует порядок, умеренность и трудолюбие. По его правилам, каждый вступающий в монастырь должен был в течение года выдержать испытание (новициаты) и затем дать клятву, письменно изложенную, что будет выполнять все монашеские правила и никогда не оставит монашеского звания. Монахи должны были заниматься хлебопашеством для того, чтобы иметь средства для пропитания, изучением св. Писания и вообще христианского вероучения, переписыванием книг, воспитанием детей. Впоследствии к этим занятиям бенедиктинских монахов присоединилась еще и миссионерская деятельность и занятия светскими науками. Имущество у монахов должно было быть общее. Все монахи должны были безусловно подчиняться настоятелю, с отречением от собственной воли. Правила Бенедикта получили на западе всеобщее распространение. Практическое направление, которое придал Бенедикт западному монашеству, привело к тому, что оно стало пользоваться большим влиянием на церковные дела и особенно на общественное образование.

Иноки обители Иоанна Крестителя назывались бенедиктинцами. Память преп. Бенедикта празднуется 14 марта.

Христианская жизнь в западной церкви в 9–10 вв.

Христианская жизнь в западной церкви в 9–11 веках представляет безотрадное явление. У новых западных народов, которые только вышли из состояния дикости, приняв христианство и выполняя, хотя и небрежно и не всегда, его обрядовую сторону, сохранились языческие обычаи и понятия о нравственности. Разные злодеяния – грабежи, убийства и т.п. у всех, особенно у средневековых феодалов, были самым обычным делом. Языческие суеверия сохранились, лишь приняли христианскую форму. Так, св. Писание стало оракулом для желающих узнать судьбу; например, человек, отважившийся на важное и опасное дело, брал Библию и первое попавшееся место св. Писания считал для себя предсказанием. Языческий суеверный обычай германских народов узнавать правую и неправую сторону в спорном деле посредством испытания огнем, горячей и холодной водой и т.п. полностью сохранился. Только такого рода испытания получили название судов Божиих (*ordalia*). Эти суды допускались не только в гражданской, но и в церковной судебной практике в 9–11 веках. Западное духовенство в своем большинстве, начиная папами и кончая низшими клириками, не только не имело нравственного влияния на народ, но своей безнравственной жизнью действовало на него развращающим образом. Только суровая церковная дисциплина еще некоторым образом сдерживала бесчинства феодалов и народных масс. С 7 века на западе в церковную практику стала входить строгая покаянная дисциплина первых веков, хотя и с некоторыми особенностями. Отлучения, или так называемые экскоммуникации, которым предавались не только еретики, но и все открытые грешники, теперь в латинской церкви получили значение не простого отлучения недостойного члена от общества верующих, как это было в древней Церкви, а наказания. Отлучение было двух степеней: малое и великое. Первому подвергался открытый грешник, добровольно подчинившийся церковному суду. Его на некоторое время лишали права таинства причащения, он должен был поститься и т.п., и затем, по прошествии срока наказания, он принимался в общение после публичного покаяния. Второму подвергался грешник, не желавший подчиниться церковному суду. Епископ, или даже сам папа торжественно провозглашал такому грешнику анафему, который лишался не только церковного общения, но и политического; никто, даже родственники, не должны были поддерживать с ним никаких отношений. Если грешник принадлежал к классу общества

или даже был в числе владельцев лиц, и если анафема не производила на него никакого действия, что случалось нередко, – то Церковь накладывала запрет (интердикт) на всю страну или область, в которой он совершил преступление. В странах, которые попадали под запрет, богослужения прекращались, церкви открывались один раз в день для покаянной молитвы, умерших взрослых хоронили без отпевания, кроме священников и монахов, венчания не совершались и проч. Такого рода запреты почти всегда достигали цели: грешник, из-за которого накладывался запрет, под влиянием общественного возмущения религиозным притеснением, волей-неволей покорялся церковному суду, переносил церковное наказание и подвергался публичному суду.

Что касается западного монашества, то нравственная порча, господствовавшая во всех сферах западной церковной жизни, коснулась и его., Правила Бенедикта Нурсийского были забыты. Монастыри во главе с аббатами, подобно епископам, вступившие в вассальные отношения с королями и князьями, приобрели большие имения, а с их помощью и богатства. Совместное пользование имуществом прекратилось; монахи стали вести жизнь роскошную и распущенную. Об умственном и физическом труде не стало и речи. Аббаты монастырей, подобно светским вассалам, занимались охотой, ходили на войну со своими феодалами т.п. Такое извращение монастырской жизни привело к попыткам восстановить древний устав Бенедикта Нурсийского, из которых заслуживают внимания следующие. Один французский аббат, Бенедикт Анианский (ум. 821 г.) отредактировал устав Бенедикта Нурсийского и стал было вводить его в монастырях Франции, вверенных ему Людовиком Благочестивым, но не имел успеха. Это была первая конгрегация, когда несколько монастырей было объединено под управлением одного настоятеля. Удачнее была попытка аббата Бернона, ранее бургундского графа. В 910 г. он основал монастырь в Ключни, в Бургундии, в котором ввел устав Бенедикта. Его преемник Одон (ум. 942 г.) распространил клюнийские порядки в других монастырях, так что образовалась новая конгрегация монастырей под управлением клюнийского аббата. Монахи этой конгрегации с успехом занимались воспитанием детей и приобрели большое влияние на общество. Все эти попытки были направлены на преобразование монашества по правилам Бенедикта. Но в начале 11 в. были даже попытки восстановить древнее восточное отшельничество. Некто Ромуальд, из рода герцогов равеннских, стал вести пустынную жизнь на Апеннинах, собрал вокруг себя таких же ревнителей благочестия и в 1018 г. основал в равнине Мальдоли монашеское общество, известное под названием

Камальдольского ордена. Монахи этого ордена отличались строгостью жизни.

Отпадение Церкви на Западе

Христианская жизнь в западной церкви в 9–11 веках представляет безотрадное явление. У новых западных народов, которые только вышли из состояния дикости, приняв христианство и выполняя, хотя и небрежно и не всегда, его обрядовую сторону, сохранились языческие обычаи и понятия о нравственности. Разные злодеяния – грабежи, убийства и т.п. у всех, особенно у средневековых феодалов, были самым обычным делом. Языческие суеверия сохранились, лишь приняли христианскую форму. Так, св. Писание стало оракулом для желающих узнать судьбу; например, человек, отважившийся на важное и опасное дело, брал Библию и первое попавшееся место св. Писания считал для себя предсказанием. Языческий суеверный обычай германских народов узнавать правую и неправую сторону в спорном деле посредством испытания огнем, горячей и холодной водой и т.п. полностью сохранился. Только такого рода испытания получили название судов Божиих (*ordalia*). Эти суды допускались не только в гражданской, но и в церковной судебной практике в 9–11 веках. Западное духовенство в своем большинстве, начиная папами и кончая низшими клириками, не только не имело нравственного влияния на народ, но своей безнравственной жизнью действовало на него развращающим образом. Только суровая церковная дисциплина еще некоторым образом сдерживала бесчинства феодалов и народных масс. С 7 века на западе в церковную практику стала входить строгая покаянная дисциплина первых веков, хотя и с некоторыми особенностями. Отлучения, или так называемые экскоммуникации, которым предавались не только еретики, но и все открытые грешники, теперь в латинской церкви получили значение не простого отлучения недостойного члена от общества верующих, как это было в древней Церкви, а наказания. Отлучение было двух степеней: малое и великое. Первому подвергался открытый грешник, добровольно подчинившийся церковному суду. Его на некоторое время лишали права таинства причащения, он должен был поститься и т.п., и затем, по прошествии срока наказания, он принимался в общение после публичного покаяния. Второму подвергался грешник, не желавший подчиниться церковному суду. Епископ, или даже сам папа торжественно провозглашал такому грешнику анафему, который лишался не только церковного общения, но и политического; никто, даже родственники, не должны были поддерживать с ним никаких отношений. Если грешник принадлежал к классу общества

или даже был в числе владетельных лиц, и если анафема не производила на него никакого действия, что случалось нередко, – то Церковь накладывала запрет (интердикт) на всю страну или область, в которой он совершил преступление. В странах, которые попадали под запрет, богослужения прекращались, церкви открывались один раз в день для покаянной молитвы, умерших взрослых хоронили без отпевания, кроме священников и монахов, венчания не совершались и проч. Такого рода запреты почти всегда достигали цели: грешник, из-за которого накладывался запрет, под влиянием общественного возмущения религиозным притеснением, волей-неволей покорялся церковному суду, переносил церковное наказание и подвергался публичному суду.

Что касается западного монашества, то нравственная порча, господствовавшая во всех сферах западной церковной жизни, коснулась и его., Правила Бенедикта Нурсийского были забыты. Монастыри во главе с аббатами, подобно епископам, вступившие в вассальные отношения с королями и князьями, приобрели большие имения, а с их помощью и богатства. Совместное пользование имуществом прекратилось; монахи стали вести жизнь роскошную и распущенную. Об умственном и физическом труде не стало и речи. Аббаты монастырей, подобно светским вассалам, занимались охотой, ходили на войну со своими феодалами т.п. Такое извращение монастырской жизни привело к попыткам восстановить древний устав Бенедикта Нурсийского, из которых заслуживают внимания следующие. Один французский аббат, Бенедикт Анианский (ум. 821 г.) отредактировал устав Бенедикта Нурсийского и стал было вводить его в монастырях Франции, вверенных ему Людовиком Благочестивым, но не имел успеха. Это была первая конгрегация, когда несколько монастырей было объединено под управлением одного настоятеля. Удачнее была попытка аббата Бернона, ранее бургундского графа. В 910 г. он основал монастырь в Ключни, в Бургундии, в котором ввел устав Бенедикта. Его преемник Одон (ум. 942 г.) распространил клюнийские порядки в других монастырях, так что образовалась новая конгрегация монастырей под управлением клюнийского аббата. Монахи этой конгрегации с успехом занимались воспитанием детей и приобрели большое влияние на общество. Все эти попытки были направлены на преобразование монашества по правилам Бенедикта. Но в начале 11 в. были даже попытки восстановить древнее восточное отшельничество. Некто Ромуальд, из рода герцогов равеннских, стал вести пустынножизнь на Апеннинах, собрал вокруг себя таких же ревнителей благочестия и в 1018 г. основал в равнине Мальдоли монашеское общество, известное под названием

Камальдольского ордена. Монахи этого ордена отличались строгостью жизни.

Причины, подготовившие разделение церквей

Римская империя в дохристианский и христианский периоды резко разделялась на две части – восточную и западную. Это разделение обуславливалось разнородностью населения в той и другой части; в первой преобладало греческое население, во второй – латинское или олатинившееся, каждое со своим особым характером и направлением жизни и деятельности. Христианская Церковь, распространившись во всей империи, в силу различия населения, а отсюда и различия народных характеров, нравов, наклонностей, воззрений и т.п., также заметно распадалась на две части – восточную и западную. С самых ранних христианских времен мы видим в восточных и западных церквях некоторые отличительные особенности, из которых наиболее видимой является различие направлений церковного просвещения. Восточные церкви, допуская участие разума в деле веры, раскрывали и объясняли основы христианского вероучения научным путем. Западные, напротив, отрицая участие разума в деле веры, по большей части, избегали научных исследований о догматах веры и вообще не интересовались отвлеченными богословскими вопросами; но зато обращали большое внимание на внешнюю сторону христианства – на обряды, дисциплину, управление, отношение Церкви к государству и обществу и т.п. В восточных церквях, при разрешении догматических вопросов, появились ереси; на западе, поскольку там богословскими вопросами не интересовались, ересей практически не было; при отсутствии разумного понимания христианства возникали только расколы. Восточная иерархия стремилась опровергнуть все ереси и установить православное вероучение на прочных началах; западная – старалась всевозможными средствами сохранить церковные порядки, поставить себя в независимое положение от светской власти и усилить свое влияние на общество и государство. Словом, в восточной церкви были свои интересы и стремления, в западной – свои. Само это различие интересов и стремлений церквей восточной и западной части империи разделяло их между собой, хотя и не настолько, чтобы они могли считать себя чуждыми друг другу. Единство веры, таинств и всего церковного устройства долгое время связывало их в одно целое.

Разделение, с прекращением всякого общения западной и восточной церквей, могло последовать только тогда, когда со стороны одной какой-либо церкви было бы нарушено единство веры, таинств и церковного устройства. К несчастью всего христианского мира, западная церковь

нарушила это единство и отпала от союза с восточной церковью. Из вышесказанного видно, как западная церковь мало-помалу, в течение нескольких веков, произвольно допускала у себя нововведения и искажения в области догматической, обрядовой и канонической. Так, в 6–11 веках во всех западных церквях утвердилось учение об исхождении Св. Духа и от Сына (filioque). Подобного рода учения, извращавшие основные догматы христианства, Вселенская Церковь, включая и западную, всегда признавала еретическими и содержащих подобные учения всегда исключала из своего общества. Далее, западная церковь допустила у себя много обрядовых отступлений – пост в субботу, совершение Евхаристии на опресноках, совершение миропомазания только епископами, безбрачие духовенства и т.п. Наконец, в области канонической западная церковь допустила невероятное нововведение, сделав папу главой и верховным судьей всей Вселенской Церкви. Учение о главенстве папы, ставившее его выше Вселенских соборов, ниспровергло все церковные порядки, установленные апостолами и святыми отцами. Осуществление его на практике могло привести, и в западной церкви привело, к искажению всего вероучения, всего христианства, так как одно лицо, всегда могущее заблуждаться, по своему произволу, не стесняясь ничем, могло вводить новые учения, обряды, церковное устройство и, таким образом, могло придать Церкви не тот вид, который ей дан ее основателем, Господом Иисусом Христом, и апостолами. Такие заблуждения и отклонения от общецерковных порядков, в связи с издавна существовавшим различием в характере и направлении жизни и деятельности восточной и западной церквей, подготовили отпадения западной церкви от союза с восточной.

Начало разделения

К середине 9-го века сложились все условия для начала разделение церквей. Поводом послужило следующее.

После смерти в 842 году императора Феофила, Византийскую Империю возглавил его шестилетний сын, Михаил 3-й. Опекунскими правителями были: его мать Феодора, куропалат Феоктист, патриций Варда, брат императрицы и магистр (генерал) Мануил. Когда было восстановлено иконопочитание, на патриарший престол был возведен св. Мефодий. После его кончины в 846 году на престол был возведен игумен Игнатий, сын имп. Михаила Рангана, известный своей святой жизнью. Михаил третий, достигнув совершеннолетия, предался пьянству и распутству, дела же правления поручил своему дяде Варде. Свою мать он в 854 году свергнул и заключил во дворце Кариана и, вопреки воле патриарха, насильно постриг в монастырь в 857 г. Варда, прогнав законную жену, стал открыто жить со снохой. Патриарх, после бесплодных увещаний, отказал ему в причастии в день Богоявления. Варда, возненавидев Игнатия, начал настраивать Михаила против него и добился ссылки святителя на остров Генервинф.

На патриарший престол против своей воли был возведен Фотий в 857 г. Ему было около 60 лет (его брат был женат на сестре имп. Феодоры), он отличался любовью к наукам и образованностью, некогда учил имп. Михаила и Константина Философа, в последнее время был первым секретарем в государстве. В несколько дней он прошел степени чтеца, диакона, священника и, наконец, был посвящен во епископа. По посвящении, Фотий дал собору епископов письменное заверение, что он неповинен в низложении Игнатия и всегда будет относиться к нему с уважением. Игнатий же наложил отлучение на всех, кто не будет признавать его патриархом. В 859 году местный собор в Константинополе признал поведение Игнатия неодобрительным и утвердил Фотия на престоле. Несмотря на ходатайства Фотия, начались преследования сторонников патр. Игнатия, которые (их называли «акрибийцами») считали необходимым вести беспощадную борьбу с иконоборцами. На стороне Фотия были так называемые «экономы», стоявшие за снисходительное отношение к еретикам. Вражда все более обострялась.

Для прекращения этих церковных беспорядков имп. Михаил, по совету Варда, решил созвать большой собор и пригласить на него папу Николая 1-го.

Собор был назначен в Константинополе в 861 г. Папе были отправлены пригласительные письма от императора и патриарха. Хотя в своем письме к папе император скрыл настоящую цель собора, Николай знал уже об этих иерархических смутах, и так как он стремился к осуществлению лжеисидоровских декреталий о папском всевластии, то поспешил воспользоваться этим случаем, чтобы сделаться судьей восточной церкви. Он отправил на собор двух легатов и с ними письма к императору и Фотию. Императору, между прочим, он надменно писал, что тот будто бы поступил вопреки церковным правилам, низложив одного патриарха и поставив другого, без ведома его, папы; а Фотия обличал в честолюбии и незаконном принятии патриаршего сана, так как церковные законы запрещают возводить мирян сразу на все церковные степени; причем прибавлял, что он до тех пор не признает его патриархом, пока его легаты не разберут всего дела.

В 861 году в Константинополе действительно состоялся собор в присутствии папских легатов. Но здесь, вопреки ожиданиям папы, восточные отцы действовали независимо от его влияния. Игнатий был признан низложенным, а Фотий – законным константинопольским патриархом. Определения собора были отправлены с легатами к папе для сведения. Фотий присоединил к этому еще и свой ответ на письмо папы, в котором с достоинством объяснял, что он принял патриарший сан не по честолюбию, что он его не искал, а его заставили стать патриархом. Относительно же нарушения правил Фотий ответил, что эти правила есть постановления местных церквей и необязательны для константинопольской, и что даже западная церковь допускает такое поставление. Кроме того, Фотий заметил папе, что, заботясь о церковном мире, папа сам его нарушает, так как принимает в общение беглых духовных лиц константинопольского патриархата, не имеющих представительных грамот. Николай был крайне недоволен исходом дела на соборе и письмом Фотия. Он, может быть, и признал бы Фотия патриархом, если бы не увидел в нем твердого противника своим притязаниям на главенство в Церкви. Теперь он решается начать борьбу с восточной церковью, рассчитывая низложить Фотия и затем подчинить своему влиянию восточные церкви, как были подчинены западные. С этой целью он написал имп. Михаилу письмо, в котором, принимая тон судьи, высказывал, что он не признает определений собора относительно Игнатия и Фотия, что он поручал своим легатам только разобрать дело, а не решать, что теперь он объявляет Фотия лишенным патриаршего сана, а Игнатия приказывает возвести, без всяких исследований, на престол и

тому подобное. В письме к Фотию папа опять доказывал незаконность его поставления в патриархи, и что если у них нет запрещающих правил, то они имеются в Римской церкви, которая есть глава всех церквей, и все должны исполнять ее постановления.

Затем папа созвал в Риме собор (862 г). из своих епископов, предал на нем проклятию Фотия и восстановил Игнатия. Кроме того, он разослал еще окружное послание ко всем восточным епископам, приказывая им прекратить общение с Фотием и сноситься с Игнатием. В Константинополе, конечно, не послушались папы. Император послал ему резкое письмо, в котором, не стесняясь, высказал ему горькую истину, что он, папа, вмешивается не в свое дело и что константинопольская церковь не признает за ним права быть главой и судьей Вселенской Церкви. Папа ответил таким же резким письмом – и разрыв между церквями начался.

Вопрос об управлении болгарской церковью еще более усилил неприязненные отношения между двумя церквями. Как известно, болгарский царь Борис принял крещение в 864 г. Начали креститься и его подданные. Первыми проповедниками христианства в Болгарии были греческие миссионеры, как и первая иерархия – епископы и священники. Опасение подпасть под политическую зависимость вместе с религиозной от Константинополя побудило Бориса искать церковного союза с Римом, тем более что римские проповедники уже проникли в Болгарию. Борис отправил (865 г). посольство к папе Николаю 1-му и просил прислать в Болгарию латинских священников. Николай был обрадован таким предложением и послал латинских епископов и священников. После этого греческая иерархия были изгнана из Болгарии и ее место заняла латинская. Папские епископы и духовенство стали вводить во вновь создаваемые церкви свои заблуждения. Так, они вновь миропомазывали новокрещенных болгар на том основании, что прежнее недействительно, установили пост в субботу вместо среды, разрешили есть молочные продукты в первую неделю Великого Поста; женатых греческих священников называли незаконными, учили об исхождении Святого Духа и от Сына и тому подобное. Такое самоуправство папы и поведение латинского духовенства в Болгарии произвело плохое впечатление в Константинополе.

Фотий собрал поместный собор, осудил все римские заблуждения и сообщил об этом окружным посланием всем восточным патриархам, приглашая их на новый собор для рассмотрения вопросов о заблуждениях Римской церкви. Собор открылся в Константинополе в 867 г. На нем присутствовали местоблюстители восточных патриархов, много епископов

и сам имп. Михаил с новым кесарем, Василием Македонянином. Фотий основательным образом раскрыл перед собором все заблуждения Римской церкви и предложил свергнуть с престола папу Николая, о чем было решено просить западного императора Людовика. Споры между церквями очень скоро приняли другой оборот. Император Михаил 3-ий был убит, благодаря интригам Василия Македонянина, который сам стал императором. В его политические расчеты не входил разрыв с папой, поэтому он решил низложить Фотия и восстановить Игнатия. В Рим, к папе было отправлено унижительное для восточной церкви письмо. Василий Македонянин сам подчинял восточную церковь папе, отдавая ему на суд Фотия и прося утвердить Игнатия. Николай не дожидаясь такого торжества: он умер до приезда посольства.

Адриан 2-ой, новый папа, поспешил воспользоваться обстоятельствами, так хорошо сложившимися для римской кафедры. Он созвал (868 г.) в Риме собор, предал Фотия и его приверженцев проклятию, публично сжег определения Константинопольского собора (867 г) против Николая, присланные ему Василием Македонянином, и затем отправил в Константинополь своих легатов, чтобы окончательным решением дела Фотия и Игнатия там доказать свою власть. В Константинополе в 869 году состоялся собор, считающийся на западе восьмым вселенским. На нем Фотий был низложен и предан проклятию, а Игнатий восстановлен, но что всего хуже, на этом соборе восточная церковь согласилась на все требования папы и подчинилась ему. Легаты, заправлявшие делами собора, толковали только о главенстве папы в духе лжеисидоровских декреталий и постарались даже провести такого рода определение, что даже вселенский собор не имеет права составлять определений против папы. Греческие епископы только после собора поняли, какую ошибку они сделали. Когда легаты представили императору соборные акты, он сначала отобрал их, но потом возвратил. Зато в вопросе о болгарской церкви восточные епископы, и даже патриарх Игнатий, оставались непреклонными.

Несмотря на требования легатов после собора в частном совещании с Игнатием и местоблюстителями восточных патриархов и даже на их угрозы Игнатию, местоблюстители признали справедливым, в порядке управления, подчинить болгарскую церковь константинопольской. После отъезда легатов Игнатий отправил в Болгарию греческого архиепископа, который и был там принят под влиянием В. Македонянина. Вместе с тем из Болгарии были удалены латинские священники. Хотя папа Адриан, узнав об этом, и запрещал Игнатию вмешиваться в управление болгарской

церковью, в Константинополе на это не обращали внимания. Таким образом, утихшие было споры между церквями разгорелись с новой силой, когда Фотий вторично занял престол (879 г.).

Фотий, после низложения, в 869 году был сослан в заточение. Свое стесненное положение он переносил с необыкновенной твердостью, не переставая восставать против подчинения восточной церкви римской. Он успел даже возбудить к себе сочувствие сторонников Игнатия и самого императора Василия, который призвал его из заточения к своему двору и поручил ему воспитание своих детей. В то же время Фотий помирился с Игнатием. После смерти Игнатия, император предложил Фотию занять патриарший престол. Теперь Василий Македонянин не дорожил своими мирными отношениями к папе, – тем более что бывший в то время папой Иоанн VIII сам был стеснен нападением сарацин на Италию, – и потому, не стесняясь мнением папы, восстановил Фотия. Для снятия осуждения с Фотия состоялся собор (в 879 г.). Папа Иоанн VIII, по просьбе императора, прислал своих легатов. Он согласился признать Фотия патриархом, но поставил условие, чтобы Фотий свое восстановление признал милостью папы и отказался управлять болгарской церковью.

Первое условие на соборе было даже не предъявлено легатами, так как здесь им сразу дали понять, что Фотий, уже признанный константинопольской церковью, не нуждается в утверждении папы. Относительно же болгарской церкви на соборе было объяснено, что разграничение епархий зависит от императора. Папские условия не были, таким образом, выполнены. Но легаты должны были согласиться на снятие осуждения с Фотия и восстановление с ним общения Римской церкви. Они даже не возражали, когда на соборе был прочитан Никейский символ веры без прибавления – от Сына (*filioque*). Было подтверждено не изменять его под угрозой проклятия. Папа Иоанн VIII, получив соборные акты и узнав, что его требования не выполнены, потребовал от императора, через легата Марина, уничтожения постановлений собора. Марина за дерзкие объяснения в Константинополе посадили в тюрьму. Теперь папа ясно увидел, что Фотий не сделает ему никаких уступок и не подчинится его влиянию, и потому предал его новому проклятию. Опять началась полемика между Константинополем и Римом, опять начались распри. Последующие папы также подвергали Фотия проклятиям, так что всех папских проклятий, наложенных на него, насчитывают до 12. Разрыв между церквями начался.

Окончательное разделение церквей 11-м веке

После Фотия, во второй раз низверженного с престола (886 г) Львом Мудрым, и до середины 11 века сношения между церквами восточной и западной были довольно неопределенны и редки. Сносились с папами только византийские императоры по личным побуждениям. Наконец, в середине 11-го века начались деятельные отношения, окончившиеся полным разделением церквей. Папой в это время был Лев IX, а константинопольским патриархом – Михаил Керулларий. Лев IX всеми силами старался восстановить поколебавшееся папское влияние как на западе, так и на востоке. Константинопольскому патриарху принадлежали в то время некоторые церкви в южной Италии, и папа прежде всего там старался упрочить свое влияние. Так, в них начали распространяться латинские воззрения и обычай совершать Евхаристию на опресноках. Затем папа Лев пытался восстановить против Михаила Керуллария Антиохийского патриарха. Михаил Керулларий решил положить конец папским проискам. Он отлучил от св. причащения Аргира, начальника греческих войск в Италии, который содействовал совершению Евхаристии на опресноках; закрыл в Константинополе латинские монастыри и церкви, для прекращения соблазна православных, и поручил (1053 г.) архиеп. Болгарскому Льву написать обличительное послание против латинских нововведений. Это послание дошло до папы и произвело большое волнение в Риме. Папа, хотя и желал по политическим расчетам мирных отношений с востоком, но все-таки в ответ на послание Льва Болгарского написал Михаилу Керулларию, что никто не смеет судить апостольскую кафедру и константинопольский патриарх должен относиться к ней с почтением за преимущества, данные ему папами. Так как византийский император Константин Мономах (1042–1054 г.), тоже по политическим расчетам, желал мира с папой, то папский ответ был принят благосклонно. Даже более, император и папа хотели утвердить прочный мир между церквами, и для этого папа прислал в Константинополь своих легатов. В их числе находился кардинал Гумберт, человек горячий и высокомерный. Он и его товарищи относились к Михаилу Керулларию с явным неуважением, поэтому он и отказался вести с ними переговоры. Не обращая на это внимания и надеясь на покровительство императора, легаты, под видом примирения церквей, начали действовать в пользу Римской кафедры. Так, Гумберт издал опровержение на послание Льва Болгарского, а император распространил его в народе. По настоянию

легатов, император заставил монаха Никиту Стифата, автора сочинения против латинян, сжечь свою книгу. Наконец легаты, не надеясь подчинить своему влиянию патриарха, написали акт отлучения на него и на всю греческую церковь, обвиняя ее во всевозможных ересьях, положили его торжественно во время богослужения на престол Софийской церкви и покинули Константинополь.

Епископ Арсений в «Летописи церковных событий» так описывает поступок легатов: «И вот папские легаты, наскучив сопротивлением патриарха, – как они говорили, – решаются на самый наглый поступок. 15 июля они вошли в Софийскую церковь и, когда клир готовился к служению в третий час дня в субботу, положили на главный престол грамоту отлучения на виду присутствующих клира и народа. Выйдя оттуда, они отрясли и прах от своих ног во свидетельство им, по слову Евангелия (Мф. 10:14), восклицая: пусть видит и судит Бог». Так изображает это дело сам Гумберт. В отлучительной грамоте говорилось, между прочим: «что касается столпов империи и почтенных мудрых граждан, то город (Константинополь) – христианнейший и православный. Что же касается Михаила, незаконно называемого патриархом, и поборников его глупости, то рассеиваются в нем бесчисленные плевелы ересей»... Далее они сравниваются с симонианами-святокупцами, велезианами-скопителями, арианами и духоборцами (потому что изгладили из Символа веры «и от Сына»; так мало легаты знали историю!), манихеями, николаитами (за допущение женатого духовенства) и проч. Поэтому «Михаил, по злоупотреблению называемый патриархом, неофит, только из страха человеческого принявший монашескую одежду и теперь обличенный в тяжких преступлениях, затем Лев, епископ Ахридский, Михайлов сакелларий Константин, топтавший ногами латинское жертвоприношение, и все разделяющие их заблуждения и гордость, доколе не образумятся, вместе со всеми еретиками, дьяволом и его ангелами, да будут анафема, да будут анамефа – маранафа, и да не считается христианином кафолическим, но еретиком и прозимитом).

Да будет, да будет, да будет! Наглость папских легатов восстановила против них все население столицы, они смогли свободно выехать оттуда только благодаря императору, который уважал в них звание послов. Патриарх на заседании своего «постоянного» синода из 12 митрополитов и двух архиепископов, и в присутствии других семи архиереев, находившихся тогда в столице, 20-го июля составил соборное послание, в котором осудил действия папских послов, а составителей отлучительной грамоты предал проклятию, о чем известил и других восточных

патриархов. В известительной грамоте говорилось, что легаты были ложные и действовали без ведома и папского уполномочия. Так как действительно папа Лев IX еще с сентября 1053 года находился в Беневенте, как пленник норманнов, затем, освободившись, умер 19 апр. 1054 г., т.е. за два месяца до окончательного разрыва, то не без основания можно заключить, что легаты были исполнителями воли сильной партии кардиналов Римских и других недоброжелателей греческой власти в южной Италии, и в своих действиях опирались на живших в греческой империи латинян, о которых и упоминал патриарх.

Сокращение пределов греко-восточной церкви

Ко времени отпадения западной церкви от союза с восточной истинная христианская вера утвердилась на Руси. Восточная церковь, расширившись на Севере (балканские государства) и на Востоке (Русь), сокращалась в остальных своих пределах. Началось это еще с 7-го века, когда появились страшные завоеватели, аравитяне-мусульмане. В течение 7–10 веков они постоянно нападали на Византийскую империю и постепенно отвоевывали у нее одну область за другой.

Греко-восточная церковь потеряла за это время много своих епархий. Правда, к 11-му веку могущество аравитян (сарацин) сильно поколебалось на востоке, вследствие распада их обширного халифата (Багдадского) на множество враждебных друг другу государств, и Византийская империя (при Никифоре, Фоке и Цимисхии) начала было отнимать у них свои области, но это продолжалось недолго. Около середины 11-го века во главе мусульманского мира на востоке стали турки-сельджуки, которые стали еще более жестокими врагами Византийской империи и греко-восточной церкви, чем сарацины. Варварские племена турок-сельджуков в конце 10-го века вели кочевую жизнь в районе Каспийского моря, в стране нынешних киргизов, и иногда помогали сарацинам в их набегах. В середине же 11-го века сельджуки, под предводительством своего султана Тогрульбека, мало-помалу, начиная с Персии, стали завоевывать сарацинские царства Багдадского халифата. Приняв еще раньше мусульманство и смешавшись с побежденными сарацинами, они продолжали их борьбу с христианским миром.

Византийский император Роман Диоген, желая остановить их нашествие на Малую Азию, выступил сам против них с войском; но в 1071 году был разбит наголову в Армении и взят в плен. После этого сельджуки вскоре завладели всей Каппадокией, Киликией, Исаврией, Иконией и другими греческими областями, так что почти вся Малая Азия находилась в их руках. Из этих областей образовалось в Малой Азии сильное Иконийское сельджукское царство, столицей которого была Никея. Таким образом, для греко-восточной церкви были потеряны почти все малоазийские епархии. В то же время сельджуки завладели сирийскими городами – Антиохией, Дамаском и другими, принадлежавшими Византии со времен Никифора, Фоки и Цимисхия. Они даже не раз угрожали осадой самому Константинополю. Владычество турок-сельджуков для христиан было гораздо тягостней, чем владычество сарацин, так как сельджуки были

грубее сарацин, нравы которых значительно смягчились вследствие распространения среди них образования.

Турки, по рассказам современников, врываются в дома христиан и грабят их ; врываются во время богослужения в церкви, вскакивали на престолы, опрокидывали и попирали ногами священные сосуды, ругали и били священников и тому подобное. К несчастью, византийские императоры не могли оказать никакой помощи христианам, стонущим под иггом турок. Позволяя туркам безнаказанно отрывать от империи целые области, они посвящали все свое время придворным интригам. Только к концу 11-го века восточные христиане получили было некоторую надежду на облегчение своей участи, когда на освобождение св. Земли и Гроба Господня поднялись с запада так называемые крестоносцы. Но и эта надежда не сбылась.

Крестовые походы, вместо ожидаемого облегчения участи восточных христиан, принесли им много зла. До сих пор их притесняли сарацины и турки, теперь же стали притеснять и латиняне. Крестовые походы начались по инициативе пап. Убеждая крестоносцев освободить от власти неверных св. Землю и Гроб Господень, папы имели в виду еще другую цель – распространить, при их пособничестве, свое влияние на востоке и даже подчинить себе восточные церкви. Для пропаганды латинства на востоке и своей власти, они посылали туда, вместе с крестоносными ополчениями, своих епископов, священников и монахов, которые сами лично и с помощью крестоносцев страшно притесняли восточных христиан. Притеснения начались со времени первого же крестового похода (1096 г.). Так, проходя через европейские владения Византийской империи, грубые крестоносцы, подстрекаемые латинским духовенством, с презрением и неприязнью относились к грекам и православной церкви. Были даже случаи ограбления греков крестоносцами. Когда же они пришли в Азию и стали понемногу отнимать у турок греческие области, то своей насильственной пропагандой в пользу латинства и папства совершенно вытеснили православное население востока.

Только благодаря хитрой политике византийского императора Алексея 1-го Комнина, некоторые малоазийские области и города, отнятые крестоносцами у султана, например, Никея, не подверглись влиянию латинян. В Сирии же и Палестине они взяли решительный перевес над православными. Так, завоевав Антиохию (1098 г.), они поставили там своего латинского патриарха и подчинили ему Антиохийскую православную церковь. Патриарх Антиохии, престарелый Иоанн должен был оставить свою кафедру и искать убежища в

Константинополе; там он и умер. То же было и после взятия крестоносцами Иерусалима (1099 г.); латиняне и здесь поставили своего патриарха. Православный патриарх Иерусалима, Симеон, подавший первую мысль об освобождении Гроба Господня, был забыт. Он удалился на Кипр и там скоро умер. Хотя православные и выбрали ему преемником Евфимия, но не имея возможности устроить кафедру в Иерусалиме, он все время проживал в Константинополе. Вместе с тем латиняне в завоеванных областях поставили своих митрополитов и епископов: в Вифлееме, Тире, Кесарии, Назарете и других городах. Все они зависели от латинского патриарха в Иерусалиме. При таком усилении латинской иерархии на востоке, естественно, православные монастыри и церкви поступили в их распоряжение.

По праву завоевателей, латиняне считали и все православное население востока принадлежащим к их церкви и, поэтому, требовали от всех безусловного подчинения папе. Если же со стороны православных были попытки восстановить значение православной церкви, то латиняне с негодованием отвергали их. Так было, например, в начале 12-го века, когда Византийский император Иоанн Комнин (1118–1143 г.) просил крестоносцев разрешить жить в Антиохии православному патриарху вместе с латинским. Сами латиняне свидетельствовали об усилении своей церкви на востоке. Во второй половине 12-го века один латинский епископ доносил папе, что церковь их начала процветать на востоке и Господний виноградник начал пускать новые отрасли.

Положение крестоносцев в Палестине было непрочным и держалось только силой оружия. Когда у них начались раздоры, христианские государства на востоке стали приходить в упадок. Турки вели с ними постоянную борьбу и султаны Нурредин и Саладин отняли у крестоносцев Иерусалим и другие города. Только тогда был восстановлен православный патриарх в Иерусалиме. В конце 13 века турки положили конец владычеству крестоносцев на востоке.

Притеснения со стороны латинян испытывали еще с первого похода крестоносцев преимущественно церкви Сирии и Палестины. Со времени же 4-го похода (в начале 13 века) иго латинян испытала на себе и константинопольская церковь.

В 1195 году византийский император Исаак II Ангел был низвержен с престола, ослеплен и заключен в тюрьму своим братом Алексеем III, который провозгласил себя императором. Сын Исаака, царевич Алексей, бежал из Константинополя и отправился на запад искать помощи против дяди. В это время готовился четвертый крестовый поход и крестоносцы

собирались уже в Венеции, чтобы оттуда отправиться на Восток. Сюда же прибыл и царевич Алексей. Он просил крестоносцев, прежде чем отправиться в Палестину, помочь ему и его отцу в возвращении престола. Венецианский дож, Генрих Дондоло, рассчитывая, что из этого дела Венецианская республика может много выиграть для своей торговли, убедил крестоносцев согласиться на предложение царевича. К тому же Алексей обещал им заплатить 200 000 марок серебра, снабжать в течение года продовольствием, послать с ними в Палестину 10 000 войска и постоянно содержать там 500 рыцарей и, наконец, обещал подчинить восточную церковь папе. В 1203 году крестоносцы подошли к Константинополю и немедленно приступили к осаде. Малодушный Алексей III ночью бежал из города. Тогда греки сочли за лучшее возвести на престол сверженного Исаака Ангела, вместе с его сыном Алексеем IV. Цель похода крестоносцев была достигнута. Оставалось только выполнить договор, заключенный с ними царевичем. Хотя Исаак подтвердил этот договор, но выполнить его было трудно. В казне денег не было, платить нечем. Императоры объявили новые налоги, стали забирать церковные драгоценности – золотые и серебряные оклады с икон и сосуды. Но такие действия вызвали крайнее недовольство греков, которое еще более усилилось, когда выяснилось, что царевич обещал подчинить папе Восточную церковь. Алексей был в дружеских отношениях с крестоносцами, но они раздражали греков своим поведением и уже было несколько кровавых столкновений.

Положение дел в Константинополе было напряженное. Вскоре оно разрешилось возмущением: народ потребовал избрания нового императора. Этим воспользовался один из предводителей возмущения, некто Алексей Мурзуф. Царевич Алексей IV по его приказанию был удушен, а старый и больной Исаак вслед за тем умер с горя. Мурзуф был провозглашен императором. Крестоносцы, потеряв надежду получить обещанное, решили сами себя вознаградить разграблением Константинополя. К этому же подстрекало их и латинское духовенство, имея целью подчинение Восточной церкви папе. Они вторично осадили город и вскоре его взяли. Алексей Мурфуз, патриарх Иоанн Каматир и тысячи греков бежали. Крестоносцы же, мужи крови (по выражению современного им историка), предали Константинополь огню и мечу. Они убивали поголовно всех греков, не различая ни пола ни возраста, грабили церкви и монастыри, расхищая ценности, грабили даже св. мощи, древние рукописи и книги, которые потом переправляли на запад. К этому они еще присоединили поругания – бесчестили монахинь, вводили в церковь

лошадей, иконы бросали на землю и, сидя на них, пиршествовали и играли в карты. Латинское духовенство не только не останавливало крестоносцев, но даже помогало им в грабеже и поругании святынь. Словом, латиняне поступили с Константинополем так же варварски, как впоследствии поступали с ними турки.

Еще до взятия Константинополя между крестоносцами и привезшими их венецианцами был заключен договор относительно раздела добычи, устройства новой империи, избрания патриарха и императора. Поэтому, вскоре после разграбления города, они устроили в нем свою, так называемую, латинскую империю. Императором был выбран Балдуин, граф фландрский, а патриархом один венецианец, Фома Мазарини. Папа Иннокентий III, ранее угрожавший крестоносцам отлучением от Церкви за нападение на греческие города, узнав о взятии Константинополя, благословил дело крестоносцев и приказал им, как и латинским епископам, вводить в православной церкви латинство. Таким образом константинопольская церковь попала в руки латинян. В ней было учреждено несколько латинских митрополий и епископий. Православные епископы и священники были изгнаны, лишены прав и преследовались. Впрочем, православное население завоеванной империи не хотело знать латинской иерархии и не хотело принимать латинства. Отсюда начались жестокие преследования православных и особенно духовенства. Так, в 1213 году, при императоре Генрихе II, в Константинополь прибыл папский легат Пелагий, присланный именно затем, чтобы превратить константинопольскую церковь в латинскую. Встретив противодействие со стороны православного духовенства и монашества, он начал ссылать монахов в заточение, священников заключать в тюрьмы, запирали православные храмы и т.п. Только, по просьбе знатных греков, угрожавших удалением из Константинополя, в случае продолжения преследований, император Генрих освободил из заключения монахов и священников и открыл церкви.

Владычество латинян в Константинополе продолжалось до 1261 г. В то время, как крестоносцы устраивали свою латинскую империю, из областей падшей Византии образовалось также несколько независимых государств. Из них более замечательным было Никейское, основанное зятем Алексея III, Феодором Ласкарисом, который считал себя законным обладателем императорской короны. В Никею переселились многие греки из Константинополя, а также патриарх. Мало-помалу Никейское государство, под управлением умных и дальновидных государей, усилилось до того, что смогло вступить в борьбу с латинянами за

обладание Константинополем. В 1261 году никейский император Михаил VIII Палеолог, наконец, отнял у них Константинополь и восстановил Византийскую империю, а вместе с тем и православную Церковь.

Едва только греко-восточная Церковь освободилась от врагов христиан, как с востока поднялись на нее враги мусульмане. Это – османские турки, которые, уничтожив Византийскую империю, подвергли Церковь страшному игу, продолжающемуся до настоящего времени. Османские турки, теснимые монголами, в первой половине 13 века, из внутренней Азии переселились на запад в Малую Азию. Здесь они вначале поступили на службу к сельджукскому султану, потом, после разрушения Иконийского царства монголами, они под предводительством султана Османа укрепились в городах Вифинии и образовали разбойничье государство. Осман дал туркам свое имя. Его сын Орхан (1326–60 г) подчинил себе Никомидию и большое количество греческих городов в Малой Азии и сделал Бруссу своей столицей. Он первый принял титул падишаха и назвал ворота своего царства высокой портой (Оттоманская порта). Греческий император Андроник III Палеолог (1328–41 г). хотел было остановить успехи османов, но (в 1333 г). под стенами Никеи потерпел поражение, после чего Никея отошла к туркам. Во время своих завоеваний Орхан пролил много христианской крови. Многие из малоазийских христиан, чтобы избавиться от смерти или не лишиться свободы, принимали мусульманство. Преемник Орхана, Мурад I (1360–89 г.), перейдя в Европу, отнял у греков Фракию и город Адрианополь, который сделал своей столицей (1362 г.). Сербь, болгары и венгры надеялись было объединенными силами остановить нашествие Мурада на Европу, но были разбиты наголову. Своими жестокостями Мурад наводил ужас на всю Европу. Тысячи европейских христиан, особенно женщин и детей, были отправлены в Малую Азию для заселения пустынных мест; там их обращали в мусульманство. Особенно тяжело было для христиан распоряжение Мурада, чтобы каждый пятый из всех военнопленных старше 15-тилетнего возраста поступал в распоряжение султана. Их обучали турецкому языку и мусульманскому учению и зачисляли в разряд янычар.

Напрасно император Иоанн V Палеолог (1341–1391 г). путешествовал на запад и просил там помощи, и в ожидании этой помощи от папы, принял католичество – никто не помогал. Сын Мурада, Баязет I (1389–1403 г.) завоевал Болгарию, часть Сербии, Македонию, Фессалию и Элладу и вынудил византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1425 г). платить дань. Византийская империя сузилась до пределов

почти одного Константинополя. Баязет ненавидел христиан еще больше своего предшественника и потому истреблял их без пощады. Единственным средством спасения было принятие мусульманства. Поражение, нанесенное Баязету Тамерланом, только на некоторое время отсрочило падение Византийской империи. После непродолжительных беспорядков в Турецкой империи после смерти Баязета, могущество турок скоро было восстановлено его преемниками – Магометом I (1413–21 г.) и Мурадом II (1421–51 г.). Византийский император Иоанн VI Палеолог (1425–48 г.), отказавшись было от дани туркам, вынужден был снова ее платить. А его преемник, последний византийский император Константин XI (1449–1453 г.), просил уже согласия Мурада на занятие императорского престола, признавая себя его вассалом. В 1453 году, при Магомете II, Константинополь пал, а с ним в руки неверных попала и церковь.

Попытки к соединению церквей

В середине 11 века последовал полный разрыв между Восточной и Западной церквами. Вместо прежних мирных отношений установились неприязненные. Своими жестокостями и поруганием греческих святынь, во время крестовых походов, латиняне сделали эти отношения даже враждебными. Греки ненавидели латинян как еретиков и своих притеснителей. Латиняне, в свою очередь, ненавидели греков как схизматиков (как они их называли) и как людей двоедушных и коварных. Враждебные чувства нередко доводили тех и других до кровавых столкновений. Но, несмотря на это, весьма часто предпринимались попытки к соединению церквей. Были особые причины, чтобы искать церковного союза. Папы, и после разделения церквей, не теряли надежды подчинить себе греко-восточную церковь и с этой целью стремились восстановить общение. Но они понимали под общением не союз между церквами, а подчинение Восточной церкви Западной, или, что то же – папе. Греки, со своей стороны, по политическим расчетам, также желали соединения церквей. Политическое положение Византии в описываемую эпоху было слишком затруднительно. Одряхлевшая империя, при нападении на нее турок и крестоносцев, приходила в упадок. Рассчитывая на содействие пап, имевших большое влияние на ход политических дел во всей Европе, чтобы защитить империю от врагов и предотвратить ее падение, Византия искала союза с Римом. А так как пап ничем нельзя было расположить в свою пользу, как только изъявлением желания к соединению церквей (с подчинением Восточной – Западной), то византийское правительство во всех переговорах на первый план выставляло вопрос об этом соединении. Но одна эта расчетливость уже говорила о непрочности попыток. В переговорах не хватало искренности, латиняне и греки, под предлогом соединения церквей, преследовали другие цели. Поэтому когда эти цели достигались или нет одной стороной, то вопрос о соединении отодвигался на задний план. Непрочность попыток к соединению церквей во многом обуславливалась еще и тем, что они не были всеобщими, по крайней мере, на востоке. Со стороны греков хлопотали о воссоединении императоры, церковная же иерархия и народ всегда были против соединения, так как видели в нем подчинение церкви папам. Из множества неудачных попыток к соединению особенно замечательны две, доведенные до конца всевозможными хитростями и насилием и имевшие печальные последствия для восточной церкви. Это

так называемые унии – лионская (1274 г.) и флорентийская (1439 г.).

В 1261 году латинская империя в Константинополе пала. Никейский император Михаил VIII Палеолог (1259–82 г.), при содействии генуэзцев, отнял у латинян Константинополь и восстановил Византийскую империю. Но положение империи и её государя было весьма затруднительным. Последний латинский император Балдуин II, после падения империи, отправился на запад и умолял папу и государей помочь ему вернуть престол. Папа Урбан IV, тоже потерявший Константинополь, завоеванный греками, принял сторону Балдуина и отлучил от Церкви генуэзцев за союз с Палеологом и начал взывать к новому крестовому походу против Константинополя. Тесть Балдуина, Карл Анжуйский, овладевший тогда Неаполем и Сицилией, действительно стал готовиться к войне с Палеологом. В то же время болгары и латинские князьки Ахаии и Пелопонеса, оставшиеся независимыми после падения латинской империи, начали наступать на Константинополь. Волнения внутри империи довершали запутанность дел. Михаил Палеолог вступил на престол незаконно. После смерти (в 1259 г.) никейского императора Феодора II Ласкариса, престол должен был занять его малолетний сын Иоанн. Но Палеолог хитростью и насилиями отстранил Иоанна от престола, а спустя немного, даже ослепил его. Такое злодеяние восстановило против него патриарха Арсения и народ. Хотя Палеолог низложил и сослал в ссылку Арсения, после того, как тот отлучил его от Церкви, недовольство против него не ослабевало.

Новый патриарх Герман, вследствие народного волнения, должен был оставить кафедру. Когда же затем, патриархом был поставлен царский духовник Иосиф, снявший с Палеолога отлучение, многие из духовных лиц и мирян дошли до такого негодования, что не стали признавать Иосифа патриархом и образовали сильную партию сторонников Арсения. Народ вступился даже за несчастного Иоанна Ласкариса. В Никейской области нашелся слепой юноша, которого жители признали за Иоанна Ласкариса и провозгласили своим царем. Палеолог должен был силой оружия отстранять нового претендента на престол. Находясь в таких затруднительных обстоятельствах, хитрый Михаил Палеолог рассчитывал, что нападение Карла Анжуйского он сможет остановить при помощи папы, а с остальными врагами справится собственными силами. С этой целью немедленно после взятия Константинополя он вступил в сношения с папой Урбаном, а потом Климентом IV; послал к ним несколько посольств с богатыми подарками и предложением о соединении церквей. Впрочем, переговоры с этими папами не привели ни к каким

положительным результатам, главным образом потому, что папы не доверяли Палеологу. Только с 1271 года, когда на престол взошел папа Григорий X, сильно желавший соединения с подчинением Восточной церкви Западной, переговоры пошли успешнее. Григорий прислал письмо, в котором расхваливал Палеолога за намерение подчиниться апостольскому престолу и приглашал на собор в Лионе в 1274 году, для окончательного решения вопроса о соединении. При этом папа в числе условий соединения ставил принятие греками латинского Символа веры с прибавлением *filioque* и признание главенства папы. Палеолог решился на соединение церквей на предложенных условиях, так как боялся интриг Карла Анжуйского. Письмо папы в Константинополе было рассмотрено внимательно.

Греческое духовенство во главе с патриархом Иосифом, прежде покорным императору, было против предложенной унии. Палеолог призвал к себе патриарха и епископов и начал уговаривать их согласиться на соединение с Римской церковью, говоря, что условия папы приемлемы: поминать папу на богослужениях несколько не противно Восточной церкви, признавать его братом и даже первым не унижительно. Что же касается права апелляции к папе, то оно не будет применяться, так как, в «сомнительных случаях едва ли кому захочется плыть для этого за море». О чтении Символа с прибавлением *filioque* император не говорил. Вообще он представлял унию как дело, имеющее политический характер. Патриарх и епископы, несмотря на эти убеждения, все-таки не соглашались на унию. Патриарх поручил своему хартофилаксу, ученому Иоанну Векк, высказать правду, что латиняне являются тайными еретиками. Это вызвало раздражение императора, и он заключил Векка в тюрьму. Впрочем, императору удалось привлечь Векка на свою сторону, и он сделался горячим приверженцем унии. Между тем надо было отпустить посольство и давать ответ папе. Палеолог, уже решившийся на унию, написал папе, что он пришлет на Лионский собор уполномоченных от Восточной церкви. Одно только затрудняло императора – это противодействие главы греческой церкви, патриарха Иосифа, который уже успел разослать епископам окружное послание против соединения с латинянами. Но император нашел выход – предложил Иосифу временно удалиться в монастырь, с тем, что если уния не удастся, он опять займет свою кафедру, если же состоится, он совсем откажется от патриаршества. Иосиф волей-неволей согласился.

Палеолог, с единомысленными ему епископами, заготовил грамоту от греческого духовенства папе и снарядил посольство на Лионский собор. В

числе послов были бывший патриарх Герман и великий логофет Георгий Акрополит. Они прибыли в Лион, когда там уже собрались папа и латинские прелаты. Папа принял послов ласково. Четвертое заседание собора было посвящено соединению церквей, но дело было поставлено так, что никаких рассуждений о различиях между церквами не допускалось. Прежде всего папа заявил собору, что греки добровольно повинуются Римской церкви. Затем были прочитаны письма Палеолога и его сына Андроника, и грамота от греческого духовенства. Как в письмах, так и в грамоте выражалась полная покорность папе, только император просил оставить грекам Символ без filioque. Потом великий логофет Георгий Акрополит дал от имени Михаила Палеолога присягу в том, что он отрицается от всякого разделения с Римской церковью и обещает нерушимо сохранять ее исповедание веры и признавать ее первенство. Такую же присягу дали духовные посланцы, от лица греческого народа. В заключение всего пропели «Тебе Бога хвалим» и Символ веры с прибавлением и от Сына. Таким образом, состоялась уния между Восточной и Западной церквами. Уступчивые греческие послы получили в награду богатые подарки и возвратились в Константинополь. С ними прибыло и посольство от папы. Палеолог был весьма доволен исходом дела на Лионском соборе, так как вслед за утверждением унии, папа распорядился, чтобы между ним и Карлом Анжуйским был заключен мир. Оставалось только вводить унию в греческую церковь. Палеолог употреблял все средства, не исключая и насильственных, чтобы склонить греческое духовенство на унию. Когда же прибыли папские послы и привезли унию, он объявил разделение церквей несуществующим и потребовал, чтобы все признали это дело совершившимся. Патриарх Иосиф был объявлен низложенным и на его место был возведен Иоанн Векк. Было приказано поминать Григория X на богослужениях как верховного архиерея апостольской церкви и вселенского папу». Но дело унии было слишком непрочным. Только император с партией своих приверженцев принял ее. Все греки, и духовные лица, и миряне, не желавшие унии, не хотели иметь никакого общения с Римской церковью.

Со стороны православных стали разноситься проклятия на униатов, с ними не хотели иметь никаких отношений, считали даже за осквернение прикосновение к ним и разговор с ними. Палеолог хотел было ласками привлечь на свою сторону православных. Когда же это не удалось, он взялся за насильственные меры: начались ссылки, заключения в тюрьмы, ослепление, отсечение рук, рвание ноздрей и тому подобное. Он не щадил даже своих родственников. В то же время Векк старался привлечь народ к

унии своими посланиями и сочинениями. Но ни насильственные меры императора, ни сочинения Векка не приносили пользы, – греки не принимали унии. Между тем в Риме узнали, что в греческой церкви унии не существует. Папа Григорий X и его последователи пока не беспокоили Палеолога. Но папа Николай III пожелал видеть унию в действительности. С этой целью он прислал в Константинополь своих легатов, которым поручил настоять на полном введении унии, с принятием латинского Символа и с подчинением папе. Положение Палеолога было критическим. Но с обычной хитростью он сумел выйти из затруднения. Послов приняли великолепно, всюду оказывали им почтение, император уверял в своей преданности унии и папе, приказал составить грамоту от греческого духовенства, в которой излагалось Римское учение, принимаемое будто бы греческой церковью (подписи епископов в грамоте были поддельными), показал им тюрьмы, где содержались противники унии. Наконец, двух противников унии отослал даже на суд к папе, которых, впрочем, папа возвратил без наказания. Такой хитрой политикой Палеолог успокоил папу Николая, так что тот заключил с ним тайный союз против Карла Анжуйского. В 1281 году на папский престол вступил Мартин IV. Этот папа не поддавался обману Палеолога. Зная, что уния не существует в греческой церкви, он с презрением отослал послов Палеолога, а самого его отлучил. Палеолог, раздраженный таким поступком папы, запретил поминать его при богослужении, но унии все-таки формально не уничтожил. Карл Анжуйский, не связанный более запретом папы, начал войну с Палеологом, но тот, благодаря своей хитрой политике, одержал над ним верх. За поражение Карла папа еще раз в 1282 году отлучил Палеолога. Но Палеолог в том же году умер. С его смертью окончилась и лионская уния. Его сын и преемник, Андроник II (1283–1328 г) стал решительно на сторону православных. В 1283 году в Константинополе был собран собор, на котором было осуждено главное римское заблуждение – учение об исхождении Св. Духа и от Сына. В то же время судили и последователей униатов, и прежде всего Векка, который был низложен и сослан в заточение. Церкви, в которых совершалось униатское богослужение, были вновь освящены. Через несколько десятилетий на востоке не осталось и следов лионской унии.

Подобный же исход имела и флорентийская уния. К началу 15-го ст. Византийская империя была окончательно покорена османскими турками. Правительство, как и прежде, искало помощи на западе и, главным образом, у пап. С этой целью греческие императоры последних времен империи часто сами лично ездили на запад, как напр., Иоанн V Палеолог

(1341–91 г.) и Мануил II Палеолог (1391–1425 г.). Но помощи запад не оказывал никакой. Преемник Мануила, Иоанн VI Палеолог (1425–48 г.), предвидя скорое и неизбежное падение империи под оружием турок, решился для спасения ее испытать последнее средство – под предлогом соединения церковью подчинить восточную церковь папе и за это получить помощь от западных государей. Для этого он начал переговоры с папой Евгением IV. Папа согласился на предложение императора. Было условлено составить вселенский собор из представителей греческой и латинской церковью и на нем решить вопрос соединения. Решили на собор пригласить также западных государей, чтобы убедить их оказать помощь Византийской империи. После долгих переговоров о месте собора, наконец, назначили его в Ферраре. Папа принял на себя расходы по проезду и содержанию во время собора греческих епископов. В конце 1437 года в Феррару отправился император Иоанн Палеолог, патриарх Иосиф, уполномоченные от восточных патриархий и несколько греческих епископов. Отправился на собор даже русский митрополит Исидор, родом грек, давно уже согласившийся на унию. Сразу же по прибытии в Феррару, греческие иерархи испытали несколько оскорблений от латинян. Так, папа требовал, чтобы патриарх Иосиф, при встрече с ним, поцеловал, по латинскому обычаю, его туфлю. Только после решительного отказа Иосифа он оставил свое требование. До открытия собора происходили совещания греческих и латинских отцов о разности в вероисповедании. На этих совещаниях со стороны греков особенно отличались Марк, митрополит Ефесский (он же представитель Иерусалимского патриарха), и Виссарион, митрополит Никейский. Марк Ефесский не сделал никаких уступок в пользу латинского учения. Наконец, 8 окт. 1438 г., папа, по соглашению с императором, открыл собор, хотя из западных государей никто не приехал.

На соборе главным спорным вопросом было латинское учение об исхождении Св. Духа и от Сына. Греческие отцы поставили этот вопрос на каноническую почву и доказывали, что латинская церковь поступила неправильно, когда внесла в Никейский символ филиокве, вопреки положительному запрещению третьего Вселенского собора делать прибавления к символу. Латиняне, напротив, утверждали, что латинская церковь не ввела нового учения, а только раскрыла то, которое заключалось в символе веры. В такого рода спорах прошло 15 заседаний. Греческие отцы, особенно Марк Ефесский, как и прежде, оставались неуступчивыми. За это папа стал стеснять их содержанием. Между тем в Ферраре появилась чума. Под этим предлогом папа в 1439 году перенес

собор во Флоренцию. Здесь продолжались споры о том же предмете. Только латиняне перенесли вопрос о филиокве с почвы канонической на почву догматическую. Они доказывали, что их учение само по себе правильно и подтверждали это местами из св. Писания и древних отеческих писаний, с произвольным толкованием. Греческие отцы возражали на это, что из приводимых мест нельзя выводить латинского учения об исхождении Св. Духа и от Сына. Императору была крайне неприятна неуступчивость греческих отцов. Он стал их убеждать прийти к соглашению с латинянами. Прежний противник, Виссарион Никейский, склонился к соглашению, признав, что латинское выражение **и от Сына** соответствует греческому – **через Сына**. Но Марк Ефесский был против этого и назвал латинян еретиками. Палеолог, действуя в пользу соединения, со своими приверженцами составил такое изложение учения о Св. Духе: греки, признавая, что Св. Дух исходит от Отца, не отвергают, что Он исходит и от Сына. Но Марк Ефесский и другие отвергли это изложение. Латиняне, между тем, требовали полного принятия их учения о Св. Духе. Император стал убеждениями и угрозами принуждать греческих отцов исполнить это требование. Волей-неволей греческие отцы должны были согласиться с требованием императора, и вместе с тем признать главенство папы. Относительно же обрядовых различий больших споров не было: латиняне согласились допускать одинаково обряды латинской и греческой церкви. Когда был составлен акт соединения церквей, в нем было изложено латинское учение о Св. Духе и главенство папы. Этот акт подписали все греческие епископы, кроме **Марка Ефесского** и патриарха Иосифа, последний в это время умер. Папа, не видя подписи Марка, откровенно сказал: **мы ничего не сделали**. Все-таки акт был торжественно прочитан в соборной церкви на латинском и греческом языках, и в знак общения и единения, греки и латиняне обнялись и поцеловались. Папа на радостях дал грекам корабли, и они отправились домой. По возвращении в Константинополь, Палеолог убедился, как непрочно насильственное соединение церквей, вынужденное обстоятельствами. Те же греческие епископы, которые согласились на унию, после приезда домой, отказались от нее, выставляя на вид то, что их там принудили согласиться на соединение с латинянами. Греческое духовенство и народ, узнав об унии, пришли в негодование и униатов считали еретиками. Вокруг Марка Ефесского сгруппировались все защитники православия. Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский были также против унии. Они составили в 1443 году в Иерусалиме собор, на котором произнесли отлучение на всех

приверженцев унии. Хотя Палеолог возводил на патриарший престол одного за другим приверженцев унии (Митрофана Кизикского и Григория Мумму, своего бывшего духовника), но уния мало продвигалась вперед. Да и сам император, не получив с запада ожидаемой помощи, относился холодно к делу унии. Он умер в 1448 г. При его преемнике, незадолго до падения Константинополя, восточные патриархи еще раз произнесли осуждение унии на соборе в Константинополе в 1450 г. Здесь же они низложили униата Григория Мамму и возвели на патриарший престол православного Афанасия. Мамма бежал в том же году в Рим. В 1452 г., когда турецкая опасность вплотную стала угрожать Константинополю, император Константин снова слезно молил папу о помощи. Последний предварительно послал в Константинополь кардинала Исидора, бывшего русского митрополита, для утверждения унии. 12 ноября 1452 года Исидор прибыл туда и готовил народ к объединению. Но он обрел сильного обличителя в лице Геннадия Схолария, будущего патриарха. Все-таки Исидор совершил литургию в Софийском соборе, помянув папу и свергнутого патриарха Григория. Кроме императора и его придворных, немногие принимали участие в этом. Толпы низшего клира, монахов и народа устремились в монастырь Пандократора и спрашивали жившего там монаха Геннадия: что делать? Геннадий не показался народу, а вывесил у окна своей келлии листок со словами:

«Несчастливые ромей. Для чего вы заблуждаетесь, теряете надежду на Бога и возлагаете упование на франков? Для чего вместе с имеющим пасть городом хотите погубить и свое православие? Боже умиласердись надо мною. Свидетельствую перед лицом Твоим, что я неповинен в сем преступлении. А вы, несчастные, смотрите, что хотите делать при грозящем вам пленении? Вы дерзаете извратить веру своих отцов и покориться неправде. Никогда не оставлю тебя, любезное православие, и не отступлю от тебя, священное предание, доколе душа моя обитает в сем теле».

Народ **проклял унию**, перестал посещать Софийский храм и, по словам греческого писателя Дука, «если бы явился ангел с неба и обещал грекам спасение под условием унии с латинянами, то они все-таки отвергли бы ее». Когда в 1453 году Константинополь был взят турками, о Флорентийской унии не было уже времени и думать. По почину даже султана Магомета, патриархом был выбран Геннадий II Схоларий (1453–60 г.).

Положение Церкви на Востоке

В середине 11 века последовал полный разрыв между Восточной и Западной церквами. Вместо прежних мирных отношений установились неприязненные. Своими жестокостями и поруганием греческих святынь, во время крестовых походов, латиняне сделали эти отношения даже враждебными. Греки ненавидели латинян как еретиков и своих притеснителей. Латиняне, в свою очередь, ненавидели греков как схизматиков (как они их называли) и как людей двоедушных и коварных. Враждебные чувства нередко доводили тех и других до кровавых столкновений. Но, несмотря на это, весьма часто предпринимались попытки к соединению церквей. Были особые причины, чтобы искать церковного союза. Папы, и после разделения церквей, не теряли надежды подчинить себе греко-восточную церковь и с этой целью стремились восстановить общение. Но они понимали под общением не союз между церквами, а подчинение Восточной церкви Западной, или, что то же – папе. Греки, со своей стороны, по политическим расчетам, также желали соединения церквей. Политическое положение Византии в описываемую эпоху было слишком затруднительно. Одряхлевшая империя, при нападении на нее турок и крестоносцев, приходила в упадок. Рассчитывая на содействие пап, имевших большое влияние на ход политических дел во всей Европе, чтобы защитить империю от врагов и предотвратить ее падение, Византия искала союза с Римом. А так как пап ничем нельзя было расположить в свою пользу, как только изъявлением желания к соединению церквей (с подчинением Восточной – Западной), то византийское правительство во всех переговорах на первый план выставляло вопрос об этом соединении. Но одна эта расчетливость уже говорила о непрочности попыток. В переговорах не хватало искренности, латиняне и греки, под предлогом соединения церквей, преследовали другие цели. Поэтому когда эти цели достигались или нет одной стороной, то вопрос о соединении отодвигался на задний план. Непрочность попыток к соединению церквей во многом обуславливалась еще и тем, что они не были всеобщими, по крайней мере, на востоке. Со стороны греков хлопотали о воссоединении императоры, церковная же иерархия и народ всегда были против соединения, так как видели в нем подчинение церкви папам. Из множества неудачных попыток к соединению особенно замечательны две, доведенные до конца всевозможными хитростями и насилием и имевшие печальные последствия для восточной церкви. Это

так называемые унии – лионская (1274 г.) и флорентийская (1439 г.).

В 1261 году латинская империя в Константинополе пала. Никейский император Михаил VIII Палеолог (1259–82 г.), при содействии генуэзцев, отнял у латинян Константинополь и восстановил Византийскую империю. Но положение империи и её государя было весьма затруднительным. Последний латинский император Балдуин II, после падения империи, отправился на запад и умолял папу и государей помочь ему вернуть престол. Папа Урбан IV, тоже потерявший Константинополь, завоеванный греками, принял сторону Балдуина и отлучил от Церкви генуэзцев за союз с Палеологом и начал взывать к новому крестовому походу против Константинополя. Тесть Балдуина, Карл Анжуйский, овладевший тогда Неаполем и Сицилией, действительно стал готовиться к войне с Палеологом. В то же время болгары и латинские князьки Ахаии и Пелопонеса, оставшиеся независимыми после падения латинской империи, начали наступать на Константинополь. Волнения внутри империи довершали запутанность дел. Михаил Палеолог вступил на престол незаконно. После смерти (в 1259 г.) никейского императора Феодора II Ласкариса, престол должен был занять его малолетний сын Иоанн. Но Палеолог хитростью и насилиями отстранил Иоанна от престола, а спустя немного, даже ослепил его. Такое злодеяние восстановило против него патриарха Арсения и народ. Хотя Палеолог низложил и сослал в ссылку Арсения, после того, как тот отлучил его от Церкви, недовольство против него не ослабевало.

Новый патриарх Герман, вследствие народного волнения, должен был оставить кафедру. Когда же затем, патриархом был поставлен царский духовник Иосиф, снявший с Палеолога отлучение, многие из духовных лиц и мирян дошли до такого негодования, что не стали признавать Иосифа патриархом и образовали сильную партию сторонников Арсения. Народ вступился даже за несчастного Иоанна Ласкариса. В Никейской области нашелся слепой юноша, которого жители признали за Иоанна Ласкариса и провозгласили своим царем. Палеолог должен был силой оружия отстранять нового претендента на престол. Находясь в таких затруднительных обстоятельствах, хитрый Михаил Палеолог рассчитывал, что нападение Карла Анжуйского он сможет остановить при помощи папы, а с остальными врагами справится собственными силами. С этой целью немедленно после взятия Константинополя он вступил в сношения с папой Урбаном, а потом Климентом IV; послал к ним несколько посольств с богатыми подарками и предложением о соединении церквей. Впрочем, переговоры с этими папами не привели ни к каким

положительным результатам, главным образом потому, что папы не доверяли Палеологу. Только с 1271 года, когда на престол взошел папа Григорий X, сильно желавший соединения с подчинением Восточной церкви Западной, переговоры пошли успешнее. Григорий прислал письмо, в котором расхваливал Палеолога за намерение подчиниться апостольскому престолу и приглашал на собор в Лионе в 1274 году, для окончательного решения вопроса о соединении. При этом папа в числе условий соединения ставил принятие греками латинского Символа веры с прибавлением *filioque* и признание главенства папы. Палеолог решился на соединение церквей на предложенных условиях, так как боялся интриг Карла Анжуйского. Письмо папы в Константинополе было рассмотрено внимательно.

Греческое духовенство во главе с патриархом Иосифом, прежде покорным императору, было против предложенной унии. Палеолог призвал к себе патриарха и епископов и начал уговаривать их согласиться на соединение с Римской церковью, говоря, что условия папы приемлемы: поминать папу на богослужениях несколько не противно Восточной церкви, признавать его братом и даже первым не унижительно. Что же касается права апелляции к папе, то оно не будет применяться, так как, в «сомнительных случаях едва ли кому захочется плыть для этого за море». О чтении Символа с прибавлением *filioque* император не говорил. Вообще он представлял унию как дело, имеющее политический характер. Патриарх и епископы, несмотря на эти убеждения, все-таки не соглашались на унию. Патриарх поручил своему хартофилаксу, ученому Иоанну Векк, высказать правду, что латиняне являются тайными еретиками. Это вызвало раздражение императора, и он заключил Векка в тюрьму. Впрочем, императору удалось привлечь Векка на свою сторону, и он сделался горячим приверженцем унии. Между тем надо было отпустить посольство и давать ответ папе. Палеолог, уже решившийся на унию, написал папе, что он пришлет на Лионский собор уполномоченных от Восточной церкви. Одно только затрудняло императора – это противодействие главы греческой церкви, патриарха Иосифа, который уже успел разослать епископам окружное послание против соединения с латинянами. Но император нашел выход – предложил Иосифу временно удалиться в монастырь, с тем, что если уния не удастся, он опять займет свою кафедру, если же состоится, он совсем откажется от патриаршества. Иосиф волей-неволей согласился.

Палеолог, с единомысленными ему епископами, заготовил грамоту от греческого духовенства папе и снарядил посольство на Лионский собор. В

числе послов были бывший патриарх Герман и великий логофет Георгий Акрополит. Они прибыли в Лион, когда там уже собрались папа и латинские прелаты. Папа принял послов ласково. Четвертое заседание собора было посвящено соединению церквей, но дело было поставлено так, что никаких рассуждений о различиях между церквами не допускалось. Прежде всего папа заявил собору, что греки добровольно повинуются Римской церкви. Затем были прочитаны письма Палеолога и его сына Андроника, и грамота от греческого духовенства. Как в письмах, так и в грамоте выражалась полная покорность папе, только император просил оставить грекам Символ без filioque. Потом великий логофет Георгий Акрополит дал от имени Михаила Палеолога присягу в том, что он отрицается от всякого разделения с Римской церковью и обещает нерушимо сохранять ее исповедание веры и признавать ее первенство. Такую же присягу дали духовные посланцы, от лица греческого народа. В заключение всего пропели «Тебе Бога хвалим» и Символ веры с прибавлением и от Сына. Таким образом, состоялась уния между Восточной и Западной церквами. Уступчивые греческие послы получили в награду богатые подарки и возвратились в Константинополь. С ними прибыло и посольство от папы. Палеолог был весьма доволен исходом дела на Лионском соборе, так как вслед за утверждением унии, папа распорядился, чтобы между ним и Карлом Анжуйским был заключен мир. Оставалось только вводить унию в греческую церковь. Палеолог употреблял все средства, не исключая и насильственных, чтобы склонить греческое духовенство на унию. Когда же прибыли папские послы и привезли унию, он объявил разделение церквей несуществующим и потребовал, чтобы все признали это дело совершившимся. Патриарх Иосиф был объявлен низложенным и на его место был возведен Иоанн Векк. Было приказано поминать Григория X на богослужениях как верховного архиерея апостольской церкви и вселенского папу». Но дело унии было слишком непрочным. Только император с партией своих приверженцев принял ее. Все греки, и духовные лица, и миряне, не желавшие унии, не хотели иметь никакого общения с Римской церковью.

Со стороны православных стали разноситься проклятия на униатов, с ними не хотели иметь никаких отношений, считали даже за осквернение прикосновение к ним и разговор с ними. Палеолог хотел было ласками привлечь на свою сторону православных. Когда же это не удалось, он взялся за насильственные меры: начались ссылки, заключения в тюрьмы, ослепление, отсечение рук, рвание ноздрей и тому подобное. Он не щадил даже своих родственников. В то же время Векк старался привлечь народ к

унии своими посланиями и сочинениями. Но ни насильственные меры императора, ни сочинения Векка не приносили пользы, – греки не принимали унии. Между тем в Риме узнали, что в греческой церкви унии не существует. Папа Григорий X и его последователи пока не беспокоили Палеолога. Но папа Николай III пожелал видеть унию в действительности. С этой целью он прислал в Константинополь своих легатов, которым поручил настоять на полном введении унии, с принятием латинского Символа и с подчинением папе. Положение Палеолога было критическим. Но с обычной хитростью он сумел выйти из затруднения. Послов приняли великолепно, всюду оказывали им почтение, император уверял в своей преданности унии и папе, приказал составить грамоту от греческого духовенства, в которой излагалось Римское учение, принимаемое будто бы греческой церковью (подписи епископов в грамоте были поддельными), показал им тюрьмы, где содержались противники унии. Наконец, двух противников унии отослал даже на суд к папе, которых, впрочем, папа возвратил без наказания. Такой хитрой политикой Палеолог успокоил папу Николая, так что тот заключил с ним тайный союз против Карла Анжуйского. В 1281 году на папский престол вступил Мартин IV. Этот папа не поддался обману Палеолога. Зная, что уния не существует в греческой церкви, он с презрением отослал послов Палеолога, а самого его отлучил. Палеолог, раздраженный таким поступком папы, запретил поминать его при богослужении, но унии все-таки формально не уничтожил. Карл Анжуйский, не связанный более запретом папы, начал войну с Палеологом, но тот, благодаря своей хитрой политике, одержал над ним верх. За поражение Карла папа еще раз в 1282 году отлучил Палеолога. Но Палеолог в том же году умер. С его смертью окончилась и лионская уния. Его сын и преемник, Андроник II (1283–1328 г) стал решительно на сторону православных. В 1283 году в Константинополе был собран собор, на котором было осуждено главное римское заблуждение – учение об исхождении Св. Духа и от Сына. В то же время судили и последователей униатов, и прежде всего Векка, который был низложен и сослан в заточение. Церкви, в которых совершалось униатское богослужение, были вновь освящены. Через несколько десятилетий на востоке не осталось и следов лионской унии.

Подобный же исход имела и флорентийская уния. К началу 15-го ст. Византийская империя была окончательно покорена османскими турками. Правительство, как и прежде, искало помощи на западе и, главным образом, у пап. С этой целью греческие императоры последних времен империи часто сами лично ездили на запад, как напр., Иоанн V Палеолог

(1341–91 г.) и Мануил II Палеолог (1391–1425 г.). Но помощи запад не оказывал никакой. Преемник Мануила, Иоанн VI Палеолог (1425–48 г.), предвидя скорое и неизбежное падение империи под оружием турок, решился для спасения ее испытать последнее средство – под предлогом соединения церковью подчинить восточную церковь папе и за это получить помощь от западных государей. Для этого он начал переговоры с папой Евгением IV. Папа согласился на предложение императора. Было условлено составить вселенский собор из представителей греческой и латинской церковью и на нем решить вопрос соединения. Решили на собор пригласить также западных государей, чтобы убедить их оказать помощь Византийской империи. После долгих переговоров о месте собора, наконец, назначили его в Ферраре. Папа принял на себя расходы по проезду и содержанию во время собора греческих епископов. В конце 1437 года в Феррару отправился император Иоанн Палеолог, патриарх Иосиф, уполномоченные от восточных патриархий и несколько греческих епископов. Отправился на собор даже русский митрополит Исидор, родом грек, давно уже согласившийся на унию. Сразу же по прибытии в Феррару, греческие иерархи испытали несколько оскорблений от латинян. Так, папа требовал, чтобы патриарх Иосиф, при встрече с ним, поцеловал, по латинскому обычаю, его туфлю. Только после решительного отказа Иосифа он оставил свое требование. До открытия собора происходили совещания греческих и латинских отцов о разности в вероисповедании. На этих совещаниях со стороны греков особенно отличались Марк, митрополит Ефесский (он же представитель Иерусалимского патриарха), и Виссарион, митрополит Никейский. Марк Ефесский не сделал никаких уступок в пользу латинского учения. Наконец, 8 окт. 1438 г., папа, по соглашению с императором, открыл собор, хотя из западных государей никто не приехал.

На соборе главным спорным вопросом было латинское учение об исхождении Св. Духа и от Сына. Греческие отцы поставили этот вопрос на каноническую почву и доказывали, что латинская церковь поступила неправильно, когда внесла в Никейский символ филиокве, вопреки положительному запрещению третьего Вселенского собора делать прибавления к символу. Латиняне, напротив, утверждали, что латинская церковь не ввела нового учения, а только раскрыла то, которое заключалось в символе веры. В такого рода спорах прошло 15 заседаний. Греческие отцы, особенно Марк Ефесский, как и прежде, оставались неуступчивыми. За это папа стал стеснять их содержанием. Между тем в Ферраре появилась чума. Под этим предлогом папа в 1439 году перенес

собор во Флоренцию. Здесь продолжались споры о том же предмете. Только латиняне перенесли вопрос о филиокве с почвы канонической на почву догматическую. Они доказывали, что их учение само по себе правильно и подтверждали это местами из св. Писания и древних отеческих писаний, с произвольным толкованием. Греческие отцы возражали на это, что из приводимых мест нельзя выводить латинского учения об исхождении Св. Духа и от Сына. Императору была крайне неприятна неуступчивость греческих отцов. Он стал их убеждать прийти к соглашению с латинянами. Прежний противник, Виссарион Никейский, склонился к соглашению, признав, что латинское выражение **и от Сына** соответствует греческому – **через Сына**. Но Марк Ефесский был против этого и назвал латинян еретиками. Палеолог, действуя в пользу соединения, со своими приверженцами составил такое изложение учения о Св. Духе: греки, признавая, что Св. Дух исходит от Отца, не отвергают, что Он исходит и от Сына. Но Марк Ефесский и другие отвергли это изложение. Латиняне, между тем, требовали полного принятия их учения о Св. Духе. Император стал убеждениями и угрозами принуждать греческих отцов исполнить это требование. Волей-неволей греческие отцы должны были согласиться с требованием императора, и вместе с тем признать главенство папы. Относительно же обрядовых различий больших споров не было: латиняне согласились допускать одинаково обряды латинской и греческой церкви. Когда был составлен акт соединения церквей, в нем было изложено латинское учение о Св. Духе и главенство папы. Этот акт подписали все греческие епископы, кроме **Марка Ефесского** и патриарха Иосифа, последний в это время умер. Папа, не видя подписи Марка, откровенно сказал: **мы ничего не сделали**. Все-таки акт был торжественно прочитан в соборной церкви на латинском и греческом языках, и в знак общения и единения, греки и латиняне обнялись и поцеловались. Папа на радостях дал грекам корабли, и они отправились домой. По возвращении в Константинополь, Палеолог убедился, как непрочно насильственное соединение церквей, вынужденное обстоятельствами. Те же греческие епископы, которые согласились на унию, после приезда домой, отказались от нее, выставляя на вид то, что их там принудили согласиться на соединение с латинянами. Греческое духовенство и народ, узнав об унии, пришли в негодование и униатов считали еретиками. Вокруг Марка Ефесского сгруппировались все защитники православия. Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский были также против унии. Они составили в 1443 году в Иерусалиме собор, на котором произнесли отлучение на всех

приверженцев унии. Хотя Палеолог возводил на патриарший престол одного за другим приверженцев унии (Митрофана Кизикского и Григория Мумму, своего бывшего духовника), но уния мало продвигалась вперед. Да и сам император, не получив с запада ожидаемой помощи, относился холодно к делу унии. Он умер в 1448 г. При его преемнике, незадолго до падения Константинополя, восточные патриархи еще раз произнесли осуждение унии на соборе в Константинополе в 1450 г. Здесь же они низложили униата Григория Мамму и возвели на патриарший престол православного Афанасия. Мамма бежал в том же году в Рим. В 1452 г., когда турецкая опасность вплотную стала угрожать Константинополю, император Константин снова слезно молил папу о помощи. Последний предварительно послал в Константинополь кардинала Исидора, бывшего русского митрополита, для утверждения унии. 12 ноября 1452 года Исидор прибыл туда и готовил народ к объединению. Но он обрел сильного обличителя в лице Геннадия Схолария, будущего патриарха. Все-таки Исидор совершил литургию в Софийском соборе, помянув папу и свергнутого патриарха Григория. Кроме императора и его придворных, немногие принимали участие в этом. Толпы низшего клира, монахов и народа устремились в монастырь Пандократора и спрашивали жившего там монаха Геннадия: что делать? Геннадий не показался народу, а вывесил у окна своей келлии листок со словами:

«Несчастные ромей. Для чего вы заблуждаетесь, теряете надежду на Бога и возлагаете упование на франков? Для чего вместе с имеющим пасть городом хотите погубить и свое православие? Боже умилосердись надо мною. Свидетельствую перед лицом Твоим, что я неповинен в сем преступлении. А вы, несчастные, смотрите, что хотите делать при грозящем вам пленении? Вы дерзаете извратить веру своих отцов и покориться неправде. Никогда не оставлю тебя, любезное православие, и не отступлю от тебя, священное предание, доколе душа моя обитает в сем теле».

Народ **проклял унию**, перестал посещать Софийский храм и, по словам греческого писателя Дука, «если бы явился ангел с неба и обещал грекам спасение под условием унии с латинянами, то они все-таки отвергли бы ее». Когда в 1453 году Константинополь был взят турками, о Флорентийской унии не было уже времени и думать. По почину даже султана Магомета, патриархом был выбран Геннадий II Схоларий (1453–60 г.).

Патриаршее управление

Управление греко-восточной церковью, как и в прежние века, сосредоточивалось в руках четырех православных патриархов – Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Константинопольский патриархат, занявший еще с 7-го века первенствующее положение в ряду прочих патриархатов, сохранил за собой это положение и теперь. Он стоит во главе важнейших событий церковно-исторической жизни, принимает деятельное участие в разрешении общецерковных вопросов и своим авторитетом дает силу тем или другим решениям. Остальные патриархи востока, находясь под игом мусульман и латинян и имея небольшие паствы, принимали меньшее участие в общецерковных делах и имели меньший авторитет (были случаи, когда им, тесным, приходилось оставлять свои кафедры и проживать в Константинополе, имея только титул патриархов). Но при этом они не были в подчинении у патриарха Константинопольского. Взаимные отношения всех восточных патриархов представляли союз равных по достоинству и власти иерархов. Константинопольский патриарх по внешним причинам, был только первым среди равных, он не имел права повелевать другими или своей властью без их согласия решать общецерковные дела. История попыток к соединению с латинянами полностью это подтверждает. Император и патриархи Константинополя для переговоров всегда приглашали восточных патриархов. Так, в первой половине 13 века, когда шли переговоры латинян с никейским императором Иоанном Дукою (1222–55 г.) и патриархом Германом, Герман сказал папским легатам, что без восточных патриархов ничего нельзя решать. Во время лионской унии имп. Михаил Палеолог прилагал все старания получить согласие на унию от патриарха Александрийского, Афанасия III, проживавшего в то время в Константинополе. На Флорентийском соборе восточные патриархи в лице своих уполномоченных принимали самое живое участие во всех совещаниях по вопросу о соединении церквей. Если случалось, что константинопольский патриарх превышал свою власть и хотел сам решать общецерковные дела, то другие патриархи давали ему твердый отпор. Так было после Флорентийского собора, когда восточные патриархи осудили константинопольского патриарха Митрофана Кизикского, а потом низложили другого – Григория Мамму. Еще менее возможно было подчинение во внутренних делах по управлению патриархатами. Каждый

патриарх управлял своей епархией полностью самостоятельно и независимо один от другого.

Как и в прежние века, патриархи не были единоличными правителями церкви. Существовала **соборная** форма управления, и патриархи разделяли свою власть с соборами. Теперь мы больше не видим вселенских соборов, так как вопросы веры, для которых они собирались, были определены все; теперь мы видим только соборы **поместные**. Они были двоякого рода: соборы **частные**, из одного патриарха и подчиненными ему митрополитами и епископами, и соборы **общие**, в которых принимали участие все или некоторые патриархи, лично или через уполномоченных. Соборы первого рода, или иначе **синоды**, действовали постоянно. Круг их полномочий был весьма обширен: вместе с патриархом они надзирали за всеми частями церковного управления, разбирали дела о ересях и еретиках (напр., богомильская ересь), вершили суд над епископами и митрополитами и даже иногда над патриархами, избирали кандидатов на епископские кафедры и тому подобное. Соборы же второго рода составлялись весьма редко из-за стесненных политических обстоятельств. Только особо важные дела, касавшиеся всей греко-восточной церкви, вынуждали их, несмотря на все препятствия, составлять общие поместные соборы. К такого рода делам относятся, напр., попытки олатинить восточную церковь при посредстве флорентийской унии. По этому поводу состоялось два собора в Иерусалиме (1443 г.) и Константинополе (1450 г.).

Отношение императоров к патриархам

Византийские императоры издавна принимали большое участие в церковных делах и имели сильное влияние на представителей церковной власти – патриархов. Однако патриархи, имевшие кафедры в странах, не входивших в состав империи, не находились под влиянием императоров, кроме тех случаев, когда они проживали в Константинополе. Патриархи же Константинопольские испытывали большие притеснения от императоров, главным образом от их участия в избрании и низложении патриархов. Избрание и низложение полностью зависело от императоров, а духовенство при этом имело второстепенное значение. Порядок избрания патриархов был такой. Епископы, составлявшие поместный собор или синод, избирали трех кандидатов, писали их имена на бумажках и тянули жребий. Но так как в синоде председательствовал император, то дело избрания направлялось так, чтобы жребий пал именно на лицо, угодное императору. Выбирая кандидата на патриаршую кафедру, императоры не обращали внимание на достоинства и способности избираемых; им было нужно иметь на кафедре полностью преданных им людей, не способных оказывать какое-либо противодействие. Один византийский историк (Георгий Акрополит), говоря об избрании преемника патриарху Мануилу в середине 13-го века, делает такое замечание: «цари вообще хотят, чтобы патриархами были люди смиренные, недалекие по уму, которые бы легко уступали их желаниям, как признанным постановлениям». Другой историк (Никифор Григора) 14-го века дает такое же точно свидетельство. Например, при Андронике II Палеологе (около 1320 г.) патриархом был избран Герасим, седой старик, потерявший слух, абсолютно необразованный, который был послушным орудием царя. Цари, – говорит историк, – на такие высокие места и выбирают таких людей, которые беспрекословно подчиняются их приказам, как рабы, и не оказывают никакого противодействия. А Иоанн Кантакузен, соправитель Андроника III младшего, употребил следующую хитрость при избрании в патриархи священника своей домашней церкви, Иоанна Калекаса. Члены синода не соглашались избрать его; Кантакузен уговорил их поставить его архиепископом; когда же те согласились, он потребовал, чтобы избрали его в патриархи, так как он, как и все епископы, имеет право на занятие патриаршей кафедры. Если патриарх был негоден императору, то последний всегда имел возможность низвергнуть его. В таких случаях императоры прибегали к интригам,

добавляя доносы и обвинения (обыкновенно несправедливые) и заставляли архиереев произносить осуждение на них и низлагать. Таким образом, низложение совершалось с соблюдением всех, установленных законами, формальностей, хотя бывали случаи, когда императоры обходились и без этого. Примеров низложения патриархов в описываемую эпоху множество. Вот некоторые из них. В конце 12-го века Исаак Ангел низложил и заточил, одного за другим, четырех патриархов – Василия Каматира, Никиту, Леонтия и Досифея. Также распоряжался патриаршей кафедрой и Михаил VIII Палеолог в 13 веке. Низложив благочестивого патриарха Арсения, он поставил на его место Германа; когда тот оставил кафедру, поставил Иосифа, низвергнув его потом за противодействие унии, затем поставил Иоанна Векка; даже и этого удалил, но возвратил только в угоду папским легатам. По поводу низложения патриарха Арсения и поставления Иосифа в церкви даже образовался раскол (арсенианский), который окончился только в 1312 году.

Вследствие такого произвольного со стороны византийских императоров распоряжения патриаршей кафедрой, нередко случалось, что ее занимали люди недостойные и неспособные. Но все же было несколько замечательных патриархов, проходивших свое служение достойным образом. Таковы, напр., из константинопольских патриархов второй половины 11-го века: Николай Грамматик, известный своей любовью к просвещению и любимый народом; 12 в. – Михаил Каракуа, благочестивый и просвещенный патриарх, Козьма Аттик, отличавшийся святой жизнью и благотворительностью; Михаил Анхиалий, ревностный защитник православия против латинян; Феодосий, человек честный и праведный; 13 в. – Арсений, человек строгой и благочестивой жизни; Афанасий, строгий отшельник и ревностный исправитель нравов клира, его обличений боялись даже царские дети; 14 в. – Иоанн Гликис, просвещенный и трудолюбивый пастырь и другие. Других восточных патриархов известно немного, сохранились одни только имена. Из Александрийских патриархов замечательны: Николай I (около 1200 г.), переписывавшийся с папой Иннокентием III об освобождении от турок Египта при помощи крестоносцев; Николай II, бывший на соборе в Константинополе, низложившем Арсения, и державший его сторону; Афанасий III, принимавший живое участие в делах константинопольской церкви во время лионской унии; 15 в. – Филофей, осудивший вместе с другими патриархами флорентийскую унию. Из иерусалимских патриархов замечательны: Лазарь (14 в.), подвергавшийся страшным истязаниям за веру от турок в Египте; Иоаким (15 в.), осудивший

флорентийскую унию, и другие.

Имущества церковей, содержание духовенства

Имущества церковей, движимые и недвижимые, в описываемую эпоху подвергались значительному сокращению. С одной стороны, сами императоры для увеличения государственных доходов или из корыстолюбия, захватывали церковные имущества, с другой, – завоеватели – турки и крестоносцы отнимали у церковей их достояние. Так еще в 10-м веке император Никифор Фока, из корыстолюбия, присвоил себе некоторые церковные земли и запретил законом делать духовные завещания в пользу церковей. Того же домогался во второй половине 11-го века Исаак Комнин (1057–59 г). для поправления расстроенных финансов государства, но встретил сильное противодействие со стороны тогдашнего патриарха Михаила Керуллария. В 12-м веке Мануил Комнин (1143–80 г). вновь поднял вопрос о недвижимых церковных имуществах и повторил закон Никифора Фоки против их увеличения. Еще смелее и бесцеремоннее обращались императоры с движимой церковной собственностью, а именно с церковными драгоценностями, так как их было быстрее и удобнее обратить в ценные знаки. Император Алексей Комнин (1081–1118 г.), готовясь к войне с Робертом Гюискаром, взял из константинопольских церковей золотые и серебряные оклады с икон и обратил их в деньги, несмотря на недовольство духовенства и ропот народа. А император Исаак Ангел (1185–1204 г). в первое свое правление допустил настоящее святотатство. Он, по свидетельству историка (Никиты Хониата), брал из церковей священные сосуды и употреблял их за собственным столом, снимал оклады с крестов и Евангелий и делал из них для себя ожерелья и цепи и прочие украшения. В оправдание своего святотатства он утверждал, что царям позволительно делать все и что между Богом и императором в управлении земными делами отнюдь нет несоединимого и неосягнутого расстояния. Тот же Исаак со своим сыном, царевичем Алексеем, окончательно ограбил все церковные драгоценности, для уплаты крестоносцам 4-го похода (за возвращение ему престола). С завоеванием же Константинополя крестоносцами в 13-м веке все движимые и недвижимые имущества были присвоены латинянами. То же было и в других восточных патриархатах, где имущество было отнято сначала турками, а потом латинянами при крестоносцах. После отнятия у латинян Константинополя, недвижимые имущества церкви были возвращены, по крайней мере, некоторые. Император Михаил Палеолог тогда даровал церкви доходы, приписал к ней некоторые сёла, а другие жаловал в пользу

священнослужителей. В других же патриархатах, после падения на востоке государств, основанных крестоносцами, церковные имущества перешли опять к туркам. У церквей остались одни здания, которые тоже иногда подвергались разрушению и грабежу со стороны турок.

При сокращении и отнятии недвижимых церковных имуществ, духовенство лишалось основного источника своих доходов. Даже в константинопольской церкви имений осталось так мало, и они были так разорены, что доходов от них не хватало на содержание патриарха и его клира. В 14-м веке, при патриархе Гликисе, в синоде два раза обсуждался вопрос об оказании материальной помощи константинопольской церкви со стороны подчиненных патриарху епархий. В 1324 году синод, действительно, обложил епархии ежегодными податями в пользу патриарха. Вообще же в то время единственным источником содержания духовенства были сборы за совершение церковных треб и пожертвования в пользу клириков. Количество этих сборов зависело от расположения и усердия православных христиан. В константинопольской церкви эти доходы собирал и хранил великий скевофилакс. Затем, ежемесячные доходы распределялись между клириками, сообразно должности каждого. Так, лица, принадлежавшие к первой пятернице, а также протопопа (из шестой пятерницы) получали двойную часть; принадлежащие ко второй пятернице – полторы части, к третьей – одну часть с четвертью; остальные же клирики получали по одной части.

Состояние просвещения при Комнинах и Палеологах

Оживление духовного просвещения, начавшееся в греко-восточной Церкви в середине 9-го века, в последующие века, особенно при императорах из рода Комнинов и Палеологов (первые 1050–1250, вторые 1250–1453 гг.), усилилось еще более. Многие из императоров обладали богословским образованием, любили сами заниматься вопросами богословия и покровительствовали в этом другим. Центром просвещения как светского, так и духовного были Константинополь и Фесалоники или Солунь. Характер ученой и литературной деятельности был тот же, как и в 9-м веке. Это было собирание творений древнегреческих отцов Церкви и учителей ее, тщательное их изучение, и на их основании составление новых сочинений. Изучение древнеотеческих творений вызывалось, между прочим, попытками к соединению с церковью. Одни хотели найти в писаниях отцов оправдание особенностям в учении Римской церкви, другие, большинство – напротив, искали и находили в них опровержение. К этому богословы присоединяли еще изучение творений языческих писателей и философов древне-классического мира, вследствие чего многие из них обладали обширными познаниями и в светских науках. Следствием этого в ту эпоху было замечательное обилие богословской литературы. Излагалось догматическое учение, велась полемика с латинянами и еретиками, опровергалось мусульманство, иудейство, язычество, составлялись толкования на св. Писание, изъяснялись каноны Церкви, писались нравоучительные сочинения и т.п. Но в произведениях писателей этого времени, незаметно для самостоятельной деятельности, почти они все были только хорошими компиляторами.

Церковные писатели в веке Комнинов

В ряду церковных писателей первое место занимает Михаил Пселл (ум. в 1106 г.). Он был богослов, философ, историк, математик, оратор и даже врач. В одном своем сочинении, вроде энциклопедии, он пишет о догматическом и нравственном учении, кратко излагает содержание всех наук и даже трактует о поваренном искусстве. Он воспитывался в Афинах и был в Константинополе учителем философии и сенатором, а потом воспитателем детей имп. Константина Дуки (1059–67), имел большое влияние на дела управления. В правление своего воспитанника, Михаила VII, он впал в немилость при дворе и около 1076 года удалился в обитель. Из богословских сочинений Пселла наиболее замечательны: толкование на Песнь Песней, главы о Св. Троице и о Лице Иисуса Христа.

Феофилакт, архиепископ Охридский в Болгарии (ум. В 1108 г.). До своего посвящения в сан архиепископа он был воспитателем сына имп. Михаила VII, Константина Порфирородного, почему, будучи уже архипастырем, переписывался с лицами из царской семьи. Он, будучи образцовым пастырем, много заботился об исправлении нравов своей паствы. Замечателен, как толкователь св. Писания. Ему принадлежит толкование на весь Новый Завет, кроме Апокалипсиса, и из Ветхого Завета, на некоторых малых пророков. Он держится преимущественно толкований св. Иоанна Златоуста, часто только сокращая его беседы. Его толкования всегда пользовались большим уважением в Русской Церкви. Он писал в духе христианского миролюбия, по поводу различия в учении и обрядах латинской церкви с греческой. Имеется еще много его писем к разным лицам.

Евфимий Зигабен (ум. около 1118 г.), монах одного константинопольского монастыря. Замечательный богослов и экзегет своего времени. Своей ученостью он приобрел благодарность имп. Алексея I Комнина и находился в близких отношениях с ним. Последний, сильно заботившийся об обращении появившихся богомилов, а также других еретиков, приказал ученым богословам собрать все написанное отцами в опровержение всех еретиков христианской Церкви. Из собранного материала он поручил Зигабену составить полемическое сочинение. Им написан труд в 4 главах, который Алексей Комнин назвал: «Догматическое всеоружие православной веры, или оружейная палата догматов». В сочинении опровергаются все ереси, начиная с Симона волхва, включенная иудеев, мусульман и латинян, и кончая богомильством.

Кроме самостоятельного разбора богомилства, все остальное – компиляция. Замечательно также толкование Зигабена на все Евангелия и на псалмы. Он приводит такие места из толкования древних отцов, которые без него остались бы неизвестными.

Евстафий, архиепископ Солунский, живший и действовавший почти в течение всего 12-го века. Родом из Константинополя, он воспитывался в монастыре, где принял постриг. Потом стал архидиаконом Софийской церкви. В 1175 году был поставлен архиеп. Солунским и проходил свое служение с величайшей ревностью, особенно выделяясь как проповедник. Во время несчастий он утешал и поддерживал жителей Солуни, заботился о чистоте их нравов, особенно трудясь над исправлением монашеского образа жизни. После него осталось много слов, посланий и писем. Все они дышат ревностью св. Иоанна Златоуста. Архиеп. Евстафий вооружался, главным образом, против внешнего и лицемерного богопочтения мирян и монахов, и внушал, что только внутреннее расположение души имеет цену перед Богом и облагораживает человека. По своему благочестию, ревности и высоким нравственным качествам, он занимает первое место в ряду образцовых пастырей Церкви того времени. Славен он особенно, по отзыву епископа Арсения, трудами: «Догматическое и грамматическое истолкование канона св. Дамаскина, поемого во св. Пятидесятницу», «Рассуждение о необходимых исправлениях в монашестве». Он писал комментарии на Гомера, которые обнаруживают в нем большую ученость. Скончался он в 1194 году.

Николай, епископ Мефонский, в Морее жил во второй половине 12-го века. Один из ученейших богословов своего времени. В его время страсть к изучению древней философии, особенно платонической, и увлечение ею доходили до унижения и забвения христианского вероучения. Многие отдавали преимущество языческой философии перед христианством и даже насмехались над простотой и безыскусственностью христианского вероучения. Такое направление просвещения вызвало еп. Николая на полемику с языческой философией. Он написал: «Опровержение Богословского наставления платонического философа Прокла, чтобы читающие не соблазнились в истинной вере». При составлении этого сочинения он руководствовался творениями св. Григория Богослова. Кроме того, он писал сочинения о заблуждениях Римской церкви, главным образом, по вопросу об исхождении Св. Духа и от Сына.

В числе амечательных писателей 12 века значатся Феодор Вальсамон, хартофилакс константинопольской Церкви, а впоследствии патриарх Антиохийский, и Иоанн Зонара, монах одного из восточных монастырей.

Оба они, и особенно первый, были замечательными законоведами своего времени и оставили объяснения на апостольские и соборные правила.

Писатели в век Палеологов

В это время литературный интерес сосредоточивался на полемике с латинянами. Кроме того, константинопольскую Церковь занимали споры варлаамитов и паламитов, по этому поводу было написано несколько сочинений. Выдающимися писателями века Палеологов были:

Никифор Влеммид, живший в середине 13-го века, благочестивый и ученый монах. При никейском императоре Феодоре Ласкарисе II (1255–59 г.) ему предлагали патриарший престол, но смиренный инок отказался от него ради уединенной и подвижнической жизни. Он был замечательный богослов и философ. Очень многие греки того времени обязаны ему своим образованием. Тогда как правительство хлопотало об унии по политическим соображениям, а народ не хотел ее, Никифор Влеммид подавал голос за соединение церквей по чисто религиозным побуждениям. Бесстрашный и холодный ко всем мирским расчетам, он желал соединения церквей для блага Церкви. С этой целью он писал сочинения в пользу унии, стараясь найти согласительное учение об исхождении Св. Духа.

Во время Лионской унии писали против латинян: Георгий Машампар, библиотекарь константинопольской церкви. Его сочинения не дошли до нас. Константин Акрополит, великий логофет. Его сочинения впоследствии, с его согласия, были сожжены, так как они вызывали религиозные споры. Много было и других писателей, большей частью безыменных.

В 14 веке замечательны: Нил Кавасила, архиепископ Солунский (ок. 1340 г.). Он был горячим противником латинян и поборником Православия. Оставил следующие полемические сочинения: «О причинах разделения Церквей» и «О первенстве папы».

Св. Григорий Палама, также архиепископ Солунский. Он происходил от знатных и богатых родителей. Несмотря на это, он захотел проводить нищенскую и подвижническую жизнь на Афоне, где был игуменом есфигменского монастыря. Около 1347 года Иоанн Кантакузен поставил его архиепископом Солунским. Долгое время он проходил свое пастырское служение с большой ревностью. Когда известный Варлаам выступил против афонских монахов, обвиняя их в ереси (о чем речь пойдет в другом разделе), Палама горячо защищал их и написал по этому случаю несколько сочинений. Против латинян Палама написал сочинение об **исхождении Св. Духа от одного Отца**. От него осталось несколько

проповедей. Скончался в 1360 году митрополитом Солунским.

Николай Кавасила, племянник Нила и после Паламы архиепископ Солунский (ум. ок. 1390 г.). Он был человек ученейший, с мистически-благочестивым образом мыслей. Подобно своим предшественникам, он был противником латинян и защитником афонских монахов. От него остались следующие сочинения: «Толкование на божественную литургию», семь книг «О жизни во Христе», слово на ростовщиков и Опровержение на Фому Аквината.

Иоанн VI Кантакузен, в середине 14 в. – правитель империи. Он замечателен своими апологетическими сочинениями против мусульман и иудеев. В 1355 году он постригся в Манганском столичном монастыре, потом был иноком на Афоне. Скончался после 1375 г.

В середине 14 века писал против иудеев свои апологетические сочинения Феофан, архиепископ Никейский.

Из писателей 15-го века замечательны: Симеон, архиеп. Солунский (ум. 1429 г.). Ревностный и образованный пастырь того времени, известен благочестием. Он был противником унии и вооружался против нее в своих сочинениях. Симон оставил после себя замечательное сочинение: «О вере, обрядах и таинствах церковных». В нем он излагает православное учение с присоединением опровержения на еретиков, в том числе и латинян, а кроме того, дает превосходное изъяснение о храме, церковных обрядах и таинствах. Написал он песнопения в честь святых. Был архипастырем 25 лет.

Св. Марк Евгеник, епископ Ефесский (ум. 1447 г.). Известен своей ревностью в отстаивании Православия на Флорентийском соборе. На смертном одре он умолял константинопольского патриарха Геннадия II продолжать борьбу с латинянами, что тот и выполнил. Из его сочинений известны: окружное послание ко всем православным, обширное исповедание веры и разговор между латинянами и греком о прибавке к Символу. В «Страннике» (1872 г.) был напечатан его ответ царю Иоанну Палеологу на его недоумения касательно нравственной немощи человека. В 1859 г. Норовым были изданы на греческом языке с русским переводом его Окружное послание, Назидательные мысли, письмо Схоларию и Исповедание при кончине.

Ересь богомильская

Ересь богомильская стоит в тесной связи с ересями павликианской и особенно евхитской, распространившимся в 10 и 11 веках во Фракии. Павликиане и евхиты возобновили древние гностико-манихейские воззрения. Из Фракии они перешли в соседнюю Болгарию и в 12 веке образовали особую еретическую систему, под названием богомильства (от слов Бог и милуй). Оно отличается от павликианства тем, что начала – доброе и злое – признает несамостоятельными, а подчиняет их еще высшему доброму существу и в этом случае напоминает тот древний персидский дуализм, по которому доброе (Ормузд) и злое (Ариман) начала объединились в одном вечном Верховном Существо (Церуане Акерене). От евхитства же богомильство отличается только полнотой и законченностью системы и представляет как бы дальнейшее развитие евхитства.

Учение богомилов состоит в следующем. Высочайший Бог имел первородного сына, Сатанаила, который занимал после Него первое место и начальствовал над всеми ангелами. Гордый сознанием своего могущества и славы, Сатанаил захотел сделаться независимым от Отца, и с частью подчиненных ему духов, восстал против Него. За это он вместе с отпавшими духами был низвержен с неба. Но Сатанаил не смущается этим и задумывает основать свое независимое царство. Так как божественное достоинство и творческая сила не были еще отняты у него, то он сотворил из хаоса новое небо и новую землю. Вместе с тем он образовал и тело первого человека, Адама, но попытки его сообщить этому телу живую душу оказались неудачными. В такой крайности Сатанаил обратился к Высочайшему Отцу с просьбой послать свое божественное дыхание для оживления человека. При этом Сатанаил предполагал, что он будет властвовать над телесной природой человека, а Отец – над духовной, и что человек своей духовной природой заменит Отцу отпавших ангелов. Высочайший Отец сжалился над неудачей сына и послал свое божественное дыхание. Явился первый человек Адам. Таким же образом была сотворена и Ева. Но скоро Сатанаил стал сожалеть об обещании, данном Отцу, относительно владычества над духовной природой человека, так как он завидовал людям, которые должны были занять место отпавших ангелов. Для этого, войдя в змия, он соблазнил Еву, и произвел от нее Каина и сестру его Каломену. Он рассчитывал, что его собственное потомство возьмет перевес над потомством Адама и внесет в человеческий

род испорченность и растление. Действительно, Каин убил сына Адамова, Авеля; представитель злого начала поразил представителя добра.

После этого Сатанаил успел подчинить себе весь род человеческий, так что немногие на земле из людей имели понятие о своем первоначальном назначении – заменить падших ангелов, и немногие достигали этого назначения. Доведенные до забвения своего предназначения, люди почитали самого Сатанаила за верховного бога. Моисей, бывший его орудием через закон, данный иудеям, особенно распространил такое представление о Сатанаиле. Долгое время он держал, таким образом, в порабощении весь род человеческий. Наконец, Высочайший Бог решился освободить человечество от власти Сатанаила. В 5500 году от сотворения Сатанаилом видимого мира Он произвел от Себя второго (младшего) сына, который и есть Иисус или Слово, и который, как глава и начальник ангелов, называется у богомилов еще Михаилом. Иисус явился в мир в эфирном теле, имевшем только вид человеческого тела, пройдя через Деву Марию незаметно, так что Она сама не знала, как нашла его младенцем, лежащим перед Нею в пещере. Вся жизнь Иисуса среди людей также была призрачная, хотя он действовал и учил так, как описано в Евангелиях. Сатанаил, считая его обыкновенным человеком, стремящимся поколебать его владычество над людьми, довел его до смерти, которая была, конечно, призрачной. Но Иисус через три дня явился Сатанаилу во всем своем божественном величии, оковал его цепями и отнял у него божественное достоинство и божественное имя, заключавшееся в конечном слого его имени – **ил** или **эл**, после чего он стал называться просто сатана. Затем Иисус вознесся на небо, занял второе после Отца место и получил власть над всеми ангелами. Для продолжения и окончательного совершения его дела на земле, Отец произвел из Себя еще вторую силу, Святого Духа, Который и действует на души людей. Души богомилов, ощущающие в себе действие Св. Духа, принимающие Слово Божие и сообщающие его другим, есть истинные «богородицы». Люди с такими душами не умирают, но, отбросив телесную оболочку, как бы во сне, переселяются в царство небесного Отца. После того, как Дух Святой совершит дело освобождения людей от материи, и их души займут место в царстве небесного Отца, все придет в первоначальный вид. Материя, в том числе и человеческие тела, обратится в хаос, а Иисус и Дух Святой возвратятся в Отца, из Которого истекли.

Из теоретического учения богомилов вытекали их взгляды на Православную Церковь, ее верования и учреждения. Считая только себя просвещенными Св. Духом, они смотрели на Церковь, как на плотскую, на

христиан, как на людей, в которых плотское начало берет перевес, и т.д. Таинства Церкви они отвергали. Крещение, напр., называли крещением водой; вместо него совершали свое крещение, которое называли духовным. Оно состояло в том, что на вступающего в их общину они полагали евангелие от Иоанна (апокрифическое), произносили над ним молитву «Отче Наш» и призывали Св. Духа. Таинство Евхаристии также отвергали в том убеждении, что истинное общение со Христом есть духовное. Отвергали, как плотское, почитание Пресвятой Богородицы, святых, их мощей, почитание креста Господня и икон – все отвергали. В жизни богомилы были строгими аскетами, – не вступали в брак, не употребляли мясной пищи и т.п. Источником своего учения они признавали все св. Писание Нового Завета, кроме Евангелия Иоанна, вместо которого у них было свое апокрифическое Иоанново евангелие, из Ветхого же Завета они принимали псалмы и пророков. Кроме того, у них были в широко распространены апокрифические сочинения. В устройстве своей общины богомилы хотели подражать апостольской Церкви, – у них было 12 апостолов, над которым возвышался еще главный начальник секты.

В первый раз богомильская ересь была обнаружена византийским правительством в начале 12-го века. О ней ходили темные слухи, на которые имп. Алексей Комнин обратил внимание. После розыска удалось узнать, что во главе секты стоит монах Василий. Пригласив к себе этого монаха, император притворно выказал желание сделаться членом его общества, и просил рассказать об их учении. Василий поддался хитрости и открыл все, относящееся к секте. Между тем во время этой беседы в соседней комнате, отделенной только занавеской, сидели скорописцы и записывали его слова, здесь же были собраны духовные и светские лица. Поэтому, когда Василий кончил и приподнялась завеса, над ним тотчас же начался суд. Василий не отказывался от своих слов. Его заключили в тюрьму. Вместе с ним схватили многих других богомилов, в том числе и 12 апостолов, и также заключили в тюрьму. Одни из них признали себя принадлежащими к секте, другие не признали. Чтобы узнать, кто из заключенных действительно принадлежит к богомильской ереси, император употребил следующее средство. Объявив, чтобы все готовились к смертной казни, он приказал поставить на площади два костра и при одном из них крест. Те, которые, идя на казнь, молились перед крестом, признаны были не принадлежащими к секте, и после наставления были отпущены. Прочие же были посажены в тюрьму на пожизненный срок. Сожжен был только один Василий (1119 г.). Несмотря на такие строгие меры, секта богомилов не уничтожилась. Втайне, особенно по

монастырям, она продолжала существовать. Впоследствии, в 13-м веке, патриарх Герман (1221–39 г.) в своих беседах вооружался против богомильских мнений. Из Болгарии эта ересь, вследствие сношений русской церкви с болгарской, проникла в Россию.

Споры варлаамитов и паламитов

Около 40-х годов 14-го века в Константинополь прибыл из Калабрии монах Варлаам, человек образованный. Побывав в Фессалонике, он посетил Афон. Здесь один простодушный пустынный, проводивший созерцательную жизнь, сообщил ему, что афонские пустынники удостаиваются созерцанию божественного света телесными очами, приготавливаясь к этому искусственными средствами. А именно, садясь в углу своих келий, они крепко прижимают к груди подбородок, устремляют глаза на нос, удерживают по возможности дыхание и впадают в грустное настроение. Затем, если они находятся в таком положении долгое время, грустное настроение сменяется неизреченной радостью и при этом является блистающий свет, который они называют «несотворенным божественным». Монахи, достигшие такого созерцания, называли себя покоящимися. Варлаам, выпытав у доверчивого пустытника эти сведения, стал обвинять афонских монахов в мессалианской ереси, называя их исихастами, квиетистами, омфалопсихами и т. п. Он даже донес о них императору Андронику III Палеологу (1328–41 г.) и патриарху Иоанну. В 1341 году по этому вопросу был собран собор в Константинополе. Между тем, сторону афонских монахов принял известный тогда Григорий Палама, придерживавшийся, вместе с афонскими монахами, созерцательного, мистического направления. Возражая Варлааму, он говорил, что эти сведения об искусственном приготовлении к божественному свету он заимствовал у простых монахов, а не у образованных. Но в то же время Палама утверждал, что видимый телесными очами свет есть божественный, который видели и апостолы на Фаворе во время Преображения Господня. Варлаам после этого обвинил и самого Паламу в двубожии.

На соборе 1341 года присутствовали Палама и Варлаам. Здесь об афонских монахах не рассуждали. Вопрос поставлен был теоретически, а именно – видимый телесными очами свет, в котором является Божество, есть ли свет Божественный и несотворенный, или сотворенный. Палама доказывал, что следует отличать **Существо Божие** от **проявления** или **обнаружения** Его **действия**. Существо Божие невидимо, те же атрибуты, при которых Оно проявляется, например, свет, видимый телесными очами; свет этот как принадлежность Божества есть несотворенный. Варлаам продолжал утверждать, что свет, в котором является Божество, не есть принадлежность Божества, что он есть

творение, так как кроме Бога, нет ничего несотворенного, и что мнение Паламы ведет к двубожничеству. Собор склонился на сторону Паламы и вынес осуждение Варлааму. После этого Варлаам удалился в Калабрию и перешел там в латинство. Но споры не кончились. У Варлаама остались ученики, которые продолжали нападать на мнение Паламы. Таков Георгий Акиндин. Поэтому в том же году собрался еще один собор, на котором Акиндин был осужден и потом сослан в заточение, а учение Паламы утверждено. Вскоре затем умер имп. Андроник. По малолетству его сына, государством управляла его мать Анна и опекун Иоанн Кантакузен. Анна и патриарх Иоанн приняли сторону варлаамитов, а Кантакузен – паламитов.

В 1345 году патриарх и императрица успели составить собор и осудили на нем Паламу. Но скоро Кантакузен сам сделался императором и на соборе 1347 года низложил патриарха за принятие мнений Варлаама. Затем в 1351 году состоялся еще один собор по поводу тех же споров. На этом соборе мнения варлаамитов защищал известный ученый того времени Никифор Григора. Но Палама и здесь одержал полную победу. Его учение вновь было утверждено. Варлаамитов и Григору преследовали, но, несмотря на это, они продолжали полемику с паламитами, в которой принял участие знаменитый писатель Николай Кавасила. После Кантакузена, который в 1355 году поступил в монастырь, споры окончились сами собой.

Состояние Богослужения

Чин Богослужения в греко-восточной церкви был полностью определен еще в предыдущие века. В описываемое время никаких перемен не произошло. В восточной церкви не произошло тех отступлений и нововведений, какие существовали в это время в западной церкви. Напротив, восточная Церковь, в связи с отступлениями церкви Западной, поставила для себя задачей сохранение богослужения в его древнем чине. Так, она особенно настаивала, чтобы Крещение совершалось через погружение, а не через обливание, как на Западе; чтобы миропомазание совершалось вместе с крещением и не только епископами, но и священниками, чтобы Евхаристия совершалась на квасном хлебе, а не на опресноках, чтобы все верующие, не исключая и мирян, причащались под обоими видами, то есть Тела и Крови Христовой, и проч. Сохранением древнего богослужебного чина Восточная церковь нередко доказывала свою правоту в спорах с латинянами. Если же появлялись попытки нарушить древний богослужебный чин (например, во время господства латинян в Константинополе или во время лионской и флорентийской уний), то православные востока сильно восставали против этого и с негодованием отвергали вводимые латинские обряды. Восточная церковь, по требованию времени и обстоятельств, делала добавления к богослужебному чину, которые в сущности не касались самого чина (как на Западе), а касались только установления новых праздников и церковных песнопений. Так, в конце 11 века было установлено празднование в честь трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, в 30-й день января. Во избежание споров, кто из этих святителей заслуживает большей чести, было установлено празднование им в один день.

В 12-м веке был установлен праздник Происхождения честных древ животворящего Креста, в 1-й день августа. Повод установления следующий. Византийский император Мануил Комнин I (1143–80 г.) и русский князь Андрей Боголюбский в один день, 1 августа 1164 г., одержали победу – первый над турками, второй над камскими болгарам. При этом они видели одинаковое осенение своих войск светом, исшедшим от креста Господня и икон, находившихся в войске. В память такой явной помощи Божией православным против врагов христианства и был установлен этот праздник, получивший свое названия от обычая выходить в этот день с крестом и иконами на реки и источники. Кроме того, было

установлено много праздников в честь святых. Было составлено много канонов и акафистов Спасителю, Божией Матери, святителям и проч. Так в 11-м веке Никита Стифат, монах Студийского монастыря, написал канон святителю Николаю; Иоанн, митрополит Евхаитский – каноны Иисусу Христу, Божией Матери, Ангелу Хранителю, трем святителям и другие. В 12 веке Феоктист, монах Студийского монастыря, пересмотрел минею на ноябрь месяц и сделал некоторые добавления. Его Минея сходна с нынешней ноябрьской минеей.

В 13-м веке император Феодор Ласкарис составил канон Богоматери, с тропарями и стихирами, об утолении бед; в 13 же веке Иоанн Кукузель, начальник императорского хора, впоследствии афонский монах, исправлял и составлял мелодии для стихир, тропарей, кондаков и вообще для всей церковной службы, и также сокращал и изменял текст песнопений. В 14 веке Феолипт, митрополит Филадельфийский, составил каноны: о Страшном Суде, Господу Иисусу Христу и Богоматери, а Исидор Бухирас, патриарх Константинопольский, составил акафисты архангелу Михаилу, Иоанну Предтече, святителю Николаю и друг. Во второй половине 14-го века прославился своей песнью Богородице: «О Тебе радуется» – Григорий Кукузель. Но самым плодовитым писателем церковных песней в 14 веке был патриарх Константинопольский Филофей (ум. 1376 г.). Он составил много канонов, акафистов, тропарей, молитв и проч. В 15 веке известны своими богослужебными песнями Симеон Солунский и Марк Ефесский. Их песнопения в богослужении в настоящее время не употребляются.

Состояние христианской жизни

Христианская жизнь в греко-восточной церкви в ту эпоху представляет мало светлых и привлекательных сторон. Падение нравственности, появившаяся еще раньше, достигло в 11–15 столетиях громадных размеров. Святые истины христианской нравственности были забыты, или сделались мертвыми, не прилагаемыми к жизни правилами. Один византийский историк, Никифор Григора, объясняет общий упадок нравственности в связи с исчезновением обычая учить народ: в домах, в семейном кругу, через священников. Он так характеризует состояние современного ему общества: «души всего христианского мира блуждают точно по какой-то непроходимой и безводной пустыне. Бессовестность дошла до того, что за один обол дают с той и другой стороны страшнейшие клятвы... Все слилось в безразличную массу, люди впали в бессмысленное состояние, и не стало человека, который бы мог сам решить, что полезно и какими признаками отличается благочестие от нечестия». Действительно, греки так глубоко пали в нравственном отношении, что даже в международных сношениях получили позорное прозвище лживых, лукавых и льстивых (Никита Хониат). Если мы встречаем в греческом обществе проявление, по-видимому, благочестивой настроенности, например, постройка императорами церквей, монастырей, раздача милостыни, усердие к богослужению, стремление многих вести монашескую жизнь и т.п., то, в большинстве случаев, это было только религиозным лицемерием. Лицемерие было так сильно, что Евстафий Солунский писал против этого, особенно ненавистного ему порока, особое сочинение.

Нравственная порча проникла во все классы общества. Императорский престол представляет нам почти непрерывный ряд злодеяний и преступлений: истории интриг, разного рода насилий, жестокостей и даже убийств, которыми сопровождалось вступление на престол византийских императоров этого времен, известны. В жизни императоры были, по большей части, людьми без религиозных убеждений и нравственных правил. Весьма часто они продавали свое православие за ожидаемую с запада помощь, часто в делах управления и отношениях с подданными были жестокими тиранами, попиравшими все нравственные законы. Высшие классы общества проводили распущенную жизнь, грабили казну для удовлетворения стремления к роскоши, целью жизни ставили придворные интриги и заговоры против императоров. Простой народ,

забытый, ограбленный, обнищавший и невежественный, ограничивая благочестие исполнением одних обрядовых предписаний, погрязал в суевериях. Впрочем, суевериям верили все классы общества и даже императоры. Астрология, магия, прорицания, гадания и т.п., были общеупотребительны. Историк Хониат говорит: «Известно, что наши императоры и шагу не смеют ступить, не посоветовавшись заранее с положением звезд». Действительно, вера в астрологию доходила до того, что императоры не хотели начинать сражения, или не переезжали в другой дворец, если по астрологическим соображениям это приходилось на несчастные дни.

Императоры верили также в волшебников, гадателей, прорицателей и несколько не стыдились обращаться к ним с вопросами о своем царствовании или своих преемниках. Например, Андроник Комнин обращался к одному гадателю на мутной воде, и все его бредни принимал за истину. Исаак Ангел постоянно советовался с астрологами и как-то посетил вместе со своей свитой прорицателя Васильюшку. Даже такой образованный человек, как историк Никита Хониат, разделял народную веру в чудеса магии, в разные приметы и признавал магическую силу талисманов. Духовенство также было деморализовано. Многие из патриархов, забывая свое святительское служение, принимали участие в придворных интригах, а некоторые из них вели распущенную жизнь. Епархиальные архиереи, часто без надобности, приезжали в столицу и подолгу проживали здесь, интригуя друг против друга и против патриарха. По рассказу Григоры, строгий патриарх Афанасий (13 век), выпроваживая из Константинополя епископов и митрополитов в их епархии и запрещая другим приезжать, говорил: «проживая здесь пусть не наговаривают друг на друга и на меня самого, – они обязаны быть учителями мира. Каждому следует пасти свою паству, как патриарх пасет столичную, и руководить своими овцами, находясь при них же, а не проживая в столице, а оттуда получать только доходы». Остальной клир тоже не отличался благочестивой жизнью: общей их чертой было небрежное исполнение своих обязанностей служения. Нравственная порча коснулась даже монашеского сословия. Древние монастырские уставы не соблюдались строго. Монахи выходили из своих монастырей, появлялись в больших городах, особенно в Константинополе, разъезжали и ходили по улицам, втирались в дома богатых и даже в императорские дворцы и вообще проводили распущенную жизнь.

Против такой нравственной испорченности греческого общества возвышали свой голос некоторые из ревностных пастырей церкви. В этом

отношении особенно замечателен патр. Афанасий, строгий аскет на патриаршем престоле. При его вступлении на престол все возлагали на него большие надежды, думали, что на земле воскреснет истина и с неба сойдет правда. Действительно, он ревностно взялся за исправление нравов мирян, клира и монахов; последних он водворил в монастырях и очистил от них площади и улицы. Но против Афанасия возмутились все архиереи, монахи и миряне, которые не могли больше сносить его духовной суровости, – и он должен был оставить престол. Григора восклицает: «И кто бы мог один остановить этот постепенный упадок Церкви, когда и патриарх не мог этого сделать, при всем своем желании?»

Впрочем, не одни только мрачные стороны представляет нам жизнь восточных христиан этого времени; мы видим в ней и светлые. Церковь никогда не оскудевала праведниками, они были и в описываемое время. Кроме истинно благочестивых пастырей, в этом периоде было много и других благочестивых христиан. Только люди добродетельные в эту эпоху политических волнений и упадка государственной и общественной жизни в империи скрывались вдали от общества. Поэтому мы не видим проявления их благочестивой деятельности. Мы знаем, что они претерпевали всевозможные бедствия и преследования за веру от сарацин, турок и латинян и не отпадали от веры, а некоторые принимали даже и мученичество. Также не все монастыри и монахи были деморализованы, как например, студийские и афонские монастыри со своими иноками. В студийских монастырях полностью сохранялись правила Феодора Студита, и монахи отличались строгостью жизни и ревностью в вере. Афон поистине сделался Святой горой. Здесь во всей строгости было восстановлено древнее монашество, отшельническое и общежительное. Одни иноки подвизались в совершенном уединении одиночно или по два и по три вместе; другие соединялись в общежития, под управлением одного аввы, избираемого на год, вместе совершали богослужение и вместе добывали трудом средства к жизни, хотя жили в отдельных келиях и получали на свое содержание припасы от монастыря, имели каждый свое отдельное хозяйство. Иные же проводили жизнь вполне общежительную по правилам великого Пахомия, – не имели своей собственности, носили одинаковую одежду, ели одинаковую пищу, несли одинаковые труды по добыванию средств к жизни, подчинялись одинаковым правилам послушания и т.п. Вообще же все афонские монахи проводили жизнь в молитве и трудах.

Римо-католическая церковь

Христианская жизнь в греко-восточной церкви в ту эпоху представляет мало светлых и привлекательных сторон. Падение нравственности, появившаяся еще раньше, достигло в 11–15 столетиях громадных размеров. Святые истины христианской нравственности были забыты, или сделались мертвыми, не прилагаемыми к жизни правилами. Один византийский историк, Никифор Григора, объясняет общий упадок нравственности в связи с исчезновением обычая учить народ: в домах, в семейном кругу, через священников. Он так характеризует состояние современного ему общества: «души всего христианского мира блуждают точно по какой-то непроходимой и безводной пустыне. Бессовестность дошла до того, что за один обол дают с той и другой стороны страшнейшие клятвы... Все слилось в безразличную массу, люди впали в бессмысленное состояние, и не стало человека, который бы мог сам решить, что полезно и какими признаками отличается благочестие от нечестия». Действительно, греки так глубоко пали в нравственном отношении, что даже в международных сношениях получили позорное прозвище лживых, лукавых и льстивых (Никита Хониат). Если мы встречаем в греческом обществе проявление, по-видимому, благочестивой настроенности, например, постройка императорами церквей, монастырей, раздача милостыни, усердие к богослужению, стремление многих вести монашескую жизнь и т.п., то, в большинстве случаев, это было только религиозным лицемерием. Лицемерие было так сильно, что Евстафий Солунский писал против этого, особенно ненавистного ему порока, особое сочинение.

Нравственная порча проникла во все классы общества. Императорский престол представляет нам почти непрерывный ряд злодеяний и преступлений: истории интриг, разного рода насилий, жестокостей и даже убийств, которыми сопровождалось вступление на престол византийских императоров этого времен, известны. В жизни императоры были, по большей части, людьми без религиозных убеждений и нравственных правил. Весьма часто они продавали свое православие за ожидаемую с запада помощь, часто в делах управления и отношениях с подданными были жестокими тиранами, попиравшими все нравственные законы. Высшие классы общества проводили распущенную жизнь, грабили казну для удовлетворения стремления к роскоши, целью жизни ставили придворные интриги и заговоры против императоров. Простой народ,

забытый, ограбленный, обнищавший и невежественный, ограничивая благочестие исполнением одних обрядовых предписаний, погрязал в суевериях. Впрочем, суевериям верили все классы общества и даже императоры. Астрология, магия, прорицания, гадания и т.п., были общеупотребительны. Историк Хониат говорит: «Известно, что наши императоры и шагу не смеют ступить, не посоветовавшись заранее с положением звезд». Действительно, вера в астрологию доходила до того, что императоры не хотели начинать сражения, или не переезжали в другой дворец, если по астрологическим соображениям это приходилось на несчастные дни.

Императоры верили также в волшебников, гадалей, прорицателей и несколько не стыдились обращаться к ним с вопросами о своем царствовании или своих преемниках. Например, Андроник Комнин обращался к одному гадалею на мутной воде, и все его бредни принимал за истину. Исаак Ангел постоянно советовался с астрологами и как-то посетил вместе со своей свитой прорицателя Васильюшку. Даже такой образованный человек, как историк Никита Хониат, разделял народную веру в чудеса магии, в разные приметы и признавал магическую силу талисманов. Духовенство также было деморализовано. Многие из патриархов, забывая свое святительское служение, принимали участие в придворных интригах, а некоторые из них вели распущенную жизнь. Епархиальные архиереи, часто без надобности, приезжали в столицу и подолгу проживали здесь, интригуя друг против друга и против патриарха. По рассказу Григоры, строгий патриарх Афанасий (13 век), выпроваживая из Константинополя епископов и митрополитов в их епархии и запрещая другим приезжать, говорил: «проживая здесь пусть не наговаривают друг на друга и на меня самого, – они обязаны быть учителями мира. Каждому следует пасти свою паству, как патриарх пасет столичную, и руководить своими овцами, находясь при них же, а не проживая в столице, а оттуда получать только доходы». Остальной клир тоже не отличался благочестивой жизнью: общей их чертой было небрежное исполнение своих обязанностей служения. Нравственная порча коснулась даже монашеского сословия. Древние монастырские уставы не соблюдались строго. Монахи выходили из своих монастырей, появлялись в больших городах, особенно в Константинополе, разъезжали и ходили по улицам, втирались в дома богатых и даже в императорские дворцы и вообще проводили распущенную жизнь.

Против такой нравственной испорченности греческого общества возвышали свой голос некоторые из ревностных пастырей церкви. В этом

отношении особенно замечателен патр. Афанасий, строгий аскет на патриаршем престоле. При его вступлении на престол все возлагали на него большие надежды, думали, что на земле воскреснет истина и с неба сойдет правда. Действительно, он ревностно взялся за исправление нравов мирян, клира и монахов; последних он водворил в монастырях и очистил от них площади и улицы. Но против Афанасия возмутились все архиереи, монахи и миряне, которые не могли больше сносить его духовной суровости, – и он должен был оставить престол. Григора восклицает: «И кто бы мог один остановить этот постепенный упадок Церкви, когда и патриарх не мог этого сделать, при всем своем желании?»

Впрочем, не одни только мрачные стороны представляет нам жизнь восточных христиан этого времени; мы видим в ней и светлые. Церковь никогда не оскудевала праведниками, они были и в описываемое время. Кроме истинно благочестивых пастырей, в этом периоде было много и других благочестивых христиан. Только люди добродетельные в эту эпоху политических волнений и упадка государственной и общественной жизни в империи скрывались вдали от общества. Поэтому мы не видим проявления их благочестивой деятельности. Мы знаем, что они претерпевали всевозможные бедствия и преследования за веру от сарацин, турок и латинян и не отпадали от веры, а некоторые принимали даже и мученичество. Также не все монастыри и монахи были деморализованы, как например, студийские и афонские монастыри со своими иноками. В студийских монастырях полностью сохранялись правила Феодора Студита, и монахи отличались строгостью жизни и ревностью в вере. Афон поистине сделался Святой горой. Здесь во всей строгости было восстановлено древнее монашество, отшельническое и общежительное. Одни иноки подвизались в совершенном уединении одиночно или по два и по три вместе; другие соединялись в общежития, под управлением одного аввы, избираемого на год, вместе совершали богослужение и вместе добывали трудом средства к жизни, хотя жили в отдельных келиях и получали на свое содержание припасы от монастыря, имели каждый свое отдельное хозяйство. Иные же проводили жизнь вполне общежительную по правилам великого Пахомия, – не имели своей собственности, носили одинаковую одежду, ели одинаковую пищу, несли одинаковые труды по добыванию средств к жизни, подчинялись одинаковым правилам послушания и т.п. Вообще же все афонские монахи проводили жизнь в молитве и трудах.

Миссионерская деятельность латинян

Миссионерская деятельность Римской церкви в 11–15 веках приняла характер, не свойственный христианству. Был оставлен мирный путь распространения евангельского учения посредством проповеди и убеждения. Римская церковь, при обращении неверующих, охотнее допускала насильственные меры – огонь и меч. Она не стеснялась также посылать своих миссионеров в те страны, где действовали православные миссионеры, вытесняя их и обращая в латинство уже крещенных в православную веру. Она старалась также распространять свое учение среди православных, пытаясь обратить их в латинство.

Этими способами они распространяли христианство в Европе:

у прибалтийских славян (вендов), для обращения которых было устроено несколько крестовых походов;

у пруссов, которых в 13-ом веке обращали в христианство силой оружия – сначала орден прусских рыцарей, а потом орден немецких рыцарей;

В Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, где христианство было утверждено в 12-ом веке мечом и огнем меченосцами и

в Литве, сделавшейся в 14 веке католической страной по случаю брака литовского князя Ягайло с наследницей польского престола Ядвигой. Литовцы-язычники были крещены силой, а литовцы православные подвергались преследованию.

В Азии латиняне устраивали разнообразные миссии, они вели пропаганду среди православными, пытались обращать мусульман и язычников. У православных и мусульман они не имели успеха, у язычников же (монголов в Китае), хотя и устроили в 13-ом веке христианскую общину, но в середине 14 века она погибла без следа. В 15-ом в., после открытия новых земель на западе Африки и затем открытия Америки, португальцы и испанцы принесли в завоеванные страны христианство. Вследствие их жестокого обращения с туземцами, христианство там распространялось слабо.

Папство и монашество

Папская власть, поставленная на такую высоту Николаем I (858–867 г.), в 10-м веке и в первой половине 11-го упала в значительной степени. Произошло это, с одной стороны, вследствие вмешательства владетелей Италии в дела папства, а с другой стороны, из-за нравственной распущенности и бездеятельности пап и духовенства.

К середине 11-го века распоряжение папским престолом перешло от владетелей Италии в руки германского императора Генриха III (1039–56) из финской династии, восстановившего императорскую власть в Италии. В то время, вследствие незаконных действий пап (один из них продал папство за большие деньги одному римскому богачу), возникло движение, требовавшее реформы духовенства. Оно нашло себе ревностных поборников и распространителей в монахах французского монастыря Кюни (в Бургундии). Кюнийцы проповедовали отречение от светских интересов и светского образа жизни духовенства. Это относилось прежде всего к папам. Генрих III сочувствовал кюнийскому движению, поскольку оно направлялось против симонии и беспорядка в церкви. Три раза Генрих назначал пап. Кюнийское движение стремилось также освободить церковь от влияния светской власти. Горячим поборником этой мысли был монах Гильдебрандт, сделавшийся кардиналом при папе Льве IX (1049–54) и заправлявший потом всеми делами папства в течение 20 лет. Сначала Гильдебрандт с помощью искусной политики устранил влияние императорской власти на папство. Сын тосканского крестьянина, сначала капеллан (домовой священник папы), он пробыл некоторое время в Кюни. Вернувшись в Рим и стоя за реформы, он и занял потом выдающееся положение, умело отстаивая независимость папской власти. При переменах на папском престоле после Льва IX он действовал так умело, что избрание пап совершалось без сношения с императорским двором, как бы случайно, а не намеренно. Правда, императором вскоре стал малолетний Генрих IV (1056–1106). По внушению Гильдебрандта, проведенный им папа Николай II решился уже открыто устранить императорское влияние на избрание пап.

В 1059 г. на Латеранском соборе он постановил, что избрание пап принадлежит коллегии кардиналов, т.е. епископов римской области, священникам главных римских церквей и нескольким диаконам, состоящим при папе и его кафедральной церкви. Остальной клир и народ должны были только изъявлять свое согласие. Что касается императора, то

он мог утверждать избрание, насколько это право давалось ему апостольским престолом. Римская знать была недовольна отведенным ей второстепенным положением. Она просила Генриха IV воспользоваться правом назначения пап, как это делал его отец. Но Гильдебрандт посадил на престол своего кандидата, Александра II (1061–73). После его смерти Гильдебрандт решил сам занять престол, был избран кардиналами и вступил на него с именем Григория VII (1073–85). Императору было послано только простое извещение об избрании.

Григорий вступил на папский престол, проникнутый теми идеями о папском всевластии, которые у него уже давно созрели и вылились в целую систему. Усвоив давний взгляд Римской церкви на папу, как на заместителя Христова на земле, Григорий хотел под папским владычеством основать всемирную теократическую монархию. По его представлению, папа должен властвовать не только над духовными, но и над светскими властями. Всякая власть, не исключая и императорскую, считалась им ниже папской. Всякая власть получает свое освящение и свой авторитет от папы. В случае злоупотреблений со стороны духовных и светских властей, папа имеет право лишать их преимуществ, соединенных с их званием, и отдавать эти преимущества кому-либо другому по своему усмотрению. По мысли Григория, папа имеет власть раздавать омофоры и королевские и императорские венцы. Прежде чем начать осуществление этих идей, Григорию было нужно окончательно устранить влияние светской власти на церковные дела. От давления императорской власти при избрании пап их престол освободился еще раньше, но оставалась еще инвеститура, т.е. права светских владетелей раздавать духовные должности. Поэтому Григорий сразу же взялся за уничтожение инвеституры. В 1075 г. он провел на соборе запрещение инвеституры. Было постановлено низлагать тех духовных лиц, которые получили свои должности от инвеституры, а светских владетелей, производящих инвеституры, отлучать от церкви. На том же соборе было запрещено священникам вступать в брак. По мнению Григория, безбрачие духовных лиц лишало их родственных связей с окружающим миром и должно было сделать, чтобы они были более ревностными служителями церкви. Борьба против инвеституры подрывала ленную зависимость церковных земель – епископ, аббат и священник должны были являться церковными пастырями, а не вассалами короля или князя.

Само духовенство неохотно подчинилось духовной реформе. Особенно строго было принято решение о безбрачии духовенства. Некоторые клирики восставали против папских легатов. Хуже всего было

принято повеление папы в Германии. Папские легаты явились к имп. Генриху IV и представили ему положения относительно инвеституры. Генрих, отправлявшийся в то время на войну, согласился исполнить требование папы, но вернувшись из похода, продолжал производить инвеституру. Тогда – в 1076 г. – папа вызвал его в Рим на суд. Император с насмешками отослал послов папы и собрал в Вормсе собор германских епископов. Собор, выполняя желание императора, решил, что папе Григорию не следует подчиняться, так как он стремится поработить церковь и отнимает власть у епископов. Генрих же объявил, что папа ниспровергает общественный порядок, основанный на двух началах, освященных Божией благодатью – на царской власти и священстве. Папа, смешавший эти два начала, должен уйти, уступив место более достойному.

Но Григория нельзя было запугать или сбить с пути. Папа, в свою очередь, отлучил от церкви Генриха и епископов – участников собора. Генриху IV папа объявил лишенным королевского достоинства и освободил от присяги его подданных. Германским князьям он поручил выбрать нового короля. Распоряжения папы не имели бы значения, если бы Генрих своими действиями еще раньше не восстановил против себя германских князей. Союзниками папы оказались те самые феодалы, от влияния которых он стремился очистить церковь. Южно-немецкие герцоги начали вести войну с Генрихом. Вспыхнуло восстание в непокорной Саксонии. Высшее духовенство, только что высказавшееся против папы, было смущено его решительностью и тем, что низшие классы народа сочувствовали церковной реформе и устраивали бунты против врагов папы. Князья, собравшись на сейм в Трибуре, решили, что если Генрих в течение года не получит разрешения от папы, то будет лишен престола. Генрих растерялся.

Зимой 1077 г. он отправился с небольшой свитой в Италию. Папа находился в это время в Каноссе, замке его верной сторонницы, маркиграфини тосканской Матильды. Прибыв туда, Генрих не был впущен в замок. Он отправил к папе Григорию послов, которым поручил принести от его имени повинную, выразить согласие на требования папы и выхлопотать снятие отлучения. Папа заставил Генриха дожидаться три дня решения перед стенами замка, в одежде кающегося и с босыми ногами, не принимая пищи. Папа простил его, но при условии, чтобы его дело было разобрано германскими князьями на сейме.

Но унижение, которому подверг себя Генрих, не принесло ожидаемых плодов. Немецкие князья не только не сложили оружия, но избрали

королем Рудольфа Швабского, который начал войну с Генрихом. Папа признал королем Рудольфа и на Генриха снова наложил отлучение (1080 г.). Генриху удалось все же привлечь на свою сторону многочисленных сторонников. Часть высшего духовенства стала на его сторону, опасаясь устранением инвеституры попасть в полную зависимость от пап. Среди низшего духовенства поддерживали Генриха женатые священники. Он привлек на свою сторону мелкое рыцарство и население больших городов, которое богатело и старалось избавиться от гнета сеньоров. Папа, запрещая императора, объявил, что апостолы, получившие от Христа право вязать и разрешать совесть людей, тем самым поставлены как над церковью, так и над миром. Если преемник апостолов может распоряжаться духовными должностями, то тем более властен он над королевствами и княжествами. Генрих не пал духом. Собрав приверженных ему епископов, он на соборах в Майнце и Бриксене (1080 г.) повторил низложение Григория и выбрал нового папу Климента III. В одном сражении был убит Рудольф Швабский, а Генрих IV упрочил свою власть в Германии. Тогда он решился покончить дело с папой. В 1084 г. он взял Рим, возвел на папский престол Климента и получил из его рук императорскую корону. Папа Григорий заперся в замке св. Ангела и решительно отказывался от всяких переговоров с Генрихом. На помощь папе пришли норманны, к тому времени овладевшие южной Италией. Их герцог, Роберт Гюискар, собрал большое войско, в котором были завербованы и сарацины. Генрих был вынужден оставить Италию, где Рим был взят приступом Гюискаром. Норманны и сарацины жестоко грабили город на глазах у папы. Жители города были естественно возмущены поведением папских союзников. Григорий VII понял всю тяжесть своего положения и удалился на юг в Салерно, где и умер в 1085 г., говоря перед смертью своим приближенным: «Всю жизнь я любил правду и ненавидел беззаконие, за что и умираю в изгнании» Он причислен Римской церковью к лику святых.

Папы Виктор III (1086–87), Урбан II (1088–99) и Пасхалий II (1099–1118), управлявшие Римской церковью после Григория, были его учениками и старались осуществлять его планы. Поэтому борьба императоров за инвеституру продолжалась. Они требовали уничтожения инвеституры, подвергали императоров отлучению от церкви, составляли против них политические союзы. Генрих IV и сын его Генрих V приходили с войсками в Италию и изгоняли пап из Рима, восстанавливая антипапу Климента. Особенно решительно боролся с имп. Генрихом IV папа Урбан II (1088–99). Ему удалось даже в 1092 г. настроить против

Генриха его сына Конрада, восемь лет после этого управлявшего в Ломбардии и Тоскане. Урбан II своей проповедью о крестовом походе в Пьяченце и Клермоне (во Франции) возбудил фанатическое воодушевление в народных массах и сумел воспользоваться этим для своих целей. В 1096 г. крестоносцы, отправлявшиеся через Италию, помогли ему изгнать из Рима Климента и усмирить римских вельмож, державших сторону императора. Урбан занял папский престол в Риме. Преемнику Урбана Пасхалию II удалось совершенно вытеснить из Римской области антипапу Климента, в том же году умершего. Генрих IV ничего не смог сделать с Урбаном II. Защитой папы против императора служили владения маркграфини Матильды, загораживавшие Рим с севера, и поддержка норманнов в южной Италии. В старости Генриху IV пришлось воевать с сыном Генрихом. В 1106 г. их войска встретились на Рейне. Генрих IV внезапно умер. Сына против отца настроил папа Пасхалий, писавший ему льстивые письма с просьбой «оказать помощь церкви Божией».

Генрих V сначала пошел по стопам отца. Маркграфиня Матильда умерла, завещав свои громадные имения Римскому престолу. Генрих V не хотел допускать такого усиления светских владений папы и продолжал настаивать на праве императора давать инвеституру высшему духовенству германского и итальянского королевств. Хотя он и занимал Рим, но непрочность его положения в Германии опять сослужила папам великую службу. Обе стороны утомились в борьбе. При папе Каллисте II (1118–24) на сейме в Вормсе был заключен папой выгодный для него договор с императором Генрихом V и германскими князьями. В 1122 г. на основании Вормского конкордата, папе, как духовному лицу, была предоставлена духовная инвеститура, т.е. право избирать и посвящать епископов и аббатов, согласно церковным законам, вместе с вручением им кольца и жезла. Императору, как светскому главе, предоставлена была инвеститура светская, т.е. право раздавать тем же епископам и аббатам княжеские права, владения и пр., беря с них ленную присягу. На время прекратились споры и беспорядки, разъединявшие западный христианский мир.

Борьба пап с государями

Стремясь к осуществлению теократических планов папы Григория VII, последующие папы вступили в борьбу с государями за верховное господство церкви над государством. Так, Иннокентий II (1130–43) начал открыто заявлять, что императоры свое достоинство получают как лен от папы. То же объявил папа Адриан IV (1154–59) в письме к императору Фридриху I Барбароссе (1152–90) из дома Гогенштауфенов.

По этому вопросу началась борьба пап с Гогенштауфенами, длившаяся почти столетие. Фридрих Барбаросса в 1158 г. пришел в Италию, желая ограничить притязания папы Адриана. Им был созван сейм, на котором он доказывал, что подчиняться императору должны и епископы и что сами папы, если пользуются светской властью, то не по божественному праву, а по распоряжению королей, давших им эту власть. Вскоре при выборе преемника папы Адриана мнения кардиналов разделились. Одни выбрали Александра III (1159–81), противника императора, другие – Виктора IV (1159–64), его сторонника. Фридрих воспользовался этим обстоятельством, чтобы подчинить своему влиянию пап. Он созвал собор и потребовал, чтобы оба папы явились на разбирательство. Александр на собор не явился и предал отлучению Виктор и Фридрих. Император тогда изгнал из Рима Александра в 1167 г и посадил нового папу, Пасхалия. Александр, опираясь на поддержку ломбардских городов, не сдавался. Когда дела Фридриха в Италии сложились неблагоприятно, он в 1177 г. помирился с Александром, на условиях, выгодных для папы.

Преемники папы Александра не были настолько сильны, чтобы противостоять Фридриху Барбароссе и его преемнику, Генриху VI (1191 г.). Последний, при помощи брака с Констанцией, единственной наследницей сицилийской короны, присоединил к своим владениям норманское королевство обеих Сицилий и сделался повелителем всей Италии. Папы были сильно стеснены даже в самом Риме, где распоряжался императорский префект.

Со смертью в 1197 г. Генриха V, который оставил после себя малолетнего сына Фридриха, положение изменилось. Правительницей Сицилии стала Констанция, а в Германии князь решил выбрать нового императора. На папский престол вступил Иннокентий III (1198–1216), один из выдающихся политиков своего времени. Он поставил задачей осуществить во всей полноте теократические планы папы Григория VII и

успел поставить папство на такую высоту, на которую оно ни прежде, ни потом не восходило. После вступления на престол он заставил присягнуть себе префекта Рима, назначенного императором, и этим уничтожил императорскую власть над Римом. Сделав то же в других городах церковной области, Иннокентий образовал самостоятельное папское государство. Восстановив против императорской власти остальные итальянские города, обеспечив себе их поддержку, папа взялся за Сицилию. Удачно для него было то, что Констанция сама просила Иннокентия утвердить за ней и ее сыном Фридрихом владение Сицилией как леном папского престола. Перед смертью (1198 г.) Констанция завещала папе опеку над сыном. Иннокентий управлял Сицилией. В Германии в это время шла борьба за императорский престол, и оба претендента обратились за помощью к папе. Иннокентий возложил корону в 1209 г. на Оттона Саксонского. Получив ее в Риме, Оттон нарушил свое обещание охранять все права папы и расширить его владения в Италии. Он объявил многие из папских владений императорскими ленами и напал на Сицилию. Тогда Иннокентий III отлучил Оттона от церкви (1210 г.) и объявил лишенным императорского достоинства. Папа предложил германским князьям избрать императором своего воспитанника Фридриха II, который и стал императором.

Иннокентий III проявил свою власть и во Франции, и в Португалии и в Англии. В последней ему пришлось выдержать борьбу с английским королем Иоанном Безземельным. Король не пожелал в 1207 г. принять кардинала Стефана Лангтона, назначенного папой архиепископом Кентерберийским. В результате борьбы папа отлучил в 1209 г. Иоанна и затем лишил его в 1212 г. престола. Народ не любил короля за жестокость. В Англии начались восстания. Иоанн смирился, принял Лангтона и признал даже себя ленником папы, с обязательством уплачивать ему ленную подать.

При Иннокентии образовалась Латинская империя, и власть его, и влияние распространилось на значительную часть Востока. Свое блестящее управление Иннокентий заключил четвертым Латеранским собором (1215 г.), на котором, кроме множества епископов, аббатов, приоров, присутствовали многие из государей западной Европы.

После смерти Иннокентия императорская власть опять взяла перевес над папством. Фридрих II начал постепенно восстанавливать свою власть в Италии. Он не отделял, как хотел Иннокентий, сицилийской короны от германской. Второй преемник Иннокентия, папа Григорий IX (1227–42), пытался удалить Фридриха из Италии и требовал выполнения обещания

крестового похода. Фридрих двинулся в Палестину, но вскоре вернулся, т.к. в его войсках начались болезни. Папа предал его отлучению за непослушание. Фридрих, не обращая на это внимания, без разрешения папы, совершил в 1228 г. пятый крестовый поход, временно отобрал у турок Иерусалим и возложил на себя иерусалимскую корону, вследствие бракосочетания с Иолантой, наследницей иерусалимского королевства. После возвращения в 1229 г. Фридрих временно примирился с папой, недовольным и его успехами, и возвращением. Вскоре между ними началась страшная вражда. Фридрих стал отбирать папские владения. Григорий IX в 1239 г. снова предал его отлучению. Фридрих отправил послание к князьям и кардиналам, в котором называл Григория врагом всех государей и обещал вскоре освободить всех от папской тирании. Папа в ответ направил им всем послание, в котором выставлял Фридриха неверующим. Император подступил к Риму в 1240 г. Папа тогда назначил собор на 1241 г., рассчитывая на французских епископов, как не подчиненных Фридриху; а тот, в свою очередь, захватил в плен ехавших из Франции епископов. Заняв Рим, он пленил и папу, который не выдержал такого гнета и скончался в 1241 г. Преемник его, Целестин IV, прожил всего три недели после избрания. Два года престол оставался незанятым по случаю раздора между кардиналами. В 1243 г. папой был избран Иннокентий IV (1243–54), который продолжал борьбу с Фридрихом. Папа, удалившись в Лион, собрал там собор в 1245 г., проклял на нем Фридриха, как еретика и святотатца, и объявил его лишенным престола, предложив германцам и сицилийцам выбрать нового государя. Не окончив борьбу с Иннокентием IV, Фридрих II умер в 1250 г. Иннокентий, узнав об этом, с восторгом объявил о его смерти всему миру, как о событии радостном для неба и земли.

Дети Фридриха, Конрад IV и Манфред, занялись упрочением императорской власти, первый – в Германии, второй – в Неаполе и Сицилии. Конрад скоро умер, оставив сына Конрадина. Как Иннокентий, так и его преемники, вели борьбу с Гогенштауфенами. Для вытеснения их из Неаполя и Сицилии, папы противопоставили им французского принца Карла Анжуйского, который, по их приглашению, явился в Италию с крестоносным ополчением. В этой борьбе Манфред был убит, а Конрадин, взятый в плен, был казнен Карлом в Неаполе (1268 г.), не без ведома папы Климента IV (1265–68).

Упадок папского могущества

После столетий упорной борьбы с враждебным домом Гогенштауфенов папство одержало над ним полную победу. Но эта победа была началом падения самого папства. Карл Анжуйский, обязанный папам своим владычеством над Неаполем и Сицилией и надававший им много обещаний, стремился теперь занять в Италии такое положение, какое занимали германские императоры. Папы должны были употребить все усилия, чтобы ослабить его власть. Папа Николай III (1277–80) заключил против него союзы с германским и византийским императорами, а перед смертью подготовил против него восстание в Сицилии, известное под названием Сицилийской вечери. Несмотря на это, Карл успел приобрести такое влияние в Италии, что в 1281 г. настоял на избрании преданного ему папы Мартина IV (1281–85).

Но гораздо опаснее для папства был другой его противник, французский король Филипп Красивый (1285–1315). Он отвергал установившееся было за папами право вмешиваться в светские дела других государств. Им был нанесен первый жестокий удар папе Бонифацию VIII (1294–1303). Филипп вел борьбу с Англией. Папа предложил свое посредничество, которое Филипп, не желая вмешательства папы, отверг. Папа пришел в негодование, узнав, что Филипп для покрытия военных расходов обложил податями французское духовенство. В 1296 г. папа издал буллу, в которой (не называя Филиппа), грозил отлучением от церкви всем мирянам, налагающим подати на духовенство, и всем духовным лицам, платящим подати. Король на это ответил запрещением вывозить из Франции драгоценные металлы. Вследствие этого папа терял свои доходы во Франции, отчего и пошел на уступки. Духовенству не запрещалась делать добровольные пожертвования на нужды государства. Состоялось примирение, и Филипп даже принял предложение папы о посредничестве в переговорах с английским королем. Но вскоре обнаружилось, что папа, в роли третейского судьи, поддерживает английского короля. Вражда возобновилась, и борьба Филиппа с Бонифацием обострилась до крайности. В 1301 г. папский легат, французский епископ, говорил с королем так дерзко, что тот велел его арестовать, не обращая внимания на требование папы передать это дело ему на суд. Папа с негодованием писал королю: «Бойся Бога и сохраняй Его заповеди. Желаем, чтобы ты знал, что в духовных и временных делах ты починен нам... Думающих иначе мы считаем еретиками». В другом

письме он предлагал Филиппу с французским духовенством прибыть в Рим, или прислать уполномоченных для объяснений по этим делам. Филипп сжег оба письма и так ответил папе: «Да знает твоя величайшая глупость, что во временных делах мы не подчиняемся никому... Думающих иначе мы считаем безумными». Филипп созвал в 1302 г. депутатов всех сословий, которые высказались, как и король, против папы и торжественно заявили, что король получил корону непосредственно от Бога, а не от папы. С этим согласилось и французское духовенство. Бонифаций ответил на это собором в Риме, осудившем действия французов и буллой «унам санктам» (начальные слова), в которой с полной определенностью развил систему Григория VII. Он говорил: «Христос вручил церкви два меча, символ двух властей – духовной и светской. И та, и другая власть установлены в пользу церкви. Духовная власть находится в руках папы, а светская – в руках королей. Духовная выше светской, как душа выше тела. Поэтому, как тело находится в подчинении у души, так и светская власть должна находиться в подчинении у духовной. Только при этом условии светская власть может с пользой служить церкви. В случае злоупотреблений светской власти она должна быть судима властью духовной. Духовная же власть никем не судится. Отделять светскую власть от духовной и признавать ее самостоятельной, значит вводить дуалистическую ересь – манихейство. Напротив, признавать за папой всю полноту духовной и светской власти, значит признать необходимый догмат веры».

На эту буллу Филипп отвечал новым собранием представителей государств, на которое юрист Вильгельм Ногаре обвинил папу в разных преступлениях и предложил уполномочить короля арестовать его для суда. Бонифаций не выдержал более; в 1303 г. он проклял Филиппа, наложил на Францию интердикт и отрешил все французское духовенство. Филипп собрал третье собрание. Здесь его ловкие юристы обвинили Бонифация в симонии и других преступлениях, даже не существовавших, напр., в волшебстве, вследствие чего было решено немедленно созвать вселенский собор в Лионе для суда над папой и для оправдания короля. Между тем Вильгельму Ногаре было поручено арестовать Бонифация и представить на собор. Ногаре отправился в Италию; к нему присоединился еще один давний враг папы, кардинал из рода Колонна, изгнанный Бонифацием при вступлении на папство. Посланные нашли папу в городке Ананьи, Чтобы обезоружить своих врагов, он встретил их, сидя на престоле и в полном папском облачении. Но те, не обратив на это внимания, арестовали папу и в его же доме и так грубо и жестоко обращались с ним, что он,

освобожденный через три месяца жителями Ананьи, по возвращении в Рим, сошел с ума и вскоре умер (1303 г.).

Преемник Бонифация Бенедикт XI, сознававший, что его предшественник действовал слишком круто, старался примириться с Францией; но он через восемь месяцев умер (1304 г.). При выборе нового папы кардиналы разделились, – стоявшие за французские интересы желали видеть на престоле француза, преданные же интересам Бонифациева папства – итальянца. Наконец, французская партия взяла перевес. Папой был выбран архиепископ бордосский Бертран, принявший имя Климента V (1305–14). Филипп Красивый, имевший влияние на выбор, взял с нового папы клятву отменить все распоряжения Бонифация относительно него, осудить Бонифация и уничтожить орден тамплиеров. Опасаясь встретить неприятности в Риме за свою уступчивость Франции, Климент решил остаться навсегда во Франции, вызвал туда кардиналов и в 1309 г. утвердил свое местопребывание в Авиньоне. Здесь папы находились до 1377 г., и это почти семидесятилетнее пребывание их в Авиньоне известно в истории под названием авиньонского пленения пап. Авиньонские папы, начиная с Климента V, попали в полную зависимость от французских королей и действовали под их влиянием. В то же время они вели жизнь, недостойную звания верховных первосвященников, чем еще больше ослаблялось их влияние. При всем том, авиньонские папы стремились играть роль всемирных повелителей, если не во Франции, то в других государствах. Но это им не удавалось.

Сознание независимости светской власти от духовной созрело уже повсюду. Вслед за Францией выступила с протестами против папских притязаний Германия. Напрасно папы посылали туда отлучения и интердикты, – на них никто не обращал внимания. В 1338 г. германский император Людовик Баварский, герцоги и курфюрсты решились даже торжественным актом засвидетельствовать независимость светской власти от духовной. Заявив, что папские притязания на распоряжение императорской короной незаконны, они решили в будущем при избрании императора обходиться без папского утверждения. То же самое было проведено в «золотой булле» (1356 г.) императора Карла IV. Англия, находившаяся со времен Иоанна Безземельного в полном порабощении пап, во время авиньонского пленения пап, также освободилась от их влияния. При Эдуарде III (1327–77) была прекращена ленная подать папам и отменена апелляция в Рим. Даже в Италии власть пап значительно упала. Только в церковной области папу признавали повелителем формально, а на самом деле ни он, ни его заместники и легаты не имели

никакого влияния на управление. Ревнители папства опасались за полное уничтожение папской власти в Италии, если папы будут оставаться в Авиньоне, и потому приглашали их возвратиться в Рим. Это понимали и сами папы. Григорий XI (1370–78), запасшийся наемными войсками для своего водворения в церковной области, перенес, наконец, свою резиденцию в Рим (1377 г.). Здесь он и умер (1378 г.).

Со смертью Григория XI в Римской церкви начался так называемый **великий раскол**. В папской курии большинство кардиналов составляли французы, приехавшие из Авиньона. Они настаивали на избрании папой француза, но римский народ требовал, чтобы папой был римлянин. Выбран был, наконец, итальянец Урбан VI (1379–89), человек крутого и даже жестокого нрава. Новый папа начал свое правление исправлением нравов клира; коснулся и кардиналов. Оскорбленные этим французские кардиналы, захватив папские драгоценности, покинули Рим, объявили избрание Урбана недействительным и выбрали своего папу Климента VII (1379–94), который вскоре поселился в Авиньоне. Климента признали Франция, Неаполь и Испания, Урбана – остальные государства. Таким образом, в Римской церкви появилось двоевластие.

Попытки ограничения папской власти

С наступлением великого раскола, западный мир, привыкший смотреть на папу как на единственного главу церкви, очень смутился происшедшим. Папы же, как римские, так и авиньонские еще больше увеличивали смущение своими интригами, взаимными проклятиями и распущенной жизнью. Церковная дисциплина упала. Стали усиливаться церковные злоупотребления, особенно симония. Вера в необходимость видимой главы церкви на западе поколебалась. Начались выступления против главенства папы в церкви. Высказывались мысли, что Вселенский собор выше папы и может судить его и что только при посредстве Вселенского собора можно достигнуть прекращения раскола и уничтожения церковных злоупотреблений. После некоторых переговоров западные государства согласились принять решительные меры для прекращения раскола.

В 1397 г. на сейме во Франкфурте представители государств решили пригласить обоих пап добровольно отказаться от своего сана. Но их согласия на это не последовало. Тогда римские и французские кардиналы, раздосадованные действиями своих пап, пришли к соглашению о созыве собора. Собор от имени двух коллегий был собран в 1409 г. в Пизе. В то же время и папы собрали свои соборы, на которых отрицалась законность Пизанского собора. На соборе в Пизе, кроме кардиналов, епископов и аббатов, присутствовало много магистров богословия и канонического права. Франция и Англия прислали своих уполномоченных. Но собор, стремившийся прекратить двоевластие, не достиг цели из-за совершенных ошибок. Собор постановил, что папы могут быть судимы собором, и потребовал вызвать обоих пап на суд. Когда оба папы не явились, собор объявил их низложенными. Потом был поднят вопрос о преобразовании церкви **во главе и членах**. Но кардиналы постарались убедить собор выбрать нового папу до этих реформ, а потом, под руководством нового папы, произвести реформы. Папой же был избран Александр V. В этом и заключалась главная ошибка собора. Александр, ссылаясь на то, что для реформ необходимы подготовительные работы, распустил собор, с обещанием созвать его через три года. В итоге – Римская церковь, в добавление к двум папам, получила еще и третьего. Каждый из них считал себя законным и был также признан в том или ином государстве. Александр V умер в 1410 г. Говорили, что его отравил кардинал Валтасар Косса, занявший после него папский престол под именем Иоанна XXIII.

Этот папа, после настойчивых требований со всех сторон, в особенности германского императора Сигизмунда, согласился созвать всеобщий собор, который продолжался с ноября 1414 г. по май 1418 в г. Констанце.

Фактически одновременно правили при папы: В Риме Григорий XII (с 1406 г.), признаваемый в средней и южной Италии, в Авиньоне с 1394 г. Венедикт XIII, признаваемый во Франции и Испании; в Болонье – Иоанн XXIII, признаваемый в северной Италии, Швейцарии и Германии. Не нашли лучшего средства, как объявить низложенными всех трех и избрать (11 ноября 1417 г). Мартина V, который и закрыл собор с обещанием созвать новый через пять лет.

Представителям государств удалось на соборе заставить папу только заключить отдельные конкордаты с каждым государством относительно устранения некоторых церковных недостатков. Мартин убедил собор отложить главные преобразования до нового собора. Собор был закрыт в 1419 г. В правление Мартина умерли остальные папы, и раскол прекратился. О преобразованиях он не заботился и только назначил в 1431 г. собор в Базеле, но в том же году умер.

Преемник Мартина, Евгений IV (1431–47) должен был открыть Базельский собор, так как приглашенные Мартином на собор лица собрались уже в 1431 г. в Базель. Новый папа отправил туда своего кардинала, под председательством которого и открылся собор. Евгений рассчитывал, что собор будет действовать полностью по его указаниям. Но оказалось не так; Базельский собор сразу же, а именно по делу гуситов, заявил намерение действовать самостоятельно. Вследствие этого папа объявил собор закрытым. Но базельские отцы не хотели этого признать. Подтвердив прежнее положение, что всеобщий собор выше папы, они потребовали Евгения на суд и, в случае отказа, угрожали ему низложением. После некоторого сопротивления, папа, вынужденный обстоятельствами, должен был в 1433 г., отменить распоряжение о закрытии собора. Но мир был непродолжителен. Базельский собор взялся за церковные реформы, и прежде всего провел постановления против неограниченной власти папы. Евгений, конечно, не хотел согласиться с этим. Началась полемика. Базельские отцы утверждали, что собор выше папы, и поэтому он должен повиноваться собору, а папа говорил, что собор полностью зависит от папы и его постановления получают силу закона, когда они утверждены папой. Чтобы покончить с опасными реформаторскими стремлениями базельцев, Евгений в 1437 г. решился перенести собор в Италию. В это время шли переговоры между папой и

греческим правительством о назначении собора для обсуждения вопроса о соединении церквей. Евгений настоял, чтобы этот собор был открыт в Италии и предложил базельским отцам переехать сюда же. Базельцы отказались.

Евгений все-таки объявил Базельский собор закрытым и в 1438 г. назначил новый собор в Ферраре, который затем был перенесен во Флоренцию. Несмотря на это, собор в Базеле продолжал свои заседания и немедленно, после открытия собора во Ферраре, объявил папу Евгения низложенным. Евгений за это отлучил всех базельских отцов от Церкви. После этого базельский собор стал понемногу сокращаться; многие из епископов оставили его и даже перешли на сторону папы. Но оставшиеся, ничем не смущаясь, на место Евгения выбрали нового папу Феликса V. Но папский раскол был всем памятен, поэтому избрание нового папы было встречено с неудовольствием. Только немногие германские курфюрсты признали Феликса. Все-таки Базельский собор, продолжавшийся с перерывами и в разных городах до 1449 г., значительно ослабил папскую власть. Его реформы были приняты во Франции и Германии и здесь, на их основании, духовенство и церкви были в более независимом положении от папы. Во Франции в 1438 г. появилась так называемая прагматическая санкция, а в Германии в 1448 г. – венский конкордат, которыми определялись отношения французской и германской церквей к папе.

Евгений IV, покончив дело с греками, все свои стремления направил к тому, чтобы уничтожить последствия Базельского собора. Того же домогались и его преемники. Но папский деспотизм был всем известен, и потому домогательства пап властвовать неограниченно над всеми церквями были малоуспешными. Что касается влияния пап на политические дела западных государств, то об этом в 15 в. папы уже не хлопотали. Они понимали, что время идей Гильдебрандта прошло. Только в Италии, главным образом в церковной области, папство могло еще пользоваться светской властью. На упрочение этой власти преемники Евгения IV до реформации и обратили свое внимание. Они хотели свою церковную область сделать настоящим государством, а себя государями. Следствием этой политики было то, что папство, более чем когда-либо, приняло светский характер. Таким образом, верховные первосвященники и «наместники Христа» превратились в хитрых политиков, интриганов, воинов, роскошных и безнравственных тиранов и т.п. Так, например, Лев X (1513–21), при котором началась реформация, был не больше, чем сластолюбивым и роскошным светским владельцем. Искусства и науки, которым он покровительствовал, доставляли ему утонченные

наслаждения. Религия и церковь при этом папе были совсем забыты. Сам папа относился скептически к христианству, а его приближенные даже открыто высказывали свое неверие и смеялись над всем святым.

Западное монашество в 10–11 веках. Монашеские ордена

На западе, еще в 10-ом веке, – против нравственной распущенности, охватившей все классы общества и даже монашество, были предприняты попытки восстановить строгий древний монашеский образ жизни. Появилась **клюнийская конгрегация**, которая и восстановила устав, завещанный Бенедиктом Нурсийским. Но и эта конгрегация не много сделала для возвышения нравственности. Распущенность царила всюду в 11 и последующих веках, как среди мирян и духовенства, так и среди монашества. Монастырская дисциплина ослабела даже в клюнийских монастырях. Поэтому продолжались попытки при помощи монашеского образа жизни осуществить идеалы истинно христианской жизни. Люди с благочестивой настроенностью оставляют мирскую жизнь, собирают вокруг себя приверженцев и основывают новые монашеские общества, или так называемые, **ордена**, с теми или иными правилами жизни и обетами, которые составляют отличительный признак принадлежности к ордену. Папы покровительствовали всем новосозданным орденам, так как находили в них опору для своей власти. Из монашеских орденов, появившихся в западной церкви в 11–15 веках, наиболее замечательны следующие.

«Систерсийский или бернардинский орден»

Он был основан в 1098 г. дворянином из Шампани, Робертом, который еще в молодости поступил в один из бенедиктинских монастырей, но так как тамошняя жизнь не соответствовала его стремлениям к подвижничеству, то он с несколькими товарищами удалился в пустынное место, Сито, близ Дижона, и основал здесь свой монастырь. Из этого монастыря и образовался систерсийский орден. Правила были заимствованы Робертом из древнего бенедиктинского устава. Это – полное удаление от мира, отречение от всякой роскоши и удобств жизни, и строгоподвижническая жизнь. Папа Пасхалий II (1099–1118) утвердил этот орден. Но из-за слишком строгих правил первое время в нем было немного членов. Этот орден этот начал увеличиваться только тогда, когда в него вступил (1113 г.) знаменитый Бернад Клервосский (по имени монастыря Клерво, где он был настоятелем). Строгостью своей жизни и убедительным даром красноречия Бернад приобрел такое уважение современников, что еще при жизни считался святым и его влиянию подчинялся не только народ, но и папы, и князья. Уважение было перенесено и на его орден, который быстро начал расти. После смерти Бернарда (1153 г.) его орден, уже как бернардинский, распространился по всей Европе, – во Франции, Италии, Испании, Германии, Англии, Дании и проч. Орден приобрел большие богатства, что неминуемо повело за собой ослабление монастырской дисциплины, и бернардинские монастыри стали в уровень с другими западными монастырями.

«Орден кармелитов»

Этот орден был основан в Палестине крестоносцем из Калабрии, Бертольдом, который с несколькими друзьями в середине 12 в. поселился на горе Кармил и проводил здесь жизнь по образу древних восточных подвижников. В начале 13 в. латинский иерусалимский патриарх дал пустынноикам Кармила, кармелитам, устав. В 1238 г. кармелиты, после падения владычества крестоносцев на востоке, переселились на запад. Так как здесь подвижничество прививалось туго, то кармелиты, с разрешения папы, оставили свой палестинский устав и приняли устав одного из нищенских орденов – францисканского. Впоследствии, в 16-м веке, орден кармелитов прославился особенно в своей женской половине, при аббатисе кармелиток Терезии.

«Францисканский орден»

Основателем его был Франциск (род. 1182 г.), сын купца в г. Ассизи. Это был человек с нежным любящим сердцем, стремившийся с самых ранних лет посвятить себя служению Богу и обществу. Слова Евангелия о посольстве Апостолов на проповедь без золота и серебра, без посоха и сумы, определили его призвание: Франциск, приняв обет совершенного нищенства, сделался в 1208 г. странствующим проповедником покаяния и любви ко Христу. Вскоре вокруг него собралось несколько учеников, с которыми он и образовал орден меньших братьев или миноритов (их первоначальное наименование). Главными их обетами были – совершенная апостольская нищета, целомудрие, смирение и послушание. Главным занятием – проповедь о покаянии и любви ко Христу. Таким образом, этот орден взял задачу помогать церкви в спасении душ человеческих. Папа Иннокентий III, к которому явился Франциск, хотя не утвердил его ордена, но позволил ему и его товарищам заниматься проповедью и миссионерством (1209 г.). В 1223 г. орден был утвержден буллой папы Гонория III, причем они получили право всюду проповедовать и совершать исповедь. Вместе с тем образовалась и женская половина ордена. Девица Клара из Ассизи в 1212 г. собрала вокруг себя несколько благочестивых женщин и основала орден клариссинок, которому в 1224 г. Франциск дал устав. После смерти Франциска (1226 г.) его орден распространился уже по всем странам западной Европы и насчитывал в своих рядах тысячи монахов.

«Доминиканский орден»

Он был основан в одно время с францисканским, испанским священником и каноником, Домиником (род. 1170 г.). В конце 12 и начале 13 веков в Римской церкви появилось много еретиков, которые обосновались в южной Франции и наводили здесь большую смуту. Доминик, проезжая через южную Францию, познакомился с ее еретическим населением и решился для их обращения основать орден. Папа Иннокентий III дал ему разрешение (1215 г.), а Гонорий III утвердил устав ордена. Главным его занятием должно было быть обращение еретиков, но Гонорий предоставил ордену право проповедничества и совершения исповеди. От занятия проповедью, он получил название ордена братьев-проповедников, потом же в честь основателя стал называться доминиканским. В 1220 г. Доминик сделал существенное изменение в уставе, и по примеру францисканцев, присоединил к обетам братии – нищенство. Различие с францисканцами составляло то, что для обращения еретиков и утверждения католичества, доминиканский орден принял ученое направление и действовал как орден ученых, в среде высших сословий. После смерти Доминика в 1221 г. его орден распространился по всей западной Европе.

Ни один монашеский орден (за исключением впоследствии иезуитов), не приобрел в Римской церкви такого важного значения, как нищенские ордена – францисканский и доминиканский. Причина заключалась в особом их характере деятельности. Монахи других орденов, согласно своим обетам, проводили жизнь вдали от общества и заботились только о своем спасении. Они не могли участвовать в церковных делах, папы даже запретили им заниматься пастырской деятельностью. Напротив, нищенские ордена были предназначены своими основателями для деятельности в обществе в интересах церкви, а папы еще облегчали им выполнение их предназначения, предоставив право широкой пастырской деятельности. Таким образом, францисканцы и доминиканцы заняли место в среде церковной иерархии или, лучше сказать, составили особую иерархию, находящуюся в непосредственном распоряжении папского престола. Благодаря такому положению нищенствующие монахи на первых порах принимают живое участие во всех видах духовной деятельности. Они являются миссионерами, проповедниками, духовниками, учеными богословами и философами, профессорами университетов, советниками и агентами пап и т.п. Кроме того,

доминиканцы в 1232 г., когда **инквизиция** была предоставлена их ордену, являются вроде судей над еретиками и вообще противниками веры и церкви. В то же время нищенские ордена были в то время представителями благочестивой жизни. Все это упрочило их важное значение в церкви. К сожалению, эти ордена, вследствие тесной связи с папством и служения его интересам, мало-помалу отошли от своего назначения – содействовать спасению человеческих душ. Всю свою деятельность и влияние они стали употреблять исключительно для утверждения папской власти. При этом был забыт их основной обет – апостольская нищета, и их строгая дисциплина сменилась, особенно в 15 веке, распушенностью.

Из остальных монашеских орденов Римской церкви 11–15 веков следует упомянуть разве об **августинском ордене**, появившемся в середине 13 века и получившем привилегии нищенского ордена. К этому ордену принадлежал впоследствии Лютер.

Духовно-рыцарские ордена

Кроме монашеских орденов, в строгом значении этого слова, в западной церкви в средние века появились еще ордена полумонашеские-полумирские. Это так называемые духовно-рыцарские ордена. Это было выражением общего направления западной средневековой жизни, когда церковь привлекала к служению себе все классы общества, в том числе и рыцарства. Непосредственным поводом к появлению этих орденов были крестовые походы.

Первыми духовно-рыцарскими орденами были иоанниты и тамплиеры. Еще задолго до первого крестового похода граждане Амальфы основали (1048 г.) в Иерусалиме странноприимницу Св. Иоанна Крестителя, для призрения бедных и больных пилигримов. При ней было устроено и братство. В 1099 г., когда в Иерусалиме крестоносцы основали христианское королевство, члены этого братства приняли монашеский устав и стали называться братьями странноприимницы св. Иоанна Крестителя, или просто **иоаннитами**. Их главную обязанность составляли гостеприимство и уход за больными. В 1118 г. к ним присоединилась обязанность защищать оружием пилигримов. Эта обязанность вскоре сделалась главной, и иоанниты исключительно посвятили себя борьбе с неверными. Образовался, таким образом, духовно-рыцарский орден. Папа Иннокентий III утвердил его. Иоанниты разделялись на три класса: рыцарей, священников и служебных братьев; во главе же ордена стоял гроссмейстер. Учреждение ордена со специальной целью вести борьбу с неверными было встречено в Европе с сочувствием и в пользу иоаннитов стали делать большие пожертвования, так что они вскоре сделались богатыми собственниками почти во всех христианских странах. Но вместе с тем они ушли от прежней строгости нравов. После завоевания Иерусалима Саладином (1187 г.) иоанниты переселились в Птолемаиду, а отсюда на остров Кипр, затем на остров Родос (1309 г.), почему стали и называться **родосскими** рыцарями. В 1522 г. турки отняли у них Родос, и с тех пор родосцы скитались по Европе, пока Карл V не отдал им в лен остров Мальту (1530 г.). Отсюда они стали называться **мальтийцами**.

Одновременно в Иерусалиме был основан и орден **тамплиеров**. Девять французских рыцарей под начальством Гугона де Пайена объединились в общество и, кроме монашеских обетов, приняли на себя еще обет защищать пилигримов и вести борьбу с неверными. Иерусалимский король Балдуин II, находя такое общество полезным для

своего государства, подарил рыцарям для жительства часть своего дворца, построенного на месте храма Соломона или вблизи его. Отсюда они получили название тамплиеров (храмовников). Папа Гонорий II утвердил (1128 г.) общество тамплиеров как духовно-рыцарский орден. И этот орден встретил сочувствие на западе, и к нему также, как и к иоаннитам, стали стекаться большие богатства. Устройство обоих орденов было одинаково. После завоевания Иерусалима, а потом Птолемаиды, тамплиеры переселились на о. Кипр, а потом вскоре перешли в западную Европу и проживали в своих богатых поместьях. Центром для них был Париж. Король Филипп Красивый, опасаясь замыслов рыцарей против государства и желая отнять у них громадные богатства, начал с 1307 г. возводить на них страшные обвинения. Затем он конфисковал орденское имущество и направил против рыцарей инквизицию. Папа Климент V, проживавший в то время в Авиньоне и находившийся в полной зависимости от Филиппа, был вынужден содействовать уничтожению ордена. В 1312 г. папской буллой орден тамплиеров был объявлен еретическим и уничтожен. Для обвинения королем Филиппом IV тамплиеров были немалые основания.

Подобные же ордена и с подобными названиями стали появляться и в Европе. Так, в 1202 г. был основан орден **меченосцев** в Лифляндии.

Богослужebные новшества в Римо-католической церкви

Римская церковь продолжала свои отступления от порядков богослужения. Таинство Крещения стало совершаться через обливание или окропление, а не через погружение. Это применялось еще в некоторых местах в 8 веке, но окончательно установлено на западе не ранее 12 века. Этим Римская церковь узаконила практику, допускавшуюся только в исключительных случаях (крещение больных, заключенных) и отступила от общей церковной практики. В таинстве Евхаристии Римская церковь стала употреблять вместо дробящегося хлеба не раздробляемый (остия). Она поступила вопреки установлению этого таинства Спасителем и практике Вселенской Церкви. До 12 века на западе так же, как и на востоке, причащались **под обоими видами**, Тела и Крови Христовой. В 12 веке Римская церковь ввела причащение мирян **под одним видом**, т.е. только Тела Христова, предоставив причащение под обоими видами исключительно иерархии. Это нововведение она оправдывала заботливостью о том, как бы при многочисленном стечении народа не пролить Св. Крови. В доказательство же правильности новой практики схоластические богословы говорили, что Тело Христово содержит в себе присутствие Крови. Действительная же причина устранения мирян была та, чтобы возвысить иерархию над мирянами. В виде особой милости папы позволяли некоторым мирянам, например, королям причащаться и Кровью. За устранением мирян от причащения Кровью последовало совершенное устранение от причащения младенцев.

Римская церковь ввела у себя несколько праздников, которые не знает Вселенская Церковь. Так, в 13 веке был установлен праздник Тела Христова для прославления чуда явления Господа в освященном Хлебе. Поводом к установлению этого праздника было то, что одна монахиня во время молитвы видела луну, на которой была впадина. Она сказала, что ей было открыто в сновидении, что в кругу праздников не достает праздника в честь Тела Христова. Сначала этот праздник был установлен в Льеже, в Бельгии, а при папе Урбане IV (1264 г.) во всей Римской церкви. Он празднуется в четверг после Троицы. Другой праздник, – Непорочного зачатия Пресвятой Девы, – установлен в 12-м веке, когда на Западе стало развиваться ложное учение о непорочном зачатии. Лионские каноники начали праздновать 8-е декабря с 1140 г. В 13 веке францисканцы тоже ввели этот праздник в своих церквах, а в 14 и 15 веках он сделался

всеобщим в Римской церкви.

В описываемую эпоху латинское богослужение стало терять религиозно-нравственный характер и заключилось почти в одних только обрядовых формах. Старались воздействовать на внешние чувства. Вместо икон стали делать статуи со светскими украшениями. Живописные иконы напоминали также светские картины. Религиозные процессии и церемонии заключали в себе много театрального. Богослужебная музыка получила светский характер.

Религиозная жизнь в римо-католической церкви

В нравственно-религиозной жизни Римской церкви 11–15 веков мы видим почти одни только мрачные стороны, а светлые в ней теряются среди мрачных. По отзывам писателей и соборов описываемого времени, как иерархия Римской церкви, так и все классы общества всех стран западной Европы были поражены страшными пороками. Грубое буйство, жестокости и насилия всякого рода, властолюбие, деспотизм, корыстолюбие, грабительство, нравственное растление и тому подобные пороки и преступления были обычным явлением в жизни западных христиан. Казалось, что Запад не хотел знать никаких нравственных законов в своей жизни и деятельности.

При обозрении истории папства, на первый взгляд представляется, что папы с середины 11 и до конца 13 века были или старались быть представителями строгой нравственной жизни. Но на самом деле этого не было. Папы этого времени были в большинстве свободны от обыкновенных житейских пороков. Перед судом же чистого евангельского нравственного учения все они, не исключая и таких деятелей, как Григорий VII (признанный в Римской церкви святым), и Иннокентий III, – являются людьми далеко не безупречной нравственности. Ненасытное властолюбие, особенно неизвинительное в наместниках св. Петра, было главным пороком всех пап. Остальные их пороки и даже преступления являются результатом этого порока. Преследуя свои властолюбивые цели, папы не стеснялись в средствах; смотря по обстоятельствам, они пускали в ход или коварство и интриги, или насилия и жестокости. Все отношения пап к светским владетелям, городам, народу строились исключительно на обмане и интригах. Стоит только вспомнить, с каким коварством и ожесточением папы вели борьбу с императорами из дома Гогенштауфенов и с каким злорадством они встретили погибель этой благородной фамилии.

Если же от пап 11–13 веков мы обратимся к папам веков 14 и 15, то увидим такую глубокую испорченность в наместниках ап. Петра, какую трудно встретить в обыкновенных людях. В начале 14-го века папство, с переселением в Авиньон, сделалось образцом безнравственности. Петрарка, свидетель их жизни и всех мерзостей, совершавшихся при их дворе, называет Авиньон третьим Вавилоном. Роскошь, нравственная распущенность, симония, презрение ко всему священному – составляли принадлежность почти всех авиньонских пап. Не лучше были папы и во

время раскола. Грязные перебранки пап Римских и Авиньонских и усилия Пизанского и Констанского соборов положить конец папским злоупотреблениям подтверждают это. Симония же во время раскола дошла до таких размеров, что дальше уже некуда было идти.

За папами по пути безнравственности следовали папский двор, епископы и клирики низших степеней. Папский двор, так называемая курия, отличался таким же нечестием, как и сами папы. Продажничество существовало даже после времен Григория VII, стремившегося уничтожить его. Курия все делала за деньги. С поставляемых епископов брали за все: за лист бумаги, чернила и перо. Спорные дела решались курией в пользу того, кто больше давал денег. Легаты, отправлявшиеся в разные страны по поручениям пап, при исполнении своих миссий, наживались всевозможными способами. Бернард Клервосский (12 в.) рассказывает с удивлением об одном легате, который возвратился из своего посольства совершенно без денег. Образ жизни, поведение сановников папского двора были светские. Преследование мирских интересов и светскость составляли вообще отличительную черту всей западной иерархии. Епископы смотрели на свои должности, как на оброчные статьи, как на источник доходов для удобной и роскошной жизни; пастырские же обязанности они считали делом второстепенным и даже излишним. Один реймский архиепископ, Манассия, (11 в.) откровенно высказывал, что его архиепископство составляло бы нечто хорошее, если бы только для получения доходов можно было не служить мессу. Желание его сбылось со временем, когда после уничтожения владений крестоносцев на востоке, в церкви появилось много епископов без мест, поставляемых для восточных епархий. Эти епископы нанимались служить у епископов, управлявших епархиями. Последним после этого, действительно, оставалось только получать доходы и жить в свое удовольствие. Симония и нравственная распущенность были также главными пороками епископов, как и пап. Клирики низших степеней были не лучше своих иерархов.

Папа Григорий VII, с целью возвышения нравственности духовенства, окончательно ввел безбрачие для клира и вообще запрещал всем клирикам вступать в связи с женщинами. Но утверждение безбрачия не только не возвысило нравственность духовенства, а привело его еще к большей распущенности. Клирики не вступали в законные браки, зато имели незаконные связи, которые до такой степени вошли в обычай, что получили даже силу законности. Так называемый **конкубинат** был признан нормальным явлением как правительством, так и обществом.

Епископы нисколько не заботились об искоренении нравственной порчи в духовенстве. Правда, иногда случалось, что епископы привлекали клириков к ответственности за распущенную жизнь, но это делалось ими для того, чтобы получить с них побольше денег. Вместе с тем клирики вели роскошную жизнь: пользуясь хорошими доходами, они носили щегольское платье, имели хороший стол, заводили дорогих лошадей и пр. По своему образованию клирики стояли на низшей ступени. Они знали латинский язык богослужений и сочинений не намного лучше, чем арабский – по отзыву средневекового писателя. Своими пастырскими обязанностями они совершенно пренебрегали. В большинстве случаев они даже лично не проходили своего служения; нищенствующие монахи за условленную плату исполняли за них их обязанности. «Какое зрелище! – восклицают писатели того времени, – представлял для христианина тогдашний христианский мир: церковь опустела, пастыри оставили свои паствы и вверили их наемникам». Ко всему этому нужно еще прибавить, что в среде духовенства, по крайней мере, итальянского, в конце 15 века распространилось антирелигиозное направление.

В нравственно-религиозной жизни мирян было также много недостатков. Нравы средневекового общества отличались поразительной грубостью. Дух христианства, которое давно уже распространилось на западе, еще не проник в народную жизнь. Кулачное право, считавшееся законной привилегией свободных людей, существовало еще и теперь; сильный безнаказанно теснил слабого вопреки всем законам нравственности и справедливости. Прославленное рыцарство, в сущности, было не более, чем выражение грубой физической силы. Дикая страсть к войне и военным подвигам, совершенно противная христианским понятиям, считалась главным достоинством рыцаря. Кроме того, рыцарство вскоре после своего появления приняло характер разбойничьего учреждения. Вообще, воинственный дух был отличительной чертой средневекового общества, и многочисленные войны этой эпохи велись с варварским ожесточением, так что более походили на разбойничьи набеги. Грязная чувственность соседствовала с грубостью нравов. Церковное освящение брака на западе вошло в силу только в конце средних веков, а до тех пор венчание не считалось необходимостью. Впрочем, мало уважались и церковные браки, нередко было их произвольное расторжение.

При такой нравственной распущенности западного общества трудно ожидать, чтобы оно обладало истинно религиозными познаниями, и невежество в народных массах было полное. Церковная жизнь на западе

сложилась таким образом, что у народа были отняты все средства к религиозному образованию. Пастыри-учители не учили своих пасомых, проповедей почти совсем не было; чтение св. Писания было мирянам запрещено, богослужение на латинском языке было непонятно и потому не могло содействовать религиозному воспитанию народа; литература составляла достояние немногих избранных. Следствием этого невежества в западном обществе господствовали суеверия. Они поражают своим обилием. Астрология, некромантия, магия, алхимия, кабалистика, колдовство были в большом ходу. Подобные суеверия особенно распространились во время крестовых походов, когда запад познакомился с востоком, колыбелью всех суеверий. Астрологи при дворах королей играли такую же роль, как и при дворе византийских императоров того времени. Даже ученые, вроде Фомы Аквинского, не сомневались в истинности астрологических и магических бредней и позволяли себе писать о них в своих сочинениях. Особенно верили в колдовство. Ловкие обманщики, пользуясь народным невежеством, выдавали себя за колдунов и колдуний, но часто случалось, что народ сам видел колдунов в людях, отличавшихся особенностями характера и жизни. Поэтому колдуны и ведьмы были везде, и было время, когда всех женщин подозревали в сношениях с дьяволом.

Даже иерархи верили в колдовство. Колдуны преследовались как еретики; известны процессы колдуний, оканчивающимися обыкновенно кострами. В 1481 г. папа Иннокентий VIII отправил в Германию двух легатов с целью отыскивать колдунов. Еще больше поражают религиозные суеверия в прямом смысле. После крестовых походов в Римской церкви появились такие «святыни» и в таком виде, что ими должно возмущаться разумное религиозное чувство. Крестоносцы приносили из св. Земли различные вещички, которые делались амулетами, и им приписывались сверхъестественная сила, распространились подложные святыни. Так, в Шартре показывали сорочку, волосы Пресвятой Девы Марии; нешвенный хитон Спасителя показывали в нескольких экземплярах в Трире, Антверпене, Риме, Бремене и других местах и т.п. Всем этим «святыням» полностью доверяли. Иерархия не заботилась об искоренении такого суеверия, но даже его и поддерживала. Уважение народа к святыням, ложным или действительным, было выгодно для нее в материальном отношении. Иерархи даже сами, в тех же корыстолюбивых целях, выдумывали чудеса и сказания о них распространяли в народе. Подложными чудесами и откровениями особенно прославились нищенствующие монахи – францисканцы и доминиканцы.

Ереси и секты на Западе

В нравственно-религиозной жизни Римской церкви 11–15 веков мы видим почти одни только мрачные стороны, а светлые в ней теряются среди мрачных. По отзывам писателей и соборов описываемого времени, как иерархия Римской церкви, так и все классы общества всех стран западной Европы были поражены страшными пороками. Грубое буйство, жестокости и насилия всякого рода, властолюбие, деспотизм, корыстолюбие, грабительство, нравственное растление и тому подобные пороки и преступления были обычным явлением в жизни западных христиан. Казалось, что Запад не хотел знать никаких нравственных законов в своей жизни и деятельности.

При обозрении истории папства, на первый взгляд представляется, что папы с середины 11 и до конца 13 века были или старались быть представителями строгой нравственной жизни. Но на самом деле этого не было. Папы этого времени были в большинстве свободны от обыкновенных житейских пороков. Перед судом же чистого евангельского нравственного учения все они, не исключая и таких деятелей, как Григорий VII (признанный в Римской церкви святым), и Иннокентий III, – являются людьми далеко не безупречной нравственности. Ненасытное властолюбие, особенно неизвинительное в наместниках св. Петра, было главным пороком всех пап. Остальные их пороки и даже преступления являются результатом этого порока. Преследуя свои властолюбивые цели, папы не стеснялись в средствах; смотря по обстоятельствам, они пускали в ход или коварство и интриги, или насилия и жестокости. Все отношения пап к светским владетелям, городам, народу строились исключительно на обмане и интригах. Стоит только вспомнить, с каким коварством и ожесточением папы вели борьбу с императорами из дома Гогенштауфенов и с каким злорадством они встретили погибель этой благородной фамилии.

Если же от пап 11–13 веков мы обратимся к папам веков 14 и 15, то увидим такую глубокую испорченность в наместниках ап. Петра, какую трудно встретить в обыкновенных людях. В начале 14-го века папство, с переселением в Авиньон, сделалось образцом безнравственности. Петрарка, свидетель их жизни и всех мерзостей, совершавшихся при их дворе, называет Авиньон третьим Вавилоном. Роскошь, нравственная распущенность, симония, презрение ко всему священному – составляли принадлежность почти всех авиньонских пап. Не лучше были папы и во

время раскола. Грязные перебранки пап Римских и Авиньонских и усилия Пизанского и Констанского соборов положить конец папским злоупотреблениям подтверждают это. Симония же во время раскола дошла до таких размеров, что дальше уже некуда было идти.

За папами по пути безнравственности следовали папский двор, епископы и клирики низших степеней. Папский двор, так называемая курия, отличался таким же нечестием, как и сами папы. Продажничество существовало даже после времен Григория VII, стремившегося уничтожить его. Курия все делала за деньги. С поставляемых епископов брали за все: за лист бумаги, чернила и перо. Спорные дела решались курией в пользу того, кто больше давал денег. Легаты, отправлявшиеся в разные страны по поручениям пап, при исполнении своих миссий, наживались всевозможными способами. Бернард Клервосский (12 в.) рассказывает с удивлением об одном легате, который возвратился из своего посольства совершенно без денег. Образ жизни, поведение сановников папского двора были светские. Преследование мирских интересов и светскость составляли вообще отличительную черту всей западной иерархии. Епископы смотрели на свои должности, как на оброчные статьи, как на источник доходов для удобной и роскошной жизни; пастырские же обязанности они считали делом второстепенным и даже излишним. Один реймский архиепископ, Манассия, (11 в.) откровенно высказывал, что его архиепископство составляло бы нечто хорошее, если бы только для получения доходов можно было не служить мессу. Желание его сбылось со временем, когда после уничтожения владений крестоносцев на востоке, в церкви появилось много епископов без мест, поставляемых для восточных епархий. Эти епископы нанимались служить у епископов, управлявших епархиями. Последним после этого, действительно, оставалось только получать доходы и жить в свое удовольствие. Симония и нравственная распущенность были также главными пороками епископов, как и пап. Клирики низших степеней были не лучше своих иерархов.

Папа Григорий VII, с целью возвышения нравственности духовенства, окончательно ввел безбрачие для клира и вообще запрещал всем клирикам вступать в связи с женщинами. Но утверждение безбрачия не только не возвысило нравственность духовенства, а привело его еще к большей распущенности. Клирики не вступали в законные браки, зато имели незаконные связи, которые до такой степени вошли в обычай, что получили даже силу законности. Так называемый **конкубинат** был признан нормальным явлением как правительством, так и обществом.

Епископы нисколько не заботились об искоренении нравственной порчи в духовенстве. Правда, иногда случалось, что епископы привлекали клириков к ответственности за распущенную жизнь, но это делалось ими для того, чтобы получить с них побольше денег. Вместе с тем клирики вели роскошную жизнь: пользуясь хорошими доходами, они носили щегольское платье, имели хороший стол, заводили дорогих лошадей и пр. По своему образованию клирики стояли на низшей ступени. Они знали латинский язык богослужений и сочинений не намного лучше, чем арабский – по отзыву средневекового писателя. Своими пастырскими обязанностями они совершенно пренебрегали. В большинстве случаев они даже лично не проходили своего служения; нищенствующие монахи за условленную плату исполняли за них их обязанности. «Какое зрелище! – восклицают писатели того времени, – представлял для христианина тогдашний христианский мир: церковь опустела, пастыри оставили свои паствы и вверили их наемникам». Ко всему этому нужно еще прибавить, что в среде духовенства, по крайней мере, итальянского, в конце 15 века распространилось антирелигиозное направление.

В нравственно-религиозной жизни мирян было также много недостатков. Нравы средневекового общества отличались поразительной грубостью. Дух христианства, которое давно уже распространилось на западе, еще не проник в народную жизнь. Кулачное право, считавшееся законной привилегией свободных людей, существовало еще и теперь; сильный безнаказанно теснил слабого вопреки всем законам нравственности и справедливости. Прославленное рыцарство, в сущности, было не более, чем выражение грубой физической силы. Дикая страсть к войне и военным подвигам, совершенно противная христианским понятиям, считалась главным достоинством рыцаря. Кроме того, рыцарство вскоре после своего появления приняло характер разбойничьего учреждения. Вообще, воинственный дух был отличительной чертой средневекового общества, и многочисленные войны этой эпохи велись с варварским ожесточением, так что более походили на разбойничьи набеги. Грязная чувственность соседствовала с грубостью нравов. Церковное освящение брака на западе вошло в силу только в конце средних веков, а до тех пор венчание не считалось необходимостью. Впрочем, мало уважались и церковные браки, нередко было их произвольное расторжение.

При такой нравственной распущенности западного общества трудно ожидать, чтобы оно обладало истинно религиозными познаниями, и невежество в народных массах было полное. Церковная жизнь на западе

сложилась таким образом, что у народа были отняты все средства к религиозному образованию. Пастыри-учители не учили своих пасомых, проповедей почти совсем не было; чтение св. Писания было мирянам запрещено, богослужение на латинском языке было непонятно и потому не могло содействовать религиозному воспитанию народа; литература составляла достояние немногих избранных. Следствием этого невежества в западном обществе господствовали суеверия. Они поражают своим обилием. Астрология, некромантия, магия, алхимия, кабалистика, колдовство были в большом ходу. Подобные суеверия особенно распространились во время крестовых походов, когда запад познакомился с востоком, колыбелью всех суеверий. Астрологи при дворах королей играли такую же роль, как и при дворе византийских императоров того времени. Даже ученые, вроде Фомы Аквинского, не сомневались в истинности астрологических и магических бредней и позволяли себе писать о них в своих сочинениях. Особенно верили в колдовство. Ловкие обманщики, пользуясь народным невежеством, выдавали себя за колдунов и колдуний, но часто случалось, что народ сам видел колдунов в людях, отличавшихся особенностями характера и жизни. Поэтому колдуны и ведьмы были везде, и было время, когда всех женщин подозревали в сношениях с дьяволом.

Даже иерархи верили в колдовство. Колдуны преследовались как еретики; известны процессы колдуний, оканчивающимися обыкновенно кострами. В 1481 г. папа Иннокентий VIII отправил в Германию двух легатов с целью отыскивать колдунов. Еще больше поражают религиозные суеверия в прямом смысле. После крестовых походов в Римской церкви появились такие «святыни» и в таком виде, что ими должно возмущаться разумное религиозное чувство. Крестоносцы приносили из св. Земли различные вещички, которые делались амулетами, и им приписывались сверхъестественная сила, распространились подложные святыни. Так, в Шартре показывали сорочку, волосы Пресвятой Девы Марии; нешвенный хитон Спасителя показывали в нескольких экземплярах в Трире, Антверпене, Риме, Бремене и других местах и т.п. Всем этим «святыням» полностью доверяли. Иерархия не заботилась об искоренении такого суеверия, но даже его и поддерживала. Уважение народа к святыням, ложным или действительным, было выгодно для нее в материальном отношении. Иерархи даже сами, в тех же корыстолюбивых целях, выдумывали чудеса и сказания о них распространяли в народе. Подложными чудесами и откровениями особенно прославились нищенствующие монахи – францисканцы и доминиканцы.

Богословские направления на Западе

В 9 и 10 веках на западе господствующим направлением в духовном просвещении было библейско-практическое. Весь богословский интерес заключался в изучении св. Писания по толкованиям древних учителей. Изучения догматов Церкви, помимо св. Писания, не было, а отсюда не было и богословской науки. Но в 11 и 12 веках на западе пробуждается любовь к занятиям отвлеченными богословскими вопросами и стремление свести все содержание церковного вероучения в научную систему. Такое стремление совпадает с политическим возвышением папства и церкви и распространением философии Платона и особенно Аристотеля. Результатом начавшегося умственного движения было появление на западе богословской науки, развившейся в форме двух направлений – в форме схоластики и мистики.

Сущность богословской науки, известной под именем **схоластики** (от слова школа, schola), заключалась в стремлении объединить между собой Откровение и философию, веру и знание. Значение Откровения и философии при этом объединении представлялось в таком виде. Откровение давало материал для богословия, философия – форму. Истины Откровения должны были всегда оставаться неприкосновенными; в этом и состоит характерная черта схоластики, что она не касалась сущности церковного вероучения, и все то, во что веровала Церковь (правильно или неправильно), принимала за абсолютную истину. Философия же (собственно диалектика) должна была обрабатывать, уяснять, доказывать и приводить в порядок материал, данный Откровением. Отсюда, как говорили в средние века, философия была прислугой богословия. Например: рассматривая церковное учение, что все люди согрешили в Адаме, или – что Бог сделался человеком, или – что Христос всегда присутствует в Евхаристии, – схоластика все это принимала за непреложные истины. Но при этом она задавалась исследованием вопросов, **как** могли все люди согрешить в Адаме, **почему** Бог сделался человеком, **как** Христос может всегда присутствовать в Евхаристии. При такой постановке вопросов был полный простор для диалектических умозаключений и всевозможных соображений разума. Здесь именно и было дело философии с ее диалектикой. И схоластические богословы, действительно, всегда отличались необыкновенной плодотворностью мыслей и самым утонченным диалектическим остроумием. Далее, делом философии было все отдельные пункты вероучения, рассмотренные pro и

contra, объясненные и доказанные со всех сторон, привести в одно целое и изложить в связи и последовательности, т.е. создать богословскую систему. Доказанные по началам разума пункты вероучения становилась не предметом **веры**, но **знания**. Таким образом, целью схоластики было возвести веру в степень знания. В своих стремлениях к достижению задач и целей схоластика сделала много хорошего, но также и много дурного. Главная заслуга схоластики состоит в том, что она своими исследованиями и доводами придала церковному вероучению ясность, точность и определенность и привела его в порядок и систему. Уродливые же стороны схоластики заключаются в следующем. В подтверждение богословских истин схоластики часто приводили пустые и мелочные доказательства, считая их важными; ставили множество нелепых и курьёзных вопросов и также нелепо их разрешали; упражнялись в диалектических спорах, ставя на первый план не сущность вероучения, а ловкость и изворотливость в доказательствах. Их богословские системы представляли сборники истин, изложенных в связи, но запутанных, не соответствующих делу бесконечными дроблениями и подразделениями. Словом, схоластические богословы обращали свое внимание исключительно на формальную сторону дела: для них важно было не само вероучение, а его постановка. Отсюда произошло, что схоластики возвели в степень догматов множество неправильных учений, существовавших в Римской церкви или только в зародыше, или в виде отдельных мнений. С течением времени, при полном господстве схоластики, все богословие Римской церкви заключилось в одну только форму, и догматы Церкви можно было принимать не иначе, как только в том виде, как их представляли схоластики. Живая деятельная вера, равно как и разумные исследования в области религии, но не подходящие под схоластические приемы, схоластикой полностью уничтожались.

Параллельно со схоластическим направлением в богословии шло **мистическое** (от слова закрывать глаза). Схоластическое направление стремилось к постижению церковного вероучения путем рассудка при посредстве логических умозаключений. Богословы мистического направления, наоборот, хотели постигать догмат чувством, путем внутреннего созерцания и углубления человека в самого себя. Мистика утверждала, что человек может познать Бога и все откровенное учение не через диалектические доказательства, а через возвышение духа к Богу в форме непосредственного созерцания. Находясь в состоянии созерцания и экстаза, человек ощущает в своей душе присутствие Божества, чувствует себя исполненным и просвещенным Им. В этом и заключается

непосредственное, внутреннее познание Бога. Оно есть слабая степень того познания, которое будет иметь место в будущей жизни. Чтобы достигнуть здесь, на земле, созерцания и познания Божества, говорили мистики, нужно пройти несколько ступеней самоусовершенствования. В сущности, они предлагали три ступени. Первая – это очищение, т.е. освобождение духа, при посредстве аскетизма, от уз чувственной природы. Вторая – освящение, т.е. внутренняя, чисто духовная жизнь, когда дух живет и действует, совершенно свободный от влияний чувственного мира. Третья – исполнение, т.е. осуществление в Боге, Который наполняет все существо человека. Исполненный присутствия Божества, человек находится в состоянии озарения и экстаза, который проявляется здесь, на земле, в действиях божественного характера (чудесах, пророчествах и проч.).

Схоластическое направление в западном богословии упрочил Ансельм, архиепископ Кентерберийский (ум. 1109 г.), а мистическое – известный Бернард Клервосский (ум. 1153 г.). В 13 веке схоластика, в лице доминиканца Фомы Аквинского (ум. 1274 г.), достигла полного своего развития. В 15 веке темные стороны схоластики, пустой формализм и казуистика, получили в ней преобладающее значение. На практике же схоластическое направление, со своими доказательствами за и против, оказалось вредным в нравственном отношении. Появились попытки при помощи казуистики оправдать преступления. Таким образом, схоластика сама себя истощила и в начале 16 го века совершенно исчезла, хотя следы ее в богословии остались на долгое время. Мистика в 15 веке приняла направление более практическое, выражавшееся проповедью об истинно-благочестивой жизни.

Наиболее выдающимся представителем практической мистики был Фома Кемпийский (ум. 1471 г.), оставивший сочинение «О подражании Христу», получившее всемирную известность и пользующееся до настоящего времени на западе всеобщим уважением.

Новые догматы в Римской церкви

В Римской церкви во время господства схоластики и при ее содействии появились новые догматы. Из них особенно выделяются – **учение о сверхдолжных заслугах святых, об индульгенциях и чистилище**. Все эти учения были следствием искажения схоластическими богословами идеи искупления.

Учение о **сверхдолжных заслугах святых** вышло из их пелагианского взгляда на состояние человека до, и после грехопадения, и из таких же взглядов на оправдание и спасение его. По их представлению, первобытная правда (*justitia originalis*) состояла исключительно в чрезвычайных дарах благодати (*dona supernaturalia*). Грехопадение привело только к отнятию этих даров; нравственные же силы человека остались теми же, что и до грехопадения, с теми же совершенствами и недостатками, какие изначала были сообщены его природе Творцом. Только – до падения эти недостатки не обнаруживались под воздействием благодатных даров, с отнятием же последних они стали обнаруживаться. Отсюда искупление, по воззрениям схоластиков, состояло только в возвращении человеку первобытной правды, то есть сверхъестественных даров благодати. Благодать, в силу заслуг Господа Иисуса Христа, и возвращается человеку. О восстановлении же нравственных сил человека у схоластиков нет речи, поскольку они не подверглись порче. У них и грехопадение и искупление представляется каким-то **юридическим** актом. Согрешил человек – отнята благодать; искуплен – благодать ему возвращена. В обоих случаях благодать придается ему внешним образом. Но Иисус Христос, продолжают латинские богословы, искупил людей только от первородного греха и от вечных мучений. За грехи же, совершенные после искупления, человек должен сам приносить удовлетворение (*satisfactio*) своими подвигами. Это для него возможно, так как он, вследствие неиспорченности нравственных сил, может сам лично делать много добрых дел. Святые имеют столько добрых дел, что не только покрывают свои грехи, но имеют еще в них **избыток**. Этот избыток в добрых делах и есть их **сверхдолжная заслуга**. В доказательство этого своего учения схоластики неправильно приводили заповеди Спасителя о жизни нравственно совершеннейшей, например, удаление от брака, добровольная нищета и проч. Найдя у святых сверхдолжные дела, схоластики называли это **сокровищницей сверхдолжных заслуг святых**.

Эта сокровищница сделалась основой для **индульгенций**.

Индульгенция есть не больше, как злоупотребление покаянной дисциплиной. В древней Вселенской Церкви было в обычае накладывать епитимию на кающихся. В Римской церкви, при всеобщей распущенности нравов в средние века, епитимии, например, посты, казались трудновыполнимыми. Услужливая иерархия стала делать послабления; она заменяла епитимии другими действиями, более легкими. Назначала, например, кающемуся посещать ту или другую церковь и тому подобное и за это прощала грехи. Но этого мало – согласно с юридическим строем западной церковной жизни, представилось возможным заменить епитимии взносами денег на доброе дело, на церковь или на бедных. Денежные епитимии были в обычае в 10-м веке. Таким образом, за деньги избегалась епитимия, делалось снисхождение, то есть индульгенция. За деньги можно было получить отпущение грехов. В конце 11 века начались крестовые походы. Подвиги крестоносцев, по взгляду латинян, равнялись выполнению всякого рода епитимий. Папы, бывшие главными заправителями крестовых походов, для привлечения большого числа людей, стали за эти подвиги давать буллы, в которых прописывались индульгенции, отпущение грехов, не только сделанных, но даже и тех, которые будут сделаны. Можно было участвовать в крестовых походах не только личными подвигами, но и денежными пожертвованиями на ополчения. Поэтому папы находили законным давать индульгенции и за внесение денег на поход. Папы вскоре поняли, что индульгенции составляют хороший источник доходов, и они стали раздавать отпущение грехов и помимо крестовых походов.

Индульгенции превратились в коммерческую операцию. В 14 и 15 веках торговля индульгенциями приняла скандальный характер. Ею возмущалось всякое истинно религиозное чувство. Схоластические богословы приняли на себя заботу дать этому злоупотреблению догматическую основу, исходя из взгляда, что Иисус Христос принес удовлетворение Божественному правосудию только за первородный грех и спас людей от вечных мучений, но что за грехи, совершенные после искупления, человек должен сам приносить удовлетворение и что епитимии и есть те подвиги, которыми удовлетворяется Божественное правосудие за грехи.

(По православному учению, епитимии есть только врачебные средства для духовного возвышения нравственных сил человека, а никак не подвиги, избавляющие от грехов). Схоластические богословы ставят епитимии наравне со всякого рода подвигами и добрыми делами. Но не всякий человек имеет достаточное количество добрых дел, чтобы

освободить себя от временных наказаний. В этом случае ему на помощь приходит Церковь. В ее распоряжении, или лучше, папы, находится сокровищница заслуг святых. Папа берет из этой сокровищницы столько добрых дел, сколько нужно для удовлетворения за грехи известного лица, и переносит их на это лицо. На основании такого вменения добрых дел святого – грешнику, и производится отпущение грехов с выдачей индульгенции. В тесной связи с этим учением находится и учение о **чистилище** (purgatorium).

Учение о чистилище есть искажение православного учения о мятежном состоянии душ после смерти и молитве за них. Схоластики говорили, что если человек не освободится от наказаний за грехи своими подвигами при жизни, то наказание следует за ним в загробную жизнь. В загробной жизни, говорили они, есть такое место, куда поступают души после смерти и терпят наказания, очищающие от неоплаченных грехов. Это место и есть чистилище. Схоластики допускали даже, вместе с народным представлением, существование в чистилище вещественного огня. Чтобы освободить душу от этого огня, нужно обратиться к сокровищнице святых и получить индульгенцию на имя освобождаемой души. Папа Сикст IV в 1477 г. окончательно установил догмат, согласно которому умершие души освобождаются от чистилища при посредстве индульгенций; при этом он замечал, впрочем, о **полновесности** своих молитв за грешников.

Секты в Римской церкви в 11–15 веках

Церковная жизнь на западе в 11–15 веках представляла весьма много ненормального. Папы пользовались своей духовной властью только для приобретения мирского господства и являлись не столько иерархами Церкви, сколько деспотами, попиравшими все законы нравственности и справедливости. Епископы также в большинстве не отличались нравственностью, заботились только о мирских интересах; клирики поражали своим невежеством и испорченностью; народ, не знакомый с христианскими истинами, был погружен в суеверия. Как в иерархии, так и в пастве Римской церкви было полное непонимание или забвение цели истинно христианской жизни. Церковная жизнь на западе приняла чувственное направление, и Римская церковь представляла собой учреждение, не столько божественное, сколько человеческое. Такое обмирщение Церкви в людях, дороживших интересами религии, приводило к недовольствам и протестам, так, что недовольные строем жизни в церкви отделялись от нее и образовывали самостоятельные религиозные общества, стремившиеся восстановить истинную Церковь. Но, вооружаясь против злоупотреблений в господствующей церкви, отделившиеся сами переступали границы дозволенного, и становились сектантами. Таким образом, стремление реформировать церковь в 11–15 веках вылилось на западе в образование сект – кафаров и альбигенсов, вальденсов и других.

Кафары и альбигенсы. В 11 и особенно в 12 веках на западе в разных местах появилось множество сектантов. Их называли по-разному – манихеями, булгарами, публиканами, ткачами и прочими. Они же называли себя кафарами, так как свою секту считали истинной, чистой церковью, а в южной Франции называли себя добрыми людьми. Во время крестового похода в начале 13-го века против еретиков южной Франции, кафаров, их называли альбигенсами, по их центру, городу Альби. Учение кафаров сходно с учением восточных павликиан и богомилов. Так как их также называли булгарами, публиканами (павликианами), с достоверностью полагают, что их секта была занесена на Запад из Болгарии, где был центр богомилов. Богомильские мысли могли легко привиться на западе, так как их было удобно положить в основу оппозиции против господствующей церкви. В основе учения кафаров, как и богомилов, лежит манихейский дуализм. Но при этом одна часть кафаров допускала абсолютный дуализм, два начала – доброе и злое, с

двумя творениями. А другая – принимала дуализм относительный, считая злое начало падшим духом, который первый внес в мировую жизнь злой элемент. На таинства, почитание креста, икон и всю обрядовую сторону религии кафары смотрели, как и богомилы. Вместо крещения у них было духовное крещение через возложение рук и апокрифического евангелия Иоанна на крещаемого. Они верили, что таким образом сообщается Святой Дух. Отрицая Евхаристию, они говорили, что ежедневно причащаются, принимают пищу, освященную молитвой «Отче наш». Брак отвергали и с женами жили, как с сестрами. Иерархию и папство отвергали, а на папу смотрели, как на антихриста. Ветхому Завету, как и богомилы, они не придавали никакого значения. Секта их разделялась на слушателей, верующих и избранных или совершенных. Наконец, в жизни кафары являлись строгими аскетами.

Вообще в секте кафаров была развита преимущественно практическая сторона дуализма, а не теоретическая. Отвержение всей церковной внешности и обрядности и жизнь под непосредственным водительством Св. Духа – ее характерные особенности. Во второй половине 12 века кафары особенно усилились в южной Франции, где им покровительствовали владетельные графы и бароны. Папы предпринимали разные меры для уничтожения еретиков, но ни убеждения, ни строгости не приводили к цели. Светские владетели южной Франции ни за что не сдавались. Папа Иннокентий III (1198–1216) особенно горячо взялся за обращение еретиков. В 1198 г. он отправил в южную Францию легатов с неограниченными полномочиями. Но только Доминику, присоединившемуся к легатам, удалось обратить некоторых. Легаты же имели мало успеха, один из них был даже убит (Петр Кастельский? 1208 г.). Теперь Иннокентий решил поднять на еретиков крестовый поход. Войско крестоносцев, состоявшее из самых отчаянных разбойников, вступило в южную Францию и начало огнем и мечом обращать еретиков. Так, при взятии города Базьера, ими было перебито 20 000 человек. При этом папский легат, в связи с нерешительностью крестоносцев, как бы ошибке не умертвить католиков, кричал: «бейте их, ибо Господь знает Своих!» Целых 20 лет они опустошали южную Францию и, наконец, очистили ее от еретиков. Римская церковь позаботилась, чтобы еретики не появлялись и в будущем. На Тулузском соборе 1229 г. были установлены строгие правила относительно разыскивания еретиков и их наказания. А папа Григорий IX в 1232 г. учредил для этого **инквизиционный суд**, который предоставил доминиканскому ордену. Иннокентий IV в 1259 г. разрешил в суде инквизиции применять пытки.

Секта **вальденсов** получила свое начало во второй половине 12 века от Петра Вальда, лионского купца. Это был человек глубоко религиозный, любивший читать св. Писание, переведенное для него двумя духовными лицами. Через это чтение он познакомился с Церковью апостольского века и, сравнивая ее с Римской церковью, пришел к убеждению, что Римская далеко отступила от той. Внезапная смерть одного из друзей Вальда послужила поводом к решительному шагу. Он роздал свое имение бедным и, для восстановления апостольской церкви, стал странствующим проповедником покаяния и обращения на путь истинный. К нему пристали другие, и образовалось целое общество странствующих проповедников. Их называли лионскими нищими, уничиженными, саботатами (по обуви сабо). Предосудительного в проповеди этих людей ничего не было. Но все-таки лионский архиепископ запретил им проповедь, а папа (1184 г.) предал их даже проклятию, так как оскорблением для иерархии показались их притязания на учительство в церкви. К тому же вальденсы утверждали, что истинными учителями в церкви могут быть только принявшие на себя добровольно подвиг апостольской нищеты. Вальд был изгнан из Лиона; он долгое время проповедовал в Италии, Германии, поселился, наконец, в Богемии, где и умер (1197 г.). Последователи его также рассеялись, но в некоторых местах основали свои общины. Вальденсы вначале не собирались отлагаться от церкви, но когда сама господствующая церковь их отвергла, они стали в оппозицию к ней. Вооружаясь против нее, они дошли до отрицания иерархии вообще, а затем и до отрицания священнодействий, ею совершаемых. Так, они отвергли папство, право иерархии разрешать от грехов и вообще исповедь, причащение и так далее. Затем они перестали почитать иконы и мощи, и таким образом, вальденсы, вместо восстановления апостольской церкви, примкнули отчасти к кафарам. В жизни они были люди высокой нравственности. Почерпая правила жизни исключительно из Евангелия, они хотели выполнять буквально все заповеди Спасителя, и потому отвергали всякую самозащиту, войну, присягу и т.д. Даже католики отзывались положительно об их жизни. Попытки папы Иннокентия III вернуть вальденсов в церковь и преобразовать их общество в монашеский нищенский орден не удалась, так как их разногласия с церковью были слишком велики.

Реформация

Церковная жизнь на западе в 11–15 веках представляла весьма много ненормального. Папы пользовались своей духовной властью только для приобретения мирского господства и являлись не столько иерархами Церкви, сколько деспотами, попиравшими все законы нравственности и справедливости. Епископы также в большинстве не отличались нравственностью, заботились только о мирских интересах; клирики поражали своим невежеством и испорченностью; народ, не знакомый с христианскими истинами, был погружен в суеверия. Как в иерархии, так и в пастве Римской церкви было полное непонимание или забвение цели истинно христианской жизни. Церковная жизнь на западе приняла чувственное направление, и Римская церковь представляла собой учреждение, не столько божественное, сколько человеческое. Такое обмирщение Церкви в людях, дороживших интересами религии, приводило к недовольствам и протестам, так, что недовольные строем жизни в церкви отделялись от нее и образовывали самостоятельные религиозные общества, стремившиеся восстановить истинную Церковь. Но, вооружаясь против злоупотреблений в господствующей церкви, отделившиеся сами переступали границы дозволенного, и становились сектантами. Таким образом, стремление реформировать церковь в 11–15 веках вылилось на западе в образование сект – кафаров и альбигенсов, вальденсов и других.

Кафары и альбигенсы. В 11 и особенно в 12 веках на западе в разных местах появилось множество сектантов. Их называли по-разному – манихеями, булгарами, публиканами, ткачами и прочими. Они же называли себя кафарами, так как свою секту считали истинной, чистой церковью, а в южной Франции называли себя добрыми людьми. Во время крестового похода в начале 13-го века против еретиков южной Франции, кафаров, их называли альбигенсами, по их центру, городу Альби. Учение кафаров сходно с учением восточных павликиан и богомилов. Так как их также называли булгарами, публиканами (павликианами), с достоверностью полагают, что их секта была занесена на Запад из Болгарии, где был центр богомилов. Богомильские мысли могли легко привиться на западе, так как их было удобно положить в основу оппозиции против господствующей церкви. В основе учения кафаров, как и богомилов, лежит манихейский дуализм. Но при этом одна часть кафаров допускала абсолютный дуализм, два начала – доброе и злое, с

двумя творениями. А другая – принимала дуализм относительный, считая злое начало падшим духом, который первый внес в мировую жизнь злой элемент. На таинства, почитание креста, икон и всю обрядовую сторону религии кафары смотрели, как и богомилы. Вместо крещения у них было духовное крещение через возложение рук и апокрифического евангелия Иоанна на крещаемого. Они верили, что таким образом сообщается Святой Дух. Отрицая Евхаристию, они говорили, что ежедневно причащаются, принимают пищу, освященную молитвой «Отче наш». Брак отвергали и с женами жили, как с сестрами. Иерархию и папство отвергали, а на папу смотрели, как на антихриста. Ветхому Завету, как и богомилы, они не придавали никакого значения. Секта их разделялась на слушателей, верующих и избранных или совершенных. Наконец, в жизни кафары являлись строгими аскетами.

Вообще в секте кафаров была развита преимущественно практическая сторона дуализма, а не теоретическая. Отвержение всей церковной внешности и обрядности и жизнь под непосредственным водительством Св. Духа – ее характерные особенности. Во второй половине 12 века кафары особенно усилились в южной Франции, где им покровительствовали владетельные графы и бароны. Папы предпринимали разные меры для уничтожения еретиков, но ни убеждения, ни строгости не приводили к цели. Светские владетели южной Франции ни за что не сдавались. Папа Иннокентий III (1198–1216) особенно горячо взялся за обращение еретиков. В 1198 г. он отправил в южную Францию легатов с неограниченными полномочиями. Но только Доминику, присоединившемуся к легатам, удалось обратить некоторых. Легаты же имели мало успеха, один из них был даже убит (Петр Кастельский? 1208 г.). Теперь Иннокентий решил поднять на еретиков крестовый поход. Войско крестоносцев, состоявшее из самых отчаянных разбойников, вступило в южную Францию и начало огнем и мечом обращать еретиков. Так, при взятии города Базьера, ими было перебито 20 000 человек. При этом папский легат, в связи с нерешительностью крестоносцев, как бы ошибке не умертвить католиков, кричал: «бейте их, ибо Господь знает Своих!» Целых 20 лет они опустошали южную Францию и, наконец, очистили ее от еретиков. Римская церковь позаботилась, чтобы еретики не появлялись и в будущем. На Тулузском соборе 1229 г. были установлены строгие правила относительно разыскивания еретиков и их наказания. А папа Григорий IX в 1232 г. учредил для этого **инквизиционный суд**, который предоставил доминиканскому ордену. Иннокентий IV в 1259 г. разрешил в суде инквизиции применять пытки.

Секта **вальденсов** получила свое начало во второй половине 12 века от Петра Вальда, лионского купца. Это был человек глубоко религиозный, любивший читать св. Писание, переведенное для него двумя духовными лицами. Через это чтение он познакомился с Церковью апостольского века и, сравнивая ее с Римской церковью, пришел к убеждению, что Римская далеко отступила от той. Внезапная смерть одного из друзей Вальда послужила поводом к решительному шагу. Он роздал свое имение бедным и, для восстановления апостольской церкви, стал странствующим проповедником покаяния и обращения на путь истинный. К нему пристали другие, и образовалось целое общество странствующих проповедников. Их называли лионскими нищими, уничиженными, саботатами (по обуви сабо). Предосудительного в проповеди этих людей ничего не было. Но все-таки лионский архиепископ запретил им проповедь, а папа (1184 г.) предал их даже проклятию, так как оскорблением для иерархии показались их притязания на учительство в церкви. К тому же вальденсы утверждали, что истинными учителями в церкви могут быть только принявшие на себя добровольно подвиг апостольской нищеты. Вальд был изгнан из Лиона; он долгое время проповедовал в Италии, Германии, поселился, наконец, в Богемии, где и умер (1197 г.). Последователи его также рассеялись, но в некоторых местах основали свои общины. Вальденсы вначале не собирались отлагаться от церкви, но когда сама господствующая церковь их отвергла, они стали в оппозицию к ней. Вооружаясь против нее, они дошли до отрицания иерархии вообще, а затем и до отрицания священнодействий, ею совершаемых. Так, они отвергли папство, право иерархии разрешать от грехов и вообще исповедь, причащение и так далее. Затем они перестали почитать иконы и мощи, и таким образом, вальденсы, вместо восстановления апостольской церкви, примкнули отчасти к кафарам. В жизни они были люди высокой нравственности. Почерпая правила жизни исключительно из Евангелия, они хотели выполнять буквально все заповеди Спасителя, и потому отвергали всякую самозащиту, войну, присягу и т.д. Даже католики отзывались положительно об их жизни. Попытки папы Иннокентия III вернуть вальденсов в церковь и преобразовать их общество в монашеский нищенский орден не удалась, так как их разногласия с церковью были слишком велики.

Общее недовольство Римской церковью

В появлении сектантских обществ на Западе высказался резкий протест против **испорченности** Римской церкви. Но в 11–15 вв. не одни сектанты восставали против недостатков господствующей церкви. Во всех слоях западного христианского общества было очень много недовольных тогдашним положением. Но они не отделялись от церкви, а только требовали церковных преобразований. Когда злоупотребления папства и иерархии достигли предела, требования реформ становились все настойчивее. Особенно ненавистно было **папство**, обратившее церковь в царство человеческое. Все, – и государи со своими правительствами, и ученые, и епископы, и клирики, и народ, – в 14–15 веках требовали, во имя Евангелия и апостольского христианства, преобразования церкви **во главе и членах**. От папы требовали, чтобы он отказался от светской власти и чтобы он, ограничиваясь одной духовной властью, пользовался ей без насилий и произвола, в границах церковных законов. Требовалось введение строгой дисциплины в жизни иерархии и клира и улучшение их нравственности. Требовалось уничтожение индульгенций, а также очищение знания от схоластических наростов. Требовалось распространение в народе религиозного образования и восстановление благочестия в церкви и т.п.

Ученые богословы в своих сочинениях основательно доказывали необходимость подобных реформ. Парижский университет был центром реформаторского движения. Отсюда вышли ученые – поборники реформ, напр., канцлер университета Иоанн Жерсон (ум. 1429 г.), ректор университета Николай фон Клеманж (ум. 1440 г.) и др. Папы, конечно, не хотели знать никаких реформ. Тогда попытки стали предпринимать правительства, и даже частные лица. Правительство стремилось достигнуть этого при посредстве реформаторских соборов – Пизанского, Констанского и Базельского. Частные лица, как Джон Виклеф в Англии, Иоанн Гусс в Богемии, Саванарола в Италии рассчитывали на содействие ученых и народных масс. Но попытки так и остались попытками. Западное христианское общество все еще находилось под влиянием папского могущества и страшилось сделать решительный шаг. С другой стороны, многовековой опыт пап давал им возможность своевременно разрушать планы реформаторов. Но все же эти попытки проложили путь настоящей реформации.

Виклеф

Английский богослов Джон Виклеф (1324–84) выступил со своими реформаторскими идеями во второй половине 14-го в. Обстоятельства ему благоприятствовали. При короле Эдуарде III правительство Англии постепенно начало высвобождаться из-под опеки папства и потому смотрело благосклонно на его противников. Виклеф начал с того, что в 1356 г. издал сочинение «о последних временах церкви», затем во время борьбы (1360 г.) Оксфордского университета с нищенствующими монахами, стал устно и письменно доказывать несостоятельность монашества. В 1366 г., когда правительство отказалось платить ленную подать папе, Виклеф выступил в защиту правительства. За это он был сделан профессором и доктором богословия в Оксфорде.

В 1374 г. Виклеф, по поручению правительства, ездил с другими в Авиньон для переговоров с папой. Там он лично познакомился с испорченностью папства и, по возвращении, стал проповедовать, что папа есть «антихрист». В своих нападках Виклеф стал отвергать священство, доказывая, что не посвящение, а личное благочестие отдельных лиц является основанием их прав на управление и священнодействие в церкви. Это дало повод нищенствующим монахам обвинить его в ереси. Папой Григорием XI в 1378 г. был назначен суд над Виклефом. Благодаря защите английского правительства, он избежал осуждения, удовлетворив суд своими разъяснениями.

Это совпало с папским расколом. Виклеф возобновил свои нападки и стал совсем отвергать епископскую власть. Он предлагал восстановить «апостольское пресвитерианское устройство». Он полностью отвергал св. Предание, учение о чистилище и индульгенциях. Единственной нормой вероучения он признавал только св. Писание. Елеосвящение не признавал необходимым, устную исповедь считал насилием над совестью и предлагал довольствоваться внутренним раскаянием человека перед Богом. В таинстве Евхаристии он признавал только духовное присутствие Христа и не признавал Его действительного присутствия. Доказывал необходимость полной простоты в богослужении, предлагал разрешить священникам брачную жизнь, а монашеское сословие уничтожить, или, по крайней мере, считать монахов наравне с мирянами. Вообще Виклеф стремился ограничить всякое посредство между Богом и человеком, и спасение ставил в зависимость от личного отношения человека к Искупителю. Он основал общество благочестивых мужей, для

распространения в народе религиозного знания и проповеди Евангелия. Он начал переводить св. Писание на английский язык.

Против Виклефа снова начались преследования. В 1382 г. на соборе в Лондоне его учение в 24 положениях было осуждено как еретическое. Король Ричард II смог только защитить самого Виклефа, который удалился из Оксфорда в приход Люттерворт, где и умер. Незадолго до смерти он написал сочинение, в котором изложил свои реформаторские мысли. Впоследствии Виклеф был осужден на соборах Римском (1412 г.) и Констанском (1415 г.). У него остались последователи не только из народа, но и из высших классов общества. Их называли еретиками лоллардами. Под давлением пап, английское правительство отказывало им в сочувствии, даже помогало церкви их преследовать. Вскоре они потеряли значение. Но идеи Виклефа пустили глубокие корни, как в Англии, так и в других странах.

Иоанн Гусс

Иоанн Гусс был профессором богословия в Пражском университете, в Богемии. Виклеф дошел до отрицания весьма существенного в религии. Гусс, напротив, восставая против злоупотреблений Римской церкви, оставался на почве церковной и даже больше, – он был поборником древнего православия. Родился он в 1369 г. в местечке южной Богемии Гуссинце; образование получил в Пражском университете, в котором с 1398 г. преподавал богословие. О возрождении церкви говорилось и в Богемии. Там в 14 веке возникло стремление восстановить древнее православие, проповеданное в этом крае свв. Кириллом и Мефодием. Богослужение на славянском языке и причащение мирян под обоими видами составляло первый предмет пожеланий богемцев.

Иоанн Гусс, заняв профессорскую кафедру, сделался горячим поборником реформы церкви в смысле возвращения ее к древнему православию. В 1402 г. он занял должность проповедника в Вифлеемской часовне (частной церкви). В своих проповедях на славянском языке он учил народ вере и жизни по Евангелию. При этом ему приходилось высказывать резкие замечания о католических священниках и монахах. Познакомившись с сочинениями Виклефа, он отнесся к ним с сочувствием, но не разделял его крайних воззрений. Поборники латинства стали обвинять Гусса в ереси Виклефа.

Вскоре произошло столкновение. В Прагу прибыли два богослова, последователи Виклефа, которые выставили две картины. На одной было изображено шествие Спасителя в терновом венце с учениками в Иерусалим, на другой – шествие папы в Рим в тройной золотой короне, в сопровождении кардиналов. В университете начались толки, богемцы имели один голос, а немцы и поляки три. Гусс, не одобряя выходки англичан, все же высказался против папства в духе Виклефа. По национальным побуждениям иностранные профессора были против Гусса. Они составили в 1408 г. определение, в котором осуждались 44 положения Виклефа. Но Гусс получил от короля Венцеслава в 1409 г. декрет, по которому богемским членам университета предоставлялось большинство голосов. После этого богемцы, во главе с Гуссом, стали решительно высказываться против Римской церкви.

Тогда против Гусса выступил пражский архиепископ Сбинко. Он послал о нем доклад в Рим, откуда в 1410 г. пришла булла, повелевавшая сочинения Виклефа сжигать, а последователей его привлекать к суду.

Было также запрещено проповедовать в частных церквях. Гусс послал папе апелляцию, в которой доказывал, что в сочинениях Виклефа весьма много истинного; проповедования же в Вифлеемской часовне не оставлял. Папа потребовал его в Рим. Благодаря заступничеству короля и университета, дело Гусса окончилось мирным путем в Праге.

Позднее Папа Иоанн XXIII, устраивая крестовый поход против своих врагов, прислал в Богемию в 1412 г. буллу, в которой давал полные индульгенции всем крестоносцам. Гусс восстал против этого в проповедях и сочинениях, а Иероним Пражский сжег папскую буллу. Народ был на их стороне; начались волнения. В 1413 г. последовала новая булла с отлучением Гусса от церкви и интердиктом на Прагу. Гусс написал апелляцию к Самому Господу Иисусу Христу, то есть надеялся найти справедливость на земле. В то же время он издал сочинение «О церкви», в котором доказывал, что истинная церковь должна состоять из верующих. Так как папа отпал от веры, то он не является членом церкви, и его отлучение не имеет значения. Архиепископу Пражскому удалось вытеснить Гусса из Праги.

В 1414 г. открылся **Констанский собор**. Вследствие еще прежней апелляции Гусса к Вселенскому собору, его потребовали в Констанцу. Император Сигизмунд даже дал ему **охранную грамоту**. Прибыв в Констанцу, Гусс должен был долгое время ждать допроса, после которого его немедленно арестовали. Император не пожелал настаивать на его освобождении. Собор был возмущен тем, что Гусс требовал, чтобы ложность его мнений была доказана на основании св. Писания. Это было сочтено ересью. Собор стремился только к ограничению папского произвола, на остальные же вопросы смотрел с очень узкой точки зрения. Судьба Гусса сразу не решилась, так как собор решал дело папы Иоанна XXIII. Допросы Гусса производились в тюрьме. После 7 месяцев заключения его вызвали на торжественное заседание собора. Он продолжал свои требования: доказать из св. Писания, если он заблуждается. Собор признал его еретиком и осудил на сожжение. **6 июля 1415 г. Гусс умер на костре. Иероним Пражский**, прибывший на собор вместе с Гуссом, после продолжительного тюремного заключения, был сожжен в 1416 г.

Но реформаторское движение в Богемии не кончилось. Богемцы, поддерживавшие Гусса до и во время собора, после его смерти поголовно восстали против Римской церкви. Его последователи, с разрешения Гусса, (**гусситы**) ввели у себя причащение под двумя видами. Констанский собор отверг такое причащение как еретическое и богемцы решили оружием

добыть себе чашу. К гусситам примкнули многие граждане и дворяне. Предводителем их стал **Иоанн Жижко**. Он с 40 000 приверженцев укрепился на горе, которую назвал Фавором. По-чешски укрепленный лагерь именуется табор, отчего они стали называться **таборитами**. Они являлись левой частью общего гусситского движения. Их религиозная сторона проявлялась в богослужениях, где священники исповедовали, причащали под двумя видами и проповедовали. Существовали братские трапезы. Стремилась соблюдать нравственную чистоту.

Одновременно в этом движении огромное значение имели национальные и социальные вопросы. Табориты стремились к уничтожению господства немцев и к установлению полной самостоятельности и независимости чешской нации. Низший класс был пропитан ненавистью к католическому духовенству, жившему в роскоши и давившему народ большими податями и налогами. Пражскому архиепископу принадлежало, например, до 900 сел и много городов, из которых иные равнялись по величине и благосостоянию королевским. Табориты, проводя жизнь на своей горе, из ненависти к духовенству и состоятельным классам, разрушали храмы и творили многие бесчинства. Их идеалом была демократическая республика. Они отрицали светскую и духовную иерархию.

Когда в 1419 г. умер богемский король Венцеслав, то богемцы отказали в присяге его наследнику, императору Сигизмунду, предавшему Гусса. Вся Богемия поднялась против него. Папа Мартин V послал в Богемию несколько крестоносных ополчений, но ничего не достиг. Гусситы с успехом отражали все нападения. Их второй предводитель (с 1424 г.), Прокоп Большой, своими победами над крестоносцами наводил ужас на соседние страны. В таком положении находилась Богемия до открытия в 1431 г. **Базельского собора**. На нем было решено постараться примирить гусситов с Римом. К этому времени гусситы распались на две партии. Более умеренные из них, которым были не по душе крайние воззрения, соглашались на примирение при условии сохранения причащения под двумя видами, проповеди на родном языке, и чтобы у клира были отняты церковные имущества и над ним учрежден строгий церковный суд. Такие гусситы назывались каликстинами (каликс – чаша) и утраквистами. Другие гусситы – табориты, дошедшие в ненависти до фанатизма, требовали, кроме того, уничтожения иконопочитания, отмены тайной исповеди и т.п. Базельский собор пригласил для переговоров гусситских депутатов, которых явилось в 1433 г. 300 человек. Продолжительные совещания не имели успеха и гусситы отправились

домой. Собор послал вслед им посольство с предложением уступок. Собор соглашался выполнить 4 требования каликстинов и последние, поэтому, присоединились к церкви. Но в 1462 г. папа Пий II объявил все эти уступки недействительными. После этого каликстины только тайно причащались под обоими видами. Табориты же и после уступок Базельского собора оставались непримиримыми врагами Римской церкви. В 1434 г., потерпев жестокое поражение от католических войск, они должны были смириться. Около 1450 г. оставшиеся табориты образовали небольшую общину под именем **богемских** или **моравских братьев**, которая, отказавшись от оружия, стремилась жить в уединении на основании чистого евангельского учения. В 16 веке эта община особенно распространилась и стала на один уровень с религиозными общинами, возникшими после реформации.

Савонарола

Попытки произвести реформу в церкви появились даже в Италии, вблизи самого папского престола. В качестве церковного реформатора выступил во Флоренции доминиканский монах **Джироламо Савонарола**, человек строгой жизни, но горячий и увлекающийся.

В его время, вместе с так называемым **возрождением наук, эпохой гуманизма**, в Италии началось усиленное изучение древних языческих классиков, отразившееся пагубно на религиозных воззрениях итальянцев. Языческое мировоззрение, перемешиваясь с христианским, привело общество к новому классическому **язычеству**. Религиозные понятия были до того перепутаны, что в Риме часто смешивали Христа с Меркурием, Мадонну с Венерой. В честь Вергилия, Горация, Платона и Аристотеля совершались религиозные церемонии. Даже кардиналы и епископы смотрели на Евангелие, как на греческую мифологию. Распространение неверия, в связи с распущенностью нравов папства, духовенства и всего итальянского общества, и вывело Савонаролу на путь реформаторской деятельности.

Иероним (Джироламо) Савонарола родился в 1425 г. в Ферраре. Он происходил из старинной семьи г. Падуи. Дед его был известным врачом. Отец готовил Иеронима к медицинской карьере и старался дать ему всестороннее образование. В молчаливом и вдумчивом юноше рано сказались аскетические начала, любовь к размышлениям и глубокая религиозность. Тогдашнее положение в Италии сильно возмущало Савонаролу. Неудачная любовь и увлечение богословскими сочинениями, особенно Фомы Аквината, привели его к решению поступить в монастырь. В 1475 г. он тайно бежал из родительского дома в Болонью в доминиканский монастырь. Там он вел суровую жизнь, отказался от привезенных денег, свои книги подарил монастырю, оставив себе только Библию, вооружался против монастырской роскоши и посвящал свободное от молитв время изучению святоотеческого наследия. Там он написал стихотворение «О падении церкви», где указывал, что у людей нет прежней чистоты, учености, христианской любви, а главная причина – порочность пап. Настоятель монастыря поручил ему обучать новичков и проповедовать. Посылали его проповедовать в Феррару, потом во Флоренцию, где, находясь в монастыре Сан-Марко, он прославился уже как ученый. Его проповеди были менее удачны, отчего он уехал в небольшой городок и там совершенствовался, увлекая потом паству

своими проповедями.

В 1490 г. он был вызван во Флоренцию правителем, знаменитым Лоренцо Медичи. Савонарола снова занял кафедру учителя в монастыре Сан-Марко. Росла его слава как проповедника. Монастырь наполнялся светскими слушателями. В 1490 г. он произнес свою знаменитую проповедь, в которой уверенно выразил мысль, что необходимо немедленно обновить церковь, о том, что Бог поразит Своим гневом всю Италию. Он утверждал, что подобно древним пророкам, передает лишь веления Божии, угрожал проклятием тому, кто не верит в его пророческое призвание, обличал испорченность нравов флорентинцев, не стесняясь в выборе выражений. Влияние его усилилось благодаря исполнению некоторых его предсказаний – смерти папы Иннокентия, нашествию французского короля и др. Его ласковое и сердечное обращение с братией сделали его любимцем монастыря, и в 1491 г. он был избран настоятелем Сан-Марко.

Он сразу поставил себя в независимое положение по отношению к Лоренцо Медичи, с чем тот был вынужден считаться. Известна речь Савонаролы против роскоши женских нарядов, после которой все дамы перестали одевать в церковь украшения. Нередко купцы под влиянием его проповеди возвращали несправедливо нажитое добро. Он говорил: «Грехи Италии силой делают меня пророком». Из его сочинений видно, что он был убежден в своем «божественном призвании». Народ верил в его пророчества. Еще резче сделались угрозы Савонаролы, когда правителем Флоренции стал Петр Медичи, а папой- известным своей безнравственностью Александр VI Борджиа. Одно время Савонарола, вследствие запрещения правителя, не мог произносить проповеди и покинул Флоренцию. Вернувшись, он занялся реформой монастыря. Он продал церковное имущество, изгнал роскошь, обязал всех монахов работать. Для успеха проповеди среди язычников Савонарола учредил кафедры греческого, еврейского, турецкого и арабского языков.

Папа Александр пытался привлечь Савонаролу на свою сторону, предлагая ему сначала архиепископство во Флоренции, потом кардинальскую шапку. Но тот с церковной кафедры отверг это предложение и еще с большей силой стал громить распущенность папства. Во время вторжения в Италию французского короля Карла VIII и изгнания из Флоренции Петра Медичи, Савонарола сделался настоящим повелителем Флоренции. Им были восстановлены там республиканские учреждения, он проводил различные политические и социальные реформы. По его предложению, вновь учрежденный Великий Совет

заменял поземельный налог подоходным, заемщиков освободил от долгов. Решительные меры принимались против ростовщиков и менял. Савонарола провозгласил сеньором и королем Флоренции Иисуса Христа, сам же он был в глазах народа избранником Христа. Он старался и нравственно переделать Флоренцию. Уже в 1494 г. была заметна сильная перемена: флорентинцы постились, посещали церкви, женщины сняли с себя богатые уборы. На улицах, вместо песен, раздавались псалмы, читали только Библию. Многие знатные люди удалились в монастырь Сан-Марко. Он назначал проповеди в часы балов и маскарадов; народ стекался к нему. Святотатцам Савонарола велел вырывать языки, развратников – жечь живыми. Азартных игроков наказывал огромными штрафами. Имел он и своих шпионов.

На стороне Савонаролы были люди из народа, партия «белых», которых называли «плаксами». Против него были «беснующиеся» – приверженцы аристократического республиканского правления, и «серые», стоявшие за Медичи. В своих проповедях Савонарола никого не щадил и потому имел много врагов как светских, так и среди духовенства. Против него не раз выставляли других проповедников; папа запрещал ему проповедовать, но слава его проникла даже за пределы Италии. Его проповеди переводились на иностранные языки, даже на турецкий, для султана. Против него сильно интриговал Петр Медичи. Враги Савонаролы восстановили против него папу, который пригласил его в Рим; но тот по болезни отказался ехать, продолжая свои обличительные проповеди. Доминиканцы, которым папа поручил рассмотреть содержание его проповедей, не нашли в них основания для обвинения Савонаролы в ереси. Папа снова без успеха предложил ему сан кардинала.

Савонарола, пользуясь усилившейся популярностью по случаю спасения Ливорно, осаждавшегося императором, что было им предсказано, и тем, что во главе управления городом стоял преданный ему Валори, задумал нанести решительный удар «беснующимся». Он организовал отряд мальчиков, которые врывались в знатные дома с целью следить за исполнением 10 заповедей, бегали по городу, отбирали игральные карты, кости, светские книги, флейты, духи и т.п. Потом все это предавалось торжественному сожжению на городской площади. Светская литература гуманизма и классическая древность нашли в лице Савонаролы непримиримого врага. Он даже доказывал вред науки вообще. Составилось общество разгульной молодежи, старавшейся его убить.

12 мая 1497 г. папа Александр VI, назвав учение Савонаролы «подозрительным», **отлучил его от церкви**. Тот отказался повиноваться

этому распоряжению и выпустил «послание против лживо испрошенной буллы об отлучении». В это же время он выпустил в свет свое сочинение «Триумф Креста», в котором дана защита истины католического вероучения, объяснены догматы и таинства католической церкви. В последний день карнавала 1498 г. Савонарола совершил торжественное богослужение и «сожжение анафемы». Тогда папа потребовал его на суд в Рим для заключения в тюрьму, грозил интердиктом всей Флоренции и отлучением всех, кто будет слушать Савонаролу. Но тот продолжал проповедовать, доказывая необходимость созыва Вселенского собора, так как папа может ошибаться. После второго распоряжения папы – «бреве» – правительство Флоренции, синьория, запретило Савонароле проповедовать.

18-го марта 1498 г. Савонарола простился с народом. Он написал «Письмо к государям», в котором убеждал их созвать вселенский собор для низложения папы. Письмо к французскому королю Карлу было перехвачено и попало в руки папы. Флоренция волновалась. Чтобы испытать справедливость учения Савонаролы, был назначен «суд Божий» – испытание огнем. Это была ловушка, устроенная врагами Савонаролы – «беснующимися» и францисканцами. Савонарола и монах францисканец должны были пройти 7-го апреля среди костров. Огненная проба не состоялась. Народ разочаровался в своем пророке и стал обвинять его в трусости. На другой день монастырь Сан-Марко был осажден разъяренной толпой. Савонарола, с его друзьями, был взят и заключен в темницу.

Папа нарядил следственную комиссию из 17 человек, выбранных из партии «беснующихся». Допросы и пытки Савонаролы велись самым варварским способом. Его пытали 14 раз в день, заставляли впадать в противоречия, допросами и угрозами вынудили признание, что все его пророчества – ложь и обман. Савонароле все же удавалось писать сочинения в заключении. Последнее сочинение «Руководство в христианской жизни» написано им за несколько часов до смерти, по просьбе тюремщика, на переплете одной книги. 23 мая 1498 г. Савонарола, при огромном стечении народа, был повешен, а потом тело его сожжено.

Учение Савонаролы было оправдано папой Павлом IV (1555–59), а в 17 веке в честь его составлена служба. Относительно его деятельности мнения расходятся. Одни, идеализируя его честность, прямоту и широкие планы, видят в нем реформатора, обличавшего испорченность церкви. Другие доказывают, что он жил средневековыми идеями, не создал новой церкви и держался строго католической почвы; что, выступая вначале как реформатор, примешал к своему делу политику и явился в качестве

народного демагога, на чем и потерпел поражение.

Реформаторские движения в Германии. Лютеранство

Всеобщее недовольство Римской церковью и стремление к ее преобразованию в 14 и 15 веках разрешилось в 16 веке так называемой **реформацией**. Началась она в Германии, и во главе ее выступил августинский монах **Мартин Лютер**, сделавшийся основателем нового религиозного общества на Западе.

Лютер происходил от бедных родителей из низшего сословия. Родился в 1483 г. Образование получил в Эрфуртском университете. Будучи религиозно настроенным и ревностным католиком, он в 1505 г. поступил в августинский монастырь в Эрфурте и вел аскетическую жизнь. Он занялся изучением св. Писания, сочинений Августина и средневековых мистиков. В 1507 г. он стал священником, а в 1508 г. перешел в Виттенберг, где занял должность профессора университета. В 1510 г. Лютер совершил путешествие в Рим по делам ордена. Распушенная жизнь папского двора при Льве X, неверие и богохульство в среде иерархии, произвели переворот в его убеждениях. Лютер, проникнутый сознанием своей греховности стремился достигнуть оправдания перед Богом при помощи церкви и ее средств (подвигов самоотречения). Теперь же он стал думать, что церковь и иерархия, виденная в Риме, не могут дать оправдание человеку. Под влиянием сочинений Августина и мистиков, он утвердился во мнении, что только личное общение с Исккупителем, только одна вера оправдывает.

В 1517 г. папа Лев X, нуждаясь в деньгах, для поддержания роскошной жизни, прибегнул к продаже индульгенций. Один из агентов майнцкого архиепископа, доминиканец Тецель, появился в Виттенберге и начал продавать индульгенции в лавку как рыночный торговец. Лютер возмутился таким кощунством над отпущением грехов и составил 95 тезисов против индульгенций, учении о сверхдолжных делах и чистилище. По обычаю того времени, он выставил тезисы в церкви виттенбергского замка и вызвал Тецеля на состязание. Тецель и его сторонники доминиканцы приняли вызов. Тезисы Лютера и полемика привлекли всеобщее внимание и в других городах Германии. Лютеру сочувствовали, на его сторону стал саксонский курфюрст Фридрих Мудрый.

Папа сначала смотрел на столкновение Лютера с доминиканцами как на обыкновенный, хотя и неприятный для него, спор между монашескими орденами и пожелал только его прекращения. В 1518 г. он потребовал Лютера в Рим, когда же курфюрст и университет просили разобрать дело

на месте, то поручил уладить дело кардиналу Каэтану. Последний, прибыв в Аугсбург, принял сторону противника Лютера и высокомерно потребовал от него отказа от своих мнений. Лютер не согласился. Другой папский уполномоченный поступил иначе. Он наказал Тецеля, дав понять Лютеру, что принимает его сторону. Затем он убедил его написать письмо папе с изъявлением покорности, что тот и исполнил, обещав не поднимать споров, если и его противники будут поступать так же. Между тем в 1519 г. профессор Ингельштадского университета, Иоанн Экк, вступил в публичный диспут с одним из учеников Лютера, а потом и с ним самим. К спорным вопросам присоединился теперь и вопрос о главенстве папы. Спорившие остались каждый при своем мнении, но сочувствие к Лютеру в Германии усилилось. К нему присоединился другой виттенбергский профессор, Филипп Мелактон, знаток еврейского и греческого языков, принимавший потом деятельное участие в реформации. Все свободомыслящие люди Германии (гуманисты) были также на стороне Лютера, который после диспута стал смелее и пошел решительно по пути реформации, не входя ни в какие сделки с папством. В 1520 г. он обнародовал **воззвание** к «императорскому величеству и христианскому рыцарству немецкой нации», в котором приглашал всех отвергнуть папское иго. Воззвание разошлось по всей Германии и произвело сильное впечатление.

Латинские богословы доложили папе Льву X, что споры, возбужденные Лютером, угрожают большой опасностью церкви. Это заставило папу поступить резко. В 1520 г. он издал буллу, в которой подвергал Лютера отлучению как еретика, а сочинения его осуждал на сожжение. Булла не произвела ожидаемого действия. Только в некоторых городах были сожжены сочинения Лютера. Лютер ответил «апелляцией» ко всеобщему собору и сочинением «против буллы антихриста». Самую буллу Лютер публично сжег. В 1520 г. папа проклял его как нераскаянного еретика и просил германского императора Карла V (1519–56) подвергнуть его изгнанию. Карл склонялся к этому, но, по желанию германских князей, решил рассмотреть дело Лютера на имперском сейме в Вормсе (1521 г.).

На сейм прибыли папские легаты, собралось также много приверженцев реформы, в числе которых видное место занимал курфюрст саксонский Фридрих Мудрый. По настоянию последних, на сейм был приглашен для объяснений и Лютер, хотя легаты возражали, указывая на его отлучение от церкви. Лютеру на одном заседании показали его сочинения и предложили отказаться от них. Он остался непреклонным, высказав в свою защиту, что только тогда откажется, когда его

опровергнут на основании св. Писания и ясными доводами. После этого сейм отпустил Лютера, не вынеся никакого решения против него. Только под конец заседаний, когда многие приверженцы реформ уехали, император по политическим причинам хороших отношений с папой, провел постановление, по которому Лютер и его последователи за свою ересь лишались покровительства законов и осуждались на изгнание. Курфюрст саксонский, предвидя это, еще раньше распорядился скрыть Лютера в уединенном замке Вартбурга. Впрочем, в Германии никто не заботился о выполнении вормского постановления. В Вартбурге Лютер занимался, главным образом, переводом Библии на немецкий язык.

В то время, как Лютер находился в уединении, реформаторское движение в Виттенберге продолжалось при участии Меланхтона. Произошел полный разрыв с Римской церковью, было отменено служение частных обеден, священники начали вступать в брак, монахи оставляли монастыри и т.п. Некоторые из горячих последователей Лютера доходили до того, что насильно останавливали богослужение, выбрасывали из церквей иконы и т.д. В городе Цвикау появились т.н. цвикауские пророки, перешедшие потом в Виттенберг, которые, во имя непосредственных откровений, проповедовали ниспровержение всех церковных и гражданских порядков. Лютер, узнав об этом, поспешил возвратиться в Виттенберг и своими проповедями успел утихомирить волнение, по крайней мере, в этом городе. В других же местах Германии религиозное брожение все-таки продолжалось и приняло политический характер, вызвав крупное движение – крестьянские войны.

Германский император был занят войной с французами, а князья, сами недовольные Римской церковью и папой, сочувствовали церковным нововведениям. Папские легаты потеряли всякий авторитет в Германии и на них не обращали внимания. Лютер и Меланхтон беспрепятственно распространяли новые взгляды, уясняли основы учения, утверждая дело реформации. В 1521 г. Меланхтон обнародовал свое сочинение, в котором ясно и просто изложил новое вероучение. В 1522 г. Лютер издал для всеобщего употребления свой перевод Нового Завета. Новое вероучение напоминало во многом мнения предшественников реформации, особенно Виклефа, и составляло полную противоположность католичеству. Лютер, отвергая заблуждения и злоупотребления католичества, отверг в нем и все истинное. Лютер, приняв за основное положение, что человек оправдывается **только одной верой** в Искупителя, которая есть дар Божий, и личным общением с Ним, – **отверг** все средства в деле спасения – Церковь, иерархию и таинства.

По учению Лютера, Церковь не сокровищница благодатных даров, а общество одинаково верующих во Христа. Иерархическое служение – излишне, так как каждый сам совершает свое спасение. «Священство» принадлежит всем верующим. Поэтому иерархию у него заменили простые должностные лица, – учителя, проповедники, надзиратели за ними, а также гражданские власти, которым он предоставил высшее управление. На таинства Лютер смотрел только как на символы или как на благочестивые обычаи. Таинство причащения Лютер допускал, считая, что в нем присутствует Христос, не объясняя этого пребывания и отвергая пресуществление. Лютер отвергал и небесных посредников – почитание святых, их мощей и поклонение иконам. Отверг он и св. Предание. Признавая одно св. Писание, он предоставил его толкование и понимание каждому верующему. Лютер основал новое религиозное общество, получившее название лютеранского.

Дальнейшая история реформации в Германии

До 1526 г. реформация в Германии находилась в руках немецких богословов. С этого же года она перешло к германским князьям. Их привлекали к реформации богатые церковные имения, которые при новых порядках поступали в их распоряжение, а также сосредоточение высшей церковной власти в их руках. Церковная реформация была для них делом и государственным. Поэтому, германские князья взялись довести дело до конца. В 1526 г., в связи с возникшим под влиянием папских легатов стремлением подавить реформаторское движение в Австрии и южной Германии, для его защиты составили союз курфюрст саксонский Иоанн Постоянный (преемник Фридриха Мудрого) и гессенский ландграф Филипп. К этому союзу примкнули другие северогерманские князья и некоторые из вольных городов. В 1526 г., пользуясь отсутствием на имперском сейме императора Карла V, а также раздором, возникшим между ним и папой, они провели на сейме в Шпейре постановление, которым всем сословиям давалось право в делах религии поступать так, как требует того ответственность перед Богом и императором. Этим косвенно признавалась законность реформации. Основываясь на этом, князья и вольные города начали в своих владениях устраивать церковные дела на началах лютеранства. Прежде всего, оно было введено в Саксонии, а потом и в других местах. Меланхтон организовал, при помощи инспекторов, надзор за лютеранскими общинами, а Лютер издал для народа большой и малый катехизис.

В Германии резко обозначились две партии – католическая и протестантская. Император Карл V, по политическим соображениям, не желая религиозного разделения, принадлежал к католической партии. Он признавал необходимость улучшений в церкви, почему по временам царило примирительное настроение. Временами же мир нарушался насильственными действиями. Все же взрыв был неизбежен.

На сейме в Шпейре в 1529 г. католическая партия составляла большинство. Ею было проведено предложение императора о выполнении постановления вормского сейма об изгнании Лютера и об отмене шпейрского сейма в пользу реформации. Приверженцы реформации подали **протест** против этого решения, в котором провозглашалось, что в делах религии решение должно принадлежать совести каждого, а не большинству голосов. С этого времени реформаторскую партию стали называть **протестантской**.

В 1530 г. на сейме в Аугсбурге, с согласия императора, который на нем присутствовал, протестантские князья представили свое исповедание веры, составленное Меланхтоном. Оно потом стало известно, как аугсбургское исповедание. На это исповедание католические богословы представили свое опровержение. Император с ними согласился, и сейм снова подтвердил вормское постановление, а протестантам было запрещено распространять свое учение, ввиду ожидавшегося собора. Но, вследствие нежелания папы Климента VII (1523–34), собор не был созван. Протестанты же заключили в Шмалькальдене в 1531 г. новый союз для защиты реформации силой оружия. Император, не подготовленный к войне, вынужден был заключить с протестантами мир в Нюрнберге (1532 г.). Обе партии обязывались до собора или сейма не притеснять друг друга в делах веры. Это так называемый первый религиозный мир.

Но положение оставалось напряженным. Старания императора при помощи совещаний привести к миру не имели успеха, так же, как и Тридентский собор 1545 г. Лютеранство все более распространялось. Император опасался силы протестантских князей. Карл V решил перейти в наступление, и в так называемой шмалькальденской войне нанес им жестокое поражение. Лютер не дожидаясь до междоусобной войны, скончавшись в 1546 г., за год до победы католиков.

Ослабив протестантов, император взялся опять за объединение их с католиками. По его поручению, в 1548 г. было составлено согласительное исповедание веры – аугсбургский интерим, который должны были принять обе стороны. Католики настаивали на безусловном возвращении протестантов к католичеству. Протестанты видели в интериме подрыв своей веры, и император, чтобы их заставить, стал их преследовать. Но в 1552 г. дела протестантов улучшились. Хитрый и неверный герцог саксонский Мориц, лютеранин, но поддерживавший императора, объявил с другими князьями войну Карлу V и заставил его заключить с протестантами выгодный для них договор в Пассау (1552 г.). На основании этого договора в 1555 г. последовало решение сейма, под названием аугсбургского религиозного мира. Лютеранам была предоставлена свобода веры, однако, с тем ограничением, что на будущее время право менять веру получали только князья, но не их подданные. Последние должны были исповедовать веру их государей.

Но и это постановление не внесло настоящего мира. Иезуиты, выступившие на защиту католичества в 16-м веке, только усиливали раздражение протестантов. Начались насильственные действия с обеих сторон. В 1608 г. князья заключили «протестантскую унию». В 1609 г.

образовалась «католическая лига». В 1613 г. германский император и вместе с тем король богемский, Фердинанд II, воспитанник иезуитов, отнял у протестантов в Богемии две церкви. Там поднялось восстание. Богемцы избрали себе другого короля. Этим было положено начало **тридцатилетней** войне. Германия разделилась на северную – протестантскую- и южную – католическую. Перевес в борьбе, в которой на стороне католиков были крупнейшие полководцы Валленштейн и Тилли, был сначала на стороне католиков.

Положение изменилось, когда вмешался протестантский выдающийся полководец, шведский король Густав Адольф. Он высадился в Германии в 1630 г. В 1632 г. он разбил при Люцене Валленштейна, но сам погиб в сражении. До этого Густавом Адольфом был разбит Тилли, умерший от ран. Потом императорским войскам удалось нанести крупные удары шведам. Но против императора выступила Франция, и положение католической партии значительно ухудшилось. Германия за время этих войн подверглась полному разорению. Некоторые местности совсем опустели, в других население питалось травой и кореньями. Люди одичали и пали духом. В стране распоряжались иностранцы. Настоятельно требовалось заключение мира. В 1648 г. был заключен **Вестфальский мир**, которым окончательно была утверждена **равноправность** в Германии всех протестантов и католиков.

Распространение лютеранства в Европе

В Швеции движение в пользу реформации началось в 1519 г. так же, как и в Германии, в связи с продажей индульгенций. Лютеранские воззрения распространяли два брата Петерсоны. Первый шведский король после отделения Швеции от Дании, Густав Ваза (1523–60), вскоре после избрания стал решительно на сторону реформации. В 1524 г. он устроил в Упсале религиозный диспут между лютеранскими и католическими богословами. Победа осталась на стороне Олафа Петерсона. После этого реформация пошла быстрыми шагами. Были закрыты монастыри, и их имущество перешло в собственность короля, священники стали вступать в брак и так далее. Окончательно лютеранство было признано государственной религией на сейме в Вестерасе в 1527 г. Было введено лютеранское церковное устройство, с той особенностью, что шведы сохранили у себя **епископство**, хотя и без соответствующей власти и значения. Перевод Библии на шведский язык был сделан в 1526 г. Из Швеции лютеранство перешло в подвластную ей тогда Финляндию.

В Данию лютеранство проникло также очень рано. Датский король Христиан II, при возникновении лютеранства в Германии, еще колебался между ним и католичеством. После него Фридрих I решительно стал на сторону реформации и на сейме 1527 г., он провел постановление, по которому лютеране уравнивались в правах с католиками. При нем же был сделан перевод Библии на датский язык. Наконец, преемник его, Христиан III, сделал лютеранство господствующим исповеданием в Дании. В 1536 г. он арестовал всех датских епископов, противившихся реформации, конфисковал имущества и ввел лютеранское церковное устройство при содействии богослова Иоанна Бугенгагена, известного под именем Померана. В Дании было сохранено епископство. В то время датский король был также и королем Норвегии, поэтому лютеранство сделалось господствующим и в этой стране.

Пруссией в 16 веке владел орден тевтонских рыцарей. Гроссмейстер ордена, Альбрехт Ансбахский, в 1525 г. принял лютеранство и, обратив земли ордена в герцогство, ввел в Пруссии лютеранское церковное устройство. То же сделал и орден Меченосцев и Ливонский, владевший Лифляндией, Эстляндией и Курляндией. Здесь лютеранство начало упрочиваться с 1523 г., а окончательно утвердилось в 1561 г., когда последний магистр, Готгард Кетлер, образовал из владений бывшего ордена герцогство в вассальной зависимости от Польши.

Сверх того, лютеранство проникло и в другие страны – Богемию, Венгрию, Польшу и другие, но не стало там господствующей религией.

Реформация в Швейцарии

В Швеции движение в пользу реформации началось в 1519 г. так же, как и в Германии, в связи с продажей индульгенций. Лютеранские воззрения распространяли два брата Петерсоны. Первый шведский король после отделения Швеции от Дании, Густав Ваза (1523–60), вскоре после избрания стал решительно на сторону реформации. В 1524 г. он устроил в Упсале религиозный диспут между лютеранскими и католическими богословами. Победа осталась на стороне Олафа Петерсона. После этого реформация пошла быстрыми шагами. Были закрыты монастыри, и их имущество перешло в собственность короля, священники стали вступать в брак и так далее. Окончательно лютеранство было признано государственной религией на сейме в Вестерасе в 1527 г. Было введено лютеранское церковное устройство, с той особенностью, что шведы сохранили у себя **епископство**, хотя и без соответствующей власти и значения. Перевод Библии на шведский язык был сделан в 1526 г. Из Швеции лютеранство перешло в подвластную ей тогда Финляндию.

В Данию лютеранство проникло также очень рано. Датский король Христиан II, при возникновении лютеранства в Германии, еще колебался между ним и католичеством. После него Фридрих I решительно стал на сторону реформации и на сейме 1527 г., он провел постановление, по которому лютеране уравнивались в правах с католиками. При нем же был сделан перевод Библии на датский язык. Наконец, преемник его, Христиан III, сделал лютеранство господствующим исповеданием в Дании. В 1536 г. он арестовал всех датских епископов, противившихся реформации, конфисковал имущества и ввел лютеранское церковное устройство при содействии богослова Иоанна Бугенгагена, известного под именем Померана. В Дании было сохранено епископство. В то время датский король был также и королем Норвегии, поэтому лютеранство сделалось господствующим и в этой стране.

Пруссией в 16 веке владел орден тевтонских рыцарей. Гроссмейстер ордена, Альбрехт Ансбахский, в 1525 г. принял лютеранство и, обратив земли ордена в герцогство, ввел в Пруссии лютеранское церковное устройство. То же сделал и орден Меченосцев и Ливонский, владевший Лифляндией, Эстляндией и Курляндией. Здесь лютеранство начало упрочиваться с 1523 г., а окончательно утвердилось в 1561 г., когда последний магистр, Готгард Кетлер, образовал из владений бывшего ордена герцогство в вассальной зависимости от Польши.

Сверх того, лютеранство проникло и в другие страны – Богемию, Венгрию, Польшу и другие, но не стало там господствующей религией.

Ульрих Цвингли

Реформация в Швейцарии началась несколько позже, чем в Германии и независимо от нее. Горячим поборником реформы выступил Ульрих Цвингли (род. 1484 г.). Он был священником в Эйзиндейле (1516–17), славился ученостью и проповедничеством. Там, в Мариинской пустыни, была чудотворная икона, на поклонение которой стекалось много народа. Цвингли выступил перед богомольцами с проповедью против путешествий к святым местам, поклонения иконам и тому подобным, указывая, что есть только один ходатай небесный – Христос.

Перейдя в 1518 г. в Цюрих, он продолжал в том же духе проповедовать в кафедральной церкви. Когда в Цюрихе появился продавец индульгенций, некто Самсон, то Цвингли настоял на его изгнании. Цвингли восставал против постов, монашества, безбрачия духовенства, почитания икон, и учил, что в деле религии нужно держаться одного только св. Писания. Вследствие этого цюрихский совет, согласный с ним, в 1520 г. постановил, чтобы проповедники строго придерживались чисто евангельского учения. В 1522 г. Цвингли и его сторонники формально отложились от своего епископа (Констанского) и образовали особую общину. Тогда епископ обратился к сейму с просьбой прекратить реформы. Сейм был против церковных нововведений, но цюрихцы стояли за реформу. В 1523 г. в Цюрихе состоялись два религиозных диспута, на котором Цвингли защищал свое учение в 67 тезисах. После второго диспута, цюрихцы высказались за реформацию. В 1524–25 годах обедня была отменена, в богослужение введен родной язык, иконы из церкви вынесены, монастыри обращены в школы и благотворительные заведения.

Кроме Цюриха, цвинглиева реформа была введена и в некоторых других кантонах Швейцарии, как, например, в Базеле, Берне, Шафгаузене и прочих. Но кантоны Люцерн, Швиц, Ури и другие оставались верными Римской церкви, так как церковная реформа затрагивала их политические интересы. Реформа проникла в южную Германию, пограничную с кантонами, где говорили по-немецки. Там швейцарским реформаторам пришлось встретиться с лютеранским движением. Лютеране сохранили от старой веры некоторые взгляды и обряды, которые швейцарцы устранили. Но все же соединение казалось возможным. Лютер же высказался решительно против него. В Марбурге он имел спор с Цвингли. Главное несогласие было в понимании таинства причащения. Цвингли видел в нем простое воспоминание о Тайной Вечери. Он изгонял из богослужения

всякую обрядность, а иконопочитание считал идолопоклонством. Каждый остался при своем мнении. Цвингли со слезами убеждал Лютера признать братское общение между исповеданиями, но тот отказался наотрез. Так начался раскол среди протестантов.

В Швейцарии разгоралась вооруженная вражда между реформаторскими кантонами и католическими (лесными кантонами). Католические отряды подошли к Цюриху в 1531 г. Войска реформаторов, не успевшие подготовиться, были разбиты. Цвингли, находившийся при войсках в качестве проповедника, был убит. Католики его труп четвертовали и сожгли.

Кальвин

Переустройство церкви, начатое Цвингли, после его смерти приостановилось только в немецкой Швейцарии. Во французской же Швейцарии его дело продолжали другие работники реформации. Один из них Вильгельм Фарель, в 1532 г. появился в Женеве и имел такой успех, что женеvцы в 1535 г. выступили за реформацию и начали вводить церковное устройство согласно учению Цвингли. Но окончательная организация нового религиозного общества в Швейцарии, немного отличного от лютеранства, принадлежит Иоанну Кальвину.

Кальвин, родом француз, родился в 1509 г., был человек весьма способный, но отличался крайне суровым и мрачным настроением духа. Изучив в Париже латинское богословие и ознакомившись там же с протестантскими мнениями, он разорвал связи с Римской церковью и выступил в роли реформатора. В 1536 г., он, не решаясь оставаться во Франции, прибыл в Женеву, сошелся с Фарлем и вскоре, несмотря на свою молодость, стал во главе реформаторской партии. Он выделялся ясностью ума, убедительностью речи, твердой волей и умением влиять на людей. Он, разделяя воззрения Лютера и Цвингли, присоединил к ним и свои. Особенность его учения заключалась в учении о таинстве Евхаристии и, главным образом, в учении о предопределении. Он написал «Наставление в христианской вере», в котором старался доказать, что протестантизм не есть собрание случайных и изменчивых мнений, а стройное исповедание истинной и божественной церкви. Кальвин направил свою деятельность на реформу нравов, приурочив ее к своему учению о предопределении. Он убеждал, что мысль о предопределении ко спасению (так как никто не знает, куда он предопределен), должна пробуждать чувство веры и преданности воле Божией, располагать к строгой нравственной жизни и т.п. Поэтому от своих последователей, как предопределенных к спасению, он требовал строгой, аскетической жизни.

Правила жизни, данные им женеvцам, и его стараниями возведенных в 1538 г. женеvским советом на степень государственных законов, касались всего быта и отличались большой строгостью и суровостью. Так, например, всякого вида проявления роскоши, обычные увеселения, игры, пение светских песен, музыка и тому подобное, этими правилами безусловно запрещались и даже преследовались с неумолимой строгостью разными исправительными наказаниями. За серьезные же проступки, как богохульство, кощунство, распущенная жизнь, назначалось изгнание из

отечества, и даже смертная казнь. Такие суровые правила восстановили очень многих против Кальвина, образовалась сильная партия недовольных, которая заставила его бежать из Женевы. Только в 1540 г., когда его приверженцы взяли перевес, реформатор смог вернуться в Женеву. Теперь он совершенно подчинил своему влиянию женеvцев и в течение 20-и лет успел довести дело до конца. Особенно беспощадно он относился к свободомыслящим, то есть к людям, которые имели свои собственные взгляды по религиозным вопросам. Они были для него ненавистнее католиков. Один из свободомыслящих, испанец Сервет, живший в Бургундии, вступил в переписку с Кальвином и пытался его убедить, что догмат Троичности ложен. Кальвин донес на него французской инквизиции и доставил письма Сервета. Последний успел бежать, но по неосторожности, по пути в Италию, заехал в Женеву. Его немедленно арестовали. Кальвин повел против него процесс, который кончился сожжением Сервета. Он беспощадно расправлялся со своими политическими противниками или с людьми, возражавшими против его цензуры мнений и нравов. Многие женеvцы выехали из города, но зато появились тысячи протестантов, подвергавшихся гонениям во Франции. Их общины сплотились вокруг Женевы, и Кальвин установил «цюрихское соглашение», которое присоединило кальвинистов и цвинглианцев в т.н. **«реформаторскую» церковь**. Затем была основана академия для подготовки протестантских проповедников во французских землях.

Кальвин удалил из церквей все, что напоминало о католичестве – иконы, кресты, престолы и пр. Были изгнаны даже церковная музыка и украшения. Само богослужение ограничивалось проповедью, чтением молитв и простым пением псалмов. Обрядность была отменена. Таинство крещения совершалось через одно окропление водой без крестного знамения, таинство причащения – в виде преломления хлеба поочередно каждым из присутствующих и притом сидя. Эти таинства были сохранены Кальвином. Отвергнув иерархию, он заменил ее учителями и проповедниками и учредил должность старейшин для наблюдения за нравственной жизнью членов каждой общины и диаконов для заведования благотворительными учреждениями. Избрание всех этих должностей Кальвин предоставил не светской власти, как Лютер, а самим общинам.

Кальвин умер в 1564 г. Основанное им учение называется **реформаторским** или **кальвинским**. Женевa сделалась «священным городом» для западного протестантизма и школой, от которой шли нити во Францию, Германию, Голландию и Англию.

Распространение кальвинизма

Переустройство церкви, начатое Цвингли, после его смерти приостановилось только в немецкой Швейцарии. Во французской же Швейцарии его дело продолжали другие работники реформации. Один из них Вильгельм Фарель, в 1532 г. появился в Женеве и имел такой успех, что женеvцы в 1535 г. выступили за реформацию и начали вводить церковное устройство согласно учению Цвингли. Но окончательная организация нового религиозного общества в Швейцарии, немного отличного от лютеранства, принадлежит Иоанну Кальвину.

Кальвин, родом француз, родился в 1509 г., был человек весьма способный, но отличался крайне суровым и мрачным настроением духа. Изучив в Париже латинское богословие и ознакомившись там же с протестантскими мнениями, он разорвал связи с Римской церковью и выступил в роли реформатора. В 1536 г., он, не решаясь оставаться во Франции, прибыл в Женеву, сошелся с Фарлем и вскоре, несмотря на свою молодость, стал во главе реформаторской партии. Он выделялся ясностью ума, убедительностью речи, твердой волей и умением влиять на людей. Он, разделяя воззрения Лютера и Цвингли, присоединил к ним и свои. Особенность его учения заключалась в учении о таинстве Евхаристии и, главным образом, в учении о предопределении. Он написал «Наставление в христианской вере», в котором старался доказать, что протестантизм не есть собрание случайных и изменчивых мнений, а стройное исповедание истинной и божественной церкви. Кальвин направил свою деятельность на реформу нравов, приурочив ее к своему учению о предопределении. Он убеждал, что мысль о предопределении ко спасению (так как никто не знает, куда он предопределен), должна пробуждать чувство веры и преданности воле Божией, располагать к строгой нравственной жизни и т.п. Поэтому от своих последователей, как предопределенных к спасению, он требовал строгой, аскетической жизни.

Правила жизни, данные им женеvцам, и его стараниями возведенных в 1538 г. женеvским советом на степень государственных законов, касались всего быта и отличались большой строгостью и суровостью. Так, например, всякого вида проявления роскоши, обычные увеселения, игры, пение светских песен, музыка и тому подобное, этими правилами безусловно запрещались и даже преследовались с неумолимой строгостью разными исправительными наказаниями. За серьезные же проступки, как богохульство, кощунство, распущенная жизнь, назначалось изгнание из

отечества, и даже смертная казнь. Такие суровые правила восстановили очень многих против Кальвина, образовалась сильная партия недовольных, которая заставила его бежать из Женевы. Только в 1540 г., когда его приверженцы взяли перевес, реформатор смог вернуться в Женеву. Теперь он совершенно подчинил своему влиянию женеvцев и в течение 20-и лет успел довести дело до конца. Особенно беспощадно он относился к свободомыслящим, то есть к людям, которые имели свои собственные взгляды по религиозным вопросам. Они были для него ненавистнее католиков. Один из свободомыслящих, испанец Сервет, живший в Бургундии, вступил в переписку с Кальвином и пытался его убедить, что догмат Троичности ложен. Кальвин донес на него французской инквизиции и доставил письма Сервета. Последний успел бежать, но по неосторожности, по пути в Италию, заехал в Женеву. Его немедленно арестовали. Кальвин повел против него процесс, который кончился сожжением Сервета. Он беспощадно расправлялся со своими политическими противниками или с людьми, возражавшими против его цензуры мнений и нравов. Многие женеvцы выехали из города, но зато появились тысячи протестантов, подвергавшихся гонениям во Франции. Их общины сплотились вокруг Женевы, и Кальвин установил «цюрихское соглашение», которое присоединило кальвинистов и цвинглианцев в т.н. **«реформаторскую» церковь**. Затем была основана академия для подготовки протестантских проповедников во французских землях.

Кальвин удалил из церквей все, что напоминало о католичестве – иконы, кресты, престолы и пр. Были изгнаны даже церковная музыка и украшения. Само богослужение ограничивалось проповедью, чтением молитв и простым пением псалмов. Обрядность была отменена. Таинство крещения совершалось через одно окропление водой без крестного знамения, таинство причащения – в виде преломления хлеба поочередно каждым из присутствующих и притом сидя. Эти таинства были сохранены Кальвином. Отвергнув иерархию, он заменил ее учителями и проповедниками и учредил должность старейшин для наблюдения за нравственной жизнью членов каждой общины и диаконов для заведования благотворительными учреждениями. Избрание всех этих должностей Кальвин предоставил не светской власти, как Лютер, а самим общинам.

Кальвин умер в 1564 г. Основанное им учение называется **реформаторским** или **кальвинским**. Женевa сделалась «священным городом» для западного протестантизма и школой, от которой шли нити во Францию, Германию, Голландию и Англию.

Франция

Во Францию **кальвинизм** проник еще при жизни Кальвина, который посылал туда проповедников. Он привлекал французов своей законченностью, ясностью и боевым характером. Французских протестантов стали называть **гугенотами** (по имени Гюга). Новое учение нашло много последователей среди дворянства, духовенства, горожан и простого народа. Даже некоторые из королевских принцев сделались кальвинистами, например, принцы Бурбоны, которым принадлежало королевство Наварра, вдоль Пиренеев. Возникло много общин, особенно на юге Франции, устроенных по образцу женеvской. Французские короли, Франциск I, Генрих II, Франциск II – при которых насаждался кальвинизм, остались верны Римской церкви и преследовали кальвинистов. За распространение кальвинистских книг назначалась смертная казнь. Это заставило гугенотов сплотиться и образовать сильную политическую партию. Во главе католиков, требовавших искоренения ереси, стояли герцог Гиз, а также мать трех королей Екатерина Медичи, хитрая и неразборчивая в средствах итальянка, имевшая большое влияние в государстве при династии Валуа. Началась вооруженная борьба между противниками, длившаяся 36 лет. Стороны заключали мирные договоры и тотчас снова начинали военные действия. Католики при этом проявили крайнюю жестокость.

В 1572 г., сразу же после заключения мира, Екатерина Медичи решила покончить дело одним ударом. Королем был её сын Карл IX. В Париж как раз съехалось много гугенотов для присутствия на свадьбе их единомышленника, Генриха Наваррского и сестры короля. Генрих приблизил к себе вождя гугенотов, адмирала Колиньи. Екатерина Медичи сговорила с Гизами перебить в одну ночь всех гугенотов, что и было сделано в ночь с 23 на 24 августа, названной потом **Варфоломеевской ночью**. Первым был убит адмирал Колиньи. Король, который вначале был против замышленного, потом пришел в исступление и стрелял из окна по несчастным, которые метались по улицам в поисках спасения. Резня продолжалась несколько дней в Париже и провинции. Всего было убито 30 000. Римский папа велел служить благодарственный молебен по случаю истребления еретиков.

Но католики не победили. Оставшиеся в живых гугеноты продолжали борьбу с еще большим ожесточением. Гугенотов возглавил Генрих Наваррский Бурбон. Двор пытался достигнуть примирения. Но крайние

католики, во главе с герцогом Генрихом Гизом, образовали Лигу – союз, для отстаивания католичества, не считаясь с указаниями правительства. Католики получили помощь от испанского короля Филиппа II.

С Гизами не мог справиться сам новый король Генрих III. Он потребовал вытеснить Гиза из Парижа, но тот оказал такое сопротивление, что пришлось бежать из столицы. Обманув Гиза притворным примирением, король велел его умертвить. Не прошло и года, как Генрих III, последний Валуа, был зарезан фанатиком-католиком. Права на престол перешли к Генриху Бурбону. Это был неутомимый, блестящий воин и политик, человек веселого нрава, всех к себе располагавший, чуждый нетерпимости и фанатизма. К нему охотно примкнули и умеренные католики, которым надоела война, своеволие солдат и знати, хозяйничанье в стране иностранцев. Но Лига не хотела подчиниться еретику и продолжала войну в союзе с ярким католиком, испанским королем Филиппом II.

Генрих разбил лигеров, но никак не мог взять осажденный им Париж. Наконец он решился на важный шаг: заявив – «Париж стоит обедни», он отрекся от протестантизма и принял католичество. Для него требования политики были выше религиозных. Он считал, что король должен исповедовать веру большинства своих подданных, которое составляли католики. Париж открыл ворота королю и восторженно принял его. Король легко покончил с сопротивлением мелких вождей Лиги, некоторых задобрив деньгами, других победил. Для умиротворения протестантов Генрихом IV был издан в 1598 г. нантский эдикт, по которому им давалась свобода в исповедании своей веры, публичное совершение богослужений (в назначенных местах), право печатать религиозные книги, занимать должности в государстве и тому подобное. Для обеспечения выполнения договора протестантам предоставили управление в нескольких укрепленных городах. Испанский король Филипп, недовольный замирением Франции, двинул туда свои войска одновременно с Пиренеев и Нидерландов, но они были разбиты Генрихом IV. В 1629 г. при короле Людовике XIII права кальвинистов во Франции были вновь подтверждены **милостивым эдиктом**, изданным в Ниме.

Нидерланды

В Нидерланды реформаторские идеи проникли вместе с сочинениями Лютера, и потому начавшееся движение было названо лютеранским. Но затем сюда проник **кальвинизм** и получил преобладающее значение. В середине 16-го века в Нидерландах было уже много кальвинистских общин, устроенных по образцу женеvской. Император Карл V, испанский король, владевший и Нидерландами, принимал жестокие меры, но не мог остановить распространение новых религиозных учений. При его сыне Филиппе II (1556–98) положение там обострилось. Он думал удержать нидерландцев учреждением новых епископий в лоне католической церкви, ввел суд инквизиции. Но начавшиеся после этого религиозные процессы и многочисленные казни вызвали только восстание в Нидерландах (1566 г.). Сменив управлявшую от его имени герцогиню Маргариту Пармскую, король Филипп отправил в Нидерланды испанское войско под начальством **герцога Альбы**, отличного полководца и в то же время мрачного, беспощадного фанатика.

Национальному и религиозному движению полностью сочувствовал немецкий князь **Вильгельм Оранский**, имевший владения в Нидерландах. Во главе движения стояли также граф Эдмонт, прославившийся в войнах, и нидерландский адмирал граф Горн. Оба они были вероломно захвачены Альбой и казнены. Вильгельм Оранский вел вооруженную борьбу с Альбой, который с испытанными в боях солдатами побеждал всякое сопротивление. Страна была залита кровью. Цветущие Нидерланды были разорены. Но сопротивление продолжалось. Филипп II был вынужден отозвать Альбу и попытался действовать мирным путем. Но ненависть народа к притеснителям была слишком сильна. Все нидерландские провинции заключили договор с обязательством прогнать испанцев. Единственное, на чем мог сыграть новый правитель Нидерландов, – это на том, чтобы южные области страны (романского происхождения) оставались католическими, тогда как северные (с германским населением) приняли протестантизм.

Пользуясь религиозной враждой, Александр Фарнезе, правящий страной, сумел привлечь на свою сторону католиков. Пять же северных провинций составили в 1579 г. в Утрехте вечный союз для поддержки своей независимости и религии. Вскоре к ним примкнули еще две. Штатгальтером (наместником) был избран Вильгельм Оранский. Когда же он пал от руки убийцы, его заменил сын Мориц Оранский. После смерти

Фарнезе дела испанцев пошли плохо, и Испания заключила перемирие с Соединенными Провинциями. По Вестфальскому миру 1648 г. была признана независимость Нидерландов (Голландии) и кальвинизм там утвердился еще больше.

Шотландия

В Шотландии, которая в 16 веке была самостоятельным государством с собственным правительством, распространителем кальвинизма был Джон Нокс. Еще в 1547 г. он выступил со своими проповедями против Римской церкви. Побывав в Женеве и ознакомившись с реформой Кальвина, Нокс сделался его ревностным последователем и, по возвращении в 1555 г. на родину, начал фанатически распространять его мрачное и суровое учение. Под влиянием красноречивых проповедей Нокса, в которых он потрясал народ грозными библейскими изречениями, шотландцы начали изгонять священников, сжигать иконы, церковные украшения и нередко закрывать церкви.

Шотландская королева Мария Стюарт, будучи супругой французского короля, Франциска II, проживала тогда во Франции. Шотландией управляла, в качестве регентши, ее мать. Твердого правительства не было, и Нокс свободно проповедовал свое учение. В 1560 г., после смерти регентши, Нокс и его приверженцы захватили в свои руки власть. Они достигли того, что в том же году шотландский парламент провозгласил **кальвинизм** государственной религией. После этого Нокс приобрел в Шотландии такую же власть, как Кальвин в Швейцарии. Он окончательно реформировал церковь на началах кальвинизма. Королева Мария, возвратившись после смерти мужа в Шотландию, несмотря на то, что была ревностной католичкой, вследствие политических осложнений, не смогла предпринять ничего важного против реформы церкви. Нокс до самой смерти (1572 г.) заправлял всеми церковными делами Шотландии и навсегда упрочил в ней кальвинизм. Он, как и Кальвин, во главе каждой общины поставил старейшину – пресвитера. Поэтому шотландские кальвинисты получили название пресвитериан.

Протестантские секты до Вестфальского мира

Протестантство, утвердившее принцип свободы разума в делах веры, само положило начало новым религиозным учениям, извращавшим христианство еще больше, чем лютеранство и реформатство. Последователи учений, возникших на почве протестантства, но им не признанных, образовали протестантские секты. Наиболее известные из них анабаптисты или монониты, социане и арминиане.

Анабаптисты (перекрещенцы) получили свое название от перекрещивания вступающих в их общество. Развивая учение о личном общении с Богом, они утверждали, что в каждом верующем живет и действует Дух Божий, освящающий его и руководящий всеми его мыслями, чувствами, желаниями и поступками. Себя они считали святыми, свое общество церковью святых, для вступления в которое требовалось **новое крещение**. Все церковные законы и учреждения они признавали ограничением свободы духа, действующего в них. Свое историческое существование анабаптисты озаменовали стремлением разрушить все существующие государственные учреждения и порядки, как церковные, так и гражданские, и основать «церковь святых» на началах свободы, равенства, коммунистического общности имущества и тому подобное.

Анабаптисты появились впервые в германском городке Цвиккау около 1520 г. Здесь во главе их стоял Фома Мюнцер, являвшийся проповедником, Николай Шторх, простой фабрикант и Марк Штибнер, бывший студент Виттенбергского университета. За свои выступления с призывом к ниспровержению всех порядков жизни Мюнцер был изгнан из Цвиккау и отправился блуждать по Германии с теми же революционными целями. Оставшиеся в Цвиккау анабаптисты сумели поднять восстание против городских властей. Часть из них попали в тюрьмы, другие бежали. Шторх, Штибнер и другие «цвиккауские пророки» ушли в Виттенберг, думая найти сочувствие у тамошних реформаторов. Но в 1522 г. они были изгнаны и оттуда.

Мюнцеру же удалось поднять **восстание крестьян** против помещиков и властей. Он, признав себя церковным и гражданским реформатором, возглавил отряды восставших. Разбитый в сражении в 1535 г., он был казнен. После этого во всей Германии начались поголовные преследования анабаптистов. Католики и протестанты жгли и казнили их без всякой пощады. Но анабаптизм все же продолжал развиваться в

Швейцарии и Нидерландах. В тридцатых годах он с новой силой заявил о себе в Германии.

В 1529 г. в вестфальском городе Мюнстере появились выходцы из Нидерландов анабаптисты Иоанн Матисен (булочник) и Иоанн Боккольд (портной) из Лейдена, названный Иоаннам Лейденским. Выдавая себя за пророков, они, проповедуя новую церковь, наступление тысячелетнего царства Христова, увлекли за собой чернь. Все, не принимавшие крещения, были изгнаны из города, и сектанты стали устраивать свое общество. Матисен был вскоре убит в вылазке против осаждавшего город епископа. Главным лицом стал Иоанн Лейденский. Он объявил себя мессией, надел корону, окружил себя двором. По ветхозаветному образцу им были назначены 12 старейшин и устроен порядок, при котором изуверство сочеталось с распутством. Анабаптисты пророчествовали, призывали к истреблению безбожников, поделили имущество, завели многоженство, проводили время в кутежах. Сам Иоанн Лейденский предоставил себе деспотическую власть над жизнью и имуществом своих подданных. В 1535 г. мюнстерский епископ взял, наконец, город. Иоанн со многими своими последователями был казнен. В Германии началось снова преследование анабаптистов, которые, спасаясь, рассеялись по всей Европе. Секта стала сокращаться.

Возобновил ее Симон **Меннон**, католический священник из Голландии, вступивший в 1536 г. в секту анабаптистов. Он ее преобразовал, введя в ее жизнь строго нравственные правила, установив дисциплину, вероучению придав определенность. Эти сектанты стали мирными, трудолюбивыми и нравственными. От прежнего анабаптизма у них осталось только отрицание крещения детей и представление о своей секте, как об обществе святых. Получив имя своего основателя и преобразователя, меннониты считали для себя обязательным удаление от военной и гражданской службы, от судебных процессов, проводили жизнь, замкнутую в своем обществе. Что касается вероучения, то Меннон приблизил его к реформаторскому, придав только большее значение обрядности. Меннониты сосредоточивались главным образом в Голландии, где им давно была предоставлена свобода богослужений. Их общины были и в России.

Основателем секты **социан** были Лелий Социн (ум. 1561 г.) и его племянник Фауст Социн (ум 1604 г.), от которых она и получила свое название. Их учение есть возобновление учения древних антитринитариев, почему их называют также унитариями и антитринитариями. Лелий Социн был родом итальянец, по профессии юрист. Увлечшись

богословием, он изучал его в Швейцарии под руководством Меланхтона. Он решил, что в Св. Писании надо принимать только то, что понятно и может быть объяснено разумом. Находя, что христианское учение о Св. Троице непостижимо для разума и противоречит ему, он стал утверждать, что Бог есть только единичное лицо. Господа нашего Иисуса Христа он признавал обыкновенным человеком, одаренным чрезвычайной божественной силой.

Мнения Социна разделяли немногие, подобные ему рационалисты в религии, и вообще его учение не встретило сочувствия в протестантских странах. Поэтому Социн и его единомышленники переместились в Польшу и Трансильванию (1551 г.), надеясь там организовать свое общество. Это удалось, уже после смерти Социна, его племяннику, Фаусту. В этих странах, особенно в Польше, социане нашли многих последователей, преимущественно в среде вельмож и дворянства. Фауст Социн к концу 16 века успел образовать самостоятельные общины с церквями и школами. Благодаря связям, которые создали знатные люди, социане в Польше получили право на свободное исповедание и достигли процветания. В 1658 г., по настоянию иезуитов, социан изгнали из Польши. С того времени их секта стала исчезать. В настоящее время их секта существует в Трансильвании.

Секта **арминиан** развилась на почве реформаторства и стремилась несколько ослабить мрачное учение Кальвина о безусловном предопределении. Иаков Арминий был реформаторским проповедником в Голландии (с 1588 г.), а потом профессором в Лейденском университете (с 1603 г.). В своих лекциях и проповедях он проводил мысль, что Бог от вечности определяет людей к гибели **по их собственной вине и по Своему справедливому Божескому суду**. Многие в Голландии примкнули к этому учению. Но против него восстали приверженцы учения о безусловном предопределении. Во главе последних был товарищ Арминия по университету, Франц Гомар. Спор между их последователями продолжался и после смерти Арминия (1609 г.). Сторону гомаристов принял освободитель Нидерландов от испанцев, Мориц Оранский, надеявшийся с их помощью уничтожить республиканское правление в Голландии и сделаться там государем. На всеобщем реформаторском синоде в Дортрехте (1618–19) арминиане были осуждены как еретики и затем подвергнуты жестоким преследованиям. Но в 1625 г., после смерти Морица, они получили гражданские права и свободу вероисповедания.

Англиканская церковь

Протестантские учения проникли с материка и в Англию. Но здесь их богословская сторона мало занимала умы. Гораздо более интересовала англичан возможность свергнуть папское иго, с которым были сопряжены для них большие денежные поборы в пользу Рима и духовенства. Такой характер и носили в Англии первые протесты против Римской церкви.

Властный английский король Генрих VIII(1509–47), из династии Тюдоров, был добрым католиком, сам написал опровержение против Лютера в 1521 г. Он получил богословское схоластическое образование. Политические и личные причины побудили его порвать с католической церковью. Первый толчок был дан семейными отношениями короля, с которыми примешивались дипломатические соображения. В начале своего царствования, Генрих действовал против Франции в союзе с Испанией. Союз этот был закреплен браком короля с дочерью испанского короля, теткой императора Карла V. Когда Генрих стал тяготиться союзом с Испанией и хотел жениться на фрейлине королевы, Анне Болейн, он решил развестись с женой, Екатериной Арагонской. В 1527 г. он просил папу Климента VII о разводе, указав, как на основание, то, что супруга его была когда-то обручена с его покойным братом. Папа, под влиянием императора Карла V, после долгих проволочек, отказал ему в этом. Тогда Генрих решил не только обойтись без папы в деле о браке, но и совсем уничтожить его власть в английской церкви. В 1533 г., по его распоряжению, английский парламент издал закон о независимости Англии от папы в церковных делах. Верховенство папы в английских церковных делах перешло к королю, который в 1534 г. формально и торжественно объявил себя главой английской церкви. Брак с Екатериной был расторгнут парламентом, и король женился на Анне Болейн.

Большинство епископов и священников подчинились новому порядку в церковном управлении. Не признавшие же главенства короля подверглись преследованиям и казням. Затем Генрих закрыл все монастыри (1538 г). и имущество их конфисковал в свою пользу. Что касается вероучения, то король-реформатор не внес в него почти никаких перемен. В душе он оставался прежним католиком. Только благодаря стараниям архиепископа Кентерберийского, Томаса Кранмера, и своего министра, Кроумеля, тайных протестантов, бывших главными советниками во время столкновения с папой, Генрих издал от лица парламента нечто вроде нового учения (в 10 членах). В нем говорилось о

трех таинствах – крещении, покаянии и причащении, – об оправдании верой, отменялось почитание икон и святых и т.п. Но все это излагалось крайне неопределенно и не в протестантском смысле. Так, признавалось пресуществление, добрые дела считались необходимыми для оправдания, иконы рекомендовалось оставить в церквях и пр. В последнем же своем распоряжении относительно вероучения – так называемых «Шести членах» – Генрих прямо восстал против лютеранства, угрожая смертной казнью тем, кто будет отрицать пресуществление, допускать причащение под обоими видами, утверждать, что священникам можно вступать в брак и проч. В силу этого многие лютеране подверглись преследованиям. В числе их был казнен и Кроумель, как слишком склонный к протестантизму. Генрих VIII был женат шесть раз и двух из своих жен, в том числе Анну Болейн, казнил, а с двумя развелся.

При преемнике Генриха, его сыне, Эдуарде VI (1547–53), в Англии началась реформа вероучения и богослужения, но не в такой резкой форме, как в Германии и Швейцарии. Сам Эдуард, как малолетний, не мог принимать участия в реформе. Ее проводил парламент, вернее, регенты государства, в числе которых были как католики, так и приверженцы протестантизма, как напр., архиеп. Кранмер. Установилась связь с немецкими лютеранами и Кальвином. Прежде всего были отменены «шесть членов» Генриха VIII и допущено причащение под обоими видами, разрешены браки священников, всем разрешено чтение Библии, переведенной на английский язык еще при Генрихе. Затем, после долгих совещаний английских и прибывших немецких богословов, был издан общий молитвенник и обрядник (1548 г.) и, наконец, 42 члена англиканского вероисповедания (в 1551 г.). Строго говоря, не было проведено ни католичество, ни лютеранство. В угоду приверженцам обоих вероисповеданий была создана своеобразная смесь того и другого. Так, о св. Писании говорилось, как о главном источнике вероучения, но предлагалось уважать и Предание. Об оправдании и предопределении было сказано так неопределенно, что можно было понимать и в католическом, и в протестантском смысле. Таинства оставлены – крещение, покаяние и причащение – и в евхаристии признавалось действительное присутствие Тела и Крови Христовой. Определенно только отменялись почитание икон и мощей, призывание святых, индульгенции, чистилище и молитва за умерших. Иерархия оставлена неприкосновенной. Этой реформой было положено основание **англиканской епископальной церкви.**

После смерти Эдуарда VI в 1553 г. на престол вступила строгая

католичка, Мария, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, ставшая женой испанского короля Филиппа II. Она восстановила католичество и подвергла жестокому гонению протестантов. Архиепископ Кранмер и два других епископа были сожжены в Оксфорде, f вслед за ними было казнено множество других протестантов. Послушный королеве парламент добился лишь того, что имущество, отнятое у духовенства, не было возвращено ему и осталось у новых владельцев.

В 1558 году Мария умерла и на престол вступила дочь Генриха VIII и Анны Болейн, Елизавета (1558–1603), с именем которой связано усиление Англии, в частности, как морской державы. Она была воспитана в протестантизме. Начались гонения на католиков. Было восстановлено смешанное вероисповедание. В 1559 г. парламент подтвердил главенство королевской власти в церкви и все церковные распоряжения, изданные при Эдуарде. В видах соглашения были пересмотрены 42 члена исповедания и из них составлено новое англиканское исповедание в 39 членах. Изменений было внесено мало и еще более сглажены особенности обоих вероучений. В 1562 г. вероучение – «39 членов» – было утверждено духовным парламентом (синодом) и сделано обязательным для всех символом веры.

Таким образом, при Елизавете окончательно образовалась англиканская епископальная церковь со смешанным вероучением, которая стала государственной. Но крайние приверженцы католичества и протестантизма не признали этой церкви, несмотря на все крутые меры Елизаветы. Католичество удержалось, главным образом, в Ирландии. Протестантизм проникал из Шотландии. Создалась сильная партия «**пуритан**» (чистых), которые требовали очищения церкви от остатков католицизма. Они возражали против сохранения епископства и священников. Их возмущали обряды, украшения, одежды, богослужебные предметы, оставшиеся от католичества. Они требовали полного проведения кальвинизма. Елизавета и ее советники принимали меры против пуритан. Священников, поддерживавших кальвинизм, лишали мест. Наиболее резких обличителей англиканской церкви приговаривали к позорному столбу, рубили руки, уши. Для их преследования был учрежден «суд высокой комиссии». Но затем, по политическим соображениям, Елизавете пришлось смягчить отношение к пуританам. Ее упорными врагами стали католики, направляемые испанским королем Филиппом II. Он открыл в Бельгии семинарию для католических священников, которые потом отправлялись в Англию и, с опасностью для жизни, исполняли церковные требы для католиков и настраивали против англиканской

церкви. Во время подготовки Филиппом высадки в Англии (она не удалась, так как испанский флот «непобедимая армада» был разбит в 1588 г. бурями и англичанами) несколько молодых католиков сговорились убить Елизавету. Заговор был открыт. В соучастии была обвинена шотландская королева, католичка Мария Стюарт, пробывшая 18 лет пленницей в английских замках. Она была казнена. В это трудное время пуритане были нужны Елизавете для борьбы с католиками. В Англии, наряду с англиканской церковью, существовали общества пресвитериан, пуритан и индепендентов.

Римская церковь в борьбе с протестантством

Протестантские учения проникли с материка и в Англию. Но здесь их богословская сторона мало занимала умы. Гораздо более интересовала англичан возможность свергнуть папское иго, с которым были сопряжены для них большие денежные поборы в пользу Рима и духовенства. Такой характер и носили в Англии первые протесты против Римской церкви.

Властный английский король Генрих VIII(1509–47), из династии Тюдоров, был добрым католиком, сам написал опровержение против Лютера в 1521 г. Он получил богословское схоластическое образование. Политические и личные причины побудили его порвать с католической церковью. Первый толчок был дан семейными отношениями короля, с которыми примешивались дипломатические соображения. В начале своего царствования, Генрих действовал против Франции в союзе с Испанией. Союз этот был закреплен браком короля с дочерью испанского короля, теткой императора Карла V. Когда Генрих стал тяготиться союзом с Испанией и хотел жениться на фрейлине королевы, Анне Болейн, он решил развестись с женой, Екатериной Арагонской. В 1527 г. он просил папу Климента VII о разводе, указав, как на основание, то, что супруга его была когда-то обручена с его покойным братом. Папа, под влиянием императора Карла V, после долгих проволочек, отказал ему в этом. Тогда Генрих решил не только обойтись без папы в деле о браке, но и совсем уничтожить его власть в английской церкви. В 1533 г., по его распоряжению, английский парламент издал закон о независимости Англии от папы в церковных делах. Верховенство папы в английских церковных делах перешло к королю, который в 1534 г. формально и торжественно объявил себя главой английской церкви. Брак с Екатериной был расторгнут парламентом, и король женился на Анне Болейн.

Большинство епископов и священников подчинились новому порядку в церковном управлении. Не признавшие же главенства короля подверглись преследованиям и казням. Затем Генрих закрыл все монастыри (1538 г). и имущество их конфисковал в свою пользу. Что касается вероучения, то король-реформатор не внес в него почти никаких перемен. В душе он оставался прежним католиком. Только благодаря стараниям архиепископа Кентерберийского, Томаса Кранмера, и своего министра, Кроумеля, тайных протестантов, бывших главными советниками во время столкновения с папой, Генрих издал от лица парламента нечто вроде нового учения (в 10 членах). В нем говорилось о

трех таинствах – крещении, покаянии и причащении, – об оправдании верой, отменялось почитание икон и святых и т.п. Но все это излагалось крайне неопределенно и не в протестантском смысле. Так, признавалось пресуществление, добрые дела считались необходимыми для оправдания, иконы рекомендовалось оставить в церквях и пр. В последнем же своем распоряжении относительно вероучения – так называемых «Шести членах» – Генрих прямо восстал против лютеранства, угрожая смертной казнью тем, кто будет отрицать пресуществление, допускать причащение под обоими видами, утверждать, что священникам можно вступать в брак и проч. В силу этого многие лютеране подверглись преследованиям. В числе их был казнен и Кроумель, как слишком склонный к протестантизму. Генрих VIII был женат шесть раз и двух из своих жен, в том числе Анну Болейн, казнил, а с двумя развелся.

При преемнике Генриха, его сыне, Эдуарде VI (1547–53), в Англии началась реформа вероучения и богослужения, но не в такой резкой форме, как в Германии и Швейцарии. Сам Эдуард, как малолетний, не мог принимать участия в реформе. Ее проводил парламент, вернее, регенты государства, в числе которых были как католики, так и приверженцы протестантизма, как напр., архиеп. Кранмер. Установилась связь с немецкими лютеранами и Кальвином. Прежде всего были отменены «шесть членов» Генриха VIII и допущено причащение под обоими видами, разрешены браки священников, всем разрешено чтение Библии, переведенной на английский язык еще при Генрихе. Затем, после долгих совещаний английских и прибывших немецких богословов, был издан общий молитвенник и обрядник (1548 г.) и, наконец, 42 члена англиканского вероисповедания (в 1551 г.). Строго говоря, не было проведено ни католичество, ни лютеранство. В угоду приверженцам обоих вероисповеданий была создана своеобразная смесь того и другого. Так, о св. Писании говорилось, как о главном источнике вероучения, но предлагалось уважать и Предание. Об оправдании и предопределении было сказано так неопределенно, что можно было понимать и в католическом, и в протестантском смысле. Таинства оставлены – крещение, покаяние и причащение – и в евхаристии признавалось действительное присутствие Тела и Крови Христовой. Определенно только отменялись почитание икон и мощей, призывание святых, индульгенции, чистилище и молитва за умерших. Иерархия оставлена неприкосновенной. Этой реформой было положено основание **англиканской епископальной церкви.**

После смерти Эдуарда VI в 1553 г. на престол вступила строгая

католичка, Мария, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, ставшая женой испанского короля Филиппа II. Она восстановила католичество и подвергла жестокому гонению протестантов. Архиепископ Кранмер и два других епископа были сожжены в Оксфорде, f вслед за ними было казнено множество других протестантов. Послушный королеве парламент добился лишь того, что имущество, отнятое у духовенства, не было возвращено ему и осталось у новых владельцев.

В 1558 году Мария умерла и на престол вступила дочь Генриха VIII и Анны Болейн, Елизавета (1558–1603), с именем которой связано усиление Англии, в частности, как морской державы. Она была воспитана в протестантизме. Начались гонения на католиков. Было восстановлено смешанное вероисповедание. В 1559 г. парламент подтвердил главенство королевской власти в церкви и все церковные распоряжения, изданные при Эдуарде. В видах соглашения были пересмотрены 42 члена исповедания и из них составлено новое англиканское исповедание в 39 членах. Изменений было внесено мало и еще более сглажены особенности обоих вероучений. В 1562 г. вероучение – «39 членов» – было утверждено духовным парламентом (синодом) и сделано обязательным для всех символом веры.

Таким образом, при Елизавете окончательно образовалась англиканская епископальная церковь со смешанным вероучением, которая стала государственной. Но крайние приверженцы католичества и протестантизма не признали этой церкви, несмотря на все крутые меры Елизаветы. Католичество удержалось, главным образом, в Ирландии. Протестантизм проникал из Шотландии. Создалась сильная партия «**пуритан**» (чистых), которые требовали очищения церкви от остатков католицизма. Они возражали против сохранения епископства и священников. Их возмущали обряды, украшения, одежды, богослужебные предметы, оставшиеся от католичества. Они требовали полного проведения кальвинизма. Елизавета и ее советники принимали меры против пуритан. Священников, поддерживавших кальвинизм, лишали мест. Наиболее резких обличителей англиканской церкви приговаривали к позорному столбу, рубили руки, уши. Для их преследования был учрежден «суд высокой комиссии». Но затем, по политическим соображениям, Елизавете пришлось смягчить отношение к пуританам. Ее упорными врагами стали католики, направляемые испанским королем Филиппом II. Он открыл в Бельгии семинарию для католических священников, которые потом отправлялись в Англию и, с опасностью для жизни, исполняли церковные требы для католиков и настраивали против англиканской

церкви. Во время подготовки Филиппом высадки в Англии (она не удалась, так как испанский флот «непобедимая армада» был разбит в 1588 г. бурями и англичанами) несколько молодых католиков сговорились убить Елизавету. Заговор был открыт. В соучастии была обвинена шотландская королева, католичка Мария Стюарт, пробывшая 18 лет пленницей в английских замках. Она была казнена. В это трудное время пуритане были нужны Елизавете для борьбы с католиками. В Англии, наряду с англиканской церковью, существовали общества пресвитериан, пуритан и индепендентов.

Триденский собор

Реформаторское движение было страшным ударом для Римской церкви и папства. С начала реформации протестанты и католики указывали на различные ошибки и злоупотребления в церковной жизни и требовали коренных преобразований и созыва всеобщего собора. Папы понимали возникшую опасность и старались ее устранить. Папа Лев X (1513–21) стремился подавить силой реформаторское движение и восстанавливал Карла V против Лютера и его последователей. Папа Адриан VI (1521–23), один из достойнейших пап, всерьез думал о церковных реформах, чтобы остановить брожение. Папа Климент VII (1521–34) снова полагался на силу, используя интриги и политические извороты. Положение папы затруднялось тем, что император Карл V, хотя и католик, тоже требовал преобразований и созыва собора. Папа же особенно не желал собора и под разными предлогами уклонялся от его созыва.

Папа Павел III (1534–49) думал иначе. Он считал, что собор, под влиянием папы, мог послужить отличным средством для поражения реформации и прочного утверждения католичества. В 1545 г. собор открылся в **Тридене**, на границе Италии и Германии. Карл вскоре начал войну с протестантскими князьями. Папские легаты, председательствуя на соборе, вели его по указаниям из Рима. Присутствовали епископы и аббаты из разных стран, но большинство было из Италии. Присутствовали послы германского и других государей, но протестантов там не было. Послы императора хотели рассмотреть прежде всего вопросы церковной дисциплины, но папские легаты, опираясь на большинство, провели рассмотрение догматических вопросов. Собор подтвердил признавать Предание наравне с Писанием, а отвергающих Предание предал анафеме. Но собор умолчал о том, все ли признаваемое Римской церковью за предание надо считать таковым. Собором было утверждена каноничность латинского перевода Библии, **Вульгаты**, и под строгим наказанием запрещено читать и иметь в доме св. Писание в другом переводе. Учение об оправдании собор объяснил в том смысле, что оно совершается благодатью Божией, пробуждающей веру в человеке, который со своей стороны всеми силами содействует этой благодати. При этом собор подтвердил необходимость добрых дел для спасения. Утвердил седмичное число таинств и приписал им то значение, какое всегда придавала им церковь. Собор осудил в 30 канонах все протестантские

мнения относительно крещения и миропомазания, утвердив их совершение существовавшей тогда католической практикой.

Император Карл в то время успел одержать верх над протестантами и требовал от собора, для их примирения с церковью, заняться церковными преобразованиями. Легаты были вынуждены рассмотреть эти вопросы, но когда дошло до ограничения папской власти и епископы императорской партии не удовлетворились двусмысленным его решением, то папа приказал перенести собор в Болонью. (Эти вопросы касались отсутствия кардиналов подолгу в своих епархиях, некоторые кардиналы управляли многими епархиями, о привилегиях монашеским орденам, безместным епископам, об изъятии приходов и частных лиц папами от епископского надзора и проч.). Предлогом было выставлено появление в Триденте незначительной заразной болезни, которая, однако, не помешала императорским епископам там остаться. Легаты же и епископы, преданные папе, провели с 1547 г. в Болонье только несколько малозначительных заседаний. Вскоре же папа просто отстрочил заседание собора.

Преемник Павла III, папа Юлий III (1549–55), по настоянию императора, в 1551 г. снова созвал собор в Триденте. Сюда же должны были явиться и представители протестантов. Собор, однако, не дожидаясь их, начал свою работу. Продолжая дело прежнего собора, он утвердил католическое учение о таинствах и осудил протестантское, не уничтожив ни одно из злоупотреблений, вкравшихся в их совершение. Собором была признана в смягченной форме необходимость удовлетворения, накладываемого на кающихся, для умиловления правды Божией (отсюда и произошли индульгенции). Подтверждено право, присвоенное себе папой и служившее ему источником доходов, – отпускать некоторые грехи. Что касается церковных преобразований, то Юлий III не хотел сделать ничего существенного в этом отношении. Пребывшим протестантам не было дано право представить на соборе свое исповедание. Легаты и некоторые епископы обращались с ними, как с еретиками. Это раздражило всех протестантов. Мориц Саксонский начал войну с императором, для последнего неудачную. Опасность грозила самому собору, и папа его закрыл, как говорилось в булле, на два года.

В 1562 г., при папе Пие IV (1559–65), по настоянию Фердинанда и других государей, заботившихся уже не о примирении протестантов с церковью, а о прекращении религиозных волнений между католиками, в третий раз были открыты заседания собора в Триденте. Папа, чтобы показать свое беспристрастие, приглашал на собор протестантов, но те

отказались. Первые заседания проходили бурно. Германский император, а также короли испанский и французский через своих послов и епископов требовали начать преобразования церкви с папского двора и ограничения папской власти. Папа особыми посольствами, переговорами и обещаниями реформ сумел умерить требования государей. Было утверждено католическое учение о таинствах священства и брака, о которых не говорилось на прежних соборах. Признав неизменными догматы о почитании икон, мощей, призвании святых, признав индульгенцию, собор занялся церковными преобразованиями.

Для улучшения богослужения и совершения таинств собор постановил исправить служебник и сделать его единообразным, что после собора и было сделано. Епископам было поручено наблюдать за благопристойным совершением месс, прекратить вымогательства священников за совершение месс.

Епископам было поручено также следить за правильным объявлением икон чудотворными. Были установлены правила для епископов, которые для избрания должны были обладать соответствующими качествами и иметь от университета степень доктора или магистра. Священники избирались при посредстве конкурса. Решено было, чтобы все прелаты, даже кардиналы, жили непременно при своих церквях и епархиях и отлучались только по уважительным причинам с разрешения. Епископам вменялось в обязанность ежегодно посещать свои епархии или посылать для этого доверенных лиц. Собор восстановил власть епископов посещать приходы своей епархии, которую папы изъяли из-под их надзора. Папа обещал сократить число даваемых привилегий о неподсудности местным епископам и права апелляции к нему. Для поднятия нравственности духовенства, собор издал несколько правил и, в частности, против конкубината, определив соответствующие наказания за распущенную жизнь. Были учреждены семинарии. Вынесено несколько постановлений, направленных на улучшение жизни каноников и монахов.

В 1563 г. Триденский собор, наконец, закончил свои занятия. Постановления его были отправлены для исполнения во все страны. При этом, папа в особой булле запрещал понимать и толковать соборные постановления по своему разумению, а предоставлял это право **исключительно папам**. Это ограничение ослабило значение многих преобразовательных постановлений собора. Тем не менее, Тридентский собор во многом изменил к лучшему жизнь Римской церкви. Важнее же всего было то, что собор своим авторитетом, подтвердив католическое вероучение и, осудив протестантство, дал Римской церкви устойчивость и

силу в борьбе с реформацией. После собора религиозное брожение в католических странах стало постепенно ослабевать, чем был положен предел распространению в них протестантизма.

Орден иезуитов

В истории борьбы Римской церкви с протестантством, кроме Тридентского собора, весьма важное значение имел еще **орден иезуитов**, появившийся в самый разгар реформации.

Основателем его был испанский дворянин Игнатий Лойола (род. 1491 г.), человек с мечтательно-рыцарским настроением духа. В 1521 г., при защите Пампелуны от французов, он получил тяжелую рану и долго лечился. Во время болезни он прочел жития Доминика и Франциска и увлекся их подвигами. Он решил идти их путем. Особенно его занимала идея подвига обращения ко Христу неверных. После выздоровления он, оставив общество, начал скитальческую жизнь, полную самоотречения, а потом отправился в Иерусалим. Но там он убедился, что для обращения неверных он недостаточно сведущ в вопросах веры. Возвратившись назад, он в Париже начал изучать богословие. Его не покидало религиозное воодушевление и рвение к обращению неверных. Он сумел организовать из нескольких своих товарищей, единомышленных с ним, маленькое общество, послужившее зародышем будущего ордена.

В 1534 г. Лойола и его товарищи в церкви дали обет нищеты и целомудрия и поклялись посвятить себя попечению о христианах в Иерусалиме и обращению неверных. После окончания образования, они в 1537 г. отправились в Венецию, собираясь оттуда отправиться в Иерусалим. Но тогдашняя война с турками остановила их. Притом же Лойола решил, что работать на пользу церкви можно и в западных странах, где развилось реформационное движение. Он и его товарищи приняли в Венеции священнический сан и сделали странствующими проповедниками.

Переходя из города в город, они пришли в 1539 г. в Рим. Здесь они своей необычайной ревностью к проповеди и строгим образом жизни привлекли к себе такое сочувствие, что многие пожелали к ним присоединиться. Тогда Лойола решился формально основать орден и составил его устав. Кроме обычных монашеских обетов – нищеты, целомудрия и послушания – они установили у себя еще четвертый обет – **безусловного повиновения папе**. Они обязывались исполнять все, что повелел бы им папа, идти по его поручению всюду, куда бы он ни послал, беспрекословно и немедленно. Целью ордена было распространение и утверждение веры и церкви. Средствами же для этого должны были служить: миссии к язычникам, мусульманам, еретикам и вообще к кому

бы то ни было, если этого требовало достижение цели; учреждение благотворительных и учебно-воспитательных заведений, проповедь и, наконец, исповедь.

Так как члены общества предназначали себя на борьбу с царством сатаны, то они, в качестве воинства Христова, присвоили себе название **Общества Иисуса** или **ордена иезуитов**. Папа Павел III, теснимый реформацией, увидел в ордене превосходное оружие для борьбы с ней и в 1540 г. утвердил его устав. Затем как Павел III, так и его преемники, особенно Юлий III, постоянно покровительствовали ордену и предоставили ему такие права и преимущества, каких никакой другой орден не имел.

Первый класс ордена, самый низший, составляли **новиции**, т.е. молодые люди, которых готовили к поступлению в орден в особых заведениях, новициатах. Они, большей частью, избирались иезуитами из числа способных и отличных воспитанников их же коллегий. Подготовка заключалась в развитии у них повиновения и преданности ордену. Каждый, готовый вступить в орден, должен был порвать все связи с миром, отречься от личной воли и убеждений и отдать себя всецело в распоряжение ордена, «так, как если бы он был трупом». Второй класс составляли **схоластики**. В него вступали те новиции, которые выдержали испытание. Они давали первые три обета – нищеты, целомудрия и послушания, и служили в качестве помощников, миссионеров и т.п. По мере того, как схоластики проявляли свои способности к тому или другому роду деятельности, они переходили в разряд **духовных коадьюторов**, составляли третий класс ордена, и назначались на должности учителей, профессоров, проповедников, духовников и проч. Кроме этих духовных лиц, у иезуитов были еще светские коадьюторы, служившие по хозяйственной части в учреждениях ордена. Четвертый класс составляли **профессы**, которые давали четвертый обет безусловного повиновения папе.

В этот класс назначались из третьего класса только отличившиеся выдающимися способностями, знаниями, верностью и опытностью. Профессам поручали все важнейшие должности по ордену, разнообразные миссии и посольства. Во главе ордена стоял его **генерал**, избираемый пожизненно профессами из своей среды. Он пользовался **неограниченной властью** в управлении орденом, и все члены ордена были обязаны ему безусловным повиновением. Сам генерал, **кроме папы**, ни от кого не был зависим. Члены ордена и их учреждения, где бы они ни находились, не подчинялись никаким другим духовным властям.

Таким образом, орден во главе с генералом, пребывавшим в Риме, представлял собой особую церковь в церкви. Орден, по мере его распространения в разных странах, разделялся на провинции, во главе которых стояли назначенные генералом профессы, со званием провинциалов. В ордене от генерала до последнего слуги все было организовано в строжайшем порядке подчиненности низших членов высшим. Этот порядок поддерживался системой шпионства одних членов ордена за другими. Провинциалы в известные сроки доносили генералу о положении дел. Об их же действиях тайно доносили состоявшие при них ассистенты. Этот порядок царил и в учреждениях, подчиненных провинциалам. Генерал, имея все данные в своем распоряжении и никому не давая отчета, распоряжался всем и всеми. Он карал, миловал, назначал на должности и отрешал. Сам генерал тоже находился под надзором ордена. При нем неотступно находились четыре ассистента и один администратор (духовник) из профессов, которые также избирались профессами. Но ассистенты не вмешивались в его распоряжения и не стесняли его власти. Первоначальным предназначением их было только наблюдать, чтобы генералы не уклонялись от целей и задач ордена. В случае необходимости, они имели право созвать конгрегацию профессов для суда над ним (чего, однако, за все время существования ордена не было), но затем они сделались просто министрами всемогущего генерала ордена.

При такой своеобразной организации орден выработал для своей деятельности и **своеобразные нравственные** правила. Применяв схоластический метод доказательств за и против, он создал положение, применительно к которому всякий порок и преступление можно было признать нравственно невменяемыми. Они создали теорию «оправдания», по которой всякое действие может быть совершено и не будет противно нравственным законам, если в его оправдание можно представить правдоподобное основание или мнение какого-нибудь авторитетного богослова. Там, где эта теория оказывалась неприменимой, выдвигалась другая – доказывалось, что допустимо совершение всякого безнравственного поступка (не как главной цели), а для достижения другой похвальной цели. Таким образом, у иезуитов получалось, что **цель оправдывает средства**. Иезуиты прибегали еще к т.н. «мысленной оговорке», на основании которой разрешалось давать ложные клятвы и обещания, при этом нужно было лишь **в уме** держать ограничение или отрицание клятвы или обещания.

Деятельность ордена началась сразу после утверждения его устава.

Благодаря своей крепкой организации, ловкости и уму своих членов, а также привилегиям, данным папами, орден распространился с необыкновенной быстротой во всех странах Европы, проник даже в другие части света. Везде, где появлялись иезуиты, они первым делом устраивали больницы, приюты, школы, коллегии, занимались проповедничеством, становились духовниками и т.п. Создавая больницы и приюты, они приобретали расположение низших классов. Учреждая школы и коллегии, они прибирали к своим рукам образование и воспитывали подрастающее поколение в строго католическом духе. В качестве проповедников они являлись опытными и знающими борцами против протестантизма и защитниками догматов Римской церкви. При посредстве исповеди, – вообще крайне снисходительной, вследствие особых нравственных воззрений иезуитов, – они не только привлекали к себе народ, но и покоряли совесть кающихся, после чего управляли ей по своему усмотрению. Особенно важным они считали прибрать к рукам высшие классы общества. В их деятельности большую роль играли интриги, соединенные со всевозможными неблагоприятными действиями. Их не могли остановить и злодеяния, если этим они достигали нужной им цели. Дворы католических королей и князей, у которых иезуиты старались занять места духовников и даже советников, были главным поприщем их деятельности со всеми интригами и происками. Здесь они по преимуществу добивались осуществления конечной цели ордена – показать торжество Римской церкви в борьбе с протестантом.

С появлением иезуитов, борьба Римской церкви с протестантизмом пошла значительно успешнее. Во второй половине 16-го века они успели в некоторых германских владениях остановить дальнейшее распространение протестантизма, а в некоторых даже восстановить католичество. Особенно ярко проявилась их деятельность в Литве и частично в Польше. В первой половине 16-го века обе эти страны значительно подпали под влияние кальвинизма. В 1550 г. в Польше проповедовал Социн. Князь Николай Черный Радзивилл, владевший огромной частью Литвы и господствовавший при дворе короля Сигизмунда Августа, с помощью своей сестры королевы Варвары, был рьяным покровителем проводников протестантизма. Кальвинисты строили кирхи, школы и типографии. Они увлекали целые приходы и даже католическое духовенство. Монахи и монахини покидали монастыри. Ушел в протестантизм и женился бискуп Николай Пац. Особенным успехом пользовались протестанты в знатных польских семействах. И вот тогда на помощь ослабевшему в борьбе католическому духовенству прислан был, по его вызову, в 1560 г. орден

иезуитов. На первых порах они проявили себя как скромные и самоотверженные иноки, благотворители несчастных, благочестивые и образованные проповедники и бескорыстные наставники юношества, для которого открывали бесплатные школы. Их проповеди, школьные и публичные диспуты, торжественные богослужения, пышные религиозные процессии, благотворение и самоотверженное служение больным, особенно проявившееся во время чумы, – стали привлекать к ним толпы народа. Католичество укреплялось и возвеличивалось. Иезуитские школы воспитывали горячих ревнителей католичества. Оно не только победило протестантизм, но сделало из Польши свою прочную опору на все последовавшие века.

Одолев протестантов, иезуиты начали борьбу против **Православия**. Из ученик, король польский Сигизмунд III, был душой Брестской унии и пытался в смутное время начала 17-го века насадить католичество в России. Там, где обыкновенными средствами нельзя было уничтожить протестантство, иезуиты применяли силу оружия. Религиозные войны для подавления кальвинистов во Франции происходили при самом деятельном участии иезуитов. Так же они себя проявили и во время тридцатилетней войны в Германии.

Другие католические ордена

Реформация вызвали появление других орденов. В 1524 г. в Италии был основан орден театинцев. Он ставил целью улучшить исполнение своих обязанностей белым духовенством. Театинцы были священниками, произнесшими монашеские обеты. С особой ревностью они исполняли все церковные требы, произносили проповеди и пеклись о больных и умирающих.

В 1528 г. возник орден капуцинов как ответвление старого ордена францисканцев. Они восстановили первоначальный устав Франциска и ввели у себя строгий нищенский образ жизни. Они, избегая образования, вращались преимущественно в низших слоях общества и поддерживали в них, вместе с суевериями, уважение к Римской церкви.

В начале 17-го века был основан орден пиаристов или пиаров. Целью его было бесплатное обучение и воспитание юношества в строго католическом духе. Орден был особенно распространен в Польше и в русских областях, находившихся под властью Польши.

В 1624 г. во Франции был основан орден лазаристов, который состоял из священников-миссионеров, имевших целью религиозно-нравственное воспитание жителей. Впоследствии лазаристы с миссионерской целью проникли на православный Восток.

Состояние протестантских обществ

Реформация вызвали появление других орденов. В 1524 г. в Италии был основан орден театинцев. Он ставил целью улучшить исполнение своих обязанностей белым духовенством. Театинцы были священниками, произнесшими монашеские обеты. С особой ревностью они исполняли все церковные требы, произносили проповеди и пеклись о больных и умирающих.

В 1528 г. возник орден капуцинов как ответвление старого ордена францисканцев. Они восстановили первоначальный устав Франциска и ввели у себя строгий нищенский образ жизни. Они, избегая образования, вращались преимущественно в низших слоях общества и поддерживали в них, вместе с суевериями, уважение к Римской церкви.

В начале 17-го века был основан орден пиаристов или пиаров. Целью его было бесплатное обучение и воспитание юношества в строго католическом духе. Орден был особенно распространен в Польше и в русских областях, находившихся под властью Польши.

В 1624 г. во Франции был основан орден лазаристов, который состоял из священников-миссионеров, имевших целью религиозно-нравственное воспитание жителей. Впоследствии лазаристы с миссионерской целью проникли на православный Восток.

Отношения между католиками и протестантами

Ревностные католики, подстрекаемые иезуитами, были крайне недовольны Вестфальским миром. Папа Иннокентий X (1644–55) своей буллой даже объявил этот мир проклятым, недействительным и необязательным на все времена и освобождал всех от клятвенного обещания хранить его условия. Но вновь вызвать религиозную войну было невозможно. К этому времени определилась географическая граница между протестантством и католичеством.

Протестантизм окончательно утвердился и сделался господствующим вероисповеданием во всех государствах северной Германии, кроме Швейцарии, Голландии, Англии, Швеции и Дании. А католицизм, кроме Италии, Испании и Португалии, удержался в Бельгии, Франции, Богемии, Польше, Венгрии и в южной Германии, Австрии, Баварии и проч., хотя в этих странах было много и протестантов. Кроме того, к середине 17-го века и в политике как католических, так и протестантских западноевропейских государей произошла существенная перемена, – вероисповедные интересы отошли на второй план и уступили место расчетам политического равновесия государств. Поэтому для сторонников католицизма теперь были возможны только частные и отдельные притеснения протестантов и притом только в католических странах; а в странах чисто протестантских они уже не могли предпринимать что-либо в пользу католичества. Также и протестантство, ограничиваясь странами где оно было господствующим, уже не делало более попыток утвердиться в католических странах.

Наиболее вопиющие случаи притеснений и преследований протестантов были в Венгрии, Франции и некоторых германских владениях. В Венгрии, находившейся в 17 веке под властью Австрии, немецкий император Леопольд I (1658–1705), благодаря стараниям иезуитов, в 1673 г. лишил многочисленных венгерских протестантов религиозной свободы и принуждал их силой возвратиться в католичество. При этом было арестовано более 400 лютеранских и реформатских пасторов, и те из них, которые не согласились перейти в католичество, были сосланы на галеры. Во Франции Людовик XIV (1643–1715), по стараниям тех же иезуитов, с 1671 г. систематически преследовал реформаторов с целью их полного уничтожения. Сначала их заставляли принимать католичество различными мерами, напр., запрещением смешанных браков, не принимали на государственную службу и т.п.,

затем стали принуждать силой при пособии драгун (драгонады), наконец, в 1685 г. особым королевским указом реформаторство во Франции было полностью запрещено. Эдикты Нантский и Нимский в пользу реформаторов были отменены, богослужение их было отменено под угрозой смертной казни, и их церкви было приказано немедленно разрушить. Одни реформаторы восстали и подверглись казням и ссылкам, другие же сотнями тысяч бежали из отечества в Швейцарию, Голландию и другие протестантские страны. В Зальцбурге, фанатический архиепископ, граф Фирман, уже в 18-м веке захотел принудить своих подданных протестантов к переходу в католичество, и за их отказ выгнал всех (около 30 тысяч) в 1731 г. из отечества.

В Англии, временами, проявлялось неприязненное отношение протестантов к католикам. Здесь, со времен Елизаветы и учреждения епископальной церкви, католическую партию более или менее притесняли, но с другой стороны, она была настолько сильна, что имела надежду возвратить Англию в католичество. И тем более, что в течение всего 17-го века королевская власть в Англии подвергалась постоянным колебаниям. Католическая партия особенно усилилась в правление Карла II (1660–85)., благодаря тому, что его жена и брат Иаков (будущий король) были ревностными католиками и окружали себя иезуитами. Это дало повод ревнителям религиозной свободы обвинить католиков в несуществующем заговоре против короля и начать преследования, причем многие из них были арестованы, сосланы и изгнаны. Хотя Карл II не желал этого преследования, но должен был уступить парламенту. Подобным же гонениям подверглись католики и после низложения Иакова II (1685–88), стремившегося восстановить в Англии католичество. В 18 и тем более в 19 столетиях, отношения между католиками и протестантами в западной Европе, благодаря идеям веротерпимости, сделались более мирными, и религиозная ненависть обнаруживалась больше в литературе, чем в жизни.

Протестантские миссии среди язычников и Библейские общества

Миссионерство протестантов появилось в 18 веке и развилось в особенности в 19 в. Первое **миссионерское общество** было открыто в Англии в 1701 году для распространения Евангелия в других странах; затем (18–19 в). и в других протестантских государствах – Голландии, Швейцарии, Дании, Швеции, Германии и США, – подобные же миссионерские общества стали появляться во множестве.

Миссионеры подвизались во многих азиатских странах – Индии, Китае, Японии и островах Индийского архипелага, в доступных районах Африки, в Австралии и на ее островах, в Америке среди коренных обитателей, – одним словом, везде, куда успели проникнуть европейцы. Веру миссионеры распространяли при помощи создания школ, раздачу книг и св. Писания.

С миссиями у протестантов были тесно связаны и **библейские общества**, создаваемые для распространения Библии. Первое библейское общество было основано в Англии в 1894 г. под названием «Британского и иностранного Библейского общества». Вслед за Англией такие общества появились во всех протестантских государствах. Они перевели по частям всю Библию, по частям отдельные книги св. Писания, на все известные языки и даже наречия и ревностно распространяли их, продавая по низким ценам, а также раздавали бесплатно. Благодаря библейским обществам протестантские миссионеры имеют возможность предлагать св. Писание всем народам, среди которых они действуют, на их родном языке или наречии.

Разъединение в протестантских обществах

Протестантское вероучение страдало существенным недостатком. Предоставленное произвольному толкованию богословов-профессоров различных университетов, при отсутствии авторитета иерархии и Предания, оно полностью зависело от их переменчивых взглядов, и потому не имело ни определенности, ни единства даже по основным пунктам. Этот недостаток проявился во время борьбы с католиками, и потому у протестантов очень рано появилось стремление облечь свое вероучение в определенные общеобязательные формы.

В лютеранстве это было сделано в 1580 г. при посредстве **формулы конкордии**, составленной немецкими богословами и ставшей символической книгой лютеран. После этого протестантское учение стало развиваться только в пределах конкордии и в строго лютеранском духе. Это направление стало господствующим в 17 в. и известно под названием лютеранской ортодоксии. Оно характерно безусловным признанием истинности всего вероучения, заключенного в исповедных формулах, и стремлением оградить его неприкосновенность при помощи науки. В результате у лютеран появилось большое количество более или менее научно обработанных богословских систем.

Лучшим богословом ортодоксального направления признается Иоанн Гергард (ум. 1637 г.). Но ортодоксия немецких богословов скоро впала в односторонность. Подобно средневековым схоластикам, их системы обращали внимание не на сущность вероучения, а на его постановку, и таким образом они возобновили старое схоластическое направление. Основой его были диалектические тонкости объяснения религиозных понятий и подбор подходящих текстов св. Писания для подтверждения истин излагаемой веры. Проповеди их пасторов превратились в сухие учено-полемиические рассуждения о теоретических истинах веры, а нравственной стороне вероучения в них места не нашлось. Яркими представителями схоластического направления были богословы Калов, Квейштейн, и другие.

Недовольство односторонним направлением ортодоксов вызвало появление другого направления – пиэтизма. Первым его представителем был лютеранский проповедник Иаков Шпенер (1635–1705). Восставая против безжизненного направления ортодоксального богословия, он утверждал, что сущность христианства заключается в живой сердечной вере, в сопровождении благочестивой настроенностью души и

нравственной жизнью. Мысли Шпенера нашли сочувствие в среде молодых богословов Лейпцигского университета, из которых особенно выдавался Август Франке (ум 1727 г.). Отказавшись от сухого богословия ортодоксальных профессоров, они в 1686 г. образовали свой богословский кружок, посвятивший себя изучению Св. Писания с целью нравственного назидания.

Лейпцигские ортодоксы, назвавшие направление кружка пиэтизмом, подвергли его преследованию и вытеснили его из Лейпцига. Пиетисты нашли приют во вновь открытом в 1694 г. Галльском университете, где Франке сделался профессором, и упрочили здесь свое направление. Из Галле пиэтизм перешел в другие местности Германии и имел много последователей. Пиетисты обращали свое внимание на нравственно-назидательное изъяснение Св. Писания. Важное значение придавали они проповеди, настаивая, чтобы проповедники сами были проникнуты духом библейского благочестия. Постепенно искреннее благочестие пиетистов сменилась только внешней набожностью и чувствительными фразами, вследствие чего это направление ослабело.

В 18-ом веке обнаружилось в лютеранстве новое направление, отличавшееся безразличием к этому вероучению. Оно известно под названием супранатурализма. Но еще большее разъединение произвел **рационализм** (вторая половина 18 в.). Предоставив разуму решающее значение в деле веры, рационализм дошел до отрицания не только лютеранского вероучения, но и самого Откровения. Это направление было господствующим в лютеранском богословии в конце 18-го и начале 19-го столетий.

Внутреннего разъединения не избежали и реформатские общества, а также англиканская церковь. Строгое реформатство, утвержденное на всеобщем синоде в Дортрехте (1618–19), подвергалось постоянным колебаниям под влиянием арминианства, а потом рационализма. Последний является преобладающим в реформаторском богословии и в настоящее время. Англиканская епископальная церковь, как образовавшаяся из смеси католичества с протестантством, неминуемо должна была испытать церковное разъединение. Кроме отделившихся от нее пуритан и индепендентов, в ней еще в 17-ом и 18-ом веках образовались еще три партии, под названиями высокой, низкой и широкой церкви. Высокая церковь относилась с уважением только тому, что было удержано в англиканстве от католичества. Низкая церковь склонялась к чисто протестантским началам, а широкая, допуская рационалистические воззрения, заняла среднее примиряющее положение

между первыми двумя. Эти партии существуют и в настоящее время. В партии, называемой высокой церковью, проявлялись стремления к соединению с православной церковью.

Новые протестантские секты

Секта **квакеров** возникла в Англии в 17-м в. Основателем ее был ремесленник Георг Фокс (1624–91), принадлежавший к обществу пресвитериан. Будучи человеком религиозным и склонным к мечтательности, он, вместе с усердным чтением Библии, постоянно предавался размышлениям о религиозных предметах. При отсутствии религиозных знаний, это привело его к самообольщению, и свои религиозные мечты он стал принимать за откровения Божественного Духа. По его мнению, истинное христианство состояло не в догматах и обрядах, а в непосредственном озарении каждого человека от Св. Духа, которое его просвещает и направляет к нравственному совершенству. Вообразив себя человеком, предназначенным свыше восстановить истинное христианство, Фокс в 1647 г. выступил в проповедь о покаянии и вступлении в новую церковь, озаряемую Св. Духом. Проповедь его имела успех, так что в 1649 г. он из своих последователей, подобно ему чувствовавших в себе присутствие Св. Духа, он образовал новое религиозное общество, которому дал название **христианского общества друзей**.

Название «квакеры» объясняют различно. По-английски это значит «дрыгуны». Так их наименовали в насмешку, в виду судорожных движений и припадков, в которые они впадали, когда «нисходил на них дух Божий». В первый раз это название было дано Фоксу во время одного суда над ним. Когда он произнес «трепещите перед словом Божиим», то один из судей сказал: «смотрите, вот трепетатель (квакер)!» Сами последователи Фокса усвоили себе это названия, считая, что они трепещут перед величием Божиим.

Английское правительство и общество первоначально преследовало квакеров, вследствие чего многие из них, начиная с 1656 г., стали переселяться в Америку. Здесь их секта вскоре достигла цветущего состояния, благодаря одному английскому аристократу и богачу, вступившему в их общество, Вильгельму Пенну (ум. 1718 г.). Пенн получил (1680 г.) от английского правительства, в уплату долга, одну провинцию в северной Америке (Пенсильванию) в собственное и полное владение и собрал сюда рассеянных по Америке и из Англии квакеров. Пользуясь здесь религиозной свободой, они устроили большую и правильно организованную общину. В 1689 г. по общему акту веротерпимости Вильгельма 3 го они получили свободу вероисповедания в самой Англии и всякие преследования их прекратились. В настоящее

время они существуют еще в Германии и Голландии, где имеются их небольшие общины.

Церковные учреждения квакерами отвергнуты. У них нет таинств, храмов и богослужений, духовных лиц. Они устраивают свои религиозные собрания, в которых проводят время в молчании и самоуглублении, в ожидании озарения от Св. Духа. Почувствовавший это присутствие, может выражать вслух свои чувства в молитве, песнопениях или поучении. В первые времена своего существования, квакеры впадали в исступление, которое выражалось судорожными движениями, кривляньями, плачем и т.п. Квакеры не признают роскошь, развлечения, почести и т.п. В сношениях между собой они отличаются честность и правдивостью. Подобно менонитам, они избегают военной и гражданской службы, клятвы, присяги.

Секта **гернгунтеров** образовалась из общины **богемских** или **моравских** братьев, возникший из остатков гусситов еще до реформации. В 1722 г. богемские братья, притесняемые в своем отечестве католиками, переселились в саксонские владения и здесь, в имении графа Цинцендорфа основали местечко Гернгут, в котором и устроили свою общину. Граф Цинцендорф (ум.1760 г.), державшийся пиэтизма, нашел в общине этих братьев прекрасную почву для устройства жизни по евангелию, к чему сам стремился. Поэтому он присоединился к их общине и, став во главе ее в качестве епископа, посвятил свою жизнь ее интересам и благоустройству. В своем вероучении община гернгутов склонялась более к лютеранству и в 1749 году приняла даже аугсбургское исповедание, но в устройстве она удержала формы апостольской церкви. Так, в ней сохранились должности епископов, пресвитеров, диаконов, диаконисс, были в употреблении вечери любви, умовение ног, целование перед причащением и проч. Догматическая сторона учения у них стояла на втором плане, все же свое внимание они сосредоточили на нравственно-практической стороне христианства. Они стремились устроить жизнь согласно с евангельскими требованиями в духе любви. Поэтому, весь быт их общины, взаимоотношения между собой и другими людьми, носили на себе отпечаток этого евангельского начала. Были воспрещены всякие ссоры, споры и полемика с кем бы то ни было. Своей мирной, трудолюбивой и сосредоточенной в своем обществе жизнью гернгуты приобрели всеобщее расположение, и потому их общины распространились почти во всех государствах Европы и Америки. В Америки они заявили себя и как ревностные миссионеры.

Секта **методистов** возникла в английской епископальной церкви в

первой половине 18-го столетия. Она появилась в результате стремления проведения реформ в церковной жизни, не касаясь ее вероучения. Основателем ее был пылкий и благочестивый юноша, Джон Весли (ум. 1791 г.), образовавший в 1729 г. в Оксфорде из нескольких своих товарищей по университету кружок ревнителей благочестивой жизни. Они предавались различным благочестивым упражнениям в известной системе, методически, откуда и произошло их название. По окончании образования Веслей сделался странствующим проповедником благочестия. В 1732 г. к нему присоединился Георг Витфильд (ум. 1770 г.), отличавшийся проповедническим талантом. Оба они обошли с проповедью о покаянии и обращении на путь благочестивой жизни всю Англии и побывали в Америке. Проповедь их имела успех, так что в 1739 г. они получили возможность открыть в Лондоне первую методистскую общину, которая стала рассадником новых проповедников благочестия. В 1741 г. между методистами произошло разделение по поводу учения о предопределении. Это учение в англиканской церкви было формулировано двусмысленно, так что его можно было понимать и в строго кальвинистском смысле, и в арминиаском. Весли держался первого понимания, а Витфильд – второго, вследствие чего и произошло разделение на две партии. Но это разделение не помешало распространению методизма. В конце 18 и особенно в 19 веке оно появилось во многих местностях Англии, а в США, где нет государственной религии, заняло даже господствующее положение в ряду других исповеданий.

Методисты представляют собой раскольничью партию в англиканской церкви. Но отступая от принятого учения, они стремились ввести в церковную жизнь начала строгого благочестия. Они придавали поэтому религиозный отпечаток своей домашней и общественной жизни. Но это стремление приводило часто к фарисейству и ханжеству.

Секта **шведенборгиан** получила название от шведского ученого, Эммануила Шведенборга (род. 1699, ум. 1772 г.). Он обладал глубоким умом и обширными познаниями в математике, физике, астрономии, минералогии и пр., но был с детства подвержен падучей болезни и галлюцинациям. Долгое время он жил двойственной духовной жизнью. С одной стороны, при своих научных занятиях, он имел чисто рассудочную деятельность, с другой – во время припадков болезни погружался в мир фантазии. Но между деятельностью рассудка и воображения у него было некоторого рода соотношение. Все то, что превышало человеческое разумение в области веры, мысли или опыта, он стремился постигнуть при посредстве своих фантастических образов и умозрений. Наконец,

воображение развилось в нем до того, что потемнило его рассудок и он в 1744 г., в Лондоне, сошел с ума. Лечение оставило у него тихое одностороннее помешательство, пунктом которого было духовидение. Он основал свою «церковь», назвав ее Новым Иерусалимом.

Шведенбург, написавший целые тома о своих откровениях, сам не предпринимал никаких мер к распространению своей новой церкви, кроме рассылки своих сочинений ученым и обществам. Но на его сочинения внимания обращали мало и даже относились к ним с пренебрежением. После же его смерти нашлись люди, которые дали веру откровениям этого душевнобольного человека и задумали по его мысли основать новую церковь. Первые такие общины появились в Англии в 1773 г., потом и в Америке. В Швеции же попытки шведенбургства потерпели неудачу. Этих последователей всегда было малое количество.

Секта **ирвингиан** принадлежит к разряду мистических сект, возникших в 19-м столетии. В ней выразился протест против слишком большого отклонения всех протестантских обществ от апостольской церкви, а также против рационализма, который приводил к отрицанию откровения, пророчеств, чудес и проч. Такой протест высказал проповедник шотландской пресвитерианской церкви в Лондоне Эдуард Ирвинг. В проповедях он проводил мысль, что благодатные дары в первенствующей церкви (дар языков, пророчества, чудеса) могут появиться и в настоящее время у людей, достигших нравственного совершенства путем молитвы и твердой веры. Под влиянием его проповедей некоторые из его паствы начали уже пророчествовать и говорить на разных непонятных языках. Пресвитерианский синод в Шотландии в 1833 г. за такого рода мистические воззрения отлучил Ирвинга, но он нашел поддержку у некоторых членов англиканской церкви и основал отдельную общину своих последователей – ирвингиан. В 1834 г. Ирвинг умер, но его община продолжала свое существование и старалась восстановить быт апостольской церкви с апостолами, пророками, евангелистами, пастырями и учителями. При посредстве своих мнимых пророков община выбрала 12 апостолов, которые и устроили ее церковный быт. Свои богослужения они старались сблизить с католическими и частично с православными. Ирвингские «апостолы» проповедовали в ряде христианских стран, но последователей приобретали мало. Их общины имеются главным образом в Англии и Северной Америке.

В 17-м веке в Англии возродился анабаптизм, получив название **баптизма**. Создатели секты отбросили частицу «ана» (пере), желая

доказать, что они не перекрещивают, а крестят, не признавая христианского крещения младенцев. Первая их община была основана в 1633 г. Баптисты были группой революционно настроенных «пуритан», этих резких проводников крайней реформации. В 1639 г. Роджер Виллиамс основал общину в Сев. Америке в штате Род-Айленд. Сначала в нее вошли все тамошние жители. В Англии первоначально к баптистам относились терпимо. Потом борьбу с ними начал Кромвель, считавший их революционерами. В 1689 г. по Акту Веротерпимости они получили свободу проповеди, но в Англии особого успеха не имели. В середине 18-го века баптисты создали «Проповеднический союз» и развили бурную деятельность в Сев. Америке, главным образом, среди негров и достигли большого успеха. Затем они направили свою деятельность в Азию – Японию, Китай, Индию. В 1814 г. в Соед. Штатах был создан «Баптистский Союз», имевший к концу 19-го века огромное число миссионеров. Он пользовался успехом в Германии (с центром в Гамбурге). Оттуда баптизм начал насаждаться в России. Баптисты разделены на различные течения.

Православный Восток

С падением **Византийской империи** (1453 г). под оружием турок мусульман и образованием на ее территории турецкого государства, характер церковной жизни на Востоке сильно изменился. Ранее, в течение 11 с лишним веков, православная Церковь была господствующей на Востоке. Теперь ее место заняло **мусульманство**. В результате, положение Церкви стало крайне стеснено мусульманским правительством и потеряло прежние права и преимущества, которые она имела при господстве христианства. Наступил упадок церковной жизни. Но несмотря на свое бедственное положение под игом мусульман, Восточная Церковь продолжала хранить в **целостности и чистоте** как православное учение, так и древнее церковное устройство.

Внешнее состояние церкви под турецким игом

О взятии Константинополя и отношении султана Магомета II к патриарху Геннадию Схоларию говорилось выше. Султан решил покорить и остальную часть павшей империи. В 1459 г. Магометом была окончательно завоевана Сербия, а в 1459–60 годах пелопонесские государства, которыми владели братья имп. Константина XI, Фома (отец будущей русской вел. кн. Софии Палеолог, супруги Иоанна III) и Димитрий. В 1461 г. было завоевано Трапезундское царство, в 1463 г. – Босния, в 1467 г. – Албания и дальше.

Турки смотрели на покоренных ими христиан с крайним презрением. Они были твердо убеждены, что мусульманство – это единственная истинная религия, что только они правоверные. Все же другие народы другой веры, а особенно христиане, не больше как неверные, райя, гяуры. Представлялось естественным делом, угодным Богу, – или обращать всех в мусульманство, даже огнем и мечом, по заповеди и примеру пророка Магомета, или, если это не удавалось, – покорять и порабощать как врагов своей религии. Восточных христиан надлежало обращать в рабство.

Султан Магомет II(1451–81) разделял общие мусульманские воззрения на христиан. Но при всем своем фанатизме, он в государственных интересах, как опытный политик, считал неудобным, сразу же после завоевания Византии, порабощать греков, но хотел на развалинах павшей империи создать турецкую империю со всей ее государственной жизнью. Для этого нужно было заселить опустошенный Константинополь и его окрестности, устроить государственное управление, в особенности над покоренным народом, восстановить промышленность, торговлю, завязать отношения с европейскими государствами и т.п. Кроме того, Магомет первое время боялся восстания греков. Поэтому, завоеывая христианские государства, греческие и славянские, Магомет не проявлял свою жестокость и был благосклонным к жителям.

Выразилось это прежде всего в отношении к христианам бывшей Византийской империи, к которым была проявлена веротерпимость. Магомет знал, что вера имеет важное значение в их государственной жизни. Приглашая жителей вернуться, он предоставлял им свободу в делах веры и совести. Многие греки вернулись в Константинополь, другие стали переселяться туда. Сообщалось об участии Магомета в избрании нового патриарха, как и внимании, ему оказанном. Магомет, даровав патриарху

Геннадию почетный титул милет-баши (главы нации), предоставил ему право заседать в высшем правительственном органе Турецкой империи – диване. Султан был распложен к патриарху и несколько раз бывал у него, беседуя о христианской вере. Поголовная подать (**харадж**), наложенная на них, была не слишком обременительной. Но все это не помешало Магомету отобрать храм св. Апостолов, при котором была патриархия, и обратить его в мечеть. Патриархия была перенесена к храму Всеблаженной. Патр. Иосаф Кокка (1466–68) был лишен Магометом бороды и низложен за то, что не дал разрешения любимому Магометом греку новый брак при жизни законной жены. Когда появилось много соискателей на патриарший престол, то Магомет наложил подать (паскезию), уплачиваемую патриархами при вступлении на кафедру (с 1469 г.), и хараджу (с 1474 г.), уплачиваемую ежегодно. Говорилось раньше и о наборе детей. Это имело вид подати – **десятины детей**. Христианские дети воспитывались в мусульманстве.

Преемники Магомета II преследовали и угнетали христиан всеми возможными способами. Сын его Баязет (1481–1512), слабохарактерный, жестокий и в отношении турок, пьянствовавший, притеснял христиан по любым незначительным поводам. Он часто низвергал патриархов, позволял туркам насильно обращать христиан в мусульманство. Некоторые свою твердость в вере запечатлели мученической смертью. Таковы, напр., Иоанн Трапезундский (1492 г.), Иоанн Эпирот (1500 г.). Следующий султан Селим I (1512–20), победитель персов, завоеватель Сирии и Египта, отличался особенной кровожадностью. Приписывая свои победы правоте, он решил выразить благодарность Богу обращением христиан в мусульманство. У христиан отнимались церкви, уничтожались книги. Их насильно заставляли принимать мусульманство, а отказавшихся предавали пыткам и казнили. К иерусалимскому патриарху Дорофею Селим, после завоевания Сирии и Египта, относился благосклонно, предоставив ему первенство перед представителями других исповеданий и освободив духовенство от поголовной подати. Но это было связано с желанием привлечь к себе только что покоренное население.

Его преемник, Солиман II Великий (1520–66) своими завоеваниями в Европе, Азии и Африке расширил пределы Турции и возвел ее на высшую ступень могущества. Он был фанатически предан мусульманству и являлся страшным врагом христианства. Солиман намеревался в Константинополе и других городах разрушить христианские церкви или превратить их в мечети. Известно было, что фирман Магомета II патриарху Геннадию сгорел, почему христианам не удастся доказать своих прав на свободу

вероисповедания. Только с помощью больших подарков турецким властям удалось отвести эту грозу. За большие деньги удалось найти трех престарелых янычар, которые дали показания в пользу христиан. Они засвидетельствовали, что Константинополь был сдан добровольно. Все же фанатикам удалось при патр. Дионисии (1544–52) добиться снятия креста с храма Всеблаженной. Солиман сильно угнетал христианские церкви. Отбирая у них владения, он допускал выкуп их через три поколения. Церкви попали в страшную нужду. В Иерусалиме для них была установлена плата за посещение храма Воскресения. Усилилось взимание десятины детей, или подати душ, которая взималась самым варварским способом. Отбирались красивые и здоровые дети, причем независимо от возраста, которых воспитывали в мусульманстве. Поступая затем в янычары или на службу при дворе султана, они иногда достигали важных государственных должностей. Солиман увеличил подать на христиан.

Преемник Селимана, Селим II (1566–74), называвший себя разрушителем веры христиан, относился к ним так же жестоко, как и его предшественник. В 1557 г., когда турецкий флот был разбит западными союзными государствами, Селим намеревался истребить поголовно всех христиан в Константинополе, от чего его отговорил благоразумный визирь. Паши тоже проявляли свою жестокость. В 1570 г. в Иерусалим прибыл новый паша. Много монахов Лавры Саввы Освященного пришли с подарками поздравить его. Паша подарки принял, но, указывая на то, что нельзя допустить такое множество людей в одном монастыре, приказал многих из них тут же умертвить. Селим одобрил распоряжение паши.

Большим гонениям подверглись христиане при следующем султани Мураде III (1574–95), корыстолюбивом, развратном, любившем роскошь. Он распорядился отобрать в Константинополе все церкви. Патр. Иеремия II (1572–94) с твердостью восстал против такого распоряжения, ссылаясь на фирман Магомета II. Он был заключен в тюрьму и затем сослан на остров Родос. Во время его заточения в 1586 г. церковь Всеблаженной и еще один храм были превращены в мечети. Та же участь постигла бы и другие церкви, если бы христиане не откупились золотом, и за них не вступились иностранные посланники. Патриархию перенесли в две церкви и, наконец, в 1609 г. – к церкви св. Георгия в Фонаре (квартал города), где она находится и теперь.

Преемник Мурада, Магомет III (1595–1603), отличался корыстолюбием и особенной жестокостью. По его приказанию, 19 его родных братьев были удушены на его глазах, а беременные жены его отца, Мурада, брошены в море. В его правление христиане страдали, главным

образом от насилий и грабительства янычар и пашей. Янычар стали побаиваться сами султаны.

В конце 16 века Турция вошла в близкие отношения с западной Европой и преимущественно с безнравственной и своекорыстной Венецианской республикой. Влияние ее сказалось в Константинополе. Султаны были корыстолюбивые, безнравственные и ленивые деспоты. Великие визири, управлявшие от их имени государством, допускали всевозможные злоупотребления и старались лично обогатиться. Паши делали то же самое на местах. В войсках упала дисциплина – янычары постоянно устраивали бунты, грабежи и убийства. И от всего этого больше всего страдало бесправное христианское население. Турки с 17 и даже с 16-го веков начали играть роль в системе политического равновесия Европы и потому слишком опасались заступничества за христиан со стороны западноевропейских государств. Россия не была еще сильной. В 17 и 18 веках бывали султаны, собиравшиеся истребить всех христиан. Сделать это намеревался Мурад IV (1623–40), когда к Константинополю подступили казаки, из опасения, чтобы к ним не присоединились христиане. Только благоразумные члены дивана отговорили его. То же случилось, когда в 1768 году русские войска разгромили турок. Мустафа III положил истребить христиан во всей своей империи, подозревая их в сочувствии России. Представление патр. Самуила и знатных греков, подкрепленные подарками приближенным султана, отвратили опасность.

Низложения, ссылки, умерщвления патриархов – частые явления. В 17 веке патриарха Кирилла Лукариса, правившего с 1613 по 1638 г., по приказанию Мурада IV, несколько раз ссылали в заточение и, наконец, задушили (1638). Патр. Кирилл II также был задушен в 1639 г. Патр. Парфений II, трижды правивший, был удушен в 1650 г. Патр. Парфений III (1656–57) был удушен, и прославляется греческой церковью как священномученик. С 1622 по 1700 год на патриаршем престоле сменилось 48 патриархов, причем некоторые из них по два, три и пять раз возводились на престол и свергались. Вообще редким явлением была смерть правящего патриарха. Правда, греческие архиереи своими интригами часто давали повод туркам по их усмотрению распоряжаться патриаршим престолом. Но чаще к этому турок побуждало их корыстолюбие. Понадобятся султану или великому визирю деньги, – они низлагают одного патриарха и ставят другого, который, по обычаю, вносит пескезий. Не внесет патриарх ежегодной подати, его низлагают и ставят другого, с которым повторяется та же история. Отправится патриарх, с разрешения правительства, в Россию для сбора пожертвований – его, по

возвращении, обвиняют в измене, низлагают и отбирают имущество и т.п. Турецкое правительство, поступая так, довело патриаршее достоинство до крайнего унижения. Должность патриарха сделалась должностью чиновника, назначаемого и увольняемого правительством. При этом впоследствии утверждение патриархов производилось не султаном, а великим визирем. О жаловании патриархам из казны, которое назначил Магомет II, теперь не было и речи.

Вообще все восточные христиане подвергались насилия и жестокости со стороны турок. Янычары, во время бунтов, прежде всего нападали на христиан. Так в 1737 г., бунтовавшие янычары напали на патриархию и потребовали от патр. Паисия II большую сумму денег. Не получив ее, они ворвались в храм, изрубили в куски св. мощи, вылили св. миро, попирали ногами Св. Дары, уничтожили много икон и т.п. От янычар не отставала и чернь, подстрекаемая муллами. Взрывы фанатической черни против христиан во всей турецкой империи в 17 и 18 веках были нередкими и сопровождались избиением христианского населения.

Гражданские права христиан в 17–18 веках ущемлялись и все больше ограничивались. Они стали бесправными. Их обкладывали очень большими податями. Положение ухудшалось тем, что сборщиками чаще всего были евреи, работавшие на откуп. Откупщики, вместе с пашами, старались не только собрать положенное, но и приобрести барыши. Обеднение христиан было большое. Военная и гражданская служба была для них закрыта, т.к. на них смотрели, как на рабов. Исключение делалось только для флота, куда допускались христианские жители островов архипелага, хорошо знавшие морское дело. С конца шестидесятых годов 17 века греки стали занимать при дворе султана должности драгоманов и нередко приобретали большое значение в управлении делами по сношениям с иностранными государствами. Но на эту должность назначались греки из немногих знатных фамилий. Известны они под именем **фанариотов**. Они жили в квартале Фанар, богатели и образовали среди греков особое сословие.

Фанариоты стремились быть представителями греческой нации, часто вмешивались в церковные дела и нередко производили большие беспорядки в патриархии. В суде греки были лишены права давать свидетельские показания против мусульман и, конечно, турецкие судьи (кадии) решали дела в пользу мусульман, к тому же приводивших свидетелей. Во всем турки старались оскорбить национальное чувство христиан. Турецкие чиновники и паши нередко обращали христиан в

рабство и варварски обращались с такими рабами. Свободы вероисповедания, данной Магометом II, давно не было. Турки притесняли христиан и в отправлении богослужений, и в совершении обрядов и т.п. С середины 17-го века была отменена подать душ, т.е. турки стали завидовать участи христианских детей, попадавших на султанскую службу. Но насильственное обращение христиан в мусульманство продолжалось.

Общий гнет заставлял слабых людей **обращаться в мусульманство**. Особенно много было отпадений от христианской веры в **Боснии, Албании, Герцеговине и Анатолии**. Отступники, изменой веры, часто спасали свою жизнь. Для обращения в мусульманство турки имели два закона. Христианин освобождался от наказания, наложенного судом, даже от смертной казни, если он изъявлял желание принять мусульманство. Туркам было легко придумать обвинения для христиан и предлагать им мусульманство. Другой закон определял смертную казнь всякому отступнику от мусульманства, или хулителю его. И в этих случаях легко было приписать христианам обвинения и под страхом смерти принудить их к отступничеству. Но многие христиане претерпевали и гонения, и мучения, но оставались непоколебимыми в вере. Подвиги этих новых мучеников очень велики. Их заключали в оковы, в темницы, морили голодом, подвергали жестоким побоям и пыткам, и в конце концов рубили им головы, сжигали на кострах, или вешали.

В 1657 г. особым мучением подвергся христианин **Николай Караман**, которого затем турки повесили и тело его бросили в море. В 1672 г. христианский мальчик Николай, по желанию отца, учился турецкой грамоте у турка. Последний, восхищаясь прекрасными способностями ученика, всячески старался обратить его в мусульманство. Но ничто, включая обещание богатства и почестей, не смогло поколебать Николая. Заключив его в тюрьму и подвергая пыткам, турки, наконец, отрубили ему голову. Такую же твердость проявила безбоязненная Аргира, которая 15 лет, за свою стойкость, провела в тюрьмах, подвергаясь часто истязаниям, от которых она и умерла в темнице. В 1764 г. была замучена за свою твердость в вере девица Акилина, которую хотел обратить в мусульманство отец, убивший во время ссоры турка и принявший, из страха казни, мусульманство. Она умерла от жестоких истязаний. В числе мучеников, убажаемых греко-восточной Церковью, есть **Павел, родом русский**, бывший невольником в Константинополе, пострадавший в 1683 г.

Отношение турецкого правительства к Церкви в 19 веке

В 19 столетии Турция пыталась насасадить у себя европейскую цивилизацию и войти в круг западных государств. Это стремление было вызвано политическими соображениями. Турецкая империя явно **клонилась к упадку**. Султаны не имели власти и были игрушками в руках янычар, возводивших их на престол и низводивших с него. Паши, управлявшие отдаленными провинциями, держали себя независимо от султана. Народ находился в страшной бедности из-за грабежей чиновников. Многие области Турция потеряла после неудачных войн.

Султаны 19 века, для восстановления внутреннего и внешнего могущества империи, пытались проводить реформы и сближаться с европейскими государствами. Селим III(1789–1807) хотел уничтожить корпус янычар и завести войско европейского образца. Но он столкнулся с фанатической приверженностью турок к старине. Великий муфтий объявил Селима недостойным престола, а янычары низложили его, к большому огорчению французского императора Наполеона I, дружившего с ним, и через год умертвили. Махмуд II (1808–39) продолжал его реформаторские попытки. Он окружил себя единомышленниками и произвел некоторые реформы. Он ограничил влияние великого муфтия и улемов на государственные дела. В 1826 г., со страшным кровопролитием, он уничтожил корпус янычар; войско было организовано по европейскому образцу. Он отменил закон о праве султана на наследство после смерти любого чиновника и отменил обычай убивать, во избежание претендентов на престол, всех детей мужского пола, рожденных дочерьми и сестрами султана. Им было положено начало преобразованию государственного устройства, применительно к европейскому. Чиновникам было назначено жалование (1838 г.). У Махмуда установились тесные отношения с другими государствами, которые, опекая Турцию, содействовали реформам, входившим в их планы. Он тесно сблизился с Россией в царствование имп. Николая I, который помог султану, когда против него восстал египетский паша (1833 г.). Но все же Махмуд, как и его чиновники, оставались фанатичными врагами христиан, которые ничего от его реформ не получили. Когда в 1821 г. восстали морейские греки, турки убили в Константинополе патриарха Григория V и страшно избili греков. Когда турецкий флот был разбит союзным флотом, в том числе и русским, при Наварине (1827 г.), Махмуд намеревался отдать приказ об истреблении всех христиан в Турции. Не решившись этого исполнить, он

своей прокламацией к деревенским начальникам вызвал ненависть к христианам. Позднее, Махмуд, во время путешествия по Болгарии и Фракии в 1837 г., для приобретения симпатий населения, внушал чиновникам обходиться с христианами так же милостиво, как и с мусульманами. Но на местных властей такие, явно неискренние, распоряжения не производили впечатления. Вообще же реформы султана и близость его с христианскими государствами только разжигали фанатическую ненависть турок к христианам.

Преемник Махмуда, Абдул-Меджид (1839–61), продолжая его реформы, коснулся существенных сторон быта христиан. При его вступлении на престол положение империи было очень трудным из за тех же египетских дел. Только европейская дипломатия спасла Турцию от распада. Отчасти из желания соединиться теснее с европейскими государствами, Абдул-Меджид провел реформы при помощи министра иностранных дел Решид-паши, занимавшего дипломатические посты на Западе. Был составлен государственный акт, известный под названием **Гюльганского гатти шерифа** (обнародован в Гюлганге, на берегу Мраморного моря в 1839 г). При обнародовании присутствовали патриарх с архиереями и фанариотами и депутаты всех наций, подвластных Турции. Султан и высшие чины государства дали присягу в том, что этот закон будет выполнен. А заключался он в том, что султан обещал всем **без различия** своим подданным, к какой религии или секте они ни принадлежали, 1) полную безопасность жизни, чести и имущества, 2) правильное распределение и взимание государственных податей и 3) определение рекрутского набора и срока военной службы. Уничтожались также разные злоупотребления в суде и администрации. В заключение высказывалась мысль, что эти реформы имеют целью поддержание религии (т.е. ислама), правительства, нации и государства.

Абдул-Меджид в 1843 г., по единодушному настоянию европейских посланников, угрожавших бросить Турцию на произвол судьбы, отменил закон, по которому христианин, обращенный в мусульманство и затем возвратившийся в Церковь, наказывался смертью. В 1854 г., по настоянию английского правительства, в то время опекавшего Турцию, султан предоставил христианам право давать свидетельские показания в уголовных делах за и против мусульман. В 1855 г. была отменена позорная для христиан поголовная подать (харадж) и заменена призывом на военную службу. В 1856 г., вскоре после окончания Восточной войны, Англия и Франция, желавшие показать, что не одна Россия заботится об участи восточных христиан, убедили султана издать новый закон – **гатти-**

гумаюн (собственноручный декрет). Христиане полностью уравнивались в правах с мусульманами. Впредь ими должно было управлять не духовенство, как было прежде, а совет духовных и светских лиц, избранных из их среды. Патриархам и высшим духовным лицам обещалось назначение жалования из казны. Были обещаны облегчения при постройке новых и ремонте старых церквей. Свобода совести для всех полная, так что никого не будут принуждать менять веру (следовательно, и мусульмане, принявшие христианство). Христиане будут допускаться в правительственные учебные заведения, ко всем гражданским должностям и к военной службе. В диване будут заседать и представители от христиан и т.п. Строго запрещалось употреблять позорные для христиан прозвища – гяур, кафир.

Но все эти законы, изданные в угоду иностранным правительствам, оставались только на бумаге. Для выполнения их и султану, и турецкому народу надо было отказаться от своего правоверного мусульманства. Эти реформы эти пробудили у них фанатизм. В разных местах начались движения против христиан. В Адрианополе, Смирне и во многих городах Малой Азии турки совершали вопиющие неистовства против христиан, а турецкие власти относились к этому равнодушно. В 1843 г. в Албании произошло страшное истребление христиан. Только по настоянию России, власти прекратили кровопролитие. В Албании, как выяснилось, в 1846 г. закон о свидетелях христианах в суде не применялся, в войска их не принимали, они платили прежнюю подать. Закон гатти-гумаюн также вызвал взрывы фанатизма. Страшная резня христиан произошла в Дамаске и в Ливане в 1860 г. Власти этому потворствовали. Они даже заявили, что этот закон противоречит духу и букве корана, и что положение дел может быть улучшено только всеобщим истреблением христиан. Конечно, положение восточных христиан улучшилось, но не из-за законов, а благодаря заступничеству европейских держав и распространению европейского просвещения.

Борьба греков за независимость

Со времени падения Константинополя отдельные греческие патриоты восставали на защиту своей веры и национальности. Обыкновенно они собирали вокруг себя храбрых дружинников и мстили туркам за их неистовства против христиан. Своим мужеством они поддерживали во всех греках надежду на возможность свержения турецкого ига. Но только в 18–19 веках появилась возможность более успешной борьбы. Турция все сильнее обнаруживала государственное бессилие. Единоверная же грекам Россия становилась все могущественнее и могла оказывать большую поддержку восточным христианам. Пользуясь тем, что турки были вынуждены привлекать жителей с островов архипелага на морскую службу и те имели право свободного плавания по всем морям турецкой империи, греки завели у себя хорошие суда, развили торговлю и промышленность. Во время войн 18 века морская торговля этих греков-островитян приняла обширные размеры. Располагая большими средствами, они, под предлогом охраны судов от морских разбойников, завели военные корабли, из которых можно было составить в нужное время значительный флот, что являлось подготовкой для борьбы с турками. В то же время принимались меры и для улучшения народного образования. На местах открывались школы, детей посылали в заграничные учебные заведения. Молодое поколение, воспитанное на древнегреческой литературе, сравнивая блестящее прошлое с мрачным настоящим, проникалось стремлением к свободе и необходимости свержения ненавистного ига.

В 1768 г., в царствование императрицы Екатерины II, началась война России и Турцией. Греки решили, что наступило время для борьбы. Как только русский флот, под начальством графа Орлова, появился в Средиземном море, греки Мореи и островов Архипелага поголовно восстали. Их моряки присоединились к русским и действовали вместе против турок. Хотя, после ухода русских, турки жестоко отомстили восставшим, греки духом не пали. Их поддерживала надежда на освобождение, тем более, что Россия, победив турок, по миру, заключенному в 1774 г. в Кучук-Кайнарджи, получила право покровительствовать православным христианам на Востоке. Во вторую войну России с Турцией (1787 г.) греческие патриоты снова взяли за оружие. Две эскадры, сформированные русскими в Средиземном море, под управлением греческих моряков, наносили большой вред туркам. В

мирный договор, заключенный после войны в Яссах (1791 г.), опять была включена статья о праве России покровительствовать восточным христианам. Этим было положено начало дальнейшей независимости Греции.

С начала 19 века продолжались усилия греков свергнуть турецкое иго. В Париже греческие студенты образовали литературное общество **гетерии** (друзей муз), которое вскоре вылилось в тайное политическое объединение по всей Европе. Целью его было освобождение Греции. Среди зарубежных греков, входивших в это общество, были находившиеся на русской службе и занимавшие видное положение: граф Иоанн Каподистрия (при имп. Александре I руководил иностранной политикой) и князь Александр Ипсиланти. Многие из европейцев, ученые, поэты (в их числе знаменитый Байрон) также примкнули к гетерии и содействовали в достижении ее целей. Вся Европа вообще относилась сочувственно к делу освобождения греков. Воодушевленные этим, греки решили приступить к решительным действиям.

В 1821 г. Ипсиланти, во главе отряда вооруженных греков, вторгся в Дунайские княжества и организовал восстание. Но предприятие в Молдавии, где было мало греков, не могло быть успешным. Турки быстро справились с восстанием, и Ипсиланти вынужден был бежать в Австрию. Но вслед за этим вспыхнуло поголовное восстание греков в Морее и на островах Архипелага. Началась упорная и кровопролитная борьба. Турки зверски умертвили в Константинополе патриарха Григория V и старались смирить греков варварскими мерами. Греки отвечали тем же. Европейские правительства, среди которых главную роль играл австрийский князь Меттерних, опасавшийся всяких национальных движений ввиду разноплеменности австро-венгерской империи, был против греков, выставляя их бунтовщиками против власти султана. Имп. Александр I находился в то время под влиянием Меттерниха, пугавшего его всякими революционными движениями, и поэтому греки были предоставлены собственной участи. В 1822 г. турки умертвили около 20.000 греков на о. Хиосе. Греки же сожгли у Хиоса часть турецкого флота. В 1825 г. турки высадили в Морее египетское войско, которое с особым ожесточением обрушилось на греков.

Вступивший на престол в 1825 г. имп. Николай I резко изменил положение. Он не считался с мнением Меттерниха и повел политику русского православного царя. По его настоянию, Россия, Англия и Франция, заключив между собой договор, потребовали, чтобы Махмуд II прекратил бесчеловечную резню греков. Когда тот отказался, то державы

решили поддержать свое требование оружием. В 1827 г. турецко-египетский флот при **Наварине** был уничтожен союзным флотом. Султан, обвиняя во всех бедствиях Россию, издал оскорбительную для нее прокламацию. Россия объявила Турции войну, которую та проиграла на европейском и азиатском фронтах. По **Адрианопольскому миру** 1829 г. Турция признала **независимость Греции**, протекторат России над Молдавией и Валахией (Румынией) и уступила России восточное побережье Черного моря. Окончательно Греческое или Эллинское государство было признано независимым в 1830 г. Сначала Греция была республикой и ее первым президентом стал Каподистрия. В 1831 г. он был убит. Англия, Франция и Россия признали греческим королем принца Оттона Баварского. В 1863 г. греческим королем был избран королевич Георг Датский, брат русской императрицы Марии Феодоровны, супруги имп. Александра III (1881–94). Король Георг I был женат на вел. княгине Ольге Константиновне, внучке имп. Николая I. Его потомки и дальше правили Грецией.

Основание самостоятельной эллинской церкви

Греческая епархия до начала восстания 1821 г. была подчинена константинопольскому патриарху. Со времени восстания отношения с патриархией стали весьма затруднительными и по необходимости прекратились. В это смутное время каждый греческий епископ управлял своей епархией сам по себе, хотя в 1822 г. в Аргосе, для высшего ведения церковными делами, был назначен церковный министр. Но независимость от константинопольского патриарха тогда объявлена не была. С 1830 г. с ним были установлены отношения, поводом для этого послужило письмо патр. Констанция I к президенту Каподистрия. Но начавшаяся в юной республике борьба партий, жертвой которой стал Каподистрия, остановила дело. В Афинах стали подумывать о самостоятельном управлении.

Когда прибыл король Оттон, этот вопрос новое правительство поставило прежде всего. Комиссия из трех духовных лиц и четырех мирян пришла к заключению о необходимости иметь в независимом государстве самостоятельную церковь, для чего и создать синод. Правительство сочувствовало такому решению и передало вопрос на рассмотрение собора иерархов. Последние выразили согласие с разработанным проектом, с некоторыми замечаниями относительно участия королевской власти в церковных делах. Правительство торжественно обнародовало **регламент** об устройстве эллинской Церкви, которая была объявлена **автокефальной и независимой**. Первый член регламента гласил: «Православная, восточная, апостольская церковь королевства Греческого, духовно не признающая иной главы, кроме Основателя христианской веры, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, по правительственной же доле имеющего своим начальником короля Греции, автокефальна и независима от всякой другой власти, при нерушимом сохранении догматического единства во всем, издревле чтимом всеми православными восточными церквами». Член второй: «Верховная церковная власть находится под верховным надзором короля, в руках постоянного Синода, называющегося священным Синодом Греческого королевства». Король привез с собой баварцев, которые играли большую роль в его правительстве. Они поставили Синод в полную зависимость от гражданской власти. На практике оказалось, что Синод не мог вынести ни одного определения без разрешения правительства. Многие епископы и миряне с самого начала считали, что правительство поступило неканонично, объявив

самостоятельность Церкви без ведома и согласия константинопольского патриарха. После обнаружения положения о Церкви недовольные выступили с открытыми протестами; правительство стало принимать против них строгие меры.

Константинопольский патриарх признал неканоничным провозглашение без его согласия самостоятельности Церкви. Когда в 1841 г. Синод обратился к нему по одному вопросу, он вернул пакет нераспечатанным, сказав, что не знает никакого самовластного Синода в православном греческом государстве. Попытка Синода и правительства косвенным образом получить в 1849 г. признание от патриарха также была неудачна.

Эллинское правительство тогда решило войти в прямые отношения с патриархом. В 1860 г. оно просило его признать Синод братом во Христе и благословить дело благочестивого греческого народа. В 1859 г. патр. Анфим IV созвал собор для рассмотрения этого вопроса. Патриарх и члены собора выразили радостное чувство по поводу старания элладской епархии войти (после 17 лет разрыва церковного общения) в общение со своим законным предстоятелем. Было подтверждено право константинопольского патриарха давать самостоятельность церквам, ему принадлежащим. Эллинская Церковь была провозглашена автокефальной, подобно другим автокефальным церквам, под управлением своего постоянного Синода, состоящего из архиереев. Собором было указано, в разрез с регламентом греческого правительства 1833 г., что Синод должен управлять церковными делами по священным правилам, свободно и беспрепятственно от всякого мирского вмешательства. О состоявшемся решении патр. Анфим известил восточных патриархов и русский Синод.

Эллинское правительство в 1852 г. издало **новый** регламент, по которому Синод состоит из пяти членов – архиереев, из которых один – обязательно **митрополит афинский** – является председателем и присутствует постоянно. Остальные члены присутствуют временно и назначаются правительством по порядку старшинства. Представителем государственной власти в Синоде является назначаемый королем **прокурор**, который подписывается под решениями Синода. Ведению Синода подлежали дела внутренние и внешние. Дела внутренние – наблюдение за верностью догматов, распоряжения о богослужениях, наблюдение за исполнением клириками своих обязанностей и церковной дисциплиной, освящение храмов, заботы о религиозном просвещении народа, насколько это касается государственных законов и т.д. Дела внешние – определения, относящиеся к церковным обрядам процессий и

проч., распоряжения о духовно-учебных заведениях, благотворительных и исправительных учреждениях, назначениях для клириков и т.д. Дела первого рода Синод разрешает независимо от гражданской власти, дела же второго рода, как имеющие отношение к государству, – по утверждению правительства.

Участие России в судьбе восточных христиан

Христианский запад только на первых порах после падения Константинополя выразил восточным христианам сочувствие, попытавшись поднять против турок крестовый поход. Когда же эта попытка не удалась, западные христиане как бы забыли о страданиях восточных христиан. Они сочли за лучшее воспользоваться их бедственной участью для достижения своих целей – внедрению среди них латинства и протестантства. Россия же всегда оказывала единоверцам всяческую помощь. Еще патриарх Геннадий Схоларий просил св. митрополита Иону о помощи и утешении. По просьбе святителя, вел. кн. Василий II отправил патриарху с послом пожертвование. Св. Иона писал ему, что обещает «ради Христовой любви присылать и впредь, что у него найдется». В княжение вел. кн. Иоанна III (1462–1505) иерусалимский патриарх присылал за милостыней «для искупления гроба Господня от неверных». По этому случаю митр. Московский Феодосий отправил (в 1464 г») замечательное послание к новгородцам и псковичам, в котором убеждал их подать милостыню протосинкеллу Иосифу, который возвратился с богатыми дарами. В это княжение были и другие подобные связи с Востоком. Вел. кн. Василий III (1505–33), вскоре после вступления на престол, сделал значительные пожертвования афонским монастырям. Афонские монахи прислали ему в 1509 г. благодарственные грамоты, называя его своим кормильцем и ктитором. Прибывшие вскоре за милостыней для монастырей сербы говорили, что не имеют другого ктитора, кроме православного государя Василия Ивановича. Вел. князь благосклонно принял афонцев и сербов и снова послал с ними богатые дары. В 1515 г. Василий III дал афонским монастырям жалованную грамоту на свободный приезд их иноков в Россию для сбора милостыни. После этого афонские старцы постоянно посещали Россию и повсеместно производили сборы. Можно сказать без преувеличения, что афонские монастыри с того времени поддерживали свое существование единственно благодаря пожертвованиям русских. В 1516 г. щедрая помощь была оказана константинопольскому патриарху Феолепту I. На Синай, по просьбе оттуда, были посланы вещи, соболя, белки, лисицы и рыбий зуб на 600 золотых.

Царь Иоанн IV Грозный (1533–84) рассылал свои пожертвования по всему Востоку с истинно царской щедростью. Все четыре патриарха пользовались милостыней царя, присылали ему грамоты, благодарили за

дары и просили вновь о помощи. Как дороги были для Востока милости царя, видно из того, что константинопольский патриарх в одной из своих грамот называл Иоанна IV ктитором патриархии. Позднее флександрийский патриарх писал царю Феодору Иоанновичу, что если бы его отец не присылал милостыни, его патриархия разорилась бы окончательно.

В царствование Иоанна IV старцы восточных монастырей постоянно приходили в Москву, получали подарки от царя, производили сборы по России и возвращались с большим пожертвованиями. Особенно благоволил Грозный к афонским монастырям. Он хлопотал за них перед султаном Солиманом I, прося в 1551 г. об облегчении дани с афонских монастырей. Особенно замечательна последняя милостыня Иоанна IV – на помин души царевича Иоанна роздано было царскими посланными на Афоне и в Константинополе и его окрестностях до 6000 руб.

Царь Федор Иоаннович (1584–89) также был щедр на милостыню, как и его отец. Не говоря о множестве монахов, приходивших при нем с Востока за милостыней, в его царствование Россию посетили патриархи антиохийский Иоаким (1586 г.) и константинопольский Иеремия II (1588–89). С патр. Иеремией царь послал дружелюбную грамоту к султану Мураду III, в которой просил о благосклонном отношении к подателю ее. Кроме того, царь и непосредственно слал дары на Восток через проходивших монахов или через своих чиновников, купцов, напр., известного Коробейникова. После ограбления Мурадом III константинопольская патриархия устроилась единственно благодаря щедрости царя. Царь Борис Годунов (1598–1605) также много благодетельствовал Востоку. Иерусалимскому патриарху было однажды послано более двух тысяч золотых, кроме церковных одежд и сосудов. При царе Михаила Феодоровиче (1613–45) в Россию приезжал иерусалимский патриарх Феофан и возвратился с большими дарами. В это царствование монахи восточных монастырей не только делали сборы в России, но и начали в ней поселяться. При царе Алексее Михайловиче (1645–76) Россию посетили четыре патриарха и очень многие восточные митрополиты, монахи и простые миряне. Все они возвращались с большими пожертвованиями. Сокровищница царя Алексея была неистощима для милостыни; весь Восток понимал это и спешил воспользоваться ею.

В дальнейшем приезды в Россию за милостыней высших церковных иерархов сократились. Тем не менее благотворительность восточным христианам продолжалась в значительных размерах. В 18 и 19 веках приезжали уполномоченные от восточных церквей и монастырей и

производили сборы по всей России. С разрешения правительства восточные иноки основывали свои монастыри, подворья, часовни, приобретали для них земли, дома, лавки и т.п. Доходы от всего этого посылались на Восток. Отдельные люди и правительство отправляли сами свои пожертвования, значительные суммы, т.н. милостынные дачи. Св. Синод разрешал уполномоченным производить сборы пожертвований, разрешения давались монастырям на определенный срок. Во всех церквях России были кружки для сбора пожертвований «в пользу Гроба Господня» и для помощи православным в Палестине. На тот же предмет принимались пожертвования в местах духовного ведомства, в редакциях духовных журналов и газет. В случаях особых бедствий восточных христиан составлялись особые комитеты, и сборы достигали больших сумм. Сверх того, Синод ежегодно отпускал суммы на содержание духовных учебных заведений на Востоке, посылал бедным приходам облачения, сосуды, а в славянские страны богослужебные книги и пр.

При таких постоянных заботах со стороны России бедственная участь христиан значительно облегчалась, о чем они свидетельствовали сами. На русские деньги они строили новые церкви, поправляли старые, отстраивали монастыри, открывали училища, устраивали больницы, выкупали христиан из рабства, патриархи платили долги, откупались от турок и т.п.

Кроме материальной помощи, Россия для облегчения участи вост. христиан пользовалась своим все возрастающим политическим влиянием. Русские послы в Константинополе всегда были покровителями христиан. Все новые государства с христианским населением, образовавшиеся из областей разрушенной турецкой империи, обязаны своим существованием России. В 1804 г. сербы, восставшие под предводительством Кара Георгия, были поддержаны Россией, которая с 1806 г. начала войну с Турцией. В 1809 г. народное собрание сербов постановило отдаться под покровительство России. На основании русско-турецкого мира в Бухаресте (1812 г.), Сербия получила автономию. Война России с Турцией 1876–78 г. велась за освобождение Болгарии. На основании договора в Сан-Стефано (измененного к худшему на Берлинском конгрессе 1878 г.), полную независимость получили Румыния, Сербия, Черногория. Болгария и Восточная Румелия получили автономные права. В 1885 г. они соединились и стали самостоятельными.

Крымская кампания 1853–56 гг. – начата была из-за того, что имп. Николай I отстаивал перед турками права православных в Палестине. Турецкое правительство, по настоянию Франции, отняло у греческого

духовенства ключи от Вифлеемского храма и передало католикам. После отказа султана отменить свое решение император ввел свои войска в автономные тогда княжества Молдавию и Валахию (Румынию), пока не будет исполнено его требование. Турция, Франция, Англия и позже Сардиния объявили войну России. Австрия вела себя враждебно и это заставляло держать войска на ее границе. До самого последнего времени императорская Россия отстаивала права православного населения Турции и широко помогала Церквам на Востоке.

Иерархия и церковное управление

В положении константинопольского патриарха при турецком владычестве произошла существенная перемена. Турки, следуя теократическим воззрениям Востока, не проводили разграничения между властями духовными и гражданскими. Султан признал сразу патриарха Геннадия не только главой Церкви, но и главой нации. И в дальнейшем турецкое правительство не различало своих христианских подданных по национальностям. Для него все христианские подданные, исповедующие одну веру, составляли и одну нацию. Наименовав патриарха «милет баши» (главой нации), правительство тем самым подчинило ему в гражданском отношении всех его единоверцев, подвластных Турции.

В церковном отношении власть патриарха была такой же, как и при византийских императорах. Он был верховным духовным начальником всех православных христиан константинопольского патриархата. Служение его пожизненное, так что он, после избрания синодом и утверждения в сане турецким правительством, не мог быть свергнут с престола. Причинами низложения могли служить только оскорбление им царского величества, отступление от догматов веры и беспорядочное управление. Как верховный духовный начальник, патриарх управлял через подчиненных ему лиц и учреждения всеми церквами и монастырями патриархата, поставлял по своей воле митрополитов и епископов, которых утверждало турецкое правительство, следил за поведением митрополитов, епископов и всего клира, вершил суд над всеми духовными лицами от высших до низших, виновных подвергал наказаниям по церковным правилам и мог лишить их степеней; при этом правительство в случае жалоб на митрополитов и епископов, могло их арестовать и подвергнуть суду только с согласия патриарха и при участии его чиновников; патриарху же принадлежал высший церковный суд и над мирянами, так что он мог отлучать их и лишать церковного погребения. Кроме того, константинопольский патриарх имел исключительное право освящать миро и пользоваться правом ставропигии, т.е. через водружение собственного патриаршего креста при основании какой-либо церкви или монастыря, ставить их под свое непосредственное ведение независимо от местных епископов. Наконец, ему одному принадлежало право созывать соборы митрополитов и епископов патриархата и председательствовать на них.

Гражданские права и власть константинопольского патриарха

представляют явление новое в восточной Церкви и напоминают в некотором отношении папство прежних времен с его светской властью. Сфера гражданской юрисдикции патриарха гораздо обширнее церковной; как **глава нации**, т.е. своих единоверцев, он есть гражданский начальник христиан не только своего патриархата, но вообще всех христиан, подвластных Турции. Поэтому патриарх, при содействии епархиального духовенства, наблюдает за поведением их как граждан по отношению к правительству и обществу, следит за исполнением ими постановлений правительства и т.п. При этом, в случае нарушения ими правительственных распоряжений, или в случае незначительных проступков и преступлений (нарушение общественного спокойствия, кража и проч). он имеет право подвергать их своему суду. Кроме уголовных, патриарх разбирает и гражданские дела христиан. Таковы напр., дела о завещаниях имущества, наследствах, дела о долговых обязательствах и проч. Решения патриарха по всем этим делам имеют обязательную силу и признаются турецким правительством. Патриарх пользуется своими правами, как и раньше, при помощи Синода. В этом отношении произошли изменения при патр. Самуиле I (1764–80), о чем речь будет ниже.

Все почетные привилегии и права остались за патриархом. Он называется Всесвятейшим, Архиепископом Константинополя, Нового Рима и **Вселенским Патриархом**. Остался при нем и особый двор.

Таким образом, права и власть патриарха при турецком владычестве не только не уменьшились, но еще увеличились. Правда, на практике патриарх не всегда имел возможность свободно пользоваться своими правами вследствие деспотизма турецкого правительства. Но все-таки права и власть считались его принадлежностью, и он был всегда лицом почетным и имевшим важное значение. Тем более он являлся таким в глазах христиан. Греки, утратив на долгое время свою политическую независимость, сосредоточили свои политические симпатии на патриархе – **носителе их национального единства**.

Борьба за патриарший титул

Греки издавна отличались страстью к интригам и проискам. К этому они прибегали даже при соискательстве патриаршего престола. Начало этому было положено при турках еще во времена патр. Геннадия (1453–59). Появление претендентов настолько огорчило патриарха Геннадия, что он добровольно оставил кафедру. При его четвертом преемнике, Марке (1469 г.), соискателем выступил трапезундский монах Симеон. После завоевания Магометом II Трапезунда Симеон и его соотечественники, прибыв в Константинополь, воспользовались недовольством клириков патриархом Марком и оклеветали его перед султаном. Трапезундцы просили султана низложить патр. Марка и на его место поставить Симеона. При этом они поднесли султану 1000 червонцев, а Симеон отказался на будущее от содержания, назначенного патриархам из казны. Магомету это понравилось, и он, посмеявшись над неразумием греков, низложил Марка и велел поставить Симеона. С этого времени появился закон, по которому новый патриарх при вступлении на престол, приносил султану подарок (пескезий), сам же содержания из казны не получал. Симеон был патриархом недолго. Против него восстали на соборе многие архиереи. Мачеха Магомета, христианка Мария, покончила с волнениями, возведя на престол своего духовника, митр. Дионисия (1470–74), вполне достойного, причем внесла султану 2000 червонцев. В 1475 году его сместил сербский монах Рафаил, предложивший султану платить ежегодно по 2000 червонцев и при возведении обязался дать 5000 червонцев. С этого времени патриарх, кроме пескезия, обязан был платить еще ежегодную подать – харадж.

В последующие времена пескезий и харадж постоянно возрастали, потому что постоянно появлялись претенденты на патриарший престол. Так, в конце 16 в., низложив Иеремию II (1584 г.), невежественный монах Пахомий купил патриарший престол за 10.000 золотых, а после его низложения (1585 г.), митр. Феолепту кафедра обошлась в 20 000 золотых. Патр. Иеремия снова был возведен (в третий раз) и правил до 1594 г. Бывали случаи, когда получение патриаршего престола стоило 100 000 и даже 150 000 золотых, т.к. кроме подарков султану, новые патриархи платили еще великому визирю, придворным, чиновникам, евнухам, женам султана и проч. Подобного рода искательства патриаршества были губительны для греческой Церкви. Симония развилась в громадных размерах. Все патриархи, не исключая и достойных, получали сан за

деньги. Патриархи, для возмещения этих денег, отдавали епископские кафедры тоже за деньги, а митрополиты и епископы, в свою очередь, за деньги ставили священников и диаконов. При такой системе замещений патриаршую кафедру занимали часто люди недостойные или неспособные. Положительных было очень мало. Смены были постоянны. Отсутствовал твердый пастырский надзор и руководство. Недостойные патриархи заботились только об удовлетворении своего честолюбия и корыстолюбия. Патриархия все более беднела. Такое искательство престола приводило к презрительному и деспотичному обращению турок с патриархами и христианами. Так, напр., в 1671 г., по поводу неурядиц в патриархии, великий визирь назвал патриарха и его клир «собаками без веры и закона».

Замечательные патриархи до Самуила I

Геннадий, в мире **Георгий Схоларий** (1453–59) был замечательным греком. При имп. Иоанне Палеологе (1425–48) он занимал должность сначала вселенского учителя (профессора высшей школы, откуда название Схоларий), а потом члена верховного совета и государственного судьи. В 1437 г. он сопровождал императора на Флорентийский собор и здесь действовал в примирительном духе. Но, когда его заботы о примирении стали напрасными, а латиняне продолжали настаивать на унии и подчинении восточной Церкви, он тайно уехал в Венецию и не подписался под актом об унии. После возвращения на Восток он, вместе с почитаемым им **Марком Ефесским**, стал упорным противником унии, а после смерти Марка, стал во главе ревнителей православия. Приняв монашество, он всецело посвятил себя борьбе с латинянами. Он писал сочинения в опровержение латинства и распространял их в народе.

Ученость, благочестие и ревность в вере Схолария обратили на него внимание всех греков. Поэтому он был единодушно избран патриархом после завоевания Константинополя турками. Пользуясь расположением Магомета II, Геннадий ревностно принялся за устройство дел патриархии. Храмы были развалены или разграблены, патриархия при Софийском соборе попала в руки турок, православный народ упал духом. Геннадию нужно было изыскивать средства, устраивать храмы, утешать и поддерживать народ. Но едва только он начал все это налаживать, как его постигли разные огорчения. Храм свв. Апостолов, где обосновалась патриархия, был отобран, и он перенес ее к храму Всеблаженной. Когда он начал искоренять старое зло - симонию, монахи и клирики выступили против него с происками и интригами. Доведенный всем этим до болезни, патр. Геннадий решил оставить престол. В 1459 г. он собрал собор, где дал отчет о своем управлении и сложил с себя сан, хотя архиереи, народ и даже султан удерживали его от этого. Он поселился в монастыре и умер в 1464 г. Греческая **Церковь** причислила этого достойного святителя к лику святых.

Максим (1476–83), прозванный за ученость **Философом**. Он отличался большой ученостью и замечательным даром проповедничества. Он был глубоко благочестивым пастырем, и в его правление **Церковь** наслаждалась спокойствием. Поэтому он все свои заботы обратил на нравственное просвещение народа и средством для этого избрал проповедь. Магомет II относился к нему с уважением и любил беседовать

о христианской вере. По предложению султана, патр. Максим перевел на **турецкий язык** Символ веры и написал на него толкование. Греческая Церковь причислила его к лику святых.

Иеремия I (1520–44). Он отличался мудростью в управлении и заботливостью о благе Церкви, за что и пользовался величайшим уважением и любовью пасомых. Но и ему пришлось много претерпеть от происков дурных клириков и монахов. Им удалось, во время богомолья Иеремии в Иерусалиме, поставить на его место митр. Иоанникия. Патр. Иеремия созвал тогда в Иерусалиме собор с патриархами Иерусалимским, Антиохийским и Александрийским. Собор отлучил Иоанникия и его приверженцев. Народ в Константинополе встретил Иеремию как истинного пастыря и выхлопотал у султана Солимана I его восстановление. Когда визирь потребовал от него пескезий, он решил отказаться и только после усиленных просьб народа позволил внести за себя требуемую сумму. Он правил с ревностью и особенно заботился об устройстве и украшении храмов. Его трудами патриархия была приведена в благоустройство, и храмы спасены от разрушения, что намеревалось сделать турецкое правительство.

Иосаф II (1552–64), пастырь просвещенный и добродетельный. Он сделал много добра для Церкви. Он успел понизить пескезий на 1000 червонцев. В 1564 г. он созвал большой собор, на котором предлагал «исправить и вразумить клириков, смирить архонтов и удержать их от разных плохих притязаний». Но собор, по проискам клириков и фанариота Михаила Кантакузена, обвинил самого Иосафа в симонии и, не приняв никаких его объяснений, низложил этого достойного патриарха.

Иеремия II, по прозванию **Транос** (светлый). Он был избран в 1572 г. и оставался патриархом до конца 1579 г. Он был просвещенным, деятельным, справедливым и безупречным в жизни. Он созвал собор для решительной борьбы с симонией, открыто применявшейся его предшественником, корыстолюбивым Митрофаном. Собор постановил извергать таких из сана. Иеремия заботился о поднятии духовного просвещения, о выполнении уставов и правил церковного благочиния, подвергая виновных отлучению. Он ревностно оберегал православие от пропаганды католиков и протестантов. Все средства, стекавшиеся в патриархию, он употреблял на пользу Церкви. Он построил в патриархии много новых зданий, благоукрасил храм Всеблаженной. В 1579 г. он был низложен по распоряжению султана и заменен своим предшественником Митрофаном. После смерти его в 1580 г., Иеремия II был восстановлен. Дела патриархии за время управления Митрофана обстояли плохо, т.к. он

наделал много долгов. Иеремии пришлось производить сборы с архиереев, вызывая этим недовольство. Воспользовавшись этим, родственники Митрофана начали хлопотать о низложении Иеремии. На него делались всевозможные лживые доносы. Один грек-отступник так вооружил против него султана, что тот приказал заключить патриарха в тюрьму (1584 г.). Иеремия был сослан на о. Родос. Патриаршью кафедру занимали невежественный монах Пахомий, потом племянник Митрофана Феолепт. Народ продолжал считать патриархом Иеремию. После многих стараний достойные архиереи и клирики добились его возвращения в 1587 г. Ему предстояло еще больше трудов. За это время храм Всеблаженной был разграблен турками и забран; патриархия отягощена долгами. Для сбора средств на устройство патриархии при храме Богородицы Утешительницы и на уплату долгов Иеремия отправился в Россию в 1588 г., откуда возвратился в 1590 г. со значительными пожертвованиями. В Москве им было дано согласие на **самостоятельность Русской Церкви**, и он возглавил возведение в патриархи митрополита Иова. Во время путешествия через западную Русь Иеремия прилагал все старания к тому, чтобы ослабить там латинскую пропаганду. Возвратившись в Константинополь, он продолжал ревностно заботиться о поддержании церковной дисциплины. В 1593 г., при участии Александрийского патриарха Мелетия Пигас, он созвал в собор, на котором было строго поддержано, чтобы монахи подчинялись епархиальным архиереям, чтобы никого не рукополагали за деньги, чтобы недостойных людей не рукополагали в священники, чтобы священники не носили дорогих и роскошных одежд и т.п. В 1594 г. Иеремия II скончался в сане патриарха и на патриаршей кафедре.

Кирилл Лукарис (1621–38). Один из замечательных патриархов после падения Византии. Своим обширным умом, ученостью, добродетелями, ревностью в вере и, наконец, несчастьями в жизни он напоминает святителей древних времен. Кирилл был воспитанником знаменитого александрийского патриарха Мелетия Пигаса, который дал ему прекрасное начальное образование в венецианском греческом коллегиуме и затем в университете в Падуе. По окончании образования Лукарис принял монашество и вскоре вступил на поприще церковной деятельности. В 1593 г., в качестве экзарха патр. Мелетия, он ездил в западную Россию и поддержал православных в борьбе с латинянами. В 1596 г. на Брестском соборе, при проведении унии, он был одним из главных поборников православия, чем навлек особую ненависть латинян. Он был вынужден спасаться бегством. Затем он предпринял путешествие в

западноевропейские страны для изучения иностранных исповеданий с целью более успешной борьбы с ними. В 1600 г. он снова посетил западную Россию, укрепляя православных. В 1601 году после смерти патр. Мелетия, согласно его завещанию, Кирилл был поставлен его заместителем. Своим мудрым управлением он приобрел величайшее уважение не только в своем патриархате, но и в Константинополе, где все важные дела решались с его участием. В 1613 г., в качестве местоблюстителя, он управлял константинопольской патриархией, а в 1621 г. был единодушно избран заместителем скончавшегося патр. Тимофея I. Для него наступила пора особенно живой, но и несчастливой, деятельности. Главной его заботой было ограждение православных от латинской пропаганды. В борьбе с иезуитами провел он все свое патриаршество, пять раз был возведен на престол, и четыре раза низведен и, наконец, в 1638 г. запечатлел мученической кончиной свою ревность за православие.

Паисий II занимал патриаршую кафедру с 1726 г. четыре раза. Он замечателен только тем, что в первое свое патриаршество издал соборное постановление о низшем клире. Постановление требовало, чтобы в священный сан возводились только люди образованные и благопристойные, причем за нарушение этого постановления определялось наказание. Эта мера была вызвана настоятельной необходимостью, так как, при беспорядках в церковном управлении и при недостатке школ, весьма часто случалось, что места священников отдавались людям совершенно неученым. В первое время после издания, постановление Паисия имело некоторое значение, но потом все приняло прежний вид.

Патриарх Самуил I и его реформы

В 1764 г. на константинопольский престол вступил патр. Самуил I. Он принадлежал к одной из знатных и богатых фанариотских семей. Он отличался умом, образованностью, строгостью жизни, твердостью характера, а также административными способностями. К его времени патриархия находилась в печальном состоянии. Поставление и низложение патриархов всецело зависело от корыстолюбивого правительства, продолжалось искательство престола, управление было беспорядочное, долги чрезмерные. Самуил установил, чтобы в патриаршем синоде непременно и постоянными членами были восемь старейших архиереев, епархии которых находились около Константинополя. Кроме того, в состав Синода были введены четыре мирянина (архонты) из знатных греков и купцов, а также чин патриаршего двора, великий логофет, который при турках получил важное значение, т.к. только через него патриарх сносился с правительством. Синод должен был ведать всеми делами патриархии, в частности, финансовыми, а также избранием и низложением патриархов. Только при наличии формального представления Синода правительство могло низложить или утвердить патриарха. Чтобы патриарх без Синода, а последний без патриарха, не могли принимать решений, Самуил завел **патриаршую печать**, ставившуюся на все акты. Печать была разделена на четыре части, которые хранились у четырех старейших архиереев. У патриарха оставался средний столбик или ключ печати. Архиереи, хранившие части печати, должны были постоянно находиться в Константинополе, и патриарх не имел права высылать их в епархии. Было решено, что расходы, необходимые при избрании патриарха, не должны превышать 40 000 пиастров (2000 руб). Султан Мустафа III утвердил все эти постановления Самуила, в результате правительство само отказалось от произвольного распоряжения престолом патриархов и громадных поборов. Искательство престола также должно было прекратиться и управление улучшиться. Но, к сожалению, на самом деле реформы патр. Самуила не произвели существенных перемен в жизни Церкви. Патр. Самуил постарался также погасить долги патриархии. Для их погашения он пригласил епархиальных архиереев, которые при вступлении на кафедру давали письменные обязательства об уплате известной части долгов, а до уплаты вносить проценты.

Патр. Самуил стремился осуществить главенство константинопольской патриархии над другими восточными

самостоятельными церквами. Его предшественники тоже стремились к этому. Это вызывалось особым положением константинопольского патриарха у турок, предоставивших ему и гражданские права. В 1766 г. Самуил со своим Синодом избрал и рукоположил патриархов Антиохийского и Александрийского, без сношения с этими Церквами. Впрочем, на подчинение этих Церквей такое распоряжение не повлияло. Заручившись распоряжением турецкого правительства, Самуил подчинил в 1767 г. автокефальную сербскую Ипекскую архиепископию и в 1767 г. – Охридскую в Болгарии. Патриарх Самуил был ревностным борцом против латинян (в 1766 г. на о-ве Хиосе) и покровителем духовного просвещения.

В 1768 г. Самуил был низложен Синодом, в силу власти, предоставленной ему самим патриархом. Главной причиной низложения была выставлена его излишняя строгость. В 1772 г. он во второй раз занял престол, но через год опять был низложен, как человек тяжелый и слишком строгий. Удалившись на о-в Халки, патр. Самуил прожил там до самой своей кончины в 1780 г.

Иерархия после патриарха Самуила I

После патр. Самуила турки продолжали поборы с патриархов. С другой стороны, греческие епископы и фанариоты так привыкли интриговать, что не могли без них обойтись. Допущенные в Синод, они считали себя вправе контролировать действия патриарха, иногда низлагали его и проводили своих кандидатов. Особенно много бедствий испытала иерархия при патриаршестве Григория V и во время, последовавшее за его мученической кончиной. Григорий вступил впервые на кафедру в 1798 г. и занимал ее полтора года. Это был замечательный пастырь. Он вел жизнь строго аскетическую, отличался точным исполнением своих обязанностей, твердостью убеждений и ревностью в вере. Он успел возродить обветшавшую патриархию, устроил при ней типографию, занимался изданием полезных книг. Ревностно следил он за деятельностью епископов, устранял беспорядки и злоупотребления. Синодальных архиереев в Константинополе, заботившихся лишь о жизненных удовольствиях, он выслал в их епархии, оставив при себе только немногих. Такой строгий патриарх не мог нравиться. Его оклеветали перед правительством, как человека беспокойного и неспособного управлять. Григорий был низложен и отправлен на Афон.

После шестилетнего пребывания на Афоне, Григорий в 1806 г. был приглашен вторично, но через два года был снова низложен. Каллиник, бывший прежде патриархом, за большую сумму, данную одному приближенному султана, был поставлен патриархом вместо Григория. В третий раз последний был избран на престол в 1818 г. В это время уже шла подготовка к восстанию. Патриарх сочувствовал грекам, но он же был ответствен перед правительством за всех христиан – подданных султана. Григорий держал в тайне от большинства греков и правительства свое сочувствие грекам и участие в подготовке священной борьбы. Руководители движения советовали ему удалиться из Константинополя. Но он не решался оставить паству в такое опасное время.

Когда в 1821 г. Ипсиланти поднял восстание в Дунайских княжествах, патриарх был вынужден под давлением правительства произнести проклятие повстанцам. Отлучительная грамота была торжественно прочтена в церкви, в присутствии турок, понимавших греческий язык. Вскоре пришло известие о восстании греков в Пелопоннесе. Так как это была родина Григория, то турки начали его обвинять в содействии восставшим. **10 апреля 1821 г., в первый день Пасхи,** появился

правительственный чиновник и потребовал именем султана избрать нового патриарха. Выбран был Евгений Писидийский, который тотчас же отправился к великому визирю за утверждением. На Григория напала вооруженная толпа и повела на допрос, после которого он был **повешен в воротах патриархии**. Новый патриарх, возвращаясь от визиря, видел его повешенным. Тело Григория три дня находилось на виселице. Потом оно было отдано евреям, которые долго волочили его по улицам, а затем бросили в море. Грекам удалось извлечь тело и препроводить в **Россию**. Тело мученика было торжественно погребено в Одессе. В 1871 г., при праздновании 50-летия Греции, тело было торжественно перенесено в Афины.

Синодальные и другие архиереи, находившиеся в Константинополе, были или заключены в тюрьмы, или казнены. В Адрианополе был повешен бывший патриарх Кирилл VI. Вместе с ним были казнены еще три епископа и много знатных греков. Преемнику Григория, Евгению, пришлось претерпеть истязания. Через 12 дней после вступления его на кафедру, турки ворвались в патриархию, схватили Евгения, волокли его, били, вырывали из его бороды по волоску и, наконец, ограбили его и патриархию. Он заболел от истязаний и вскоре умер. Преемника Евгения, Анфима III (1822–24), – когда по поводу его низложения в 1824 г. произошло народное волнение, – турки хотели умертвить, но не исполнили это только потому, что боялись европейцев, негодовавших по поводу убийства патр. Григория. Вообще казненных турками во время восстания – митрополитов, архиепископов, и епископов насчитывают до восьмидесяти. Казненных из низшего духовенства нужно считать сотнями. Так, напр., когда в начале восстания все храмы были разрушены и духовенство стало отправлять службы под открытым небом, турки умертвили свыше 50 духовных лиц.

Позднейшее состояние Константинопольской Церкви

Ужасные бедствия, постигшие патриархию и духовенство, после восстания прекратились. Но иерархические неурядицы продолжались. Перемены наступили только в 1856 г., когда султан издал знаменитый **гатти-гумаюн**, обещавший христианам реформы. В нем предполагались и улучшения в иерархическом строе Церкви. Вследствие этого в 1858 г. была образована временная комиссия из духовных и светских лиц для составления более совершенных правил избрания патриарха, других иерархов и способа образования Синода. Комиссией были выработаны следующие правила. **Избирательное собрание** должно было состоять из всех митрополитов Синода и всех других, находящихся во время избрания в Константинополе, и из мирян: великого логофета и двух важных чиновников патриаршего двора, членов смешанного совета при патриархе (из духовных и светских лиц), несколько важных гражданских и военных чиновников (из христиан), представителей ученой корпорации, купечества, цехов, светских представителей от всех епархий и проч. Всего от мирян должно было быть более 60 человек.

К назначенному для избрания дню все присутствующие митрополиты представляют в собрание запечатанные пакеты с именами кандидатов на патриаршество. Такие же пакеты присылают митрополиты, находящиеся в епархиях. После вскрытия пакетов имена всех указанных кандидатов вносят в особый список. При этом избиратели имеют право представлять своих кандидатов, если в пользу последних будет третья часть духовных членов собрания. Заготовленный список представляется правительству, которое имеет право не допускать до избрания негодных ему лиц, о чем и извещает собрание в течение 24 часов. Затем начинается избрание. Сначала все избирают тайным голосованием **троих** из кандидатов. Потом из этих троих одни митрополиты и епископы избирают также тайным голосованием **одного**, который и объявляется патриархом. Об избранном патриархе немедленно доносят султану, который должен обязательно его утвердить. Султан лично принимает нового патриарха. Этими правилами полностью устранилось влияние турок на ход избрания патриарха, им оставалось только право отвода негодных кандидатов. Эти правила ослабляли происки синодальных архиереев при избрании патриарха, т.к. в избрании принимали участие не только отсутствующие митрополиты, но и многие миряне.

Новые правила избрания были введены в 1860 г. В том году отказался

от кафедры патр. Кирилл VII (1855–60). Синод, после утверждения правительством правил, провел выборы нового патриарха. Был избран Иоаким II (1860–63). Преемником его стал Софроний III (1863–67), Григорий VI (1867–71), Анфим VI (1871–73), Иоаким II (вторично по 1878 г.), Иоаким III (1878–84). Все они были избраны по новым правилам. Таким образом, теперь избрание патриарха есть дело духовенства и мирян, и является избранием церковно-народным. Права и преимущества патриарха остались те же. Изменилась только форма правления патриаршей власти.

Церковное имущество, в значительной мере конфискованное у Церкви еще при императорах, было полностью отнято турками. Единственным источником содержания духовенства остались сборы за совершение церковных треб. Но высшее духовенство по своему положению не могло пользоваться этим источником доходов. Пришлось прибегнуть к установлению пошлин и приношений в пользу высшего духовенства. Так, на содержание патриархии были установлены ставленные пошлины с митрополитов и епископов при их посвящении. Кроме того, были установлены пошлины с епископов в патриархию на епархиальные дела, приношения епископов новому патриарху при его посвящении, ежегодные сборы на его содержание; пошлины от духовных завещаний православных, умерших в Константинополе и засвидетельствованных патриархом; пошлины от имущественных исков, разбираемых патриархом. Кроме того, в пользу патриарха поступало имущество умерших митрополитов и епископов, не завещавших его никому.

На содержание епархиальных архиереев также были установлены пошлины с низшего духовенства, ежегодные сборы с церковью и духовенства при объезде ими епархий, приношения от духовенства при назначении на епархию, сборы с мирян, получающих наследство. Размеры всех этих пошлин были различны. На островах, где население было зажиточнее, и средства для духовенства были значительнее. Вообще же средства на содержание духовенства были ограничены, вследствие бедности православного населения. Особенно были ограничены возможности низшего духовенства, которое зачастую было вынуждено добывать средства существования посторонними занятиями – ремеслами, торговлей, и пр., что, естественно, пагубно сказывалось на его пастырском служении.

Остальные восточные патриархии

Александрийский патриарх начал испытывать нужду еще в 6-м в., когда коренные жители Египта, **копты**, образовали особую **монофизитскую** общину и отпали от Церкви. С того времени пределы патриархата значительно сократились. В его пастве остались только греки, проживавшие в Египте, да незначительно число арабов. С наступлением в 7-го веке мусульманского владычества в Египте сокращение продолжалось. К началу 20-го века в патриархате насчитывалось только от 14 до 20 тысяч человек, для которых имелось в разных местах 8 церквей и 2 монастыря – в Александрии и Каире. Сократилась и иерархия. Патриархат составляли – патриарх, митрополит Ливийский и епископ Фиваидский, носящие только титул, но кафедр не имеющие, несколько архимандритов, священников и пр. В 1850 г. в иерархии патриархии состояло только 26 лиц. Патриарх пребывал в Каире, куда патриархия была перенесена еще в 955 г. патр. Арсением. Здесь в 1839 г. на пожертвования из России устроена новая приличная патриархия и при ней храм. Средства на содержание все духовенство получало частично от своей паствы, но главным образом от принадлежавших патриархату нескольких монастырей в Румынии и подворья в Москве при храме св. Николая, пожертвованного ему еще в 1855 г. В общем, средства скудные. Иерархия по национальности греческая, но есть несколько священников арабов. Учебных заведений для подготовки духовенства нет. Иерархия не отличалась многосторонностью богословского образования, а верностью преданиям и правилам своего издревле православного патриархата, который занимает самостоятельное и независимое положение в ряду других Церквей. Попытки константинопольских патриархов поставить их в зависимость от себя успеха не имели. Константинопольский патриарх пытался поставить в 1845 г. на александрийскую кафедру одного из своих митрополитов, но александрийский клир с этим не согласился и избрал на патриарший престол своего архимандрита – Иерофея II.

Из александрийских патриархов замечательны: **Иоаким I** (1487–1565), управлявший 78 лет и отличавшийся святой жизнью. **Мелетий Пигас** (1588–1601), в свое время один из главных ревнителей православия на Востоке. Получив первоначальное образование в Падуанском университете, он, по возвращении на родину, принял монашество в одном критском монастыре. Потом на Синае и в клире Александрийской Церкви посвятил себя изучению св. Писания и церковных догматов по

святоотеческому наследию. Его богословские познания были весьма обширны. Избранный патриархом, по указанию своего предшественника Сильвестра, Мелетий выступил ревностным борцом за православие против **латинской пропаганды**, усилившейся на Востоке и в западной России. Он писал сочинения, поучения, послания. В западную Русь он посылал своего экзарха Кирилла Лукариса. Мелетий отличался также строго благочестивой жизнью и мудростью в управлении. Когда константинопольская патриархия после Иеремии II пришла в крайнее расстройство, то тамошний Синод, не избирая нового патриарха, просил Мелетия принять на себя управление их Церковью со званием местоблюстителя. Он, насколько это было возможно в то тяжелое время, упорядочил дела патриархии.

Герасим Спарталиота (1621–30), ревнитель православия, с твердостью отклонивший попытки **кальвинистов** войти в общение с Александрийской церковью. В 1629 г. голландский посланник в Константинополе предложил ему, при условии объединения с кальвинистами, устроить в Египте училища и типографии за счет Голландии. Патриарх с достоинством ответил ему, что объединение с людьми иной веры есть не более, как ложный мир, который опаснее открытой войны. Относительно же училищ патриарх сказал, что оно имело бы полезное значение, если в них будут православные преподаватели догматов. Если же там будет хоть один иноверный учитель, то он не даст своего согласия на их открытие.

Иерофей I (1818–45) и Иерофей II (1847–58), отличавшиеся особой заботливостью о благоустройстве своего патриархата. Устройство новой патриархии, восстановление и украшение храмов, основание школ для начального обучения детей в православной вере, устройство больницы и приюта для престарелых, – все это сделано ими частично на средства, изысканные на месте, а главным образом – на пожертвования из России. По этому поводу Иерофей I писал искренние душевные послания имп. Николаю I, русскому Синоду и другим.

В 19 веке известен в отстаивании подлинного Православия патр. Фотий. В 1923 г. константинопольский патриарх Мелетий IV устроил т.н. «Всеправославный конгресс», принявший новый стиль и др. новшества. Патр. Фотий, не участвовавший в нем, отверг произведенные там изменения священных канонов, вызванные, как он выразился, требованиями «нового догмата современности». Единодушным с ним был также не принимавший участия в «Конгрессе» Антиохийский патриарх Григорий IV.

Антиохийский патриархат испытал ту же участь, какая постигла александрийский патриархат. Отпадение от Церкви еретических обществ несториан, яковитов и маронитов в 5–7 в., мусульманское господство в Сирии (с 7-го в.), сменявшееся временами господством крестоносцев-латинян, наконец, латинская пропаганда (в 18–19 вв.) – все это сопровождалось сокращением границ патриархата и уменьшением паствы. К началу 20 века в нем насчитывалось до 86 тыс. православных, почти исключительно туземцев-арабов. Иерархия состояла из патриарха, нескольких митрополитов и архиепископов (епископов нет), священников и т.д. Всего в патриархате насчитывалось 14 епархий, включая и патриаршую. После победы над крестоносцами Антиохия оказалась разоренной. Когда имп. Михаил Палеолог выхлопотал у египетского калифа разрешение на восстановление патриархии, то патр. Феодосий IV утвердил в 1269 г. свою кафедру в Дамаске. Долгое время иерархия состояла из греков, духовенство – большей частью из арабов. В 1869 г. патриарх сделал первую уступку желаниям местного населения, поставив архиепископом в Бейруте араба по национальности. В начале 20-го века патриархом был араб, известный Григорий IV, приехавший в Россию в 1913 г., любивший ее и всегда поддерживавший Зарубежную Церковь. Училищ для подготовки священников не было, за исключением небольшой школы в бейрутской митрополии. Богословское образование было развито слабо. Средства содержания скудны, вследствие бедности населения. Свое существование патриархи поддерживали главным образом доходами от своего подворья в Москве и пожертвованиями из России, Молдавии и других православных государств. Только благодаря русской помощи в начале сороковых годов 19-го века при патриархии в Дамаске была открыта приличная церковь. В поисках помощи и в других православных странах, патриархия давно попала в зависимость от константинопольской патриархии, которая имела большое влияние на избрание ее патриархов. Тем не менее, авторитет Антиохийских патриархов, как представителей независимой Церкви, сохраняется. Особенно выдающихся патриархов не было, а о многих вообще мало известно. Известны лишь те, которым пришлось отстаивать православие от католической пропаганды в Сирии, разрешившейся т.н. **Сирийской унией**. В начале 18 века иезуиты склонили на унию с Римом митрополита сидонского Евфимия. После его смерти, для усиления унии, они захотели возвести на сидонскую кафедру его племянника Серафима, воспитанника иезуитов. Но патр. Афанасий III (1724 г.) рукоположить его отказался. Тогда Серафим, при содействии иезуитов, заставил силой двух епископов рукоположить себя.

Отправившись в Ливан, он начал открыто вовлекать православных арабов в унию. Патр. Афанасий отправился за помощью в Константинополь. Здесь в 1722 г. состоялся собор, на котором были осуждены заблуждения латинян, и определение собора было опубликовано в Сирии. Преемник Афанасия Сильвестр (с 1724 г). продолжал борьбу с униатами и для противодействия им открыл училище в Алеппо, где было большинство униатов. Но латинские миссионеры добились перенесения училища в Триполи. 40 тысяч сирийских униатов, под покровительством Франции, сформировали особую общину (с 1827 г). со своим патриархом в Ливане и несколькими епископами. Но в том же столетии началось возвращение униатов в Церковь. Так, в 1847 г. патр. Мефодий (1851 г). присоединил к православию амидского униатского митрополита со всей его паствой и многих униатов в Сидоне, а в 1860 г., при патр. Иерофее (1885), было присоединено еще пять тысяч униатов.

Для **Иерусалимского** патриархата бедственные времена и сокращение его пределов и паствы наступили также в 7 в., со времени завоевания Палестины мусульманами. Владычество крестоносцев и латинская пропаганда, усилившаяся с 16 века и продолжающаяся и поныне, усиливали бедственное положение патриархата. К началу 20 века в патриархате насчитывалось до 25 тысяч человек, преимущественно туземцев-арабов. Церквей и монастырей насчитывалось до 130, в том числе русских. Церкви, за исключением русских, находились в бедственном положении. Архиерейских кафедр имелось 14, из которых одна патриаршая, 6 митрополичьих, 6 архиепископских и одна епископская. Все иерархи живут в Иерусалиме при патриархии и получают содержание из общих доходов. Средства патриархии могли быть достаточными, если бы особенности ее расположения при храме Гроба Господня не вызывали необходимости чрезвычайных расходов. Доходы от имений и угодий в Палестине остались. Но прежних доходов от недвижимого имущества в России (Бессарабии), от подворий в Москве и Таганроге и от ежегодных сборов в церквах России теперь нет.

Все иерархические кафедры занимают только греки, в священнический же сан рукополагаются и туземцы, для подготовки которых в Крестном монастыре есть богословское училище. Преобладание греческой национальности началось с 16 в. До 1534 г., когда умер патр. Дорофей, араб по национальности, патриаршую и епископские кафедры занимали и греки, и арабы, или только арабы, как это было в 15 и начале 16 вв. После завоевания Палестины турками положение изменилось. В 1634 г. с избранием патриархом грека Германа, все кафедры стали

замещаться греками, такой порядок Герман узаконил даже для иерусалимской патриархии. Отношения патриархов с константинопольской патриархией были самые близкие. Патриархи не только проживали там временно, но и открыли там подворье (1640 г.), сделали Константинополь своим более постоянным местопребыванием, чем сам Иерусалим. Вследствие этого избрание иерусалимских патриархов происходило в большинстве в Константинополе и под влиянием ее патриархии. Только около середины 19 в.(1845 г.) патр. Кирилл II сделал Иерусалим постоянной резиденцией патриархов.

История патриархов в описываемый период представляет историю их борьбы с латинянами и другими иноверцами за обладание св. местами в Палестине. В этом отношении особенно замечательны патриархи: Герман (1534–79), Софроний (1579–1607), Феофан (1607–44), Паисий (1644–61), Нектарий (1661–69) и Досифей (1669–1707). Жизнь их проходила в постоянных путешествиях из Иерусалима в Константинополь и обратно, а также по всем православным странам. В Иерусалиме и Константинополе они с необыкновенной энергией и настойчивостью отстаивали перед турецким правительством права православных на владение св. местами, устраняя происки иноверцев, преимущественно латинян, а в православных странах, – России, Молдавии, Румынии, Грузии – неутомимо собирали средства для поддержания этих святых мест. Особенно частыми и многотрудными путешествиями с этой целью отличались патриархи Феофан, Паисий и Досифей. Последний состоял в переписке с царем Петром I. Из иерусалимских патриархов более позднего времени особенное внимание обращает на себя патр. Кирилл II (1845–72), как образованный архипастырь и деятельный поборник православия. Сделав Иерусалим своим постоянным местопребыванием, он обратил все внимание на благоустройство патриархата – восстанавливал церкви, отстроил вновь древние разрушенные храмы в Лидде и на горе Фаворе, основал богословское училище для священников и народных учителей из аборигенов, открыл несколько народных школ, устроил в Иерусалиме госпиталь, типографию и т.п. Во время распри константинопольской патриархии с болгарскими патр. Кирилл II отказался подписать в 1872 г. отречение болгарских епископов, за что в том же году был низложен с кафедры.

Духовное просвещение

Турецкое иго очень пагубно сказалось на духовном просвещении православных греков. Были уничтожены школы, библиотеки, древние рукописи, ученые и богословские труды и т.п. Сама жизнь под игмом не давала народу долгое время возможности получать образование. А высшее духовенство было больше занято интригами и мало заботилось о просвещении. Вообще турецкое правительство относилось к просвещению отрицательно, тем более к христианскому.

Но постепенно иерархия поняла необходимость просвещения. Было необходимо готовить образованное духовенство и были нужны образованные люди для ограждения православия от пропаганды католиков и протестантов. Греки стали создавать школы – низшие и высшие. В первых обучали грамоте и знакомили с богослужебными книгами и их употреблением в церкви. В них готовили священнослужителей и клириков. Обучение происходило в церкви или в доме священника, иногда под открытым небом. Учителями были священники церкви, при которой была школа, или монахи. Разделения на классы не было.

Высшие школы отличались только более обширным курсом обучения. Не было ничего похожего на современное среднее учебное заведение. Учителей набирали из людей, известных своей образованностью, им иногда устанавливали содержание. Учениками нередко бывали клирики и монахи даже в зрелом возрасте. Общее образование заключалось по преимуществу в изучении греческих писателей. Богословие изучалось по системе преп. Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры». Курс вообще был не обширный, число учеников ограниченное. Школы были бедны. Известны были высшие школы: патриаршая (в Константинополе), Янинская (в Албании), Патмосская, Афонская и другие.

Патриаршая школа была основана патриархом Геннадием вскоре после падения Константинополе. В ней получили начальное образование просвещенные патриархи Максим Философ и Иеремия II. Школа никогда не процветала. Школа в Янине основана во второй половине 17 в. В свое время славилась. В конце 17 века в ней учителем был Мелетий, впоследствии митр. Афинский, автор церковной истории. В 18 веке в ней учительствовал знаменитый Евгений Булгарис, ученый, оказавший большую услугу переводами на греческий язык лучших руководств по богословию и другим наукам. Впоследствии он был в России епископом

Славянским и Херсонским. Мосхопольская школа, основанная в 17 в., а в 18-м называвшаяся даже академией; в конце 19 века была уничтожена турками вместе с городом. Патмосская школа была основана в 1711 г. ученым иеромонахом Макарием. Русский паломник Барский с восторгом описывает учительскую деятельность Макария и говорит, что к нему сходились ученики со всех островов и даже из Константинополя и что он воспитал много «премудрых и искусных мужей» из мирян и духовенства. Но после Макария эта школа ничем не славилась. Афонская школа была основана в 1753 г. в Ватопедском монастыре патр. Кириллом V, при содействии духовенства и мирян. Предполагалось, что в школе смогут учиться 500 учеников. Во главе ее был поставлен Евгений Булгарис, при котором она процветала. Но через пять лет, после отъезда Булгариса, школа пришла в упадок, а затем закрылась. В Греции было еще несколько таких школ.

Не удовлетворяясь обучением в греческих школах, более даровитые и состоятельные греческие юноши отправлялись искать высшего просвещения на Западе. Ближе всего была Италия. Там, благодаря греческим ученым, бежавшим из Греции, научная деятельность находилась в хорошем состоянии. Падуанский университет и коллегиум св. Афанасия в Риме, в первые два столетия после падения Константинополя, особенно были ими переполнены. Греки хотели получать образование также в Германии и в других западных государствах. Но, получая его там, они нередко увлекались латинскими или протестантскими воззрениями. Поэтому греки стали стремиться посылать своих молодых людей в русские учебные заведения. В русских духовных академиях, особенно в Киевской, и в семинариях на юге России весьма часто обучались греческие воспитанники и другие православные народности Востока. Им делались разные послабления в учебе и во время обучения предоставлялось полное материальное обеспечение. В русских университетах нередко обучались восточные православные.

Сосредоточением высшего духовного просвещения в греческой Церкви были монастыри. Те из них, которые уцелели от турецкого разгрома, обладали замечательными собраниями древних книг и рукописей. Это, по преимуществу, афонские монастыри. Здесь, в тиши уединения, монахи занимались изучением св. Писания и святоотеческих творений, а также писали богословские сочинения. С 16 по 18 век афонские обители имели в этом отношении особое значение в греческой Церкви. Сюда стремились самые просвещенные из греков, даже те, которые получили образование в западных университетах, и здесь

посвящали себя богословской работе. Это, напр., ученые, известные в России, иеромонах Савва, которого вел. кн. Василий III вызывал для разбора своей библиотеки, инок преп. Максим Грек, присланный вместо Саввы, Пахомий Логофет, написавший в России ряд житий святых и другие. Сюда же, на Афон, уходили многие патриархи и архиереи и здесь нередко посвящали себя богословским занятиям.

Вместе с политическим и религиозным возрождением греков в 19 веке значительно возросла роль и их духовного просвещения. На православном Востоке стали появляться духовно-учебные заведения, более или менее организованные и с соответствующим курсом обучения.

Богословское училище Великой Христовой Церкви, в бывшем Троицком монастыре, на о. Халки основано в 1844 г. при константинопольском патриархе Германе IV исключительно для подготовки церковнослужителей высших иерархических степеней. При вступлении воспитанники дают обет посвятить себя духовному служению, и, по окончании курса или раньше, принимают рукоположение. Нарушившие обязательства не получают диплома. Курс в училище семилетний, сходный с курсом русских семинарий. Первые пять лет в основном изучаются общеобразовательные предметы. На двухлетних богословских курсах воспитанники, посвященные в сан иеродиакона, упражняются в составлении и произнесении проповедей, а также преподают в подготовительном классе. Учебный и воспитательный процесс в училище поставлен хорошо. Этим оно обязано, главным образом, своему первому сcholарху митр. Константину Типальдосу, который всю свою жизнь посвятил делу воспитания и образования юношества.

Богословское училище в Иерусалиме основано в 1850 г. патр. Кириллом II для подготовки священников и народных учителей. Оно помещается в Крестном монастыре и содержится на средства Храма Гроба Господня. Патриарх предназначал его для обучения арабов, но из-за их незначительного количества оно вскоре стало греческим. Обязательств посвятить себя духовному званию от вступающих не требуется. Но каждый воспитанник обязан прослужить три года по назначению патриарха. Большинство окончивших поступают на должности народных учителей в Палестине.

В Афинах в 1837 г. был открыт университет и при нем богословский факультет, по образцу германских, подражал протестантскому и оказался неудачным. Кроме того, некоторые профессора увлеклись протестантскими взглядами.

В 1843 г. в Афинах было открыто церковное училище, основанное купцами Ризариями, проживавшими долго в России (в Нежине), которое называется Ризариевским. По воле жертвователей, оно должно воспитывать только тех молодых людей, которые готовятся к служению Церкви. Оно постепенно превратилось в светское учебное заведение. Поэтому, правительство в 1856 г. открыло еще три малые семинарии, с курсом ниже средних духовно-учебных заведений. Но они сходны со светскими школами. Только воспитанники живут вместе и их образование приспособлено к их будущему служению, обязательному – в сане священников. Содержались они за счет сборов с монастырей и добровольных пожертвований духовенства и народа.

Ограждение православия от протестантства

В первое время протестанты старались только получить одобрение православной восточной Церкви своему учению.

Константинопольский патриарх Иосаф II (1552–64) посылал в Германию диакона Димитрия ознакомиться с учением протестантов. Когда Димитрий возвращался на Восток (1559 г.), Меланхтон послал с ним письмо к патр. Иосафу с приложением аугсбургского исповедания веры, переведенного на греческий язык. Он, между прочим, писал, что протестанты отреклись только от «суеверия и богослужения невежественных латинских монахов», но остались верными св. Писанию, почему и просил патриарха не верить дурным слухам о протестантах. Слова Меланхтона противоречили аугсбургскому исповеданию. Образованный патр. Иосаф понял хитрость Меланхтона и потому просто не ответил ему.

В 1573–81 с патриархом Иеремией II (1572–94) пытались войти в сношения тюбингенские богословы, Мартин Крузий и Иаков Андреэ, которые отправили ему первое письмо в 1573 г. с ехавшим в Константинополь пастором-проповедником при посланнике германского императора, Стефаном Герлахом, воспитанником Тюбингенского университета. Они приложили проповедь Андреэ «о добром пастыре». В ней и в другой проповеди, присланной вскоре, не было заметно особенностей протестантского вероучения. В письмах же говорилось, что греки и протестанты согласны в вероучении. Патриарх ответил им благосклонным посланием, дав однако понять, что заметил их хитрость, высказав им пожелание твердо держаться всего, хранимого Церковью, как писанного, так и неписанного слова Божия. Они продолжали убеждать Иеремию в своей правоте, выставляя себя верными последователями вероучения, преподанного семью Вселенскими соборами. В подробном письме (1576 г.) патриарх, разобрав аугсбургское исповедание, осудил все протестантские и католические заблуждения. Через год тюбингенцы прислали возражения на подробный разбор патриарха, доказывая, что св. Писание есть единственный источник вероучения. Патриарх ответил им вторым обличительным посланием, на которое последовало новое обращение к нему, за подписью всех известных тюбингенских богословов. В 1581 г. Иеремия отправил им третье послание, высказав удивление по поводу противоречий, допускаемых ими в переписке. Он просил в дальнейшем не беспокоить его своими письмами. Хоть они ему еще

писали, он им больше не отвечал.

Вообще протестантская пропаганда, возникшая с появлением на Востоке кирх и молитвенных домов, почти не имела успеха, несмотря на то, что лютеране, как враги латинян, приобретали расположение греков. Клеветническими являются обвинения врагами православия в протестантизме борца с латинством патр. Кирилла Лукариса. Во время его путешествий по протестантским странам у него завязались личные отношения с некоторыми богословами, в особенности в Англии и Голландии. По поручению патр. Мелетия Пигаса, он, еще до своего патриаршества, переписывался с некоторыми видными богословами, указывая им на невозможность объединения протестантской церкви с православной. Во время своего патриаршества он был в дружеских отношениях с посланниками протестантских государств, главным образом, с английским и голландским. Он противопоставлял их влиянию влиянию посланников католических государств. Это и дало повод иезуитам обвинить его в кальвинизме. Впервые этот слух распустили иезуиты, когда он добивались свержения Кирилла из-за якобы напечатанного им в типографии. Слух распространился еще больше, когда в 1632 г. в Константинополе появилась книга, напечатанная в Женеве, под названием «Исповедание православной веры», наполненная кальвинистскими мыслями. Авторство приписывали патр. Кириллу. Кем была написана книга, неизвестно, но только не патр. Кириллом. Вероятно, подлог сделан иезуитами, которые, после появления книги, добились низложения патриарха Кирилла. Кальвинисты не считали нужным доказывать подлог, возможно и сочувствуя проделанному. Строго православный образ мыслей патриарха Кирилла и вся его деятельность доказывают, что он не мог быть автором кальвинской книги, и вообще кальвинистом. Восточная Церковь всегда смотрела на Кирилла как на православного и после его мученической смерти торжественно засвидетельствовала об этом на соборах.

Церковная политика Римо-католичества

В первое время протестанты старались только получить одобрение православной восточной Церкви своему учению.

Константинопольский патриарх Иосаф II (1552–64) посылал в Германию диакона Димитрия ознакомиться с учением протестантов. Когда Димитрий возвращался на Восток (1559 г.), Меланхтон послал с ним письмо к патр. Иосафу с приложением аугсбургского исповедания веры, переведенного на греческий язык. Он, между прочим, писал, что протестанты отреклись только от «суеверия и богослужения невежественных латинских монахов», но остались верными св. Писанию, почему и просил патриарха не верить дурным слухам о протестантах. Слова Меланхтона противоречили аугсбургскому исповеданию. Образованный патр. Иосаф понял хитрость Меланхтона и потому просто не ответил ему.

В 1573–81 с патриархом Иеремией II (1572–94) пытались войти в сношения тюбингенские богословы, Мартин Крузий и Иаков Андреэ, которые отправили ему первое письмо в 1573 г. с ехавшим в Константинополь пастором-проповедником при посланнике германского императора, Стефаном Герлахом, воспитанником Тюбингенского университета. Они приложили проповедь Андреэ «о добром пастыре». В ней и в другой проповеди, присланной вскоре, не было заметно особенностей протестантского вероучения. В письмах же говорилось, что греки и протестанты согласны в вероучении. Патриарх ответил им благосклонным посланием, дав однако понять, что заметил их хитрость, высказав им пожелание твердо держаться всего, хранимого Церковью, как писанного, так и неписанного слова Божия. Они продолжали убеждать Иеремию в своей правоте, выставляя себя верными последователями вероучения, преподанного семью Вселенскими соборами. В подробном письме (1576 г.) патриарх, разобрав аугсбургское исповедание, осудил все протестантские и католические заблуждения. Через год тюбингенцы прислали возражения на подробный разбор патриарха, доказывая, что св. Писание есть единственный источник вероучения. Патриарх ответил им вторым обличительным посланием, на которое последовало новое обращение к нему, за подписью всех известных тюбингенских богословов. В 1581 г. Иеремия отправил им третье послание, высказав удивление по поводу противоречий, допускаемых ими в переписке. Он просил в дальнейшем не беспокоить его своими письмами. Хоть они ему еще

писали, он им больше не отвечал.

Вообще протестантская пропаганда, возникшая с появлением на Востоке кирх и молитвенных домов, почти не имела успеха, несмотря на то, что лютеране, как враги латинян, приобретали расположение греков. Клеветническими являются обвинения врагами православия в протестантизме борца с латинством патр. Кирилла Лукариса. Во время его путешествий по протестантским странам у него завязались личные отношения с некоторыми богословами, в особенности в Англии и Голландии. По поручению патр. Мелетия Пигаса, он, еще до своего патриаршества, переписывался с некоторыми видными богословами, указывая им на невозможность объединения протестантской церкви с православной. Во время своего патриаршества он был в дружеских отношениях с посланниками протестантских государств, главным образом, с английским и голландским. Он противопоставлял их влиянию влиянию посланников католических государств. Это и дало повод иезуитам обвинить его в кальвинизме. Впервые этот слух распустили иезуиты, когда он добивались свержения Кирилла из-за якобы напечатанного им в типографии. Слух распространился еще больше, когда в 1632 г. в Константинополе появилась книга, напечатанная в Женеве, под названием «Исповедание православной веры», наполненная кальвинистскими мыслями. Авторство приписывали патр. Кириллу. Кем была написана книга, неизвестно, но только не патр. Кириллом. Вероятно, подлог сделан иезуитами, которые, после появления книги, добились низложения патриарха Кирилла. Кальвинисты не считали нужным доказывать подлог, возможно и сочувствуя проделанному. Строго православный образ мыслей патриарха Кирилла и вся его деятельность доказывают, что он не мог быть автором кальвинской книги, и вообще кальвинистом. Восточная Церковь всегда смотрела на Кирилла как на православного и после его мученической смерти торжественно засвидетельствовала об этом на соборах.

Ограждение православных от латинской пропаганды

После падения Константинополя началась латинская пропаганда в восточной Церкви. Если некоторые из византийских императоров хлопотали об унии, то это было дело их одних, прямой же пропаганды латинства они не допускали. После падения Византии латинство прибегло к самым бесчестным способам для насаждения на православном Востоке.

К концу 15 и первой половине 16 веков пропаганда была еще слаба, т.к. латинству приходилось вести борьбу с протестантизмом. Пропаганда шла только в южной части Пелопоннеса и Албании, а также на островах Средиземного моря, принадлежавших Венеции. Патр. Максим Философ в 1480 г. сносился с венецианским дожем, прося его оградить православных на о. Крите от притязаний латинского духовенства. Преемник его, Симеон, созвал в 1484 г. собор, подтвердивший, для предостережения православных, осуждение Флорентийской унии. К каким насилиям прибегала латинская пропаганда, видно из следующего: в начале 16 века олатинившийся грек, диакон Арсений, явился в пелопоннесский город Монемивасию, выгнал, с помощью венецианского правительства, православного митрополита и сам занял его место. Патр. Пахомий отлучил его от Церкви, после чего Арсений, устрасшись народного волнения, бежал.

Особенной настойчивостью отличался папа **Григорий XIII** (1572–85). С целью пропаганды он создал в 1577 г. в **Риме коллегий** специально для греческих юношей, а в 1581 г. открыл при нем церковь во имя Святителя Афанасия для совершения богослужений на греческом языке. Коллегий имел большие средства, поэтому обучение и содержание его воспитанников было бесплатное. Поэтому он всегда был переполнен греками. От воспитанников не требовалось принятие латинства, им предоставлялась свобода веры, но все воспитание велось в католическом духе. Из-за этого часто греческие юноши оставались православными только по имени, а некоторые открыто становились униатами или католиками. По возвращении на родину они пропагандировали латинство.

С образованием в 1540 г. **ордена иезуитов**, Григорий XIII поручил им работу на Востоке. В 1583 г. он отправил туда иезуитскую миссию, с большими материальными средствами. При содействии посланников католических государств, иезуиты получили от турецкого правительства разрешение селиться даже в Константинополе. Как и повсюду, иезуиты обратили внимание на образование и воспитание молодежи, благотворительность, проповедь. Конечно, начались и их интриги. В 1600

г. в Константинополе (в Галате) они основали коллегиум, открывали школы, приюты, больницы, странноприимные дома и т.п. Это привлекло к иезуитам к православной части жителей. В то же время писались сочинения против восточной Церкви, издавались католические катехизисы, в Риме перепечатывались православные книги, с внесением в них латинских изменений и раздавались православным, как подлинные.

Из патриархов, боровшихся с иезуитской пропагандой, особенно замечательны константинопольский Иеремия II и Александрийский Мелетий Пигас. Своими поучениями и посланиями они старались разоблачить латинскую пропаганду. Патр. Иеремия, кроме того, на соборе в 1583 г. отверг новый календарь, т.н. григорианский, по имени папы Григория XIII. Вследствие неурядиц в патриархии после смерти (1584 г.) патр. Иеремии, иезуитам удалось укрепить свои позиции. Они даже привлекли на свою сторону патр. Рафаила II (1603–07), возложившего управление митрополией на униата, через которого вел подозрительную переписку с Римом.

Но в двадцатых годах 17-го века ревностным борцом против иезуитов выступил знаменитый патриарх **Кирилл Лукарис**, еще по западной Руси знавший происки иезуитов. Он стал рассылать пастырские послания, в которых разоблачал латинян и призывал не иметь с ними общения. Озлобленным иезуитам удалось дважды с помощью больших денег подкупить визиря и добиться низложения Кирилла (1623 г.), а затем его ссылки. Его место получил ставленник иезуитов Григорий. Но он и его преемник Анфим продержались недолго. Посланник английского короля сообщил султану о его просьбе восстановить Кирилла (1624 г.), который опять стал продолжать свою работу против латинской пропаганды. Иезуиты пытались привлечь его на свою сторону, а когда это не удалось, снова подкупили великого визиря. Покровители Кирилла, голландский и английский посланники, поднесли визирю одинаковую с иезуитами сумму, и Кирилл остался на кафедре. Тогда иезуиты обвинили Кирилла в том, что он печатает книги, направленные против мусульманства. Типография была разрушена правительством. Начальник ее, ученый монах Метакса, спасся бегством. Кириллу пришлось укрыться в доме голландского посланника. Посланники шведский, английский и голландский потребовали от турецкого правительства расследовать дело. Оказалось, что книга, на которую указали иезуиты, была давно напечатана Кириллом в Лондоне и что в других изданиях ничего важного против мусульманства нет. Выяснилось, что иезуиты своими интригами доставляют одно беспокойство турецкому правительству. Последовало

распоряжение властей об изгнании иезуитов из турецких городов. Оставили только двух иезуитов при церкви французского посланника. Но иезуитам еще несколько раз удавалось добиваться свержения Кирилла. В 1637 г. Кирилл был восстановлен в пятый раз. Злоба иезуитов на него все усиливалась. В 1638 г., в отсутствие султана Мурада IV, пришло известие, что казаки взяли Азов и уже подступают к Константинополю. **Иезуиты** убедили визиря, что виной этому – патриарх, призвавший казаков. Это было донесено султану, который приказал казнить Кирилла. Он был отправлен, будто бы, в ссылку, и на корабле его задушили, а тело бросили в море.

Такой же участи, по **интригам иезуитов**, подверглись патриархи Парфений I, брошенный в море, и Парфений III – удушенный.

Но зато следующий патр. **Парфений IV** (1657–60) успешно боролся с иезуитами. С разрешения правительства, он рассылал увещательные грамоты о уничтожении книги «Щит веры», привезенной иезуитами из Франции. Православные публично сжигали книгу на рынках.

В 17 веке папы на помощь иезуитам стали отправлять другие ордена. В 1622 г. папа Адриан VI основал в Риме **общество распространения католической веры**. Оно, между прочим, должно было заботиться об устройстве миссий на Востоке. В 17 и 18 веках в турецкую империю нахлынули миссионеры-монахи различных орденов. Насаждались монастыри, школы. Шла открытая проповедь по городам и селениям, которая сопровождалась раздачей денег. Ложно утверждалось, что константинопольская Церковь находится в единении с Римской. Среди православных началось смущение, в особенности в Антиохии. По этому случаю, патриархи Константинопольский Иеремия III, Антиохийский Афанасий и Иерусалимский Хрисанф были вынуждены созвать собор в Константинополе. На нем был разоблачен латинский дух пропаганды, осуждены 8 пунктов латинского лжеучения: главенство папы, опресноки, чистилище, пост в субботу, отвержение младенцев от причастия, и пр. Соборное определение на греческом и арабском языках было распространено по всему Востоку.

Латинская пропаганда за эти века имела только частичный успех. Все же за время турецкого владычества немало православных на Востоке было соращено, главным образом, в унию, основано несколько епархий, поставлены иерархи и даже патриархи. Но все это еще очень далеко от окатоличения православного Востока. Соращенные составляют небольшое количество по сравнению с общей массой православных и, по своему составу, представляют худших членов Церкви. Латинские

епископы существуют больше для католиков, колонии которых остались там еще после крестовых походов или поселившихся впоследствии. Латинская пропаганда не произвела сближения православных с католиками. Напротив, она усилила нерасположение к ним православных.

Попытки латинян к завладению св. местами в Палестине

Св. места в Палестине, после завоевания Иерусалима арабами в 638 г. при халифе Омаре, естественно, остались во владении **православных**, т.к. в то время латиняне еще не отделились от Церкви. При крестоносцах св. места были захвачены латинянами, и патриарх даже был изгнан. Когда в 1187 г. султан Саладин отнял у крестоносцев Иерусалим, он вернул св. места православным, восстановив и патриарха. Когда в 1517 г. Палестиной завладел турецкий султан Селим I, он тоже подтвердил права православных. Таким образом, обладание св. местами **по праву владения изначально**, подтвержденное всеми завоевателями, принадлежит православным. Последние всегда допускали в них всех иноверцев, не исключая и католиков, для поклонения и совершения богослужений. Для этого иноверцы имели в храме Воскресения Христова свои малые престолы.

Но латиняне хотели завладеть св. местами. В 16 в., в правление Сулимана (1520–66), в Великую Субботу все Вифлеемские православные монахи ушли в Иерусалим, оставив в храме одного возжигателя лампад. Тот тоже ушел, передав ключи от св. вертепа францисканцу и поручив ему вечером засветить лампы. На другой день францисканцы не отдали ключей. Подкупленный турецкий судья решил дело в их пользу, и таким образом францисканцы остались владельцами Вифлеемского храма. В конце 16 века богатый западный богомолец внес турецким судьям 6000 золотых, чтобы отнять Голгофу. Патр. Софроний заплатил вдвое больше, чтобы удержать Голгофу. В тридцатых годах 17 века латиняне на время овладели храмом Воскресения, Гробом Господним и Голгофой. Они подкупили великого визиря, подделавшего документы. Патр. Феофан отправился в Константинополь и, при содействии патр. Кирилла Лукариса, выхлопотал указ, подтверждавший права православных на св. места. После этого православные получили и Вифлеемский храм, отнятый в 16 веке.

Во второй половине 17 века на помощь латинянам выступили Франция и Англия. Французский посланник при турецком дворе, маркиз Ноантель, оправившись в 1673 г. в Иерусалим, позволял себе разные насилия над православными. Но, испугавшись народных волнений, он ничего не смог сделать. Позднее по Карловацкому миру (1699 г.), заключенному австрийцами с турками, при посредстве Франции, Турция обязалась отдать св. места латинянам. Последние разрушили в храме

Воскресения главный престол православных, стоявший перед Гробом Господним, выкинули все украшения, разрушили в Вифлеемском храме иконостас и т.п. Тогда усилилась и латинская пропаганда в иерусалимском и антиохийском патриархатах. Одно время они возмечтали изгнать вообще православных из Иерусалима.

В 1756 г., в Вербное Воскресенье, они напали в Иерусалиме на православные храмы и ограбили все церковные украшения. Патриарх Парфений обратился с жалобой к султану Осману III. Государство рассмотрело все фирманы, по которым св. местами владели греки и латиняне, и нашло, что фирманы, представленные греками, древнее. Поэтому новым фирманом 1757 г. грекам возвращены были их прежние права на владение св. местами. С тех пор латиняне не имели первенства. В 1808 г. сгорел храм Воскресения над Гробом Господним. Осталась только часовня Гроба Господня. Турки разрешили православным постройку нового храма. Католики старались остановить постройки, но храм был воздвигнут, причем две трети собранных денег пошли на подарки турецким чиновникам. С 1811 по 1820 г. латиняне, с помощью католических дипломатов, получили исключительное право на владение Св. Гробом, причем православным было запрещено совершать богослужения в храме. В 1820 г. это право было снова предоставлено православным. Крымская кампания 1854–56 г. вызвана была тем, что Турция, под влиянием Франции, притесняла православных в обладании св. местами. Со второй половины 19 века установилось терпимое равновесие между православными и католиками.

Новые попытки пап в пользу унии

Папа **Пий IX**, один из виднейших глав Римской церкви в новое время (1847–78), сам бывший некогда миссионером, с особенным рвением предпринимал несколько раз попытки подчинить своей власти, на основании унии, восточную Церковь. В 1848 г. он, отправляя в Константинополь по политическим делам своего легата, прислал с ним **энциклику** (окружное послание) ко всем восточным христианам. В ее начале папа обращался к католикам и униатам Востока, а потом, говоря словами энциклики, – «к тем, кои хотя чтут Христа, но отделились от общения с престолом апостола Петра...». Пространно развивая безосновательные доводы латинства, папа убеждал православных признать главенство папы и учение об исхождении Св. Духа и от Сына, обещая сохранить остальные догматы, обряды и богослужения православной Церкви. Послание на восточных христиан впечатления не произвело. Многие ученые – богословы Церкви писали возражения на папскую энциклику.

Константинопольский патриарх **Анфим VI** от лица всей восточной Церкви ответил папе, что общение между церквами возможно только после уничтожения всех нововведений Римской церкви. Вместе с тем все восточные патриархи издали 6-го мая 1848 г., за своей подписями и подписями членов синодов, замечательное **Окружное послание Церкви** к православным христианам в 23 членах.

В нем патриархи высказывают, что православное учение должно было бы всегда оставаться неизменным; но злой дух посеял в Церкви разделения и ереси. Из таких ересей некоторые исчезли и исчезают, а некоторые нарождаются вновь, чтобы исчезнуть со временем. В прежние времена Церковь сильно потрясла арианская ересь, а в настоящее время такой же волнующей ересью является папство. Далее, в послании приводятся доказательства того, что папство есть ересь, а именно, перечисляются все заблуждения Римской церкви: учение об исхождении Св. Духа и от Сына, кропление вместо погружения в таинстве крещения, отнятие у мирян Божественной чаши и причащение только под одним видом хлеба, употребление опресноков, исключение из Литургии благословения Св. Даров, устранение крещаемых младенцев от миропомазания, запрещение брака священникам, непогрешимость папы и вообще извращение древнего апостольского чина совершения почти всех таинств. С особенной силой в Окружном послании опровергается учение об исхождении Св. Духа и от

Сына и о главенстве папы – в ответ на папскую энциклику. Окружное послание устанавливает правильное понимание мест св. Писания, приводимых папой в доказательство своего главенства, а также подвергает критическому разбору факты из истории Церкви, на которые ссылается папа, и показывает их настоящее значение.

После речи о заблуждениях Римской церкви патриархи прибавляют: «... из всего этого всякий может заключить, как неблагочестиво, несогласно с правилами соборов покушаться на изменение наших догматов, литургий и прочих священнодействий, и как, с другой стороны, благопотребно и благочестно исправить новизну, время вторжения которой в Римскую церковь мы определенно знаем». В заключение высказывается, что энциклика Пия IX подлежит осуждению, как поселение нечестивое и душепагубное: «таким мы и объявляем его в соборной Церкви» – заключают патриархи (чл. 18).

В начале 1862 г. Пий IX издал буллу, в которой заявил об учреждении новой особой «конгрегации пропаганды для дел восточного обряда», т.к. существующая общая конгрегация пропаганды занята другими миссиями и мало занимается должной работой на православном Востоке. В руководстве конгрегации папа объявил, что не только не стремится к уничтожению чина богослужения и обрядов восточной Церкви, но, напротив, предписывает сохранить их. В 1868 г. Пий IX предпринял еще одну попытку. Намереваясь созвать в Риме собор для обсуждения нового догмата о непогрешимости папы, он отправил новое послание к епископам восточной Церкви с приглашением на собор и с выражением желания относительно их подчинения Римской церкви. Константинопольский патриарх Григорий VI даже не принял этого послания. Попытки пап подчинить себе восточную Церковь и в новейшие времена терпели неудачи. За последние десятилетия папы особо выдвигают **Восточный обряд**, по которому допускается даже православный Символ Веры.

Взаимоотношения папства и католических государств

Тридентский собор и образовавшийся орден иезуитов дали возможность папству в известной степени восстановить свое значение, которое пошатнулось реформацией.

После Вестфальского мира 1648 г., положившего конец длительной борьбе за религиозные истины, значение папства в католическом мире начинает постепенно падать. С середины 17 в. католические государи в международных отношениях и войнах начинают руководствоваться принципами политической обособленности и равновесия государств. Вследствие этого интересы папской церковной политики теряют для них всякое значение. Государи, ради интересов государства, начинают пренебрегать общими церковными вопросами и в своей деятельности поступают, не считаясь с желаниями пап. Внутри же своих владений они стараются поставить свою власть вне всякой зависимости в делах гражданских или церковных.

Такое направление политики, враждебное всем теократическим притязаниям пап, вызывало с их стороны противодействие. Но все их усилия сохранить за Римским престолом средневековую власть не имели успеха. Постепенное ограничение папского авторитета и власти, начавшееся в 17 веке вследствие нового направления политики, происходит и в настоящее время.

Во второй половине 17 в. из всех католических государств Франция с особенной настойчивостью стремилась к ограничению папской власти. Король **Людвиг XIV** (1643–1715), хотя и был ревностным католиком, но в церковных делах своего государства желал распоряжаться независимо от папы. Он даже присвоил себе право раздавать вакансии епископства в тех местах Франции, где это право издавна принадлежало папскому престолу. Папа Иннокентий IX (1676–89) заявил протест против таких действий короля, но последний поставил в парламенте вопрос о пределах королевской и папской власти в церкви и для решения этого вопроса созвал французское духовенство на собор. Духовенство, само стремившееся освободиться от подчинения папе, в 1682 г. выработало на соборе четыре положения, которыми определялись права французской церкви. Сущность этих положений заключается в следующем:

Бог не даровал ни св. Петру, ни его преемникам власти в светских делах, почему церковная власть не может низлагать монархов и освобождать их подданных от присяги и долга;

французская церковь подтверждает постановления Констанского собора, которыми вселенские соборы признаны выше папы;

правила и обычаи, принятые во французском королевстве и галликанской церкви, должны оставаться неприкосновенными и

решения пап в вопросах веры только тогда получают непреложную силу, когда на это последует согласие всей церкви.

Утвердив эти положения, Людовик придал им силу государственного закона. Правда, в 1693 г., по политическим причинам, Людовик был вынужден позволить своим епископам заявить папе об отречении от постановлений 1682 г. Но в действительности этого отречения не было, и галликанская церковь, когда ей было нужно, на основании этих четырех положений, всегда давала отпор папским притязаниям.

В 18 в. ослабевшее папство было вынуждено все более уступать давлению католических государей. По их настоянию, папы согласились даже на упразднение ордена иезуитов, этой главной своей опоры.

Орден Иезуитов к 18 столетию достиг наибольшего развития. Он распространился по всему свету и везде прибрал к своим рукам воспитание юношества и исповедь. Вместе с тем он приобрел громадные богатства, источником которых служили частью пожертвования, которые иезуиты умели искусно привлекать, частью обширные коммерческие предприятия ордена в Европе и других частях света. Главная цель их деятельности теперь заключалась не в обращении еретиков, а в господстве над всеми христианскими обществами. Самыми любимыми средствами для достижения этой цели у них были интриги и заговоры, сопровождаемые разного рода преступлениями. Своими интригами они опутывали все классы общества, начиная с высших придворных сфер, куда иезуиты проникали и откуда стремились руководить управлением государствами и политикой.

В католическом мире, правда, иезуиты еще с конца 16 в. встречали идейные противодействия. В конце 16 в. у них начался спор с доминиканцами по вопросу о благодати. Позднее с ними полемизировали августинцы и янсенисты. Начиная с 1743 г., казуистическая мораль иезуитов подвергалась резким нападкам со стороны некоторых итальянских доминиканцев. Многие выдающиеся кардиналы были тогда убежденными противниками иезуитов. В миссионерской работе иезуиты обострили отношения с другими миссионерами, прибегая в борьбе с ними к безнравственным приемам. Осуждались развивавшиеся торговые операции иезуитов, в которых вносился дух спекуляции. Нарастало недовольство ими. В Италии некоторые города изгнали иезуитов за их

поведение.

Первым католическим государством, непосредственно столкнувшимся с иезуитами, была Португалия. Вследствие договора, заключенного между Испанией и Португалией в 1750 г., некоторые округа Парагвая должны были перейти во владение последней; но местное население, под предводительством иезуитов, оказало португальским властям вооруженное сопротивление. Началось следствие. Оно еще не было закончено, как в 1758 г. было произведено покушение на португальского короля Иосифа I. Иезуитов обвинили в участии в этом преступлении и 3 сент. 1759 г. под влиянием министра Помбаля состоялся королевский эдикт, по которому орден был изгнан из пределов Португалии; члены его были посажены на суда и высажены на берег в пределах Папской области.

Поводом к изгнанию иезуитов из Франции послужили их торговые операции. Патер Лавалетт, основавший в 1743 г. под видом миссии на Мартинике торговый дом, сосредоточил в своих руках всю торговлю Вестиндских островов. Потеряв два судна с товарами, захваченных англичанами, он объявил себя в 1755 г. банкротом. Орден же, как это делалось и раньше, отрекся от него, во избежание крупных платежей пострадавшим. В Париже начался процесс, раскрывший ряд злоупотреблений ордена. Парижский парламент присудил орден к платежу долга и учредил комиссию для расследования его статуса. Комиссия парламента в 1762 г. обнародовала данные; орден признавался опасным для государства. Король Людовик XV предложил генералу ордена Риччи внести некоторые изменения в устав ордена, но получил отказ. В 1764 г. королевским декретом иезуиты были изгнаны из Франции.

В 1767 г., по приказанию короля Карла III, в Испании было арестовано 6000 иезуитов в один день, их отвезли на кораблях в Папскую область. Их изгнали из Неаполя и в 1768 г. из Пармы. В 1769 г. католические государи настойчиво потребовали от папы Климента XIII (1758–69) формального уничтожения ордена. Папа, по неотступным просьбам иезуитов, в 1765 г. торжественно утвердивший орден буллой *Apostolicum*, подавленный гнетом государей, заболел и вскоре умер. Государям удалось избрать папой кардинала Ганганелли, который считался склонным исполнить их требование. Но и тот, став папой Климентом XIV (1769–74), долго не соглашался на уничтожение ордена. Только 21 июля 1773 г. он опубликовал бреве *Dominus ac Redemptor noster*, по которому общество Иисуса и все учреждения упразднились. После этого орден был упразднен и в Австрии, и в католических государствах

Германии. Конечно, тайно иезуиты продолжали существовать. Папа Климент вскоре умер; смерть его приписывали отравлению. Интересно то, что папское бреве не было опубликовано в России и в протестантской Пруссии. Король Фридрих II Великий даже привлекал иезуитов к преподавательской деятельности. Потом он перестал доверять им. В начале восьмидесятых годов орден был упразднен в Пруссии, и иезуиты изгнаны из страны.

В России иезуиты имели литовскую вице-провинцию, которую возглавлял ректор полоцкой коллегии Станислав Черневич. Сначала имп. Екатерина II предписала белорусскому ген.-губернатору Чернышеву тщательно наблюдать за деятельностью иезуитов, которые постарались доказать свою благонадежность. Вследствие этого, государыня не позволила опубликовать в своих владениях папское бреве. Тщетны были убеждения папы признать его распоряжение.

В 1801 г. папа Пий VI признал существование ордена в Литве и Белоруссии. Только в 1815 г. иезуиты были высланы из Петербурга, т.к. была выявлена запрещенная им пропаганда католичества. В 1820 г. против них последовали строгие меры. В России могли остаться только те из иезуитов, которые вступали в другие ордена или в ряды белого духовенства. В это время орден был уже повсеместно восстановлен. Папа Пий VII объявил об этом 7 августа 1814 г. особой буллой.

В Испании и Португалии иезуиты то признавались, то изгонялись. Во Франции орден официально не восстанавливался, но в эпоху реставрации и в правление имп. Наполеона III иезуиты пользовались там влиянием. В 1880 г. они были изгнаны из Франции. Конечно, свою тайную работу они вели во всех странах.

Со временем упразднения ордена иезуитов совпадают другие бедствия, постигшие папство. В Австрии имп. Иосиф II (1780–90) предпринял такие реформы в церковном управлении, в силу которых заведование внешними делами церкви переходило в руки правительства, а внутреннее управление предоставлялось епископам, влияние же папы на церковные дела Австрии совсем почти устранялось. В некоторых мелких немецких государствах католического исповедания были сделаны попытки основать национальную католическую церковь, независимую от папы. Наконец, во Франции в 1789 г. началась революция, которая сопровождалась ниспровержением папской власти не только в этой стране, но и в самой церковной области. В то революционное время папство, в лице Пия VI и Пия VII, испытало такое унижение, какого оно не имело со времен Бонифация VIII. В 1796 г. французы появились в Италии,

заняли папские владения и образовали Римскую республику (1798). Папа Пий VI (1774–99), ограбленный и униженный, был взят в плен и отвезен во Францию, где вскоре и умер. Его преемник, Пий VII, избранный в Венеции под защитой Австрии, подвергался подобным же притеснениям от Наполеона I, который в 1809 г. перевез его во Францию и заставил дать согласие сделать Францию местопребыванием Римских первосвященников навсегда. Только в 1814 г., после низвержения Наполеона, папа получил возможность возвратиться в Рим, а в 1815 г. на Венском конгрессе был восстановлен в своих духовных и светских правах.

Папа Пий VII, вернувшись в Рим и восстановив орден иезуитов, – этих, по выражению папской буллы, «сильных и опытных кормчих» папского престола, сосредоточил свое внимание на восстановлении своей власти. С открытым появлением иезуитов усилились заявления о папских правах на всемирное преобладание в духовных и светских делах. Но эти идеи мало где встречали сочувствие. В ряде европейских стран тогда господствовали стремления к национальному объединению и политической независимости. В Испании, Италии и Франции обострялось враждебное отношение к иезуитам.

Движение в **Италии** приняло особенно опасный для папской власти характер. Здесь разнообразные политические стремления к середине 19 столетия приняли определенную форму, – объединение Италии под властью одного государя со столицей в Риме стало жизненным вопросом для всего итальянского народа. Вместе с тем по всей стране стали раздаваться голоса против светской власти пап. Сардинский король, Виктор Эммануил, наконец, осуществил народные стремления. В 1861 г. он успел объединить под своей властью мелкие итальянские государства и присвоил себе титул Итальянского короля, в 1870 г. присоединил к объединенной Италии папскую церковную область и сделал Рим столицей своего королевства. Папой тогда был знаменитый Пий IX (1846–78). Будучи не силах отстоять свою светскую власть оружием, он отдал Рим без сопротивления, но в то же время издал энциклику ко всем католическим епископам, в которой, протестуя против захвата Рима, проклинал и отлучал от церкви Виктора Эммануила и его сподвижников. Проклятие и отлучение, однако, не изменили хода событий, – с занятием Рима войсками объединенной Италии, папское церковное государство окончило свое существование.

Упразднив светскую власть папы, **Виктор Эммануил I** позаботился устроить самым почетным образом его положение, как духовного главы всего католического мира. В распоряжение Пия IX и его преемников был

предоставлен так называемый город Льва, т.е. предместье Рима, построенное в 9 веке Львом IV, где находились Ватикан и церковь св. Петра. Все папские дворцы в городе и за городом со всеми угодьями оставались также за ним; взамен доходов, которые папа получал от своей церковной области, ему была назначена определенная ежегодная сумма денег от государства; личность папы объявлялась священной и неприкосновенной; свобода и независимость в его первосвященническом служении обеспечивались поручительством короля и всей нации и т. д. Но Пий IX не хотел примириться с совершившимся фактом и, считая себя пленником в своем Ватикане, до самой смерти отказывался вступить в соглашение с итальянским правительством. Его преемник, Лев XIII, придерживался такой же роли ватиканского узника. В 1929 г. папа Пий XII заключил с королевским итальянским правительством Латеранское Соглашение.

Религиозные направления в Римской церкви

Папство в описываемую эпоху вело борьбу с внутренними врагами. Такими врагами для него были **янсенизм** и **квиеетизм**, – религиозные направления, возникшие в самой Римской церкви и волновавшие ее довольно долгое время. В янсенизме, возникшем в 17-м столетии, выразился протест против нравственной системы иезуитов, подрывавшей все нравственные основы, но, тем не менее, терпимой и даже покровительствуемой церковью. Иезуиты, придавая вообще большое значение свободной воле человека в деле спасения, понимали грех как сознательное и свободное отступление от заповедей Божиих, но отсюда они делали такой казуистический вывод, что если пример, привычка, страсть и проч. увлекают человека ко греху, то грех не должен быть ему вменяем, так как он совершил его помимо своей свободной воли. На этом, между прочим, основании, они на исповеди отпускали все возможные грехи и преступления.

Против такого безнравственного учения восстал известный голландский богослов Корнелий **Янсений (Янсен)**. Он родился в 1585 г., умер в 1638 г. В 1630 г. он стал профессором богословия в Лувене и учил здесь в духе строгого августицизма. В то время он неоднократно полемизировал с иезуитами. В 1636 г. Янсений был поставлен епископом Ипернским. В Иперне он закончил свое сочинение «Августин». Им написано несколько более мелких сочинений, в которых он полемизировал с иезуитами. В 1635 г. он выпустил памфлет, в котором осуждал кардинала Ришелье за поддержку протестантов во время Тридцатилетней войны.

Янсений, в противоположность иезуитам, утверждал, что воля человеческая несвободна, так как она порабощена страстями и стремлениями к земному, вследствие чего человек постоянно подвержен греху; освобождает же человека от греха не иезуитская все оправдывающая и извиняющая исповедь, а благодать, которая очищает душу от страстей, пробуждает в ней раскаяние и любовь к Богу и утверждает волю в добре. Отсюда, по учению Янсения, вытекает необходимость, под воздействием благодати, проводить жизнь строго добродетельную с полным отречением от мира и его соблазнов. Сочинение Янсения, напечатанное после его смерти, привлекло всеобщее внимание, и во Франции, где особенно проявлялось недовольство иезуитами, было встречено с сочувствием. Здесь образовался кружок

почитателей Августина и Янсения и противников иезуитской нравственности; центром его был женский монастырь около Парижа, Порт-Рояль. Аббат Сен-Сиранского монастыря Жан Дивержье основал в нем янсенистскую общину. Кружок постепенно расширялся, к нему присоединились многие из духовенства, ученые, лица из знатных фамилий и проч. Многие были из фамилии Арно. Из других членов самым знаменитым был **Блэз Паскаль**, мыслитель, физик и математик. Члены кружка, янсениты, без всяких обетов соблюдали монастырскую жизнь, посвящая себя молитве и трудам, как физическим, так еще более литературным. При монастыре Порт-Рояль основалось даже богословское училище, ставшее рассадником янсенизма. Их воззрения быстро распространились по всей Франции и проникли даже за ее пределы и везде принимались с сочувствием.

Иезуиты, после выхода в 1640 г. книги Янсения, поняли, какой опасностью угрожает их деятельности раскрытое в ней учение, и потому в 1643 г. выхлопотали у папы Урбана VIII (1623–44) ее осуждение. Но этим янсенизм не был уничтожен, – во Франции и Нидерландах янсениты заявили протест против распоряжения папы и вступили в литературную полемику с иезуитами. Тогда иезуиты изложили учение Янсения в пяти положениях из его книги и представили папе Иннокентию X (1644–55) как еретическое. В 1653 г. папа осудил их в особой булле, которую и отправил во Францию. Но против этой буллы был заявлен протест со стороны янсенистов и многих французских епископов. Они доказывали, что осуждены такие положения, каких в книге Янсения нет, а когда папа Александр VII безапелляционно решил, что спорные положения действительно присутствуют в книге, стали возражать, что папа злоупотребляет своей непогрешимостью, утверждая несуществующий факт. Споры продолжались до 1668 г., когда папа Климент IX изъявил свое согласие чтобы епископы, держащиеся янсенизма, подписали осуждение пяти положений вообще, без упоминания о том, что они составляют учение Янсения. Но иезуиты были недовольны таким исходом дела, и тем более, что янсенисты в своих полемических сочинениях раскрывали со всей подробностью их безнравственное учение, их собственную распущенную жизнь и все их интриги. Поэтому они продолжали вооружать против них как пап, так и французского короля Людовика XIV. В начале 18-го столетия иезуиты добились, наконец, преследования янсенистов. В 1709 г. по распоряжению Людовика, монастырь Порт-Рояль и училище при нем были закрыты, а папа Климент XI в 1713 г. в своей булле, *Unigenitus*, предал анафеме все учение янсенистов,

сформулированное в 101 положении. Так как осуждение папы по существу дела было осуждением уважаемого учителя церкви, блаженного Августина, то его булла произвела большое волнение во Франции. Со стороны многочисленных почитателей Августина и Янсения, во главе которых был сам архиепископ Парижский, последовал открытый протест против папской буллы, но это мало помогло. Правительство, по проискам иезуитов, начало изгонять их и преследовать, вследствие чего многие из них бежали в Нидерланды.

Вмешательство государственной власти в религиозные дела привело к тому, что янсенизм в 18 веке перестал быть чисто религиозным делом и принял явно общественную окраску. Парламенты отказались регистрировать новую буллу Климента XI. Янсенизму повредило то, что среди его приверженцев его появились экзальтированные люди, начавшие фабриковать чудеса, придерживаться суеверий. Потом янсенизм потерял интерес для политической оппозиции, прибегавшей к другому способу для борьбы с правительством. С другой стороны, с иезуитами начали борьбу сами католические государи. С середины 18 века янсенизм во Франции исчез.

В **Нидерландах** янсенизм завершился образованием самостоятельной церкви. Реформация уничтожила здесь большинство епископов; главой местных католиков был так называемый апостолический викарий в Утрехте, он же архиепископ. В 1702 г. этот архиепископ высказался за янсенизм, благодаря чему Утрехт стал его центром. Климент XI сместил архиепископа, но местный капитул не признал ни одного из тех кандидатов, которые папы присыли взамен смещенного. Более 20-ти лет Утрехт не имел архиепископа. Чтобы положить этому конец, капитул избрал своего кандидата; папа отказался его утвердить, и капитул обошелся без утверждения папы. Нового архиепископа вместо папы утвердил в 1724 г. епископ Вавилонский. С тех пор существует особая **Утрехтская церковь**. Теперь ее архиепископа выбирают епископы Гарлемский и Девентерский. Церковь, считая себя католической, признает примат папы (который, тем не менее систематически отказывает утверждать любого новоизбранного архиепископа), даже осуждает янсенизм, но упорно отказывается принять буллу «Unigenitus». В 1872 г. Утрехтская церковь объединилась со **старо-католиками**.

Другое религиозное направление, возникшее в 17 в., под названием **квиетизма** (от латинского слова покой), имело для папства меньше значения, нежели янсенизм. Но оно заслуживает внимания как протест против безжизненного богословского формализма и обрядовой внешности,

к которым сводилась вся религиозная жизнь Римской церкви. Квиетизм ведет свое начало от испанского священника Михаила Молиноса, придерживавшегося мистического образа мыслей и благочестивой жизни. В своих проповедях и особом сочинении «Духовный наставник», изданном им в 1675 г., он развивал такое учение: высшее христианское совершенство состоит в сладостном божественном спокойствии, ничем земным не возмущаемом. Это спокойствие достигается путем внутренней молитвы и непосредственного созерцания Бога. Душа, погруженная в созерцание Божества, предается Ему всецело, – начинает любить Его чистой любовью, т.е. свободной от всякой корысти, не помышляя ни о наградах, ни о наказаниях. Предаваясь, таким образом, Богу, она теряет даже свою личность и как бы поглощается Божеством, так что не имеет собственной воли, а действует, руководимая волей Божественной. Такое состояние души и есть сладостное божественное спокойствие, к которому должны стремиться христиане. Все земное и внешнее, какими являются по этому учению, и различные церковные учреждения и храмы, общепринятые богослужения и т.п. в этом состоянии становятся уже излишними. Своим учением Молинос привлек многих сначала в Испании, а потом в Риме, где он был с 1669 г. священником. Но иезуиты скоро положили конец его деятельности. Преданный суду инквизиции, он был в 1687 г. осужден, как еретик, и заключен в тюрьму, в которой умер в 1696 г.

Несмотря на такой печальный конец первого проповедника квиетизма, он все-таки продолжал распространяться в Испании, Италии и особенно во Франции. Мистическими религиозными мечтами и созерцаниями особенно увлекались женщины. Во Франции при Людовике XIV ревностными приверженцами квиетизма были г-жа Гюйон и ее духовник, Лакомб. Со своими проповедями о божественной бескорыстной любви, бесполезности храмов и богослужения и проч. они обошли всю Францию и Швейцарию и имели много последователей. Даже известный французский епископ Фенелон придерживался квиетического образа мыслей. Сильное распространение квиетизма побудило французских епископов, во главе со знаменитым Боссюэтом, принять против него меры. В 1695 г., по распоряжению короля, они собрали собор, на котором осудили учение квиетистов, как еретическое, а его главную представительницу Гюйон присудили к заключению. Но и после этого споры из-за этого учения продолжались, и защитником его выступил Фенелон, вступивший в полемику с Боссюэтом. Только в 1699 г. папа Иннокентий XII, по просьбе короля, прекратил споры своим осуждением сочинений Фенелона, которое тот принял беспрекословно. В

последующие времена квиетизм исчез сам собой, но мистическое направление в Римской церкви всегда имело немногочисленных приверженцев.

Янсенизм и квиетизм внесли в Римскую церковь раскол. В противоположность им, в начале 18-го столетия, в среде крайних приверженцев папского католицизма, с особой силой стало развиваться, еще прежде существовавшее, строго католическое направление – **ультрамонтанство**. Ими назывались сторонники власти папы не только в церковной сфере, но и убежденные, что папа и в светских делах должен стоять выше королей и правительств вообще, и не допуская самостоятельности церкви в различных странах, хотя бы даже в вопросах церковного устройства. Название ультрамонтаны, происходящее от латинского *ultra montes* (за горами, т.е. за Альпами), применялось во Франции и Германии к папе и его сторонникам уже в средние века, впервые на Констанцском соборе. В ультрамонтанстве заключались идеи абсолютной власти пап в духовных и светских делах, развитые давно Григорием VII, Иннокентием III и Бонифацием VIII.

После собора французского духовенства в 1682 г., давшего своей декларацией толчок развитию галлицизма, противоположное ему направление пап и духовенства Италии, частично и во Франции, названо было ультрамонтанством и вошло в тех пор в общее употребление.

До начала 18 века ультрамонтанство составляло почти исключительную принадлежность папского престола и Римской курии, теперь же оно начинает распространяться в среде духовенства и общества. Этому содействовали, главным образом, иезуиты, ставшие еще большими защитниками ультрамонтанских взглядов после того, как папа Климент XI осудил янсенизм в 1713 г. и открыто высказался за их учение. Правда, во второй половине 18 века, после уничтожения ордена иезуитов, ультрамонтанство стухало, но после утверждения папства в 1815 г. оно снова усилилось в значительной степени. В настоящее время ультрамонтанские партии существуют во всех католических странах. Принципы, которые они проводят в литературе и жизни, следующие: папская власть – единственная божественная власть на земле; она не ограничена в самом широком смысле в духовных и светских делах христиан; все христиане на земле должны безусловно подчиняться этой власти, веровать так, как она указывает, и составлять единую Римско-католическую церковь; истинное христианство содержится только в этой церкви; папа – единственный хранитель и непогрешимый истолкователь его; все те, которые находятся вне католической церкви или противятся ей

и ее главе, папе, не могут и надеяться на спасение. В жизни ультрамонтанисты отличаются крайней нетерпимостью не только к другим вероисповеданиям, но и ко всем вообще мнениям, несогласным с их воззрениями. Их мирозерцание особенно ярко выражено в сочинении пьемонтского государственного деятеля, французского писателя графа Жозефа де Мэстра (1754–1821) «Du pape».

В настоящее время ультрамонтанистами называют клерикалов их противники.

Новые догматы в Римской церкви

Римская церковь и в новейшие времена не отказалась от своего обычая делать нововведения в христианском вероучении, которые не оправдываются ни св. Писанием, ни св. Преданием Вселенской Церкви. Так, в последние десятилетия ею произвольно установлены два новых догмата – о **непорочном зачатии Пресвятой Девы** и о **непогрешимости папы**.

Мысль о непорочном зачатии Пресвятой Девы, т.е. без первородного греха, появилась в Римской церкви еще в 12 веке и под ее влиянием тогда же в некоторых местах был установлен праздник непорочного зачатия. Но против этой мысли и против праздника восставали многие знаменитые латинские богословы, напр. Бернард Клервосский (1153 г.), Фома Аквинский (1274 г.) и другие. Что касается пап, то они вначале не только не допускали учения о непорочном зачатии, но и самый праздник для прославления этого чуда установили в Риме только во второй половине 15-го века. Тридентский собор, когда зашла речь об этом учении, в своих определениях не хотел назвать его благочестивым верованием, и не сделал никакого нового постановления по этому вопросу.

До середины 14 в. это учение существовало в Римской церкви как частное мнение. Только при папе Пие IX (1846–78) оно было возведено в степень общецерковного догмата. Пий IX, граф Джьовани-Мария Мастаи-Феретти, родился в Синигалье в 1792 г., состоял в ордене миноритов, недолго миссионерствовал в Чили, был назначен кардиналом папой Григорием XVI. После смерти этого папы, на Мастаи-Феретти сошлись обе партии кардиналов – ретроградов и либералов, считая его мягким и сговорчивым. Новый папа, принявший имя Пия IX, будучи ретроградом в церковном вопросе, в начале своего управления проводил, как глава светской власти, политический либерализм. Он полностью одобрил план ультрамонтанской группы своей властью объявить догматом учение о непорочном зачатии. Папа прежде всего разослал окружное послание ко всем епископам, в котором высказывал свой взгляд на это учение, как на догмат, поручил им разведать, как отнесутся в этому в обществе. Затем, получив на этот счет успокоительные вести, он пригласил епископов в Рим, но не для соборных рассуждений, а для присутствия при торжественном провозглашении догмата, которое и состоялось 8 декабря 1854 г. Установлением этого догмата **одной волей** Пия IX уже признавалась непогрешимость папы.

В Римской церкви папа издавна пользовался верховным авторитетом. В средние века возникла мысль о его непогрешимости и даже безгрешности. При этом так же, как и при появлении учения о непорочном зачатии Пресвятой Девы, одни латинские богословы эту мысль принимали, другие отвергали. Между прочим, в числе допускаявших непогрешимость пап был Фома Аквинский. Сами папы смотрели на этот вопрос тоже различно, лучшие из них, как напр., Адриан VI(1521–23), утверждали, что папа может погрешать даже в предметах веры, распространяя своими декретами ересь. Тридентский собор не составил решения относительно непогрешимости пап, но иезуиты уже на соборе решительно заявляли, что непогрешимость есть принадлежность пап. В таком неопределенном положении находилось это учение до 19-го столетия, т.е. оно было частным мнением, необязательным для верующих католиков. Но в 19 столетии иезуиты и ультрамонтанская партия поставила своей целью сделать это учение обязательным догматом и таким образом завершить свое учение о папской теократии.

Папа Пий IX, кроме того, провозглашением своей непогрешимости надеялся прекратить посягательства на его светскую власть. 29 июня 1863 г. папа буллой *Aeterni Patris* созвал на 8 декабря в Ватиканский дворец вселенский собор, пригласив все христианство. О цели созыва в булле говорилось лишь в общих выражениях. Все же сведения о предполагаемом догмате стали проникать в церковные круги, вызвав волнение. Германские епископы оживленно обсуждали этот вопрос на собраниях в Фульде.

8 декабря 1869 г. открылись заседания Ватиканского собора, с участием 746 лиц. Большинство с самого начала оказалось расположенным в пользу нового догмата. Предварительно были приняты меры, чтобы вопрос о непогрешимости прошел благополучно. Так, перед созывом собора папа поставил многих епископов без мест, которые на соборных совещаниях были в его полном распоряжении. Было вызвано много итальянских и испанских епископов, полностью преданных папе, между тем как представителей от Германии, Франции и Португалии, откуда можно было ожидать оппозиции, было приглашено сравнительно небольшое число. До 300 епископов папа взялся содержать за свой счет, рассчитывая действовать на их убеждения отпускаемыми субсидиями. Далее, соборные совещания было назначено вести на одном латинском языке, на котором не все епископы могли свободно говорить, и притом было приказано хранить их в строгой тайне; наконец, заправлять всем ходом соборных деяний были назначены епископы, на которых папа мог полностью положиться.

После немногих совещаний, не имевших в сущности никакого значения, некоторые епископы, по приказанию папы, составили петицию к собору об утверждении догмата о непогрешимости и стали собирать подписи. Многие подписались, но нашлось много и таких епископов, которые обратились к папе с формальной просьбой не допускать, чтобы учение о непогрешимости было предложено на соборное обсуждение, представляя вполне основательные возражения против этого. Так, 15 июля 1870 г. к Пию IX явилась депутация от меньшинства и умоляла его избрать по крайней мере более мягкую форму для провозглашения догмата; при этом епископ Кеттлер припал даже к ногам папы. Но все было напрасно. 17-го июля все отцы, составлявшие меньшинства, уехали из Рима, оставив протест, в котором заявляли, что только из благоговейных чувств к св. отцу они не хотят сказать «нет» на публичном заседании. После этого на заседании 18 июля декрет о непогрешимости папы был принят большинством (533) голосов против двух.

Декрет гласил: «С одобрения священного собора учим и постановляем мы, как Богом откровенный нам догмат, что Римский папа, когда говорит *ex cathedra*, т.е. при отправлении своих обязанностей пастыря и учителя всех христиан, и, на основании свыше дарованной ему апостольской власти, определяет учение, касающееся веры или нравов и обязательное для всей церкви, то обладает, в силу обещанной ему в лице св. Петра Божественной помощи, непогрешимостью, которую Божественный Искупитель даровал своей церкви. Вследствие этого постановления Римского папы, по собственной присущей им силе и независимо от одобрения церкви, не подлежат никаким изменениям. Кто же дерзнет, чего Боже сохрани, возражать против сего нашего постановления, тот да будет предан проклятию и отлучен от церкви».

Старокатолики

Провозглашение догмата о папской непогрешимости вызвало движение протеста, вылившееся вскоре в образование «старокатолической церкви». Создана она католическими богословами, не признавшими новый догмат. В Германии это движение началось немедленно после принятия в Риме этого догмата. Главными руководителями этого движения были профессора богословских наук на католических богословских факультетах университетов Мюнхенского, Боннского и др. Среди них особенно выделялся декан мюнхенского университета знаменитый Даллингер. Под его влиянием и руководством в 1874 г. в Мюнхене образовалась община так называемых старокатоликов, которые не признавали постановлений Ватиканского собора и вообще отвергали ультрамонтанскую теорию папства. Вслед за Мюнхеном общины старокатоликов стали возникать и в других германских городах, напр., Кельне, Бонне и прочих.

Ученые-богословы надеялись, что в этом движении им окажут поддержку немецкие епископы, бывшие их товарищи по профессии, оказавшие энергичное противодействие папе в принятии догмата; но епископы отказались от разрыва с папой. Профессорам, обличавшим новое папистское учение в противоречие Евангелию и христианству, выражалось сочувствие и одобрение со стороны разных классов населения в разных местностях Германии и Швейцарии и благосклонное внимание со стороны правительств Пруссии, Вюртемберга, Баден-Гессена, нескольких швейцарских кантонов. Возникла мысль об организации движения, в разных местах стали создаваться комитеты и конференции, делегаты их назначались в центральные комитеты и конгрессы. Постепенно развиваясь, старокатолическое движение приняло форму положительного вероисповедания, получило организацию, образовало в Германии и Швейцарии религиозные общины и основало старокатолические церкви, получившие права религиозных корпораций. Догмат непогрешимости папы есть лишь крайнее выражение и конечный результат папской системы в учении и в праве, развивавшейся в течение многих веков, начиная приблизительно с 9-го века. Папская система повлекла за собой разделение церквей и исказила каноническое устройство церкви, установленное, на основании апостольского предания, законодательством вселенской Церкви; она произвела раскол в Западной Европе, где, в виде отпора властолюбию пап, образовались церкви англиканская, лютеранская, реформатская, утрехтская и много раз происходили

оппозиционные движения.

Ученые, руководители старокатолического движения, в последовательном развитии своего протеста против ватиканского догмата, должны были стремиться к очищению церкви и от всех тех наслоений, которые внесены в Римскую церковь папством и, так или иначе, связаны с этим догматом. На первом же конгрессе они наметили именно такую программу, направленную, во-первых, на восстановление среди многочисленных единомышленников древнецерковного канонического устройства; во-вторых, на очищение христианского вероучения от папистских заблуждений и новшеств и на восстановление догматических истин Вселенской единой церкви первых десяти веков; в третьих, на объединение с церквами православными и вероисповедными, существующими на Западе Европы. В Германии на первом старокатолическом конгрессе в Мюнхене, в 1871 г., были составлены правила образования и организации приходских общин.

Каждая община должна была иметь священника. Для их поставления был необходим епископ. Созданный в 1872 г. из профессоров богословов «епископский комитет» избрал в епископы бывшего профессора, священника Иосифа-Губерта Рейнкенса. Рукоположенный утрехтским архиепископом Гулем, он принес присягу в верности прусскому королю и государству и признан Пруссией, а вскоре после этого – Баденом и Гессеном, в достоинстве «епископа германской старокатолической церкви». При участии и под руководством епископа была выработана организация старокатолической церкви в Германии. Составные ее части – приходские общины, епархия с епископами и синод. После смерти Рейнкенса (1896) заместителем его был бывший профессор философии Феодор-Губерт Вебер.

Наибольшего успеха старокатолическое движение достигло в Швейцарии. Сущность его изложена в «Утрехтском объявлении», подписанном 24 сент. 1889 г. епископами Рейнкенсом и Герцогом и тремя епископами этой церкви. В нем отвергнуты ложные учения пап. Старокатолики утверждали, что стремятся сохранить старое, неповрежденное католичество. Такое католичество, по их убеждению, представляет собой церковь времен Вселенских соборов, когда существовало объединение между Востоком и Западом. Это убеждение привело старокатоликов к мысли о сближении, и даже восстановлении, общения как с православной восточной Церковью, так и с западными христианскими обществами, признающими церковные начала времен Вселенских соборов. С этой целью в 1874 и 1875 гг. вожди

старокатоличества устроили в Бонне две конференции «друзей церковного единения». В них принимали участие, кроме старокатоликов, представители богословской науки с православного востока, между прочим, и из России, а также духовные лица и богословы англиканского и даже протестантского исповеданий. Целью конференции было выработать основания, на которых возможно было бы установить единение между всеми церквами. Но, несмотря на искреннее желание единения со стороны всех участников, и несмотря на то, что по некоторым пунктам соглашение состоялось, эти переговоры в последующее время не привели к желаемым результатам.

На люцернском конгрессе 1892 г. принято предложение, чтобы старокатолические епископы вступили в официальные отношения с церквами Востока, и, в частности, с русской. Указом св. Синода от 15 декабря 1892 г. в С.-Петербурге была образована комиссия, для выяснения условий и требований, которые могли бы быть положены в основу переговоров со старокатоликами. Комиссия была под председательством архиепископа Финляндского Антония (Вадковского).

Соглашения тогда не последовало. Причиной недостижения соглашения было то, что старокатолики, признав истинной церковью церковь времен Вселенских соборов, не хотели сделать решительного шага, чтобы порвать все связи с католицизмом и возвратиться в лоно православной восточной Церкви, сохраняющей и до настоящего времени чистые начала и Предание древней Вселенской Церкви.

Е. Смирнов подвел итоги старокатолическому движению: «Собственно в Римской церкви старокатоличество имело и имеет незначительный успех. Образованные католики не пристают к этой партии вследствие вообще безразличного отношения к религиозным вопросам. Массы католического народа держатся вдали от старокатоличества, благодаря своим духовным руководителям, которые, пользуясь их неосведомленностью, весьма искусно умеют поддерживать в них преданность папской церкви. Католические и протестантские правительства относятся к старокатоличеству равнодушно. Наконец, оно не могло и не может иметь пока большого успеха на Западе, вследствие неопределенности его задач и стремлений; отделившись от папского католицизма, оно не сошло и с православием и заняло особое неопределенное положение в ряду христианских религиозных обществ. Вообще результаты старокатолического движения – вопрос будущего».

Православные Церкви

Провозглашение догмата о папской непогрешимости вызвало движение протеста, вылившееся вскоре в образование «старокатолической церкви». Создана она католическими богословами, не признавшими новый догмат. В Германии это движение началось немедленно после принятия в Риме этого догмата. Главными руководителями этого движения были профессора богословских наук на католических богословских факультетах университетов Мюнхенского, Боннского и др. Среди них особенно выделялся декан мюнхенского университета знаменитый Даллингер. Под его влиянием и руководством в 1874 г. в Мюнхене образовалась община так называемых старокатоликов, которые не признавали постановлений Ватиканского собора и вообще отвергали ультрамонтанскую теорию папства. Вслед за Мюнхеном общины старокатоликов стали возникать и в других германских городах, напр., Кельне, Бонне и прочих.

Ученые-богословы надеялись, что в этом движении им окажут поддержку немецкие епископы, бывшие их товарищи по профессии, оказавшие энергичное противодействие папе в принятии догмата; но епископы отказались от разрыва с папой. Профессорам, обличавшим новое папистское учение в противоречие Евангелию и христианству, выражалось сочувствие и одобрение со стороны разных классов населения в разных местностях Германии и Швейцарии и благосклонное внимание со стороны правительств Пруссии, Вюртемберга, Баден-Гессена, нескольких швейцарских кантонов. Возникла мысль об организации движения, в разных местах стали создаваться комитеты и конференции, делегаты их назначались в центральные комитеты и конгрессы. Постепенно развиваясь, старокатолическое движение приняло форму положительного вероисповедания, получило организацию, образовало в Германии и Швейцарии религиозные общины и основало старокатолические церкви, получившие права религиозных корпораций. Догмат непогрешимости папы есть лишь крайнее выражение и конечный результат папской системы в учении и в праве, развивавшейся в течение многих веков, начиная приблизительно с 9-го века. Папская система повлекла за собой разделение церквей и исказила каноническое устройство церкви, установленное, на основании апостольского предания, законодательством вселенской Церкви; она произвела раскол в Западной Европе, где, в виде отпора властолюбию пап, образовались церкви англиканская, лютеранская, реформатская, утрехтская и много раз происходили

оппозиционные движения.

Ученые, руководители старокатолического движения, в последовательном развитии своего протеста против ватиканского догмата, должны были стремиться к очищению церкви и от всех тех наслоений, которые внесены в Римскую церковь папством и, так или иначе, связаны с этим догматом. На первом же конгрессе они наметили именно такую программу, направленную, во-первых, на восстановление среди многочисленных единомышленников древнецерковного канонического устройства; во-вторых, на очищение христианского вероучения от папистских заблуждений и новшеств и на восстановление догматических истин Вселенской единой церкви первых десяти веков; в третьих, на объединение с церквами православными и вероисповедными, существующими на Западе Европы. В Германии на первом старокатолическом конгрессе в Мюнхене, в 1871 г., были составлены правила образования и организации приходских общин.

Каждая община должна была иметь священника. Для их поставления был необходим епископ. Созданный в 1872 г. из профессоров богословов «епископский комитет» избрал в епископы бывшего профессора, священника Иосифа-Губерта Рейнкенса. Рукоположенный утрехтским архиепископом Гулем, он принес присягу в верности прусскому королю и государству и признан Пруссией, а вскоре после этого – Баденом и Гессеном, в достоинстве «епископа германской старокатолической церкви». При участии и под руководством епископа была выработана организация старокатолической церкви в Германии. Составные ее части – приходские общины, епархия с епископами и синод. После смерти Рейнкенса (1896) заместителем его был бывший профессор философии Феодор-Губерт Вебер.

Наибольшего успеха старокатолическое движение достигло в Швейцарии. Сущность его изложена в «Утрехтском объявлении», подписанном 24 сент. 1889 г. епископами Рейнкенсом и Герцогом и тремя епископами этой церкви. В нем отвергнуты ложные учения пап. Старокатолики утверждали, что стремятся сохранить старое, неповрежденное католичество. Такое католичество, по их убеждению, представляет собой церковь времен Вселенских соборов, когда существовало объединение между Востоком и Западом. Это убеждение привело старокатоликов к мысли о сближении, и даже восстановлении, общения как с православной восточной Церковью, так и с западными христианскими обществами, признающими церковные начала времен Вселенских соборов. С этой целью в 1874 и 1875 гг. вожди

старокатоличества устроили в Бонне две конференции «друзей церковного единения». В них принимали участие, кроме старокатоликов, представители богословской науки с православного востока, между прочим, и из России, а также духовные лица и богословы англиканского и даже протестантского исповеданий. Целью конференции было выработать основания, на которых возможно было бы установить единение между всеми церквями. Но, несмотря на искреннее желание единения со стороны всех участников, и несмотря на то, что по некоторым пунктам соглашение состоялось, эти переговоры в последующее время не привели к желаемым результатам.

На люцернском конгрессе 1892 г. принято предложение, чтобы старокатолические епископы вступили в официальные отношения с церквями Востока, и, в частности, с русской. Указом св. Синода от 15 декабря 1892 г. в С.-Петербурге была образована комиссия, для выяснения условий и требований, которые могли бы быть положены в основу переговоров со старокатоликами. Комиссия была под председательством архиепископа Финляндского Антония (Вадковского).

Соглашения тогда не последовало. Причиной недостижения соглашения было то, что старокатолики, признав истинной церковью церковь времен Вселенских соборов, не хотели сделать решительного шага, чтобы порвать все связи с католицизмом и возвратиться в лоно православной восточной Церкви, сохраняющей и до настоящего времени чистые начала и Предание древней Вселенской Церкви.

Е. Смирнов подвел итоги старокатолическому движению: «Собственно в Римской церкви старокатоличество имело и имеет незначительный успех. Образованные католики не пристают к этой партии вследствие вообще безразличного отношения к религиозным вопросам. Массы католического народа держатся вдали от старокатоличества, благодаря своим духовным руководителям, которые, пользуясь их неосведомленностью, весьма искусно умеют поддерживать в них преданность папской церкви. Католические и протестантские правительства относятся к старокатоличеству равнодушно. Наконец, оно не могло и не может иметь пока большого успеха на Западе, вследствие неопределенности его задач и стремлений; отделившись от папского католицизма, оно не сошло и с православием и заняло особое неопределенное положение в ряду христианских религиозных обществ. Вообще результаты старокатолического движения – вопрос будущего».

Попытки англиканской церкви к соединению с православной

В 1715 г. в Англию для сбора милостыни прибыл архиепископ Фиваидский Арсений. С ним рассуждали о религиозных вопросах некоторые англиканские епископы, в итоге чего ими было высказано желание объединения, составлен проект конкордата и обращение к константинопольскому патриарху Иеремии III с прошением принять их в общение, без устранения различий. Различия заключались в следующем: – непризнание ими обязательности определений Вселенских соборов наравне со св. Писанием, отрицание поклонения Пресвятой Богородице, молитвенного обращения к ангелам и святым, почитания икон и пресуществления Св. Даров в таинстве Евхаристии. Арсений, побывав позднее в России, заинтересовал предложением англиканских епископов Синод и имп. Петра Великого. Патриархи, рассмотрев заявление англикан, в 1721 г. составили ответ, в котором высказали, что православная Церковь, при принятии в общение «кафолического останка Британии», не может сделать никаких уступок. Принятие в общение с нею может быть только при условии принятия **всего ее вероучения** и всех постановлений Вселенских соборов. Англиканские епископы не прекратили переписки. Они отправили на Восток через Россию свои объяснения, а русских просили о содействии. Синод отослал на Восток их объяснения и сообщил им, что царь Петр советует им прислать в С.-Петербург двух богословов для рассуждения о трех пунктах англиканского вероучения, из-за которых происходят разногласия.

Вслед за тем Синод отправил епископам ответ патр. Иеремии и других патриархов. В их ответе кратко высказывалось, что православная Церковь, содержащая учение веры, определенное на Вселенских соборах так, как оно преподано самими апостолами, не может сделать **никаких уступок** англиканским епископам. При этом было приложено «**Изложение православной веры**» Иерусалимского собора 1672 г., направленное против протестантов. На этом прекратились все сношения. Переговоры в Петербурге не состоялись вследствие смерти Петра Великого в 1725 г.

В 19 веке многие англиканские ученые-богословы, сознавая ненормальное положение своей церкви, устремились к изучению древних отцов и учителей Церкви и вообще всей христианской древности, чтобы там найти разрешение вопроса об истинно-церковном вероучении и

устройстве. Это привело к сознанию, что верной истинному христианскому учению осталась православная восточная Церковь. Вследствие этого началось особое изучение именно **православной восточной Церкви** в ее настоящем состоянии.

Агликанский архидиакон Вильям Пальмер (1879 г.), вице-президент коллегии св. Марии Магдалины Оксфордского университета, возымел желание воссоединить англиканскую церковь с православной. С этой целью он прибыл в С.-Петербург и просил допустить его причаститься св. Таин. Ему объяснили, что прежде он должен отречься от англиканства. Пальмер изучал русский язык, историю и установления православной Церкви; в 1842 г. обратился в Синод о принятии его в общение с православной Церковью. Синод признал возможным принять его в общение только при условии отречения от ересей, содержащихся в 39 членах англиканского исповедания. Он на это не согласился. В 1844 г. он снова приезжал в Россию. Получил он отказ и от константинопольского патриарха. В 1855 г. он перешел в католичество. Пальмер перевел на английский язык православный катехизис для ознакомления с ним англичан. Им напечатана книга о патриархе Никоне «Патриарх и царь».

В шестидесятых годах с новым оживлением снова пробудилось стремление к объединению. В Америке, где англиканская церковь имеет много последователей, образовался так называемый Греко-Русский Комитет, а в Англии – Ассоциация Восточной Церкви. Эти организации ставили своей задачей с помощью литературы знакомить англикан с восточной Церковью, а православных – с англиканской и создавать основания для их объединения. Деятели по вопросу об объединении пришли к убеждению, что Никеоцареградский Символ (без филиоке) есть **единственно истинное** выражение верования древней Церкви, что учение Вселенских соборов обязательно для всякой поместной церкви, что существенный признак православия поместной церкви есть истинное епископство, существующее по преемству от апостолов, и т.п. Вследствие нерешительности англикан попытки их к объединению пока остаются только попытками.

Соборы, ограждавшие православие от латинян и протестантов

Появление в Константинополе в тридцатых годах 17 столетия изданного в Женеве «Исповедания веры», приписываемого иезуитами патр. Кириллу Лукарису, вызвало большое смущение среди православных. Оно было наполнено кальвинскими мыслями. Вследствие этого патриархи Феофан Иерусалимский и Митрофан Александрийский прибыли в Константинополь. Здесь в 1633 г. состоялся собор, под председательством константинопольского патриарха Кирилла Берийского, на соборе кальвинизм, а также все принимающие его за православное исповедание были преданы анафеме. Кирилл Берийский был личным врагом Кирилла Лукариса и сторонником иезуитов, поэтому анафемствование коснулось и Кирилла Лукариса. Как потом объяснил Иерусалимский собор, Лукарис был осужден в 1638 г. не за кальвинизм, а за то, что он не написал опровержения на приписываемое ему исповедание.

Даже после мученической кончины Кирилла толки о его кальвинизме не прекращались. Это было выгодно доказывать лютеранам и кальвинистам. Они утверждали, что и патр. Константинопольский Парфений I (1639–44) придерживается того же учения и потому не осуждает Кирилла и его исповедание. Эти толки особенно распространились в Молдавии, Валахии и западной России, производя там смущение. Тогда молдавский господарь Василий Лупул обратился к патр. Парфению и попросил его, для пресечения клеветы, собрать собор в Яссах, который и состоялся в 1643 г. Представитель Парфения, митр. никейский Порфирий был председателем, членами были греческие и молдавские епископы и киевский митр. **Петр Могила**. Рассмотрев главы женевского исповедания, они нашли, что все главы, за исключением седьмой, наполнены кальвинскими мыслями, которые православная Церковь никогда не разделяла. Все эти мнения были осуждены собором и все разделяющие эти мнения были отлучены от церкви. Лично патр. Кирилла Лукариса собор не осудил, находя ложью то, что ему приписывали. На этом же соборе рассматривалось «Изложение веры руссов», составленное Петром Могилой и направленное против всех латинских и протестантских заблуждений. В 1672 г. это изложение, одобренное всеми патриархами, было издано под названием «Православное исповедание веры соборной и апостольской Церкви».

В 1672 г., по поводу тех же рассуждений о кальвинизме был создан

собор **Иерусалимский собор**. Латиняне продолжали обвинять православных в кальвинизме на основании подложного исповедания. Ученый иерусалимский патр. Досифей, путешествующий для сбора милостыни по Валахии и Болгарии, подробно узнал об этой клевете, а также о личности и деятельности Кирилла Лукариса, и решил преподать всем твердое и торжественное свидетельство православия восточной Церкви. Но созванном соборе в Вифлееме он предложил снова рассмотреть женевское исповедание, которое было осуждено. Но теперь было **составлено и изложение православного учения** о Церкви, таинствах и вообще о тех предметах, в которых заблуждались протестанты и кальвинисты. Это изложение составляет не только обличение клеветы врагов, в подтверждение которой они представляют подложные главы творения какого-то неизвестного человека, прикрывшегося именем Кирилла, но и правило веры, обличающие новые догматы. Таким образом, Иерусалимский собор назвал женевское исповедание подлогом и тем самым оправдал патр. Кирилла, заметив, что Церковь знает только православного патриарха Кирилла Лукариса и никогда не знала его кальвинствующим.

Известные писатели греко-восточной Церкви

Упадок просвещения в греко-восточной Церкви все же не помешал появлению более или менее замечательных церковных писателей. Направление их было по преимуществу полемическим, против католиков и протестантов. Наиболее замечательные из них:

Геннадий Схоларий (ум. 1464 г.), первый константинопольский патриарх при турецком владычестве. По своему всестороннему образованию он примыкает к церковным писателям лучших времен Византии. Он писал сочинения: догматические, богословско-полемические, философские, нравственные, канонические, множество бесед, поучений, писем, а также несколько церковных песнопений. Но его сочинения, в большинстве своем, рукописные. Он написал «Историю веры», составленную в ответ на вопрос Магомета II о предмете христианского вероучения. У него много сочинений против латинян, в частности, о чистилище. Писал он и против безбожников. Замечательны сочинения: о душе человеческой, о состоянии души после смерти, о служении Богу или Евангельском законе.

Мануил Пелопоннеский, великий ритор при константинопольском патриархе и начальник патриаршей школы в 16 веке. Особенно замечательна его «Апология», опровергающая латинские заблуждения.

Пахомий Русан, афонский монах, называвшийся Ракендитом (носителем рубища), живший также в 16 в. Он оставил догматические рассуждения о бытии Бога и др., противодействовал латинской пропаганде. Его сочинение «против не уважающих святыни» служит опровержением протестантов, хотя при его написании Пахомий едва ли имел их в виду. Он убеждал изучать Евангелие на том языке, на котором оно написано, выступал за просвещение.

Гавриил Север (ум. 1616 г.), митр. Филадельфийский (в М. Азии), был архипастырем православной паствы в Венеции (1577–1616). Ему приходилось особенно предохранять ее от латинства. Остались его сочинения: о святых таинствах, направленное и против протестантов, о пяти разностях латинской церкви.

Максим Маргуний (ум. 1602 г.), еп. Цитерский, проживавший больше всего в Венеции. Он писал против латинян. Им переложены на разговорный язык жития святых и Лествица преп. Иоанна. Он оставил много слов и писем.

Мелетий Пигас (ум. 1661 г.), патр. Александрийский и некоторое

время местоблюститель константинопольского престола. Замечательны его сочинения: поучительные беседы, катехизис в виде разговора, в котором он касается латинских заблуждений, строматы, против мнения о чистилище. После него осталось много посланий к целым народам и частным лицам, а также к зап.–русским христианам.

Георгий Корризий (ум. 1660 г.), родом из Хиоса, учился в Падуанском университете; после возвращения на родину был врачом. Будучи искусным богословом, он писал против латинян и протестантов. В рукописи осталась его «Система православного богословия».

Нектарий (ум. 1676 г.), патр. Иерусалимский. Составил замечательное полемическое сочинение против латинян о главенстве папы, в котором собрал все, что было сказано восточными церковными писателями в опровержение этого главенства. В 1682 году оно издано в Яссах его преемником Досифеем.

Досифей (ум. 1707 г.), патр. Иерусалимский, написал «Историю иерусалимских патриархов», которая составляет почти единственный источник из истории этого патриархата. В этом труде изложены события, касающиеся и других патриархатов, а также касательно латинской и протестантской пропаганды. Впрочем, не все написанное им отличалось точностью.

Мелетий (ум. 1714 г.), митр. Афинский. Он первый написал на греческом языке «Историю христианской Церкви» (3 тома), которая служит руководством в греческих духовно-учебных заведениях.

Илия Минятий (ум. 1714), еп. Керникский (в Морее). Образованный богослов и замечательный проповедник. Его книга «Камень соблазна, или историческое пояснение о начале и причине разделения между восточной и западной церквами» была переведена на русский язык.

Александр Гелладий, живший в середине. 18 в. Образованный грек, закончивший свое образование в Англии и много путешествовавший по Европе. В 1714 г. он издал книгу «Настоящее состояние греческой церкви», которую посвятил царю Петру I. Книга была издана в России Академией Наук. Она написана на латинском языке. В книге говорится о состоянии просвещения у греков, о школах, а также о протестантских заблуждениях. Излагается православное учение о поминовении усопших, о добрых делах, о пресуществлении в Евхаристии, об иконах, почитании святых, и проч.

Константин Икономос (ум. 1857 г.), греческий священник, бывший при патр. Григории V ритором константинопольской патриархии. Из его сочинений особенно замечательно «О семидесяти толковниках», в

котором он доказывает превосходство перевода семидесяти перед всеми другими переводами, особенно протестантскими. Его «Священный катехизис» издавался несколько раз. Замечательно его исследование «О трех степенях церковной иерархии», направленное против протестантов, в частности, против пресвитериан. Икономос составил исторический каталог константинопольских епископов и патриархов.

Констанций I (ум. 1859 г.), патр. Константинопольский. Он получил образование в Киевской духовной академии, где изучал классические языки и любил археологические изыскания. Его «Историческое и этнографическое описание Константинополя» приобрело известность и у западных ученых. Он писал против латинян и протестантов. Он опровергает нелепое мнение иезуита Боре, написавшего «Вопрос о святых местах», будто восточная Церковь, поскольку отделилась от Рима, потеряла права на святые места еще до патр. Фотия. Им написано рассуждение «О секте анабаптистов».

Захарий Мофа (ум. 1877 г.), архиеп. Фирский. Составил исторический список константинопольских епископов и патриархов, доведенный до 1884 г. Список в русском переводе помещен в журнале «Христианское чтение».

Состояние богослужения

При завоевании Византии храмы были или полностью разрушены, или превращены в мечети, или, наконец, разграблены. В местах со смешанным населением запрещалось строить новые храмы, а разрешалось только чинить старые. Много затруднений было и с постройкой храмов в местах с исключительно христианским населением. Для подкупа турецких чиновников требовались большие деньги. Храмов было недостаточно, и они поражали своей бедностью. Они устраивались в обыкновенных продолговатых зданиях без глав и крестов и мало отличались от жилых домов. Простые иконостасы – дерево без позолоты и украшений, икон мало и те без киотов. Бедные облачения, сосуды, почти везде медные или оловянные.

Чинились всяческие препятствия для совершения богослужений. Колокольный звон и крестные ходы были запрещены. Погребальные процессии разрешались только за особую плату. Особенно трудно было в местах со смешанным населением. Турки часто заявлялись в храмы и устраивали беспорядки. Им благоприятствовал старый закон Омара, согласно которому двери христианских храмов должны были быть открыты днем и ночью для каждого мусульманина. Иногда турки устраивали прямой надзор за богослужением. В храме Воскресения в Иерусалиме турецкие сторожа сидели в чалмах, с трубками и тому подобное.

Богослужение в греко-восточной Церкви совершалось и совершается по древнему чину. Только теперь оно лишено прежней торжественности и благолепия. Богослужебный язык – древнегреческий. Но поскольку зачастую и священники мало понимали его, то некоторые богослужебные книги составлены на живом разговорном языке, на котором произносились и проповеди. В греческой Церкви священники, большей частью, проповедей не говорят, а для этого издавна существуют особые лица – **великие риторы** при патриархии, а **иерокириксы** по епархиям, для чего они переходят с места на место. Проповедничество на Востоке имело большое значение, как почти единственное средство просвещения народа.

Оставаясь неизменным, чин богослужения со временем был несколько дополнен. В описываемую эпоху, по обстоятельствам времени, составлены два чинопоследования. Было много отпавших в мусульманство, но многие возвращались в Церковь. Требовалось различать, в каком возрасте было совершено отступничество. Чин

принятия обращающихся от латинства вызван случаями возвращения православных из унии.

Обряд и чин принятия в Церковь возвращающихся в нее при отпадении в мусульманство. Отпавшие в отрочестве, следовательно, бессознательно и часто не по своей вине, принимались снисходительно. Они должны были в течение 40 дней поститься и молиться, а затем их вводили в храм, где священник совершал над ними миропомазание. Отпавшие в зрелом возрасте принимались после продолжительной епитимии в течение шести или семи лет.

Чинопоследование, как принимать обращающихся от папской ереси к католической и православной Церкви. Оно было составлено согласно определению Константинопольского собора 1484 г. в третьем патриаршестве Симеона Трапезундского. Собор, сообразно древним канонам, постановил принимать обращающихся от латинства через миропомазание. Но в 1756 г. патр. Кирилл V на соборе, при участии патриархов Александрийского Мелетия и Иерусалимского Парфения, осудив Флорентийскую унию, постановил не признавать латинского крещения и перекрещивать переходящих из унии или латинства. Это постановление, как противное древним канонам Церкви, ставившее латинян на одну ступень с язычниками, мусульманами и евреями, произвело смущение даже среди членов собора.

Что касается новых праздников, то в то время устанавливались только празднования памяти мужей, причисленных Церковью к лику святых. Так были причислены некоторые благочестивые патриархи, подвижники, мученики, и их памяти посвящены особые дни. Напр., память Марка Ефесского – 13 января, патр. Нифонта – 11 августа, Геннадия и Максима Философа – 17 ноября, преп. Феофила, афонского подвижника – 8 июля, мучеников: Георгия Серба – 11 февраля, Иоанна Янинского – 18 апреля и проч.

Из церковных песнопений в это время составлялись, главным образом, каноны на разные праздничные дни. В числе песнописцев известны: Геннадий Схоларий, написавший канон на память св. Григория Паламы, Пахомий Русан, составивший 8 канонов на разные дни. Николай Малакс (ум. после 1573 г.), протопоп навильский, издававший в Венеции греческие богослужебные книги и вносивший в них свои собственные песнопения, из которых стихиры в службах св. ап. Андрею Первозванному, на зачатие св. Анны и пророку Даниилу с тремя отроками внесены в славянскую mineю. Как песнопесец известен также Мелетий Сириг (ум. 1662 г.), ученый протосинкел константинопольской

патриархии. Будучи в 1645 г. в Киеве, он написал канон всем Печерским
угодникам.

Состояние христианской жизни

На религиозно-нравственную жизнь восточных христиан турецкое иго имело самое пагубное влияние. Тяжелый политический гнет, граничивший с рабством, неустройства и злоупотребления в церковной иерархии, упадок просвещения, притеснения в совершении богослужений – все это в совокупности привело к тому, что уровень нравственности у греков понизился еще больше, чем во времена Византийской империи. Под влиянием этих неблагоприятных условий жизни, греки понемногу стали забывать евангельские начала нравственности, а тем более осуществлять их в жизни, и стали приспосабливаться к обычаям и понятиям турок. Это отразилось и на ряде патриархов и иерархов, походивших на турецких чиновников. Афонский монах-писатель, Пахомий Русан, в своей беседе о важности и пользе книг св. Писания, так определяет тогдашних епархиальных архиереев: «попрошайка и раболепные восходят на кафедры и отовсюду собирают деньги ни на что потребное; не хотят они видеть человека, любящего мудрость, считая это обличением своего невежества, называют таких сумасбродами, беспокойными, непослушными, малодушными, потому что не подчиняются их глупостям».

Низшее духовенство поражало своей небрежностью в совершении богослужения. Фанариоты, вследствие своей страсти к интригам, уважением не пользовались. В народе стало проявляться религиозное безразличие, что приводило некоторых греков к вероотступничеству. Они легко становились мусульманами или униатами. Одно прискорбное событие произошло в 1685 г. В Трапезунде епископ Ризейский Александр, поссорившись со своим митрополитом, перешел в мусульманство и сделался пашой. Другие оставались равнодушными к своей вере. Часть греков, под влиянием турок, утратила христианский взгляд на брак, который иногда откладывался на неопределенное время. Происходили смешанные браки с мусульманами. Иногда дочерей отдавали в гаремы. На греков развращающе повлиял закон о прощении христианину всякого преступления при условии принятия мусульманства. Этим поощрялись преступления. Но даже в эту мрачную эпоху нравственная жизнь восточных христиан не была лишена светлых явлений. В греко-восточной Церкви известны благочестивые патриархи, подвижники, доблестные ревнители православия и мученики за веру. Все они были носителями святости, всегда присущей Христовой Церкви на земле. Афонские

монастыри славились своими подвижниками, как и в прежние времена. С началом же политического и религиозного возрождения восточных христиан, заметно улучшилось и их нравственное состояние.

Болгарская церковь

Распространению христианства в Болгарии способствовали походы болгарского князя Крума (802–815) на Византию в начале 9-го века. Среди множества пленных, выведенных им из империи, был и адрианопольский епископ Мануил. Он обратил многих болгар в христианство, которое настолько распространилось, что преемник Крума, Мортагон устроил на них гонение, причем пострадал и еп. Мануил. С восшествием на престол князя Бориса (ок. 852) христианство стало распространяться открыто. Бориса готовил к крещению греческий пленный монах Федор Куфара. Большое влияние на кн. Бориса оказала его сестра, находившаяся некоторое время в плену в Константинополе. Оказал на него влияние и живописец Мефодий, написавший для него картину Страшного Суда. Болгарию постиг голод, заставивший Бориса воевать с греками. После заключения мирного договора князь крестил архиерей, присланный из Константинополя, и Борис был наречен по имени своего восприемника имп. Михаила. Большое участие в христианском просвещении Бориса принял патр. Фотий. Известно его послание к князю от 865 г. Князь крестил своих подданных, наказав тех бояр, которые попробовали воспротивиться. Через два года после крещения в (855 г). Борис, недовольный тем, что греки не присылали в Болгарию архиепископа или патриарха, три года вел переговоры с Римом. Но затем он снова обратился в Константинополь; где Собор 869–70 годов назначил полунезависимого архиепископа Иосифа. Этим было положено начало церковно-административному устройству болгарской Церкви. Приход в Болгарию (ок. 866 г.) изгнанных из Моравии учеников свв. Кирилла и Мефодия – свв. Климента, Горазда, Наума, помог развитию в стране широкой просветительной деятельности. В 893 г. князь Борис-Михаил удалился в монастырь, где и скончался в 907 г., будучи затем причислен к лику святых.

Болгарская Церковь окончательно организовалась при его сыне и втором преемнике славном Симеоне (888–927). Он и сам занимался, и поручал просвещенным людям переводы вероучительных книг с греческого на славянский язык. Ему принадлежит «Златоструй», его современнику Иоанну, болгарскому экзарху – «Шестоднев» и др., Константину, епископу Болгарскому – «Учительное Евангелие» и др., черноризцу Храбру «Сказание о письменах» славянских. Этим Симеон заложил основание болгарской письменности. Он стремился к устройству

национального независимого церковного управления. Хотя болгарская церковь на первых порах была в иерархической зависимости от константинопольского патриарха, Симеон, расширивший свое государство за счет побежденной Византии, провозгласил Доростольского митрополита Леонтия патриархом, без согласия патр. Константинопольского. В тридцатых годах 10 века при болгарском царе Петре (968 г). греческая Церковь признала доростольского архиеп. Дамиана автокефальным с титулом патриарха. Патриарх выбирался из болгар болгарскими архиепископами. В то время в состав болгарской церкви входило 30 епископий. Кафедра находилась в г. Доростоле (нынешней Силистрии).

В 971 г. византийский имп. Иоанн Цимисхий завоевал предбалканскую Болгарию с Доростолом. Патриаршую кафедру перенесли в Сердику (Софию), затем в Воден, Моглену, Пресну, и, наконец в Охриду. В Болгарии того времени возникла крупная ересь богомилов. Но появились примеры и аскетической жизни. Наиболее ярким выразителем аскетизма был преп. **Иоанн Рыльский** (ум. 946 г.), положивший основание знаменитой Рыльской обители, оставшейся навсегда всенародной святыней Болгарии.

В 1019 г. имп. Василий, прозванный Болгаробойцем, **завоевал все Болгарское царство** и положил конец его существованию. Но он же подтвердил сохранение автокефалии охридской Церкви, поставив архиепископом Иоанна. Но в скором времени она преобразовалась в греческую, т.е. ее архиепископами, начиная с Льва Болгарского, императоры назначали греков. Некоторые из них заботливо относились к своей болгарской пастве. Таким был, напр., бл. Феофилакт, оставивший «Благовестник» и другие труды.

В 1185 г. болгары **свергли греческое иго**. Два брата, бояре Петр и Асень, восстановили царство, хотя и не в прежних пределах, со столицей в Тернове. Так как архиепископия находилась во власти греков, то, по распоряжению новых государей, в 1185–6 г. был поставлен болгарский архиепископ, с кафедрой в Тернове. Оказалось два автокефальных болгарских архиепископа – один в Византии, другой в Болгарии. Цари Петр и Асень и преемник их Иоанн Калиан (1195–1207) находились в неприязненных отношениях с Византией. Нуждаясь в признании другими государствами, Болгария завязала отношения с папой. На папском престоле был известный Иннокентий III. Он предложил царю Калияну короновать его, но с подчинением болгарской церкви папскому престолу. В 1204 г. папский легат короновал Калияна королевским венцом, а

терновского архиепископа Василия возвел в звание примаса болгарской церкви. Но подчинение состоялось только на бумаге и в политических целях. Сношения с Римом вскоре прекратились.

После завоевания крестоносцами в 1204 году Константинополя, греческая империя ограничилась малоазиатскими владениями (Никейское государство). Болгарское же царство, при царе Асене II (1221–45), обладая большей частью Балканского полуострова, достигло высшей степени своего могущества. Вследствие этого греческий имп. Иоанн Дука (1222–55) просил руки дочери Асеня для своего сына. Используя такое положение, Асень добился того, что император и патриарх константинопольский, с другими патриархами, предоставили терновскому архиепископу титул патриарха, после чего он стал именоваться, как и архиепископы первого царства, патриархом. Первым патриархом, посвященным в Лемсаке в 1234 г., был Иоаким I. В последующие времена константинопольские патриархи, признавая за терновскими архиепископами автокефальные права и патриарший титул, все-таки не признавали их равными себе.

В пятидесятых годах 14 в., при патриархе Феодосии II, в Тернове состоялся собор по поводу ереси богомилов, продолжавшей еще смущать болгарскую Церковь и после формального суда над еретиками во время владычества в Болгарии греков. Последним патриархом во второй половине 14 века был Евфимий. Он известен не только своей ревностной пастырской деятельностью, но и особенными своими трудами по исправлению богослужебных книг. Исправленные патр. Евфимием «добрые терновские изводы» разошлись не только по Болгарии и Сербии, но были принесены и в Россию.

В 1393–98 гг. Болгария пала под оружием османских турок, еще раньше утвердившихся на Балканах, а вместе с ней окончилось и существование терновского патриархата. Последний патриарх Евфимий, после взятия Тернова, был изгнан из своей соборной церкви, обращенной турками в мечеть, а затем в скором времени сослан в заточение. Патриархия, стараниями греков, была закрыта и все ее епархии подчинены константинопольскому патриарху. Охридская же архиепископия, став греческой, осталась автокефальной как до падения Византийской империи (1453 г.), так и после него. Только в 18 веке патриарху Самуилу I удалось (1767 г.) подчинить ее своей власти.

Греки, сами страдая от турок, не стеснялись умножать страдания болгар. Они отняли у них национальную иерархию. Греки-епископы, преследуя свои интересы, делали все, чтобы только подавить болгарскую

народность, не говоря уже о поборках и вымогательствах. Испытывая двойной гнет и не имея своего объединяющего центра, которым мог быть терновский патриарх, болгары в течение 400-летнего рабства стали утрачивать свое национальное сознание. Некоторые принимали мусульманство и примыкали к туркам. Некоторые, главным образом в городах, усваивали греческую народность и её язык. Богослужение в городах и многих сёлах совершалось на греческом языке. Болгарской письменности почти не существовало. Известны только некоторые труды болгар. В 1762 г. хиландарский монах Паисий, родом болгарин из Самокова, написал книгу: «История славяноболгарска о народах, и о царях, и о святых болгарских», в которой приводятся из тьмы забвения факты минувшей славы болгарского народа, как предмет, достойный памяти и подражания. Ученик Паисия, Софроний, еп. Врачанский (1815 г.), издал на новоболгарском языке: «Собрание поучений, переведенных со старославянского и греческого языка» (Кириако-дромион, Рымник, 1806 г.), которая тоже указывала на живучесть болгарской народной речи, заслужившей внимание и сочувствие своего народа (Прав. Богослов. Энциклопедия). Среди деревенских жителей еще сохранялась болгарская национальность, но вследствие забитости и притеснений со всех сторон национальное сознание у них было развито слабо.

В 19 веке христианские народности, подвластные Турции, мало-помалу, при содействии России, начали приобретать политическую и религиозную независимость. Началось движение в пользу национального возрождения, затронувшее и церковный быт. После «гатти-гумаюна» 1856 г. болгары, основываясь на нем, просили о назначении епархиальным архиереям определенного жалования, взамен тех податей и поборов, которыми их облагали архиереи-греки. Правительство передало это дело константинопольской патриархии, которая отказала болгарам в их просьбе. Не имела успеха и просьба болгар иметь им архиереев-болгар по выбору патриархии. После этого раздраженные болгары решили формально отложиться от константинопольского патриарха.

В 1860 г., 3 апреля, в первый день Пасхи, во время торжественного богослужения в церкви при болгарском подворье, депутаты и болгары, проживавшие в Константинополе, запретили еп. Илариону (из огречившихся болгар, не принявшему сторону болгарской народности), возношение при богослужении имени константинопольского патриарха. С этого времени и началась греко-болгарская распря. В самой Болгарии часть епископов из болгарских уроженцев также примкнули к национально-церковному движению. Архиереи же греки удалились из

епархий и лишились власти. Турецкое правительство отправило епископов, отложившихся от патриарха, в ссылку в Малую Азию, откуда они через некоторое время были возвращены.

Между тем переговоры и совещания между правительством, патриархией и болгарскими депутатами об устройстве церковных дел в Болгарии не прекращались. Патриархия, мечтая о возобновлении Византийской империи, желала сохранить для нее болгар, чего не могло быть при получении ими политической и религиозной самостоятельности. В 1867 г. патр. Григорий VI решился сделать важную уступку болгарам, устроив болгарский экзархат, под иерархической властью константинопольского патриарха, (куда бы вошли 13 епархий). Болгары требовали автокефального управления для всех болгарских епархий. Крайние эллинистические тенденции греческих представителей при переговорах затрудняли попытки патр. Григория, но он продолжал и дальше искать пути к примирению. Полная неудача в этом заставила его покинуть патриарший престол. Преемником его был 82-летний старец Анфим VI, который при своем избрании обещал привести к соглашению обе православные народности. Но его принудили подчиниться крайним поборникам эллинизма, не соглашавшимся на церковную независимость болгар.

Турецкое правительство решило само покончить с этим спором. В 1870 г., 27 февраля, султан издал фирман об устройстве церковных дел в Болгарии. Было предложено устроить самостоятельный экзархат для всех болгарских епархий; смешанные епархии могли к нему присоединиться, если этого пожелают две трети. Патриархия этого фирмана не приняла. Болгары же, с разрешения турецкого правительства, в 1872 г. торжественно провозгласили **независимость болгарской церкви** от константинопольского патриарха. Первым экзархом был избран виддинский митрополит Анфим, родом болгарин, но получивший греческое образование и до того состоявший в греческой партии. 2 апреля он получил от турок берат.

Патр. Анфим VI не согласился на церковную независимость болгар. Созванный им в 1878 г. собор предал **отлучению** как болгарского экзарха и епископов, так и всех имеющих с ними общение. На этом соборе, провозгласившем болгарскую «схизму», присутствовали патриархи Константинопольский, Александрийский и Антиохийский. Иерусалимский патриарх Кирилл оставил соборные заседания и отбыл в Иерусалим.

Болгарский экзархат все же организовался и в 1873 г. состоял уже из

15 митрополий, не считая епископий. Во время русско-турецкой войны болгарский экзарх Анфим был низложен турками и заточен. После окончания войны он был возвращен и занял снова свою виддинскую кафедру, скончавшись в 1889 г. Экзархом еще в 1877 г. был назначен ловчанский митрополит Иосиф. После войны Болгария получила и **политическую независимость**.

По «экзархийскому уставу» 1895 г. высшей духовной властью болгарской Церкви был Св. Синод, состоявший из экзарха и присутствующих членов. В отсутствие экзарха председательствует назначенный им заместитель из членов Синода. Членами Синода могут быть все епархиальные архиереи. Но при невозможности всем им присутствовать, они избирают только четырех.

Римская церковь намеревалась, пользуясь греко-болгарской распрей, привлечь болгар к унии. С этой целью папа учредил в Константинополе миссионерскую станцию, поручив ее монахам лазаристам (из поляков), которые должны были пользоваться всяким случаем для совращения болгар. Франция и Австрия воздействовали на турецкое правительство, убеждая поддержать унию. В 1860 г. в Болгарии была провозглашена уния, а в 1861 г. в Риме в сан архиепископа и апостольского наместника для болгар униатов был посвящен архимандрит Иосиф Сокольский, бывший игуменом Габровского монастыря. Вскоре он раскаялся и скончался в мире с православной Церковью в Киево-Печерской лавре. Уния имела наибольший успех среди болгар в Македонии, в адрианопольском вилайете и в самом Константинополе. Католики имели две епархии – софийскую, управляющуюся епископом в Пловдиве и никопольскую, в ведении рушцуцкого епископа.

После второй мировой войны, когда советская власть стала править в Болгарии, и имела влияние на восточные патриархии, константинопольский патриарх признал независимость болгарской церкви.

Церковь в сербском королевстве

Сербы, окончательно просвещенные христианством в 9-ом веке, начав государственную жизнь, образовали три великие княжества (жупанства): Собственно Сербское, Боснийское и Захолмское (Герцеговина). Православная церковь в сербском княжестве, с епископской кафедрой в г. Расе, до середины 11 века находилась в подчинении константинопольского патриарха, временами (при господстве болгар в Сербии в 10-ом веке), находясь в зависимости от болгарского архиепископа.

На сербскую церковь оказывала влияние и Римская церковь, т.к. христианство было принесено в Сербию из Рима вследствие близкорасположенной к Италии западной половины Сербии, доходившей до Адриатического моря. Сербские князья, освободившись в 1039 г. от власти греков, которые около 1019 г. обратили Сербию в свою провинцию, решительно склонились на сторону Рима, надеясь этим закрепить свое положение. Сербский великий князь Михаил (1059–84), выпросив у папы королевский венец, полностью подчинился Риму со своей церковью. Папа Григорий VII называл его в посланиях своим «возлюбленным сыном». Таким был и преемник Михаила, Константин Бодин (1084–1100). В правление этих двух князей власть папы прочно утвердилась в западной половине Сербии, где был их собственный великокняжеский удел. В 12 веке господство Римской церкви в Сербии кончилось. Великокняжеская власть перешла к удельному князю Волкану, в восточной половине Сербии, где была православная епископская кафедра (в Расе) и где православие держалось крепче. С этого времени совершился поворот сербской церкви в сторону восточной церкви.

Один из преемников Волкана, Стефан Неманья (1159–95), уничтожив в Сербии уделы и сделавшись единодержавным правителем, привел к окончательному перевесу **православной** Церкви. Отличаясь набожностью, он построил много храмов, помогал духовенству в уничтожении богомильской ереси, называвшейся в Сербии патаренской. Латинство при нем стусевалось. Преемником Неманьи был его старший сын Стефан Первовенчанный (1195–1228), но младший сын его Волкан, принявший католичество с помощью венгерского короля, подручника папы, согнал Стефана с престола, сделался сам великим князем и формально подчинил сербскую церковь папе. Это было при папе Иннокентии III в 1202 г. В 1207 г. Стефан возвратил себе сербский престол

и положил конец папской власти в сербской Церкви.

При Стефане была учреждена **независимая сербская архиепископия** и установлен более прочный порядок в церковном управлении. Первым архиепископом был другой младший сын Неманьи, **св. Савва**. Он долгое время подвизался на Афоне и затем в 1219 г. исходатайствовал у греческого императора и патриарха право для сербской Церкви иметь своего **автокефального архиепископа**. Св. Савва открыл, кроме Рашской, еще несколько епископий, где он поставлял своих учеников, пришедших с ним с Афона, и поручал им устраивать церковное управление на основании канонических правил. Св. Савва основал несколько монастырей с порядком жизни, как на Афоне. Им было основано два кафедральных монастыря – Жичский, в котором находилась его кафедра, и Ипекский (Печский). Монастырь в Печи устроил по указанию св. Саввы (1137 г.) его сподвижник и преемник св. Арсений. С 14 века эта обитель стала столицей сербских патриархов.

После св. Саввы притязания пап на главенство, хотя и не прекращались, но и не приводили к формальному подчинению Римской церкви. Сербские государи иногда по политическим соображениям манили пап обещаниями. Но, когда наступал решительный момент, они к латинству не прибегали. Так поступил Стефан Первовенчаный. Когда папа прислал венец со своим легатом, то короновал Стефана его брат, архиепископ Св. Савва, и о подчинении папе ни было и речи. Сербский король Стефан Милутин (1275–1320) запрашивался на присоединение, желая принять участие в крестовом походе, готовившемся на Западе против Византийской империи. Но затем отказался от самого принятия латинства. Даже знаменитый король Стефан Душан (1336–55) два раза обращался к папе с готовностью подчиниться, в расчетах на помощь папы в переговорах с венгерским королем, и оба раза отказался от исполнения своего намерения.

Король Стефан Душан, расширив свои владения, главным образом за счет греков, и считая себя наследником византийских императоров, задумал принять титул императора. В этом плане он в 1346 г. предложил собору сербских епископов переименовать тогдашнего ипекского архиепископа Иоанникия в патриарха с провозглашением независимости от константинопольского патриарха. Новый патриарх короновал Душана императором. Константинопольский патриарх не признал происшедшее и подверг даже отлучению Душана, сербского патриарха и всю церковь. Раскол между обеими церквями окончился только в 1375 г., когда спорные епархии, включенные в 1346 г. в сербский патриархат, были присоединены

снова к константинопольскому.

С 1375 г. Сербия сделалась данницей Турции, а в 1459 г. обращена в турецкую провинцию. Последний владетель Сербии, Лазарь, уже не из дома Неманьи, перед смертью, завещал свое государство в ленное владение папе, надеясь этим спасти его от турецкого ига. Но бояре и народ предпочли турок и не сделались латинянами. Сербское патриаршество в Ипекке (Печи) существовало еще долго.

Ипекские патриархи служили объединяющим началом для порабощенных сербов. В 1606 г. патр. Иоанн сносился с австрийским правительством об освобождении Сербии. Патр. Максим в 60-х годах 17 века не только сносился с австрийцами по тому же поводу, но и миропомазал в звание будущего сербского деспота одного из потомков последних сербских государей. Патр. Арсений Черноевич в 1688 г. обращался с просьбами к русскому правительству поднять оружие против турок и т.п. Сербь, не видя выхода, продолжали спасаться, уходя в австрийские владения. В 1691 г. патр. Арсений Черноевич ушел в Австрию с 37 тысячами сербов. То же сделал в 1738 г. и другой патриарх Арсений. Это вызвало подозрительное отношение со стороны турок к патриархам из сербов, вследствие чего на ипекскую кафедру они стали возводить греков. В 1766 году патр. Константинопольский Самуил I добился того, что турки упразднили ипекскую патриархию и все сербские епархии подчинили ему. Все епископы сербы были заменены греками. Как и в Болгарии, греки старались эллинизировать сербов.

В 1804 г. сербы восстали против турок. С помощью своих вождей, сначала **Кара-Георгия**, а после него Милоша Обреновича, и при постоянной помощи России, сербы обрели свободу и в 1817 г. провозгласили своим князем Милоша. В 1830 г., на основании Адрианопольского мира (1829 г). между Россией и Турцией, Сербия была признана **независимым княжеством**, и оставалась только в вассальной зависимости от Турции. В 1878 г., после успешной войны России с Турцией, окончилась вассальная зависимость, и Сербия стала полностью независимой. Князь ее принял титул короля.

Церковные дела сербского государства были устроены в 1832 г. Высшая власть была сосредоточена в лице **архиепископа Белградского с титулом митрополита всей Сербии**, который избирался из среды сербского духовенства князем и народом. Константинопольский IX патриарх должен был только давать свое согласие на это избрание. Посвящение митрополита совершалось собором сербских епископов. Избрание епископов было предоставлено князю и митрополиту, а

патриарху посылалось извещение об этом. Сербское правительство обязывалось за своего митрополита и епископов делать ежегодный взнос в патриаршую казну, а при новом избрании митрополита присылать патриарху денежный подарок. Митрополиту и епархиальным архиереям было назначено определенное жалование из казны. В Белграде была устроена Духовная семинария. Древний Ипек оставался тогда во владениях Турции.

Православная церковь в Боснии и Герцеговине

Сербы в Боснии приняли крещение в первой половине 7 века от римских священников. Христианство там не закрепилось. Через два века, в патриаршество Фотия, они приняли крещение от греческих священников.

До конца 10 в. Босния находилась в зависимости от сербского княжества и потому в ней господствовало православие. В 11 веке Босния оказалась в вассальной зависимости сначала от хорватов, потом от венгров, принадлежавших Римской церкви. Католичество было объявлено господствующим вероисповеданием. В конце 12 века туда проникла патаренская ересь и многие боснийцы стали патаренами. В 15 в., после завоевания Боснии турками, патарены приняли мусульманство. Ту же судьбу испытала и Герцеговина. В обеих этих странах большая часть населения была православной. Наряду с ними были и католики, еретики патарены, ставшие потом мусульманами. Православные со времен св. Саввы имели там трех митрополитов, из которых два имели кафедры в Боснии – в Сараеве и Зворнике, и один в Герцеговине – в Мостаре. Митрополиты были независимы друг от друга, подчиняясь константинопольскому патриарху. В Рельеве существовала духовная семинария. Со времени австрийской оккупации, вследствие наплыва католиков колонистов, там усилилось католичество.

С занятием Боснии и Герцеговины австрийцами, на основании Берлинского конгресса 1878 г., велась усиленная латинская пропаганда. Были открыты три католические кафедры. Усиленно работали монахи-миссионеры, преимущественно иезуиты.

Православная церковь в Черногории

Черногорское княжество до второй половины 14 века составляло часть сербского государства, под названием Диоклеи или Зеты. В 14 в., с распадом сербского государства после Стефана Душана, Зета отпала от Сербии. В середине 15 века выдвинулось боярское семейство Юрашичей, представитель которого Стефан Черноевич считается основателем княжества. Его сын и преемник, Иван Черноевич, перенес в 1485 г. кафедру митрополита в главный город своего владения Цетинье. Турки, несмотря на постоянные нападения на Черногорию, завоевать её полностью не смогли. В течение 16 и 17 веков черногорцы только по временам бывали в зависимости от турок. В конце же 17 в., выбрав на соборе в Цетинье (1696 г.) своим вождем и митрополитом **Даниила Петровича Негоша**, они под его предводительством одержали верх над турками и стали совершенно независимыми. С этого времени Черногорией управляли митрополиты, соединяя духовную и гражданскую власть. В 1857 г. гражданская власть была отделена. Племянник последнего владыки-митрополита Петра Петровича (1830–51), Даниил Петрович, избранный его преемником, получил от народного собрания согласие на такое отделение и был провозглашен князем Черногории под именем Даниила I. Епископом Черногории, которому впоследствии был присвоен титул митрополита, был поставлен архимандрит Никанор. В 1860 г. Даниилу наследовал его племянник, князь Николай, долго правивший и находившийся в очень близких отношениях с Россией. Его дочери Анастасия и Милица воспитывались в России – в Смольном институте и были потом супругами великих князей Николая и Петра Николаевичей, внуков имп. Николая I.

Черногорские **митрополиты** стали совершенно независимыми как от сербского патриарха в Ипекке, так впоследствии (18 в.) и от константинопольского. Из митрополитов особенно замечателен Иларион (1863–84), обращавший особое внимание на просвещение духовенства. Он установил правило посвящать в духовный сан только лиц, закончивших главную школу в Цетинье, основанную им же. Черногорская церковь находилась в особенно тесной связи с русской, и её митрополиты последнего времени принимали рукоположение от иерархов русской Церкви.

В Черногории была сначала одна кафедра, митрополичья. С 1878 г., после присоединения к ней нескольких округов из Герцеговины,

открылась другая кафедра, под древним названием захлумской и раской.

Православная церковь в Австро-Венгрии

Православные сербы издавна жили в Далмации, входившей в состав австро-венгерских владений. Большинство же сербов, живших в Австро-Венгрии, были беженцы, спасавшиеся от турок. Переселенцы создавали свои епархии, которые сначала находились в зависимости от сербского патриарха в Ипекке. С переселением же в 1691 г. в австрийские владения ипекского патриарха Арсения Черноевича со многими сербами, они основали самостоятельную и независимую православную сербо-австрийскую церковь, во главе со своим митрополитом. Первым митрополитом был у них Арсений Черноевич, носивший и титул патриарха (1706 г.).

Митрополичья кафедра пребывала в разных местах, а в 30-х г. 18 века устроилась в **Сремских Карловцах**. В 1848 г., во время венгерского восстания против Австрии, сербы, с согласия австрийского правительства, провозгласили своего митрополита патриархом, но потом это же правительство отказало ему в этом титуле. Избрание митрополита и обсуждение важных церковных и народных дел принадлежало церковно-народному конгрессу или собору из депутатов от духовенства и народа. Собор собирался один раз в три года с разрешения правительства и в присутствии его чиновника. Имелись отдельные епархии. Совращений в католичество или унию было сравнительно мало.

Далматинские сербы долгое время находились под властью Венецианской республики, вследствие чего многие из них приняли католичество. Православные не имели права иметь своего епископа и потому в церковных делах обращались к епископам сербским и босно-герцеговинским. Только в 1808 г., когда Далмация попала во владение французов, православные получили разрешение учредить у себя епископскую кафедру, которая была открыта в 1810 г. В 1815 г. Далмация на венском конгрессе была отдана **Австрии** и ее епархия была подчинена **карловацкому** митрополиту. Епископ сначала пребывал в г. Шибеник, а с 1841 г. в г. Катарро, по просьбе местного населения. В 1873 г. обе кафедры были подчинены митрополиту **Буковинскому**. В Заре была высшая богословская семинария. Известен был епископ Зарский Никодим Милаш (с 1809 г.), магистр киевской академии; его капитальный труд «Курс православного церковного права» переведен на русский язык.

Буковина, прилежащая к юго-зап. границам России, до 1775 г. входила в состав **Молдавии**, находившейся в зависимости от Турции. В

том же году она была присоединена к **Австрии**. Православное население состоит из русских, но больше из румын. Еще с начала 15 в. православные имели отдельного епископа с кафедрой в местечке Радовце, зависевшей от молдавских митрополитов. Епископы назывались Радовецкими.

С 1783 г. буковинская епископия была подчинена митрополиту Карловацкому, а кафедра в 1784 г. перенесена в главный город Черновцы. Зависимость епископов от карловацких митрополитов была только формальная, и в церковных делах они были самостоятельны.

В 1873 г. австро-венгерское правительство для православного населения Цислейтанской половины Австрии образовало самостоятельную митрополию и в степень митрополии возвело и буковинскую епископию. Митрополиты стали автокефальными и им были даже подчинены две епископские кафедры в Далмации.

В Черновцах для желающих принять сан существовал богословский институт, при котором имелся пансион, называемый семинарией. Богослужения в русских приходах совершались на славянском языке, в румынских – на румынском, а в смешанных – на том и на другом языках: на одном клиросе читали и пели по-славянски, а на другом – по румынски.

В Буковине существовало много монастырей. Но австрийское правительство оставило из них только три, в том числе и монастырь Драгомина, в котором во второй половине 18 в. подвизался Паисий Величковский, прославившийся своей благочестивой жизнью и своими переводами святоотеческих творений на славянский язык.

После первой мировой войны Сербия значительно расширилась. В состав нового королевства **Сербов, Хорватов и Словенцев**, позднее названное **Югославией**, во главе которой стояли короли Петр, Александр и позднее Петр II Карагеоргиевичи, – вошли **Босния, Герцеговина, Черногория и Далмация**. Назрела необходимость объединения всех под одной церковной властью, которая окормляла и потомков бывших сербских переселенцев, оказавшихся теперь снова в своем отечестве.

С 1919 г., с позволения константинопольского патриарха, образовалась самостоятельная **сербская Церковь**. Первым патриархом был избран выдающийся иеромонах сербский Димитрий (ум. 1928 г.). Преемником его стал в 1930 г. митрополит Сараевский **Варнава**, ранее живший и учившийся в России и горячо ее любивший. После его кончины в 1937 г., патриархом был избран митрополит Черногорский Гавриил. Патриархи пребывали в Белграде и Сремских Корловцах, где имелось прежнее здание патриархии. В Белграде новую патриархию воздвиг патр. Варнава. Настолование патриархов происходило в древнем Печском мон.

С 1919 г. **Буковина** вошла в состав румынского королевства. Румыния получила от константинопольского патриарха самостоятельность. Первым патриархом был избран Мирон, в наставлении которого в Бухаресте в 1925 г. принял участие председатель Архиерейского Синода, митрополит **Антоний** Храповицкий.

Содержание

История Церкви Николай Дмитриевич Тальберг	1
Часть 1	2
Апостольский век	3
Условия, благоприятствовавшие распространению Церкви	4
Первые десятилетия после вознесения Господня	11
Апостольский собор в Иерусалиме	14
Дальнейшие труды ап. Павла	15
Труды ап. Петра и прочих апостолов	18
Первые три века	22
Распространение Церкви в первые два века христианства	26
Гонение на церковь со стороны иудеев	28
Гонения со стороны язычников	29
Гонения на христиан со стороны императоров	30
Святые мученики	38
Св. Игнатий, епископ Антиохийский	46
Св. Поликарп, епископ Смирнский	47
Св. Иустин Философ	49
Св. Киприан, епископ Карфагенский	50
Св. Сикст и св. архидиакон Лаврентий	52
Св. мученицы София, Вера, Надежда и Любовь	53
Св. великомученица Анастасия Узорешительница	54
Великомученица Екатерина и царица Августа	55
Св. великомученица Варвара и св. великомученица Иулиания	57
Эдикт Константина Великого	59
Ранняя христианская письменность. Лжеучения	61
Нападения на христиан со стороны ученых и философов	63
Христианские апологеты	65
Источники вероучения Церкви	68
Канон Св. Книг и Св. Предание	70
Краткое изложение церковного учения в символах	72
Частные догматы, раскрывавшиеся св. церковью	74
Происхождение ересей и лжеучений	77
Еретики иудействующие	78
Гностицизм	81
Манихейство	86

Ересь Антитринитариев	89
Монтанизм	92
Хилиазм	95
Мужи апостольские	97
Богословская Наука после Апостольского времени	100
Школа малоазийская	101
Школа северо-африканская	102
Школа Александрийская	104
Школа Антиохийская	109
Церковная жизнь	110
Устройство и управление Церкви	111
Церковные должности	115
Избрание и посвящение духовных лиц	116
Положение клира в первые века	118
Взаимоотношения поместных церквей	121
Споры о праздновании Пасхи	123
Совершение таинств	126
Споры о крещении еретиков	132
Церковная дисциплина. Расколы	133
Чистота жизни христиан первых веков	137
Христианские обычаи	142
Эпоха Константина Великого и его преемников	143
Положение Церкви при Константине Великом	144
Церковь при Юлиане Отступнике	148
Церковь при последующих императорах	152
Распространение церкви вне пределов империи	155
В Европе	160
Усилия защитить падающее язычество	171
Бедствия Церкви	173
Эпоха Вселенских Соборов	177
Общий взгляд на характер ересей 4–8 веков	181
Первый Вселенский Собор	182
Второй Вселенский Собор	190
Третий Вселенский Собор	191
История несторианства после собора	199
Четвертый Вселенский Собор	201
Монофизитская ересь после собора	205

Пятый Вселенский собор	209
Упорство монофизитов и их секты	212
Шестой Вселенский собор	214
Иконоборческая ересь и Седьмой Вселенский Собор	219
Продолжение иконоборческой ереси	225
Filioque	228
Евхиты (мессалиане)	230
Ересь павликиан	232
Духовное просвещение 4–10 веков	235
Духовное просвещение во второй период	238
Богословские школы на Востоке в 4 и 5 веках	239
Школа ново-Александрийская	240
Антиохийская школа	248
Школа Восточно-Сирийская (Эдесско-Низибийская)	252
Великие Святители Восточной Церкви	254
Духовное просвещение на Западе в 4 и 5 веках	257
Духовное просвещение в 6–8 веках	262
Духовное просвещение на Востоке в 9 и 10 веках	269
Духовное просвещение на Западе в 9 и 10 веках	273
Церковное управление	276
Отношения между Церковью и государством в 4–11 веках	279
Церковная иерархия	285
Увеличение церковных должностей	289
Церковное управление	291
Возвышение константинопольского патриарха	296
Вселенское управление и церковное законодательство	299
Папские притязания на главенство в церкви	302
Богослужение и Монашество	309
Места общественного богослужения	316
Богослужebные времена, праздники и посты	317
Богослужebные действия и обряды	319
Покаянная дисциплина и раскол донатистов	322
Христианская жизнь вообще	325
Монашеская жизнь на Востоке	327
Часть 2	334
Церковь на Западе	335
Особенности богослужения в западной церкви	336
Монашество на Западе	338

монашество на Западе	330
Христианская жизнь в западной церкви в 9–10 вв.	340
Отпадение Церкви на Западе	343
Причины, подготовившие разделение церквей	346
Начало разделения	348
Окончательное разделение церквей 11-м веке	353
Сокращение пределов греко-восточной церкви	356
Попытки к соединению церквей	363
Положение Церкви на Востоке	371
Патриаршее управление	379
Отношение императоров к патриархам	381
Имущества церквей, содержание духовенства	384
Состояние просвещения при Комнинах и Палеологах	386
Церковные писатели в веке Комнинов	387
Писатели в век Палеологов	390
Ересь богомильская	392
Споры варлаамитов и паламитов	396
Состояние Богослужения	398
Состояние христианской жизни	400
Римо-католическая церковь	403
Миссионерская деятельность латинян	406
Папство и монашество	407
Борьба пап с государями	412
Упадок папского могущества	415
Попытки ограничения папской власти	419
Западное монашество в 10–11 веках. Монашеские ордена	423
«Систерсийский или бернардинский орден»	424
«Орден кармелитов»	425
«Францисканский орден»	426
«Доминиканский орден»	427
Духовно-рыцарские ордена	429
Богослужebные новшества в Римо-католической церкви	431
Религиозная жизнь в римо-католической церкви	433
Ереси и секты на Западе	437
Богословские направления на Западе	441
Новые догматы в Римской церкви	444
Секты в Римской церкви в 11–15 веках	447
Реформация	450

Общее недовольство Римской церковью	453
Виклеф	454
Иоанн Гусс	456
Савонарола	460
Реформаторские движения в Германии. Лютеранство	465
Дальнейшая история реформации в Германии	469
Распространение лютеранства в Европе	472
Реформация в Швейцарии	474
Ульрих Цвингли	476
Кальвин	478
Распространение кальвинизма	480
Франция	482
Нидерланды	484
Шотландия	486
Протестантские секты до Вестфальского мира	487
Англиканская церковь	490
Римская церковь в борьбе с протестантством	494
Тридентский собор	498
Орден иезуитов	502
Другие католические ордена	507
Состояние протестантских обществ	508
Отношения между католиками и протестантами	509
Протестантские миссии среди язычников и Библейские общества	511
Разъединение в протестантских обществах	512
Новые протестантские секты	515
Православный Восток	520
Внешнее состояние церкви под турецким игом	521
Отношение турецкого правительства к Церкви в 19 веке	527
Борьба греков за независимость	530
Основание самостоятельной эллинской церкви	533
Участие России в судьбе восточных христиан	536
Иерархия и церковное управление	540
Борьба за патриарший титул	542
Замечательные патриархи до Самуила I	544
Патриарх Самуил I и его реформы	548
Иерархия после патриарха Самуила I	550
Позднейшее состояние Константинопольской Церкви	552

Позднейшее состояние константинопольской церкви	552
Остальные восточные патриархии	554
Духовное просвещение	559
Ограждение православия от протестантизма	563
Церковная политика Римо-католицизма	565
Ограждение православных от латинской пропаганды	567
Попытки латинян к завладению св. местами в Палестине	571
Новые попытки пап в пользу унии	573
Взаимоотношения папства и католических государств	575
Религиозные направления в Римской церкви	581
Новые догматы в Римской церкви	587
Старокатолики	590
Православные Церкви	593
Попытки англиканской церкви к соединению с православной	596
Соборы, ограждавшие православие от латинян и протестантов	598
Известные писатели греко-восточной Церкви	600
Состояние богослужения	603
Состояние христианской жизни	606
Болгарская церковь	608
Церковь в сербском королевстве	614
Православная церковь в Боснии и Герцеговине	618
Православная церковь в Черногории	619
Православная церковь в Австро-Венгрии	621